

АЛЬБЕРТ ВЕРБЕЦ

Из ночи в ночь

Драматические
произведения

2014 г.

УДК
ББК
В

В **Вербец Альберт**
Из ночи в ночь. Драматические произведения. — Никола-
ев: Издатель Ирина Гудым, 2014. — 504 с.: ил.

ISBN

УДК
ББК

© Вербец А.В. 2014
© Николаева Л.В. 2014
© Видавецъ Ирина Гудим, 2014

ISBN

Драмаж «Летучего Голландца»

Трагикомедия в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛИМОВ
ЛЕНА
КОЗЛОВСКИЙ
РЫБОНЬКА
ВОЙТЮК
ЧИЧКО
ВЕЛЬТМАН
ВЕРА
ДЯДЯ ЮРА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Климовых. Гостиная, спальня, кухня. Видна входная дверь с небольшим коридорчиком. У хозяйки дома Лены Климовой день рождения. Квартира празднично убрана. Повсюду шуточные надписи: «Красивую, милую, страстную — мы любим Елену Прекрасную», «В горниле счастья и труда сияет пусть твоя звезда!», «Уголок забвения и нелогичной аргументации»... В гостиной возле почти накрытого стола томятся без дела Климов и Войтюк. На кухне хлопочут Леночка и Чичко. Идут последние приготовления к торжеству.

КЛИМОВ. Давайте перекусим, Семен Данилович, пока все соберутся?

ВОЙТЮК. Неудобно.

КЛИМОВ. Пустяки!

ВОЙТЮК. И потом, я пообедал.

КЛИМОВ. Я же вас не обедать приглашаю. Так — по чуть-чуть.

ВОЙТЮК. Нет, нет! Спасибо. У меня в последнее время совсем пропал аппетит.

КЛИМОВ. Вы как хотите, а я, пожалуй, перехвачу чего-нибудь. Закрутился сегодня с этим днем рождения — даже не позавтракал. *(Берет со стола ломтик колбасы, хлеб.)*

ВОЙТЮК. Вы извините, что мы вот так, без приглашения. Сидишь, сидишь дома в четырех стенах... Иногда просто волком завывать хочется.

КЛИМОВ. Да что вы, Семен Данилович! На день рождения не приглашают. Кто хочет, тот и приходит. К тому же в институте ходили слухи, что вы будете заведомом. Больше вроде бы некому было. А приглашать начальство на семейные праздники как-то неудобно...

ВОЙТЮК. Некому было? Что, теперь появилась еще кандидатура?

КЛИМОВ. Вы разве не в курсе? Генке Таня, секретарша Почикаева, звонила. Сегодня на совещании кандидатуру Козловского вроде бы утвердили. Это пока еще не официально, конечно, но Таня зря не станет звонить.

ВОЙТЮК. Позвольте... Не понимаю...

КЛИМОВ. Генка — заведомом! Каково, а? Давайте еще по бутерброду?

ВОЙТЮК. Ешьте, ешьте...

Климов берет еще один бутерброд.

КЛИМОВ. Если б мне неделю назад сказали, что Генка будет моим начальником... Вместе учились, ничего особенного в смысле... *(Показывает на голову.)* И вдруг...

ВОЙТЮК. Когда же успели переиграть? Еще вчера меня вызывали...

КЛИМОВ. Взвесили, прикинули... Он, конечно, парень хваткий. Такой не пропадет.

ВОЙТЮК. Так, так...

ЛЕНА *(из кухни)*. Леша, иди открой, пожалуйста, зеленый горошек.

КЛИМОВ. Иду... *(Войтюку.)* Простите. *(Идет в кухню.)* Где он?

ЛЕНА. Вот. *(Подает ему банку.)*

КЛИМОВ. Почему-то Генки с Рыбонькой долго нет.

ЛЕНА. Сейчас придут.

КЛИМОВ. Он, как девица красная, всегда опаздывает.

ЧИЧКО. Опять женщины виноваты! Я, например, всегда стараюсь быть точной. И никогда не понимала девиц, которые опаздывают на свидания.

КЛИМОВ. А я понимал.

ЛЕНА. Да, уж ты — конечно. *(Чичко.)* Я всегда опаздывала. Специально. Иногда даже приду на свидание пораньше, спрячусь и наблюдаю. Знаете, как интересно?

ЧИЧКО. Смешная ты, Леночка.

КЛИМОВ *(открыл банку)*. Вот и все.

ЛЕНА *(мужу)*. Включи магнитофон.

КЛИМОВ. Сейчас. *(Идет в спальню к магнитофону.)*

ЧИЧКО. Леночка, я, конечно, не вправе тебя учить, но ты ведешь себя, как девочка.

ЛЕНА. Это же прекрасно, Валентина Ивановна, в двадцать семь лет оставаться девочкой.

ЧИЧКО. Ты понимаешь, о чем я говорю.

ЛЕНА. Не понимаю.

ЧИЧКО. Если бы я только одна, — весь институт об этом говорит.

ЛЕНА. Ой, Валентина Ивановна, глупости все это! Мало ли что говорят у нас в институте!

ЧИЧКО. Смотри сама, Лена. Сереже отца никто не заменит.

ЛЕНА. Валентина Ивановна, солнышко. Я вас очень люблю, но... Не надо.

ЧИЧКО. Леночка, наверное, я просто старая дура. Намаялась за свою жизнь, вот и... Прости меня.

ЛЕНА. Ну что вы?... Я понимаю... Надо к Сереже сходить. Посмотреть, как он там.

ЧИЧКО. Спит он уже, наверное. Только разбудишь своим звонком.

ЛЕНА. У меня ключ есть. *(Идет к двери.)*

КЛИМОВ *(из спальни)*. Лена, ты куда?

ЛЕНА. К дяде Юре. На Сережку посмотрю. *(Уходит.)*

ВОЙТЮК *(выходит в кухню)*. Ты слышала? Козловского назначают заведомом — это вместо меня!

ЧИЧКО. Кто тебе сказал?

ВОЙТЮК. Климов говорит, что Таня сегодня звонила Козловскому, поздравляла.

ЧИЧКО. С чем?

ВОЙТЮК. С назначением.

ЧИЧКО. Сплетница твоя Таня. Позавчера тебя поздравляла, сегодня — Козловского...

ВОЙТЮК. Сегодня совещание у Почикаева было. Там вроде бы решили.

ЧИЧКО. Не слушай ты никого. Тебе ведь сам Почикаев намекал. И Елизаров вчера звонил. Что ты взвился-то?

ВОЙТЮК. Тоже мне — нашли руководителя! Работает всего каких-то четыре года, а уже... Делец!

ЧИЧКО. Успокойся. Завтра все выясним.

ВОЙТЮК. И так все ясно. Простить мне не могут, что я воздержался тогда на собрании... *(Касается рукой щеки.)* Даже зубы заболели.

ЧИЧКО. На каком собрании?

ВОЙТЮК. Ну, когда убирали Теплякова. И надо мне было связываться!..

ЧИЧКО. А ты почаще воздерживайся.

ВОЙТЮК. Правильно! Учить дурака нужно, учить. Мало меня жизнь трепала, так нет — полез, совесть заговорила. Теперь расхлебывай!

ЧИЧКО. Ты как маленький. Три года прошло. Забыли уже об этом.

ВОЙТЮК. Они забудут, жди.

ЧИЧКО. Кому ты нужен? Подумаешь — воздержался.

ВОЙТЮК. Ты не понимаешь. Это дело такое... А, ладно! Пойдем домой.

ЧИЧКО. Лучше ничего не придумаешь?

ВОЙТЮК. Не хочу я тут сидеть с этим... Еще вообразит... Пошли. *(Идет к вешалке.)*

ЧИЧКО. Никуда я не пойду. И тебя не пущу.

КЛИМОВ *(входя в прихожую)*. Куда вы, Семен Данилович?

ВОЙТЮК. Домой.

ЛЕНА *(входит)*. Что вы тут столпились?

КЛИМОВ. Да вот, Семен Данилович собрался уходить.

ЛЕНА. Куда?

ВОЙТЮК. Домой. Неудобно нам.

ЛЕНА. Так нельзя, Семен Данилович. Только пришли... Я вас не отпущу.

ВОЙТЮК. Извините нас, Леночка, но нам, право, несколько затруднительно пировать с начальством. Это не в моих правилах.

ЛЕНА. Какое начальство?

ВОЙТЮК. Собираясь к вам, мы не знали, что Геннадия Моисеевича назначают...

ЛЕНА. Его еще не назначили. Еще, может быть, вас назначат.

ВОЙТЮК. Не шутите, Леночка.

ЛЕНА. Я не шучу. Пока это только разговор вокруг назначения. И, в конце концов, какое это имеет значение?

ВОЙТЮК. А-а-а... Это как посмотреть. Явились без приглашения. Из меркантильных соображений. Знаете, как у нас подадут?

КЛИМОВ. К нам ведь, а не к Генке.

ВОЙТЮК. Козловский — ваш старый друг. День рождения, вино — есть возможность побеседовать с ним, так сказать, накоротке...

ЛЕНА. Чепуха какая!

ВОЙТЮК. Возможно. Но я не хочу никому давать повода говорить обо мне в таком духе.

ЛЕНА. Не надо никого бояться.

ВОЙТЮК. Я не боюсь. Но я терпеть не могу этих... тихих деловых разговоров.

КЛИМОВ. Да не слушайте вы никого. Пусть треплются. Пойдемте в комнату.

Все проходят в гостиную.

ЛЕНА. Садитесь и ничего не выдумывайте.

ВОЙТЮК. Вы не знаете жизни, Лена. Люди сейчас... Ну хоть бы капельку подобрали друг к другу. А то ведь слова в простоте нельзя сказать. Улыбнутся, поддадут и тут же на заметочку возьмут. Перевернут, переврут...

КЛИМОВ. Надо поменьше внимания на это обращать.

ВОЙТЮК. Пробовал, да что толку. К людям — с открытой душой, они же... Да что там далеко ходить! Сами говорите: все думали — я буду заведомо. Все к этому шло. Так нет! Кто-то где-то замолвил словечко, будьте уверены. И вот так всю жизнь.

Звонок в дверь.

ЛЕНА. Наконец-то!

Лена и Климов идут открывать дверь.

ВОЙТЮК. Вот и начальство явилось! Новоиспеченное.

ЧИЧКО. Сеня, это ведь еще не точно. И, пожалуйста, никаких сцен.

Лена открывает дверь. Входят Козловский с женой. Цветы, подарки, поцелуи.

КОЗЛОВСКИЙ. Ленка, разве можно так? Слепила!

ЛЕНА. Опять издеваешься?

КОЗЛОВСКИЙ. Рыбонька тебе этого не простит.

РЫБОНЬКА. Сегодня ее день. Она обязана быть первой.

КОЗЛОВСКИЙ. Лена, ты прелесть сегодня!

ЛЕНА. Только сегодня?

РЫБОНЬКА. Мы тебя поздравляем.

ЛЕНА. Спасибо!

РЫБОНЬКА. Кстати, по-старославянски «прелесть» — очень неприличное слово.

КОЗЛОВСКИЙ. Какое?

РЫБОНЬКА. неприлично говорить. Но ты, Леночка, прелесть в лучшем смысле этого слова.

КЛИМОВ. Пойдемте в гостиную.

РЫБОНЬКА. Дайте мне привести себя в порядок. *(Идет в ванную.)*

КОЗЛОВСКИЙ. Надеюсь, не пройдет и часа, как ты будешь в порядке?

РЫБОНЬКА *(из ванной)*. Не надейся.

Лена, Климов и Козловский проходят в гостиную.

КЛИМОВ. По-моему, теперь можно садиться за стол.

КОЗЛОВСКИЙ. Семен Данилович тоже здесь? *(Чичко.)* И вы? Очень приятно. Каким ветром?

ВОЙТЮК. Видите ли, Геннадий Моисеевич...

ЛЕНА. Я их пригласила, а что?
 КОЗЛОВСКИЙ. Да нет, я рад.
 ВОЙТЮК. Мне думается, у нас с Геннадием Моисеевичем всегда были самые теплые отношения.
 КОЗЛОВСКИЙ. Я в последнее время стал частенько задумываться над проблемой практического использования тепла дружеских сердец. Сколько энергии пропадает!
 ЛЕНА. Шутки Цезаря можно записывать?
 КОЗЛОВСКИЙ. Не можно, а нужно. Только если уже записывать, то золотом. И на мраморе.
 КЛИМОВ. На такие шутки золота не напасешься.
 КОЗЛОВСКИЙ. А ты по сусекам, по сусекам поскреби... Да, мне никто не звонил?
 ЛЕНА. Нет. Еще не звонили.
 РЫБОНЬКА *(появляясь)*. Можно начинать.
 ЛЕНА. Садитесь, кто где хочет.

Рассаживаются.

ЧИЧКО *(Рыбоньке)*. Батюшки, какая роскошь!
 РЫБОНЬКА *(поправляя платье)*. Это парча. Как будто из алмазов сшито, правда?
 КОЗЛОВСКИЙ. Рыбоньку, пожалуйста, за отдельный стол. Чтобы никто не поцарапался.
 РЫБОНЬКА. Оно совсем не царапается. Погладь.
 КОЗЛОВСКИЙ. Я успею.
 РЫБОНЬКА. Я хочу, чтобы ты меня погладил.
 КОЗЛОВСКИЙ. Рыбонька, что с тобой? «Или я тебя не холю»?
 РЫБОНЬКА. Погладь.
 КОЗЛОВСКИЙ. Пожалуйста. *(Гладит жену.)*
 ЛЕНА. Мужчины, разливайте! Леша!
 КЛИМОВ. Да, да... Сейчас!
 ВОЙТЮК. Можно, шампанское я открою?
 КЛИМОВ. Пожалуйста, Семен Данилович.
 ВОЙТЮК. Говорят, это целая наука. Я решил овладеть. *(Открывает.)*

Пробка и часть содержимого бутылки бьет в потолок.

РЫБОНЬКА *(отряхиваясь)*. О господи!
 ВОЙТЮК. Это к счастью.
 КОЗЛОВСКИЙ. Возможно, но, говорят, лучше бить посуду. *(Разливает шампанское.)* У меня тост. *(Звонок.)* Это ко мне!.. *(Идет открывать.)*
 Кто бы это так вовремя?

Лена открывает дверь. Врываются Вельтман с цветами и коньяком и Вера с гитарой. Обнимают Лену, дарят цветы и, не раздеваясь, проходят в гостиную.

ЛЕНА. Да вы разденьтесь сначала.

ВЕЛЬТМАН. Спокойно! *(Ставит на стол бутылку коньяка.)* Быстро бокалы! *(Настраивает гитару.)* У нас тост!
 КОЗЛОВСКИЙ. Какой нюх! С таким божьим даром можно не работать.
 ВЕРА. А мы работаем только для удовольствия.
 ВЕЛЬТМАН. За ради удовольствия видеть вас, Геннадий Моисеевич.
 КОЗЛОВСКИЙ. Особенно Вера?
 ВЕЛЬТМАН. Вы разве не замечали? Она души в вас не чаёт. Не красней, не красней, Вера, здесь все свои.
 ВЕРА. Я не краснею.
 РЫБОНЬКА. Это от мороза.
 ВЕЛЬТМАН. От мороза люди белеют, Римма Ксенофоновна. Это от любви.
 ВЕРА. Никого я не люблю.
 ВЕЛЬТМАН. А надо бы. Начальство надо любить.
 ВЕРА. Я его уважаю.
 КОЗЛОВСКИЙ. Как человека или как специалиста?
 ВЕРА. Как личность.
 КОЗЛОВСКИЙ. Спасибо, Вера. За мной не пропадет.
 РЫБОНЬКА. Придется на обед ее приглашать.
 ВЕЛЬТМАН. Она на диете, к сожалению.
 ВЕРА. На какой диете?
 ВЕЛЬТМАН. Нет? Извини.
 КОЗЛОВСКИЙ. Тогда нужно пригласить.
 ВЕРА. Да что вы, на самом деле?!
 ВЕЛЬТМАН. Спокойно, Вера. Вдохни поглубже. И!.. *(Увидел плакат.)* Прекрасно! Это будет эпиграфом. Итак: «Красивую, милую, страстную – мы любим Елену Прекрасную». *(Берет аккорд и вместе с Верой поет.)*

У девочки Лены
 Праздничные стены,
 На столе закуски
 И друзей круг узкий.

Лена при наряде,
 А вокруг все рады, –
 Это, без сомненья,
 День ее рожденья!

Властвуй же над нами
 Синими глазами.
 Очаруй сознание
 Милым обаяньем.

Верное оружие –
 Брови-полудужья.
 И в придачу средство –
 Женское кокетство!

И еще событие:
Мы ведь монолитней.
Шеф у нас сменился.
Новый появился.

Поскорее находи к подчиненным дверцу,
Но глазами не гляди – зорко только сердце!

Стынет в рюмке водка.
И взирает робко
На спиритус вина
Трезвенник наш Климов.

Нечего стесняться,
Букой притворяться, –
Пей вино хмельное.
Праздник!..
Нынче! Вдвое!

Аплодисменты.

РЫБОНЬКА. Хорошо! Честное слово, молодцы!

ВОЙТЮК. Это же надо...

ЛЕНА. Спасибо, ребята.

ВЕЛЬТМАН. Пожалуйста... Выпьем? *(Наливает себе и Вере.)*

ВЕРА. Мне немножко.

ВЕЛЬТМАН. Только давай без... этого.

ВЕРА. Нет, я выпью, выпью...

ЧИЧКО. За тебя, Леночка. *(Все ньют.)*

ВЕЛЬТМАН. Вот так. А теперь можно и раздеться.

Вельтман и Вера снимают пальто в прихожей.

ЧИЧКО. Я бы на вашем месте переписала слова и подарила их имениннице.

РЫБОНЬКА. А мы все подпишемся.

КОЗЛОВСКИЙ. Только не рано ли меня воспевать стали? Еще сгладите.

КЛИМОВ. Почему ты думаешь, что это тебя?

КОЗЛОВСКИЙ. Как?

КЛИМОВ. Может быть, это относится к Семену Даниловичу.

КОЗЛОВСКИЙ. Все может быть. Поторопились барды.

ВЕРА. Поэт обязан опережать время.

ВОЙТЮК. Только не придворный. А то ведь и до беды недалеко.

ВЕЛЬТМАН. А мы не боимся. Кормильца и надежу денно и ночью воспевать будем, живота своего не щадя.

ВОЙТЮК. С условием, что живот будет наполнен?

ВЕЛЬТМАН. Логично. Кстати, вот и закуска. Наполним животы, Семен Данилович?

ВОЙТЮК. Нет уж, спасибо. За доброту, за ласку...

КОЗЛОВСКИЙ *(одной Вере)*. Вера, ты ведь рядом с Таней живешь?

ВЕРА. С секретаршей? Да.

КОЗЛОВСКИЙ. Ты после работы ее не встречала?

ВЕРА. Нет. Она на совещании стенографирует.

КОЗЛОВСКИЙ. Что они там так долго сидят?

ВОЙТЮК. Мы, пожалуй, пойдем. *(Встаем.)*

ЛЕНА. Семен Данилович!

ВОЙТЮК. Леночка, нам пора. Поздравили, пора и честь знать.

ЛЕНА. Нет, нет. Никуда вы не пойдете.

ВОЙТЮК. Мы, старики, для песен уже устарели. Только стеснять вас будем. Веселитесь без нас.

ВЕРА. Вы на нас обиделись?

КОЗЛОВСКИЙ. На них грешно сердиться, Семен Данилович. Это еще лаборанты. Научились зубоскалить и думают, что уже все постигли. Мудрецы. Будьте к ним снисходительны. Мудрецы в таком возрасте на все смотрят свысока. И чем глупее, тем выше. Переломный возраст.

ЛЕНА. Садитесь, Семен Данилович.

Войтук садится.

Давайте я за вами поухаживаю. Что вам положить?

ВОЙТЮК. Леночка, я не ребенок.

ВЕЛЬТМАН. Откуда вы взяли, что мы о Геннадии Моисеевиче пели? У нас там ничего конкретного. Дайте гитару.

ЛЕНА. Никаких гитар.

КОЗЛОВСКИЙ. Проехали. *(Встаем.)* Давайте так договоримся: сегодня никакого начальства и никаких подчиненных. Никаких чинов. Будем уважать друг в друге только человек.

ЧИЧКО. Уважать друг друга нужно не только сегодня.

КОЗЛОВСКИЙ *(Чичко)*. Я вас уважаю. *(Войтюку, шутиливо.)* А ты меня уважаешь?

ВОЙТЮК *(улыбаясь)*. Вы же знаете, как я к вам отношусь.

КОЗЛОВСКИЙ. И я к вам отношусь так же прекрасно.

ВОЙТЮК. Спасибо.

КОЗЛОВСКИЙ. Ну вот. Давайте в таком разе почеломкаемся.

ВОЙТЮК. Зачем же?

КОЗЛОВСКИЙ. Семен Данилович, обижаете.

ВОЙТЮК. Нет, я, в принципе, не против...

Целуются через стол.

КОЗЛОВСКИЙ. Как положено.

Целуются.

По русскому обычаю.

Целуются.

Вот так...

ВЕРА. Я предлагаю тост за Семена Даниловича. Прекрасного инженера и очень хорошего человека.

ВСЕ. Ура-а-а!..

ВОЙТЮК. Зачем так?.. Я ничуть не лучше других...

ЧИЧКО. Не прибедряйся, Сеня. Мне лучше знать. Спасибо вам, ребята. *(Пьет.)*

За ней пьют все.

ЛЕНА. Вот и хорошо. Закусывайте, а то опьянеете.

ВЕЛЬТМАН. Я, когда сегодня в институте узнал про заседание, сразу к Тане. Она сама ничего не знает...

ЛЕНА. Давайте не говорить о работе. Надоело. И так каждый день работа, работа... Сегодня мой день рождения!

ЧИЧКО. Леночка, милая моя... Сегодня твой день рождения. Конечно. А праздник и у меня тоже... Вы еще не понимаете. Вы все такие молодые. Вам легко. Легко жить, легко принимать радости, беды. И вы, как бы вам сказать... Не равнодушны, нет, а... Не знаю, как сказать, чтобы вас не обидеть нечаянно. Понимаете... Вы легко прощаете — это хорошо. Но зачем же походя обижать? Мы, старые люди, очень мнительны, ранимы... Я не говорю ни о ком конкретно, избави бог, да и вообще, может быть, ерунду говорю, но очень хочется на старости лет внимания. Пусть мы его и не все очень заслужили. Пусть вам кажется, что и недостойны мы его вовсе. Но что вам стоит? Будьте помилосерднее к нам. Ведь... Если бы нас не было, то и вы откуда бы взялись?

ЛЕНА. Валентина Ивановна...

ЧИЧКО. Нет, нет, поймите меня правильно. Я не жалеюсь... Я сбилась... Я говорила: у меня сегодня праздник. Это правда. Правда, поэтому... Сейчас... Я не помню, когда последний раз... пили за Сеню. И это... нам подарок. Это... Хочется после этого еще... немножко пожить.

ЛЕНА. Не надо так...

ЧИЧКО. Сегодня мне... хочется плакать почему-то... Ваше внимание... Признайтесь, вы ведь и не ждали благодарности? Полушутя, чуточку даже с иронией, выпили за нас...

ЛЕНА. Они иначе не умеют. У них такая форма общения.

ЧИЧКО. И не надо. Не в форме, в конце концов, дело. У каждого поколения свои привычки. Вы — совсем другие. Умнее, образованнее. Нам завидно чуть-чуть. Как там у вас? «Зорко только сердце»? Шутя придумали. Чтобы так сказать, нужно иметь его. Сердце.

ВЕРА. Это не мы. Это до нас придумали.

ЧИЧКО. Спасибо вам. За ваши сердца. Пусть они всегда будут у вас зоркими. *(Наливает себе рюмку и пьет.)*

ЛЕНА. Валентина Ивановна, дайте я вас расцелую. Какая вы умница! *(Целует Чичко.)*

КОЗЛОВСКИЙ. Вы нам льстите, Валентина Ивановна.

ЧИЧКО. Никому я не льщу. Вы хорошие, нормальные ребята. С вами можно жить.

ВЕЛЬТМАН *(наливает себе)*. За жизнь? *(Пьет.)* Валентина Ивановна, мы с вами соп... споемся.

РЫБОНЬКА. Мальчики! Давайте вспомним нашу студенческую. Давно мы ее не пели.

КЛИМОВ. А что? Тряхнем стариной!

КОЗЛОВСКИЙ. Слова уже перезабыли...

РЫБОНЬКА. Ничего. Ленка, иди сюда, ближе.

КЛИМОВ *(подает Козловскому гитару)*. Давай!

КОЗЛОВСКИЙ. Подожди. Дай вспомнить... Ага! *(Подстраивает гитару.)*

РЫБОНЬКА *(Чичко)*. Это у них курсовой гимн был. «Летучий Голландец». Самы сочинили.

КОЗЛОВСКИЙ. Поехали.

Начала Козловский почти не помнит, и поют только Климов и Рыбонька, которые, несмотря на всю одержимость, укротить мелодию не могут. Впрочем, они этого не замечают.

Кто сказал, что песня наша спета,
Пусть поменьше треплет языком.
Экипаж летучего корвета
Не накроешь траурным венком.

Припев подхватывают Козловский и Лена.

Никому за нами не угнаться!
Ни к чему нам дьяволы и боги!
Морякам «Летучего голландца»
Были б ветер, парус и тревоги!

РЫБОНЬКА. Все помогайте!

Все подхватывают.

Никому за нами не угнаться!
Ни к чему нам дьяволы и боги!
Морякам «Летучего Голландца»
Были б ветер, парус и тревоги!

Запев поют Климов, Рыбонька, Лена и Козловский.

Океан в сомнениях пенных бьется.
Слабый топором уходит вниз.
Если вдруг фортуна отвернется,
Крепче за штурвал, моряк, держись!

РЫБОНЬКА. И!.. Все.

Никому за нами не угнаться!

Звенит звонок, но его никто не слышит.

Ни к чему нам дьяволы и боги!
Морякам «Летучего Голландца»
Были б ветер, парус и тревоги!

Продолжает звенеть звонок. Лена бежит к двери.

КОЗЛОВСКИЙ. Кто там еще?

КЛИМОВ. Понятия не имею.

ВОЙТЮК. У нас сегодня прямо-таки слет молодых дарований.

КОЗЛОВСКИЙ. А что вы думаете!

Лена открывает дверь. Входит дядя Юра.

ЛЕНА. Что, Сережа проснулся?

ДЯДЯ ЮРА. Спит. Но вы тут очень уж громко...

ЛЕНА. День рождения, дядя Юра.

ДЯДЯ ЮРА. Это понятно.

КЛИМОВ (*выходит в прихожую*). Что-нибудь случилось?

ДЯДЯ ЮРА. Да спит он, спит. Не переживай. Вы только потише.

КЛИМОВ. Постараемся, дядя Юра. Просим к столу!

ДЯДЯ ЮРА. Так ребенок же там...

КЛИМОВ. Я думаю, на минутку можно.

ЛЕНА. Конечно, проходите.

ДЯДЯ ЮРА. Спасибо! (*Проходит в гостиную.*)

КОЗЛОВСКИЙ. Привет, дядя Юра!

ДЯДЯ ЮРА. Здравствуйте.

ЛЕНА. Познакомьтесь. Это — дядя Юра.

ДЯДЯ ЮРА. Я — сосед.

ВОЙТЮК. Очень приятно.

ВЕРА (*уступает свое место*). Присаживайтесь.

КЛИМОВ (*вносит стул*). Садитесь, дядя Юра.

ДЯДЯ ЮРА. Да, да... Я сяду...

ВОЙТЮК. Прошу слова!

ДЯДЯ ЮРА. У меня вот подарочек тебе, Елена. (*Достает из кармана инкрустированный грузинский рог.*)

РЫБОНЬКА. Какая прелесть!

ЛЕНА (*дяде Юре*). Спасибо.

КОЗЛОВСКИЙ (*берет рог*). Штрафную сюда дяде Юре. Сейчас только сполосну его. (*Выходит на кухню.*)

ЛЕНА. Я сама. (*Идет вслед за ним.*)

КОЗЛОВСКИЙ. Сегодня ты освобождаешься от черной работы.

ЛЕНА. Гена, тебе не кажется, что нам нужно поговорить?

КОЗЛОВСКИЙ. Конечно, Леночка. Только, наверное, не сейчас?

Входят в гостиную.

Теперь сюда можно наливать. (*Подает рог дяде Юре.*)

ДЯДЯ ЮРА. Мне не надо.

ВЕЛЬТМАН. Как это «не надо»?

ДЯДЯ ЮРА. Нельзя мне.

ВЕЛЬТМАН. Все болезни нужно лечить только водкой. Прекрасное народное средство.

ДЯДЯ ЮРА. Не суетись. Зачем тебе?

ВЕЛЬТМАН. В каком смысле?

ДЯДЯ ЮРА. Это я так. Не переживай.

КОЗЛОВСКИЙ. Давайте я выпью из этого рога.

РЫБОНЬКА. Не боишься?

КОЗЛОВСКИЙ. Рогов? Нет, не боюсь.

РЫБОНЬКА. Ой, хвостун. Смотри, я ведь зоотехник. Выращу.

КОЗЛОВСКИЙ. Рыбонька, оставь этот юмор для своего поголовья.

Тут же люди.

ВОЙТЮК. Не ссорьтесь, молодые люди. Сегодня не стоит ссориться. Я хочу сказать несколько слов. Я прошу... Послушайте. (*Декламирует.*)

Руины. Осень. Сыро. Одиноко.

Как ворону, озябшему в степи.

Как царским обезглавленным воротам,

В которые ни выйти, ни войти.

Дворцовый давний вышербленный камень

По-старчески беспомощен и гол.

И затерялся в выброшенном хламе

Двуглавый искореженный орел...

Мы знаем, что и как. И наша память

Разборчива. Наш век широк и прост.

Мы правильны!.. Пока нас не поманит

Серующий невдалеке погост...

Пауза.

Никогда никому не читал. Но сегодня... Это я когда-то по Царскому Селу бродил... Для тебя, Лена.

ЛЕНА. Сами написали?

ВОЙТЮК. Очень давно.

ДЯДЯ ЮРА. Надо было пораньше кому-нибудь почитать.

ВОЙТЮК. Зачем? Я не поэт.

ДЯДЯ ЮРА. Это я так. Не переживай.

ВЕРА. Грустные стихи.

ВОЙТЮК. То-то и оно, что грустные... Конечно, это настроение одного момента, но представьте, что вот с такой тоской человек живет двадцать лет. Вокруг только сотрудники, сотрудники... Кое-кто уже смотрит на тебя, как на ненужную рухлядь.

ЛЕНА. Вы очень мнительны, Семен Данилович.

ВОЙТЮК. Леночка. Милая моя девочка. Я ведь понимаю сегодняш-

ную ситуацию. Конечно, у меня почти нет шансов. Геннадий Моисеевич моложе... А я... Я уже достаточно старый обычный рядовой инженер. Все давно разъела желчь, будни, сутолока... Но сегодня... Дорогие мои ребята, что-то сегодня переменялось у нас. Появилась какая-то теплая волна друг к другу.

ДЯДЯ ЮРА. Это от водки.

ВОЙТЮК. Возможно. Но не хочется, чтобы это исчезло. Кого бы ни назначили. Геннадия Моисеевича или меня... *(Смеется.)* А вдруг?! Давайте запомним и сохраним эту атмосферу понимания.

ВЕЛЬТМАН. За это стоит выпить! *(Разливает.)*

ВОЙТЮК. Согласен. За нашу державу. За нашу маленькую державу во главе... Это неважно, кто во главе. Любой коллектив — это государство в миниатюре. А что вы думаете?! Пусть упрощенное, но государство. Все у нас есть: экономика, политика, интриги, своя мораль — все, что хотите. И всем этим надо уметь — понимаешь, Геннадий, — уметь управлять. Один? Нет. Все? Нет! Только единомышленники. Единоверцы. Иначе не бывает. Только так! Выпьем.

КОЗЛОВСКИЙ. За вас, Семен Данилович.

ВОЙТЮК. За всех нас.

Все, кроме дяди Юры, пьют.

ДЯДЯ ЮРА. Голова...

ВОЙТЮК. За то, чтобы мы чаще вот так собирались.

ДЯДЯ ЮРА. Тихо! *(Прислушивается.)* Кажется, за мной пришли. Елена, я спрячусь. Если сюда зайдут, меня нет. *(Уходит в спальню.)* Не выдавайте.

Все прислушиваются.

ВЕРА. Тихо...

ЧИЧКО. Странный он какой-то.

КЛИМОВ. Старенький просто. Пенсионер.

ЛЕНА. Это с ним иногда бывает.

ВОЙТЮК. А кем он был?

ЛЕНА. Он не говорит.

КЛИМОВ. Вроде бы там никого нет. *(Идет в прихожую, открывает входную дверь, возвращается.)* Никого.

ВОЙТЮК. Чудак.

РЫБОНЬКА. Давайте танцевать, в самом деле. А то все притихли.

ЛЕНА. Боря, включи магнитофон.

ВЕЛЬТМАН *(идет в спальню)*. Дядя Юра, там никого нет.

ДЯДЯ ЮРА. Ладно, ладно. Ты танцуй. Я пока тут побуду.

Вельтман включает магнитофон. Лена встает из-за стола, замирает, будто на что-то решаясь.

ВЕРА *(Козловскому)*. Можно с вами потанцевать?

КОЗЛОВСКИЙ. Безусловно.

Козловский явно не настроен на этот стремительный ритмовой танец, и Вера остается лишь робко прижаться к будущему шефу. Вельтман, видя застывшую Лену, приглашает ее. Своим азартом, темпераментом и к тому же умением танцевать молодой лаборант увлекает Лену. Сразу же почувствовав характер танца, они увлеченно и заразительно импровизируют. Вторая пара, глядя на них, отбросила неловкое оцепенение и постепенно входит в заданное Вельтманом настроение. Обе пары танцевать умеют, возникшее между ними соперничество явно доставляет удовольствие всем остальным. Создается впечатление, что и танцующие, и сидящие за столом насыщаются энергией музыки, словно бы предчувствуя предстоящее... Наконец танец окончен. Возбужденные Вельтман и Вера идут к столу. Там их встречают бурными аплодисментами...

Козловский и Лена застыли друг против друга. Все окружающее исчезает для них. Только он и она. И еще возникшая мелодия медленного бархатного блюза.

КОЗЛОВСКИЙ. Жалко, что я не умею колдовать.

ЛЕНА. Зачем?

КОЗЛОВСКИЙ. Тогда бы мы были с тобой на равных.

ЛЕНА. За колдовство раньше сжигали на костре.

КОЗЛОВСКИЙ. Теперь-то тебе нечего бояться.

ЛЕНА. Я тебя не понимаю, Гена. Надо что-то делать, а ты...

КОЗЛОВСКИЙ. Нельзя же вот так, ни с того ни с сего, брякнуть.

ЛЕНА. Дальше будет еще сложнее.

КОЗЛОВСКИЙ. Я так не могу.

ЛЕНА. А я?

КОЗЛОВСКИЙ. Не надо сейчас.

ЛЕНА. Мы ведь договорились. Именно сегодня.

КОЗЛОВСКИЙ. Сегодня неудобно.

ЛЕНА. А когда? Ты уже целый год откладываешь. Пора уже что-то решать.

КОЗЛОВСКИЙ. Леночка, мы ведь уже все решили. Ничего не меняется. Но сегодня... Давай подождем.

ЛЕНА. Опять ждать?

КОЗЛОВСКИЙ. Недолго, Лена. Может быть, несколько минут. Вот-вот должна позвонить Таня. Когда она мне звонила, еще не ясно было, кого утвердят. Я попросил ее позвонить вечером сюда. Если меня не утвердят, мы всё сразу скажем, как договорились.

ЛЕНА. А если утвердят?

КОЗЛОВСКИЙ. Я не могу жить без тебя, Алена... Но это назначение... Кто мог предположить, что у меня есть шанс? Его может еще пять, а то и десять лет не быть. Я ничуть не лучше других...

ЛЕНА. Я вижу.

КОЗЛОВСКИЙ. Аленушка, скажи мне, какая разница — сейчас или через месяц-два? Мы больше ждали. Если я сейчас уеду отсюда, то только на должность простого инженера.

ЛЕНА. Какой ты расчетливый.

КОЗЛОВСКИЙ. Не пойму, что меняется? Всего два месяца — и мы будем вместе.

ЛЕНА. У меня сил больше нет.

КОЗЛОВСКИЙ. Мне ведь тоже не легче. Успокойся. Это эмоции. Сама подумай...

ЛЕНА. Я все поняла. Иди к столу.

КОЗЛОВСКИЙ. Алена...

ЛЕНА. Иди, или я сейчас не выдержу... Ты все посчитал! Ты... ты... Из-за этой несчастной должности... Какой же ты...

Увидев слезы в ее глазах, Козловский поспешно отходит. Не сумев сдержаться, Лена уходит в кухню. Климов кидается за ней.

КЛИМОВ (*Лене*). Что он тебе сказал?

ЛЕНА. Оставь меня.

КЛИМОВ. Лена...

ЛЕНА. Прошу тебя, не приставай ко мне. (*Пауза.*) Да уйди ты, в конце концов!

Климов идет в гостиную.

КЛИМОВ (*Козловскому*). Что случилось?

КОЗЛОВСКИЙ. Ничего.

КЛИМОВ. Почему она плачет?

КОЗЛОВСКИЙ. Спроси у нее.

КЛИМОВ (*кричит*). Я тебя спрашиваю!

Чичко отводит Климова в сторону.

ЧИЧКО. Не кипятись, Леша. Сегодня у Лены день рождения. Не надо его портить. На праздниках все бывает.

КЛИМОВ. Сегодня у нее день рождения, завтра – день рождения Фиры Ифраимовны, послезавтра – День Парижской коммуны... когда-нибудь будет этому конец?!

ЧИЧКО. Вам нужно уехать отсюда. Все позабудется, сотрется. Человек она хороший.

КЛИМОВ. Очень.

ЧИЧКО. У вас прекрасная семья. Какой сын! Неужели, вы думаете, она бросит все это? Она же вас любит. Вас и больше никого.

КЛИМОВ. Какая любовь?! Где? Ее и не было у нас. С самого начала. Никогда. Она терпит меня, потому что с другим будет то же самое. Да вдруг попадется еще какой-нибудь... Еще хуже будет. Вот и терпит. А вы мне – любовь...

ЧИЧКО. Но вы-то ее любите?

КЛИМОВ. А что толку?

ЧИЧКО. Не понимаю вас. Мужчина вы или кто? Я первого мужа знаете почему любила? Он меня в ежовых рукавицах держал. Боялась его страшно.

КЛИМОВ. Бил?

ЧИЧКО. А я его и за это любила. Бросил он меня – я места себе не находила. Сейчас-то уж, конечно, прошло.

КЛИМОВ. Не бить же мне ее.

ЧИЧКО. Женщина – очень замысловатое создание. К каждой требуется особый ключ. Вы его подберете, и все станет на свои места. А сегодня ничего не надо делать. Все нормально... Я пойду к Леночке. (*Мужу.*) Сеня, ты бы выпил с ребятами... (*Идет в кухню.*)

РЫБОНЬКА. Гена, а правда, давай выпьем.

КОЗЛОВСКИЙ. Иди с дядей Юрой выпей.

РЫБОНЬКА. А что? Я могу. (*Берет бутылку, рог и идет в спальню.*)

ВОЙТЮК. Эх! Хорошо вам, ребята. В тридцать лет можно куролесить. Скинуть бы мне десяток-другой... Мой бы опыт да вашу задиристость!

КОЗЛОВСКИЙ. Опыт – дело наживное.

ВОЙТЮК. Нет, нет. Не подумайте, что я претендую. Все правильно. Вы ведь знаете, как я к вам отношусь. Я бы на их месте тоже вас назначил. С меня какой спрос? Костенеющий мозг покоя требует. А ворошить – это вам. С умом только. С умом.

КЛИМОВ. Давайте выпьем.

РЫБОНЬКА (*которая села перед дядей Юрой, потягивая вино из подаренного рога*). Дядя Юра, я вас не понимаю. Разве можно на празднике не пить? Вы не уважаете именинницу.

ДЯДЯ ЮРА. Уйди.

РЫБОНЬКА. Ну, я вас прошу. Глоточек. Чисто символически.

ДЯДЯ ЮРА. Отпусти меня.

РЫБОНЬКА. Вас женщина просит.

ДЯДЯ ЮРА. Я устал, Юля. Устал.

РЫБОНЬКА. Выпейте, и все пройдет.

ДЯДЯ ЮРА. Выпью я, выпью. Только ты освободи меня, ладно?

РЫБОНЬКА. Освобожу, конечно.

ДЯДЯ ЮРА. Простишь меня? Все простишь?

РЫБОНЬКА. Вы пейте. Пьющему все простится.

ДЯДЯ ЮРА. Я пью, Юленька, пью. (*Выпивает все, что осталось в роге.*) Видишь? А ты отпусти меня, хорошо? Не приходи ко мне больше.

РЫБОНЬКА. Дядя Юра, вы молодец, только я не Юля. Меня Риммой зовут.

ДЯДЯ ЮРА. Да?

РЫБОНЬКА (*входит в гостиную*). Вот так. Если женщина чего-нибудь захочет, то будьте уверены. (*Пододвинула к столу дяде Юре.*) Дядя Юра, выпьем?

ДЯДЯ ЮРА. Наливай.

ВОЙТЮК. Ну вот, а говорили, что не пьете.

ДЯДЯ ЮРА. Пью я. Дело не в этом.

РЫБОНЬКА (*всем*). Вы не смотрите, что дядя Юра такой пожилой. У него еще Юленька есть.

ДЯДЯ ЮРА. Замолчи.

РЫБОНЬКА. Ой, ну конечно. Тайны я умею хранить.

ДЯДЯ ЮРА. Ну?!

РЫБОНЬКА. Молчу, молчу.

ВЕЛЬТМАН (*включив магнитофон*). Вера, пойдем.

Они танцуют, заслоняя собой сидящих за столом. А в это время на кухне Чичко беседует с немного успокоившейся Леной.

ЧИЧКО. Не надо так переживать. Не стоят они того.

ЛЕНА. Конечно...

ЧИЧКО. Вот и хорошо.

ЛЕНА. Вы ничего не знаете, Валентина Ивановна... Я для него игрушка, кукла. Может поиграть, может... продать. Променять на портфель.

ЧИЧКО. Леночка, не верь никому. Живи для сына. А этого добра...

ЛЕНА. Я ведь люблю его давно. Они еще студентами оба за мной ухаживали. Я тогда с Генкой поссорилась и сдуру, назло ему, за Лешу вышла. А потом... после института разъехались... Сережа родился. Я к Леше понемногу стала привыкать. Он хороший. И вдруг он в прошлом году весной написал... Тут, мол, хорошо. Хорошая работа, хороший город... Зачем только мы сюда приехали?

ЧИЧКО. Да...

ДЯДЯ ЮРА (*заглядывая в кухню*). Елена, пойду на своего спасителя посмотрю.

ЛЕНА. Ничего с ним не сделается.

ДЯДЯ ЮРА. Я не для него, для себя. Извинюсь перед ним.

ЛЕНА. За что? Вы выпили, что ли?

ДЯДЯ ЮРА. Не сердись. Я маленько.

ЛЕНА. Ох, дядя Юра!.. Смотрите, не разбудите его.

ДЯДЯ ЮРА. Ну что ты?! (*Уходит.*)

ЛЕНА. Как ребенок.

ЧИЧКО. А что это за спаситель?

ЛЕНА. Сережу он так называет. Привязался к нему. Вечером с работой придет — отдавать не хочет. Он, говорит, меня с того света вернул.

ЧИЧКО. Сереженька у вас хороший мальчик.

ЛЕНА. И Сережу вот тоже жалко. Знаете, как он Лешу любит? Если расходиться...

ЧИЧКО. Конечно... Мальчишке нужен отец. Это для него трагедией будет. Я вот... Знаешь, когда от меня первый ушел, Игорь был совсем маленьким, он его и не помнил. А перед смертью, недели за две, он вдруг спрашивает меня: «Мама, а вдруг папа вернется? Как тогда?..» Вот... Я говорю, что посоветуемся с тобой, мол. Как решим, так и будет. Он помолчал, помолчал. Потом слезы на глаза навернулись... чувствовал, наверное... «Если, — говорит, — ты одна останешься, без меня... Не прощай его, мама...». И к стене отвернулся... Только плечи дрожат. (*Пауза.*) Нельзя мальчишке без отца. На войне хоть понятно, а так... не надо. (*Пауза.*) Уехать бы вам с Лешей.

ЛЕНА. Не знаю я, Валентина Ивановна. Гена ведь тоже меня любит. Мы уже все решили. Хотели сегодня здесь всем сказать. А тут... этот звонок.

ЧИЧКО. Какой звонок?

ЛЕНА. Таня должна вот-вот сюда позвонить. Сказать, кого назначили. Господи, хоть бы Семена Даниловича.

ЧИЧКО (*смеется*). Мстительная ты.

ЛЕНА. Гена тогда бы решился. Он же из-за этого проклятого портфеля тянет. Говорит: через два месяца.

ЧИЧКО. Конечно, если он сейчас семью бросит, о портфеле и мечтать нечего.

ЛЕНА. Вот-вот. Он и боится шанс свой упустить. Я бы на его месте все на свете бросила.

ЧИЧКО. Это мы, женщины, ради любви на все готовы. А мужчины... Их тоже надо понимать, Лена. Глава семьи должен быть с положением. Если он до пятидесяти лет будет, как... вот Сеня мой, ты же его сама уважать перестанешь. На одной любви всю жизнь не проживешь.

ЛЕНА. Не знаю. Я уже сама себе противна. Больше года все это тянется. Еще два месяца я не выдержу. И Леша... Он же все видит. Невыносимо так.

ЧИЧКО. Да... Тут каждый сам решать должен. Советовать тут... Может быть, ты права. Если это любовь, тогда рубить нужно. Она ой как редко приходит. Я тебе так скажу: если любит, он до звонка решится. А если портфель ему дороже, тогда стоит ли огород городить? Леша тебя любит, сын с отцом... Да что там! Сколько так живут — и ничего. Я вот пятнадцать лет так.

ЛЕНА. Я так не хочу.

ЧИЧКО. И не надо, если выбор есть. А если нет? Ты сейчас возьми себя в руки и пойдем к столу. Там видно будет.

Выходя из кухни, сталкиваются с вошедшим дядей Юрой.

ДЯДЯ ЮРА. Простил он меня, Елена.

ЛЕНА. Вы что, разбудили его?

ДЯДЯ ЮРА. Нет. Он спит. Я на колени перед ним встал, а он так... улыбнулся во сне. Простил, значит.

ЧИЧКО. Вот и хорошо. Пойдемте к столу.

Идут в гостиную, садятся за стол.

Скучно у вас, товарищи. (*Танцующим.*) Ребята, хватит танцевать. Садитесь за стол.

Все рассаживаются.

Да что вы на самом деле? Мужчины! Рыцари! Раскисли совсем? Зануды какие-то. Я думала, хоть веселиться-то вы умеете. Сеня!

ДЯДЯ ЮРА. Сеня твой — рыцарь!

ЧИЧКО. Думаете, нет? В чем, в чем, а в этом ему не откажешь. Это он сейчас поугих, а раньше... Сеня, Расскажи, как мы с тобой поженились. ВОЙТЮК. Как все, так и мы.

ВЕЛЬТМАН (*смеется*). Расскажите, Семен Данилович, не скромничайте. Поделитесь опытом. Раньше, говорят, все не так, все похлеще нынешнего было.

ЧИЧКО. Шутить-то легко, Боря. А вот представь такую си-

туацию: ты прораб, жена у тебя, дочке четырнадцать лет – все прекрасно. И вдруг – дилемма: или все это, или другая женщина.

ВЕЛЬТМАН. Если другая – вы, то лучше – другая.

ЧИЧКО. Смейся. Тогда тоже все над ним смеялись. Потом крушить стали. До собрания дело дошло, а он уперся, и все. Пошел каменщиком работать, а своего добился.

ВЕЛЬТМАН. Жену-то бросить немудрено, тем более – за дочку платить всего четыре года. А вот с каменщиком вы погорячились, Семен Данилович.

ЧИЧКО. Вы бы, конечно, так не сделали?

ВЕЛЬТМАН. Разве только ради вас.

ЧИЧКО (*встает*). За настоящих мужчин.

РЫБОНЬКА. За настоящих мужчин я буду пить из рога. Налейте мне. (*Ей наливают. Все, кроме Лены, пьют. Она сидит, опустив голову.*)

ДЯДЯ ЮРА (*запел*).

Ой вы, кони мои вороны!

Черны вороны, кони мои!..

Козловский уходит в спальню и нервно ходит там из угла в угол.

ЧИЧКО. Сенья, я хочу с тобой потанцевать. Геннадий Моисеевич, включите музыку.

Козловский включает магнитофон, затем идет к телефону и набирает номер.

ВОЙТЮК (*Чичко*). Разрешите?

ЧИЧКО. Пожалуйста.

Они идут танцевать. Телефон не отвечает. Козловский положил трубку и снова ушел в спальню. Вера подходит к Козловскому.

ВЕРА (*Козловскому*). Можно вас пригласить на танец?

КОЗЛОВСКИЙ. Подожди, Вера.

ВЕРА (*нерешительно*). Все будет хорошо, Геннадий Моисеевич.

КОЗЛОВСКИЙ. Не остри. Тебе это не идет.

ВЕРА. Я просто... Я (*Смутившись, уходит на свое место.*)

ВОЙТЮК (*Чичко*). Что ты про каменщика нагородила?

ЧИЧКО. Танцуй.

РЫБОНЬКА (*дяде Юре*). Не сидите как сыч! Давайте я вас развеселю.

ДЯДЯ ЮРА. Не надо.

РЫБОНЬКА. Это невежливо. Я вас приглашаю. (*Тянет его из-за стола.*)

ДЯДЯ ЮРА. Не трогай меня. Пусти. Ты обещала. Я не мог иначе. Мне приказывали. Отпусти, не мучай...

РЫБОНЬКА. Что с ним?

КЛИМОВ. Что с вами, дядя Юра?

ДЯДЯ ЮРА. Где? Что?.. Ничего, ничего. Где Сережа?

КЛИМОВ. Спит. Может быть, и вам пойти лечь?

ДЯДЯ ЮРА. Нет. Я побуду.

КОЗЛОВСКИЙ (*подходит к Лене*). Лена, пойдем потанцуем?

ЛЕНА. Я не хочу.

КОЗЛОВСКИЙ. Я очень прошу.

ЛЕНА. Я устала.

КОЗЛОВСКИЙ. Лена...

Лена встает, и они начинают танцевать. Опять все исчезает для них. Только он и она.

КОЗЛОВСКИЙ. Аленушка...

ЛЕНА. Что?

КОЗЛОВСКИЙ. Прости меня. ...

ЛЕНА. За что? Ты прав. Тебе надо делать карьеру, а я...

КОЗЛОВСКИЙ. Не надо так, Алена. К черту эту карьеру. Если я чего-нибудь стою, никуда карьера не денется. А ты у меня одна.

ЛЕНА. Что ты говоришь?!

КОЗЛОВСКИЙ. Прекрати, Лена.

ЛЕНА. Нет, это ты прекрати. Разберись сначала в себе. Я тебе не игрушка. Хочу – возьму, хочу – брошу. Сейчас – то, завтра – это. Хватит. Никуда я с тобой не поеду.

КОЗЛОВСКИЙ. Нет, Алена. Я тебя никому не отдам.

ЛЕНА. Вот, вот. Я! Я! Я!.. Все время – «я».

КОЗЛОВСКИЙ. Теперь будет только «ты».

ЛЕНА. Да?! Какая жертва!

КОЗЛОВСКИЙ. Ты обиделась на меня, Алена... Я – скотина, правильно. Но если я сейчас не сломаю себя, тогда – все. Появится еще один надутый индюк, и этим все кончится.

ЛЕНА. А если сейчас сломаешь себя, потом всю жизнь будешь упрекать меня за это.

КОЗЛОВСКИЙ. Никогда, Аленушка... Ты не понимаешь, что ты такое. Хочешь, бросим эту дурацкую работу? Пойдем в школу преподавать?

ЛЕНА (*улыбнулась*). Ага... Тебе только детей учить.

КОЗЛОВСКИЙ. Запросто!

ЛЕНА. Хвостун... Ты сейчас как тетерев на току. Хвоста только не хватает.

КОЗЛОВСКИЙ. Хвост – дело наживное... Ну, так как?

ЛЕНА. Что «как»?

КОЗЛОВСКИЙ. Говорим им про нас?

ЛЕНА. Только подожди. Не сейчас.

КОЗЛОВСКИЙ. Никаких отсрочек. Все!

ЛЕНА. Гена, подожди...

КОЗЛОВСКИЙ. Замолчи. (*Обрывает ее долгим-долгим поцелуем. Все вокруг остоленели.*)

РЫБОНЬКА (*хватает Вельтмана*). С праздником!

Целует его, а затем уволакивает в спальню на диван. Климов, не выдержав, бежит в прихожую, хватая первое попавшееся пальто и убегает из квартиры.

ЛЕНА (*отрываясь наконец от Козловского*). Ты с ума сошел!

КОЗЛОВСКИЙ. Ничего подобного. Теперь все. Леша!.. Где он?
 ВОЙТЮК. Ушел...
 КОЗЛОВСКИЙ. Куда?
 ВОЙТЮК. На улицу.
 КОЗЛОВСКИЙ. Черт... Где Рыбонька? Римма!
 РЫБОНЬКА *(из спальни)*. Не мешайте нам. *(Громко целует Вельтмана.)*
 ЛЕНА. Гадость какая... *(Убегает в прихожую, открывает входную дверь.)*
 ЧИЧКО. Ты куда, Лена?
 ЛЕНА. К Сереже.
 КОЗЛОВСКИЙ. Подожди.
 ЛЕНА. Омерзительно все это. *(Уходит.)*

Следом за ней устремился Козловский.

ЧИЧКО. Вот тебе и раз!..
 РЫБОНЬКА *(входит в гостиную)*. Разбежались? Прекрасно! А мы будем пить. Боря, иди сюда.

Подходит Вельтман.

Наливай. Мы будем пить за их здоровье.
 ДЯДЯ ЮРА. Давай за здоровье.
 ВОЙТЮК. Может быть, хватит? Последняя бутылка осталась.
 ДЯДЯ ЮРА. Ничего. У меня дома еще пара бутылок есть. Принести?
 ЧИЧКО. Ну зачем же им мешать?
 ДЯДЯ ЮРА. Что? *(Сообразил.)* Ох ты и выдра...
 ВОЙТЮК. Что?!
 ДЯДЯ ЮРА. Стоять! *(Пьет.)*
 РЫБОНЬКА. Вот это мужчина! Учитесь. Наливай, Боря, не стесняйся. Дядя Юра еще принесет, если не хватит. Мне полный рог до краев. Чтобы жизнь была полная...
 ВЕРА. Борик, не пей больше.
 РЫБОНЬКА. Это почему же? Я хочу с ним выпить. Если женщина что-нибудь хочет, ей надо уступать. Боря! На брудершафт.

Выпив, Рыбонька целует Вельтмана и уводит его в спальню.

ЧИЧКО *(после паузы)*. Как так можно? У меня в голове не укладывается.

ВЕРА. Вы ничего не знаете! Они любят друг друга. Давно. Я знаю, все будут кричать: «Гадко, мерзко». Ничего тут мерзкого нет. Даже наоборот.

ЧИЧКО. Нужно было как-то иначе.

ВЕРА. Тайком, да? Тогда бы и было мерзко.

ВОЙТЮК. Вы так рьяно защищаете Геннадия Моисеевича... А как же Леша? Да и Римма? Думаете, им не больно? Думаете, они не любят?

ВЕРА. Их жалко. Я бы... Если бы я была женой Геннадия Моисеевича, я бы, наверное, умерла...

ВОЙТЮК. Значит, Геннадий Моисеевич достоин восхищения?

ВЕРА. Его нельзя винить. Если бы он испугался своей любви, предал ее, тогда бы...

ДЯДЯ ЮРА. Я не предавал...

ВОЙТЮК *(покосившись на дядю Юру)*. Но согласитесь, что любовь к своей жене он предал.

ВЕРА. Да не любил он ее. Не любил.

ВОЙТЮК. Значит, он подлец. Подлец, потому что жил с ней не любя. А если любит Римму, то подлец по отношению к Леночке. Разве не так?

ВЕРА. Не так. Я не могу вам доказать... Вы меня запутали.

ВОЙТЮК. Я вам просто показал, что жизнь сложнее ваших романтических представлений. И вам пока рано рассуждать об этом. Думаете, мне не хочется всем счастья? Хочется. Всем, а не одному. Потому и не берусь, как вы, судить их... Заманчиво приклеить каждому ярлык. А что?! Удобно, просто и убедительно: у того глазки синие — герой. Этот одноглазый — негодяй. Высокий — рыцарь, маленький — подлец... Я как-то шел по улице с этой меркой. Всю дорогу только и получалось: подлец, подлец, предатель. Негодяй, мерзавец, подлец. Предатель, предатель. Подлец, подлец. Попался один рыцарь с синими глазищами на базаре. И тот мандаринами торговал.

ДЯДЯ ЮРА *(Вере)*. Юля, Юленька, я не подлец. *(Падает на колени.)* Не подлец я! Я не виноват. Они меня заставили. Ты ведь знаешь, я все свои деньги отдавал, чтобы быть хоть иногда вместе с тобой в камере. А потом они приказали... Я не предатель. Приказали, понимаешь? Когда поведу тебя на допрос. Так со всеми делают. Я не мог отказаться. Юля, мы с тобой маленькие люди. Нам нельзя решать самим... Я не предатель.

ВЕРА. Я не Юля. Вы путаете.

ДЯДЯ ЮРА. Отпусти меня, Юля. Не приходи больше. Не виноват я, что осечка вышла. Все было бы хорошо, ты бы и не почувствовала. Я бы в затылок... Я никогда не промахивался... Не кричи больше так. Прощу тебя! Отпусти мои ноги. Что ты делаешь? Зачем ты их целуешь?! Юля!.. Отпусти! Я ничего не могу. Я должен. Должен, понимаешь? Замолчи. Не беги за мной. Остановись. Остановись, слышишь?! Стой. Не подходи... А-а-а!..

Сжимается на полу.

ВЕРА. Господи, что же это такое?!

Все столпились вокруг дяди Юры. Даже Вельтман пришел из спальни.

ВЕЛЬТМАН *(осторожно)*. Дядя Юра, все спокойно. Они ушли.

ДЯДЯ ЮРА. Кто?

ВЕЛЬТМАН. Ну, эти... Бармалеи.

ДЯДЯ ЮРА. Кто-кто?

ВЕЛЬТМАН. Чертики.

ДЯДЯ ЮРА. А?! *(Косится на спальню.)* Кто там?

ВЕЛЬТМАН. Не бойтесь. Там Римма Ксенофонтовна спит.

ДЯДЯ ЮРА. Ага... *(Садится за стол.)* Плохо... Выпить бы.

ЧИЧКО. Хватит вам уже пить. И так с ума все походили.
ДЯДЯ ЮРА. Молчать!

Звонит телефон.

ВОЙТЮК (*берет трубку*). Я вас слушаю... Добрый вечер... А кто это говорит? Таня, он, к сожалению, сейчас вышел. Что ему передать?.. Да?... А это уже точно?... Понятно... Хорошо, хорошо. Обязательно поздравлю. Будьте здоровы.

Кладет трубку и уходит в кухню. Чичко идет за ним.

ЧИЧКО. Что там?

ВОЙТЮК. Козловского назначили. Завтра утром приказ повесят.

Пауза.

ЧИЧКО. Как же так можно? Ты уже столько лет работаешь...

ВОЙТЮК. Можно! Им все можно. А нам — ничего. Им и любовь, и карьера, а тут вкалываешь всю жизнь, как вол, и ничего. Подлецы.

ЧИЧКО. Возьми себя в руки.

ВОЙТЮК. Нет, ты посмотри! Раньше бы за то, что он тут вытворяет, его бы ноги в институте не было, а теперь...

ЧИЧКО. И теперь за это по головке не погладят.

ВОЙТЮК. Да знаю я! Пошепчутся по коридорам, позлорадствуют — на этом дело и кончится.

ЧИЧКО. Они еще, может быть, уедут. Эта мне говорила. Вроде бы решили уже все. Он только никак не решится.

ВОЙТЮК. Сейчас! Побежит он тебе босиком на край света. Жди. Он горло любому за это место перегрызет... Так и знал, чувствовал, что в конце концов обязательно кто-нибудь опять ножку подставит... Ах, мерзавцы! И ведь совесть их не гложет. Другой бы... Ну, даже если тебя назначили!.. Видишь — не твое это место, — откажись. Если ты честный человек. Куда там! Все себе, себе. Уже не лезет — все равно себе. Жену чужую — и ту у своего же друга. Это придумать только!.. Расскажи кому — не поверят... Ты думаешь, о звездах они там сейчас говорят?

ЧИЧКО. Сеня! Что ты себя изводишь?! Так получилось. Тут уж ничего не попишешь.

ВОЙТЮК. Он бы на моем месте написал. (*Смеется*.) Если б я себя вел так, как он, завтра бы весь институт трясло от возмущения... Принеси мне водки, что ли!

ЧИЧКО. Не надо, Сеня.

ВОЙТЮК. Принеси, тебе говорят!

ЧИЧКО. Да выпили всю. Сколько ее там было-то?..

ВОЙТЮК. А я, дурак, надеялся. До самого конца. Думал, это все пустые разговоры про него...

Открывается дверь, входит Климов.

КЛИМОВ. Простите, Семен Данилович, я, кажется, ушел в вашем пальто.

ВОЙТЮК. Пустяки. Теперь у меня все можно забирать. Все ваше. Берите!

КЛИМОВ. Я случайно.

ЧИЧКО. Ничего, ничего.

Идут в гостиную.

КЛИМОВ. А где остальные?

ВЕРА. Мы не знаем.

ВЕЛЬТМАН. Гуляют, наверное.

КЛИМОВ. Тогда выпьем.

ДЯДЯ ЮРА. Все выпили. Нету.

ВОЙТЮК. Жалко. На прощанье бы по рюмочке.

ДЯДЯ ЮРА. Так точно.

ЧИЧКО (*дяде Юре*). Вы говорили, что у вас есть.

ДЯДЯ ЮРА. Есть. (*Осматривается*.) Нет у меня ничего.

ЧИЧКО. Обидно.

ДЯДЯ ЮРА. Отстань.

КЛИМОВ. Дядя Юра, у вас всегда есть.

ДЯДЯ ЮРА. Всегда есть, а сейчас нет.

ВОЙТЮК. Зачем просить, если человеку жалко.

ДЯДЯ ЮРА. Не ерзай, не надо.

ВОЙТЮК. Я вас не понимаю.

ДЯДЯ ЮРА. Не понимаешь?!

ВОЙТЮК. Кто вы, собственно, такой, чтобы...

ДЯДЯ ЮРА. Я?! Я шучу, не переживай. (*Климову*.) Давай выпьем за Серегу.

КЛИМОВ. Так водка-то у вас.

ДЯДЯ ЮРА. У меня.

КЛИМОВ. Дайте ключ, я схожу.

ДЯДЯ ЮРА. Не дам.

КЛИМОВ. Я выпить хочу, дядя Юра.

ДЯДЯ ЮРА. Не дам.

КЛИМОВ. Я выпить хочу, дядя Юра.

ДЯДЯ ЮРА. Хватит тебе.

КЛИМОВ. Все хотят выпить. Боря, ты хочешь водки?

ВЕЛЬТМАН. Конечно, хочу.

ЧИЧКО. Да что его уговаривать? Разве он свое отдаст?

ДЯДЯ ЮРА. Каракатица. Тебе что от меня нужно?

ВЕЛЬТМАН. Дядя Юра, у вас какая водка?

ДЯДЯ ЮРА. «Столичная».

ВЕРА. Не надо никакой водки, товарищи!

КЛИМОВ. Я тышу лет не пил «Столичную».

ВЕЛЬТМАН. А я недавно пил. Ребята принесли. Представляете, только-только из холодильника. Еще в изморози. Наливаешь — чувствуешь... Она, зараза, густая даже — слюнки текут. А пить! Никакой закуски не надо. Рашен водка. Куда там коньяки, ликеры...

КЛИМОВ. Дядя Юра!
 ДЯДЯ ЮРА. Ладно, схожу.
 КЛИМОВ. Я сам схожу. Дайте ключ.
 ДЯДЯ ЮРА. Ты не найдешь.
 КЛИМОВ. Чего ее искать? Она в холодильнике, как всегда.
 ДЯДЯ ЮРА. Я сам. *(Идет к двери.)*
 ВОЙТЮК *(тихо дяде Юре)*. Там вас только что женщина спрашивала.
 ДЯДЯ ЮРА. Кто? . . .
 ВОЙТЮК. Не знаю. Какая-то...
 ДЯДЯ ЮРА. Спрячь меня. Спрячьте.
 КЛИМОВ. Что это вы, дядя Юра?
 ДЯДЯ ЮРА. Я не пойду. *(Отдает Климову ключ.)* Иди.
 ВЕРА. Не надо.
 ВЕЛЬТМАН. Без водки не приходи.
 КЛИМОВ. Конечно. *(Уходит.)*
 ДЯДЯ ЮРА. Где она, а?
 ЧИЧКО. Успокойтесь. Никому вы не нужны.
 ДЯДЯ ЮРА. Да, да. Как же! *(Прячется в спальне.)*
 ВЕЛЬТМАН. Ой, я же забыл. Они, наверное, там.
 ВЕРА. Забыл...
 ВОЙТЮК. Нехорошо получилось.
 ВЕРА. Что теперь будет?..
 ВЕЛЬТМАН. Тихо. *(Подходит к стене, прикладывает к ней стакан и, приложив ухо к доньщику, прислушивается.)*
 ВОЙТЮК. Что там?
 ВЕЛЬТМАН. Не слышно.

Входит Климов с двумя бутылками в руках.

КЛИМОВ. Вот. *(Пауза.)* Они там..
 ЧИЧКО. Кто?
 КЛИМОВ. Кто?! *(Смеется.)* А вы не знали? Пожалуйста, узнайте. Как в анекдоте: приходит муж... Смейтесь! Это же анекдот! Ха-ха! Это же праздник на нашей улице. Соединились любящие сердца. Отпразднуем. *(Открывает бутылку.)* Пейте! *(Пьет.)*

Войтюк и Чичко усаживают его на стул.

ВОЙТЮК. Не надо так, Леша. Успокойся. Возьми себя в руки.
 КЛИМОВ. Что вам нужно?
 ЧИЧКО. Мы понимаем. Тяжело. Но надо взять себя в руки.
 КЛИМОВ. А если я их убью?
 ВЕРА. Что вы, Алексей Михайлович?!
 ВОЙТЮК. Ты сейчас... успокойся. Не надо никого убивать. Это не выход.
 КЛИМОВ. Куда мне теперь деваться?
 ЧИЧКО. Найдем на них управу. Слава богу, не на Луне живем.
 КЛИМОВ. Зачем? Зачем они так?
 ЧИЧКО. Подумаешь, распоясался! Смешно даже – пришел, увидел,

победил. Только о себе думают. Там же ребенок спит!.. Сеня, дай ручку и бумагу. Мы его так отхлещем – детям своим закажет... Думают, на них свет клином сошелся... *(Всовывает ручку Климову.)* Пиши!

Войтюк подает бумагу и ручку.

КЛИМОВ *(берет ручку)*. Что?
 ЧИЧКО. Пиши... Дирекции института, профсоюзному комитету, парторганизации от такого-то и такого...

Климов пишет.

Заявление...

Медленно гаснет свет. Высвечивается лишь на секунду проснувшаяся Рыбонька.

РЫБОНЬКА. Эй!.. Голландцы. Где вы? *(Пауза.)* Моряки голландские!.. Ау-у!.. *(Занела.)*

Морякам «Летучего Голландца»
 Все ни-по-чем.

ДЯДЯ ЮРА. Угомонись!

Рыбонька засыпает снова.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Все та же квартира Климовых. Прошло не более двадцати минут. В гостиной все, кроме Лены, Козловского да еще спящей Рыбоньки. Лену и Козловского ждут. Напряженную тишину разрывает хлопанье крышки карманных часов Войтюка да неясное бормотанье над полупустой бутылкой дяди Юры.

ВЕЛЬТМАН. Может быть, разойдемся?.. Пойдем, Верка?

ВЕРА. Что?

ВОЙТЮК. Да, надо идти. Как говорится, пора и честь знать.

КЛИМОВ. Куда вы?

ВОЙТЮК. По домам, Алексей Михайлович. Пора.

КЛИМОВ. Нет, нет. Как же так? Если вы уйдете, я... они... Посидите еще... Можно и у нас переночевать.

ЧИЧКО *(смеется)*. Ну, полно, полно, Алексей Михайлович. Не падайте духом.

КЛИМОВ *(улыбнулся)*. Я прошу вас... Не бросайте меня.

ЧИЧКО. Хорошо, хорошо, Лёшенька. Мы еще посидим.

КЛИМОВ. Давайте музыку поставим. Вера, если хочешь, можно потанцевать.

ВЕРА. Нет, я не буду танцевать.
 КЛИМОВ. Почему?
 ВЕРА. Не хочу, и все.
 ЧИЧКО (*улыбается*). Ох, дети, дети...

Пауза. Вельтман взял гитару и пытается на одной струне подобрать мелодию...

ВЕЛЬТМАН. Да... (*Оставляет гитару.*)
 ВОЙТЮК (*Вельтману заинтересованно*). Подождите, подождите.
 Валя, ты слышала? Ну-ка, молодой человек, сыграйте еще раз.
 ВЕЛЬТМАН. Что?
 ВОЙТЮК. Что вы сейчас подбирали?
 ВЕЛЬТМАН. Ничего. Я просто так.
 ВОЙТЮК. Пожалуйста, еще раз. (*Напевает мотив.*) Валя, ты слышишь?
 ЧИЧКО. Сеня, оставь.

Войтюк знаками просит Вельтмана подыграть ему. Вельтман берет гитару и аккомпанирует мурлыкающему Войтюку.

(*Мечтательно задумалась и тихонько запела.*)

Не пробуждай воспоминаний
 Минувших дней, минувших дней.

Войтюк осторожно подпевает ей.

Не возродить былых желаний
 В душе моей, в душе моей...

Поют они хорошо. Слаженно, на два голоса, задумчиво и задушевно.

И на меня свой взор опасный
 Не устремляй, не устремляй.
 Мечтой любви, мечтой прекрасной
 Не увлекай, не увлекай...
 И кто ее огонь священный...

ДЯДЯ ЮРА (*заревел*).

Ой вы, кони мои вороны!
 Черны вороны, кони мои!..

ВЕРА (*подбегает к дяде Юре*). Что вы делаете?! Замолчите! Вы... вы разве не слышите? Это... это...

ЧИЧКО. Вера! Верочка...

ВЕЛЬТМАН. Верка!

Вера, опомнившись, уходит в кухню. Пауза.

ВОЙТЮК. ...Вот такие дела. (*Пауза. Дяде Юре.*) Пойте, что же вы?
 ДЯДЯ ЮРА. Я? Зачем?
 ВОЙТЮК. Вы же начали?
 ДЯДЯ ЮРА. Мне нельзя. Я уже...

Входят Лена и Козловский. Молчание. Лена достает чемодан и лихорадочно начинает собирать свои вещи. Она мечется по всей квартире. Все молчат.

ВОЙТЮК. Вот...
 ВЕЛЬТМАН. Дали ему год.
 КОЗЛОВСКИЙ (*Вельтману*). Что такое?!
 ВЕЛЬТМАН. Да нет. Это я так, в рифму.
 ЧИЧКО. Вы что это, Геннадий Моисеевич, так агрессивно настроены?
 КОЗЛОВСКИЙ. Я?!
 ЧИЧКО (*смеется*). Ну, не мы же?!
 КОЗЛОВСКИЙ. Вы думаете, сейчас самое время повеселиться?
 ЧИЧКО. Геннадий Моисеевич, что с вами?
 КОЗЛОВСКИЙ. Ничего.
 ЧИЧКО. Всегда такой галантный...

Пауза.

ЛЕНА (*мимоходом*). Как вы могли, дядя Юра?!
 ДЯДЯ ЮРА. Я? Что я? (*Пауза.*) Ключи я дал. Да...

Лена продолжает собирать вещи.

(*Вельтману.*) А ты?.. Ты же знал? Ты нарочно. Я из тебя такую изморозь сделаю!..

ЧИЧКО (*дяде Юре*). Что вы себе позволяете, гражданин? Не понимаю. Никаких рамок. Ничего! Есть ведь какие-то нормы, в конце концов. Неужели можно так распуститься? Что вздумается – пожалуйста. Или уже среди нас человеческое достоинство – пустой звук?

КОЗЛОВСКИЙ. Замолчите!

ЧИЧКО. Геннадий Моисеевич, не кричите на меня. Я вам не жена и даже не любовница. Вы ошиблись адресом.

ЛЕНА (*Чичко*). Что вы сказали?

ЧИЧКО. Леночка, я, кажется, не с вами разговариваю.

КОЗЛОВСКИЙ. Извинитесь!

ЧИЧКО. Перед кем я здесь провинилась? Сеня, ты не знаешь?

КОЗЛОВСКИЙ (*показывая на Лену*). Перед ней извинитесь. Или я сейчас вас...

ЧИЧКО. Что?

ВОЙТЮК. Что вы себе позволяете, позвольте узнать, молодой человек?

ЧИЧКО. Постой, Сеня. Подожди. (*Козловскому.*) Что вы «нас сейчас»? Договаривайте.

КОЗЛОВСКИЙ. Извинитесь, последний раз прошу!

ЧИЧКО (*смеясь*). Хорошо, хорошо. Только, ради бога, не бейте меня.

КОЗЛОВСКИЙ (*наступая на Чичко*). Прекратите балаган!
 ВЕРА (*вставая между ними*). Не надо! Миленькие! Геннадий Моисеевич, нельзя. Сейчас все разлетится на мелкие кусочки.
 КОЗЛОВСКИЙ. Уйди, Вера. (*Отошел.*)

Вера убежала в угол.

ЧИЧКО. Ой Вера, Вера... (*Козловскому.*) Постыдились бы, Геннадий Моисеевич, хоть седин моих. Вас еще на свете не было, когда я себе на хлеб зарабатывала.

КОЗЛОВСКИЙ. Ну-ну. Скажите еще...

ЧИЧКО. И скажу. Молодежь-то — вон она — на вас во все глаза смотрит, учится у вас, а вы с кулаками на женщину.

КОЗЛОВСКИЙ. С какими кулаками?

ЧИЧКО. Ну, как же? Спасибо Верочке. Защитила. Или, может быть, мы все здесь неверно вас поняли? Вы, конечно же, обнять меня хотели? Но я, к сожалению, замужем и не могу ответить вам взаимностью.

ЛЕНА. Валентина Ивановна!

ЧИЧКО. Прости, Ле'ночка.

КОЗЛОВСКИЙ (*спокойно*). Я прошу больше не шутить на эту тему. Я люблю Лену. Понимаете вы, люблю! И всегда любил. И она меня любит. И вы все давно это знаете. Что вам нужно от нас? Хватит!

ЧИЧКО. Я пока еще не забыла, что такое любовь. Но существуют ведь какие-то нормы. Любите? Любите. Но не так... Прости, Лена, но у меня есть и свои принципы.

ЛЕНА. Я не могу больше!

ВОЙТЮК. Любите — так разведитесь сначала, а потом и любите себе. Как полагается. По-человечески. По закону. Никто вам слова не скажет.

ЛЕНА. Пойдем отсюда, Гена.

КЛИМОВ (*испуганно*). Куда?! Лена, не уходи! Леночка, не надо. Роденькая моя, прости меня. Не уходи... Я все понимаю. Я не буду вам мешать... Я умру без тебя, Леночка. На коленях тебя прошу... Останься.

ЛЕНА. Зачем ты так? Не унижайся, Леша. Не надо. Я не могу так больше жить, пойми. Леша, не плачь... Встань, не надо...

КЛИМОВ. Не пущу! (*Запирает входную дверь.*) Никуда ты не уйдешь. Ты моя... Ты моя жена и не имеешь права. И он женат... Рыбонька, проснись! (*Всем.*) Разбудите ее. И у него есть жена! Правильно я говорю, товарищи? Разведитесь — тогда пожалуйста. А пока — не имеете права... По закону. Вот. (*Всем.*) Правильно, да?

ЛЕНА. Не мучь себя, Леша.

КЛИМОВ. Не отпущу, и все. (*Встал в дверях гостиной на колени, загородив выход руками.*)

КОЗЛОВСКИЙ. Встань ты с пола. Молиться, что ли, собрался? Распустил нюни. Юбку еще надень.

КЛИМОВ. Замолчи. Ты лучше помолчи...

КОЗЛОВСКИЙ. Ладно, не грози только.

КЛИМОВ (*вскакивает*). Да?!

ВЕРА. Не надо!

ЧИЧКО (*решительно*). Да что же это делается, товарищи?! Совсем распылся.

ВОЙТЮК. Воспарил. Думает, на него управы не найдется.

ЧИЧКО. Ну, это он ошибается. Мы, слава богу, не на необитаемом острове живем.

КОЗЛОВСКИЙ. Да не боюсь я вас. Не до вас мне теперь. Зачем вы лезете не в свое дело? Что вам нужно?!

ЧИЧКО. Даже так?! С вами по-хорошему, а вы...

ВОЙТЮК. Успокойся, Валя. Пусть покуражится. Ничего. Завтра в институте по-другому заговорит. У нас, между прочим, коллектив тоже кое-что значит. Быстро с облаков на землю вернут. Обстругают как следует.

КОЗЛОВСКИЙ. Да ну?! Прошло уже ваше время. Хватит людей обстругивать. Надоело. Я человек! Мне больно, когда меня рубанком.

ЧИЧКО. Ему, видите ли, больно! А нам, думаете, не больно?! Нам не больно, когда вы тут...

ВОЙТЮК. Манкируете всем, что дорого, свято.

ЧИЧКО. Постыдились бы!

ВОЙТЮК. Тут лаборанты. Молодые люди. Какой вы им пример подаете? Что они возьмут от вас?

ВЕЛЬТМАН. Ничего мы...

ВОЙТЮК. Ничего!

КОЗЛОВСКИЙ. Слышали уже.

ЧИЧКО. Еще послушайте. Это полезно.

ВОЙТЮК. Подумаешь, божок нашелся! Руководитель отдела. Только-только назначили — и сразу куролесить. И не таких урезонивали.

КОЗЛОВСКИЙ. Назначили? Меня?

ВОЙТЮК. Вас. Просили поздравить.

КОЗЛОВСКИЙ. Тania звонила? Когда?

ЧИЧКО. Когда вы там... (*Запела.*) «Дышала ночь восторгом сладострастия...» Подойдет? Или и за это извиняться нужно?

КОЗЛОВСКИЙ. Перестаньте шутить, Валентина Ивановна. Серьезно: меня назначили?

ВОЙТЮК. А вы не ожидали?

ЧИЧКО. Шутить?! Все у него — шуточки. Ну, ничего. Это только до завтра.

КОЗЛОВСКИЙ. Да ничего мне не будет. Кому какое дело? Это моя личная жизнь.

ЧИЧКО. Посмотрим, посмотрим.

КОЗЛОВСКИЙ. Я не понимаю. Вы-то тут при чем?

ЧИЧКО. Ни при чем? Хорошо. Пошли домой, Сеня.

КОЗЛОВСКИЙ. Валентина Ивановна, подождите. Я считал вас нормальным человеком. Зачем вам копать в чужом белье? Не заставляйте думать о вас хуже, чем вы есть на самом деле.

ЧИЧКО. Думайте, думайте. Думать иногда полезно. А я переживу как-нибудь...

КОЗЛОВСКИЙ. Валентина Ивановна...

ЛЕНА. Гена, что ты делаешь?

КОЗЛОВСКИЙ. Лена... (*Пауза.*) Лена, они думают, что схватили нас

за горло. Смешно даже. Хотят нам моральное разложение пришить. Кто им поверит?... Мы ведь любим друг друга? Разве не так?

Лена молчит.

Ты посмотри на них, Лена. Довольны. Думаєте, одолели? Все равно не будет по-вашему. Мы еще посмотрим, кто нужней институту. РЫБОНЬКА (*входит в гостиную*). Что тут за страсти?

Пауза.

КЛИМОВ. Вот, Рыбонька, они от нас уходят.
 РЫБОНЬКА. В каком смысле?
 КЛИМОВ. В прямом.
 РЫБОНЬКА. Не понимаю...
 КОЗЛОВСКИЙ. Ты же знаешь, что мы с Леной давно любим друг друга, и теперь вот решили поставить все точки над «і».
 ВОЙТЮК. Но мы этого дела так не оставим, Римма Ксенофоновна. Алексей Михайлович уже написал заявление и в партком, и в профком института по поводу аморального поведения вашего мужа.
 КОЗЛОВСКИЙ. Какое заявление?
 РЫБОНЬКА. Где оно?
 ЧИЧКО. У нас.
 РЫБОНЬКА (*Климову*). Ты написал?
 КЛИМОВ. Написал.
 ВОЙТЮК. Представляете, Таня звонит, чтобы поздравить его с назначением, а его нет. У него амуры...
 РЫБОНЬКА (*Козловскому*). Тебя назначили?
 КОЗЛОВСКИЙ. Говорят...
 РЫБОНЬКА. А ты?... Ну, расскажи, что ты тут вытворяешь?
 ВОЙТЮК. Он тут глумится над всеми.
 РЫБОНЬКА. Что там за заявление? Дайте-ка я взгляну.
 ЧИЧКО. Завтра все узнаете.
 ВОЙТЮК. Сейчас не стоит. Вы слишком взволнованны...
 РЫБОНЬКА. Понятно... (*Мужу*.) Доигрался?
 КОЗЛОВСКИЙ. Какое мне дело до этих заявлений?! Ничего мне не нужно. Я решил — и пропади оно все пропадом. Мы с Леной...
 РЫБОНЬКА. Ах, вы с Леной?! С Леной!.. А я? Что будет со мной, ты подумал?... А?! За всех все решил. И за меня, и за детей. Умница! А ну, собирайся, пойдем домой.
 КОЗЛОВСКИЙ. Никуда я с тобой не пойду.
 РЫБОНЬКА. Пойдешь.
 КОЗЛОВСКИЙ. Я сказал...
 РЫБОНЬКА. А я говорю, пойдешь. (*Тацит его к выходу*.)
 КОЗЛОВСКИЙ. Не драться же мне с тобой?
 РЫБОНЬКА. Только попробуй. Я тебе дам драться... (*Подтаскивает его к выходу*.)
 КОЗЛОВСКИЙ. Все равно дверь заперта.
 РЫБОНЬКА. Ничего. Иди сюда. (*Затаскивает его в ванную*.)

Слышен шум воды, неясное бормотание. Пауза.

ЛЕНА. Скоты... Какие же вы все скоты... (*Уходит в спальню и ложится на диван*.)

ДЯДЯ ЮРА (*идет к ней*). Прости, Елена, старого пьяницу. Поймали они меня.

ЛЕНА. Уйдите.

ДЯДЯ ЮРА. Да, да... Я, конечно... (*Забивается в угол*.)

ЧИЧКО (*в гостиной*). «Скоты»... А она — ангел.

КЛИМОВ. Помолчите, пожалуйста, прошу вас.

Пауза.

ВОЙТЮК. Да... Вот и вся любовь. Сейчас она его...

ВЕЛЬТМАН. По домам пора.

ВОЙТЮК. Да, Валя, пойдем, пожалуй?

ЧИЧКО (*тихо мужу*). Я тебе пойду! Ты что, опять в кусты? (*Вельтману*.) Неужели вы можете сейчас уйти? Решаются судьбы, а вы...

ВЕЛЬТМАН. А я тут при чем? (*Пауза*.) Впрочем, мне спешить некуда.

Пауза.

ВЕРА. Неужели он?!.

ВОЙТЮК. Эх, девочка, ты думала, здесь подвигом, Шекспиром повеяло? Не с его пустозвонством яды из-за любви пить. Пойдет сейчас домой, проспится, пропесочат его как следует на работе, и будет шелковый. Зря оды ему писали, мучились.

ВЕЛЬТМАН. Да мы просто...

ВОЙТЮК. Я понимаю... «просто»... Это только гениальное все просто. А нам — ой, как все не просто. Хотя вы пока еще гений, конечно.

ВЕЛЬТМАН. Почему сразу «гений»?

ВОЙТЮК. Да чего уж там. Все через это прошли. Я, когда молодой был, тоже мечтал...

ВЕЛЬТМАН. Гений рождается раз в сто лет.

ВОЙТЮК. Ну, это смотря какого масштаба гений. Есть национальные гении, есть гении, признанные всем человечеством, а есть и маленькие, местечковые. Вот Геннадий Моисеевич был сегодня нашим домашним, так сказать, семейным гением. Гимны ему пели, каждое слово ловили...

ВЕЛЬТМАН. Никто гением его не считал.

ВОЙТЮК. Но ведь показывали, что считаем... Да вы не нервничайте. Такой уж удел подчиненных. Была бы воля — всю грудь бы ему орденами заляпали.

ВЕРА. Как так можно говорить?

ВОЙТЮК (*смеется*). Не стыдитесь этого. Все такие. И я такой же. Ничего в этом зазорного нет... Хотя я раньше — тоже, как вы... О-о-о! Что ты?! Гений был.

ВЕРА. Вы?

ВОЙТЮК. Да... В мечтах. На столетия я не замахивался, конечно. Мечтал быть лучшим из родившихся со мной в одном году. Скромное желание, не правда ли?... Ночами ерзал в кровати, сочинял о себе статьи в энциклопедию... Потом вниз, вниз... Были, конечно, всплески. Раз в газету попал. Сейчас стыдно вспомнить — гордился. А недавно с бывшей соседкой встретился, — полгода не виделись, — прошла мимо и не узнала. Для нее я уже не существую... Да и для себя-то, честно сказать, тоже... Если б не Валя, плюнул бы на все — и на дно поглубже. Надоела вся эта бодяга.

ВЕРА. Как «на дно»? Надо обязательно стремиться к какой-то цели, а иначе зачем жить?

ВОЙТЮК. Стремиться — это хорошо... Знаете, девочка, посредственность — тяжелое слово, но когда-нибудь к нему нужно привыкать. И чем скорее, тем лучше. Все мы... Если один чуть получше, зато другой — с деньгами. Один хитрит что-то, у другого жена... (*Покосился на Чичко.*) Дай бог каждому. Не изменяет, не изображает из себя пацу.

КЛИМОВ. Замолчите, ради бога.

Войтюк затих. Но потом его опять понесло.

ВОЙТЮК. Бог... Бог — это сложно... Иногда думаешь, а вдруг он есть? Ну, не Христос, а какая-то... высшая субстанция. И перед ней мы как на ладони. Мы ведь грешим все-таки. Все... Иногда заглянешь себе в душу — столько там всего...

ЧИЧКО. Перестань! Что ты за человек?!

ВОЙТЮК (*тихо*). Валя, может быть, пойдем домой, а? Пусть они тут сами...

ЧИЧКО (*зло*). Пойдем! Одевайся! Ну, что ты сидишь?! Мне это больше всего нужно?! Агнец божий! А я, выходит... Я... Не нужно мне ничего! Живите тут как хотите! Мало мне своих забот... Выходит, я, и вправду, сволочь какая-то! (*Забилась в истерике.*) Людям хочешь добра, а они как на стерву на тебя смотрят! Не хочу! Ничего мне от вас не надо! Пошли! Кому говорю?! Ты!.. Ты!.. Видеть тебя не могу!.. Когда же все это кончится, господи?!

Все засуетились вокруг Чичко.

ВОЙТЮК. Валя... Солнышко мое... Не надо

КЛИМОВ. Успокойтесь, Валентина Ивановна. Воды! Принесите воды кто-нибудь.

Войтюк и Вера кидаются за водой. Войтюк приносит воду. Вера остается на кухне.

ВОЙТЮК. Вот, выпей... Валенька, ну что ты?

ЧИЧКО. Ничего мне не надо. Уйдите от меня... Как мне все надоело, если б кто знал!

КЛИМОВ. Я понимаю, Валентина Ивановна, это из-за меня... Это я

неудачник такой... Вы для меня стараетесь. Я все понимаю, вы не для себя. Вы хотели как лучше. Чтобы мы с Леной были вместе.

ЧИЧКО. Ничего я не хочу. Устала я. От всего устала...

КЛИМОВ. Выпейте воды...

Чичко пьет.

ЧИЧКО. Как будто я змея!.. Палками меня. Палками! Бейте, что же вы?! Может быть, поскорей отмучаюсь.

ВОЙТЮК. Валя... Валюша... Мамочка моя, да что же это такое?! Ну, зачем ты так?..

Входят Рыбонька и Козловский. Чичко, увидев их, отворачивается. Войтюк возле нее. Климов отходит в сторону.

РЫБОНЬКА (*Козловскому*). Ну?!

КОЗЛОВСКИЙ. Не буду я извиняться.

РЫБОНЬКА. А я говорю, будешь.

КОЗЛОВСКИЙ. Не буду.

РЫБОНЬКА. Опять?! (*Бьет его по затылку.*)

КОЗЛОВСКИЙ. Не трогай меня.

ЧИЧКО. Его нельзя трогать. Он — мученик! А мы...

ВОЙТЮК. Валя, тебе нельзя волноваться.

ЧИЧКО. Мне ничего нельзя! Кто я? Это им все можно, а мы... Мы подлецы! Мы не даем им жить! Мы цепляемся за их счастье. Они дерзают, творят, а мы цепляемся... Грабители — вот мы кто!

РЫБОНЬКА (*тихо мужу*). Я с тобой сейчас не знаю что сделаю.

КЛИМОВ. Валентина Ивановна...

ЧИЧКО. Бандиты мы. Старая банда. Под корень нас...

КОЗЛОВСКИЙ. Никто вас так не называл.

ЧИЧКО. Неужели?! Спасибо. Не называли! Да у вас в глазах все время это сидит. Мешаем мы вам! Ме-ша-ем!

КОЗЛОВСКИЙ. Никто никому не мешает. Каждый делает свое дело. А если сами чувствуете, что выдохлись, зачем пылить? Из-за чего? Зачем эти истерики? (*Шутит.*) Подумаешь, землетрясение произошло. Сами-то в молодости тоже, небось, баловались, так чего ханжить-то? На себя теперь злиться надо.

ВОЙТЮК. Вы... вы... чудовище... Я сейчас... Как так можно?!

КОЗЛОВСКИЙ. А вам можно?

РЫБОНЬКА. Заткнись.

ВЕРА (*вбегает из кухни*). Как вам не стыдно, Геннадий Моисеевич? Неужели вы такой?.. Я уважала вас. Даже когда там все случилось, уважала. А вы... вы... плохой человек. Вы — эгоист. Вам никого не жаль. Старая женщина мучается из-за вас, а вы никого не видите, кроме себя. Все из-за вас мучаются, а вы... Это подло! Подло!

ВЕЛЬТМАН (*кидается к ней*). Что ты, Верка?! (*Уводит ее в кухню.*) Ты что, взбесилась? Без нас разберутся. Тебе больше всех надо?

ВЕРА. Чего ты пристал?

ВЕЛЬТМАН. Ох, ты и дура.

ВЕРА. Не твое дело.

КЛИМОВ (*Козловскому*). Послушай... Извинись. (*Пауза.*) Если ты сейчас не извинишься перед Валентиной Ивановной, вот тут перед всеми... за то, что... В общем, знаешь за что. Если не извинишься, я тебе голову проломлю.

КОЗЛОВСКИЙ. Ты...

КЛИМОВ. Памятью матери клянусь – убью! Все я тебе прощал, но ты тут, как...

КОЗЛОВСКИЙ. Леша...

КЛИМОВ. Кончился Леша. Я хоть и размазня... Пусть. Тут уж какой есть. Но если я сказал... Ты знаешь меня, да?

ЧИЧКО. Не надо, Алексей Михайлович! Я ему прощаю.

КЛИМОВ (*Козловскому*). Убью. Завтра же. Я тебе точно говорю.

РЫБОНЬКА. Она ему уже простила.

КЛИМОВ (*Рыбоньке*). Слышал. (*Козловскому.*) Ну, так как?

КОЗЛОВСКИЙ. Чего ты из-за ерунды?..

ВОЙТЮК. Из-за ерунды?! Все ему ерунда! Не надо нам его извинений. Не хотим. Пойдем, Валя, домой. Себе дороже.

КОЗЛОВСКИЙ. Подождите. Я не то хотел сказать. Я, наверное, подонок, конечно.

РЫБОНЬКА. Наверное. Хорошо хоть, сам понимаешь.

КОЗЛОВСКИЙ. Не перебивай. Безусловно, я сегодня... От водки, что ли... Кто-то сказал: в человеке все есть. И хам, и мерзавец, и сволочь, и приличное начало тоже есть. В подонке – хорошее спит, у хорошего – дрянь на дне... Я не знаю, что я за человек. Честно. Перед самим собой. Иногда – мразь такая, что... А иногда – куда ни шло... Короче, я виноват перед вами, Валентина Ивановна. Прошу меня простить. И перед тобой, Леша, виноват... Любовь... Она, наверное, бывает... Но по-честному... больше назло. И себе, и жене, и... всем. Если можешь, Леша, прости. Блажь это все...

Лена с белым, как мел, лицом появляется в гостиной.

Лена...

РЫБОНЬКА. Заткнись!

Лена падает. Климов ее подхватывает.

КЛИМОВ. Лена! (*Уносит ее в спальню на диван.*)

ДЯДЯ ЮРА (*Климову*). Воды ей, быстро. И чего-нибудь от сердца.

КЛИМОВ (*кидается в гостиную*). От сердца чего-нибудь!

ЧИЧКО (*роется в сумочке*). У меня должно быть.

ДЯДЯ ЮРА (*Лене*). Не переживай. Ничего... Ведь и все так... Кто в затылок с девяти шагов, а кто втихаря... потихоньку... каждый день...

ЛЕНА. Дядя Юра, уйдите... Я жалела вас, а вы... Принесите Сережу. Сейчас же.

ДЯДЯ ЮРА. Нет, Елена... Пусть он со мной побудет.

ЛЕНА. Ни одной минуты.

ЧИЧКО. Нашла. (*Отдает Климову валидол.*)

КЛИМОВ (*возле Лены*). Вот... валидол.

ДЯДЯ ЮРА. Да... Ну, вот и и... (*Выходит в гостиную.*) Люди!.. Дайте водки.

Все молчат. Он находит полупустую, недопитую бутылку, пьет из горлышка и, закашлявшись, выходит в ванную.

ВЕРА (*на кухне*). Противно.

ВЕЛЬТМАН. Не суйся, я тебе говорю. Не просят – не суйся. Чего ты? Тебя просят?

В спальне Климов укладывает Лену себе на колени и укачивает, как ребенка.
Пауза.

РЫБОНЬКА. Чего этому пьянице нужно?

ВОЙТЮК. Друг семьи.

РЫБОНЬКА. Бесцеремонность какая! Будто бы мы ему чем-то обязаны. Хамит...

ВОЙТЮК. Не стоит обращать внимания.

РЫБОНЬКА. Не понимаю, почему я должна терпеть издевательства какого-то...

ЧИЧКО. Никто никому не должен. Ничего.

РЫБОНЬКА. Валентина Ивановна, вы нас с Геной извините, ради бога. Все так глупо получилось.

ЧИЧКО. Дело не в глупости.

РЫБОНЬКА. Да, да. Конечно. Гена вел себя сегодня как хам. Но это ведь понятно – выпил. С кем не бывает? (*Смеется.*)

ЧИЧКО. Что вы за него распинаетесь? У него, кажется, и свой язык есть?

КОЗЛОВСКИЙ. Что вам хочется от меня услышать?

ЧИЧКО. Ровным счетом ничего.

РЫБОНЬКА. Все, все. Не будем начинать все сначала. Мир. Давайте порвем это несчастное заявление и будем друзьями... А то я, признаться, испугалась. Представляете, что если бы вы на самом деле отнесли эту бумагу в институт? Ничего ему, конечно, не сделали бы, но нервы – ой, как бы потрепали. У вас там мастера языки почесать. И по делу, и без дела.

ЧИЧКО. Да. Уж вы приготовьтесь. Завтра «по делу» будут «языки чесать».

РЫБОНЬКА. Валентина Ивановна, неужели вы на самом деле понесете эту писульку в институт? Надо быть выше семейных дразг. Неужели интеллигентные люди должны вот так вот хватать друг друга за горло?

ВОЙТЮК. Интеллигентные люди?! Где это вы нашли здесь интеллигентных людей? Вокруг только спесь и подлость к ближнему. Научился унижать без кулаков и ругани – вот ты и интеллигент.

РЫБОНЬКА. Чего это вас прорвало?

ВОЙТЮК. Наболело. Вы ведь нас ни во что не ставите. Когда насмехаетесь над нами между собой, небось, не вспоминаете об интеллигентности. А приспичило – шелковые стали?

ЧИЧКО. Сеня, не надо.
 РЫБОНЬКА. Ах, ты...
 ВОЙТЮК. Попрошу мне не тыкать!
 РЫБОНЬКА. Значит, так?
 ВОЙТЮК. Вот именно. Так.
 РЫБОНЬКА. Хорошо... Посмотрим.
 ВОЙТЮК. Ага, посмотрим.
 РЫБОНЬКА (*смеется*). Нет, ты посмотри на них! Надулись... Думаєте, товарищ Почикаев вас будет слушать? Нужны вы ему больно.
 ЧИЧКО. А мы и не собираемся ничего говорить. Алексей Михайлович уже написал.
 РЫБОНЬКА. Алексей Михайлович, Алексей Михайлович! Не подонок Алексей Михайлович. Сроду Алексей Михайлович этим не занимался.
 ЧИЧКО. А теперь придется.
 РЫБОНЬКА. Заставите?
 ЧИЧКО. Из принципа заставим. Хотела плюнуть на все это, а теперь — назло.
 РЫБОНЬКА (*якобы удивленно*). Вот!.. Бывает же такое чудо на свете! (*Чичко.*) Ты посмотри на себя. Слово какое-то... Вот забыла... Очень на тебя похоже... По географии... Тунгуска подколодная, вот ты кто.
 КОЗЛОВСКИЙ. Подкаменная.
 РЫБОНЬКА. А она — подколодная. (*Смеется.*) Да?
 ВОЙТЮК. Распоясались.
 РЫБОНЬКА (*нежно Чичко*). Пу-угало-о!..
 ЧИЧКО. Это уж слишком. Сеня, дай бумагу. (*Обращаясь к сидящим на кухне.*) Вы слышали, товарищи?
 ВЕЛЬТМАН. Чего?
 РЫБОНЬКА. Вот это. (*Еще нежнее.*) Пу-угало-о!..
 ЧИЧКО. Да, да, вот это. (*Садится писать.*)
 РЫБОНЬКА (*вырывает бумагу, рвет ее*). Пу-угало-о!..
 ВОЙТЮК. Ничего. Успокойся, Валя. Мы дома напишем. Пусть. Им же хуже будет.
 РЫБОНЬКА. Да никто вас тут не боится. Явились!.. Кто вас сюда звал? Что вам тут нужно было? Паленое почуяли?
 ВОЙТЮК. Я говорил?! Уже обернули! Ну, что за люди?!
 ЧИЧКО. Сеня, это не люди.
 ВОЙТЮК. А! Ну и прекрасно!..

Климов ведет Лену в ванную.

РЫБОНЬКА. У нас в деревне таким, как вы, дома поджигали.
 ВОЙТЮК. А у нас таким — ворота дегтем мазали.
 ЧИЧКО. Сеня!..
 РЫБОНЬКА. Пу-угало-о!

Из ванной слышится вскрик Лены.

КЛИМОВ (*вбегая в гостиную*). Там... Дядя Юра...
 ЛЕНА (*входит в гостиную*). Повесился...

Пауза.

РЫБОНЬКА. Этого еще не хватало!
 ВОЙТЮК. Чего это он?
 ЧИЧКО. Допился.

Все кидаются в ванную. Пауза. Притихшие люди молча выходят из ванной в гостиную.

КЛИМОВ. Мертвый.

Пауза.

ЛЕНА. Это из-за нас он. Из-за нас...

Пауза.

ВОЙТЮК. Почему это «из-за нас»?

Пауза.

Он же алкоголик. Наверное, приступ белой горячки.
 ЛЕНА. Мы его довели. Какой ужас!
 ВЕРА. Что теперь будет?..

Пауза. Даже в молчаливой неподвижности чувствуется лихорадочная суетливость присутствующих.

ВЕЛЬТМАН. Да ничего не будет. Он сам повесился. Что мы, виноваты?
 ЛЕНА. Виноваты.

ЧИЧКО. Да ни в чем мы не виноваты. Если за каждого сумасшедшего отвечать...

КЛИМОВ. Надо в милицию позвонить.

ВОЙТЮК. Не надо. Подождите. Нужно все продумать, а то потом затаскают. У них там быстро найдут виноватых.

КОЗЛОВСКИЙ. Да чего нам бояться?

РЫБОНЬКА. Начнут копать: что да как? Почему именно здесь, а не у себя? Найдут козла отпущения. У них не заржавеет.

КОЗЛОВСКИЙ. Допрыгались...

ВОЙТЮК. Надо молчать. Ничего у нас не было такого. Просто день рождения. Собрались друзья. Потанцевали, попели. И все. Ничего не было.

КОЗЛОВСКИЙ. А заявление?

ВОЙТЮК. И заявления не было. Порви, Валя. Сейчас же и порви.

Чичко рвет заявление.

ВЕЛЬТМАН. Надо сжечь, а то они клочки сложат и все равно прочтут.

Чичко с помощью Вельтмана сжигает клочки бумаги.

РЫБОНЬКА. А почему он повесился именно здесь?

КЛИМОВ. Ну, мало ли почему...

КОЗЛОВСКИЙ. Они докопаются.

ВОЙТЮК. Да. Я однажды попал под перекрестный допрос. Лампу в глаза и четыре часа без передышки. Втроем. Чего и не было — вспомнишь. А тут... Алиби нужно.

КОЗЛОВСКИЙ. Какое алиби? День рождения не скроешь.

ВЕЛЬТМАН. Значит, его надо скрыть.

КОЗЛОВСКИЙ. В ванне, что ли, растворить?

ВЕЛЬТМАН. Не смейтесь. Если он здесь, значит, хозяйева виноваты.

РЫБОНЬКА. Почему виноваты?

ЧИЧКО. Конечно, они виноваты.

ВЕЛЬТМАН. Все виноваты.

ВОЙТЮК. Почему это все?

ЧИЧКО. Помолчи.

ВЕЛЬТМАН. Косвенно, безусловно. Надо отнести его к себе.

ВЕРА. К тебе?

ВЕЛЬТМАН. Дура. К нему. В ванную. Как будто он там повесился.

ВЕРА. Я не понесу.

ВЕЛЬТМАН. Тебя никто не просит. *(Мужчинам.)* Пошли.

ВЕРА. А кто вешать будет?

РЫБОНЬКА. Да. Надо ведь и подвесить, как здесь.

Пауза.

ВЕЛЬТМАН. Давайте на пальцах кинем. Начнем с меня. На ком закончится, тот вешает.

Разыгрывают. Выбор падает на Климова.

КЛИМОВ. Я не буду вешать.

ВЕЛЬТМАН. В чем дело? Все же по-честному.

КЛИМОВ. Не буду, и все. Отнести — отнесу вместе со всеми, а вешать не буду.

ВЕЛЬТМАН. Ну и не надо. Хотел как лучше. Мне-то что?!

Пауза.

РЫБОНЬКА. Ну что же вы, ребята? Если он здесь будет, нас...

КОЗЛОВСКИЙ. Я повешу. Пошли.

Мужчины идут в ванную. Выносят тело дяди Юры в прихожую.

ВЕЛЬТМАН. Дверь закрыта. У кого ключи?

КЛИМОВ. У меня. *(Открывает дверь.)*

ВЕЛЬТМАН. А от его квартиры?

ВОЙТЮК. В карманах у него надо поискать. *(Роется в его карманах, не находит.)*

КОЗЛОВСКИЙ. У Лены должны быть.

Лена отдает ключи. Мужчины с телом дяди Юры уходят.

Пауза.

РЫБОНЬКА.

Я спросил электрика Петрова:

«Ты зачем надел на шею провод?..»

ЛЕНА. Замолчите!

Пауза.

РЫБОНЬКА. Надо в ванной все убрать. Чтобы следов никаких не было. *(Уходит в ванную.)*

ЧИЧКО. Он же здесь пил. Если его вскрывать будут, сразу поймут. Нужно бутылки туда отнести какие-нибудь. И закуску. Что он ел?

ВЕРА. Ничего. Он без закуски.

ЧИЧКО. Вот как без закуски-то пить... *(Берет бутылку из-под водки и бутылку из-под вина, вытирает их носовым платком.)* Чтоб отпечатков не было. *(Уходит с бутылками из квартиры.)*

Пауза.

ЛЕНА. Вера, разве можно так?

ВЕРА. Мне тоже кажется... Но они же хотят как лучше. Чтобы вас потом не обвинили.

ЛЕНА. Верочка... Мы же не люди, мы...

ВЕРА. Вы только не волнуйтесь... Лена... Николаевна... Я вас понимаю. Вам больно...

ЛЕНА. Верочка, у меня ничего больше не осталось. Все кончилось. Это не боль, это — везде... Как будто камень... Ой! Больно, Вера... Что со мной? *(Хватается за ногу.)* Вера! Смотри. Как камень... *(Испуганно.)* Вера, что это?! Больно!..

ВЕРА *(бросается к Лене)*. Лена... Леночка!.. Это... Не знаю...

ЛЕНА. Я каменею... Потрогай... Больно!..

ВЕРА. Это судорога, Леночка. *(Растирает ей ногу.)* Сейчас пройдет. Это только в сказках каменеют.

ЛЕНА. Кажется, отпустило... А я думала... *(Облегченно.)* А вдруг бы окаменела? Хорошо бы было.

ВЕРА. Не надо. Вы такая... Я, Лена... Николаевна... Не каменейте, пожалуйста.

ЛЕНА. Глупенькая ты еще, Верочка.

ВЕРА. Я? Все почему-то так говорят... А я тоже страдала, вы не думайте. Я все понимаю...

ЛЕНА. Ой, плохо мне, Верочка.

ВЕРА. Это пройдет. Вот увидите. Я вас научу. Когда мне плохо, я всегда так делаю. Надо знаете как?... Лечь на землю и посмотреть на небо. Совсем ненадолго. Только чтобы оно было чистым...

ЛЕНА. И голубым или синим, лазурным... Это для песни.

ВЕРА. Нет, нет. Я совсем не про цвет. Цвет тоже, но не то. Я не знаю, что... но когда смотришь туда, а там глубоко-глубоко... И когда не можешь представить себе этой глубины, почему-то потихоньку успокаиваешься.

ЛЕНА. Про песчинки вспоминаешь?

ВЕРА. Не то. Про песчинки я знаю. Мы – не песчинки. Это – глупости. Тут другое... Не Бог, а какая-то... гармония. Понимаете, все правильно вокруг. И никто не виноват, кроме нас самих... Ой, я не умею объяснять, Елена Николаевна.

ЛЕНА. Ты научишься, Верочка. Только береги себя.

ВЕРА. Неправда. Надо не себя, надо других беречь. Я знаю. Тогда все получится.

ЛЕНА. Тебе надо уйти отсюда. Иди домой, Вера. Уходи.

ВЕРА. Нет. Я не могу бросить... И вас, и... всех.

ЛЕНА. Иди, Вера.

ВЕРА. Я хотела, но так ведь не делают... *(Нерешительно.)* Может быть, правда уйти?

ЛЕНА. Иди.

ВЕРА. Да?..

Появляется Рыбонька.

РЫБОНЬКА. Порядочек. Чего ты раскисла, Ленка? Все будет нормально, вот увидишь.

Входят мужчины и Чичко. Мужчины в ванной моют руки.

ВЕЛЬТМАН. Вот и все. Комар носа не подточит.

Все проходят в гостиную.

ВЕРА. А что теперь?

КЛИМОВ. Надо теперь в милицию позвонить.

ВОЙТЮК. Зачем? Откуда мы знаем, что он повесился? У нас день рождения. Праздник...

ЛЕНА. Сережа. Сережа там остался.

Бросается к выходу.

ЧИЧКО *(останавливает ее)*. Подожди. Раз он там был, пусть там и остается. Так естественней.

ЛЕНА. Он увидит и напугается.

ЧИЧКО. Я комнату закрыла... Знаете что? Ребенка тоже могут допрашивать. Надо, чтобы он им сказал: «Я спал у дяди Юры, а потом громко пели за стенкой, я проснулся и заплакал. Мама

услышала, пришла, а потом стали звонить в милицию». Ребенку они поверят.

РЫБОНЬКА. И соседи заодно пусть слышат. Это мысль. Давайте петь.

ВЕРА. Как петь?

РЫБОНЬКА. Громко. Как пьяные.

ВЕЛЬТМАН. Давайте, раз надо.

ВОЙТЮК. Давайте. Как будто ничего не было. Ничего не было! У нас праздник.

Пауза.

ЧИЧКО. Ну! Пойте.

Пауза.

ВЕРА *(запела)*.

Широка страна моя родная...

ВЕЛЬТМАН. Заткнись! Нашла песню.

ВЕРА. Сами пойте.

Пауза.

ВОЙТЮК. Ну что? Ни одной песни вспомнить не можете? Геннадий Моисеевич, возьмите инструмент.

Козловский взял гитару. Берет несколько аккордов.

РЫБОНЬКА *(запела)*.

Кто сказал, что наша песня спета,
Пусть поменьше треплет языком...

ВОЙТЮК. Все давайте. Громче!

ВСЕ *(кроме Лены)*.

Экипаж летучего корвета
Не накроешь траурным венком.

ЧИЧКО. Ногами, ногами топайте.

ВСЕ *(кроме Лены)*.

Никому за нами не угнаться!
Ни к чему нам дьяволы и боги...

Вера тоже поет, но как-то нерешительно. Ей хочется присоединиться к Лене, но чувство коллективизма приобщает ее к песне.

ЧИЧКО (*прислушивается*). Не плачет еще. Погромче.
ЛЕНА. Не надо...
ВСЕ (*кроме Лены*).

Океан в сомнениях пенных бьется.
Слабый топором уходит вниз.
Если даже счастье отвернется,
Крепче за штурвал, моряк, держись!

ЛЕНА. Потихе. Хватит уже.
ВОЙТЮК. Ничего не было. Праздник у нас. Имеем мы право по-
веселиться?!
ВСЕ (*кроме Лены*).

Никому за нами не угнаться!
Ни к чему нам дьяволы и боги!

ЛЕНА. Хватит уже! Хватит, господи!
ВСЕ (*кроме Лены*).

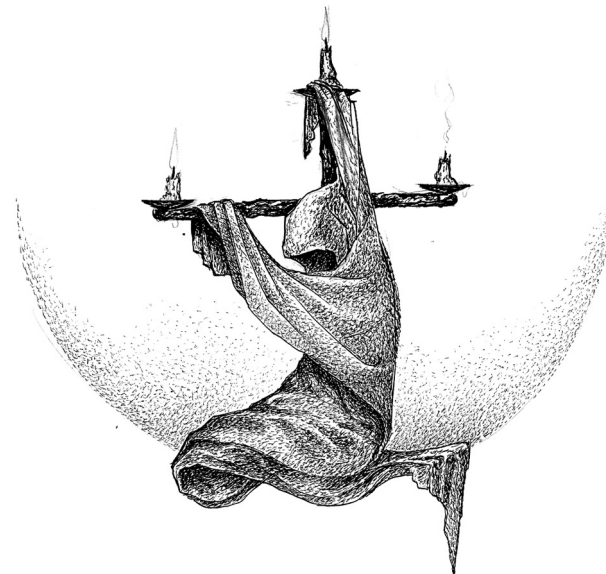
Морякам «Летучего Голландца»
Были б ветер, парус и тревоги!

Медленно закрывается занавес

Никому за нами не угнаться...
Ни к чему нам дьяволы и боги...

Занавес.

1971 г.

Голгофа

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АВТОР – написал пьесу и репетировал роль
ИИСУСА ХРИСТА

АКТРИСА – исполнительница роли
МАРИИ МАГДАЛИНЫ

РЕЖИССЕР – поставил пьесу и исполняет роль
ПОНТИЯ ПИЛАТА

АКТЕР – по фамилии
ЗАГОРУЙКО

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ночь. В темноте — языки пламени разгорающегося камина. В мерцании огня — Автор, который рвет и бросает в этот одомашненный костер листы своей рукописи.

АВТОР. Вот так!.. Ага-а!.. Еще как горят!.. Придумали — рукописи не горят. Еще как горят!..

Появляется актриса в ночной сорочке.

АКТРИСА. Дорогой, ты что тут делаешь в темноте?

АВТОР. Не мешай.

АКТРИСА (*включает свет*). Боже!..

АВТОР (*смеется*). Ишь как их корезит... Исчадие дьявола...

АКТРИСА. Ты с ума сошел! (*Вырывает у него остатки рукописи*). Что ты делаешь?!

АВТОР. Отдай.

АКТРИСА. Первая твоя пьеса, которую захотели поставить в театре, единственная роль, которая что-то стоит во всей твоей писанине, роль на меня, роль, в которой я наконец-то могу раскрыться, — и ты ее в огонь!..

АВТОР. Это нехорошая пьеса.

АКТРИСА. Лучшей ты никогда не напишешь.

АВТОР. Не знаю. Пусть не напишу. Но эту пьесу нельзя ставить. И читать никому нельзя. Она преступна. Она изгаляется над ним... Над тобой... Над всеми, в ком хоть что-то осталось человеческое. Над последним нашим приютом...

АКТРИСА. Заблажил! Зачем же ты тогда писал?

АВТОР. Бес попутал. Я возомнил... Я попытался исследовать истоки массовых психозов, понять механизм их создания... Я поставил себя на место Бога, то есть я допустил, что он жил на самом деле. Иисус Христос. Я допустил, что никаких чудес не было. А что тогда было? Как тогда он стал Богом? Как бы я мог стать Богом на его месте?

АКТРИСА. Чего ты несешь?

АВТОР. Это не моя ноша. Не по моим зубам. Кроме богохульства, в ней ничего нет. И жалкие потуги на глубокомыслие.

АКТРИСА. Дурак! Ты еще кому-нибудь не скажи об этом. Потуги... Думаешь, я не знаю, от чего ты взбесился? Увидел меня в чужих объятьях и разыграло ретивое...

АВТОР. О чем ты говоришь? Я давно к этому привык.

АКТРИСА. Что же ты раньше ее не сжег, а только сейчас додумался? Именно сейчас. Ночью. После вечерней репетиции. Думаешь, я не видела тебя в задних рядах?... Отелло долбаный...

АВТОР. Не смей! Терпеть не могу, когда ты такая... Вы там — как торговки на базаре, в этом театре... Эфемерные создания!..

АКТРИСА. За два года — первая роль стоящая, а он — в огонь ее!

АВТОР. Все равно не разрешу вам играть.

АКТРИСА. А кто тебя спросит? Денежки получил — теперь сиди и помалкивай.

АВТОР. Деньги верну.

АКТРИСА. Ага! Нет их уже давно.

АВТОР. Как нет? Куда ж они делись?

АКТРИСА. Ты как маленький. Обиделся и давай жечь... Гоголь ты мой бородатенький... Написал гениальную вещь и из-за ерунды...

АВТОР. Я ненавижу эту пьесу. Мерзкая, гадкая, подлая...

АКТРИСА. Гениальная пьеса.

АВТОР. Отвратительная.

АКТРИСА. Ты душу в нее вложил.

АВТОР. Не мучь меня.

АКТРИСА. Ты сам не знаешь, что написал. Ты прочувствуй ее. Снова в душу к себепусти.

АВТОР. Нет.

АКТРИСА. Попробуй!..

Высвечивается декорация, изображающая грот в горе в окрестностях Иерусалима. Актриса, перевоплотившись в Марию Магдалину, заметалась якобы в ожидании Иисуса Христа.

МАРИЯ. О, небеса! Пошлите ему силы!

И волю дайте, чтоб сюда добраться

С разбитыми руками и ногами.

Дошел бы только... Только бы добрался!..

Тогда свершится...

Слышится отдаленный гул толпы. Мария бросается к выходу.

...Близится развязка.

Гул толпы нарастает.

Идет! Идет!.. Как медленно ступает...

О, милый! Потерпи еще немного...

Терпи... Терпи!.. На небесах воздастся.

Еще чуть-чуть! Еще одно усилие...

Держись, не падай!

Тверже!..

Тверже!..

Тверже!..

Иди сюда... Сюда!..

В декорации грота вступает Автор.

О, наконец-то!

АВТОР. Ладно, хватит страсти рвать.

АКТРИСА. Не пошли. Включайся, давай. Ты же знаешь текст.

АВТОР. Ещё чего!

АКТРИСА. Подыграй, я тебя прошу.
 АВТОР (*нерешительно улыбаясь*). Вот... Ты, кого хочешь, уговоришь...

Актриса-Мария укладывает Автора, уже как Иисуса на огромный валун.

МАРИЯ. Вот так... Потерпи, сейчас пройдет...

АВТОР (*подыгрывая за Иисуса*). Пить...

МАРИЯ. Исстрадался, бедняжка.

Смоченной в воде губкой прикасается к его губам.

ИИСУС. Пить...

МАРИЯ. Больше нельзя.

ИИСУС. Как же все болит...

МАРИЯ. За грехи людские крест принял.

ИИСУС. Знал бы, что это так тяжело...

МАРИЯ. Не надо, родной мой. Лучше помолчи. Потерпи... Не гневи

Отца.

ИИСУС. Да сколько можно?!

МАРИЯ. Милый мой... Маленький... Бедненький... Вот так... Вот так...

ИИСУС. Еще.. Еще...

МАРИЯ. Я возьму твою боль.

ИИСУС. Хорошо... Ага... Хорошо... Нежная ты...

МАРИЯ. Ласковый мой...

ИИСУС. Почти прошло.

МАРИЯ. Вот видишь!

ИИСУС. Исцелила.

Мария прикасается губами к его рукам, где проступили вдруг следы от гвоздей.

МАРИЯ. Теперь мне больно...

ИИСУС. Руку дай скорее...

Мария протягивает ему руку. Иисус целует ее пальцы.

Спасибо... О!.. Прости меня за стоны.

Я был не прав. Ведь стон — уже обида

На боль, на тех, кто боль мне эту сделал.

А я как раз и звал людей смиряться,

Нести свой крест и в провиденье верить.

Но боль хитра... И пастыря сломила...

МАРИЯ. Почти.

ИИСУС. Почти.

МАРИЯ (*смеется*). Пусти же мои руки.

ИИСУС. Я ожил. (*Тянется к Марии*).

МАРИЯ (*отстраняет его*). Ты воскрес. Воскрес, мой милый.

ИИСУС. Спасительница. Умница моя!..

Страдания и муки окончены...

МАРИЯ. Почти.

ИИСУС (*удивленно*). Почти?'

МАРИЯ. Почти.

ИИСУС. Не понял... Воскресенье же свершилось!

МАРИЯ. Пилат боится — этого для чуда,

Для торжества идеи будет мало.

ИИСУС. Постой, постой... Ему моих страданий

Для утверждения нашей веры мало?

МАРИЯ. При чем здесь прокуратор? Для народа

Такого воскресенья будет мало.

ИИСУС. Мария, милая! Я на кресте висел!

МАРИЯ. Страдания на несколько часов...

ИИСУС. Да что с тобой?.. Попробуйте-ка сами

На солнцепоке повисеть в распяты

С гвоздями ржавыми, забитыми в запястья

И в шиколотки...

МАРИЯ. Многие висели.

Ты не один. Иные выживали,

Когда с креста их, сжалившись, снимали.

ИИСУС. Но я же умер!

МАРИЯ. Милый, не гневишься.

Ведь и умерших, погребенных в склепах,

Порой вниз животами находили.

И ногти их с запекшеюся кровью

Свидетелями были жуткой битвы

С бездушными могильными тисками...

ИИСУС. Что говоришь ты?!

МАРИЯ. То, что люди скажут.

Хотя народ, как правило, доверчив,

Но скептики всегда в толпе найдутся.

Пойдут шутить — найдутся острословы, —

И вся идея рухнет.

ИИСУС. ...Как же это?

Нет, нет! Нельзя! Ученье наше вечно.

В нем истина. В нем сущность мироздания.

МАРИЯ. Обидно, коль малейшая оплошность

Сведет на нет задуманное нами.

Пауза.

ИИСУС. Нехорошо... А что же прокуратор?

Что он еще придумал?

МАРИЯ. Вознесенье.

ИИСУС. Что? Вознесенье?

МАРИЯ. Да. Твое. На небо.

ИИСУС (*смеется*). На крыльях воспаряющей любви?

МАРИЯ. Не смейся, милый. Все уже готово.

Пока ты воскресал, в лесу Тирейском

Твой Божий путь испробовали дважды...

ИИСУС. Как, как? Не понял.

МАРИЯ. Все поймешь. Послушай:
 Семь лучших мастеров Аримафеи
 Из рыбьих пузырей, песком истертых,
 Создали три нагих твоих скульптуры.
 Натерли их и ладаном, и маслом,
 Внутрь вставили одиннадцать лампадок,
 Чтоб в рыбьих пузырях разогревали...

ИИСУС. Они взлетели?

МАРИЯ. С ангелами вместе,
 Которые вдвоем тебя держали.
 А в небесах — мне после рассказали —
 Лампадки восковые растопились —
 Все вспыхнуло небесным Божиим светом
 И испарилось.

Пауза.

ИИСУС. Чудо...

МАРИЯ. Чудо!

ИИСУС. Чудо!..

МАРИЯ. Два раза получалось без народа,
 Сегодня — третий.

ИИСУС. Что ж, вполне возможно.
 Пускай летит... А я?

МАРИЯ. Ты прыгнешь в пропасть.

ИИСУС. Я прыгну в пропасть... В пропасть? Я?.. Зачем?

МАРИЯ. Нельзя иначе... Ты перед народом
 Появишься и, попрощавшись с ним,
 Отправишься...

ИИСУС. Куда?

МАРИЯ. В свое бессмертье.

Подводит Иисуса к выходу из грота.

Взгляни туда. Вон видишь, чуть пониже
 Вершины...

ИИСУС. Что там?

МАРИЯ. Ровная площадка.
 Отсюда тайный ход туда пробили.
 Он там — в углу.

Где-то вдалеке зазвучали трубы.

Ты слышишь? Трубы!

ИИСУС. Слышу!

МАРИЯ. Пора идти.

ИИСУС. Куда идти?! Не понял.

МАРИЯ. Условились мы — этот трубный глас
 Сигналом будет твоего явления

Народу.

Опять зов трубы.

Слышишь? Время. Выходи.

ИИСУС. Да объясни все толком. Что мне делать?

МАРИЯ. Как выйдешь на площадку, там увидишь
 Висящих два волосяных кольца.
 Взмахнешь руками, попрощавшись с миром,
 А сам наденешь кольца незаметно
 Себе на плечи. Видишь ту скалу
 У пропасти, похожую на палец?

ИИСУС. Где? У вершины?

МАРИЯ. Да. Вот к той скале
 Привязаны невидимые кольца.

ИИСУС. Смешно... Зачем?

МАРИЯ. Для... Не перебивай...

Благослови восторженную паству,
 Два шага сделай, оттолкнись слегка
 И полетишь вон к той гряде. Там пропасть.
 За той грядой, невидимый народу,
 Ты руки вверх поднимешь. От колец
 Освободившись, камнем сгинешь в пропасть.
 А ангелы твое изображение
 Поднимут в небеса. Их за грядой
 Рабы сейчас готовят к вознесенью.

ИИСУС. Веревку же увидят люди!

МАРИЯ. Что ты?!

Из жил воловьих? Мы ж ее не видим
 Отсюда даже. А народ подальше.
 Он у подножья.

Снова трубы.

Люди ждут. Иди.

ИИСУС. Лукавая затея.

МАРИЯ. Ты боишься?

ИИСУС. Мария... Я ведь... просто разобьюсь.

МАРИЯ. Конечно, милый. Но ведь это надо
 Для дела. Для ученья твоего же.

Трубный глас звучит уже почти непрерывно, нетерпеливостью своей приобретаемая вполне определенную сердитую мелодию, располагающую, впрочем, и к иронии.

ИИСУС (*трубам*). Да помолчите!

Пауза.

Гнусный прокуратор!..

Надменный Понтий!..
Герострат несчастный!..
Бессмертья алчешь в дьявольском злодействе?!..
МАРИЯ. Любимый!.. Не хули Пилата все.
Ведь вознесенье — выдумка Пилата —
Залог успеха. Истинное чудо.
Чтоб обрести с тобой свое бессмертье,
Нелегкую себе он выбрал долю...
ИИСУС. Кто шел за мной, все обретут бессмертье,
А тех, кто против... Тоже помнить будут,
Для всех найдется лакомый кусочек
От пирога религиозной славы.
Не важно — друг он, враг или предатель,
Всех будут помнить внуки наших внуков.
МАРИЯ. Века! Тысячелетья будут помнить!
«И каждому воздастся по заслугам» —
Так ты учил...
ИИСУС. Но для чего же в пропасть
Меня бросать? Что станет со мною?
МАРИЯ. Ты станешь Богом племени людского.
ИИСУС. Меня СЕЙЧАС не будет!
МАРИЯ. И не надо!..
Ой, что я?!.. Ты останешься в веках!
Падение твое ознаменует
Эпоху! Эру новую!..
ИИСУС. Я знаю:
«И рухнет храм изжитой старой веры,
И новый храм взамен его создастся!
Храм Истины!».
Но для чего же прыгать?
МАРИЯ. Чтоб вознестись над суетой.
ИИСУС. Блудница!
Изыди прочь, бесовское отродье!..
МАРИЯ. Я не ропшу, мой милый.
ИИСУС. О, конечно!
Тебе б еще да на меня роптать!..
Семь бесов из тебя кой как изгнал я,
В тебе еще две дюжины пригрелись...
(Кричит.) И больше не зови меня «Мой милый»!
Не смей!!!
МАРИЯ. Я знаю. Я грешна пред Богом...
ИИСУС. И Паппус твой, и вся его прислуга
Об этом знают. О! Да что прислуга —
Весь гарнизон Магалды жил с тобою!
МАРИЯ. Брани, брани...
Или побей меня.
ИИСУС. О! Если б помогли тебе побои!..
МАРИЯ. Родной...
ИИСУС. Я — в пропасть, ты — бегом к Иуде?

Или Пилат разверз тебе объятия?!
Иди! Блуди! — Скорей в трясину падай!
(Смеется.) Я — в пропасть, а она — в постели к бесам!
МАРИЯ. Не горячись...
ИИСУС. Как хорошо Иуде!
МАРИЯ. Не хорошо. На нем клеймо злодея.
Предателя. Отныне и вовеки
Измены символ — Поцелуй Иуды.
Иуды имя будет как проклятье.
ИИСУС. Века, тысячелетья, эры, вечность...
МАРИЯ. Твое — святыней.
ИИСУС. Знаешь, сколько крови
Прольется в мире знаменем Христовым?
Убийства, Свары, Распри, Вихри, Бури,
Пожарища, Крестовые походы —
Все в честь меня, всё именем Христовым!
А кто пойдет за именем Иуды?
Иль будет славить гнусности Вараввы?
МАРИЯ. Никто.
ИИСУС. Никто. Вот парадокс извечный:
Насильем насаждаются святыни,
А зла предтеча — лишь клеймо, не боле.
Злодей и только. Каиново семья...
Сумятицы в душе не вызывает
Грех в чистом виде.
МАРИЯ. Каждый многогрешен.
ИИСУС. И многое прощается грешащим.
«Так мир устроен» — грешники считают.
И их не осуждают, понимают:
«Не нам судить, мол. Нынче он сорвался,
А завтра я. И мне судьбою будет
Сегодня согрешивший»...
МАРИЯ. Нет. Не правы
Те, кто грешат и кто их защищает.
Не может быть здесь круговой поруки.
Должно быть зло наказано.
ИИСУС. Конечно.
Грешащий не имеет оправдания
Ни перед Богом, ни перед собою.
Грешить не надо.
МАРИЯ. Но грешат же люди!
ИИСУС. И не таясь... Святая ж добродетель,
В отличие от привычного порока,
В народе вызывает раздраженье...
МАРИЯ. Неправда! Вызывает восхищенье
В народе добродетель! Уваженье
И преклоненье к святости в народе!
Примеров сам немало повидал ты.
ИИСУС. Восторженных похвал общенародных

С хоругвиями, с гимнами, с псалмами —
Такой прилюдной службы много в мире.
А истой, ежедневной, тихой веры
В святую правду нет еще в народе.
Пока живет Варавва в Иудее,
Простой народ добру не будет верить.
Не до любви, когда палач под дверью
И твой очаг грозит залить бедою.

МАРИЯ. Доколе будет здравствовать насильник?!

ИИСУС. НЕ НАМ СУДИТЬ.

МАРИЯ. Убийца, вор, мерзавец
Отпущен на свободу!

ИИСУС. Не об этом

Мы говорим. И не в Варавве дело.
Варавва — воплощение злодейства,
Бродяжий дух порока, о котором
Нельзя забыть, а помнить нестерпимо.
Он как нарыв — гниет, а срезать больно.
И страшно замарать себя желаньем
Погибели отпетому злодею...

МАРИЯ. Но и желанья не было в народе
Его распять. Они тебя избрали,
А не Варавву.

ИИСУС. Ты опять об этом!

Не надо лишний раз корить заблудших.
Ведь сами мы тебя подвергли мукам,
А не Варавву. Все довольно просто:
«Не может получиться воскресенья
Без умерщвления».

МАРИЯ. Это мне понятно,
Но все равно обидно.

ИИСУС. Ты обиду

Подальше спрячь. Когда бы я позволил
Распоряжаться мной моим обидам,
Они бы затопили Галилею...

Пауза.

Ты думаешь, так просто жить изгоем,
Когда тебя встречают недоверьем
И не всегда с доверьем провожают?
Я уж не говорю о напряженье,
В котором пребываю постоянно...

МАРИЯ. Зачем же напрягаться?

ИИСУС. Разве можно

Без напряженья, без затрат духовных
Собрать вниманье разноликой массы,
Заставить недоверчивых услышать,
Услышавших — заставить мне поверить

Не разумом — Душой, беспрекословно?
Чтоб одухотворенно шли за мною.
Не как рабы, а как единоверцы...

МАРИЯ. Как я пошла.

ИИСУС. Как ты... Как шли другие.

МАРИЯ. И как еще пойдут.

ИИСУС. Я в это верю.

Пауза.

Но как непросто вызвать вдохновенье,
Тот взрыв глубинных волевых энергий,
Которым взбудоражить сердце можно,
К которому льнут души и с которым
В огонь и в воду — на смерть рвутся люди.

МАРИЯ. Я помню. Ты!.. Умеешь быть владыкой
Сердец и мыслей.

ИИСУС. Я ведь был застенчив,

И робок, и раним, и очень замкнут.
Чужих боялся, сторонился близких,
Рос нелюдимым, девушек дичился...

МАРИЯ. Но как же стал ты?..

ИИСУС. От великой боли.

От беспросветной муки Назарета
Во мне проснулись силы неземные.
Не мог смотреть, как погибают люди
Средь алчности, средь злобы и разврата.
Желанье отравлять себе подобных
Не может жить извечно меж сердцами.
Так вырождается род людской.

МАРИЯ. Конечно.

ИИСУС. И я решил противиться трясине,

Которая засасывает в бездну
Не только слабых, но и сильных мира.
Сплошным болотом стала Иудея.

МАРИЯ. И это в обезвоженной пустыне.

ИИСУС. Чтоб захлебнуться в чавкающем иле

Бессмысленного сосуществования,
Завистливого мелочного чванства,
С обшарпанной, прогнившей, лютой злобой, —
Искать особой местности не надо...
Болотом может стать любой пригорок —
И крошечное недоразуменье
Развернется глобальной войною...

МАРИЯ. Где нет любви — там мира быть не может.

ИИСУС. И я тогда отбросил нелюдимость —

Переступил через свою натуру,
Презрев плевеи вековых устоев,
Которым подчинялся, чтобы к людям

Пойти с открытым, искренним участием.
Я подчинил себе свой ум и волю,
Я говорить с толпою научился,
Я овладел законами внушенья —
Всем овладел, что может человека
Возвысить над забитой робкой массой
К той целостной и личностной вершине,
С которой человек имеет право
Брать на себя страдания людские.
А если в человечестве созреет
Потребность к осознанию обновленья,
Ответственность он взять имеет право
Перед Творцом за будущность народа:
За избавление заблудшей паствы
От скопища разнuzданных пороков,
Которыми кишмя кишат жилища
И бедных, и богатых иудеев!

МАРИЯ. Ты говорил: и в логове порока
Сумеет выжить истинная святость.
И что неистребима добродетель.
Ты говорил, что в нашем бренном мире
Добры все люди!

ИИСУС. Да?..

Пауза.

Они добры!..
И лишь смердят под гнетом обстоятельств!
Под гнетом жалкой и ненужной власти...
Но час пробьет! Поводырей не будет!
Не будет ни тиранов, ни сатрапов!
И ИСТИНА тогда восторжествует!
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!..

Бойся, прокуратор!..

МАРИЯ (*надаёт на колени*). Святой отец! О Бог мой! Иисусе!..
Сподобился!.. Сияние!.. Иди!

ИИСУС. Иду... иду!

Во имя благодати!

Приму я смерть, чтоб воцарилась ВЕРА!

Во имя избавленья от страданий

Всего живого! Сущего...

МАРИЯ. Спускайся.

Мария помогает Иисусу спуститься в потайной ход. Иисус исчезает в нем.

МАРИЯ. Сподобился... Ну, наконец... Посмотрим...

Явственней стало вдруг чувствоваться дыхание толпы у подножья Голгофы.

МАРИЯ. Вот появился... Поднял руки вверх...
Благословил... Теперь вперед!.. Вперед!..
Решился! Полетел. Летит! Летит!..
Ну что, Пилат?! Ты сомневался в чуде?!
Болтал об исключительности римлян.
Не только Риму подвиги подвластны.
Теперь ОН символ ИСТИНЫ и ВЕРЫ!
ГРЯДУЩИЕ ВЕКА ВЫ В НАШЕЙ ВЛАСТИ!
Все именем ЕГО вершиться будет!
СВЯТОЙ!..

ХРИСТОС!..

Ты победил!..

МЕССИЯ!

Пауза.

Тьфу! Надо же!..

АВТОР (*появляясь*). Все. Хватит.

АКТРИСА. Уйди.

АВТОР. Прекрати. Нельзя дальше продолжать.

АКТРИСА. Не мешай! (*Продолжает за Марию.*)

Болван. Назад вернулся.

Теперь конец! (*Смеется.*) Подумать только! Трус...

АВТОР. Я не разрешаю играть дальше! Я уже съел эту ересь!

АКТРИСА. Лучшую сцену?!

АВТОР. Худшую!

АКТРИСА. Чего же тогда мне играть в этой роли? А ну давай, выходи на площадку!

АВТОР. Ни за что!

АКТРИСА. Я брошу тебя, если ты сейчас же не прекратишь мне душу мотать! Я серьезно тебе говорю — ты меня знаешь...

АВТОР. Не может быть такого Иисуса Христа!

АКТРИСА. Откуда ты знаешь?

АВТОР. Знаю.

АКТРИСА. Откуда?! Ты же в церкви ни разу не был! Нехристь!

АВТОР. Я крещен.

АКТРИСА. Ой, ой, держите меня!..

АВТОР. Пусть я... не святой, конечно... Но он — Сын Божий! Он.

АКТРИСА. Ты будешь продолжать или нет!?

АВТОР. Я...

АКТРИСА (*уже за Марию*). Ну что, Святой?..

Автор пытается что-то сказать за Иисуса, но не решается.

АВТОР. Нет, не могу.

АКТРИСА (*за Марию*). Где жертвенность твоя?

Грехи людские людям остаются?

АВТОР. Я не могу!..

Актриса уже преобразилась в Марию.

МАРИЯ. Иуда смог, а ты...
Ты предал все. И ИСТИНУ, и ВЕРУ.
Испакостил в себе свои вершины.
Кричал: имею право быть Мессией!
Хотел прибрать к рукам людские беды!..
В своих проблемах разберись сначала,
А уж потом вещай об обновленье.
Все мастера — других вести на подвиг,
К победам звать, о долге кукарекать,
Клеймить предателей, себя отождествляя
С предтечами, с пророками, с творцами.
Непогрешимость собственную ставя
Отдельно от забот и бед народа,
О дне грядущем мудрствуя лукаво...

Автор подыгрывает ей за Иисуса.

ИИСУС. Я жить хочу!
МАРИЯ. А людям жить не надо?
ИИСУС. Они живут. И будут жить пока.
Ты... Прокуратор... Доблестный Иуда...
МАРИЯ. Да, доблестный! Он принял на себя
Ужасный жребий. Принял добровольно...
Быть символом предательства, измены,
Чтоб оттенить твою благодать святость.
Чтобы тебе святые гимны пелись.
Чтобы в него проклятиями плевались.
ИИСУС. Зато он жив!
МАРИЯ. Он мертв. Он мертв!
ИИСУС. Как это?
МАРИЯ. Повесился в каком-то огороде,
Взяв на себя презрение людское,
Чтоб люди впредь на идола молились.
Не на него, а на тебя...
Спаситель,

Пауза.

Хотя могло бы быть совсем иначе,
Когда б не доля, что ему досталась.

Пауза.

ИИСУС. Напрасно он...
МАРИЯ. Уж помолчи!.. Учитель.
(Смеется.) Прав был Пилат! Не верил, что решишься
Ты сгинуть в пропасть. Спорила я с ним...

Я верила в тебя... А ты...
Ты жалок...
Ступай отсюда. Что тебе здесь делать!?

ИИСУС. Любимая...
МАРИЯ. Оставь меня прошу.
ИИСУС. Мария, знала б ты...
МАРИЯ. Да все понятно.
ИИСУС. Не смей!
МАРИЯ. Обидно.
ИИСУС. Страшно...
МАРИЯ. Все впустую.
ИИСУС. Мария, не пойму я, что со мною...
Трясет меня... Мария, где ты?..
Где ты?!
МАРИЯ. Я здесь.
ИИСУС. Ты где? Я ничего не вижу.
Дай руку.
МАРИЯ (*протягивает руку*). На.
ИИСУС. О, милая, спасибо!..
Согрей меня.
МАРИЯ. И больше ничего?
ИИСУС. Не надо так говорить. Не надо сейчас. Я тебя прошу. Ты не
знаешь, как это жутко, когда все хотят твоей смерти. Все ждут, чтобы
ты сам... Даже ты. Ты тоже... Ты же любишь меня, я знаю, любишь...

Судорожно целует ей руку... плечо... шею...

И ты тоже хочешь, чтобы я... Разве тебе будет лучше без меня?

МАРИЯ. Оставь, не надо.
ИИСУС. Не уходи. Постой. Еще немного...
Мария, о!..

Валит ее на валун.

МАРИЯ. Да пусти же!..
ИИСУС. Не надо ничего говорить. Помолчи.
МАРИЯ. Ну что с тобой?
ИИСУС. Какая ты... Хорошая моя... С ума сойду... Ис-це-ли-
тельница...

Мария встает с импровизированного ложа.

МАРИЯ. Успокойся.
ИИСУС. Мария, сжался...
МАРИЯ. В этом ты герой.
Невелика премудрость быть мужчиной
В постели.
ИИСУС. Стой. Ну что ты так со мною?!
МАРИЯ. Не знаешь?

Пауза.

ИИСУС. Знаю... Все равно — спасибо.

Теперь мне легче.

МАРИЯ. Легче? Неужели?

ИИСУС. Я не про то. Немного подожди.

Сейчас...

Я успокоюсь...

Было б чудом...

МАРИЯ. Не будет чуда! Кончились мученья!

Твои, мои...

Иуду только жалко...

ИИСУС. Непостижимо... Взял и удавился...

Зачем?

МАРИЯ. Зачем?! Ну, как ты не поймешь?!

ИИСУС. Я понимаю. Тяжесть злодеянья

Так велика, что...

МАРИЯ. Лучший ученик!..

ИИСУС. Учителю теперь немym укором...

Пауза.

«Согласен быть ты проклятым в народе
Во имя завтра этого народа?..» —
Вершина сущего и все теперь напрасно...

Пауза.

МАРИЯ. Нет, не напрасно.

ИИСУС. Ничего бесследно

Не исчезает...

Пауза.

Я не смог погибнуть

Героем...

Он же подлецом ушел из жизни...

И ничего нельзя уж изменить.

Все — суета сует...

МАРИЯ. Неправда!

ИИСУС. Разве?

Народ раскрыл Пилатову затею.

МАРИЯ. Неправда.

ИИСУС. Что?

МАРИЯ. Не знаешь ты Пилата.

ИИСУС. Да знай — не знай, народ позор мой видел.

МАРИЯ. Какой позор?

ИИСУС. Катанье на качелях.

МАРИЯ. И это все предусмотрел Пилат.

ИИСУС. Чего предусмотрел?

МАРИЯ. Твое сомненье.

В народе слух пустил он: «Прах Адама,

Лежащий в основании горы,

Препятствует Христову вознесенью.

И только лишь, как вздыбится земля,

Вздохнет Адам, от пут освободится —

Тогда и сможет Иисус взлететь».

Для этого обрушить три пещеры

Пилат надумал.

ИИСУС. Что же ты молчала?

МАРИЯ. Мне было горько видеть твою слабость,

Предсказанную циником — Пилатом.

ИИСУС (*смеется*). Вот негодяй! Ехидны порожденье...

А что еще наместник предсказал?

МАРИЯ. Лишь в третий раз погибнуть ты решишься.

ИИСУС. Ну, пройдем же! Проведем его.

Сейчас взлетим!

МАРИЯ. Пилат учел и это.

Сказал он: если выдам предсказанье,

То ты взлетишь, как только все узнаешь.

ИИСУС (*смеется*). Ну надо ж?! Обложил со всех сторон!

Уж эти мне Пилатовы изыски!..

Рассказывают, он еще ребенком

Всех поражал логическим мышленьем,

Был лучшим в овладении догматов,

Достиг вершин известных в Риме знаний,

Вошел в Совет Мудрейших римской знати,

Был первым и в ораторском искусстве —

Всего достиг...

МАРИЯ. Теперь бессмертья ищет.

ИИСУС. Ему б еще изжить в себе гордыню,

Которая мозги ему туманит,

И, обращая в камень его сердце,

Из твердости жестокость выплавляет...

МАРИЯ. Которая трусливых укрощает.

ИИСУС. Мария, может быть, твоих укоров

Достаточно?

МАРИЯ. Ты взялся о Пилате

Судить-рядить, а сам погряз по уши...

Скатился в яму...

ИИСУС. Прекрати! Не надо...

МАРИЯ. Да как «не надо»?! Миленький, опомнись!

Зачем тогда великие лишения,

Которые терпели наши братья?..

И ты, и я...

Пауза.

А ты вдруг о Пилате!..
Как будто ОН – не ТЫ надежда наша!
ИИСУС. Мария... (*Берет Марию за руку*).
МАРИЯ (*отстраняясь*). Отпусти...
ИИСУС. Я трус?
МАРИЯ. Обидно.
ИИСУС. Так что мне делать?
МАРИЯ. Я теперь не знаю.
Не знаю даже, стоит ли лететь.
ИИСУС. Оставь. Сейчас не время для обиды.
Не Бог ведь я. Всего лишь человек.
А человеку свойственно цепляться
За жизнь... За запах трав, за плеск ручья,
За свежесть утра, за твою улыбку.
Я знаю, трусость – грех, но дело делать
Совсем не просто, милая Мария.
А если в ход идут тысячелетья,
Тем более...
МАРИЯ. Пора уже. Решайся.

Пауза.

ИИСУС. А может быть, довольно воскресенья?
Да и до смерти сделал я немало.
За мною люди толпами ходили...
МАРИЯ. Ты фокусы свои теперь для Рима
Прибереги. Вот там, между боями,
Когда зарежет друга гладиатор,
Патрициям румяным для потехи
Придется ко двору хороший клоун.
ИИСУС. За что, скажи, меня ты ненавидишь?!
МАРИЯ. Не ненавижу...
ИИСУС. Просто презираешь...

Пауза.

Как трудно быть поводырем у паствы,
Которая твоей кончины алчет...
Добры все люди? Но тогда откуда
Такая жажда, ненасытность крови...
МАРИЯ. Подвижников никто не заставляет.
ИИСУС. И недоверье. Что бы я ни делал,
Как ни старался приобщить их к Вере,
Я спотыкался обо пни сомнений.
Им подавай зияющие раны,
Чтоб в них они персты свои вложили.
Как будто безусловный символ Веры –
У пастыря копать в свежих ранах.

И если б к ранам их вело сомненье,
А не желанье насладиться болью
Того, к кому душа должна тянуться,
Который ждет от них лишь единенья
Вокруг идеи праведной...
МАРИЯ. Довольно!
Чтоб паству подвигать к великой цели,
И пастырю пристало быть великим,
А не болтаться, будто на качелях,
Туда-сюда. Ведь люди у подножья
За тем, кто наверху, взирают зорко.
Чтобы заставить на себя молиться,
От вожделений избавляться должно.
ИИСУС. Народ в Идею должен слепо верить.
МАРИЯ. Поверят слепо только чудотворцу.
ИИСУС. Да сколько можно!
МАРИЯ. Чудеса разнятся
Между собой, как птицы друг от друга.
Ну, накормил толпу ты черствым хлебом –
От голода избавил. Это чудо –
Для брюха. Помогал потом калекам.
А дальше что? Сам говорил: не хлебом
Единым надо людям пробавляться.
Подай пример.
ИИСУС (*смеется*). Меня моим ученьем
Неумолимо низвергаешь в пропасть.
МАРИЯ. Я только об ученье и тревожусь.
Ты от него попробуй отстраниться,
На библию взгляни сторонним взглядом:
Ведь Это – жуть. Набор банальных истин,
Изложенных невыносимо скучно,
Косноязычно, вычурно, невнятно...
Да после ярких, сочных мифов римлян
Твои псалмы никто читать не станет.
Не только в мире – их и здесь забудут.
Твой свет – народам, а не фарисеям...
ИИСУС. Остановись! Не нужно изгаляться
Над тем, чего в себя вобрать не можешь.
МАРИЯ. О, да!
ИИСУС. Свою хулительную лаву
Выплескивай на что-нибудь другое.
МАРИЯ. О, небеса!
ИИСУС. Юродствовать не надо.
Зачем же осквернять свои святыни?
Неверие – совсем не добродетель.
И им кичиться ни к чему. Поверь мне.
МАРИЯ. Оставь.
ИИСУС. В небытие уходит ВЕРА,
Извита суетой святая правда,

Изолгана, издергана, избита.
МАРИЯ. Про правду в банях хорошо калякать,
Накушавшись амброзии с друзьями.
ИИСУС. Израненная сытыми мозгами,
Она совсем уж скоро изотрется!..

Пауза.

А люди не затем ушли в пустыни,
И пустыни свои там основали.
Они решили жить святой общиной,
Чтобы искать в себе добро к другому.
Спасение — для ближнего старание,
А не служенье собственной гордыне.
Зарей вечерней, утренней росой,
В дождливый полдень или в полнолуние
Отдать свое и рубище, и сердце
С восторгом, с ликованием, с любовью —
Вот в чем нашли они свой смысл негромкий...
Смысл, отреченный от услады сытной.
И оказалось — очень мало надо,
Чтоб благодать пустыню осенила...
МАРИЯ. Прости, я не про то сказать хотела.
ИИСУС. А в скучной — для тебя — священной книге
Они ответы для себя искали
На спорные или вздорные вопросы,
Которые не сразу разрешались,
И находили. Ищущий — обрящет.
МАРИЯ. Остановись.
ИИСУС. Еще тысячелетья
Она основой будет всех сюжетов.
И находить в ней будут подтвержденья
Создатели учений и творений.
МАРИЯ. Я поняла.
ИИСУС. Я сам не понимаю.

Пауза.

Что можем мы понять под этим небом,
Когда вокруг все так перекрутилось,
Запуталось, сместилось, извратилось,
Долины вздыбились, вершины опустились,
Поводыри пытаются ловчить?..
Я говорил народу: «Лгать не надо» —
А сам что делаю сейчас?..
Молчишь?..
Молчи.
МАРИЯ. Святая ложь оправдана...
ИИСУС. Бесспорно.

Во имя правды будем миру лгать!
Святое право пастора — баюкать
Сияньем чудодейственным народ
Под заунывный глас победных труб.
(Кричит.) Труби, Пилат! Пусть слышат нас потомки!
Эпоху ложью будем покорять!
МАРИЯ. Во имя ВЕРЫ ты идешь на гибель.
Во имя ВЕРЫ! Не во имя лжи.
ИИСУС. Во имя ВЕРЫ лгать мы научились!
МАРИЯ. И не кричи. Твой глас вопит в пустыне.
В пустыне недоверия к тебе.
ИИСУС. Как, как?
МАРИЯ. Не просто расставаться с жизнью.
Поэтому такое правдолюбство?

Пауза.

ИИСУС (тихо). Наверное.

Пауза.

МАРИЯ. Прости меня...
ИИСУС. Все верно.
Права ты... Да. Все правы. Без сомненья...
Сомненья бесы...
Истину святую —
Святую для меня — испепелили.
Все судьи! Вор, пройдоха, проститутка,
Ханжа, изгой, богач, подлец, пропойца —
Кому не лень об истине хлопочут...
И ждут, когда оступишься, чтоб стаей,
На миг объединившись, навалиться —
Не бережил чтоб больше, не тревожил
Чужие слезы и чужие стоны...
«Они же не твои! Куда суешься?!
Тебя просили лезть, куда не надо?!»
И раздерут в порыве дружном в клочья,
Чтобы другому было неповадно.
МАРИЯ. Любимый, тебе больно?
ИИСУС. Нет, ни капли.
...А если вдруг, увидя твою слабость,
Узнают, что бывает тебе больно,
Что вовсе не во всем ты так уверен,
Что ведомы порой тебе сомненья, —
Тут уж держись! Не ожидай пощады —
Истискают притворством. Излелеют...
МАРИЯ. В тебе обида говорит. Не прав ты.
ИИСУС. Все правы! Доказать я всем обязан,
Что помыслы мои непогрешимы!

Что Я ИМЕЮ ПРАВО на спасенье,
Нет, не себя, а тонущих в пожаре,
Погрызших в неге, утомленных ленью.
И все кричат: «Чего-то он лукавит!
Так не бывает, чтобы служба – даром.
Не без подвоха всё его раденье.
Корысти ищет он в своем усердьи.
Вот куш отхватит за свое страданье!..»
МАРИЯ. Не надо, милый. Я погорячилась.
ИИСУС. Какое-то сплошное наваждение!
Повсюду искореженность в понятиях.
Ушла из обихода жалость к людям,
Давно и сострадание исчезло.
Душа наедине с собой осталась,
А там в душе – лишь сумрачная зависть,
Которую зовут то нежно-белой,
То сгоряча, когда ругают, – черной...
МАРИЯ. Прости меня.
ИИСУС. Я не имею права
Прощать, казнить, наказывать, бесчестить...
МАРИЯ. Ты, Иисус, судья один над нами.
ИИСУС. Бог вам судья.
МАРИЯ. А разве ты не...
ИИСУС. Надо ль
Сейчас нам на прощанье пустословить?
Пора уже.
МАРИЯ. Нет!

Пауза.

ИИСУС. Я пойду, пожалуй...
МАРИЯ. Куда?
ИИСУС. Туда вон. В пропасть. На Голгофу.
МАРИЯ. Не торопись.

Пауза.

Я дам Пилату знать,
Что ты решился.

Мария подошла к выходу из грота, взмахнула платком.

ИИСУС. Тонкости какие.
Продумано здесь все до мелочей...

Призывно зазвучали трубы.

Как алчущие-просительно зывают...

Подошел к потайному ходу.

МАРИЯ. Прости...
ИИСУС. Пора.
МАРИЯ. Меня.
ИИСУС. Прощай, Мария.
МАРИЯ (*испуганно*). Не уходи! Пстой!..
Нельзя же так!..
Уйти совсем... И не сказать ни слова...
ИИСУС. Мы битый час с тобою говорили.
МАРИЯ. Куда ты?! Стой!..

Снова зов труб.

ИИСУС. Мария...
МАРИЯ (*кидается в ноги Иисусу*). Милый... милый...
ИИСУС. Мария... Что ты делаешь?..
Мария!..
МАРИЯ. Нет, нет. Иди...
А то еще немного –
И я не отпущу...
ИИСУС. Иль я останусь...

Пауза.

«И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодые умственного тупика...».

Пауза.

Красиво мысль оформилась...
И точно...
Кому-то, может быть, и пригодится...
Не позабыть бы только...

Зов трубы все настойчивее.

МАРИЯ. УХОДИ!!!

Иисус уходит. Мария идет к выходу из грота, останавливается возле него. Рев толпы у подножия Голгофы возвещает о появлении Иисуса Христа на площадке. Проходит секунда... вторая... третья... Толпа взрывается ликующими криками...

МАРИЯ (*отрешенно*). Летит пузырь... А он упал...

Отшатнувшись от входа, Мария обессиленно падает на каменную глыбу, где совсем еще недавно лежал Иисус...

МАРИЯ. ПРОЩАЙ...

Грохот обвалившихся пещер перекрывает экзальтированную восторженность мирян...

АВТОР (*появившись*). Какая ты актриса!.. Какая актриса!..

АКТРИСА. Не подходи ко мне сейчас. Я тебя очень прошу...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же грот у вершины Голгофы, но уже на сцене театра. Теперь все выглядит значительно солидней, масштабней и, само собой разумеется, более художественно. По сцене бродит Режиссер в одеянии Понтия Пилата, освежая в памяти пластическую канву предстоящего лицедейства... Наконец он, взглянув на часы, заорал...

РЕЖИССЕР. Ну где?! Где?! Где остальные?.. Мария!.. Хватит тебе по углам шаманить. Успеешь настроиться. Иди сюда!.. Где Загоруйко?! Христа на сцену! Пригласите исполнителей на сцену!.. Живой кто-нибудь есть в этом театре?.. Мария!

Появляется Актриса в одеянии Марии Магдалины.

АКТРИСА. Не ори.

РЕЖИССЕР. Не разговаривай со мной в таком тоне. Тем более в театре.

АКТРИСА. А как с тобой разговаривать?

РЕЖИССЕР. Что с тобой?

АКТРИСА. Я в образе.

РЕЖИССЕР. О, господи!.. С ума сойдешь в этом коллективе... (*Доверительно.*) После репетиции поедem... пообедаем?

АКТРИСА. А мужа куда прикажешь деть?

РЕЖИССЕР (*усмехнувшись*). С каких это пор?

АКТРИСА. Не юродствуй, пожалуйста. Он драматург. Ты мизинца его не стоишь.

РЕЖИССЕР. Ну, если в мизинце счастье!..

АКТРИСА. Не пошли.

РЕЖИССЕР. Молчу, молчу...

Пауза.

АКТРИСА. Он личность!

РЕЖИССЕР. Я в этом никогда не сомневался.

АКТРИСА. Он вчера пьесу сжечь решил.

РЕЖИССЕР. Пошто?

АКТРИСА. Не юмори.

РЕЖИССЕР. А все-таки. Он что — рехнулся?

АКТРИСА. Говорит... Нельзя глумиться над святынями...

РЕЖИССЕР. Ох уж эти мне драматурги!.. Большая совесть наша... Он хоть сам-то знает, что написал?

АКТРИСА. Еле переубедила.

РЕЖИССЕР (*ехидно*). Показом?

АКТРИСА. Да. Представь себе.

РЕЖИССЕР. Перед такой... логикой... кому же устоять!.. Поедем, правда, после репетиции ко мне.

АКТРИСА. А он совсем не плохой актер...

РЕЖИССЕР. Конечно, конечно...

АКТРИСА. И так похож на Иисуса! Ты не обращал внимания?

РЕЖИССЕР. Я давно об этом говорил... (*Кричит.*) Где Загоруйко?! Почему я до сих пор Христа не вижу на сцене?! Дайте третий звонок кто-нибудь!..

Звонит звонок.

Бардак, а не театр!..

АВТОР (*появившись на сцене*). Зря вы так о бардаках, Юрий Афанасьевич. Одно из неперемных условий престижности бардака — идеальный порядок. Сравнение бардака с любым нашим заведением — театром ли, гальюном или страной в целом — говорит лишь о нашей беспросветной дремучести.

РЕЖИССЕР. Да я знаю. Это я так...

АКТРИСА. Откуда вы все знаете? Мужчины!.. Ах да! (*Режиссеру.*) Вы же в Лондоне бывали!..

РЕЖИССЕР. Я этого Загоруйко уволю, если его через тридцать секунд не будет! Уволю вместе с помрежем!..

АВТОР. Его и через час, я думаю, не будет. Он на проходной в раздевалке лежит... очень усталый...

РЕЖИССЕР. Твою мать!.. (*Кричит.*) Докладную на Загоруйко! И в двадцать четыре часа!.. Чтоб духу его в театре не было!.. Бардак! Прости меня, господи... Что делать будем? Завтра сдача!..

АКТРИСА. Ничтожество!..

РЕЖИССЕР. Это вы кому?

АКТРИСА. Кому!.. Не вам же...

Пауза.

РЕЖИССЕР. Да... (*Автору.*) Кондратий! Что ты там с пьесой вытворяешь? Тебе потомки не простят!..

АВТОР (*взглянув на супругу*). Мне показалось... Неудобным препарировать идею, которой поклоняется полмира...

РЕЖИССЕР. И ты поклоняешься?

АВТОР. Не знаю... В некотором смысле — да... Не Богу, конечно, какому-то конкретному, но... что-то быть должно... Иначе жизнь бессмысленна... И просто так пятнать... Святые лики...

РЕЖИССЕР. Опомнись! Какие лики?! Ты что — про лики писал?! Это же про нас! Про наше время! Про меня, про нее... Про Загоруйко вон... — про всех. Ты глаза вовнутрь каждому повернул!.. И современно как все у тебя! И Сталин тут, и Горбачев, и... кто угодно!.. А сам себя как выписал!..

АВТОР. Я понимаю... Но, может быть, не стоило имя Христа трепать. Сейчас все на него накинудись... Надо было взять что-то другое... Нельзя...

РЕЖИССЕР. А Аллаха можно? А Перуна? А кто-то ведь и Солнцу молится. Тюленю. Дереву... Кто-то Медведя обожествил, кто-то Корова... что же нам всем теперь — с голоду сдохнуть?! Глумиться — да, не надо! Но использовать религиозный сюжет как средство воплощения сегодняшнего мироощущения имеешь ты право?! Или тогда всех питов передуть уж к чертям собачьим! За поруганную лошадку, за униженного крокодила, за потоптанную ромашку... В Америке, вон, ослов чтят, так что им теперь — дедушку Крылова нашего выкапывать да к позорному столбу за то, что он осла ихнего перед соловьем дураком выставил? С тех пор, если болван, значит — Осел?! А?! Объясни мне, а то я чего-то не понимаю! Или ты боишься, что тебя, как этого... англичанина, мусульмане — к смерти приговорят?..

АВТОР. Ничего я не боюсь. Перед самим собой неудобно...

РЕЖИССЕР. Неудобно штаны через голову одевать!.. Кстати... Иди, переодевайся. Вместо Загоруйко сегодня репетировать будешь.

АВТОР. Иисуса?!

РЕЖИССЕР. Ну не Пилата же.

АВТОР. Я текста, наверное, не знаю.

РЕЖИССЕР. Все ты знаешь, не приbedняйся... К тому же, говорят, ты как две капли воды на него похож. Иди, иди, сейчас начинать будем. (*Автор уходит.*) Докатились... (*Актрисе.*) Он хоть все буквы выговаривает?

АКТРИСА. Ты лучше себя послушай.

РЕЖИССЕР (*кричит*). Давайте начинать! Про докладную на Загоруйко не забудьте, Мария, готова?

АКТРИСА. Отстань от меня! Мне собраться надо.

РЕЖИССЕР. Да, да. Извини (*Кричит.*) Занавес, пожалуйста, закрой-те.

Занавес закрывается.

Цеха на местах? Приготовиться к началу второго акта. Тишина!

Режиссер уходит. Пауза. Вскоре звенит третий звонок и после паузы открывается занавес... В гроте, на каменной глыбе, лежит Мария Магдалина...

МАРИЯ. Зачем?!..

Зачем?!..

Зачем я согласилась?!..

Уговорить любимого расстаться

С людьми, с землею грешною...

Со мною...

Зачем мне жизнь? Здесь... в затхлости могильной?!

Пойти за ним?..

Куда?! Кому нужна я

Бессмертная — без плоти и без крови?..

Зачем погиб он? На кого оставил

Желаньем переполненную душу?

Не надо мне бессмертного блаженства —

Отдайте! Возвратите мне ЕГО!

А я отдам все сладости бессмертья:

Челом битье, коленопреклоненья,

Сморкания в платки, скупые слезы —

За муки обладания любимым

Сейчас. Сегодня. Вот на этом камне.

ПИЛАТ (*входя*). Не богохульствуй.

МАРИЯ. Кто здесь?

ПИЛАТ. Прокуратор.

Я вижу ты в себя прийти не можешь?

МАРИЯ. Оставь меня наедине с бедою.

ПИЛАТ. С какой бедой?

МАРИЯ. Оставь меня в покое!

Дай мне побыть одной.

ПИЛАТ. Поплакать хочешь?

МАРИЯ. Что?

ПИЛАТ. Пожалеть себя, меня похаять...

Надеешься вину отмыть слезами

И заодно меня низвергнуть в хаос?

Как ты глупа.

МАРИЯ. Уйди.

ПИЛАТ. И примитивна.

Я — не в укор. Ты — порожденье Евы.

Все женщины в беде однообразны,

Как, впрочем, и мужчины. Скучно.

МАРИЯ. Изверг!

ПИЛАТ. Стенают, посыпают темя пеплом,

Чтоб осрамить своей виной другого.

Чтоб показать никчемности такой же,

Мол, я чиста, а он — злодей и изверг...

Зачем?

МАРИЯ. Не надо...

ПИЛАТ. Как мы измельчали!..

МАРИЯ. О-о!..

ПИЛАТ. ...Боль в висках!.. Никак не утихает,

Забиться бы, да не с кем.

Пауза.

А?.. Мария?

МАРИЯ. О чем ты? Не пойму, куда ты клонишь?

ПИЛАТ. Я говорю...

МАРИЯ. Что?

ПИЛАТ. Боль не отпускает.

МАРИЯ. Ступай, лечись.

ПИЛАТ. Я и пришел. Лечиться.

В забытых манускриптах мудрость есть,
Что боль в висках снимается... любовью.

Пауза.

Или страданием ближнего...

МАРИЯ. О, боги!

ПИЛАТ. Не смею говорить о принужденье.

Я не сторонник...

МАРИЯ. Вон отсюда! Слышишь?!

Какое извращенье — похоть в горе.

ПИЛАТ. Известно, что любовь острее в несчастье.

Несчастье безудержно. Агрессивно...

Особенно, когда любовь впервые.

Все остальное пресно.

МАРИЯ. Для тебя.

ПИЛАТ. Да, я устал жить буднями.

МАРИЯ. Ты старый.

Поэтому и ищешь наслаждений

Там, где другой находит лишь терзанья.

ПИЛАТ. Что сладостней — несчастье или счастье?

МАРИЯ. Беда — другим, а счастье — для тебя?

ПИЛАТ. Оставь насмешки. Поостынь. Подумай.

И вспомни, как жилось тебе в восторгах?

Что было в счастье? Глупая улыбка,

Да жадность губ, да жажда глаз безумных...

Многообразье лишь в приспособленьях,

В уловках, в ухищреньях к наслажденьям.

Все остальное — мишура, оправа

В преддверьи иль за дверью откровений

Амурных...

МАРИЯ. Перестань болтать. Мне плохо.

ПИЛАТ. Прислушайся к душе своей сейчас!

Какие тонкости внутри тебя открылись,

Как ощущает сообразность связей

Земли и Неба, Жизни и Эфира...

МАРИЯ. Устала я от этих разговоров.

Ступай отсюда. Разве ты не понял?

Я не твоя.

ПИЛАТ. Сегодня?

МАРИЯ. И навеки.

ПИЛАТ. Печально.

МАРИЯ. А в печали — верх блаженства.

Тебе же высших наслаждений надо.

Все остальное пресно.

ПИЛАТ. Как сказать.

Пауза.

Печалью ДЛЯ ТЕБЯ твоё упрямство

Пролиться может.

МАРИЯ. Я ждала угроз.

ПИЛАТ. Угроз ждала? Каких?

МАРИЯ. Каких угодно.

В насилии над слабыми вы — доки.

ПИЛАТ. Да?

МАРИЯ. Изошренность ваша всем известна.

ПИЛАТ. Что всем известно?

МАРИЯ. Бездны вашей власти.

ПИЛАТ. Ну, например?

МАРИЯ. Рабов вы — как скотину!..

ПИЛАТ. И полились кликушества о нравах...

Да знаешь ты, что...

МАРИЯ. Знаю!

ПИЛАТ. О насилье?

МАРИЯ. Легенды ходят о злодействах ваших

К несчастным, что не вняли страсти римлян,

Как крали их, как их рабам бросали,

Как знатных дам в овчарнях находили —

Обезображенных, истерзанных настолько...

ПИЛАТ. Что стыла кровь почтенных иудеев!..

Святая простота. Твои кошмары

На уровне девичьих страшных сказок.

МАРИЯ. Наверное, для римлян это будни...

ПИЛАТ. А пострашней что выдумать ты в силах?

МАРИЯ. Я не могу придумывать злодейства.

ПИЛАТ. И хоть о злодеяньях наших знаешь,

Но ты скорее ИХ принять готова,

Чем переспать со мной на этом камне.

МАРИЯ. Послушай, отправляйся спать с женою.

Измаялась смиренная Прокула

От ожидания ласк горячих мужа.

Ах, нет! Ты спать с женой уже не можешь.

Тебе теперь никак нельзя без горя.

Без слез не закипает кровь в сосуде.

ПИЛАТ. Я понимаю, удивлять рабами,

С их буйной страстью, деву бесполезно...

МАРИЯ. Я польщена.

ПИЛАТ. Предельное глумленье

Свершается не мезтью, не злодейством,

Не похотью, не силой, не бессильем...

МАРИЯ. Садизмом.

ПИЛАТ. Нет.

Пауза.

Царь Иудеи – Ирод,
Когда затосковал от пресыщенья,
Повадился устраивать охоты
На девушек, созревших для услады...
Ты слышала, наверно, пропадали
Цветущие девицы в Галилее
Из высшей знати?

МАРИЯ. Да.

ПИЛАТ. Губа не дура
У Ирода – Надежды и Опоры
Всех Иудеев...

МАРИЯ. Разве?

ПИЛАТ. Я не кончил.

Так вот, тому, кто ублажит тетрарха...
Для тех – судьба завидна и счастлива.
И я о тех рассказывать не стану,
Речь не о них.

МАРИЯ. А как же быть с моралью?

ПИЛАТ. Речь о других. Которые с моралью.

Которые ногой ступить не могут
Без мыслей утонченных и высоких
О лотосе, о розовых садах,
О соловьях, о легкой дымке в выси...

МАРИЯ. Их топят? Жгут? Их травят пауками?

ПИЛАТ. Предела нет неведенью людскому!
Послушай откровенье... Мудрый Ирод,
Познавший психологии законы,
Строптивых птичек в стаи собирает...

МАРИЯ. Чтоб воспитать?

ПИЛАТ. Нет. ПЕРЕвоспитать.

Заметь, не наказать, а сделать лучше.

МАРИЯ. Намеренья благие. Но девчонок
Зачем учить? Чему? Грехопаденью?

ПИЛАТ. Речь не о том там. «Чистым идеалам
Отроковиц заблудших обученье» –
Так место это скорбное зовется
В посланьях к Риму.

МАРИЯ. Пошлкое названье.

Ты сочинил?

ПИЛАТ (*улыбаясь*). Я. Но подвох тетрарха
Не в том, что он согнал девчонок в яму,
Замуровав решеткою их сверху,
Чтоб, с солнцем и с дождем смешавшись, пища

Им манною небесною казалась, –

А в том, что он блюсти девиц поставил...

МАРИЯ. Убийц? Зверей? Свихнувшихся?

ПИЛАТ. Дебилов.

Но не в прямом, а в переносном смысле.

МАРИЯ. Как это?

ПИЛАТ. Просто. Проще не бывает.

Взял из низов. Со дна.

МАРИЯ. Рабов?

ПИЛАТ. Похуже.

Рабы жестоки. Дай им насладиться
Священной мезью – истребят и только.
Рабы когда-то были человеки,
А люди долго о величье помнят...

МАРИЯ (*с издевкой*). Они пусть помнят о ТВОЕМ величье,
Зачем свое им? Слава преходяща...

ПИЛАТ. К тому ж рабов хозяин как-то кормит...

Хозяину ведь подавай работу,
А что голодный может наработать?
С голодного не больно-то и спросишь.

МАРИЯ. Голодный – не для памяти потомков,
Лишь ты монументальности достоин.

ПИЛАТ. А эти, доведенные до точки
Извечным вековым голодным страхом,
Отчаявшись бояться за потомство,
Изжив в себе начало человечье...

МАРИЯ. Как лучшие из уроженцев Рима?

ПИЛАТ. До мышечных рефлексов опустились,
Но с проблесками мутного сознанья
И с манией величья непотребной
К себе подобным, но ступенькой ниже
От них в житейской суете стоящих.

МАРИЯ. Скоты!

ПИЛАТ. Плебеи. Худшие из худших.

МАРИЯ. Они – скоты, как ты... Как мы с тобою...

ПИЛАТ. Скот предсказуем. Падок скот на ласки.
Скот жалостлив. Он слез не переносит.
Отзывчив он. И добр, в сравненье с нами,
И не властолюбив. Ведь кот священный
Не жаждал быть властителем Египта,
А эти – из низов... со дна... подонки...

МАРИЯ. Им волю дай!..

ПИЛАТ. И Ирод дал им волю.

И власть, и суд, и право быть богами
Над утонченной и капризной спесью,
Изнеженной изысканным достатком.

МАРИЯ. Я представляю...

ПИЛАТ. Нет, не представляешь.

Весь ужас там в общенье без пространства.

МАРИЯ. И в этом мука?

ПИЛАТ. Да. Представь себе.

Попробуй-ка вот в этом тесном гроте
Расположить с полсотни нежных женщин,
Не выпуская их ни на секунду
И воду им лишь по глотку давая, —
Не час, не день, не год, а бесконечно.

МАРИЯ. Зачем же ты возводишь на плебеев
Напраслину? Всему виною Ирод,
Придумавший такое.

ПИЛАТ. Безусловно.
Но есть оттенок. Он лишь в равнодушье
К страданиям прелестных иудеек
Со стороны мужчин, вверху живущих.

МАРИЯ. Ничтожества!.. Какое наслаждение,
Наверное, рождается в мужчине
В тот миг, когда он чувствует реальность
Своих порочных вожделений!..

ПИЛАТ. Слушай:
Власть женских чар, идущая из ямы,
Бессильна перед тупостью плебеев!
Потом — не сразу, по чуть-чуть, по капле —
Идет бессилье к своему паденью
И постепенно плебс обожествляет.
А боги в поднебесье терпеливы...

МАРИЯ. За этот миг возможности блаженства —
Теоретического обладанья
Без промедленья вы отдать готовы
Все прелести «труда и вдохновенья».
Вам только б доказать свое величье,
Свою мужскую значимость пред нами!

ПИЛАТ. И ждут плебеи роковой минуты,
Когда уйдет кокетство безвозвратно,
Растает стыд девичий безоглядно,
Бесповоротно женственность исчезнет...
И после драк, кликушества, истерик,
Разнузданного бабского бесстыдства
Отчаянье сорвется в безнадежность.

С этого момента и без того достаточно нервический диалог превращается в
истерическое обоюдное истязание.

МАРИЯ. Дождавшись, отступаете мгновенно...
ПИЛАТ. Я не из робких.
МАРИЯ. Как и все мужчины,
Разбередив вулкан, боитесь лавы.
Играете с огнем, но прочь бежите
От первой искры нашего пожара.

ПИЛАТ. Попробуй испытать меня в сраженье.
МАРИЯ (*смеется*). Ой-ой! Какой легионер — смотрите!
И сколько прыти, гонора и спеси!

Куда там вепрям! А потом что с вами?!
ПИЛАТ. Потом, пройдя сквозь зверство и сквозь скотство,
Затормозится в полном безразличье
К себе, к своим желаньям, к жажде жизни...

На Марию напал приступ смеха.

Нет, нет — все это не конец страданий.
Оно, скорее, только их начало.
Когда глубин страданий не измерить,
Когда душа порвать готова с телом,
И года два в безвременье проходит...

МАРИЯ. Остановись!
ПИЛАТ. Ага! В кусты?! Боишься?
МАРИЯ. Нисколько. Продолжай. Мне интересно.
ПИЛАТ. И года два в безвременье проходит...
Знать о себе дают тогда плебеи
Не только равнодушьем отпращиваний
Служебных нужд (и личных) на решетки,
Но и вниманьем выборочным...

МАРИЯ (*хихикая*). Боги!..
Вы так изнемогаете при штурме,
Бомбардируя страхами твердыню,
Что сил для грабежа не остается.

ПИЛАТ. Ты не права. Не для своей улады
Девич плебеи достают из ямы.
Они вниманьем к «избранным», поблажкой
Надежды дух беспочвенный вселяют
Отдельным «тварям». И взирают тупо
На извращенья душ в осклизлой яме...

МАРИЯ (*мечтательно*). А я дожди до этого любила.

ПИЛАТ. Размазав их гордыню равнодушьем,
Унизив благородство до предела
Бесчеловечным скотским обращеньем...
Хотя, признаться, человек к скотине
Относится получше.

МАРИЯ (*шепотом*). Не бывает
Такого в жизни.

ПИЛАТ. Только НА ВЕРШИНЕ,
Средь ВЫСШЕЙ ФОРМЫ, у ВЕНЦОВ ПРИРОДЫ,
Встречаются такие отклоненья —
Чтоб дух на расстоянии от тела
Держать, не позволяя погрузиться
В покой могильный. Это только люди
Придумать могут. Бывшие, конечно.

МАРИЯ (*жалобно*). Зачем же город осаждают напрасно?!
Пугать плененьем жителей наивных?

ПИЛАТ. Нормальный человек добрей и проще.
Он не решится за глоток прохлады,

За ложку воли мучить человека.
 Не из-за мести – просто так, от скуки:
 «Чтоб знали расфуфыренные твари
 Почем фунт лиха, а почем – вниманье
 Людей к дешевкам. Чтоб не забывались».
 Нормальному фантазии не хватает,
 Чтоб грязный хлев ногтями выскребали,
 Вылизывая...

МАРИЯ (*навзрыд*). Замолчи! Довольно!

ПИЛАТ. Не нравится?

МАРИЯ (*бросается на глыбу*). Уйди! Ты мне противен!

ПИЛАТ. Я пошутил.

Пилат достает распятие Христа и пытается приладить его к стене.

Подобных ухищрений
 В реестре палачей не существует.
 Мы – юность человечества. Мы – дети.
 Коварные, жестокие, но дети.
 С девицами фантазии – для взрослых.

МАРИЯ (*захлебываясь*). Пожалуйста... Не-е над-до!..

ПИЛАТ. Ну а если...

Я не шучу... а если... Как тогда?

МАРИЯ. Ты долго изводить меня здесь будешь
 Химерами?!..

В отчаянной решимости.

ДА БУДЕТ ПРОКЛЯТ ИРОД!

И вдруг почти успокоившись.

Иди сюда... Сдаюсь я. Раздевайся.

Но Понтий не идет в объятия Марии, а даже как-то потихонечку ретируется
 к выходу.

Куда же ты?
 Пугал-пугал, а как дошло до дела!..

Пытается поймать Пилата.

Иди сюда, ну иди... Ты этого хотел? Иди, полакомься.
 (*Хихикает*).

Или испугался?.. А?!.. Я жду, чего же ты?

ПИЛАТ. Прекрати истерику.

МАРИЯ. Животное!.. Все вы на одно лицо. Скоты!..

Стучит кулаком о камень.

Скоты!.. Скоты!.. Ненавижу!..

Теряет сознание.

ПИЛАТ (*не замечая этого*). А богам как быть? Ты про Христа забы-
 ла...

Пауза.

Что? Что с тобой?.. Проклятье!.. Встань, Мария. Очнись...

Пытается растормашить Марию.

МАРИЯ (*приходит в себя*). Где я?.. Ты? Почему?.. Не помню.

ПИЛАТ. Мы... Здесь вдвоем... Прости меня, Мария...

Мария все сразу вспомнила.

МАРИЯ. Уйди! Садист! Ты что тут говорил мне?!

Ты не мужчина. Вон отсюда. Изверг.

ПИЛАТ. Я виноват... Я признаю...

МАРИЯ. Пытаться

Проникнуть в сердце женщины злодейством

И низостью, надеясь на взаимность...

Пугать кошмаром дьявольских мучений –

Что за уродство?!..

ПИЛАТ (*с трудом выговаривая слова*). От любви решил,ся,

Отчаявшись, фантазии дал волю...

МАРИЯ. Какой любви?! Остынь. Водой облейся.

ПИЛАТ. Забудь, Мария...

МАРИЯ. Уходи. Покуда...

ПИЛАТ. Сюда пришел я в общем-то не с этим...

МАРИЯ. Я не желаю дел иметь с тобою.

ПИЛАТ. Умерь свой гнев.

Показывает на распятие.

Смотри.

МАРИЯ. Уйди.

ПИЛАТ. Смотри!

Взгляни.

Мария поворачивается к распятию.

МАРИЯ. Что это?

ПИЛАТ. Иисус Христос.

МАРИЯ. Распятый?.. В муке... Для чего все это?

ПИЛАТ. Распорядился я, чтоб смастерили

Полтысячи Христовых статуэток
С сюжетом этим.

МАРИЯ. Но...

ПИЛАТ. Хороший символ —
Подумал я — быть должен для народа...

Пауза.

Кумир в страданье — это впечатляет.
Способствует.

МАРИЯ. Чему?

ПИЛАТ. Ну... Единенью
Единоверцев... Только всё впустую.

МАРИЯ. Как «все впустую»?

ПИЛАТ. Так вот.

МАРИЯ. Что впустую?
Дай мне собраться с мыслями...

ПИЛАТ. О чем ты?

МАРИЯ. Я не пойму... Я не соображаю...

ПИЛАТ. Ты думаешь, что мне сегодня легче?

МАРИЯ. Так что случилось?

ПИЛАТ. Рушится строенье,
Воздвигнутое нами... на песке.

МАРИЯ. А как же он?... По-твоему, напрасно
Он муки принял? Он же!..

ПИЛАТ. Встрепенулась!
Мы не о божьих муках говорим.
Ничто без мук не создается...

МАРИЯ. Лучше б
Меня распяли.

ПИЛАТ. Подожди, успеют.
Послушай лучше...

МАРИЯ. Лучше уходи.

ПИЛАТ. Прощай.

МАРИЯ. Куда ты? Ты меня бросаешь
В неведение? Я здесь с ума сойду.
Рассказывай. Быстрей. Ну, что ты медлишь?

ПИЛАТ. Мария, хоть минуту помолчи.
Не фантазируй.

МАРИЯ. Я — одно вниманье.

Пауза.

ПИЛАТ. Не верит нашим выдумкам народ.

МАРИЯ. В Христа не верит?! Врешь!

ПИЛАТ. Толпа инертна,
Ей подавай проверенную правду.
Она напрасно рисковать не будет.
Ей лучше зло привычное. Пусть больно,

Зато знакомо. Сладкие посулы
Толпе не в радость. Столько обжигались
Простые люди манною небесной,
Что стали дуть на ключевую воду.

МАРИЯ. Яснее говори. Не понимаю.

ПИЛАТ. Сейчас поймешь... Распятие Христово
Ни тайно, ни открыто (ни в какую)
Не покупают. Как мы ни старались.

МАРИЯ. Боятся кары?

ПИЛАТ. Если бы боялись!
Не верят. Разуверились в идеях.
Хвастливых обещаний наладились
И ждут. Молчат. Варавву всюду славят.

МАРИЯ. Грабителя?

ПИЛАТ. Убийцу. Негодяя!..

МАРИЯ. Непостижимо!

ПИЛАТ. Кто бы мог подумать?!
Вараввин профиль с бычьими глазами,
Исполненный рукою неумелой,
Размножен и встречается повсюду:
У скорняка, в покоях водоноса...
Башмачник прицепил Варавву к двери,
У мясника, пропойца его любит...
За то, что грабил всех он без разбора.
Но иногда жалел...

МАРИЯ. Кого?

ПИЛАТ. Не знаю.

МАРИЯ. А скольких он убил?! В крови по плечи
Вараввы руки. Где глаза народа?

ПИЛАТ. Под Пасху я, в согласье с Каиафой,
Первосвященником синедриона,
Решил воспользоваться вековым законом,
Чтоб дать свободу одному злодею
По жребию. Христу или Варавве...

МАРИЯ. Уж лучше б жребий.

ПИЛАТ. Жребий безотказней.
Чего нам надо, то и скажет жребий.
Он в нашей власти... Зря я передумал
И обратился к мнению народа.

МАРИЯ. Не надо было!

ПИЛАТ. Я, предоставляя
Народу право выбрать самому,
Кого из двух — Христа или Варавву —
Помиловать, признаться, опасался
Народного оправданного гнева
Против убийцы. Думал, что затея
С распятым, со страданием Христовым
У нас сорвется. Ну и принял меры,
Поставив там, где надо, горлопанов,

Чтобы они кричали, что нам надо,
Чтобы толпу искусным возмущеньем
Вели тропой проторенной заране.
Я ошарашен был и удивлен,
Когда толпа сама, без принужденья,
Спасителя отправила на муки,
Насильника же жизнью наградила.

МАРИЯ. И ты его освободил?

ПИЛАТ. Конечно.

Священно мнение народа в Иудее.

МАРИЯ. Освободил? Его?.. Как можно?! Вора!..

ПИЛАТ. Освободил, чтоб удавить в подвале.

Хоть высоко ценю я глас народа,
Но мне его покойный сон дороже.

МАРИЯ. О чем печешься?!

ПИЛАТ. Чернь неблагодарна.

Жует, что дашь, но проглотить боится —
Не любит пережеванную пищу.
А если б знала ты, каких усилий
Мне стоило согнать народ к Голгофе,
К подножью ожидаемого чуда...

МАРИЯ. Откуда же тогда при Вознесенье
Народа громогласные восторги?

ПИЛАТ. Впервой ли ликовать толпе под плетью?

МАРИЯ. Ты бил их?!

ПИЛАТ. Нет, зачем? Одной угрозы
Достаточно бывает. Принужденье
Гораздо эффективней на улыбке.
Когда угрозу замесить на ласке
Да посулить еще золотые горы,
Народ добреет.

МАРИЯ. И идет на сговор?

ПИЛАТ. Нет, не идет. Народ не верит басням.
Один — на все пойдет, дай пряник слаще,
Народу ж подавай не СЛОВО — ДЕЛО,
Тогда народ, возможно, и поверит...

МАРИЯ. Нет!.. Люди верят в торжество Христова!

ПИЛАТ. Ты знаешь, что доносят мои люди
Про мненье масс о миссии Христа?

МАРИЯ. Ты врешь!

ПИЛАТ. Так вот... Простой народ считает,
Что СПЕЦИАЛЬНО ВЫДУМАЛИ ВЕРУ,
Чтоб знать о настроенных в Иудее.
Чтоб выявить зачинщиков, буянов,
Которые заваривают смуты
И недовольство сеют у народа.
Потом всех вожаков и недовольных,
Которых в сети хитрые поймают,
Изгонят в лопухи. И Лопухами

Все будут звать их по приказу Рима.

МАРИЯ. Не ерничай над Верою святою.

ПИЛАТ. Я над собой.

МАРИЯ. Неправда.

Пауза.

Не напрасно

Он столько перенес во имя СЛОВА.

Чтоб люди чище, люди выше стали,

Чтоб свары, смуты люди позабыли,

Чтоб занялись собой, себя спасали...

ПИЛАТ. И я, и Рим надеялись на это —

Народ хитрее, чем о нем я думал.

МАРИЯ. Ничтожества! Они его не стоят!

Ведь камнями они его побили,

А он терпел... Они его распяли,

А он за них, несчастный, прыгнул в пропасть.

ПИЛАТ. Чем более добра творим мы людям,

Тем больше зла они нам доставляют.

МАРИЯ. Я ненавижу их!

ПИЛАТ. Они не стоят

Одной твоей слезы. Пойдем отсюда.

МАРИЯ. Куда?

ПИЛАТ. Пойдем. Здесь сыро. Неуютно.

МАРИЯ. Я здесь останусь.

ПИЛАТ. Навсегда!?

МАРИЯ. Покуда

Не даст он знака.

ПИЛАТ. Боль не отпускает.

В висках стучит... Пойдем ко мне, Мария,

МАРИЯ. Опять?!

ПИЛАТ. Пойдем. Я знаю, ты снимала

Чужую боль. Ужель мне не поможешь?

МАРИЯ. Не я, Любовь — Христову боль снимала.

Она её всегда носила в сердце.

Теперь Любовь переполняет боль.

Его страданий и его несчастья.

А я — простая женщина всего лишь.

Мне не снести и сотой доли горя,

Свалившегося на Любовь святую...

ПИЛАТ. Богиня ты!..

Пытается обнять Марию.

МАРИЯ (*нервно*). Отстань. Ты мне противен.

Из-за тебя все беды.

ПИЛАТ. Так случилось.

МАРИЯ. Все ты придумал! Смерть и Воскресенье!

И Вознесенье!..

ПИЛАТ. Чудо для Бессмертья...

Прокуратор продолжает свои притязания.

МАРИЯ. Ведь если бы не ты, он жил сейчас бы!

Теряя контроль над собой.

Тебя убую я!

Сбивает Пилата с ног.

Гнусный прокуратор...

Наместник Зла!

Наместник Истязанья!..

ПИЛАТ (*хрипит*). Оставь... На помощь!..

Жив он... Помогите!

МАРИЯ. Конец тебе!

ПИЛАТ. Живой он!..

МАРИЯ. Что?.. Не слышу!..

«Живой он» — кто?

ПИЛАТ. Христос твой... Иисусе.

МАРИЯ. Не верю. Чем докажешь?

ПИЛАТ. Честным словом.

МАРИЯ. Слова о чести не в чести у власти.

ПИЛАТ. Дела (по чести) не в чести у власти.

Слова ж, как стая птиц: сегодня кружат,

А завтра — улетят и не вернуться.

МАРИЯ. Довольно словоблудья. Где учитель?

Где милый мой?!

ПИЛАТ. В сетях он. Под скалою.

МАРИЯ. В каких сетях?

ПИЛАТ. В рыбацких. Очень крепких.

МАРИЯ. Ты говорил: низвергнется он в пропасть.

ПИЛАТ. Он так и сделал.

МАРИЯ. А при чем здесь сети?

ПИЛАТ. Неужто поразмыслить так уж сложно,

Чтоб сети в бездне под скалой развесить...

Подойдя к выходу, подает условный сигнал.

И сохранить Любовь для Магдалины,

И для меня — Лекарство от Болезни?

Христос ведь мне приносит облегченье

От нестерпимой бесконечной боли,

Что ни на миг виски не отпускает,

Которую, как пищут в манускриптах...

МАРИЯ (*скептически*). Любовью...

ПИЛАТ. Иль страданием врачуют.

Пауза.

МАРИЯ. А если б согласилась я?

ПИЛАТ. Тогда бы

Страдания Христа негодились.

МАРИЯ. И что тогда?

ПИЛАТ. Не знаю.

МАРИЯ. Нет, ответь мне.

ПИЛАТ. Я знаю только, что любые сети

Веревками к чему-то прикрепляют.

Ну а веревки можно перерезать...

МАРИЯ. Злодей.

ПИЛАТ. Считаю, что ты спасла беднягу.

Теперь он твой. С одним лишь уговором...

В гроте появляется Иисус Христос.

ИИСУС. Без уговора.

МАРИЯ (*кидается к Иисусу*). Жив! Вернулся! Милый...

ИИСУС (*отстраняет Марию*). Не надо. Успокойся. Отойди,

МАРИЯ (*отступая*). Да, да. Я понимаю. Жив — и ладно.

Все остальное — пусть. Ты жив... Родимый...

ПИЛАТ. И все же я опять об уговоре,

Хотя, как понимаю, я здесь лишний.

ИИСУС. Вы все в гостях в подлунном этом мире.

ПИЛАТ. Как понимать «Вы все в гостях»? А Вы?

МАРИЯ (*Пилату*). Как понимать?

ИИСУС. Да понимай, как знаешь

ПИЛАТ. Загадочно... И все же я осмелюсь

Присутствующим предложить условие,

Которое для всех для нас удобно.

Поскольку мы с Бессмертьем оплошали, —

Не по зубам затея оказалась...

Быть может, по зубам, но не по нашим...

Я тут недавно объяснял Марии

Про то, что дел нельзя иметь с народом.

Народ как стадо...

ИИСУС. Агнцам нужен Пастырь.

ПИЛАТ. Вас не было — я рассказал Марии...

ИИСУС. Я знаю.

ПИЛАТ. Нет. Не поняли меня вы:

Распятия никто не покупает,

Никто иметь не хочет их и даром.

ИИСУС. И это знаю.

ПИЛАТ (*демонстрируя распятие*). Нравится распятие?

ИИСУС. Все суета сует.

ПИЛАТ. И все ж занятно:

Кто вам сказал? Рабы? Я наказать их
Сейчас велю. Эй, стража!..

ИИСУС. Не усердствуй.
Оставь их. Поделись своей заботой.
Она мелка, но поводом к беседе
О бытие, о сущем...

ПИЛАТ. Быть не может!
Вы говорите так, как будто небо,
Вас обласкав, вернуло нам обратно
В другой... парадоксальной ипостаси.
Когда б не сеть, поставленная мною
Там, в пропасти...

ИИСУС. Я не скажу спасибо.
ПИЛАТ. Я не прошу... И все же – почему?

ИИСУС. Я был не прав...
ПИЛАТ. Вот это – ближе к делу.
ИИСУС. Я был не прав, вступив с тобою в сговор.
ПИЛАТ. Вина не ваша. То – моя затея:
С распятием, с вознесением, с толпою...
Рассчитано у нас все было точно,
Вот только лишь с толпой мы прогадали.
Какой урок! Я это им запомню!..

ИИСУС. Запомни лучше, что сейчас скажу я.

Пауза.

Я был не прав, вступив с тобою в сговор.
Коль цель чиста, то с мыслями благими
Идти к ней надо. С чистыми руками.
С душою, не запятнанной лукавством.
Но суть не в этом. Я другое понял,
Когда в сетях над пропастью болтался:
Во имя цели, даже и великой,
Забыв себя, себе не надо лгать,
Презрев все нормы права и морали.

ПИЛАТ. Все это знают.
ИИСУС. Истина не в этом.
Нет истины и в броском постулате,
Что «Цель всегда оправдывает средства».

ПИЛАТ. Но это аксиома!

МАРИЯ (*Пилату*). Помолчите!

ИИСУС. Как часто цель, к которой вы стремитесь,
Казавшаяся важной и насущной,
Великой даже, после разбивалась
Во прах о волны времени. И гасла,
Грядущим поколениям оставляя
Лишь суету и кровь в воспоминанье.
Питает память после нас живущих
Лишь состраданье к мученикам цели,

Которые чисты в любой идее
И могут честью, совестью своею
Облагородить затхлость всякой веры...
Которые разборчивостью в средствах
Примером служат всем – врагам и братьям.
Не «Цель всегда оправдывает средства»,
А «Средства пусть оправдывают цель».
Важнее – КАК по жизни вы шагали,
А для чего, чего достигли вы –
Об этом пусть потомки рассуждают.

ПИЛАТ. Потомки?.. А патриции что скажут,
Когда я поднимусь на Капитолий?

ИИСУС. Они пусть спросят: «Что за человек ты?
Что на душе твоей – свеча или камень?»
Вы там должны смотреть в глаза друг другу
Не бегающим взором, без подвоха.
Нельзя коварства друг от друга ждать.

ПИЛАТ. С наивным, просветленным, чистым взором
Овца гуляет пред своим закланьем.

ИИСУС. Вы все в закланье пред судом Всевышним.
Поэтому гулять достойно нужно,
Пока не позовут...

ПИЛАТ. «Вы, вы!» – А ВЫ?!
Не много ль, братец, на себя берете?
Вы сами-то еще не нагулялись,
Изображая из себя Мессию?
Ученикам-апостолам – потехой,
Шутом у нищих быть не надоело?!

МАРИЯ (*Пилату*). Остановись!

ИИСУС. Не тронь его, Мария.

ПИЛАТ. Ученики давно уж врассыпную –
Натешились, и быстро кто куда.
Петух еще не начал кукарекать –
Все отреклись, забыли, усомнились;
Все апокрифы ваши разгласили...
Апостолы предательства они!
Как фарисеи или саддукеи.
Где Иоан, Варфоломей, Иаков?
Где Петр, Фома? Чего ж они на помощь
К вам не приходят?

ИИСУС. Не суди о том,
Чего постичь умом своим не можешь.

ПИЛАТ. Конеч-ечно! Где нам!

ИИСУС. Лучше бы Варавву
Не убивал ты. На пути к прощению
Он, грешный, был. Очистившись от скверны,
Служил бы для других живым примером...

ПИЛАТ. О, боги! Нет предела простодушью
Юродивых. Каким «служить примером»

Убийца, вор, насильник людям может?!
Скажи еще: «Служить примером могут
Те люди, что в тебя швыряли камни,
Плетьми хлестали!».

МАРИЯ (*Пилату*). Помолчи.

ПИЛАТ (*Иисусу*). Послушай,

Пока хватает у меня терпенья,
Я предложу тебе одну идею.

ИИСУС. Я слушаю.

ПИЛАТ. Ты помнишь Капернаум?

Восторженность и щедрость Манаила,
Когда ты спас от смерти его сына?

ИИСУС. Я помню все.

ПИЛАТ. Узнав твои мытарства,

Сей важный муж, молочный брат тетрарха,
Просил меня, как о большой услуге,
Помиловать тебя.

ИИСУС. Сказать спасибо

Должны мы молоку, которым Ирод
И брат его... Младенцами питались?

МАРИЯ. Младенцами питался только Ирод.

ПИЛАТ. О, женщина!

ИИСУС. (*улыбнувшись*). А что? Ее устами

Глаголет истина.

(*Мария прямо-таки засветилась от улыбки Христа*).

МАРИЯ. Коль рядом нет младенцев,

Могу и я чего-нибудь глаголить.

ПИЛАТ. Послушайте, друзья! Друг Манаила

Живет один в пустыне Аравийской.

Он там, обезображенный проказой,

Ждет смерти, не надеясь на спасенье.

Я обещал сегодня Манаилу

Спаси тебя во что бы то ни стало...

И...

ИИСУС. Что еще?

Пауза.

Ты обещал больного

Отнять у смерти?

ПИЛАТ. С помощью твоею.

ИИСУС. Зачем давать кому-то обещанья,

Когда их сам исполнить не умеешь?

ПИЛАТ. Я полагаю — взаимоотношенья

Меж нами ныне сблизились настолько,

Что слово одного — приказ другому.

ИИСУС. Допустим, выполню приказ я, а за это?..

В чем смысл условия, я не понимаю?

ПИЛАТ. Спасенье прокаженного — награда

За ваше избавленье от страданий.

Пауза.

В пустыне вас укутуют, обласкают...

Там рай земной, средь моря зла — оазис,

Там ни о чем заботиться не надо...

ИИСУС. Сказать ты хочешь — я еще не спасся?

ПИЛАТ. Как вам сказать?.. Вокруг Голгофы — стража,

ИИСУС. И если я не соглашусь извинить

Несчастливого...

ПИЛАТ. Я умываю руки.

ИИСУС. Как часто руки отмывать от грязи

Приходится, когда кривишь душою.

ПИЛАТ. Я не кривлю.

ИИСУС. Что хочешь ты в награду

За врачеванье и за избавленье?

ПИЛАТ. Я, в сущности... Мне ничего не надо.

Я лишь участие принимал...

ИИСУС. И все же?

ПИЛАТ. Ну... Если есть на свете благодарность,

На что давно надеяться устал я...

Да что вокруг ходить! — Оставь Марию.

Я не могу уснуть, ее не видя.

ИИСУС. Я ей не господин. Я лишь учитель.

ПИЛАТ. Зачем ты насмеяешься над слабым?

МАРИЯ. Ты слабый!

ПИЛАТ. Да! Почти парализован

Любовью... (*Марии*). Я люблю тебя!.. Ты слышишь?!

МАРИЯ. Как головную боль, меня ты любишь.

ПИЛАТ. Не смейся! Девка!..

ИИСУС. Хватит пустословить.

Нужна мне откровенность, а не вопли.

ПИЛАТ (*Иисусу*). Не смей вешать со мной подобным тоном!

Не я, а ты в моих руках!

ИИСУС. Неправда.

Опять ты лжешь, лукавый прокуратор.

ПИЛАТ. Да! Да! Я лгу! Мне не нужна Мария!

ИИСУС. Опять неправда.

ПИЛАТ. Боги! Помогите!

ИИСУС. Зачем тебе языческие боги?

Молись себе, себя обожествляя.

ПИЛАТ (*остервенев*). А ты кого?! Меня?! Ее?! Иуду?!

Кого еще возвел с собою в боги?!

Себя — кого еще?!

ИИСУС. Не богохульствуй.

ПИЛАТ (*с издевкой*). Мне зажимают рот живые боги!

Пора молить! Просить пора пощады!..

(*Падают на колени и бьются головой о камни*).

Устанешь бить челом!..
 ИИСУС. Но я же умер.
 ПИЛАТ. Умер? Неужели?!
 О, благодать!..
 ИИСУС. Юродствовать не надо.

Понтий Пилат находится уже за пределами логического понимания происходящего.

ПИЛАТ. Не смей разговаривать со мной в таком тоне!
 Я тебе не овца, а ты мне не пастух!..
 Распустилась... Вольница!..
 Мне, наместнику Римскому, указывают,
 Как себя вести... Я тебя сейчас...
 ИИСУС. Выговорись. Сними камень с сердца. Легче будет.
 ПИЛАТ. ...В два счета. Ты меня еще не знаешь...
 ИИСУС. Знаю.
 ПИЛАТ (*запричитал, всхлипывая*). Отпусти меня...
 Освободи от своей белиберды. Я тебе...
 ИИСУС. Не надо. Не дерзи. В словах даже.

Пилат кое-как собрался с мыслями, но все еще на грани нервного истощения.

ПИЛАТ. Ты костью встал мне поперек дороги!
 Уйди! Лечи в пустынях прокаженных!
 Не низвергай меня к грехопадению —
 Я не хочу марать убийством руки.
 ИИСУС. Варавву же убил.
 ПИЛАТ. Его казнили.
 ИИСУС. В твоём подвале?
 ПИЛАТ. До каких же пор
 Терпеть такое можно?! Я прошу
 По-человечески тебя...
 ИИСУС. Проси как Бога...
 ПИЛАТ. Прошу как Бога — уходи скорее.
 Не будоражь простой народ смятением,
 Пускай простой народ займется делом.
 Ведь голод в Иудее. Разоренье.
 Никто потеть не хочет — все болтают.
 Я накормлю их.
 ИИСУС. Сказками о благах?
 ПИЛАТ. Заставлю их работать!
 ИИСУС. Не заставишь.
 Отчаялся народ на Рим работать.
 Замкнулся в равнодушие. Не от лени —
 От мудрости. Он вас переживает.
 ПИЛАТ. Тысячелетья будем миром править!
 ИИСУС. Он подождет. Он терпелив. Он вечен.
 Он истинен — и в этом его сила.

ПИЛАТ. Ты!.. Ненавижу!..
 Нищий пустомеля!
 Гонимый... Неприкаянный. Бесправный...
 Безнравственный!..
 ИИСУС. Безнравственно калекам
 Вышучивать чужое нездоровье.
 А прокаженным, облеченным властью,
 Постыдно разглагольствовать о язвах...
 ПИЛАТ. Не быть тебе с Марией!
 ИИСУС. Неужели?
 ПИЛАТ. Иди один, куда душе угодно,
 Ее ж оставь.
 ИИСУС (*Пилату*). Пойдем со мной по миру.
 Вдвоем. Одни. С протянутой рукою.
 Возможность предоставив равнодушным
 Забытым милосердием насладиться...
 ПИЛАТ. Маньяк! Блаженный! Прочь уйди с дороги.
 Оставь меня наедине с народом.
 Где двое нянек, там дитя без глаза.
 ИИСУС. А как же быть с идеей о бессмертье?
 И объясни — зачем тебе Мария?
 ПИЛАТ. Чтоб...

В отчаянной решимости выпалил вдруг сокровенное.

Чтоб твоя ВЕРА от тоски прокисла!
 Без обожанья плесневеет СЛОВО...
 ИИСУС. Юлишь, как уж под вилами...
 ПИЛАТ (*кричит*). Крамольник!
 Вот от таких, как ты, идет зараза!
 Бездельник, возомнивший себя Богом!
 Зачем ты проповедовал народу:
 Здесь — ад, там — рай?!
 МАРИЯ. Все сами видят.
 ПИЛАТ. Смуту!
 Смутьян! Бессмертным хочешь стать? Не выйдет!
 Эй! Стража!
 ИИСУС. Нам пора, Мария.
 ПИЛАТ. Стража!
 ИИСУС (*Пилату*). Прощай, бедняга.
 ПИЛАТ. Отпусти ее!

Схватив Марию.

Ты не уйдешь на небеса безрогим!
 Совсем потеряв над собой контроль, валит Марию на валун.
 Эй, стража!..

МАРИЯ. Ненормальный.
 ПИЛАТ. Помогите!..
 ИИСУС (*Пилату*). Прощай. Нас ждут. Веди себя скромнее...

Грот озаряется сиянием, после которого Пилат остается один.

ПИЛАТ (*кричит*). Дурак!.. (*Озирается*). Исчез...
 Меня не запугаешь!..
 Ты думаешь — вознесся?!
 Ты упал!..
 Сейчас... Я прикажу: «Всей Галилее
 Отрезать языки!..». Чтоб не болтали...
 «А грамотеям руки отрубить!..».
 Чтоб о тебе они не написали
 Ни строчки. Выжгу с корнем память!
 Об Иисусе!..
 «Не было Христа!»
 Я так желаю, значит, так и будет
 Отныне и вовек!..

Раскаты грома.

Я не боюсь!
 Отныне и вовеки!..

Раскаты грома.

Я сказал:
 «ОТНЫНЕ И ВОВЕКИ!»

Громы прекращаются.

Отныне и вовеки...

Тишина.

Отныне и вовеки...
 Все.
 Аминь.

Медленно начинает закрываться занавес.

Но в это время на сцену выскакивает не совсем проспавшийся Актер Загоруйко в одеянии Иисуса Христа с букетиком бутафорских цветов.

АКТЕР. Потрясающе! Такого еще не было! Какое решение! С этим спектаклем весь мир можно объездить! — Краснеть не придется. Не то что...

РЕЖИССЕР. Проспался?
 АКТЕР. А какая мощь в исполнении! Константин Сергеевич, нет слов. Это бесподобно!..

РЕЖИССЕР. Какой я тебе Константин Сергеевич?! Допился?

АКТЕР. Вы о чем это? Я бы попросил!.. Я с девяти часов в театре... Вот — готов к выходу: переоделся, в гриме — все нормалёк. А если по-мреж звонков не дает, так это вы к ней. Я за себя отвечаю, а за других — увольте.

РЕЖИССЕР. Вы уже уволены. С сегодняшнего дня. Можете писать заявление.

АКТЕР. Че-его?!

РЕЖИССЕР. Сам не уйдешь — по статье загремишь.

АКТЕР (*показывает режиссеру кукиш*). А вот это видел? Еще хочешь? Если мало, я еще могу. (*Показывает кукиш еще и левой рукой*).

РЕЖИССЕР. Вон.

АКТЕР. Я сперва дождусь, когда ты отсюда загремишь, а потом еще посмотрю уходить мне или, если хорошо попросят, еще в этой дыре попахать. Я здесь четырех таких, как ты, видал...

АКТРИСА (*Актеру*). Прекрати, дура...

АКТЕР. Статьей он меня пугает!.. Да тебя давно надо было гнать отсюда по всем статьям! Забыл, как ее бабка... (*кивает на Актрису*) тебя чуть не посадила за то, что ты ее по пьянке изнасиловать пытался. Девяностолетнюю. Еле замяли...

АКТРИСА. Ей 68.

АКТЕР. А-а-а! Тогда прошу прощения! Шестьдесят восемь на сорок — самое то. (*Режиссеру*.) Но ты, как порядочный человек, должен просить ее руки. Дабы не пропадала честь девушки!

АВТОР. Не пострадала, вы хотели сказать?

АКТЕР. Во! И драматург так считает!

РЕЖИССЕР. Хам! Вон из театра! Пригласите сейчас же директора!.. (*Всем*). Он в невменяемом состоянии! (*Актеру*.) Сейчас составят акт об опья...

АКТЕР. Составим акт. Составим — не сомневайся! И свидетели найдутся! Думаешь, никто не знает, чего это ты ему (*кивает на Автора*) четыре тыщи за пьесу отгрохал? Думаешь, наивные все? Ничего не понимают!

АВТОР. Что вы этим хотите сказать?

АКТЕР. А то, что ты ему две штуки отстегнул за постановку.

АВТОР. Вы!.. Не имеете права... Меня оскорблять..

АКТЕР. Да ладно! Не точи рога. Знаем мы эти дела!

АВТОР. Я... Не позволю... Я!.. (*Подходит к Актеру и дает ему пощечину*).

АКТЕР. Что-о-о!?

Актер кидается на автора. Начинается потасовка, напоминающая скорее бой петушков, так как драться оба не умеют. Облаченные в одеяния Иисуса Христа, сорвав с голов терновые венцы, они пытаются поцарапать друг друга физиономии, действуя бутафорскими головными уборами, как пионеры подушками. При этом они сражаются еще и словами.

АВТОР. Я никогда никому ни копейки не давал.
АКТЕР. Знаем мы вашу лавочку.
АВТОР. Я не лавочник!
АКТЕР. А кто? Из-за таких вот театр гниет.
АВТОР. Из-за таких, как вы!
АКТЕР. Рыба гниет с головы!
АВТОР. Посмотрите на себя! Разлагаетесь... А туда же!..
АКТЕР. Я тебе за это!..
АВТОР. Себя! Себя!
АКТЕР. Бездарь.
АВТОР. Я?!
АКТЕР. Конъюнктурщик.
АКТРИСА. Не смей!
АКТЕР. Ты и некрофил наш, — два сапога — пара.
РЕЖИССЕР. Молчать!
АКТЕР. Заслуженный деятель ЭН ЭС ЗАСЭР!
РЕЖИССЕР. Хамло!
АКТЕР. За что ты звание получил?! Мы помним. Народ все помнит.
РЕЖИССЕР. Мразь! *(Кидается на актера)*.
АКТЕР *(запел)*. «Малая-а-а Земля-а-а, Российская Земля-а-а!».

Три фигуры в древних одеяниях сцепились в жарком нетворческом споре, а исполнительница роли Марии Магдалины судорожно пытается вспомнить монолог из только что сыгранной пьесы и укорить им беснующихся инженеров человеческих душ.

АКТРИСА. О, ЛЮДИ!.. Доведенные до точки!..
О, люди!.. **ДОВЕДЕННЫЕ ДО ТОЧКИ!..**
О, ЛЮДИ, **ДОВЕДЕННЫЕ ДО ТОЧКИ!!!**

Занавес.

1983 г.

Оливковое масло

(Трагедия в фарсовой аранжировке в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАРК ДВОРКИН – ИММИГРАНТ
КАТЕРИНА – ЕГО ЖЕНА
БОРЯ – ИХ СЫН
ДУНЯ – ИХ ДОЧЬ
МЕНАХЕМ – МИЛЛИОНЕР
СУСАННА – ЕГО ЖЕНА
ГЛЕБ – ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ
РОЗА – ЕГО ЖЕНА, АМЕРИКАНКА
АЛИК ЛЕВИЦКИЙ – ГРАЖДАНИН МИРА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Неделю назад из Советского Союза в США переехала навсегда семья Дворкиных. Сегодня в загородном доме миллионера Шехтеля, дальнего родственника Марка, небольшой ужин, который, впрочем, уже близится к завершению. Внимание присутствующих сосредоточено сейчас на телевизионном экране. Отблески огромных фосфоресцирующих букв «Д.Д.Д.» властвуют в окружающем пространстве...

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА:

БЕТСИ. Негодники! Что вы сделали с моими цветами?! Это же не кровать, а клумба! Айра, почему ты их не кусаешь, старая собака? Пит! Принеси мне кнут! Они на всю жизнь запомнят, где надо заниматься любовью!.. А ну встаньте, мерзавцы! Иначе я позвоню в полицию!

МЕРИ. Бетси, что с тобой? Ты пожалела для меня букетик цветов?

БЕТСИ. Мери, это ты?

МЕРИ. Не узнаешь свою одноклассницу?

БЕТСИ. Нет, нет. Этого не может быть! Мне ведь семьдесят четыре, а тебе не больше...

МЕРИ. Сколько мне?

БЕТСИ. Тебе столько же. Но сейчас ты выглядишь... Максимум... на тридцать.

МЕРИ. Ты, как всегда, преувеличиваешь. Гарри считает, что мне не больше семнадцати. Да, Гарри?

ГАРРИ. Она очаровательна.

БЕТСИ. Нет, это, безусловно, так! И Айра тебя не тронула...

ПИТ. И я не посмел прогнать их с ваших цветов, мэ. Ведь она — ваша подруга.

БЕТСИ. Потрясающе! Такая перемена!.. Ведь мы не виделись всего три месяца... Как тебе это удалось?

МЕРИ. Эликсир жизни.

БЕТСИ. Да?

МЕРИ. Оливковое масло фирмы «Джек, Джек и Джек». По одной рюмке натощак три раза в день.

БЕТСИ. О! Спасибо тебе. Я запомню. Оливковое масло фирмы «Джек, Джек и Джек». «Джек, Джек и Джек». «Джек, Джек и Джек...»

Вслед за рекламой звучит очень приятная современная мелодия.

БОРЯ. Нормально! Да, пап? У нас такого сроду не увидишь, да?

КАТЕРИНА. Боря!

БОРЯ. А что, мам, неправда что ли? Программа «Время» да программа «Время». А тут...

ГЛЕБ. Вечный кайф.

БОРЯ. Ну.

Общий смех.

МАРК. Дядю Мишу благодари за то, что он нас сюда забрал.

БОРЯ. А что?! И правильно сделал!

МАРК. Спасибо, Михаил Ильич.

ГЛЕБ. Все мы тут в Америке на него молиться должны.

МАРК. Тогда давайте хором: Спа-си-бо!

ВСЕ. Спа-си-бо! Спа-си-бо!

МЕНАХЕМ. Ну-ну-ну!..

СУСАННА (*выключает телевизор*). Давайте-ка лучше споём.

РОЗА. О! Давайте. Что?

МАРК. Я знаю. (*Запевают. Все подхватывают.*)

Во ку! Во кузнице! Во ку! Во кузнице!

Во кузнице молодые кузнецы!

Во кузнице молодые кузнецы!

Они! Они куют! Они! Они Куют!

Они куют, приговаривают,

Они куют, приговаривают:

«Пойдём, пойдём, Дуня!

Пойдём, пойдём, Дуня!

Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок.

Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок.

Сорвём! Сорвём, Дуня!

Сорвём! Сорвём, Дуня!

Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок,

Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок...

Общий смех.

РОЗА. Для Дуни? Да?.. (*Откашливается.*) Для Дуни?

ДУНЯ. А дальше?

РОЗА. Дуня все слова понимает, да?

МЕНАХЕМ. Конечно.

РОЗА. Подумать можно! (*Откашливается.*) Такая маленькая, и уже по-русски понимает.

ДУНЯ. Мне уже восемь лет скоро.

РОЗА. Мне уже много-много лет скоро, но я имею большой труд понимать по-русскому.

ГЛЕБ. Помолчи, Роза.

РОЗА. Зачем молчать? Мы разве молчать сюда пришли? Давайте танцевать, петь. Дуня... (*Откашливается.*) Девочка, сейчас нам спеть можешь, да?

ДУНЯ. Не хочу.

РОЗА. Почему? Мы тебе пели. Ты должна, Дуня.

ДУНЯ (*запела*). Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой

В горе надежде и радости...

Общий смех.

РОЗА (*хлопает в ладоши*). Молодец, Дуня. Такой хороший голосок. АЛИК (*улыбается*). Экспорт революции.
 МАРК. Дуня! Какие-то ты песни поёшь?!..
 МЕНАХЕМ. Ничего, ничего. Спасибо, Дуня. А теперь возвращайся в детскую.
 КАТЕРИНА. Боря, забирай Дуню и — спать. Уже пора.
 БОРЯ. Мама, что — и тут, что ли, с петухами ложиться?
 КАТЕРИНА. Спать, спать.
 БОРЯ. А говорили, здесь всё по-другому.

Общий смех.

МАРК. Катя, может, ради сегодняшнего дня?..
 КАТЕРИНА. Никаких! Нечего им крутиться возле взрослых.
 СУСАННА. Боря, если хочешь, можешь ещё чуть-чуть посмотреть телевизор. В вашей комнате тоже ведь он есть.
 БОРЯ. А? Мам...
 КАТЕРИНА. Хорошо. Только не долго.
 БОРЯ. Ура-а!.. (*Убегает.*)
 ДУНЯ. Мама! А там из телевизора стрелять будут.
 КАТЕРИНА. Ничего. Не убьют тебя. Ступай.
 ДУНЯ (*Розе*). Тётя, у вас горлышко болит?
 РОЗА (*улыбается*). Немножко... Да.
 ДУНЯ. Вы мороженое ели?
 РОЗА. Ага. Много-много.
 ДУНЯ. Надо осторожно кушать. Понемножку.
 РОЗА. Я вот такая. Непослушная.
 ДУНЯ. А я маму слушаюсь.
 КАТЕРИНА. Вот и иди, если слушаешься.
 ДУНЯ (*всем*). До свиданья. (*Уходит.*)
 РОЗА. Хорошая девочка.
 ГЛЕБ. Очень. Хорошо ещё не крикнула: «Президент! Я обвиняю тебя в геноциде!».
 МАРК (*смущённо*). Ребёнок...
 МЕНАХЕМ. Н-да... Я, пожалуй, скажу ещё несколько слов. Возьмите бокалы... Марк... И ты, Катюша... Привыкайте как можно скорее к здешней жизни.
 ГЛЕБ. Они-то привыкнут. Девочку жалко.
 СУСАННА. И Дуня привыкнет. Конечно, тут уж родители должны больше ей внимания уделять. Если не планируете всякого рода не-ловкостей.
 МЕНАХЕМ. Сусанна!
 СУСАННА. Извини.
 МЕНАХЕМ. Так вот... Привыкнуть трудно. Очень. Америка — не Россия. Здесь свои условия игры. Но тут уж... Волей-неволей придётся привыкать. И чем быстрее вы приспособитесь к этим условиям, тем быстрее перестанете чувствовать себя здесь чужими...
 МАРК. Будем учиться у вас, Михаил Ильич.

МЕНАХЕМ. Можно просто — Менахем.
 МАРК. Простите, я ещё... Неделя только, как приехали. Конечно, Менахем. Привыкнем.
 МЕНАХЕМ. Привыкнете, конечно. Вопрос только — когда? Мне-то наследство с неба упало. Сразу — своё дело. (*Улыбается.*) Немножко легче, чем теперь, начинать было.
 МАРК (*смеётся*). «Немножко» легче.
 МЕНАХЕМ (*улыбнулся*). Да. Дело у меня неплохое.
 ГЛЕБ. Не сглазь.
 МЕНАХЕМ (*Глебу*). Я не боюсь. (*Марку*). Здесь ведь как? Есть у тебя хороший бизнес — значит, ты хороший человек; нет — и тебя нет. (*Поднимает бокал.*) За твой бизнес, Марик.
 МАРК. Спасибо. Постараемся. (*Все пьют.*) Кэт, ты почему не пьёшь?
 КАТЕРИНА. Марик, помолчал бы немножко. Тебя много.
 МАРК. Что ты меня останавливаешь? (*Улыбаясь всем.*) Простите. Жена. Оберегает, так сказать...
 КАТЕРИНА. Ой, Марик, только без твоих шуток, пожалуйста.
 МАРК (*жене*). Пожалуйста. (*Садится.*)
 РОЗА (*Марку*). Говорить можно. Говорите, мы ждём.
 МАРК. Да, я скажу. (*Встал.*) Я всего несколько слов, товарищи... (*Жене.*) Что ты меня толкаешь?.. (*Пауза.*) Что? (*Всем.*) Что случилось?

Пауза.

СУСАННА (*очень спокойно*). Прошу вас запомнить раз и навсегда, милостивый государь: здесь нет и, надеюсь, никогда не будет никаких товарищей. Есть люди. Граждане. Братья, друзья — и никаких товарищей!.. Если вас это устраивает, разумеется.
 МАРК. Я сказал «товарищи»?.. Простите, ради бога... (*Сел.*)
 ГЛЕБ. Сусанна, что ты терроризируешь человека? Дай ему оглядеться сначала.
 МАРК. Ещё раз — простите.
 МЕНАХЕМ. Ничего, ничего.
 РОЗА. Говорите, Марк.
 КАТЕРИНА. Марк, не надо.
 МАРК (*жене*). Подожди. (*Всем.*) Прошу прощения... (*Встал.*) Господа... (*Улыбнулся.*) Несмотря ни на что, я всё-таки выговорюсь. Друзья!.. (*Сусанне.*) Так можно? (*Пауза.*) Наверное, ещё рано говорить о своих ощущениях. Мы только-только оттуда. Но большое спасибо всем, кто нам помог быть сейчас с вами, я думаю, мы уже можем сказать. Я понимаю: и другие условия бытия, и языковой барьер ставят перед нами определённые трудности. Но мы постараемся быть на высоте того доверия, которое, в частности, вы, Менахем, нам оказали, сделав вызов, вызволив, так сказать... нас оттуда... (*Всклинул.*) Господи, сколько мы там натерпелись!..
 КАТЕРИНА (*мужу*). Уже повело?
 МАРК (*улыбнулся*). Спасибо за приют, за ласку... За помощь. Мы не подведём. Постараемся.

МЕНАХЕМ. Мы поможем. Мы все здесь просто обязаны помогать друг другу. Иначе нам не выжить. Здесь джунгли *(Смеётся.)* Я уже пять лет в Америке, а всё никак не освоюсь. Вроде бы и свой человек у них, а общих точек соприкосновения, кроме деловых, нет.

ГЛЕБ. С твоими миллионами я бы быстро нашёл и общие точки, и запятые, и восклицательные знаки.

СУСАННА. Не дают тебе покоя наши миллионы.

ГЛЕБ. Конечно.

СУСАННА. Завидуешь?

ГЛЕБ. Ещё бы!

СУСАННА. Зря. Всё равно тебе не отдадим.

ГЛЕБ. Мне нравятся эти миллионеры! Сусанна, это правда что ты Мишку в институте на втором курсе предлагала из комсомола исключить? Мне, когда я сюда уезжал, Степанов рассказывал.

МЕНАХЕМ. Колька?.. Помнит ещё, оказывается, нас. Как он там? Когда ты его видел?

ГЛЕБ. Два года назад. Я же говорю: когда уезжал.

МЕНАХЕМ. А-а...

ГЛЕБ *(Сусанне)*. Так правда или нет насчёт комсомола?

МЕНАХЕМ. Конечно, правда. Мы с Колькой из-за неё подрались. Я его избил, а ей стало жалко, красивый он был, дьявол, она на меня и настрочила. На бюро вызывали.

МАРК. Не исключили?

МЕНАХЕМ. На вид поставили. Ах, думаю, выдра! Попомнишь меня. Комсомолка!..

СУСАННА. Менахем!

МЕНАХЕМ. Через год отомстил.

РОЗА. Тоже на бюро её позвал?

МЕНАХЕМ. Нет. В ЗАГС.

РОЗА. Как-как?

МЕНАХЕМ. Женился на ней.

РОЗА. О! Интересно отомстил.

ГЛЕБ. Теперь-то жалеешь, конечно?

МЕНАХЕМ *(смеётся)*. А что толку?

СУСАННА. Я прошу не муссировать эту тему.

МЕНАХЕМ. Сусанна, мы же шутим.

СУСАННА. Шутки у вас, однако.

ГЛЕБ. Ну, была комсомолкой. Чего бояться? Все были.

СУСАННА. Ты? Был?! Молчал бы, диссидент несчастный.

ГЛЕБ *(смеётся)*. Укусила. С комсомольским задором!

РОЗА. Не надо ссор.

АЛИК. Как там Цвиг поживает?

МАРК. Ой, да! Глеб, он тебе письмо просил передать. *(Встаёт.)* Я сейчас. *(Уходит.)*

ГЛЕБ. Мне от него ничего не нужно.

СУСАННА. Что так?

ГЛЕБ. Сыт я им по горло.

АЛИК. Он оригинал, но... *(Цитирует.)* Дарёный конь борозды не портит.

ГЛЕБ. Старый конь – лучше двух новых.

МАРК *(возвращается с письмом)*. Вот. Он говорил про какие-то книги...

ГЛЕБ. Денег ему жалко. Там купить не может, хочет, чтобы я здесь по развалам книжным мотался. А он потом по сотне толкать их будет. Жулик.

АЛИК. Давайте я ему попробую помочь. *(Забирает письмо.)*

МАРК. Пожалуйста... Если Глеб не возражает...

ГЛЕБ. Мне всё равно.

РОЗА. Давайте петь «Ямщик, не гони лошадей»... давайте.

МАРК. Простите, Роза... *(Всем.)* Всё-таки здесь жизнь, господа! Здесь... Мы вот только приехали, а видно, что живут люди. Куда ни пойдешь, простите, везде всё есть. Продукты, какие хочешь. Мясо, колбасы... Джинсы никто не берёт! Я уж не говорю об очередях... *(Алику.)* Вы будете смеяться, но даже оливковое масло там дефицит.

АЛИК. Я знаю. Я там жил.

МАРК. Я оливковое масло люблю до ужаса, а там... *(Смеётся.)* Хоть за доллары его покупай.

КАТЕРИНА. Терпеть не могу этого масла.

МАРК. Не в этом дело, Катюша. Я в принципе. Конечно, может быть, это и обывательская точка зрения, но возьмём и другие аспекты: гражданскую активность, свободу выражения своего мнения...

ГЛЕБ *(запел)*. Ямщик, не гони лошадей!..

МАРК *(Глебу)*. Да, да. Не перебивайте меня. Вы уже, вероятно, привыкли, а для свежего взгляда – удивительно. Стоит человек с плакатом «Янки, вон из Европы!», и никому до этого нет дела.

ГЛЕБ. Это – точно.

СУСАННА. Глеб, прекрати.

МАРК. Нет, я в том смысле, что у нас за такие вещи... А тут – пожалуйста.

АЛИК *(Марку)*. Вы говорите «у нас»... «у нас». Где это?

МАРК. Ну... Я опять. Сразу ведь не перестроишься.

КАТЕРИНА. Марик, помолчи.

МАРК. Да что ты меня всё время одёргиваешь?! Могу я хоть теперь говорить то, что думаю? *(Всем.)* Вот! Уже инстинкт выработался: молчи. Думай, что говоришь. Не говори то, о чём думаешь... не смей думать о том, что говоришь. С ума сойти! *(Жене.)* Уже можно, Катя! Всё, что хочешь, можно говорить! Свобода, Катя!

КАТЕРИНА. Хорошо, хорошо. Я не возражаю. Пойдём завтра тоже встанем на площади с плакатами.

ГЛЕБ. Лучше сенатора подстрелить. Прославиться можно.

РОЗА *(о муже)*. Совсем несносный человек.

СУСАННА. Правда, Глеб. У тебя сегодня могильный юмор.

АЛИК. А это правда, что вы и через психушку там прошли?

МАРК. Через чего?

АЛИК. Как вам удалось выдержать?

МАРК. Я не понимаю...

АЛИК. Ну, как же?.. Мы тут вас как мученика собираемся чествовать... Вам что кололи?

МАРК. Куда?

ГЛЕБ *(смеётся)*. Алинька, он не знает терминологии.

МАРК. А! Я знаю! Вы говорите о психиатрической лечебнице. Да, да. Пришлось.

АЛИК. За что они вас?

МАРК. После автомобильной катастрофы у меня память не восстанавливалась, и меня положили.

АЛИК. Нашли повод?

МАРК (*смеётся*). Если можно так выразиться.

ГЛЕБ. Выразиться помогут.

МАРК. Но там... Нормально. Больница как больница... (*Смеётся*). Кормили хорошо.

АЛИК. Это – шутка?

ГЛЕБ. Конечно, он шутит, Алик. Пойдём, Роза.

РОЗА. Куда? Я ещё не танцевала.

ГЛЕБ. Роза, я устал. Пошли. Дома потанцуем.

МАРК. Глеб, подождите. Куда вы?

МЕНАХЕМ. Правда, Марк. Мы тоже пойдём. У меня завтра тяжёлый день.

МАРК. Одну минутку. Менахем. Ещё два слова. Я хочу поблагодарить.

МЕНАХЕМ. Да всё понятно. У нас здесь на самом деле лучше, чем там. Чтобы уж совсем тебя убить... Вот тебе ключи от машины. (*Отдаёт Марку ключи.*) Она уже оформлена на тебя.

КАТЕРИНА. Зачем?

МЕНАХЕМ. Автомобиль, если он один, не роскошь, а средство передвижения.

МАРК. Я очень тронут. Не знаю, как вас и благодарить...

КАТЕРИНА. Зачем нам?

МАРК. На работу ездить.

МЕНАХЕМ. Кстати, о работе. Чтобы сразу поставить все точки над «i». Не в моих правилах брать к себе на завод знакомых, родственников и друзей. Всех коллизий предугадать невозможно. Поэтому я взял себе за принцип – не превращать завод в богадельню. Я бы мог тебя куда-нибудь рекомендовать, но, думаю, будет лучше, если ты поищешь работу сам. Через тернии к звёздам. Извините, мне пора. Левицкий, ты идёшь?

АЛИК. Мне на студию заскочить надо.

МЕНАХЕМ. Смотри сам... (*Тихо Левицкому.*) Машины Зайлера пока нет?

АЛИК. Трудно. Коуп чертежи, по-моему, за пазухой носит. Так просто не взять.

МЕНАХЕМ. Постарайся. И хорошо бы, конечно, чертежи. Иначе обойдут нас... На вираже.

АЛИК. Разве я тебя когда-нибудь подводил?

МЕНАХЕМ (*улыбается*). Будем надеяться... (*Катерине.*) До первого можете жить здесь. Беспокоить вас тут никто не будет. А потеплеет – с квартирами легче станет.

МАРК. Спасибо.

КАТЕРИНА. До свидания.

МЕНАХЕМ (*Катерине*). Вы завтра пойдёте с Сусанной к Брохасу, выберете себе шубку. По вкусу.

КАТЕРИНА. Зачем?

МЕНАХЕМ. Носить.

КАТЕРИНА. А как же?..

МЕНАХЕМ. Счастливо. Сусанна, я жду в машине. (*Уходит.*)

ГЛЕБ (*вслед Менахему*). Кинг.

КАТЕРИНА. Спасибо, Сусанна, не...

СУСАННА. Потом сочтёмся.

ГЛЕБ (*Катерине*). Мы с Розой таких подарков вам не обещаем, но всё-таки можно нам навещать вас иногда?

КАТЕРИНА. Зачем вы спрашиваете? Конечно, приходите.

РОЗА (*Катерине*). Спасибо.

КАТЕРИНА. Было бы куда к нам приходиться.

СУСАННА (*улыбается*). С квартирами здесь тоже проще. Устройтесь.

МАРК. Мы так счастливы, Сусанна. Если бы вы только знали!.. (*Всем.*) Друзья! Спасибо Вам! Всем!.. Спасибо.

СУСАННА (*смеётся*). Ну что ты себя так-то уж, Марик?! Свои же люди. Когда-нибудь отдадите...

МАРК (*счастливо, а потому заразительно смеётся*). Э-эх!.. Прокачу..

Общий смех.

Затемнение.

Из темноты импульсами вырываются буквы: «Д.Д.Д.», «Д.Д.Д.»

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА:

ЭЛИЗАБЕТ. О-о!.. Как всё осточертело!.. Майкл, походи погуляй, не вертись под ногами, противный мальчишка!.. (*Музыкальная пауза.*) Дэн, ты и на фотографии мне противен. Я отдыхаю, когда тебя нет... Особенно – твоя лысына... То ли дело... (*Испуганно.*) Кто это? У меня в постели?!.. Что за космы?.. О-о-о!.. Дэн, посмотри, какие волосы должен иметь настоящий мужчина. Впрочем, тебе незачем смотреть. Мы будем тебя стесняться, отвернись к стене... Или лучше – брысь под кровать. (*Звон разбитого стекла.*) Были бы у тебя такие волосы, как у него, разве я бы позволила себе?.. Иди ко мне, милый. Дэн? Что с тобой? Шут гороховый! Зачем ты напялил на себя этот парик? Сними сейчас же!..

ДЭН (*кричит*). Бо-ольно!

ЭЛИЗАБЕТ (*изумлённо*). Дэн! У тебя волосы? Откуда?!

ДЭН (*гордо*). Ума не приложу.

МАЙКЛ (*с улицы*). Я папе нечаянно вылил на лысину оливковый шампунь фирмы «Джек, Джек и Джек».

ЭЛИЗАБЕТ. О-о-о! Безумие! Майкл, убирайся скорей от окна, проказник...

Топот удаляющихся ног.

Шалунишка... Дэн... Напомни, на кого мне теперь молиться?..

ДЭН. На оливковый шампунь фирмы «Джек... Джек... и Джек...»

Картина вторая

Небольшая квартира Дворкиных в Нью-Одессе, отдалённом районе Нью-Йорка. В ней изнывает от тоски Катерина с дочерью.

ДУНЯ. Мама, мне здесь не нравится.

КАТЕРИНА. Дуня, помолчи, пожалуйста.

ДУНЯ. Где папа?

КАТЕРИНА. Папа сейчас придёт. Он на работе.

ДУНЯ. Мама, поедем домой. Я здесь не хочу.

КАТЕРИНА. Доченька, мы дома.

ДУНЯ. Никакой это не дом. Наш дом — дома. Там, где бабушка.

КАТЕРИНА. Тебе не надоело?

ДУНЯ. И буду. Потому что я тебя прошу-прошу, а ты для меня ничего не делаешь... И бабушкину песню даже никогда мне не поёшь.

КАТЕРИНА. Дуня, сколько можно одно и то же?

ДУНЯ. А я тебе письмо за это прочитаю от бабушки.

КАТЕРИНА. Пришло?... Когда ты получила?

ДУНЯ. Утром.

КАТЕРИНА. Что же ты до сих пор молчала?

ДУНЯ. Она же мне написала, а не тебе.

КАТЕРИНА. Нельзя так говорить, Дуняша... Разве мы с тобой не одно и то же?

ДУНЯ. Мамочка! *(Обнимает маму.)* Прости!..

ПИСЬМО БАБУШКИ: Внученька!.. Дуняша... Золотиночка моя родная!.. Учебники для второго класса я тебе уже купила, как ты и просила, — скоро вышлю. А фартук... Всё собираюсь шить, да ты, наверное, подросла уже. Сошью, а он мал тебе будет. Уж не знаю, что и делать... Пока же вяжу тебе носочки тёплые... *(Входит Боря.)* У вас там хоть и тепло, говорят, но на всякий случай... А лучше бы возвращалась, а?... А то я вяжу и не знаю, зачем... А Плутик по ночам до сих пор скулит, спать не даёт. Одни мы теперь с ним. На всём белом свете. Он совсем почти не ест. И при тебе худой был, а сейчас — кожа да кости...

Боря включает телевизор.

ДУНЯ. Выключи.

БОРЯ. Заткнись.

КАТЕРИНА. Что с тобой, сынок?

БОРЯ. Ничего.

КАТЕРИНА. Опять подрался?

БОРЯ. Что с ними драться? Если бы один на один, мы бы тогда посмотрели, кто кого. А так — конечно. Четверо на одного.

КАТЕРИНА. Не связывайся с ними.

БОРЯ. А кто связывается? Очень нужно.

ДУНЯ. Я в окно видела, как мальчишки за ним гнались.

БОРЯ. Ничего. Я их, как Спартак.

КАТЕРИНА. Выключи телевизор.

БОРЯ. Ну, мам!..

ДУНЯ. Надо тебе собрать пионеров, сделать отряд, а потом...

БОРЯ. Ты что, дурочка?

ДУНЯ. Mam, чего он обзывается?

БОРЯ. А ты ерунду не говори.

ДУНЯ. Ну и пусть бьют. А я октябрят себе наберу...

БОРЯ. Где ты их здесь возьмёшь?

ДУНЯ. Сама принимать их буду. А потом... Я знаю, что мы потом сделаем.

КАТЕРИНА. Дуня, тебе нечего больше делать?

ДУНЯ. Ой, мам... *(Смущённо отвернувшись от телевизора.)* Там голый дядя.

КАТЕРИНА *(Боре)*. Что ты смотришь?

Выключает телевизор.

БОРЯ. Ты что делаешь?

Включает телевизор.

КАТЕРИНА. Я говорю, выключи! Смотришь всякую гадость...

БОРЯ. А что делать?

КАТЕРИНА. Выключи, кому говорю!

Боря выключает телевизор. Пауза.

БОРЯ. Я хочу есть.

КАТЕРИНА. Потерпи. Может быть, сейчас папа придёт.

БОРЯ. Потерпи, потерпи... Чего мы должны его ждать? Он, может, ночью заявится или вообще не придёт... Что нам — от голода умирать? И так...

МАРК *(входя)*. Кто тут собрался умирать?

ДУНЯ. Папа пришёл! Папа пришёл!

КАТЕРИНА. Дуня, пойдём, поможешь мне на стол накрыть.

ДУНЯ. Ну, мама!..

КАТЕРИНА. Пошли, пошли.

Мама с Дуней идут в кухню.

МАРК. Чем мы сегодня занимались, сынок?

БОРЯ. Не знаю, чем ты занимался.

МАРК. Понятно.

Пауза.

БОРЯ. Купи мне пистолет. Настоящий.

МАРК. Вот это уже разговор! Я слышу речь не мальчика, но мужа.

БОРЯ. Тут его свободно купить можно.

МАРК. Зачем?

БОРЯ. Пригодится.

МАРК. Обидел тебя кто-нибудь?

БОРЯ. Чего они меня гегемоном обзывают?

МАРК (*смеётся*). Почему гегемоном?

БОРЯ. И ещё — красной сволочью.

МАРК. Не обращай внимания. Это пока. Мы для них... Потом привыкнут.

БОРЯ. Пока они привыкнут... Родить можно.

МАРК (*смеётся*). Ну, уж не стрелять в них за это?

БОРЯ. Я их всё равно поубиваю.

МАРК. Боря, Боря!.. (*Пауза.*) К маме ты, надеюсь, не обращался с такой просьбой? Насчёт пистолета.

БОРЯ. Ещё чего?!

МАРК. Ты уж, пожалуйста, побереги её нервы. Они у неё и так на пределе.

КАТЕРИНА (*из кухни*). Марк, ты помылся?

МАРК (*жене*). Нет ещё. (*Встаёт.*) Пора уже взрослеть, сынок.

Марк уходит в ванную.

БОРЯ (*кричит в кухню*). Мама, скоро там?

КАТЕРИНА (*из кухни*). Несём, несём...

Катерина с Дуней входят в комнату, вместе с Борей начинают накрывать на стол.

БОРЯ. Сегодня опять кукурузная каша?

ДУНЯ. А вот и нет (*Открывает кастрюлю*).

БОРЯ. Ура-а! Мясо!.. (*Блеет.*) Мя-а-со! Мя-а-со!..

ДУНЯ. Ты руки вымыл?

БОРЯ. Не твоё дело. Акселератка.

ДУНЯ. Mam, чего он дразнится?

КАТЕРИНА. Боря, иди в ванную.

БОРЯ (*уходя, Дуне*). Поплачешь ещё у меня.

ДУНЯ. Mam!..

КАТЕРИНА. Боря, отстань от неё.

БОРЯ (*Дуне*). Ябеда!

Убегая, сталкивается с отцом.

МАРК. Борис, так ведь и убить можно. Без пистолета. Куда ты летишь?

БОРЯ. Руки мыть. (*Уходит.*)

МАРК (*садится за стол*). Та-ак... Что у нас сегодня?

ДУНЯ (*шёпотом*). Мясо по-чешски.

МАРК. Понятно... (*Жене.*) Опять?

КАТЕРИНА. Что?

МАРК. Дуня... Возьми свою тарелочку... И Борину. Поешьте с ним в кухне.

ДУНЯ. Не хочу я с ним.

МАРК. Мама, положи им.

КАТЕРИНА. Что случилось?

Марк не отвечает. Катерина раскладывает детям по тарелкам. Дуня уходит с тарелками на кухню.

МАРК. Ну.

КАТЕРИНА. Что «ну»?

МАРК. Что ты делаешь?

КАТЕРИНА. Я слушаю.

МАРК. Я говорил тебе о том, чтобы мясо было только раз в неделю?

КАТЕРИНА. А я тебе говорю: не будет этого. Не буду я детей голодом морить.

МАРК. Кто их морит? Что ты болтаешь?

КАТЕРИНА. Ты. Пытаешься, во всяком случае.

МАРК. Миллионеры едят мясо два раза в неделю, а мы умрём, если не каждый день будем его есть. Баре!

КАТЕРИНА. Не хочу я жить, как миллионеры.

МАРК. А я хочу! Мы зачем сюда приехали?!

КАТЕРИНА. Не знаю я, зачем мы сюда приехали.

МАРК. Кэт, не выводи меня из себя.

КАТЕРИНА. Екатерина Тимофеевна.

МАРК. Хорошо... Катя... Я понимаю, нервы... Но если мы не стиснем зубы... Мы должны вырваться... Это первое время тяжело. Прошло ведь только два месяца. Привыкнуть надо. И копить, копить. Все начинали с ноля. А нам помогают... Неужели мы ничего не стоим, Катя? Иначе... Вся наша затея бессмысленна.

КАТЕРИНА. С самого начала была бессмысленной. Я тебе ещё дома говорила.

МАРК. Здесь теперь наш дом!

КАТЕРИНА. Нет. Это не дом. Никогда я в своём доме не буду у гостей брать деньги за еду. И подарки буду дарить дома только бесплатно.

МАРК. Ой, ой, укусила. Здесь так принято.

КАТЕРИНА. Отнеси им обратно шубу. Я её не надену.

МАРК. Ну и дура.

КАТЕРИНА. Конечно, дура! Дура, что вообще сюда приехала.

МАРК. Давай тогда возвращаться.

КАТЕРИНА. Кто тебя пустит обратно, умник?

МАРК. Никто и не собирается. Что там делать? Опять от аванса до зарплаты.

КАТЕРИНА. А тут от бобов до кукурузы.

МАРК. Для здоровья полезней.

КАТЕРИНА. Ага!.. Так жить — мы бы и дома через пару лет машину купили. Крохобор.

МАРК. Возьми свои слова обратно. (*Пауза.*) Возьми свои слова обратно!.. Ладно, ты пожалеешь... Я... с утра до ночи... Любую работу: посуду, мусор... Похлёбку благотворительную хлебаю, чтобы лишнюю копейку в дом...

КАТЕРИНА. Лишний цент.

МАРК. Да! Да! И не жалею. И никогда, запомни, никогда, никогда не отступлюсь... Я докажу им, что человек может добиться всего, если ему развязать руки.

КАТЕРИНА. Посмотрим.

МАРК. Смотрите... Я добьюсь... А вы смотрите... Досмотритесь...

КАТЕРИНА. Как это?

МАРК. А так.

КАТЕРИНА. Договаривай, договаривай. *(Пауза.)* Ну, что же ты?

МАРК. Если бы мы вдвоём работали...

КАТЕРИНА. С удовольствием. Ты нашёл мне работу?

МАРК. Её сколько угодно.

КАТЕРИНА. Я – врач. Врач, понятно тебе?

МАРК. А я – инженер, ну и что? Но я не гнушаюсь.

КАТЕРИНА. Молодец.

МАРК. Горький баржи грузил. А ей, видите ли, стыдно посуду перемыть. Это же название только – «мыть». Там автоматы моют.

КАТЕРИНА. Не буду.

МАРК. Пропади оно всё пропадом!

Звонок в дверь.

ДУНЯ *(из кухни)*. Я открою.

Бежит открывать.

БОРЯ *(из кухни ей вслед)*. Спроси – кто?

ДУНЯ *(открывает)*. Здравствуйте.

МАРК. Кто там?

ГЛЕБ *(входит с Дуней)*. Можно к вам?

МАРК. Проходи, конечно. Привет.

КАТЕРИНА. Здравствуйте.

ГЛЕБ. Добрый вечер. Решил в гости к вам.

КАТЕРИНА. Проходите. Садитесь к столу. Мы как раз ужинать собрались.

ГЛЕБ. Я не вовремя?

МАРК *(бодро)*. Почему?

ГЛЕБ. Мне показалось.

МАРК. Тебе показалось.

КАТЕРИНА. Дуня, принеси ещё один прибор. *(Глебу.)* Садитесь.

Дуня уходит.

ГЛЕБ *(достает бутылку коньяку)*. У меня сегодня годовщина.

Ставит бутылку на стол.

МАРК. О! Коньяк!.. «Наполеон»!

КАТЕРИНА. А что за дата?

ГЛЕБ. Сегодня два года, как я здесь.

МАРК. Надо отметить. Кэт, рюмки.

Дуня приносит посуду, Катерина ставит рюмки.

Ну, и как живётся?

ГЛЕБ. Замечательно.

КАТЕРИНА. Спасибо, Дуня. Ступай.

Дуня уходит.

МАРК *(Глебу)*. Тебе-то, конечно, повезло.

ГЛЕБ. Да. Всем нам повезло. Крупно.

МАРК. Не скажи. Тебе легче. Жена – американка.

ГЛЕБ. Давайте выпьем.

КАТЕРИНА. За вас.

ГЛЕБ. Давайте, каждый за своё.

Пауза. Пьют.

МАРК. Чего молчите? Ешьте. Катя, положи ему.

ГЛЕБ. Не нужно. *(Марку.)* Ты ешь.

КАТЕРИНА *(Глебу)*. Что-нибудь случилось?

ГЛЕБ. Всё нормально. *(Засмеялся.)* Жизнь прекрасна и удивительна.

Просто к вам захотелось. Побыть. Вы же разрешили.

МАРК. Но выпить всё равно можно...

Смеются. Наливают. Пьют.

КАТЕРИНА *(Глебу)*. Вы ешьте.

ГЛЕБ. Спасибо.

МАРК. Что самое удивительное, так это мясо. Катюша прекрасно его готовит. По-чешски. Но она добавляет ещё в него чуточку оливкового масла. Божественный вкус. Попробуй.

ГЛЕБ *(пробует)*. Правда, вкусно.

Пауза.

КАТЕРИНА. Как у Розы с горлом?

ГЛЕБ. Получше. Говорит, правда, с трудом ещё, но кашель почти прекратился.

КАТЕРИНА. Надо было всё-таки соглашаться на операцию.

МАРК *(Катерине)*. Знаешь, сколько это стоит?

КАТЕРИНА *(Марку)*. Сколько, Марик?

МАРК. Катя, ты почему не ешь?

КАТЕРИНА. Не хочется.

МАРК *(смеясь, Глебу)*. Я, когда самому приходится готовить, тоже теряю аппетит. Напробуешься у плиты...

ДУНЯ *(кричит с кухни)*. Mam, он у меня мясо ворует!

БОРЯ. Она сама первая.
 ДУНЯ. А ты мой сок выпил.
 БОРЯ. Кто его пил? Он разлился весь.
 ДУНЯ. Ага! Разлился! Тебе в рот!..
 КАТЕРИНА (*Марку*). Пойди разберись.

Марк уходит в кухню. Пауза.

ГЛЕБ. Хорошо, когда есть дети.
 КАТЕРИНА. Да... Если б не дети...
 ГЛЕБ. А у нас не получается...
 КАТЕРИНА. У вас там... Дома... Кто-нибудь остался?
 ГЛЕБ. Мать... Она сейчас, бедная, там мучается... Дай бог, если не знает, что я здесь. У неё сердце не выдержит, если узнает.
 КАТЕРИНА. Как это?.. Она не знает, что вы здесь?
 ГЛЕБ. Ушёл я из дому. (*Пауза.*) На отца обиделся... Он... От своего отца, от деда моего репрессированного, отказался. Отрёкся в юности. Я, когда узнал, ушёл.
 КАТЕРИНА. Обиделись?
 ГЛЕБ. Дурак потому что. Сколько мерзости вокруг, а я — на родителей. Потом-то, когда повзрослел, понял, но... Поздно уже было на попятную идти.
 КАТЕРИНА. К родителям разве может быть поздно?
 ГЛЕБ. Не знаю. Тогда я... не смог. Отцу простить не могу... До сих пор... Хотя...
 КАТЕРИНА. Прощать надо. Тем более — родителей...
 ГЛЕБ. Нет. (*Пауза.*) Да и кем бы я к ним пришёл? Знаете, как обо мне в одной газете написали? (*Декламирует.*) «Чёрная душа всё мажет чёрным по белому. У чёрного клеветника есть и чёрные приспешники. Лучший способ лечения Чёрного Сердца — наказание!». И наказали.
 КАТЕРИНА. Это у нас ещё? Правду искали?
 ГЛЕБ. В Киргизии... Мне, как всегда, больше других надо было знать, почему воры, про которых все знают, что они жулики, которым в добрые старые времена руки бы пообрубали, на свободе ходят, даже и не ходят — ездят на свободе. Заездили её бедняжку — свободу эту.
 КАТЕРИНА. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман.
 ГЛЕБ (*горько умехнувшись*). Истинно глаголешь, отроковица...
 КАТЕРИНА. И вы сдались?
 ГЛЕБ. Да.
 КАТЕРИНА. Но почему сюда?
 ГЛЕБ. Все мы задним умом крепки... Закрутило и понесло, а куда, зачем — до сих пор сообразить не могу. Вот уж народ точно подметил — черти занесли.
 КАТЕРИНА. У нас по-другому... Но тоже...
 ГЛЕБ. С Марком — всё понятно, а вы здесь чего забыли?
 КАТЕРИНА. Вы не подумайте, я тоже подарок. Тот ещё. Тоже богатенькой захотелось стать.

ГЛЕБ. Мир посмотреть...
 КАТЕРИНА. Себя показать.
 ГЛЕБ. Показали...
 КАТЕРИНА. Вроде бы, и к деньгам равнодушна достаточно, и дома люблю сидеть, а вот... Сама-то ладно, а ребята... Растут. Что с ними будет?
 ГЛЕБ. С Марком не пропадут. Он — не вы. Это вам здесь сложно.
 КАТЕРИНА. Почему вы так думаете?
 ГЛЕБ. Видно. Поэтому меня к вам и тянет.
 КАТЕРИНА (*смеётся*). Там русский дух, там русью пахнет...
 ГЛЕБ. Если хотите.
 МАРК (*входя с Дуней на сцене*). Там ступа с Бабою Ягой идёт-бредёт сама собой.
 КАТЕРИНА. Дуня! Такая большая — и на руках. Папе же тяжело.
 ДУНЯ. Это папа сам. Он — ступа, а я — Бабка Ёжка.
 ГЛЕБ. А если я попробую ступой?
 ДУНЯ. Давайте.

Общий смех.

ГЛЕБ. Дуня, давай завтра съездим с тобой к тётке Розе в гости?
 ДУНЯ. Давайте.
 КАТЕРИНА. Конечно. Она теперь с дядей Глебом хоть на край света.
 ДУНЯ. Мы и так на краю уже.
 МАРК (*шутливо*). Но-но-но! Поговори мне!
 ГЛЕБ. Хорошо, договорились. А сейчас... Я, пожалуй, пойду.
 МАРК. Куда?
 ГЛЕБ. Домой.
 МАРК. Чего?
 ГЛЕБ. Пора мне.
 МАРК. Да?.. Тогда давай на посошок?

Наливает в рюмки.

ГЛЕБ. Не возражаю. (*Катерине.*) За вас.
 КАТЕРИНА. Спасибо.

Взрослые пьют.

ДУНЯ. А за меня?
 ГЛЕБ. За тебя завтра.
 ДУНЯ. С тёткой Розой?
 КАТЕРИНА. Дуня!
 ГЛЕБ. Ничего страшного. Дуня, я завтра с утра за тобой заеду.
 ДУНЯ. Да, мама?
 МАРК. И ты, Катя, поезжай. Что тебе целыми днями в этой конуре торчать? Поневоле взвоешь. Я бы сам поехал, если бы не... (*Глебу.*) Дела!
 ГЛЕБ. Хорошо. Значит, до завтра.

Идёт к двери.

МАРК. До свиданья.

КАТЕРИНА. Подождите. Мы вас проводим.

МАРК. Да, да. Конечно.

Все направляются к выходу. В это время звонит телефон. Марк возвращается, берёт трубку, кричит вслед ушедшим.

Подождите! (*В трубку.*) Алло! Да, весь внимание... Да... Хорошо. Спасибо... Да, я слушаю... Понял. Завтра в десять буду у вас... Обязательно... Большое спасибо... (*Бросает трубку.*) Катя!.. (*Кричит.*) Катя! Где ты?!

БОРЯ (*выходит из кухни*). Папа, ты что?

МАРК. Где она?

БОРЯ. Пошла провожать.

МАРК (*выбегая из квартиры*). Глеб!.. Катя!..

Возвращается с женой и Дуней.

Как уехал? Не может быть?! Где он?.. Эх, чёрт!..

КАТЕРИНА. Что с тобой?

МАРК. Катенька! Всё!.. Конеч!.. (*Смеётся.*) Дуня, ущипни меня!

БОРЯ. Давай – я.

МАРК. Работа! Наконец-то. Что, выкусили?

Грозит кулаком в потолок.

Теперь посмотрим!.. Я им покажу: куда едешь, куда едешь? (*Кричит.*) Да здравствует загнивающая система империализма! Ура-а!..

КАТЕРИНА. Успокойся, дурачок.

МАРК. Катенька, милая моя, меня приняла. Приняли!.. Я тебе не говорил, я подал документы в «Вест-Стар». Не через биржу, а попросил Алиньку Левицкого...

КАТЕРИНА. Он же...

МАРК. Да, да! ФБР, ЦРУ – мало ли что про него говорят... сплетни! Да и какая разница? Я же не к нему. Я – на завод. По специальности.

КАТЕРИНА. Ты говорил, переучиваться надо.

МАРК. Ну, подумаешь! Поработаю пока... Техником... Подучусь. Зато через... (*Смеётся.*) Мы им покажем! (*Кричит в потолок.*) Три тысячи в месяц не хотите?!.. (*Жене.*) Катя, прости меня... (*Плачет.*) Я ведь... Ты не знаешь, как мне тяжело было... С неграми... похлёбку хлебать... Но я... Я знал... Я для вас, Катя... Дуняша, иди ко мне. Боря...

КАТЕРИНА. Успокойся. Ну что ты?..

Гладит его, как маленького, по голове.

Вот и хорошо. Успокойся... Марик...

МАРК. Перетерпели, слава тебе господи. Выдержали...

КАТЕРИНА. Только не слезь.

МАРК. Да, да. А то ещё правда... Нельзя.

БОРЯ. Пап, а кем ты будешь?

МАРК. Инженером, сынок. Не сразу, но потом – обязательно.

ДУНЯ. А что ты будешь делать?

МАРК. В «Вест-Старе»? Самолёты, дочка.

ДУНЯ. Реактивные?

МАРК. Конечно. Самые лучшие.

Смеясь, берёт её на руки и подбрасывает вверх.

А ты будешь на них летать. Вот так!.. Вот так!..

КАТЕРИНА. Осторожно, папа! Уронишь! Она же вон какая!..

МАРК. Вот так!..

БОРЯ. Выше её! Выше!..

МАРК. Вот так!.. Вот так!..

Общее ликование.

Затемнение.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА:

ДИКТОР. ... Идёт четырнадцатый раунд боя между второй перчаткой мира Биллом Харриссом и восходящей звездой на боксёрском небосклоне Вирджинии Беном Тренки. Медиссон Сквер Гарден неистовствует. Билл атакует, как всегда, мощно и напористо... Вы слышите, что творится в зале? Молодой Бен зажат в углу. Джеб. Ещё один джеб... Недаром Билла с детства прозвали Молодым Бычком... Хук! И тут же прямой в голову. Сейчас Билл больше похож на разъярённого вепря... О! Какой мощный кросс!.. Всё. Вы слышите! Это сорок тысяч разъярённых вепрей... Считать не надо. Здесь нужен врач, а не судья... Двенадцать выбитых зубов и перелом челюсти. Носилки... Носилки для Бена. Да, Бен, тебя ещё рано подпускать к Вепрю... Но что это? Бен отстраняет врача... Чего он хочет?.. Тише... Мы слушаем тебя, Бен!

БЕН. Оливки... Оливки...

ДИКТОР. Смешно, но утопающий хватается за соломинку. Дайте же ему зубную пасту «Оливки» фирмы «Джек, Джек и Джек». Умиравший чистит зубы!.. (*Смеётся.*) Подождите!.. Бен! Что с тобой?!.. Вы видите, он встаёт! Он готов продолжать бой?! Невероятно!.. Рефери возобновляет поединок. Разъярённый Вепрь апеллирует к судье. Да, судейская ошибка. Надо было открывать счёт, но кто же знал, что произойдёт чудо! Ничего не попишешь, Билл, надо продолжать бой. Зритель ждёт боя, Билл. Слышишь?.. Воскресённый «Оливками», Бен идёт в атаку на Вепря, который стал вдруг опять всего лишь бычком... Удар. Удар. Хук... Ещё хук и апперкот!.. Билл на полу. Это уже не Вепрь, это уже старая корова. Bravo, Бен! Ты сегодня герой, Бен!.. Но, когда будешь получать свой миллион, вспомни о Боге, который поставил тебя на ноги... Он смотрит на нас! Он помнит! Он улыбается. О. Боги! Посмотрите на его зубы! Они сверкают, как алмазы! Они лучше выбитых! Это видят все, все это видят! Это – чудо! И имя этому чуду... Вы слышите?

Зал скандирует.

«О-лив-ки! О-лив-ки!». Да-да! Зубной эликсир «Оливки» фирмы «Джек, Джек и Джек».

Картина третья

Недавно купленный в рассрочку коттедж Дворкиных. Но поляне возле коттеджа свежерыкопанные ямки для саженцев, которые лежат тут же. Здесь же на поляне Марк, Катерина, Дуня, Глеб, Сусанна и Алик Левицкий.

МАРК. Вот!.. *(Смеётся.)* Мы оливки ещё не посадили, а их уже рекламируют.

АЛИК. Хорошая слышимость. Откуда это?

КАТЕРИНА. У сына в комнате телевизор.

МАРК. Вон его окно. На балконе. Справа. Видите – фрамуга открыта.

ДУНЯ. А моё – слева. На том же балконе.

СУСАННА. Ты не боишься, Дуня?

ДУНЯ. Чего?

СУСАННА. Залезть к тебе Боря может через балкон.

ДУНЯ. Зачем?

МАРК. Просто так.

КАТЕРИНА. Марк.

МАРК. Да я не боюсь...

АЛИК. Не успеете оглянуться, как она станет девушкой. И тогда уж – глаз да глаз... Не он, конечно, но друзья его могут.

МАРК. У него нет друзей.

КАТЕРИНА. Оставьте, пожалуйста, эту тему.

МАРК. Удивительно, но... Год мы уже здесь, а он всё один да один. Ни одного друга.

ДУНЯ. Давайте уже сажать.

МАРК. Подожди, Дуня, не суетись. Сейчас дядя Менахем приедет, тогда и начнём.

ДУНЯ. Дядя Миша?

СУСАННА. Дядя Менахем.

ДУНЯ. А почему он был сначала дядя Миша, а потом – дядя Менахем?

ГЛЕБ. Это тётя Сусанна его превратила. Она волшебница. Был дядя Миша, стал – дядя Менахем.

СУСАННА. Что?

КАТЕРИНА. Дуня, что ты стоишь? Носи воду.

ДУНЯ. У меня папа тоже еврей, а я его всё равно люблю. Вот.

Уходит за водой.

СУСАННА *(Глебу)*. Мне уже надоели вечные твои подковырки. Если тебе не нравится моё общество, я ведь могу и избавиться тебя от него.

МАРК. Сусанна! Что ты на него обижаешься? Пора бы уже привыкнуть.

СУСАННА. Почему я должна к кому-то привыкать?

ГЛЕБ. Я вас и не прошу об этом.

МАРК. Девочки! Мальчики! Ну что такое?! Закладываем сад братства, а вы – как классовые враги. *(Смеётся.)* Прости, Алинька, что опять покоробил твой пытливый нюх.

АЛИК. Ничего. Говори. Я всё мотаю на усы.

МАРК. На ус.

АЛИК. Я знаю, но мне так больше нравится.

ГЛЕБ. Вольному – воля.

АЛИК. Спасённому – рай.

МАРК. Bravo! *(Аплодирует.)* Рай – это про меня, честное слово!..

КАТЕРИНА. Марик, пойдём, поможем Дуне.

ГЛЕБ. Пойдёмте все, а то она до вечера этот бак не наполнит. *(Катерина, Марк и Глеб уходят.)*

АЛИК. *(оставшись вдвоём с Сусанной)*. Сегодня я свободен.

СУСАННА. Зато я занята.

АЛИК. А завтра?

СУСАННА. Не знаю.

АЛИК. Днём.

СУСАННА. Левицкий, может быть, нам прекратить эту нервотрёпку?

АЛИК. Да? Наскучило?

СУСАННА. Не потому... Этот... Да и не в нём дело... Менахем странно себя ведёт. По-моему, он догадывается.

АЛИК. Догадывается? *(Смеётся.)* Я не знал.

СУСАННА. Почему тебе смешно?

АЛИК. Смешно.

СУСАННА. Что?

АЛИК *(продолжая смеяться)*. Боюсь, что Менахем не одобрит твой... занятости.

СУСАННА. Не поняла.

АЛИК. Всем трудиться надо, девочка. По труду воздаётся.

Из дома выходят с вёдрами ушедшие за водой.

ДУНЯ *(увидев стоящего на улице Менахема)*. Папа, там дядя Миша-Менахем стоит.

Все повернулись в сторону улицы.

МАРК. Наконец-то!

Входит Менахем.

МЕНАХЕМ. Салют!

МАРК. Быстрее, Менахем, тебя ждём.

МЕНАХЕМ. Дела.

МАРК. Знаем, и только потому извиняем.

МЕНАХЕМ. Я тронут.

ДУНЯ. Давайте уже сажать сад.

МЕНАХЕМ. Я готов, Дуняша.
МАРК. Первое дерево твоё, Менахем. Пойдите... Катюша, позови Борю.

КАТЕРИНА. Так он и пойдёт.
МАРК. Всем здесь надо быть.
КАТЕРИНА. Пойди, сам попробуй. Я посмотрю, как у тебя это получится.
МАРК. Чёрт с ним. Ладно... Менахем, вот...

Протягивает ему саженец.

Олива.
МЕНАХЕМ. Благодарю.

Берёт саженец.

МАРК. Минуточку... Ребята, сейчас удивительный момент. Мы обрастаем корнями. Я... и Катя... Я... и Катя приживаемся... Менахем, пару слов.

АЛИК (*аплодируя*). Просим.

Аплодисменты подхватывают все.

МЕНАХЕМ. Хорошо, я скажу... Правда, не знаю, почему такая честь? (*Улыбается.*) Ты, Марк, вот-вот сравняешься со мной капиталами.

МАРК (*заразительно смеётся*). Подожди! Ещё и разорю тебя.

МЕНАХЕМ. Всё может быть. Не смейся. Прошло чуть больше года с тех пор, как ты приехал... А уже — инженер.

МАРК. Год и два месяца.

МЕНАХЕМ. Ну вот. И не их инженер. Тут работать надо. Уметь работать.

МАРК. Стараемся.

МЕНАХЕМ. Старайся. И, главное, помни: будешь дельным специалистом — тебя заметят. И будет у тебя не только этот дом...

КАТЕРИНА. В рассрочку.

МЕНАХЕМ. Ничего. Выплатите. Не всё сразу. Была бы голова, будет и работа. А голова у тебя есть, Марк. Работай на совесть, и всё у тебя будет.

ГЛЕБ. Куй оружие для врага.

АЛИК. Против врага.

ГЛЕБ. Я разве сказал «для»? Конечно, против.

ДУНЯ. Папа, а какой у тебя враг?

МАРК. Дяди шутят, Дуня. Какие у нас враги?..

СУСАННА. Хватит умничать. Давайте дело делать. Менахем, ты закончил?

МЕНАХЕМ. Да, если вам этого хочется.

ГЛЕБ. О-о! Уже «вам»?

СУСАННА (*Глебу*). В чём дело?

МАРК. Менахем, опускай оливу. Дуня, вылей воду в ямку.

Дуня льёт воду из своего ведёрка.

КАТЕРИНА. Дуня, сама-то не обливайся.

Менахем ставит саженец в ямку. Засыпает землёй.

МЕНАХЕМ. Вот... Пусть мы все доживём до того времени, когда ветвь с этой оливы украсит золотые кудри нового финансового короля.

КАТЕРИНА. Да уж. Очень золотые.

МАРК. Это фигурально.

ГЛЕБ. Не финансового короля, а авиационного магната. Так лучше. (*Сусанне.*) Да, девушка?

МАРК. Ну что вы? Куда мне?..

ГЛЕБ. Кстати, золотые кудри давно уже архаика. Волосы — слишком эфемерно. В человеке всё должно быть величественно. Мощная шея, твёрдая рука, орлиный нос — посмотри на Менахема — властный взгляд, монументальный торс, надёжная нога. И вот к этому всему — апофеозом, венцом величия просто обязано быть нечто ауру-фундаментальное. Лучше всего — рога.

МЕНАХЕМ. Витиевато.

ГЛЕБ. Да, да. Хорошее уточнение. В витиеватости есть своя прелесть. (*Сусанне.*) Не правда ли?

СУСАННА. Ты почему не возле Розы, Глеб?

ГЛЕБ. Но у тебя, Марик, к сожалению, пока только орлиный нос. А это так мало в нашем брэнном мире.

ДУНЯ. Папа, а золотые рога дорого стоят?

Все смеются.

МАРК (*тоже смеётся*). Ну, как тебе сказать?.. Надо бы у сведущих людей спросить.

ГЛЕБ. Но среди нас, слава тебе господи, кажется таких людей нет.

ДУНЯ. Дядя Миша-Менахем, вы такой богатый, разве у вас нет золотых рогов?

МЕНАХЕМ. Это одному богу известно.

ГЛЕБ. И Сусанне.

СУСАННА. Может быть, выберем другую тему для разговора?

ГЛЕБ. Ну почему же? Разве есть что-нибудь привлекательней золота? Скажи, Менахем?

СУСАННА. Есть. Болезнь, например. Смерть.

ГЛЕБ. Сусанна! Тебе этого не понять.

СУСАННА. О, да! Только вы большой дока в этих вопросах! Кстати, как Роза себя чувствует?

ГЛЕБ. Зачем тебе? Ты ведь только золотых дел мастер.

СУСАННА. Неужели ты в больницу к ней не ходишь?

ГЛЕБ. Менахем, вы с Сусанной поженились до того, как ты получил свои миллионы в наследство, или она уже потом в тебя влюбилась? Вцепилась...

КАТЕРИНА. Пойдём, Дуня, во-он там деревце посадим.

Уводит дочь подальше от недетских разговоров.

СУСАННА. Цепляются микробы. К здоровым людям. Но бывают и исключения. Ты вот Розу в Москве поймал, когда она уже больна была. Смертельно. И ты знал об этом.

ГЛЕБ. Не смей.

СУСАННА. Использовал брак со смертельно больной американкой для своего выезда. Ювелирная работа. Куда нам!

ГЛЕБ. Золотарям.

СУСАННА. Признавайся, правдолюбец, ты ведь ещё в Москве знал, что Роза долго не протянет. Год-два — не больше.

ГЛЕБ. Я никогда в жизни не видел хорька.

СУСАННА. А она, видишь, какая нехорошая, три года уже живёт после свадьбы.

МЕНАХЕМ (*Сусанне*). Перестань.

ГЛЕБ. Слышал, что хорёк очень ценный зверёк, но, когда хочу представить его себе, накатывает что-нибудь пакостное. Смердящее.

СУСАННА. Но ты не отчаивайся. Нам передавали, что разлюбившая твоя женщина вот-вот преставится. Избавит, так сказать...

ГЛЕБ. И всё это в дорогой оболочке!..

МЕНАХЕМ. Прекратите.

СУСАННА. Мавр сделал своё дело, мавр может отходить?

ГЛЕБ. Неужели люди за меховой оправой не видят когтей, зубиков?..

СУСАННА. Если я не права, тогда прости. Может, не в онкологии она сейчас, не на смертном одре почивает, а где-нибудь здесь притаилась?

ГЛЕБ. Наверное, людей занимает похотливость этого зверька? Отсутствия сдерживающего начала?

СУСАННА. Может, она сюрприз нам готовит? Колобочки румянные, расстегаи да шанежки. Марк, признайся, ты где её здесь прячешь?

МЕНАХЕМ. Да что вы, на самом деле?!

АЛИК. Пусть. Интересно.

ГЛЕБ. Ой! Что это я на зверька-то напал? Человек — похлеще любого зверя.

СУСАННА. А я в толк никак не возьму, откуда такой сладковатый запах. Всё думала — покойник где-то близёхонько. А это, оказывается, сдоба поспеивает.

ГЛЕБ. Вовнутрь загляните, люди, каждый себе. Всё там. Вся флора и фауна вместе взятые...

СУСАННА. Вот-вот! Загляни! И спроси сам себя: жена моя умирает, а я где? Возле неё? Страдания ей облегчаю? Она, может, сейчас последнее «прости» хочет сказать, а я тут шута из себя изображаю!..

ГЛЕБ. Люблю я её. Люблю! Тебе ясно? И не отходил я от неё ни на минуту, и спал возле!.. А сейчас ей, если я рядом, ещё хуже делается!.. Да что я?! Перед кем оправдываюсь? Это же бессмысленно!

СУСАННА. Не скажи. За Розу можешь и не оправдываться, это твоё личное дело, а вот... Рассказали бы вы... чем в Москве занимались до приезда сюда.

ГЛЕБ. Интересно, интересно...

СУСАННА. Очень. Диссидент он, видите ли! Инакомыслящий... Инако, чем кто — вот вопрос.

ГЛЕБ. Инако, чем вы.

СУСАННА (*Алику*). Опять он шуточками отделяется.

ГЛЕБ. Не надо натравливать на меня свою «золотую роту». Она у вас для других целей.

МЕНАХЕМ. Может быть, хватит издеваться над... ювелирными изделиями, Глеб? Тебя, как я понимаю, это меньше всего касается.

ГЛЕБ. Хорошо, хорошо, я понял, прости, сейчас — не про это. (*Сусанне*.) Я не понял насчёт инакомыслия.

СУСАННА. Цвиг... Вот... Жалуетесь... Что книжек от тебя нет...

ГЛЕБ. А-а... Понятно, откуда ветер дует. Он что, тоже сюда захотел? Хотя, нет. Что ему тут делать? Он там личность. Как сыр в масле.

СУСАННА. Не юродствуй. Там люди гибнут.

ГЛЕБ. Ко-неч-но! Они погибнут!.. Поборники прав человека!.. Может, кто и погибнет, только не Цвиг. Он ещё нас с тобой переживёт. Инакомыслящий!..

СУСАННА. Он тоже тебе не угодил?

ГЛЕБ. Он знает, кому угождать. Тут у него прямо дар божий.

СУСАННА. Ну-ну...

ГЛЕБ. Я раньше думал, что борьба за идею — это искренность, честность, возвышенность, одухотворённость, благородство... Хотя бы элементарная порядочность... Ничего подобного! Оказывается, чтобы чего-то добиться, необходимо быть мелочным, склочным, завистливым, наглым, жестоким, мстительным... А главное, надо уметь ненавидеть. Всех, кроме себя.

СУСАННА. Как Цвиг?

ГЛЕБ. Как цвиги.

СУСАННА. Зачем же обобщать? Из-за одного Цвига на весь белый свет дуться?

ГЛЕБ. Ты прямо как моя мама. Слово в слово. Только она про другое... Она... (*Пауза*.) Сбила... А если этот один — ВСЁ? Но оказалось, что он... Он... Для него идея — повод для порабощения. Он ни во что не верил, ни в какую идею. Он — циник. Такая мразь при любой идее будет чувствовать себя прекрасно. Ему всё равно, что ломать — кости или души. А попробуй что-нибудь против! Иначе помыслить, чем он, сразу — провокатор! И от тебя шарахаются, как от чумного. Парадокс ведь! Напускаем вокруг себя туман инакомыслия, кричим об ущемлении прав, а сами между собой эти права в грязь втоптываем. А дай ему всё государство в руки — вот уж при ком народ свободно вздохнёт!

СУСАННА. И с таким человеком ты пять лет бок о бок?

ГЛЕБ. Не пять, не надо. Хотя и два года много. Мне и за них больно. Но он ведь... Умеет в душу влезть. Лидер!.. Подкинул мне идею, я как дурак и загорелся. «Колокол» выпускал...

СУСАННА. Почему «как»?

ГЛЕБ. Конечно, просто дурак. Без всяких «как». Сразу понятно было, что балуется с нами, как с мышками. Как с детьми: поиграйте, ребята, в казаки-разбойники, поозоруйте. Мы вас только чуть-чуть

направлять будем. Чтоб протуберанцев не было. А то, неровён час, обжечья можете. Порезвитесь, пока молодые. Из конспираторов хорошие ретрограды потом получаютя.

СУСАННА. Через тебя направляли.

ГЛЕБ. Не лови, не надо. У них и без меня выбор — будь здоров. Зачем я им? Злой, обиженный... Прикидывал, кто бы из наших мог закладывать, так всего человека три вне подозрений. А сейчас думаю: наверняка через них нас держали. Уж больно хорошие ребята были.

СУСАННА. Откуда ты всё знаешь?

ГЛЕБ. Да там и ты бы поняла, если б чуть-чуть умела задумываться. Пока болтовня, пустозвонство — звони сколько угодно. А чуть дельное что-то у кого-нибудь — пишите письма. Почему, а?.. А мы всё играем! В граждан! В боль за отечество! Цвиг упивается властью. Казнит, милует — пустячок, но приятно. А как же! Хоть маленький, но вождик. Какой — не важно, лишь бы кто-нибудь в рот заглядывал, вытаращив глаза.

СУСАННА. И ты заглядывал?

ГЛЕБ. И я! Говорю же — дураком был.

СУСАННА. А поумнел, когда Розу встретил?

ГЛЕБ. Я и не искал её. В ножницы попал. И с Цвигом не могу, и ходить некуда. Отрезанный ломоть. А тут — она...

СУСАННА. Подвернулась. *(Смеётся.)*

АЛИК. Bravo! Брависсимо!.. *(Аплодирует.)* Хороший фарс!..

ГЛЕБ. Что?

АЛИК. Я получил истинное удовольствие. Прямо день дурака! Ещё, пожалуйста.

Пауза. Катерина с Дуней, услышав тишину, перестали работать.

ГЛЕБ *(взрывается хохотом)*. Вот кому хорошо! Барин! Посмотрел, понравилось — купил. И всё! Никаких проблем! Да, Алинька?

АЛИК. Да, да. Всё просто.

ГЛЕБ. Алик Левицкий! Шарман! Понадобился Марк — его купил, понравилась...

МАРК. Никто меня не покупал.

ГЛЕБ. Понравилась Сусанна — пригожусь Менахему.

МЕНАХЕМ. Попрошу на меня шутовской колпак не напяливать.

ГЛЕБ. Почему, Миша? Все мы для них ряженные. И ты, и я, и Марик. Кто павлин, а кто воробышек, кто ястреб, кто кролик — зоомагазин мы для них. У каждого своя клеточка. Только у одного — золотая, а у другого — из ивовых прутиков. Не надо стесняться! Давайте чирикать, ворковать, шипеть, кудахтать — потешим их! Ну!!! *(Смеётся.)* Давайте! Дружнее! Они это любят... *(Пританцовывает.)* А?! Хорошо?!.. Чтоб был счастливым Новый год, станем, дети, в хоровод!

ДУНЯ *(подбегает к Глебу)*. И я хочу! Дядя Глеб, и я тоже буду.

ГЛЕБ. Давай, Дуня, потешим за границу!.. *(Пляшет с Дуней.)* Оп-па! Оп-па! Америка — Европа!..

СУСАННА. Один ты здесь шут! Один!..

ГЛЕБ. Хорошо! Давай, Дуня. Я один их потешу...

Пляшет один.

СУСАННА. Шут!.. *(Начинает нервно смеяться.)* Шут!..

Вслед за ней самодовольно смеётся и Левицкий.

ГЛЕБ. Дружнее смейтесь! Что же вы?.. Ножками затопали! Ладонками захлопали! *(Запел.)*

На рябину высокую
Залез папаша мой.
Обломилась кудрявая —
Пиз... брякнулся родной!..

ДУНЯ *(смеётся)*. Хлопайте в ладони! Ну!..

ГЛЕБ *(пританцовывая)*. Дерево, дерево! Я такое дерево!..

Дуня заставляет присутствующих хлопать. И все, подчиняясь ребёнку, начинают снисходительно, с ощущением превосходства над комедиантом, улыбаться.

ДУНЯ. Ещё, дядя Глеб! Ещё!..

ГЛЕБ *(прыгает в выкопанную для саженцев ямку, распускает руки ветвями и поёт)*. Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...

ДУНЯ. Ой, как смешно!..

ГЛЕБ. Присыпьте мои корни землицей!.. Ну! Дуня!..

ДУНЯ *(вовлекаясь в игру)*. Давайте!.. Ну, что же вы?..

СУСАННА *(весело)*. Вот... Правда, шут!..

ГЛЕБ. Нет, я ещё не вырос. Я — семечко. *(Скрывается в ямке.)* Я ещё прорасти должен...

ДУНЯ *(смеётся)*. Ага!

Сыплет землю на дядю Глеба.

ГЛЕБ *(из ямки)*. И водой не забудьте!

ДУНЯ. Не забудем. *(Всем.)* Помогайте же.

МЕНАХЕМ *(снисходительно)*. Балаган...

Помогает Дуне. Вслед за ним и остальные посыпают Глеба землёй.

АЛИК *(весело разглагольствуя, усердствует вместе со всеми)*. Вы, русские, очень смешной народ!.. Эксгибиционисты какие-то!

ГЛЕБ. Сыпьте, сыпьте!..

АЛИК. В материальный век, когда весь мир озабочен экономическим приобретательством, вы у всех на виду выворачиваете души наизнанку, истощаете себя никому не нужными страданиями. И обязательно для всеобщего обозрения. В цирк ходить не надо! Человечеству давно уже неинтересно рассматривать каждого в отдельности. Надоело за тысячелетия. А вы всё копаетесь в собственных ранах.

Больно же. Получаются инфекции, заражения. Потом опухоли. Опухоли надо вырезать...

Постепенно увлекаясь, играющие начинают бросать землю всё большими горстями.

Это опять боль – и снова терзания, и снова всё сначала...

Сусанна взялась за лопату.

Хватит заниматься ерундой! Всё гораздо проще! Дело. Дело. И ещё раз дело! Да? Я прав?..

ДУНЯ. Я побегу за водой. *(Убегает.)*

Людей охватила лихорадочная жажда деятельности, теперь лопаты у всех, кроме Катерины. Она давно уже вышла из игры.

АЛИК *(орудуя лопатой)*. Но смотреть на вас со стороны интересно... СУСАННА. Посмотрим, как ты прорастёшь!.. Посмотрим!..

КАТЕРИНА. Что вы делаете? Он же задохнётся!

МАРК *(преодолевая силу азарта, пытается улыбнуться)*. Кать, он сам просил...

СУСАННА. Пусть! Пусть!..

ДУНЯ *(прибегает с водой)*. Уже? Закопали?!

Землекопы радостно утрамбовывают землю ногами.

АЛИК. Забавно. Зоомагазин. Правда.

ДУНЯ. Ему там больно!

КАТЕРИНА. Да прекратите вы, на самом деле! Марк!

В это время земля, вопреки усердным стараниям добровольных могильщиков, вздыбилась и из ямки выскочило полузадохнувшееся «семечко».

ГЛЕБ. Вы что?! *(Пытается отдышаться.)* Сволочи...

Хватает лежащий неподалёку саженец.

Сбесились?!

Все разбегаются.

АЛИК. Осторожней!..

СУСАННА. Дурак!..

МЕНАХЕМ. Ненормальный!..

МАРК. Ты же сам просил!..

ГЛЕБ *(постепенно приходя в себя, с трудом выговаривая слова)*. Фу!.. Да что ж вы за люди такие?! Господи!.. Что это за время?! Ненавижу!.. Себя.. Всех... Всё... Стыдно! Что о нас будут думать потомки?.. Ни-

чтожества мы! Век наш... На лжи!.. Никто сам собой быть не может!.. Ряженные!.. Шуты! Марионетки у дьявола!.. Проклятие дому сему! ПРОКЛЯТИЕ ДОМУ СЕМУ!..

Занавес

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Загородный особняк Шехтеля, в котором в первые дни приезда приютили Дворкиных. За прошедшие три года дизайн комнаты, в которой тогда происходил ужин, полностью изменён. Сейчас здесь Марк с Катериной ожидают входа хозяйки.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА:

ФРЕД. Дорогая, я привёл тебя сюда, в нашу семейную спальню, перед обручением, чтобы между нами не было никаких неясностей в будущем. Перед тобой та, которой навсегда было отдано моё сердце. И если бы она была жива, наши сердца никогда не забилась бы в унисон.

МАРТА. Кто она? Фред, я ревную.

ФРЕД. О, моя птичка! Тебе нечего бояться. Поль, посвети. Она – лишь мумия... *(Шорохи в саркофаге.)* В этом саркофаге покоятся мои грёзы...

Из саркофага слышится царпанье.

Полсостояния Голдсфилов ушло на приобретение мумии Нефертити. Она будет нашим с тобой ангелом...

Из саркофага доносятся яростные стуки.

Поль, кто там? Пригладь свои волосы. Почему они стоят у тебя дыбом, Поль?

ПОЛЬ. Ветер, сэр.

Стуки повторяются.

ФРЕД. Открой саркофаг, ничтожество.

Поль открывает саркофаг, из него поднимается живая царица Нефертити.

НЕФЕРТИТИ. Чёрт знает что такое! Почему меня здесь заперли?

ФРЕД *(в восторге)*. Живая! Царица!.. О, божество!..

МАРТА. О!.. *(Падает в обморок.)*

ФРЕД. Ты ожила, богиня! Хвала Всевышнему, сотворившему чудо!

ПОЛЬ. Бальзаму «Грёзы оливы» фирмы «Джек, Джек и Джек», сэр.

ФРЕД. Что?

ПОЛЬ. Вчера вы приказали почистить саркофаг. Мне подвернулся под руку тюбик бальзама «Грёзы оливы» фирмы «Джек, Джек и Джек». Я решил заодно поддурманить мумию. Простите меня, сэр, но она стала осыпаться, и я подумал...

ФРЕД. Тебя прощать? Я озолочу тебя!

МАРТА (*стонет*). О-о!..

ФРЕД. Кто это стонет?

ПОЛЬ. Ваша невеста.

ФРЕД. Убери сейчас же эту стонущую рухлядь.

ПОЛЬ. Слушаю, сэр.

ФРЕД. Постой! Забыл, на кого нам с царицей молиться?

ПОЛЬ. На бальзам «Грёзы оливы» фирмы «Джек, Джек и Джек», сэр.

ФРЕД. (*сжимая в объятиях Нефертити*). Запомни, любимая «Грёзы оливы».

НЕФЕРТИТИ. Запомню, любимый. «Грёзы оливы». (*Поцелуй*.) Джек... (*Поцелуй*.) Джек... (*Поцелуй*.) и Джек.

Высвечиваются фигуры Марка и Катерины.

КАТЕРИНА. Долго мы ещё будем тут сидеть?

МАРК. Кэт, успокойся. У тебя дети.

КАТЕРИНА. Я не волнуюсь. Просто, можно было назначить другое время.

МАРК. А! Дай её деньги нам, я бы тогда посмотрел, сколько бы пришлось ждать тебя.

КАТЕРИНА. Вот уж нет.

МАРК. Ой, только не говорите. Кому удалось стать всем — разве он не имеет право на маленькие слабости?

КАТЕРИНА. Говори по-человечески. Перестань дурачиться.

Входит Сусанна в домашнем халате, напоминающем мантию королевы.

СУСАННА. Милые мои, сколько же мы не виделись?.. Как хорошо, что вы пришли. Молодцы какие! (*Садится в кресло*.) А то я всё одна да одна. Поговорить не с кем... Садитесь, что же вы стоите? В ногах правды нет.

Гости садятся.

Рассказывайте, как живёте. Как Дуня? Боб не женился?

КАТЕРИНА. Ну что вы?!

СУСАННА. Сколько ему?

КАТЕРИНА. Пятнадцать.

СУСАННА. Трудный возраст.

КАТЕРИНА. И не говорите.

МАРК. Как говорила мама тёти Капы: «Лучше бы ему было три раза по пять».

СУСАННА. Представляю... Особенно здесь, в Штатах.

КАТЕРИНА. Кошмар.

СУСАННА. Учится хоть хорошо?

МАРК. Не то слово. Учиться он забыл ещё в прошлом году. Ладно. Но он забывает и стёжку к родному крыльцу. Если его нет дома два дня, а потом он приходит — это он дома...

КАТЕРИНА. Нет его — места себе не нахожу, а придёт...

СУСАННА. Пьёт?

МАРК. Нет, не пьёт. Но лучше бы он пил.

КАТЕРИНА. Марик!

МАРК. Наш сын не пьёт и не курит. Он дышит.

СУСАННА. Что?

МАРК. Он дышит через противогаз. Не понимаете? Я тоже не понимал. Ходит мальчик с противогазом, ну и пусть себе ходит. Я знаю? Может быть, у него такое хобби. Знаете, как у детей? То — одно, то — другое. Так у него — другое. Вы видели когда-нибудь дегенерата? Приходите к нам, когда он подышит через этот прибор. Вы поймёте, что такое Содом и Гоморра.

СУСАННА. Не понимаю.

МАРК. Это очень просто. Он кладёт в фильтр противогаза какую-то гадость и дышит. Я дышал. Я знаю, что это такое. Это как... Это — яма в облаках. Вы летите и смеётесь. А потом плачете. И хочется подышать ещё, чтобы снова взлететь... Это яма.

СУСАННА. Надо что-то делать.

КАТЕРИНА. Что мы только ни делали...

МАРК. Да... Лучше бы три по пять.

Пауза.

СУСАННА. Хорошо, что у меня детей нет.

КАТЕРИНА. Нет, нет. Так нельзя, Сусанна.

СУСАННА. Разве? Вот уж не знала.

МАРК. Вы знаете? Роза жива.

КАТЕРИНА. Да, выздоровела. Просто чудо произошло.

МАРК. А Глеб пропал. Роза места себе не находит...

КАТЕРИНА. Мы иногда с ней встречаемся...

Пауза.

СУСАННА. Может, вернулся назад? От него всего можно ожидать.

МАРК. Если бы это было так просто!..

СУСАННА. Что?

МАРК. (*смеясь*). Сусанна!.. Вы ловите меня там, где меня нет. Я говорю гипотетически.

СУСАННА. Я понимаю.

Пауза.

КАТЕРИНА. А где Менахем?

СУСАННА. Где ему быть?.. Он всё в делах. Сюда почти не показывается.

МАРК. Я слышал, что у вас теперь ещё один заводик? Поздравляем. СУСАННА. Спасибо. Хотите виски? *(Открывает бар.)* Коньяк?

КАТЕРИНА. Спасибо. Не стоит беспокоиться.

МАРК. Я чуть-чуть выпью... Коньяка. *(Наливает в рюмку коньяка.)*

СУСАННА. Мне – виски. *(Марк наливает ей виски.)* Спасибо.

МАРК. Чудесный коньяк. *(Пауза.)* Сусанна... Если говорить честно и откровенно, как говорят люди, которым есть к кому обратиться, а я надеюсь, что мы далеки от той категории знакомых, которая обделена вашим вниманием...

СУСАННА. Можно попроще?

МАРК. Да.

СУСАННА. Я слушаю.

МАРК. Ты знаешь, Сусанна, как мы живём...

СУСАННА. По-моему, вы живёте...

МАРК. Нет, мы не жалуемся. Так жить можно, и мы хотим так жить. Но ты, наверное, знаешь, что всё наше благополучие сегодня – это тот мираж, который виделся праотцам нашим при исходе сынов Израилевых из Египта. Да это – райские кущи. Но кущи в рассрочку. Ты, конечно, к счастью, далека от этого. Откуда жене миллионера знать, мой кредитоспособен только работающий? А где, скажите мне, будет мой фешенебельный домик? Где будет мой благоухающий садик, когда я лишусь работы? Вы не знаете? Так я вам отвечу.

СУСАННА. Марик, какой ты нудный.

МАРК. Ты хочешь «попроще» – пожалуйста. Некоторые сложности, которые возникли у меня с работой, требуют... консультации с компетентным в этом вопросе лицом.

СУСАННА. Уже понятней.

МАРК. Мне бы хотелось встретиться с Левицким... Аликком... Я не могу ему никак дозвониться. Он, вероятно, переехал. Вы случайно...

СУСАННА. Случайно?.. Знаю. *(Пауза.)* Сейчас. *(Уходит.)*

КАТЕРИНА. Ой, Марик, какой ты?

МАРК. Не говори мне сейчас ничего. Не говори, если не хочешь проводить уикенд на вентиляционных решётках метро со своим любимым семейством. Помолчи, я тебя очень прошу.

КАТЕРИНА. Не нравится мне всё это.

МАРК. Спроси сначала меня – нравится ли всё это мне?

СУСАННА *(входит)*. Прошу.

В гостиную входит Левицкий.

МАРК *(аплодирует)*. Bravo! Bravo Фортуне! Его величество случай наконец-то улыбнулся и бедному самаритянину.

АЛИК. Доброе утро.

МАРК *(целуется с Левицким)*. Я битых две недели обзванивал всех знакомых и незнакомых, хочу найти хотя бы видимость ваших сле-

дов, прихожу сюда уже просто так, чтобы было что сказать самому себе в ненастную погоду, когда ветер за окном кричит громче тебя, а ты ничего не можешь с этим поделать...

СУСАННА. Марк, я тебя не узнаю. Ты стал таким многословным.

МАРК. Я знаю. Мне так чуточку легче. Видимость непринуждённости создаёт видимость благополучия – и тогда к вам тянутся люди.

АЛИК. И к вам тянутся?

МАРК. Нет, но я выигрываю в другом. Я доставляю удовольствие себе.

АЛИК. Тогда продолжайте.

Пауза.

СУСАННА. Пойдёмте, Кэт. Пусть поговорят без нас.

Женщины уходят.

АЛИК. Я, к сожалению, ничего не смогу для вас сделать.

МАРК. Но вы ещё не узнали, в чём суть.

АЛИК. Я её знал ещё тогда, когда помогал вам устраиваться.

МАРК. И не могли предостеречь ещё тогда?

АЛИК. Я вам должен был разжёвывать, что и ваша фирма рано или поздно перейдёт на военные заказы?

МАРК. Пусть себе переходит. Но почему при этом я становлюсь лишним?

АЛИК. Вам объяснить?

МАРК. О, боже! Я так же далёк от политики, как мой сын Боря от термодинамики.

АЛИК. Вот и расскажите об этом им.

МАРК. Я это сделал. Но что для них мои слова? Им нужен поручитель. И не просто поручитель, а кто-то имеющий на это поручительство право.

АЛИК. Например, я?

МАРК. Мне больше не к кому обратиться. Поскольку три года назад вы уделили столько внимания моему трудоустройству, то сейчас мне подумалось...

АЛИК. Вам уже намекали?

МАРК. Мне уже дали понять.

Пауза.

АЛИК. Дело вот в чём... Как вы, наверное, понимаете, любая утечка информации ставит под сомнение целесообразность заказа, который сулит «Вест-Стару» нечто большее, чем баснословные прибыли, как любят выражаться ваши органы массовой информации.

МАРК. Они давно уже не мои! Мама! Ты слышишь, за что держат здесь твоего младшего сына? Поднимись, посмотри! Я уже три года здесь, а мне говорят, что я ещё там. Встань, мама, и скажи им, что я уже здесь.

АЛИК. Вы служили в Советской Армии?

МАРК. Если я скажу нет, вы мне поверите?

АЛИК. Вы понимаете, что как бы вы себя ни вели, для них вы человек оттуда?

МАРК. Что же мне делать?

АЛИК. Не знаю. Надо подумать.

МАРК. Подумайте. Потому что я, поверьте, думал много и иногда так громко, что Дуне, моей маленькой дочке, снились страшные сны.

АЛИК. Собственно...

МАРК. Да.

АЛИК. Есть один шанс...

МАРК. Если никого не надо убивать, я готов на всё.

АЛИК (*улыбаясь*). Нет. Убивать не придётся. Просто надо как-то доказать всем, что у вас с теперешним режимом нет ничего общего. С их режимом.

МАРК. Я понимаю... И как это можно сделать?

АЛИК. Более того, вы режим тот осуждаете.

МАРК. Конечно. Какой может быть разговор?!

АЛИК. Разговор?.. Это идея. Я бы мог устроить такой разговор минут на пять-десять.

МАРК. С кем?

АЛИК. С миром.

Пауза.

МАРК. Если я вас правильно понял...

АЛИК. Вы меня поняли правильно.

МАРК. А как... это будет?

АЛИК. О деталях мы договоримся. Да это очень просто. Подберу вам стоящего политолога, это как раз моя сфера, встретимся в студии и подискутируем. О том о сём.

МАРК. Я никогда не выступал на радио.

АЛИК (*смеётся*). Лиха беда — начало.

МАРК. ... Не знаю.

АЛИК. Ничего страшного. Выберем какую-нибудь тему. Можете определить её сами. И честно, откровенно поговорим. Повторяю — честно и искренне. Без всяких уток, ворон и сорокопутов. Смешное название, да? Сорокопут. (*Пауза.*) Неужели вы верите в басни о том, что мы у себя только крик разводим?

МАРК. О чём речь?

АЛИК. О чём угодно. Повторяю: о чём хотите, можете говорить. Кстати, могли бы вспомнить о последствиях автомобильной катастрофы.

МАРК. Нет, нет! Там всё честно было. Врать я не буду.

АЛИК. Жаль, конечно, но я не настаиваю. (*Засмеялся.*) Не вранья вашего нам жаль — не поймите меня неправильно — вранья вашего нам не надо. Жаль темы. Ну да ладно. Найдём другую, да?

МАРК. Это... невозможно.

АЛИК. Да? (*Пауза.*) Странно, по меньшей мере...

МАРК. Вы знаете, как я отношусь ко всему, что там происходит, но правду лучше искать там, где её потерял. Я не могу... лаять из подво-

ротни... А так и получается, поверьте. Это противоречит моим принципам. Если ты видишь, что в доме нечем накормить детей и не отдашь в этот дом свой маленький кусочек булки, а бежишь через улицу и делаешь гвалт оттуда, спросите меня, как это называется?

АЛИК. Не надо. (*Встаёт.*)

МАРК. Постойте.

АЛИК. Зачем?

МАРК. Разве вы, добрый человек, не поможете ближнему в беде? Алик... я понимаю, как трудно помогать на этом свете, не требуя ничего взамен.

АЛИК. Я ничего не требую.

МАРК. Ах, если бы все так ничего не требовали друг от друга, как не требуйте вы, мир бы задохнулся от бескорыстия.

АЛИК. Если я начну требовать...

МАРК. Представляю.

АЛИК. Да? Представляете? Что, интересно?

МАРК. Ну...

АЛИК. Не представляете же вы, что я потребую от вас, чтобы вы отправили спать Кэт в комнату дочери, оставив балконную дверь открытой? (*Смеётся.*)

МАРК (*смеётся тоже*). Почему именно в комнату дочери?

АЛИК (*смеётся*). Для остроты ощущения. И потом, не будет же мама пугать своим криком спящего ребёнка.

Пауза.

МАРК. Это шутка?

АЛИК. Видите, какие у меня могут быть прихоти? Но я же не требую от вас таких жертв.

МАРК. Конечно, вы не требуете. Разве требовал что-нибудь Везувий от Помпей? Я первый скажу: зачем ему эти Помпей? Но разве Помпеям от этого легче стало дышать там, под пеплом?..

АЛИК. Так как насчёт радио?

МАРК. Зачем вам, такому человеку, моё жалкое радио?.. Постойте. Не надо. Не смотрите так, будто моё слово перевернёт мир. Что я смыслю в правах человека?.. Да! Права Человека. Звучит звонко! Но я не вправе править правами. О! Хорошо я сказал?

АЛИК. Вы что, дурачитесь?

МАРК. Я думаю. Между буквами.

АЛИК. Как надумаете, приходите.

МАРК. Я бы с удовольствием сказал «да», если бы можно было не говорить «нет». Если бы надо мной не витала маленькая-маленькая капелька татаро-монгольского ига, которая сидит во всех нас, которые оттуда, и какая бы она ни была малюсенькая эта капля, она кричит нам: «Да, ты раб! Но высшая Мудрость раба — не показывать чужакам своего унижения. И обернётся тогда унижение в служение. И станешь ты равным среди прочих»...

Затемнение.

МАРК (*один вне времени и пространства*). ...И если служение в тягость: «Неси свой крест и веруй!» — как говорила одна неудавшаяся актриса, а если служение — в радость, то чем тогда ты отличаешься от гордого и свободного человека? И поднимает уже гордый и свободный человек, бывший раб, голову, гордый своим свободным служением, ищет, кто мог бы подняться на его высоту, и никого не находит. Да даже если и отыщется один среди тысяч, который был бы выше его, то разве не раб он самого себя, своих страстей и желаний, своих стремлений и дерзаний..

Картина пятая

Холл в коттедже Дворкиных. В центре лестница, ведущая на второй этаж в комнаты детей. В холле Марк и Катерина.

МАРК (*продолжая*). ...Поэтому я говорю себе: да, я раб! Ну и что из этого? Укажи мне на того, кто сказал, что он — НЕТ, и я первым брошу в него камень. Не смотри на меня так, будто моё слово перевернёт мир! Я бы с удовольствием сказал «нет», если бы можно было не говорить «да»!

КАТЕРИНА. Что ты за ерунду мелешь?!

МАРК. Поверь, ничего страшного не случится. Я только расскажу то, что сам слышал.

КАТЕРИНА. Ага. О том, как на единственном пароходе заморили за один рейс семьдесят пять тысяч?

МАРК. А что? Это же было!.. Везли зеков. Из Магадана во Владивосток. Японцы остановили, думали, что оружие везут. Продержали неделю, начался мор, и из ста тысяч осталось двадцать пять.

КАТЕРИНА. Чуть это! Чуть собачья! В какой корабль сто тысяч поместится? Да ещё в тридцатые годы! Какие корабли тогда были?

МАРК. Тем более. Пусть не верят, зато...

КАТЕРИНА. Тогда уж говори — миллион...

МАРК. Не миллион.

КАТЕРИНА. А сто тысяч — не совсем? Даже тысяча — не совсем? Ты чем торговать собираешься? Тебя выходили, выучили, на ноги поставили — человека из тебя сделали, а ты... галиматью пьяного старика... Запомнил ведь! Про Бабий Яр забыл, про погромы черносотенные тоже на радиостанцию вспомнить не пойдёшь, а тут... Сам чуть тёпленький был, назююкался с алкоголиком, расхрабрился...

МАРК. Ну, уж...

КАТЕРИНА. Утром перепуганный: Катя... Катя... Я ничего вчера не ляпнул?.. Всё от соседей по купе глаза прятал...

МАРК. Ничего я не прятал. Они тоже...

КАТЕРИНА. Ладно. Смелый. Тогда бы вот пошёл и узнал, правда это или нет.

МАРК. Да неправда, тут и ежу понятно, чего узнавать. Возомнил мужичок о себе — огни и воды прошёл. Тогда мода такая была.

КАТЕРИНА. А чего ж ты сплетни всякие теперь на свет вытаскива-

ешь? Не стыдно? Давай уж тогда им про «психушку» расскажи. Это для них дороже. Тут ты очевидцем будешь. Не сплетником.

МАРК. Припрёт и про... Нет, ты не думай, про больницу я говорить не буду.

КАТЕРИНА. Какая тебе разница?!

МАРК. Нельзя. Доктор там... Больной один к нему попал. Жена его сама туда отправила. И бросила. Он, конечно, «того» немного, но нормальный. Жалкий только. Жена и засадила... Так доктор ему передачи свои приносил, будто бы от жены-стервы... Мужичок тот окаменел совсем. Сидит сутками — камень и камень. Только слёзы капают. А посылку принесут, он нет-нет и улыбнётся... Перед смертью меня позвал. Я, говорит, знал, что не от бабы моей. Яблоки папиросами докторскими пахли. Обижать не хотелось Ивана Трофимовича...

Пауза.

Как же мне... Такого врача... Грязью?..

КАТЕРИНА. А других можно?

МАРК. Так, Катя... Как говорили когда-то в Бердичеве: «Чтобы было что кусать, надо уметь это делать».

КАТЕРИНА. Оставь свой бердичевский жаргон для других, пожалуйста.

МАРК. Хорошо. Жаргон я оставляю. Но ты подумай о том, что нам надо будет оставить это насиженное гнёздышко, которое так нравится Дуне.

КАТЕРИНА. Перестань.

МАРК. Нет, не перестану! Мы зачем сюда приехали?.. Не знаешь? А я знаю. Мы приехали сюда делать деньги. Потому что я умею их делать! И я их буду делать. И ты пользуешься всем, что дают деньги. Тебе хорошо с ними. С деньгами.

Из своей спальни выходит в ночной рубашке Дуня и стоит наверху возле лестницы, не замеченная родителями.

МАРК (*продолжает*). И работа твоя тебе уже не нужна. Да? Что-то давно не слышно от тебя: «Нам хлеба не надо — работу давай». Заболчала? Ты просто с жиру бесишься — вот что я тебе скажу. (*Смеется*.) Укоряет меня за то, что я ей же... Скажи, разве не для нас я изгаляюсь?

КАТЕРИНА. Зачем?

МАРК. Пойми, сейчас — или-или. Или — вверх! Туда, куда и не снилось... Никому из тех, там... Дома! Перед кем тебе, видите ли, неудобно... Да им плевать на нас с тобой с самой высокой... Они уже там все косточки нам перемыли, не беспокойся. А её червь гложет... Забыла, как я в очередях за похлёбкой благотворительной выстаивал, чтобы лишний цент сэкономить?.. Самой-то мяса каждый день хочется. Не пойдём ведь хлебать. Нет? Не-ет. Мы гордые! Три шубы у нас теперь!

КАТЕРИНА. Носи ты их сам, эти шубы.

МАРК. Правильно. И натуральные шубы нас теперь не устраивают. Там-то одна была – предел мечтаний, а тут – три! И всё не так.

КАТЕРИНА. Зачем мне они? Тут-то! Дома я, бывало, выйду на улицу, на меня люди оглядываются. В первый раз, когда надела, весь двор неделю охал. Старушки, которых я и не видела никогда, подходили потрогать. А здесь кому я нужна с твоими шубами? Тут хоть... дерюгу на себя напяль, хоть голая ходи в шапке Мономаха – думаешь, заметит кто-нибудь?..

МАРК. Тебя голую заметят.

ДУНЯ (*сверху*). Mam, я когда к бабушке в гости поеду, ты мне дашь одну шубку поносить? Мы её подрежем, чтобы не длинная была, да?

КАТЕРИНА. Ты зачем встала?

ДУНЯ. Я песню бабушкину забыла. Вспоминаю, вспоминаю и никак не вспомню...

КАТЕРИНА. Иди в постель, доченька.

ДУНЯ. Mam, а когда мы к ней поедem?

МАРК (*раздражённо*). Успеешь. Вырастешь, тогда хоть на все четыре стороны.

ДУНЯ. А вдруг она не дождётся нас?

МАРК (*кричит*). Сейчас же в кровать! (*Катерине*.) Уведи её спать! Уведи сию минуту! Слышишь?

КАТЕРИНА. Слышу. Не кричи.

Появляется Боря. Он в вызывающем костюме. На шее у него противогаз.

БОРЯ. Орём? (*Проходит к креслу, плюхается в него и включает телевизор*.) Ор! Лрайт!

Из телевизора звучит убаюкивающая мелодия.

МАРК (*и вправду начинает орать*). Ты где шляешься, мерзавец? У тебя что, дома нет? Или дом для тебя нора, куда ты залазишь очухаться от своих...

БОРЯ. Тут очухаешься... У вас тут всё провоняло.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ДИКТОР. А сейчас мы предлагаем вашему вниманию шлягер прошедшей декады – советскую народную песню «Прописал мне доктор печень коммуниста».

Звучит удалая песня на никому не понятном языке.

МАРК. Чем же у нас так неприятно для вашего обоняния... воняет?

БОРЯ. Маслом. Оливковым. Разжирили. Буржуи вы.

МАРК. А ты?!.. Пролетариат?!..

БОРЯ. Отстань.

МАРК. Я тебе отстану! Я тебе отстану!.. Встань, когда с тобой отец разговаривает!

БОРЯ. Сейчас.

МАРК. Животное! Ты посмотри, на кого ты стал похож?.. Встань, тебе говорят!

БОРЯ (*мычит*). М-му-у-у!..

МАРК. Завтра чтобы из дому ни шагу!

Боря, не вставая и даже не повернувшись к отцу, поднимает к его носу дулю.

Ах, так?!.. Сейчас я тебе покажу!

Приносит из кухни верёвку.

БОРЯ (*вызывающе зевая*). Только попробуй.

МАРК. Ещё как попробую!.. Мать, помоги связать его...

Раздаётся звонок. Зажигается сигнальная лампочка.

КАТЕРИНА. Кто это?

Марк бросает верёвку на пол, включает переговорное устройство.

МАРК. Да. Весь внимание.

ГОЛОС РОЗЫ. Открывайте, пожалуйста. Это пришла Роза.

КАТЕРИНА. Сейчас. Подождите. (*Марку*.) Пойдём.

Катерина и Марк уходят.

Затемнение.

В сумраке затемнения звучит ПИСЬМО БАБУШКИ: «Ты не брани меня, внученька. Я год ещё назад девочку взяла смотреть. Не хотела писать тебе о ней, всё боялась. Не из-за денег взяла, деньги за неё не беру. Когда она только родилась, я сразу матери сказала, что буду смотреть, если Дуней назовёте. Так и назвали. Ты не ревнуй, что я ей песню пою твою колыбельную. Она без неё не засыпает. Никак. Я ей пою, а перед глазами – ну ты, прямо, и ты...»

Помнишь её хоть, внучка? Так мне хочется, хоть раз, тебе её спеть!..».

Дуня, послушав письмо, уходит в спальню.

Картина шестая

Едва в сумерках исчезла в своей спальне Дуня, как в холле появились её родители и Роза. Зажглось прежнее освещение

РОЗА. Вы меня прощаете, да? Я поздно. Но я не могу!.. Вот...

Роза протягивает Катерине конверт. Катерина берёт его, достаёт из конверта листок бумаги, читает.

РОЗА (*цитирует по памяти*). Голубушка моя, Роза. Время собирать камни, время их разбрасывать. Пришло и моё время. Ничего, кроме

беды, я не принёс тебе. Давай лучше я унесу её с собой. В огонь. Прометей не прав. Людям рано давать огонь. Не огонь нужен людям, а люди огню. Надо расплачиваться. Прощай. Не поминай лихом. Прости, что больше не твой.

КАТЕРИНА. Ничего не понимаю.

РОЗА. Ничего не понимаете? Он умер.

КАТЕРИНА. Почему ты так думаешь? Тут ничего не сказано. Может быть, он просто уехал... куда-нибудь.

РОЗА. Он умер. Он упал в огонь. Везувий... Этна... Он говорил мне.

МАРК. Он слишком самолюбив. А чтобы...

РОЗА. Нет, нет. Вы не знаете. Он не любил себя. Он не любил меня. Он любил... Он любил... маму...

МАРК. Маму?

РОЗА. Да, да. Он так любил строить... Мечта его... Строить для мамы-матери. Города. Чтобы там жили люди. А он уехал. И нет таких людей, кому нужно строить. И он упал в вулкан. Потому что никто больше не хотел говорить: «Строй для нас. Мы хотим, чтобы ты строил для нас»... Тосковал. И упал... Я люблю его!..

МАРК. Да куда он не упал.

РОЗА. Он обещал — если буду умирать сам... Самоубийство. Только туда. В огонь. Чтобы никто не плакал... А я... плачу... Я люблю его.

КАТЕРИНА. Не надо, Роза.

РОЗА. Отдайте мне его. Отдайте. Это вы у меня его взяли. Зачем вы... наехали сюда? Без вас бы он забыл... Забыл... Ему вдвоём было хорошо со мной! Отдайте мне его!

КАТЕРИНА. Роза! Роза! Не надо так убиваться.

РОЗА. Надо. Мне без него тоже надо убиваться... Зачем я выжила тогда? Зачем мне без него?! Он... Он...

КАТЕРИНА (*Марку*). Принеси воды.

Марк идёт в кухню.

Роза, милая, спасибо тебе... Счастливая ты...

РОЗА. Нет.

КАТЕРИНА (*горячо*). Ты любишь. Это дар божий... А я... Я думала... Совсем уж отчаялась здесь. Ничего внутри нет. Ничего... Какая уж там любовь!.. А ты счастливая. Просто, я не то говорю, прости меня, дурочку, но мне самой хоть в петлю...

Из кухни выходит Марк и незамеченным останавливается у двери.

РОЗА. У тебя есть Марк.

КАТЕРИНА. Да. Есть... Марк есть, а любви нет. А ведь любила... Любила, а сюда приехала — выгорело всё. Совсем. Страшно.

РОЗА. А Марк? Ему ведь больно?

КАТЕРИНА. Да понимаю я! А сделать ничего с собой не могу. Хуже чужого. От чужого хоть не зависишь. Да и чужой не каждый день на глазах...

РОЗА. Катерина. Так нельзя жить.

КАТЕРИНА. Да я уж, если б не Дуня, давно бы руки на себя наложила.

РОЗА. Зачем? Нельзя. Жить надо.

КАТЕРИНА. Будем жить, конечно. Для детей.

РОЗА. Да, да.

КАТЕРИНА. А ты для него живи. Для Глеба.

РОЗА. Нет ведь его... Упал он... Запропастился...

КАТЕРИНА. Для его памяти живи. Его ведь никто не вспомнит, кроме тебя. Пока ты жива, значит и он жив. Хоть в одной тебе, а жив. Умрешь, и он сотрётся. Живи. Не смей ничего такого, слышишь?

РОЗА. Слышу. Тяжело только очень.

КАТЕРИНА. Ничего, ничего. Ты люби его только. За всех нас...

МАРК (*подходит*). Вот вода.

КАТЕРИНА (*берёт стакан*). Принеси ещё. (*Марк снова уходит.*) Он вон и заботливый, и покладистый — и чего бы, кажется, бабе ещё надо, а душа у меня от этой его заботливости прямо наизнанку выворачивается. От одного его вида. Не могу!.. Ма-моч-ка моя!..

МАРК (*приносит второй стакан с водой*). Натё.

РОЗА (*берёт стакан*). Спасибо, Катюша, не тужи. (*Улыбается.*) Он так мне говорил, когда я много-долго болела. Не тужить надо. Да?

КАТЕРИНА. Да. Давай с тобой на брудершафт выпьем. Да?

Пьют воду. Целуются. Боря, очнувшись от забытья, вдруг начинает истерически хохотать.

МАРК. Вот наказание-то...

КАТЕРИНА. Боря...

МАРК (*орёт сыну*). Помолчи!

БОРЯ (*продолжает смеяться, достаёт из кармана клочок газеты, читает*). Как нам сообщили из Пенсильванского биоцентра, здесь закончена работа по выделению оливкового экстракта, способного при контакте со слюной поднимать температуру в полости рта до тысячи градусов. Интересно, что терморреакция происходит только при взаимодействии со слюной восточных славян. Профессор Крэсби объясняет этот феномен интенсивностью выделения слюны у испытуемых при виде красочных рекламных этикеток арго-колы, обработанной оливковым экстрактом. Показательно, что количество слюны у нормального человека при виде арго-колы в семнадцать раз меньше, чем у голодных славян. Это и обеспечивает нормальным людям иммунитет от возгорания, что и справедливо, в конце концов. Как говорит их же пословица, о которой вспомнил на брифинге представитель Пентагона: На чужой каравать рта не разевать.

Чтец смеётся взахлёб.

МАРК. Что смешного, идиот?

БОРЯ (*отцу*). Твоя слюна смешная...

Внезапно замолк, отключившись снова.

РОЗА (*после паузы*). Я наверняка пойду. Засиделась чуть-чуть.

КАТЕРИНА. Посидите, куда вы спешите?

РОЗА. Нет, нет. У вас своя беда. Своё горе нельзя в беду чужую.

Пошла к выходу.

Извините.

КАТЕРИНА. Пойдёмте, я вас провожу.

Женщины уходят. Марк беспомощно оглядывает свои владения.

МАРК. Ну и что?.. Делать-то что теперь?

Достаёт из бара виски, наливает себе в оба оставленных женщинами стакана, стучает их друг о дружку.

А мы за себя.

Выпивает из одного стакана.

И опять за себя...

Выпивает и вторую порцию.

Вот так!..

А в это время из телевизора доносится:

ДИКТОР. Как заявил представитель Государственного департамента, разработка оливкового экстракта явилась ответной мерой на избрание русскими биопули, умеющей выбирать себе цель по запаху. Создание биопули является ещё одним свидетельством разгула антисемитизма в Союзе так называемых братских народов, — подчёркивается в заявлении.

МАРК. Вот такие пироги...

КАТЕРИНА (*входит*). Фу!.. Еле-еле успокоила. (*Улыбается.*) Пока успокаивала, сама расстроилась. А смотри, какая она, оказывается. Так любит Глеба! Никогда бы не подумала. И его жалко. Наверное, погиб. В вулкан бросился — с ума сойти... Налей мне вина, что ли...

МАРК. Сама, пожалуйста.

КАТЕРИНА. Что с тобой?

МАРК. Со мной-то ничего. А вот что с тобой?

КАТЕРИНА. Слышал?

МАРК. Как ты могла? Чужому человеку!.. Она не поняла и половины из того, что ты ей тут... Тебя что, на самом деле от меня выворачивает?

Пауза.

Говори, что молчишь?.. Зачем же мы тогда всё это? (*Оглядывается кругом.*) Я же как...

КАТЕРИНА. Про похлёбку благотворительную вспомни.

МАРК. Замолчи!

КАТЕРИНА. Не кричи, детей разбудишь.

МАРК. Не указывай мне. Я в своём доме.

КАТЕРИНА. Я могу уйти. (*Встаёт.*)

МАРК. Спать?! К дочери?!

КАТЕРИНА. Что?

МАРК. Сядь!

Пауза.

Тварь ты неблагодарная...

КАТЕРИНА. Спасибо.

МАРК. Да! Да! Конечно. На нас можно и пофыркать! Мы строить города не грезим. Мы всё больше о хлебе насущном. Чтоб вы с голоду не подохли.

КАТЕРИНА. Пропусти.

МАРК. Нет, постой послушай!..

КАТЕРИНА (*улыбается*). Я слушаю.

МАРК. Слушаешь? Его ты сейчас слушаешь. Внутри у себя... Слушает она! Ты хоть раз-то меня слышала?

КАТЕРИНА. Он умер. Его уже нет.

МАРК (*юродствует*). Пока ты жива, он останется в тебе.

КАТЕРИНА. Не надо, Марк.

МАРК. Альфонс! За всю жизнь ни копейки не заработал своими руками... Даже оттуда, с того света, ташит тебя, как за ошейник... Что в нём? Скажи! Ну ладно, эта... Роза... Прибитая молью. Тут и не такие попадают организмы... Но ты! Неужели и тебе он так мозги закоромлил, что готова уж молиться на него.

КАТЕРИНА. Какой ты гнусный.

МАРК. Вот-вот. Нудный, гнусный. Вся в отца своего! Спроси ещё: «Что с тебя взять?».

КАТЕРИНА. Не смей говорить о моём отце. Ты мизинца его не стоишь.

МАРК. Я ничего не стою. Я для тебя мики-маус. Соколы — другие, конечно. Которые по вулканам скачут... Тут из кожи лезешь. Стараясь...

КАТЕРИНА. Эх, сокол!..

МАРК. А что — нет?! Оглянись вокруг себя. С жиру бесишься.

КАТЕРИНА. Нет, милый. Из мыши, как ты не пыжься, как ни жирей, самое большее — крыса может получиться. И всё. Крыса. А на отца ты молиться должен. Он человека из тебя сделал.

МАРК. Ага.

КАТЕРИНА. Ага!.. Подкалывал он тебя, это было. Так это затем, чтобы гордость в тебе пробудить. Гордость! А ты только жаднее становился...

МАРК. Что я — для себя жадничал?

КАТЕРИНА. Хозяином тебе хотелось стать. Главой.

МАРК. Что же ты жила тогда со мной? С таким нехорошим. Сюда прихлоплась. А?!

КАТЕРИНА. Я – не лучше. Такая же. Парочка – баран да ярочка.
МАРК (*после паузы*). Если б ты... Если бы ты хоть чуть-чуть...
КАТЕРИНА. Мясо я люблю.
МАРК. Да ешь ты его хоть... Я разве что говорю?
КАТЕРИНА. Что ты можешь мне такого сказать?.. Ох, Марик...
МАРК. Это из-за похлёбки благотворительной. Я знаю. Я видел тогда. Чувствовал. Но думал, выйдем в люди – у тебя отляжет от сердца... Потеплеешь...
КАТЕРИНА. Не отлегло.

Пауза.

МАРК. Что же мне? Тоже в вулкан? Или удавиться?
КАТЕРИНА. Ты не удавишься.
МАРК. Это почему же?
КАТЕРИНА. Силёнок нет.
МАРК. А друг твой? Брат твой духовный – он, значит, может, а я...
КАТЕРИНА. Ох! Как ты мне надоел...
МАРК. Иди, спи.
КАТЕРИНА (*вставая*). Если вешаться будешь, то уж как-нибудь без истерик. Дуня, хоть и крепко спит, но ты...
МАРК. Иди, иди.
КАТЕРИНА. Пойду, пожалуй, к ней лягу.
МАРК. Как хочешь.

Катерина уходит. Марк кричит ей вслед.

Дверь балконную не забудь открыть, если я надоел!..

Подбирает с пола валяющуюся верёвку.

Надоел ей муж, видите ли!.. Так и подталкивает... В петлю... Думаешь, он бы не надоел? Антисоветчик твой. Заставь-ка его поработать, он бы... Отговаривает меня от радио, к совести моей взывает... А он?! Как раз такие вот, как он, и клеветают на нашу...

Мастерит из верёвки петлю.

Да и ты тоже... Назло вам. Посмотрим, как вы без меня будете... соколов искать...

Марк поднимается вверх по лестнице. В этот момент захохотал, теперь даже с каким-то похрюкиванием, очнувшийся на секунду Боря.

МАРК (*сыну*). Ты-то уж лучше бы помолчал!.. Крокодил... Ещё удивляются, в кого он. В деда!.. Тот бы, предложи ему грязью кого облисть, не пошёл – побежал бы, вприпрыжку!

Привязывает верёвку к перилам.

Она меня учить будет, что мне делать!..

Надевает петлю на шею.

Да я чище вас всех в тысячу раз! А говорить всё равно буду! Назло тебе! Вот!

Достаёт из кармана листок.

Завтра же пойду. К Алику! Лучше я, чем ты. Тебе только скажи – и дочку из комнаты выгонишь...

Просматривает написанное на листке.

Вот послушай, антисоветчица. По твоим анонимкам, между прочим, написано. Помнишь, про трубы водопроводные сочиняла? Все инстанции переполошила. Послушай: «Открытое письмо советским взяточникам, казнокрадам, хапугам и прочим расхитителям социалистической собственности!». Фельетон не хуже твоих анонимок. Иди послушай. А?!.. Подожди, я тебе сейчас сам!..

Побежал было, но верёвка на шее не предоставила ему такой возможности, и он, поскользнувшись, растянулся на лестнице ногами вперёд.

Чёрт!.. Чуть не того...

Сел, освободил шею от затянувшейся петли.

Так можно и...

Марк задумался. Встал, но тут же опять сел. Пригорюнился.

Неужели кончилось всё? Выгорело... У неё выгорело, а тут хоть в петлю... Выгорело?.. Сейчас глянём, у кого что выгорело... А то – закопался он!.. Сокол!..

Встал, укоротил верёвку на требуемую длину, сбросил привязанную петлю вниз, спустился, поставил под петлю стул, встал на ноги, надел на шею петлю, взялся руками за перила, отбросил ногами стул и повис на руках, не решаясь разжать пальцы. Повисел немного, затем отнял одну руку, повиснув на другой, снял петлю с шеи и спрыгнул на пол.

МАРК (*яростно*). Выгорело! Выгорело!..

Истерзав в нервном возбуждении свои подтяжки, вдруг замер.

Выгорело?!..

Снял со стены картину, проверил прочность крюка, на котором та висела, заглянул в комнату жены.

Выгорело?.. Сейчас проверим...

Марк перевязал верёвку точно над крюком, встал на стул, затем зацепил со спины свои подтяжки за крюк, накинул на шею петлю и, оттолкнув ногами стул, истерически застонал. Задёргался в смехе, увидев висящего отца, проснувшийся сын. Выскочила на шум в белой ночной сорочке Катерина.

КАТЕРИНА (*перпуганно*). Что?.. Что!!..

И обомлела, обманутая комедиантскими ухищрениями мужа.

Нет!.. Марк...

Подбежала к мужу.

Марик, что с тобой?.. Ты... Марик, я не хотела... Не хотела!..

Опустившись перед ним на колени.

Марик, прости меня!..

Прижимается к его ногам.

Марик, родненький!.. Вернись!..

Поднялась на ноги.

Зачем ты?!.. Марик, вернись!..

Пытается растормошить его, будто спящего.

Ма-арик!..

В отчаянном бессилье бьёт бездыханное, как ей кажется, тело мужа кулаками в грудь.

КАТЕРИНА. Нет!.. Нет! Нет! Нет!

МАРК. Больно! Ты что?!

КАТЕРИНА (*сначала остолбенела, а потом кинулась уже на живого мужа с кулаками*). Ты что со мной делаешь?!..

С остервенением бьёт мужа, выплёскивая этим всю ярость стрессового состояния.

МАРК (*пытаясь освободиться от крюка*). Катя!.. Катя!.. Перестань!

КАТЕРИНА. Я тебе перестану! Я тебе перестану!..

МАРК. Больно же!.. Бо-ольно!

КАТЕРИНА. А мне не больно!.. А мне не больно!

БОРЯ (*взахлёб*). Так его! Так!..

Избиение Марка прерывается телевизионной рекламой, в которую втягиваются на этот раз и присутствующие.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА:

ОТ ТОЛПЫ. Держи её! Держи! Окружай черномазую! Хватай!

КАТЕРИНА. Не прикасайтесь ко мне!..

ТОЛПА. Бей её! Бей! На крест её!.. На крест!

КАТЕРИНА. Что вы делаете? Я белая!..

ТОЛПА. Она ещё издевается над нами!.. Бритт, дай я плюну в её чёрную харю последний раз!

КАТЕРИНА. Вы ответите!..

БРИТТ. Поджигай!..

КАТЕРИНА. А-а-а!..

Опять захохотал Боря.

СЭМ. Китти!.. Остановитесь, не надо!.. Китти!..

БРИТТ. Сэм, ты откуда?

СЭМ. Снимите её с креста! Китти!..

БРИТТ. Сэм, чертяка! Сгоришь!..

СЭМ. Это моя жена! Китти! Спасите её!

БРИТТ. Поздно.

СЭМ. Китти! Прости меня. Я не хотел...

БРИТТ. Твоя Китти — белая, Сэм. А это — черномазая.

СЭМ. Была белая!.. Прости, Китти, я не хотел твоей смерти. Бритт, ты знаешь, что она...

БРИТТ. Что она наставляла тебе рога? Об этом знает весь Техас.

СЭМ. Я решил проучить её за это. Она обдeldывала свои делишки на пляжах... И я подsunул ей крем «Загар оливы» фирмы «Джек, Джек и Джек». Она и не догадывалась, чем это пахнет, но я-то знал, что вы не потерпите пляжных шашней черномазой.

БРИТТ. Это крем «Загар оливы» фирмы «Джек, Джек и Джек» сделал её черномазой?

СЭМ. За три часа. Она и заметить не успела.

БРИТТ. Хороший крем!

СЭМ. Я знал, что вы на всё способны, но чтобы сразу на крест!

БРИТТ. Не унывай, Сэм. Шлюхе — туда и дорога!

СЭМ. Нет! Я — преступник!..

БРИТТ. Гори она синим пламенем, Сэм!

СЭМ. Уже горит...

БРИТТ. Запомним это снадобье от рогов, ребята!

Толпа скандирует: «Джек, Джек и Джек!», «Джек, Джек и Джек!» Истерически хохочет Боря.

МАРК (*всё ещё продолжая висеть на крюке от картины*). Хватит! Помолчите, хоть минуту! Сколько можно?!

Выстрелом лопнул кинескоп. Марк испуганно закричал, но рёв толпы не прекратился. Он надвигается на Марка со всех сторон.

– ИДУТ!
– ГДЕ?
– ВОН ОНИ!..
– РУССКИЕ ИДУТ!
– ИДУ-УТ!..
– СПАСАЙТЕСЬ!

МАРК. Снимите меня!.. Эй! Кто-нибудь!..

Боря продолжает смеяться.

– ГДЕ ОНИ? Я НЕ ВИЖУ!
– ДЕТЕЙ! ДЕТЕЙ ПРЯЧЬТЕ!..
– ПРЯЧЬТЕ ДЕТЕЙ!
– РУССКИЕ!
– НЕ ТРОЖЬ ДЕВОЧКУ, ЗВЕРЮГА!
– ОТДАЙ РЕБЁНКА!
– МА-МА!.. Я БОЮСЬ!..
– СТРАШНО! СТРАШНО! СТРАШНО!
– СПАСАЙТЕСЬ, ЛЮДИ!..
– НЕТ! НЕТ! НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ! МАМА!
– СПАСИ МЕНЯ, МАМОЧКА! ОН ГРЫЗЁТ МОЮ НОЖКУ!..
– БО-ОЛЬНО!..
– ЛЮДИ!.. НЕУЖЕЛИ МЫ СЛАБЕЙ ЭТОЙ ЗАРАЗЫ?!.. ЭТОЙ ЧУМЫ!..
– БЕЙ ИХ! БЕЙ, БРИТТ!
– В ПАСТЬ ИМ ВЦЕПИСЬ! ДЖОН, ХВАТАЙ ЕГО ЗА ПАСТЬ!
– НЕ ДАВАЙТЕ ИМ ЖРАТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ!
– ПОКАЖИ ИМ, ЭМ, КАК ДЕРУТСЯ ТЕХАСЦЫ!
– НА ЧАСТИ ИХ РВИ, СВОЛОЧЕЙ!..
– ПАСКУДЫ АЗИАТСКИЕ! ГДЕ ОНИ?!..
– ВОТ ОН! Я ВИЖУ!
– ДЕРЖИ ЕГО!
МАРК. Я свой, джентльмены. Я свой..

Оглушительно смеётся над Марком сын.

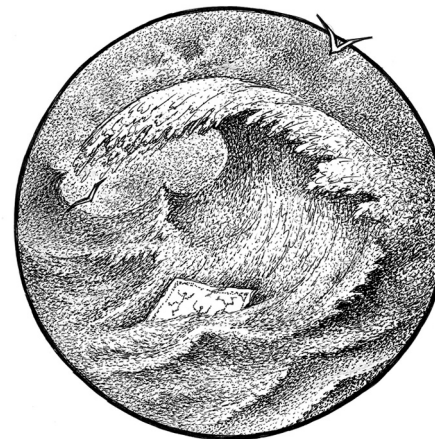
МАРК. Вы с ума сошли!
– ДЖЕК! ЗАЛЕЙ ЕМУ ГЛОТКУ КИПЯЩИМ МАСЛОМ, А ТО ЕМУ МАЛО!
МАРК. Господа! Друзья!.. Я же не тот, я... Вы ошиблись..
– ХЛЕБАЙ! ХЛЕБАЙ, СУКА!.. ЗАЛЕЙСЯ!
МАРК. У меня есть поручители!..

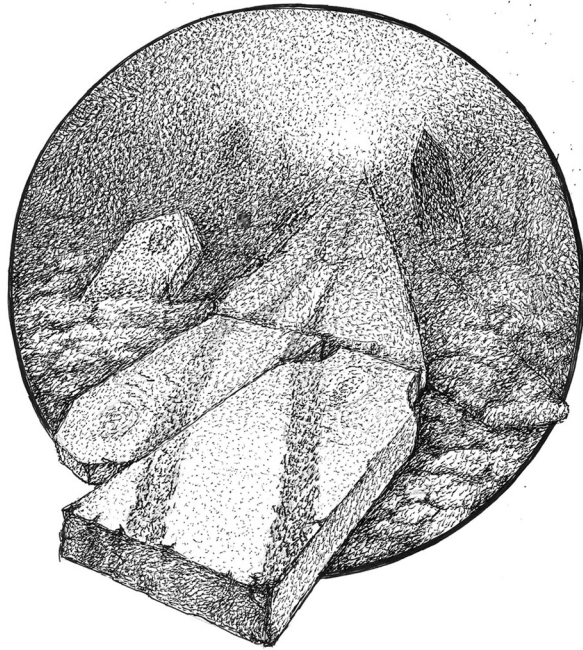

– А ТО ИМ СВОЕГО МАСЛА МАЛО!
МАРК. Стив!.. Стив, где вы?.. Скажите же им!..
– НЕ ЖАЛЕЙ МАСЛА, ДЖЕК! ПУСТЬ ЗАХЛЕБНЁТСЯ!
МАРК. Я друг, джентльмены!
– ЕВРОПУ СОЖРАЛИ, ТЕПЕРЬ К НАМ ТЯНУТ СВОИ КОГТИ!
– ЖРИ! ЖРИ, ГОРИЛЛА! МОЖЕТ, ПОДАВИШЬСЯ НАКОНЕЦ!
– МОЖЕТ, СДОХНЕШЬ!..
МАРК. Господа!.. Господа!.. Белый я!
– ИШЬ! ИШЬ, КАК ЕГО КОРЕЖИТ?!..
МАРК. Белый! Белый я-а-а!..

Занавес

1985 г.

Груздевы

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИРОН ЕРМОЛАЕВИЧ ГРУЗДЕВ
АННЕТА (*НЮРКА*) – его сестра
НИНКА – его дочь
МАТВЕЙ – его племянник
ВАНЮШКА – сын Матвея
БАБКА НАСТЯ – мать Матвея
КОВАЛЕНКО – подполковник в отставке
КСЮША – соседка
КОНСТАНТИН – муж Нинки
ДАША – знакомая Ванюшки
ДЕД ЗАХАР – почтальон
ОЛЕГ – отдыхающий
ЮЛЯ – отдыхающая

Картина первая

ДЕВЯТОЕ МАЯ. Утро.

Двор усадьбы Груздевых. На заднем плане в центре белоснежная стена сарая, превращённого в гараж. На ней большие алые пятна нарисованного пламени. Рядом с гаражом стёкла теплицы. По обеим сторонам двора два крыльца. Одно – с претензией на излишество, другое – попроще. В центре – празднично накрываемый Бабкой Настей и Ксюшей стол. У того крыльца, что попроще, сидят на лавочке Мирон Груздев и подполковник Коваленко.

БАБКА НАСТЯ (*кричит*). Нинка! Чего ты там валандаешься? Давай кролика.

НИНКА (*из дома*). Сейчас.

БАБКА НАСТЯ. Уйдёт ведь сейчас Максимыч!

НИНКА. Одеться мне надо или нет?!

МИРОН. Потихе вы!.. Бабы!..

КОВАЛЕНКО. Оставь их.

МИРОН. Раскудахтались...

КОВАЛЕНКО. Весна...

МИРОН. Да... Весна... А осень я не люблю.

КОВАЛЕНКО. А я и осень, и зиму – всё люблю. Жизнь при любой погоде... и подо льдом – всё равно идёт.

МИРОН. Это, конечно...

КОВАЛЕНКО. Не слышал? Рыбка в лёд вмёрзла чёрт те когда, лет триста, не то пятьсот назад, а оттеяла и опять поплыла. Научный факт.

МИРОН. Они ещё не то учудят, учёные эти. Скоро вообще...

КОВАЛЕНКО. Наука – дело нужное. Теперь без неё – никуда.

МИРОН. Ну её. Напридумывали бомб всяких. Вдруг чего случись – штанов надеть не успеешь.

КОВАЛЕНКО. Это верно. Мы нахлебались в ту войну по уши, а сейчас, если разгорится...

МИРОН. Думаешь – начнётся?

КОВАЛЕНКО. Думаю – нет.

МИРОН. А эти... Ястребы ихние как думают?

КОВАЛЕНКО. У них тоже и дети, и внуки – всем жить хочется.

МИРОН. Они ж... Опять исподтишка могут. Как фрицы тогда.

КОВАЛЕНКО. Теперь не выйдут. Они б давно начали, да бесполезно. Они – нас, мы – их. А жить потом кому?

МИРОН. Мы-то своё пожилы, не обидно умирать, а молодым как?

КОВАЛЕНКО. Не паникуй. Дольше нашего ещё проживут.

МИРОН. Дай-то Бог... А то иногда думаешь: для чего детей рожают?..

КОВАЛЕНКО. Это ты брось! Нельзя. Этак жизнь сама по себе замереть может. С перепугу. Без детей нельзя. Везде теперь они...

МИРОН. Справляются? Как думаешь?

КОВАЛЕНКО (*смеётся*). А куда им деваться?! Мы уже не в счёт. Кому-то надо.

МИРОН. Да... Осень пришла...

Во дворе появляется Ванюшка с магнитофоном в руках.

КОВАЛЕНКО. У нас – осень, у Ванюшки – весна.

МИРОН. Скажи всё же, как всё пролетело!..

КОВАЛЕНКО. Не говори...

ВАНЮШКА (*подходит к старикам*). Денис Максимыч, скажите что-нибудь на память.

МИРОН. Ванюшка, уйди ты со своей забавой. Дай старикам поговорить.

ВАНЮШКА. Я это и прошу. Говорите. Только я запишу.

КОВАЛЕНКО. Потом, Ванюша. (*Ванюшка отходит.*) Жених уже.

МИРОН. Отец ему на рождение купил, так он никак не наиграется.

КОВАЛЕНКО. Летит время... Кажется, только вот мы с Ксюшей здесь, как раз у вашего крыльца, в первый раз поцеловались, а она вон уже старухой вокруг стола шаркает.

МИРОН. Не пишут ей чего-то. Внучка иногда открытку под праздник бросит... Совсем одна...

КОВАЛЕНКО. Брёвна только вместо лавки лежали... И сирень росла...

МИРОН. Иван только молодым остался.

КОВАЛЕНКО. Огонь на сарае ты подновляешь?

МИРОН. Нет.

КОВАЛЕНКО. Кто?

МИРОН. Не знаю.

КОВАЛЕНКО. Я думал, это ты к празднику. Как память... Ванюшка, наверное?

МИРОН. Он ещё ползал, когда стало появляться. Сдаётся мне, это твоя работа. Точь-в-точь к девятому, к твоему приезду проступает.

КОВАЛЕНКО. Нет. Я бы Ивану, была б моя воля, разве такой памятник?! Ему... надо всем миром. Чтоб на коне!.. Чтоб аж там увидали, на кого они опять...

МИРОН. Нюрка опять посылку прислала.

КОВАЛЕНКО. Чего?

МИРОН. Джинсы всякие там... шмынсы – тряпьё.

КОВАЛЕНКО. Вот стерва!

МИРОН. Мне-то этого добра на дух не надо. Молодых смущает.

КОВАЛЕНКО. Не может она без этого. Здесь следила-следила, еле ноги унесла, теперь оттуда гадит.

МИРОН. Молодые-то рады. Где такие тряпки ещё достанешь?

КОВАЛЕНКО. Они на это и покупают внуков наших. На тряпьё да на побрякушки.

МИРОН. Приедет – вся молодёжь вокруг дома вьётся.

КОВАЛЕНКО. Не пускать её сюда, заразу!

МИРОН. Как ты её непустишь? Родня.

КОВАЛЕНКО. Подстилка она немецкая. Шульцевна!

МИРОН. Захарка – на что уж иуда, и тот по земле ходит, а она... Сколько ей тогда было? Чего она понимала?..

КОВАЛЕНКО. Захар своё получил.

МИРОН. Я бы его!.. За брата... За Ваню моего...

КОВАЛЕНКО. Не надо, Ермолаич. Не мы решали... Думаешь, я бы за Ивана... Он тебе брат, а я с ним вот с таких пор... ползали ещё вместе, и до самой смерти... Не он бы... Где б я был?..

МИРОН. Где бы всё село было?..

Помолчали.

КОВАЛЕНКО. Вечером в город пойдёшь?

МИРОН. Куда уж мне.

КОВАЛЕНКО. Нельзя, Ермолаич. Традиция.

МИРОН. Там видно будет.

БАБКА НАСТЯ (*подходит к старикам*). Просим к столу.

Те встают, подходят к столу. Подходят и остальные.

НИНКА. Вы сюда садитесь, Денис Максимыч.

МИРОН (*Нинке*). Не встречай.

Все сели.

БАБКА НАСТЯ. Наливайте. Разливай, Матвей.

Налили вино в стопки.

МИРОН. Тебе слово, Максимыч.

КОВАЛЕНКО (*встал*). Сегодня, товарищи, день... перед которым склоняют головы все люди... и у нас, и по всей земле...

ВАНЮШКА. Погромче, Денис Максимыч. Для микрофона.

КОВАЛЕНКО. Сегодня мы... отдаём дань уважения тем, кто сложил свои головы в борьбе с проклятым фашистом. Кто погиб на войне... в боях за нашу родную землю. Прошу всех встать. (*Все встают.*) Они сложили головы за всех нас... теперешних... Почтим же их память минутой молчания. (*Пауза.*) Они были лучшие из нас – те, которые погибли. И мы должны помнить, равняться на них, чтоб их светлую память не осквернять грязью. Каждый чтоб жил и за себя...

ВАНЮШКА. И за того парня.

КОВАЛЕНКО. Да, да, Ванюшка. Про это не надо шутить. Это – свято. И за себя, и за деда своего ты должен жить. Он был... Если б не он, всё село в расход бы пустили. Вон его кровь на стене. Она как... Она из сердца из его... Забываем мы иногда, сколько этой крови пролилось. Лучшей крови... Если б всем им – двадцати миллионам – встать сейчас плечом друг к дружке... по всей нашей границе стена бы была. Сплошная. От Мурманска до самой Японии... Мы бы сейчас... Горы!.. Да что говорить!.. Прошу садиться... (*Все, кроме подполковника, садятся.*) Помянем их, братцы. Вечная им Слава и Вечная Память!..

Все пьют, закусывают.

МИРОН. Хорошо сказал, Максимыч.

БАБКА НАСТЯ. Хорошо, хорошо.

КСЮША. А чего сами-то не пьёте, Денис Максимыч?

КОВАЛЕНКО. Нельзя. Врачи не велят.

МИРОН. Ну уж, по такому случаю можно.

КОВАЛЕНКО. Нет, нельзя, значит, нельзя.

МИРОН. Как знаешь.

КОВАЛЕНКО. Да и не одни вы у меня. У Пастуховых тоже Степана расстреляли. У Панкратовых, у Федько... У Куприяныча Василия повесили... У всех сегодня одна печаль. И всех мне обойти нужно.

КОНСТАНТИН. Если у каждого по стопке приложиться, это какое здоровье надо иметь?!

КОВАЛЕНКО. Поначалу было и такое. Я, когда традицию эту внедрял – чтобы командир бывший в каждом доме девятого побывал, пробовал и насчёт рюмки никого не обидеть. Молодой тогда ещё был. Как раз двадцатилетие Победы тогда отмечали. Хоть и крепок был, а больше тридцати дворов не осилил. У вас же, кажется, меня и спать уложили. Да, Ермолаич?

МИРОН. Было.

КСЮША. Вон там. На месте теплицы беседка тогда стояла. В ней вам и постелили.

МАТВЕЙ. Точно! И я помню. Ванюшку как раз восьмого из роддома принесли... Вот время летит! Теперь вон уж какой оболтус.

ВАНЮШКА. Ладно, батя, кончай.

НИНКА. Слова ему теперь не скажи.

ВАНЮШКА (*Нинке*). Ты-то помолчи.

НИНКА. Вот-вот. Видали?

ДАША. Что вы все на него?

НИНКА. Ой! Это ещё кто?!

МИРОН. Тихо! Тихо у меня.

Пауза.

КСЮША. Не пьёте, так хоть поешьте, Денис Максимыч. Есть-то вам ещё пока можно? Кролик тушёный. Положить?

КОВАЛЕНКО. Только и дел от меня осталось, что поесть...

Весёлое оживление.

КСЮША. Ой, не скажите!

КОВАЛЕНКО. И то, в основном, кашку.

КОНСТАНТИН. А нам пока ещё можно. И кролика, и... морковку.

МИРОН. Угомонись.

КОНСТАНТИН. А что? Я к тому, что, может, ещё по одной? А, папаня?

МИРОН. Чего спрашивать? Наливай. Если тебе никуда не ехать сегодня.

КОНСТАНТИН (*разливая вино*). Куда теперь поедешь...

У стены сарая появляется Дед Захар. Пауза.

МИРОН. Что надо?

Дед Захар молчит.

ДАША (*Ванюшке*). Кто это?

ВАНЮШКА. Гад один. Деда немцам продал.

КОНСТАНТИН. Явился!.. Эй, мазурик, ты чего тут забыл? Выпить, что ль, хочешь? Иди – налью.

МИРОН (*Деду Захару*). Ты... Ты где стоишь? Оглянись, иуда!..

ВАНЮШКА (*Миرونу*). Спокойно, дед... (*Подходит к Деду Захару*.) Давай-ка отсюда, дядя.

МИРОН. Он тебе не дядя! Он твоего деда к стенке к этой поставил! А сам – вот он. Стоит! И живой. И ничего ему... Да издевается же он!.. В такой день!.. Давай уже и к столу тогда, гостьюшка дорогой. Помянем убиенного тобой раба Божьего Ивана. А?!

КОВАЛЕНКО. Ермолаич, держи себя.

МАТВЕЙ (*Деду Захару*). Слышал? Или вынести тебя?

Берёт Деда Захара за грудки.

КСЮША. Только не трогайте, ну его, от греха подальше. Может у него дело какое. (*Матвей отходит. Деду Захару.*) Что молчишь?

КОВАЛЕНКО (*Идёт к Захару*). Вон.

МИРОН (*опережая подполковника*). Максимыч, дай я с ним поговорю.

Дед Захар отдаёт Миرونу листок бумаги и исчезает.

МИРОН (*берёт бумагу, достаёт очки, читает*). ...Вот параша. (*Грузно опускается на скамью.*)

КОВАЛЕНКО. Что там?

МИРОН. Ничего... Сестрица с Победой нас всех поздравляет.

КОВАЛЕНКО. Какая сестра? Нюрка?! Оттуда?

МИРОН. Не может она без...

КОВАЛЕНКО. У неё права нет – пятнать такой день. Надо ей запретить. Через органы.

БАБКА НАСТЯ. Чего это вы развоевались? Хуже малых ребят. А ну, дайте к столу все. Партизаны.

КСЮША. И правда, Денис Максимыч, вы ж так ничего и не поели. А у вас, чай поди, режим...

КОВАЛЕНКО (*Ксюше*). Ну что вот ей от нас надо? И деньги там у неё, и... чёрта-дьявола, а её всё сюда тянет...

КСЮША. Поешь, Даня.

КОВАЛЕНКО. Спасибо... Пойду я...

БАБКА НАСТЯ. Куда это?

КОВАЛЕНКО. У меня ж не вы одни. Спасибо всем... Ермолаич, что с тобой?.. Сердце?

МИРОН. Ничего... Сейчас отпустит...
 КОВАЛЕНКО. За врачом надо... Ванюшка, сбегай.
 МИРОН. Да какой там, к лешему, врач. У тебя от сердца что-нибудь есть?
 КОВАЛЕНКО. Есть, есть, как не быть... *(Даёт Мирону таблетку.)*
 Вот. Положи под язык.
 МИРОН. Знаю.
 КОВАЛЕНКО. Вот беда-то ещё...
 МИРОН. Ты иди себе, подполковник. Другие тоже ждут. А мы тут как-нибудь...
 КСЮША. Нет, нет. Что ж так? Только за стол сели...
 КОВАЛЕНКО. Я найду ещё. Обойду всех — и к вам.
 МИРОН. Вот и ладно. Заходи.
 КОВАЛЕНКО. Ага. Я, значит, не прощаюсь.
 БАБКА НАСТЯ. Будем ждать.

Коваленко уходит. Пауза.

МИРОН. Что уставились? Ешьте — пейте... Я сейчас...

Все усаживаются за стол.

БАБКА НАСТЯ. Пить тебе не надо было бы, соколик.
 МИРОН. Тебя не спросил.
 БАБКА НАСТЯ. Дело твоё, конечно...
 МИРОН. Костя. Подойди-ка.
 КОНСТАНТИН *(подходит)*. Что, батя?
 МИРОН. В июле придет тварь эта.
 КОНСТАНТИН. Ну...
 МИРОН. Должны мы ей много.
 КОНСТАНТИН. Чего должны?
 МИРОН. Ты что ж думаешь, она нам тряпки эти даром, что ль, присылает? Она, змея, своего, хоть на копейку, думаешь, упустит? В тот раз я ей сколько отвалил, знаешь?
 КОНСТАНТИН. А я тут при чём?
 МИРОН. При том. Хотя... Не снимать же с вас барахло это... Долг верни, а там уж я сам выкручусь.
 КОНСТАНТИН. Договорились же на будущий год ждал, а она — сам видишь...
 КОНСТАНТИН. Как же я смогу?..
 МИРОН. Не знаю!.. Чем пить сидеть, поработал бы. Такой день — год кормит.
 КОНСТАНТИН *(идёт к столу)*. Вот ты, батя, даёшь!
 МИРОН. Пей, пей... Посмотрим, как рассчитываться будешь...
 КОНСТАНТИН. Ладно... Нинка! Давай, режь цветы. В город на Советскую поедем!
 НИНКА. Чего это?
 КОНСТАНТИН. Режь, кому говорю, пока я машину заправлю.

НИНКА. Ездили уже сегодня.
 КОНСТАНТИН. Кому они нужны завтра?! Режь! Сегодня день — год кормит!

Затемнение.

Картина вторая

Девятое мая. Вечереет. Тот же двор.

За столом, с которого праздничные яства уже убраны, сидит с транзисторным приёмником в руках Матвей. Звучат песни военных лет. Из дома, того, что попроще, вышла в праздничном платье Бабка Настя. Постояла, послушала песню, потом под села к сыну.

БАБКА НАСТЯ. Слушай, слушай, сынок.
 МАТВЕЙ. Хорошие песни были...
 БАБКА НАСТЯ. Когда народу трудно, тогда как раз песни-то и получаются. До-олго их петь ещё будут...
 МАТВЕЙ. Наверяд ли, мам. Помрём мы — и песни эти отойдут... Ванюшка что-то их не очень.
 БАБКА НАСТЯ. Тебе-то нравится, а что ты помнишь об той войне?
 МАТВЕЙ. После войны что было, помню.
 БАБКА НАСТЯ. Тоже не сахар время было.
 МАТВЕЙ. Да...
 БАБКА НАСТЯ. До самой смерти не забуду... Не знаю, помнишь ты или нет, годов шесть тебе было... Сварила я картошку, нашла в погребке, штуки четыре завалилось; ты поел, без хлеба, солью присыпал, и так... Съел две, а остальные не хочешь, ни в какую, — мне, мол. А потом сидишь... думаешь... Об чём дитё может думать? Про игрушки, пряники. А ты: «Мама, — говоришь, — придёт, мам, такое время аль нет, когда мы поедим-поедим картошку, наедемся, а она у нас ещё останется?».
 МАТВЕЙ. Ты мне уж рассказывала это, мать.
 БАБКА НАСТЯ. Если б не Мирон с Клавкой, не выдюжили бы мы. Она хоть скупая была, а всё когда-никогда молока даст. Снятого, а и от него польза...
 МАТВЕЙ. Помню.
 БАБКА НАСТЯ. Не пойму я, Мотя, чего ж это люди теперь опаршивели так. Чего им надо? Как баре живут, а всё не так, всё им мало — куда?
 МАТВЕЙ. Запросы не те теперь, мать.
 БАБКА НАСТЯ. Клонет жареный петух — будут тогда запросы...
 МАТВЕЙ. Мам... А чего ты больше замуж не вышла?
 БАБКА НАСТЯ. А вас куда?.. Сватались... Но, говорит, двоих сдавай в детдом, а с одним — как-нибудь, ладно. Разве б я смогла? Тебя, что ль, сдавать с Танюшкой или её с Шуркой? Худо-бедно, а выросли не хуже других...
 МАТВЕЙ. Танюшка всё в гости зовёт.

БАБКА НАСТЯ. Все на ноги стали. С мужиком бы, конечно, сподручней. Но как погляжу на вас... Да и Иван... Куда тем женихам после него!?

МАТВЕЙ. А я отца не помню. Совсем. Только мёртвого чуть-чуть...

БАБКА НАСТЯ. Тебе уж тогда три, считай, было.

МАТВЕЙ. Не помню. Только когда отсюда (*кивает на сарай*) уносили... Ты, вроде, говоришь: «Прощайся... поцелуй отца...». Я поцеловал... А он меня — нет. Я заплакал. Обидно стало — я его поцеловал, а он меня не целует... И снег чуть-чуть шёл... Это только и помню... Лучше б он не выходил к ним!..

БАБКА НАСТЯ. Как же, сынок?.. Искали ведь его, знали, что он здесь, в селе. Если б не открыли, сожгли бы всех. И село, и людей. И меня с вами тремя. Не мог он не выйти к ним.

МАТВЕЙ. Я этого иуду видеть не могу! Когда он из лагеря вернулся, я его чуть не убил. Выслеживал...

БАБКА НАСТЯ. Мотя!..

МАТВЕЙ. Он же с ним в одном классе... Дружили! Это всё равно что Максимыч бы так сделал.

БАБКА НАСТЯ. Не знаю я, сынок. Может быть, и он, а может и... Кто его знает?..

МАТВЕЙ. Документы же нашли!

БАБКА НАСТЯ. Бумаги — оно конечно... Но их тоже люди пишут...

МАТВЕЙ. Оговорили, что ли? Зачем? Какая им разница?

БАБКА НАСТЯ. Не знаю... А Захарку убить... Ему б легче стало, чем так вот, как он теперь... Несёт свой крест... В почтальоны пошёл нарочно. Чтоб на виду, чтоб казнили его каждый день. И молчит котелый год. Вроде как обиделся на людей...

МАТВЕЙ. Чего он не уедет отсюда?

БАБКА НАСТЯ. Он и сам, должно, не ответит... (*Пауза.*) Чего-то Максимыча нашего до сих пор нет? Пообещался, а не идёт.

МАТВЕЙ. Загулял.

БАБКА НАСТЯ. Не-ет, он человек обязательный. Да и Ксюша здесь.

МАТВЕЙ. А она тут с какого боку?

БАБКА НАСТЯ. Не твоего ума дело... Пойду-ка я к ней схожу...

Бабка Настя уходит. Пауза. Из дома на крыльцо выходит Мирон.

МИРОН. Матвей... Моть, это ты там, что ли?

МАТВЕЙ. Я.

МИРОН. Мои ещё не возвращались?

МАТВЕЙ. Не видал.

МИРОН. Где их черти носят?

МАТВЕЙ. Мало ли? Праздник сегодня.

МИРОН. Кому праздник, а кому клубнику полить бы не мешало... (*Подходит к столу, садится.*) Праздник... У них каждый день — праздник.

МАТВЕЙ. Иль не доспал, дед?

МИРОН. Да ну их! Пусть, конечно, сегодня и поотдохнут. Наверно, заехали к кому-нибудь. Теперь жди к ночи...

МАТВЕЙ. Дело молодое. Пока детей нет, можно и погулять.

МИРОН. Погулять... Внуков уже пора.

МАТВЕЙ. Это — как получится.

МИРОН. Получится? Не хотят они, вот и всё твоё «получится». Потом хватятся — ан, поздно. И кукуй на старости лет.

МАТВЕЙ. Успеют.

МИРОН. Они-то успеют, да ведь и мне тоже охота на внуков своих поглядеть. А то живёшь-живёшь, добро наживаешь, а для кого?.. Для себя бы я разве городил всё это?

МАТВЕЙ. Для дочери.

МИРОН. А! Девка — она что? Тьфу. Уцепила вон себе дармоеда. Нет, он парень, конечно, ничего, хватка у него есть, дом не развалит, но ведь всё равно чужой.

МАТВЕЙ. Пришёл в дом — теперь свой.

МИРОН. Кровь чужая. Ты вот и то ближе... Иван был бы жив... Может, по стопке?

МАТВЕЙ. Не хочу.

МИРОН. И правда, не надо... (*Пауза.*) Чудно всё-таки... Ты вот на Ивана совсем не похож, хоть и сын, а Ванюшка — вылитый дед. И норовом тот же. Иногда как глянет — Иван, и всё тут. Аж мурашки по спине.

МАТВЕЙ. Вроде как опять отец повторился...

МИРОН. Будут внуки, потом всё повторится сначала. Помог бы ты мне, Матвей, клубнику полить. Завязь уже. Ей сейчас без воды — гроб.

МАТВЕЙ. Да ну, дед! Завтра давай уже. Сейчас не до этого.

МИРОН. Оно, конечно, и так... А потом — дедуля, клубнички дай, а я попробуй откажи — жадина...

МАТВЕЙ. Это когда вы нам её давали? Да ещё из теплицы. Она у вас вся на базаре. По червонцу полкило...

МИРОН. А ты как хотел? Чтоб я её даром отдавал? Я, чай, её своим горбом добываю, не как-нибудь.

МАТВЕЙ. Не совестно?

МИРОН. Чего совеститься? Мозолей своих?

МАТВЕЙ. Ты же, дед, партизанил.

МИРОН. При чём тут?! Посмотри ты на него!.. Совесть меня взду-мал! Да если б не я!.. Забыл, как в голодуху мы вас?.. Откармливали.

МАТВЕЙ. Ничего я не забыл. Хватит попрекать — отработали вам.

МИРОН. Ага!.. Работнички. Вот ведь!.. Говорила покойница: от не-насытной прорвы не жди благодарности — так оно и выходит.

МАТВЕЙ. Ну что? Чего расходился? Клубнику тебе полить нужно? Давай шланг.

МИРОН. Нет уж. Спасибо. Сами как-нибудь. А то, чего доброго, не сегодня-завтра раскулачивать начнёшь.

МАТВЕЙ. Давно бы надо.

МИРОН. Ах ты, голодранец!.. Пятый десяток уже, а сыну штанов приличных купить не можешь.

МАТВЕЙ. Куплю. У сестрёнки вашей просить не буду.

МИРОН. Конечно. Ей же платить надо, а у вас — вошь на аркане. Между прочим, она и твоего отца сестрёнка.

МАТВЕЙ. Не надо, дед. Отца ею не марай.
МИРОН. Конечнo!.. Мёртвые – все святые...
МАТВЕЙ. Замолчи. *(Пауза.)*

МИРОН. Сам-то память об отце не марай. Думаешь, ему оттуда в радость смотреть, как сын его свести концы с концами не может? Мужик называется! Двухсот рублей наскрести за месяц не может. Молокососы больше твоего зарабатывают.

МАТВЕЙ. Нам хватает. Зато спим спокойно...

Вбегает Ванюшка.

ВАНЮШКА. Батя, пошли скорей!.. Вы что тут? Опять сцепились? Кончай, батя. Пошли. Денис Максимыч автобус заказал. К Вечному огню. Нас ждут. Где бабушка?

МАТВЕЙ. Она у Ксюши. Ты что в кино не пошёл?

ВАНЮШКА. Я Максимычу обещал. С ним поехать.

МАТВЕЙ. А Даша где?

ВАНЮШКА. Не знаю. Пошли.

МАТВЕЙ. Переодеться надо.

МИРОН. Неужто есть во что?

ВАНЮШКА. Что вы к нему пристаёте? Есть или нет – вас это колышет?

МИРОН. Ты тут мне ещё поговори!..

ВАНЮШКА. Вы тоже помолчите. Пошли, отец.

Входит Даша.

ДАША *(Ванюшке)*. Ты идёшь?

ВАНЮШКА. В кино? Нет.

ДАША. Я, между прочим, билеты уже купила.

ВАНЮШКА. Я тебя об этом не просил.

ДАША. Значит, не пойдёшь...

ВАНЮШКА. Даша!.. Я обещал деду Денису поехать с ним к Вечному огню. Понимаешь, я обещал!

ДАША. Если тебе с ним интереснее, тогда – конечно.

ВАНЮШКА. Я слово дал! Поняла?!

ДАША. Не кричи. Не глухая. Слово он им дал. А я?

ВАНЮШКА. Вместе поедем.

ДАША. Я в кино хочу.

ВАНЮШКА. Иди.

ДАША. Пожалуйста...

ВАНЮШКА. Как хочешь. Только я тебе на будущее советую уважать и чужие обстоятельства...

ДАША. Учту. *(Уходит.)* Прощай.

КОВАЛЕНКО *(входит)*. Долго вас ждать?

МАТВЕЙ. Сейчас... *(Уходит к себе в дом.)*

ВАНЮШКА. Я к автобусу. А то ещё уедут. *(Убегает.)*

Входят Бабка Настя с Ксюшей.

БАБКА НАСТЯ. Без нас не уедут.
КОВАЛЕНКО *(Мирону)*. А тебе что, особое приглашение?

МИРОН. Я останусь. Мотор что-то барахлит.

КОВАЛЕНКО. Я приказываю! За дезертирство знаешь, что полага-ется?

МИРОН. Я сегодня своё отстрелял. Как-нибудь без меня там...

КОВАЛЕНКО. Напрасно...

Слышны сигналы автобуса.

КСЮША. Нас ждут, Денис Максимыч.

КОВАЛЕНКО. А где Константин?

МИРОН. В город с Нинкой уехали.

КОВАЛЕНКО. Что ж они одни? С нами надо было.

БАБКА НАСТЯ. Им там не до нас. Им там цветами торговать при-спичило сегодня.

КОВАЛЕНКО. Мирон!.. И ты им разрешил?.. В такой день?!

МИРОН. У них своя голова на плечах.

КСЮША. Он сам их погнал туда.

МИРОН. Это кого я погнал? Я им пастух, что ли?

БАБКА НАСТЯ. А то они по своей охоте?..

МИРОН. Ничего не случится, если и потрудятся сегодня. Заработа-ют лишнюю копейку. Не помешает им.

КОВАЛЕНКО. Да что ты за человек такой, Мирон?! Куда тебе ещё? Я понимаю, если б «семеро по лавкам», а то ведь...

МИРОН. Ты в мои карманы не заглядывай. Тебе хорошо с твоей пенсией мораль читать, а тут...

КОВАЛЕНКО. Мирон! Что ты городишь?!.. У тебя что?.. Окна в зем-лю вросли?

МИРОН. Вот я как раз этого и не хочу.

КОВАЛЕНКО. Оставь! Сколько тебе об одном и том же гово-рить?!.. На себя наплевать – так хоть подумай о тех, которые... Об Иване подумай. По нам ведь и о них судят... Мы должны без еди-ного пятнышка своё дожить. Людям не всё равно, какие у них де-ды-прадеды были.

МИРОН. Какие ты у меня пятнышки разглядел? Я что – ворую? Спекулирую?.. Или я своё не имею права продавать? Что вот этими руками выходил?..

КОВАЛЕНКО. Да при чём здесь права наши, Мирон?! Ведь послед-ние мы... Уходить скоро... А дети – они всё видят...

МИРОН. Уходи. Никто тебя не держит. А я ещё поживу.

КОВАЛЕНКО. Не стыдно тебе?!

МИРОН. Нет! Мне не стыдно!.. Уходи, Максимыч, лучше. Не вводи в грех. А то я такого сейчас наговорю тебе... Уйди, Христа ради.

КСЮША. Пошли, Денис Максимович. Бесплезно это...

БАБКА НАСТЯ *(кричит)*. Матвей!

МАТВЕЙ *(из дома)*. Сейчас!.. Идите.

КОВАЛЕНКО. Эх! Ермолаич... *(Уходит вместе с дамами.)*

МАТВЕЙ (*из дома*). Я догоню...

МИРОН. Догоняй... Догоняло... Весь праздник испортили!..

Из дома выбегает Матвей и возле калитки сталкивается с Нинкой.

НИНКА. Вот оглашённый!

МАТВЕЙ. Пока. (*Убегает.*)

НИНКА (*вслед Матвею*). Налил бельмы!..

МАТВЕЙ (*уже издали*). Извини!..

МИРОН. Ты где шлялась?

НИНКА. Где-где! Вроде не знаешь! Цветы продавла.

МИРОН. А твой где?

НИНКА. У него спроси. (*Уходит в дом.*)

МИРОН. Я тебя спрашиваю!.. Где машина?

НИНКА (*кричит из дома*). В милиции.

Дед Захар вводит во двор пьяного Константина, прислоняет его к стенке сарая и уходит.

МИРОН. Где машина, обормот?

КОНСТАНТИН. Всё — класс, батяня.

МИРОН. Я тебя сейчас так отбатию!.. Отвечай, когда тебя спрашивают!

КОНСТАНТИН. Кон... квис... ковали...

МИРОН. Что?!

КОНСТАНТИН. Мы ехали, а тут... Пстой паровоз, не стучите колёса...

МИРОН. Ты что ж это делаешь, злодей? Куда машину дел?

КОНСТАНТИН. Всё — класс, батяня. Всё — путём...

МИРОН (*кричит*). Нинка!..

НИНКА (*выходя из дома*). Отстаньте от него. Чего он вам сейчас скажет?..

МИРОН. Вы что, разбили её?

КОНСТАНТИН. Почти нет.

НИНКА. Да ничего с ней не случилось. Мы только выехали, а перед мостом — ГАИ. Запах от него учуяли — и права отбирать. Костя и так и эдак — ни в какую. Права забрали и — с приветом.

МИРОН. А машина где?

НИНКА. В горотделе стоит. Пришлось до Советской на тачке с цветами добираться.

МИРОН. У вас что, червонца для ГАИ не нашлось?

НИНКА. Четвертной давали. Не берёт и всё. Такой жлоб попался.

МИРОН (*Константину*). Так ты после этого на радостях, что ли, на-лакался?

КОНСТАНТИН. В честь праздника. У меня сегодня декретный день.

В декрете я сегодня.

МИРОН. Я тебе сейчас такой праздник устрой, сразу двойню родишь.

КОНСТАНТИН. Если надо — всегда. У Нинки не выходит — давай я попробую.

НИНКА. Ах ты, стервозина! Это у кого не выходит?! Сам вечно наберётся, как свинья... Кнур несчастный...

МИРОН (*Константину*). Тебя пригрели из грязи... Обули-одели, а ты!.. Ноги чтоб твоей в моём доме не было!..

КОНСТАНТИН. Зачем, батяня? Нинку не слушай, она — баба. А с машиной всё класс будет. Подумаешь, крыло помяли. Я сам отрихтую...

МИРОН. Что вы мне голову морочите?! Опять авария?!.. Ну!.. Как выедет за порог, так и влипнет куда-нибудь!.. Что ж это делается, люди добрые?!.. (*Константину*.) Ты что из меня верёвки вьёшь? Что мне прикажешь теперь без машины делать?

КОНСТАНТИН. Машину возьмём. Завтра поеду и заберу.

МИРОН. А ездить на ней кто будет? Дядя?!.. Где права?

КОНСТАНТИН. Купим новые. Сто пятьдесят и — класс.

МИРОН. За права — сто пятьдесят, за крыло — сто, а долги отдавать ты думаешь?

КОНСТАНТИН. Думаю... Какие долги?

МИРОН. Десять тысяч! За машину.

КОНСТАНТИН. Зачем вам такие деньги, батя? Это нехорошо. Они запахнуть могут, если их много.

МИРОН. Это не твоего ума дело.

КОНСТАНТИН. Чего ж не моего. Ты помрёшь — всё равно всё нам отойдёт.

МИРОН. Ждётся?

КОНСТАНТИН. Нет.

МИРОН. Получай. (*Бьёт его по щеке.*) Ещё хочешь? Мало? (*Бьёт.*) Получи ещё...

НИНКА (*отцу*). А ну перестань! Не трогай его!..

МИРОН (*дочери*). Уйди.

НИНКА. Нечего моего мужика бить. Когда надо, я и сама управлюсь. Правда, Кость?

КОНСТАНТИН. Нинок, пусть. Может, ему полегчает от этого. А то ведь жёлчью изойдёт.

МИРОН. К первому июля чтоб десять тысяч все до копеечки отдал.

НИНКА. Где ж он возьмёт их?

МИРОН. Не жаю. Не моё дело. Пусть хоть машину продаёт.

НИНКА. Ага! Машину продай, деньги отдай... Ты, может, и рубаху прикажешь продать?

МИРОН. Надо будет — и рубаху сниму. Не нравлюсь — давайте вон отсюда. В город. На завод. В общежитии смерти моей дожидайтесь.

КОНСТАНТИН. Батяня, я ж пошутил.

МИРОН. На Ванюшку всё перепишу до последнего винтика, а вам — дулю с маком.

НИНКА. Нашёл кому! Думаешь, он спасибо скажет?

МИРОН. Я разве спасибо от вас жду?.. Вы людьми будьте. По-людски живите! Для вас же всё здесь — я туда с собой не заберу, но вы делайте хоть что-то, чтоб видел я... со смертью моей не развеете по миру...

КОНСТАНТИН. Всё класс будет.

МИРОН. Я для них весь год погреб копал, чтоб выжили в случае чего, а они — смерти моей ждут!.. Завтра всё засыплю!

КОНСТАНТИН. А продукты куда? Их года на два у нас. На всякий пожарный.

НИНКА (*мужу*). Заткнись.

МИРОН. Убежище!.. Забетонировать осталось... А вы возьмите да придушите меня там. «И класс»... Да?!.. Замуруйте — никто не узнает... И всё ваше! За всю жизнь не пропить... Хотя тебе-то месяца на два хватит, не больше.

НИНКА (*отцу*). Чего ты на него взъелся? Он что, пьет что ли? Скажи, пьет?!

МИРОН. А это что? (*Кивает на Константина*).

НИНКА. Что, он уже на праздник не имеет права выпить? Может, его в ЛТП за это?

МИРОН. Этого ещё не хватало. Если б он каждый день таким приходил, я б его своими руками придавил.

НИНКА. Или он меньше твоего денег делает?

МИРОН. Не считал.

КОНСТАНТИН. Неужели?!

МИРОН. Не вижу я твоих денег.

КОНСТАНТИН. Ой-ой-ой! Сколько же тебе их надо, чтобы ты увидел?

МИРОН. Нюрке чего отдавать будем?!.. Вам до одного места, а я какими глазами моргать перед ней буду? Печатал бы я эти деньги, тогда — ладно, а то ведь я их горбом добываю.

НИНКА. Не обеднеет твоя Нюрка.

МИРОН. Думай, что буробишь! На её тряпки всё здесь. И машина ваша. Не было бы её барахла, купили бы мы «Жигуль»?.. То-то! А теперь, значит, наелись? Больше уж ничего не надо?... Да я душу из вас выну, а тридцать тысяч ей верну!.. (*Константину*.) Вот тогда и будет твой «класс».

КОНСТАНТИН. Пойдем, Нинок.

Издалека слышны выстрелы салютующих пушек. Вечернее небо расцвечивается огнями петард.

МИРОН. Деньги чтоб к первому июля.

КОНСТАНТИН. Вроде у тебя их нет...

МИРОН. Не твое дело. Что у меня есть — мое. Ты долг отдай.

КОНСТАНТИН. Отдадим. Из кожи вывернусь — отдам. Только ты запомнишь это «на всю оставшуюся жизнь». Я тебе обещаю.

МИРОН. Загрозил! Страшно как...

КОНСТАНТИН. Попомнишь, попомнишь...

МИРОН. Не пугай. Пуганые.

КОНСТАНТИН. Ладно.. Пошли, Нинок...

Уходят Константин с Нинкой. За ними, чуть погода, уходит в дом и Мирон Ермолаевич... В отблесках салюта появляется фигура Деда Захара. Он подходит к сараю, долго смотрит на алое пламя, нарисованное на стене, потом со стоном опускается на землю.

Затемнение.

Картина третья

Конец июня. Тот же двор. Ничего здесь с весны не изменилось. Только в стене сарая, чуть выше уровня земли, пробита дыра. Во дворе появляется Дед Захар. Он внимательно разглядывает стену сарая, заглядывает в дыру. Из-за сарая с ведром бежит в дом перепачканный бетоном Константин.

КОНСТАНТИН. Ты чего тут вынохиваешь? Ищешь, кого опять продать? (*Захар молча смотрит на Константина*.) Смотри, теперь и уши отрежут. Давай отсюда. Ну! Чего уставился? (*Захар идет на крыльцо дома Бабки Настя*.) У-у, немтырь... (*Убегает к себе в дом*.)

БАБКА НАСТЯ (*выходит из дома*). Ты зачем? (*Пауза*.) Иль принес чего? (*Захар протягивает письма*.) Дай-ка... (*Берет письмо*.) Мне?. (*Дед Захар молчит*.) Вот горе мне с тобой. Сейчас очки принеёу...

Уходит в дом. Дед Захар опять подходит к дыре. Константин выходит из дома, неся полное ведро воды.

КОНСТАНТИН. Опять? Интересно? Для вентиляции делаем. Не волнуйся, не испортим твое лобное место.

БАБКА НАСТЯ (*выходит на крыльцо*). Эй, Захар, дай-ка письмо.

КОНСТАНТИН (*Деду Захару*). Отдай и ходу отсюда. Нечего тут крутиться.

БАБКА НАСТЯ. (*Берет письмо, читает адрес*). Это Ксюше. (*Деду Захару*) Здесь она. (*Кричит в дом*.) Ксюша, письмо тебе. (*Деду Захару*.) Ну, иди, иди себе... (*Дед Захар уходит*.)

КСЮША (*выходит на крыльцо*). Мне, что ли, письмо?

БАБКА НАСТЯ. Тебе, тебе. От ухажера. Пляши.

КСЮША. От кого ж это?

БАБКА НАСТЯ. Пляши, говорю.

КСЮША. Будет тебе. Дай.

БАБКА НАСТЯ. Не отдам.

КСЮША. Отстань ты.

БАБКА НАСТЯ. Пляши.

КСЮША (*притоптывает*). Давай.

БАБКА НАСТЯ. Ещё... (*Поет*.)

Мой миленок разнелюбый
Разлюбил, не хочет знать.
Кто меня теперь под дубом
Будет ночкой целовать?..

КСЮША. Старая, а такая дурная. Давай уже.

Берет письмо.

От кого?

БАБКА НАСТЯ. Денис Максимыч не утерпел.

КСЮША. Что-то не разберу... Очки дома. Пойду.
 БАБКА НАСТЯ. Мои на.
 КСЮША. Да я уж своими. От твоих глаза устают... Пойду я...
 БАБКА НАСТЯ. Гляди, как затрепетала! Что тебе берёзонька на ветру.
 КСЮША. Тебе бы всё языком чесать... *(Уходит)*.
 БАБКА НАСТЯ *(вслед)*. Не помешайся там!.. *(Садится)*. Ой-ой-ешеньки... Седина в бороду, бес в ребро...

Во двор робко заходит Даша.

ДАША. Здравствуйте.
 БАБКА НАСТЯ. Здравствуй, милая. Проходи сюда.
 ДАША. Ванюшка не пришел ещё?
 БАБКА НАСТЯ. Нет пока. *(Пауза)*.
 ДАША. Извините... Тогда я пойду.
 БАБКА НАСТЯ. Куда ж ты так сразу? Посиди.
 ДАША. Да нет...
 БАБКА НАСТЯ. В такую даль ехала и — «пойду». Садись. Сейчас мы чаёк сообразим. Мы как раз с Ксюшей чаёвничать собрались, да тут, вишь, сердечное дело ей подоспело, а мне одной воду хлестать — это хуже, чем вино мужику. Садись, посиди, я сейчас... *(Даша садится)*. Иль, может, в дом пойдем? Там прохладней.
 ДАША. Не знаю...
 БАБКА НАСТЯ. Ну, давай здесь. И то верно. На воздухе оно всегда лучше... *(Из-за сарая появляется Мирон с решеткой в руках)*. Посиди... *(Бабка Настя уходит)*.
 ДАША *(Мирону)*. Здравствуйте...
 МИРОН. Здорово... *(Прилаживает решетку к дыре в стенке сарая)*. Ванюшке-то, вроде, с работы ещё рановато...
 ДАША. Ещё нет его.
 МИРОН. А ты ждешь, значит?.. Помирились? *(Пауза)*. Это хорошо, что пришла, правильно. Какая другая — только чего не так, она — фьют и на другую ветку, и пошла скакать... *(Пауза)*. Ты за Ванюшку держись. Он парень — что надо... *(Пауза)*. Чего молчишь?
 ДАША. А что говорить?
 МИРОН *(смеется)*. Это — конечно. Со стариками — какой разговор?
 БАБКА НАСТЯ *(выходит с подносом, на котором всё к чаю)*. Ты что, старый, к девке пристал?
 МИРОН. Нельзя, что ли?
 БАБКА НАСТЯ. Ты умой поди себя, да присядь к нам — вот тогда можно. А то на ходу!.. Какой разговор?
 МИРОН. Некогда.
 БАБКА НАСТЯ. Чего прилаживаешь?
 МИРОН. Вентиляцию. А то задохнёшься там.
 БАБКА НАСТЯ. Всё равно от бомбы заразный воздух туда пройдет.
 МИРОН. Когда надо, закрывать будем. А дышать — кислорода запасём.
 БАБКА НАСТЯ. Ой, дед! Всё ты мудришь!.. И зимой, и летом.
 МИРОН *(кивает на Дашу)*. Для них вот стараюсь. А ну как опять бомбы начнут швырять, куда прятаться? Да теперь бомбочки не то,

что в ту войну. Вон американцы, Нюрка пишет, все себе бункера понаделали. Им теперь, хошь не хошь, войю. Чтоб даром работа не пропадала. У них даром — сестра пишет — и дышать скоро запретят. Захочешь дыхнуть, баллончик — на, бери — купи. Это у нас всё на дармовщинку. Дыши — не хочу. Дед построит, а приспичит — разве он не выпустит отсидеться... *(Даше)*. Правда?

ДАША. Не знаю.

МИРОН. Вот то-то и оно...

БАБКА НАСТЯ. Ладно тебе. Человек в гости пришел, а ты на него хомут уже примеряешь. Костю своего запряг, аж дымится скачет, а на Дашеньку не зарься. Руки маленько коротковаты еще у тебя для неё.

МИРОН. Да я шутейно...

БАБКА НАСТЯ. Вот-вот и я так же. Иди себе. *(Мирон уходит)*. Прямо мироед какой-то стал... Как людей достаток портит... *(Смеется)*. Смотри, девка, не жирей.

ДАША. Я жирных не люблю..

БАБКА НАСТЯ. И правильно...

Появляется Ксюша.

ДАША. Здравствуйте. *(Пауза)*.

БАБКА НАСТЯ *(Даше)*. Разве она что сейчас услышит?.. *(Ксюше)*. Тебя, случаем, водичкой не окатить? А то, как бы ты не уплыви-лась.

КСЮША. Настасья... Ты погляди, чего он пишет...

БАБКА НАСТЯ. Ну-ка... Садись, чего стоишь.

КСЮША *(садится, читает)*. «Хватит дурака валять, мы уже не дети. Приезжай, или я приеду насовсем...». Вот.

БАБКА НАСТЯ. Слава богу!

КСЮША. Чему слава?

БАБКА НАСТЯ. Наконец-то, говорю!.. Сколько мучились?.. Почитай уж...

КСЮША. Полвека...

ДАША. Сколько?

БАБКА НАСТЯ. Сподобился... Это ж надо!.. *(Даше)*. Ты смотри, милая, да на ус мотай, как мужиков отваживать.

КСЮША. Кто его отваживал? Я что ли?

БАБКА НАСТЯ. Нет — я! *(Даше)*. Они еще перед войной целоваться к элеватору ходили. Я с Иваном моим, а она с ним. Всё у них, вроде, как у людей было, так нет — увидала его с Достоевским и ну воспитывать, учить уму-разуму. Комсомолка — а как же! Чего тебе Достоевский плохого сделал?

ДАША. А кто это?

КСЮША. Писатель такой был. Реакционный.

ДАША. Ах, да!..

КСЮША. А он его чуть ли не гением считал.

БАБКА НАСТЯ. Ну и что? Да пусть он хоть черта в ступе при себе держит, главное — ты что для него значишь. Если ты для него — свет в окошке, он через год, много два, не то что Достоевского, в кино дорогу

забудет, будет вон в телевизор глядеть себе... а если газету ему ещё выпишешь, он вообще ручной сделается. Ты только вожжи из рук не выпускай, да смотри, чтоб он вожжей этих не заметил. А то они мужики с норовом. Не дай бог показать им, кто в самом деле хозяин в доме.

ДАША. Как-то вы странно говорите...

БАБКА НАСТЯ. А ты слушай. Набирайся ума. Ксюша вон проморгала своего. Думаешь, она одна такая?

КСЮША. Чего я проморгала? В Красную Армию пошел он. По комсомольскому набору.

БАБКА НАСТЯ. Расписаться надо было сразу – вот чего. Растили бы сейчас себе внуков-правнуков.

КСЮША. Мы и так их вырастили. Разлетелись все уже...

БАБКА НАСТЯ. Ваши бы были. Общие.

ДАША. Теперь будут и общие.

БАБКА НАСТЯ. У кого? У них-то? *(Смеется.)* Да, да. Будут... Будут, ежели... Ох, уморила ты меня, внученька... Будут...

ДАША. А что?

БАБКА НАСТЯ *(вытирая слезы)*. Будут-будут... Да, Ксюша?..

КСЮША. Чего ржешь?.. Вот возьмем и назло тебе...

БАБКА НАСТЯ. Чего возьмете? *(Смеется.)*

КСЮША. Похабница ты, Настась Петровна. Как была, так ею и осталась.

БАБКА НАСТЯ. Не сердчай, Ксюша. Я же так... Девка больно хороша... Прямо дитё. Неужто и мы такие были?..

ДАША. Я не ребёнок.

БАБКА НАСТЯ. Ну да, ну да. Это я для неё только, чтоб она не сердчала на меня, а ты взрослая, конечно. Раз любить время подоспело, значит взрослая. Ванюшку только не упусти, а то теперь девки хваткие пошли. Я гляжу, он-то теленок ещё: ему сахарку дадут, он и потянется в стойло, глазом не успеешь моргнуть, его уж и след простыл.

ДАША. Подумаешь!..

БАБКА НАСТЯ. Не бросайся. Иль всё равно?

ДАША. Вы так говорите, как будто сватаете...

БАБКА НАСТЯ. Не сердчай, внучка. Я ведь Ванюшку любя... И ты мне по душе очень... Тебя вот сколько не было, а он черный ходит. Это хорошо, что ты пришла. Иногда и поступиться гордостью своей надо. Потом ещё наверх ступаешь, а пока уступи... *(Даша встала.)* Придет, придет он, не крутись. Почует, небось. Враз примчится.

ДАША. Он упрямый такой... Я бы не пришла, если б... Если б знала, что он придет... Так не придет ведь!..

БАБКА НАСТЯ. А я чего говорю?.. Уступи. Ксюша вот не смогла через себя переступить, и вся жизнь по-другому покатила...

КСЮША. Он тоже хорош! «Генералом свататься буду». Не меньше!.. А генералом – не так просто оказалось. И Петруха пороги стал обивать... Из чистильни. Куда деваться было?.. Вот так и сложилось... Даня потом тоже женился. Бобылём, что ли, ходить?.. А теперь вот на старости лет надумал... Как ты думаешь, Насть? Идти, что ль, за него?

БАБКА НАСТЯ. Ой, девка! Будто сама уж не решила. У Дашеньки ещё давай совета спросим.

ДАША. Конечно, надо выходить, баба Ксюша. Денис Максимыч вас любит.

КСЮША. Ты откуда знаешь?

ДАША. Это всем видно. Вы ведь тоже знаете, что у нас с Ванюшкой не «просто так». Правда?

БАБКА НАСТЯ. Правда, правда. Давайте чаю-то попьем, а то уж и вечер скоро... А может, чего-нибудь похлебаем? Как ты, Даша?

ДАША. Можно... Немножко.

БАБКА НАСТЯ. Чего водой надуваться? Вон и Матвей как раз с работы идет. Сейчас я. Быстро.

Во двор входит Матвей.

МАТВЕЙ. Даша, ты здесь? А я Ванюшку в городе встретил. Он к тебе поехал.

ДАША. Ой!.. Я – домой.

МАТВЕЙ. Куда? Он сейчас здесь будет. Без тебя чего ему там делать? Разминётся.

БАБКА НАСТЯ. И то правда. *(Даше.)* Сиди. Так верней будет. Пойдем лучше, поможешь мне.

КСЮША. А я что, уже не помощница? *(Женщины уходят. К столу подходят Мирон Ермолаевич и Константин.)*

МИРОН. Доброго здоровья.

МАТВЕЙ. Вам того же.

МИРОН. Отработал?

МАТВЕЙ. Разве эта работа? Опять кирпича не хватило. Поехал в управление – там комиссия, ни от кого ничего же добьёшься. Я в кабинет – не пустили!.. Скройся, говорят, чтоб духу твоего не было.

МИРОН. Понятное дело.

МАТВЕЙ. Комиссия!.. Решают, видите ли, они что-то. С кирпичом сначала бы разобрались!.. Заседатели...

КОНСТАНТИН. Распустились.

МИРОН. Ну.

БАБКА НАСТЯ *(выходит накрывать на стол)*. Ермолаич, давайте с нами обедать садитесь.

МИРОН. Нинка наготовила там чего-нибудь.

БАБКА НАСТЯ. Пусть сюда несёт.

МИРОН. И то верно. Всё веселее.

КОНСТАНТИН *(кричит)*. Нинка!

НИНКА *(выходит на крыльцо)* Чего?

КОНСТАНТИН. Давай, сюда обедать неси.

НИНКА *(деду)*. Правда, что ли?

МИРОН. Давай, давай. А мы пока пойдем помоемся.

МАТВЕЙ. Я тоже. *(Мужики расходятся, женщины хлопочут вокруг стола. Во дворе появляются Олег и Юля.)*

ОЛЕГ *(Бабе Насте)*. Мамаша, хозяина можно увидеть?

БАБКА НАСТЯ. Какой тебе хозяин нужен?

ОЛЕГ. Мы хотим комнату снять.

БАБКА НАСТЯ. Какую комнату?
 ОЛЕГ. Какую-нибудь. Почисти, если можно. Нам на месяц-полтора.
 БАБКА НАСТЯ. Мы не сдаем.
 ОЛЕГ. Мы ведь не бесплатно, мамаша.
 БАБКА НАСТЯ. Я понимаю, что не бесплатно. Только нам ваших денег не надо. Хватает.
 ОЛЕГ (*смеется*). Тогда бесплатно пустите.
 БАБКА НАСТЯ. Да нет, милоч.
 ОЛЕГ. Что так?
 БАБКА НАСТЯ. Стара я. Со своими бы управиться, а с вами тоже какие-никакие хлопоты... Вот, может, к вам, Нинка?
 НИНКА. Не знаю. У отца надо спросить.
 БАБКА НАСТЯ (*кричит*). Ермолаич!
 МИРОН. Иду.
 БАБКА НАСТЯ. Подь-ка сюда.
 МИРОН (*выходит*). Чего?
 БАБКА НАСТЯ. К тебе пришли.
 МИРОН. На какой предмет?
 ЮЛЯ. Здравствуйте.
 МИРОН. Здорово.
 ЮЛЯ. Мы бы хотели снять у вас комнату на лето.
 МИРОН. Зачем?
 ЮЛЯ. Отдохнуть. Поехали на море, а там только в сараях есть возможность...
 МИРОН. А вам, значит, хоромы подавай. Откуда?
 ОЛЕГ. Из Москвы. Мы студенты.
 МИРОН. Чего ж не в стройотрядах?
 ОЛЕГ. Так получилось.
 МИРОН. Понятно... (*Бабке Насте.*) Дай-ка с людьми поговорить.

Бабка Настя и Нинка расходятся.

Значит так. По полтора рубля с человека. Вы надолго?
 ЮЛИЯ. Думаем, на месяц, а там — как понравится...
 МИРОН. У нас понравится.
 ЮЛЯ. Надеемся.
 МИРОН. Деньги вперед. За весь месяц. Сегодня тридцатое... Трешник в день... Девяносто и три... Нет, постой, в июле 31 день, значит — 96.
 ЮЛЯ. Мы с завтрашнего дня.
 МИРОН. Хоть с четверга. А деньги — с сегодняшнего. Как бронь.
 ОЛЕГ. Идет. А с питанием как?
 МИРОН. Как!.. Можете с нами. Нинка всё равно готовит... Тогда ещё... По два рубля с носа.
 ОЛЕГ. В столовую будем ходить.
 МИРОН. Ваше дело... А если помогать будешь, я тут делаю кое-что, даром кормить буду.
 ОЛЕГ. Посмотрим.
 МИРОН. Чего смотреть? Часа три-четыре в день — не устанешь.
 ЮЛЯ. Можно комнату посмотреть?

МИРОН. Пойдем, посмотрим. (*Из дома выходит Константин.*)
 ОЛЕГ (*Юле*). Я тут подожду. Мне-то без разницы, где спать.
 ЮЛЯ (*Мирону*). Пойдемте. (*Мирон и Юля идут в дом. Константин подходит к столу. Дед Захар обходит вокруг сарая и, увидев направляющегося к дому Константина, прячется за крыльцо Бабки Насти.*)
 ОЛЕГ. Привет, Мосол.
 КОНСТАНТИН. Ты что, офонарел?!
 ОЛЕГ. Спокойно. Всё в норме.
 КОНСТАНТИН. Из окна кто-нибудь увидит — кранты.
 ОЛЕГ. Не услышат же.
 КОНСТАНТИН. Значит... как договорились!
 ОЛЕГ. Если всё сойдет, мы в расчете.
 КОНСТАНТИН. Ещё бы пару кусков подкинул.
 ОЛЕГ. Обойдешься. Хотя... Если больше даст, пожалуйста. Мне — тридцать, остальные — твои.
 КОНСТАНТИН. Он даст, держи карман шире... Эти бы забрать.
 ОЛЕГ. Попробуем... Были б только они у него.
 КОНСТАНТИН. Должны быть. Сестру ждет. Я ему десять отдал... те, что у тебя взял. Да и у него самого — будь здоров сколько. Лишь бы клюнул.
 ОЛЕГ. Посмотрим.
 КОНСТАНТИН. Ты только смотри, так не возьми. Мне милиция ни к чему.

Бабка Настя несет из дому кастрюлю. Вместе с ней Ксюша и Даша. Они тоже со снедью.

БАБКА НАСТЯ. Ну как, договорились?
 ОЛЕГ. Вроде.

Появляется Мирон с Юлей. Следом с кастрюлей идет Нинка.

ЮЛЯ (*Олегу*). Всё в порядке.
 МИРОН. Комната хорошая...
 ОЛЕГ (*встает*). Тогда до завтра. (*Подходит Матвей*).
 МИРОН. Деньги сейчас.
 ОЛЕГ. Завтра, приедем и рассчитаемся.
 МИРОН. Вы, может, передумаете, а до завтра, смотришь, ещё кто подкатит.
 ОЛЕГ (*усмехнувшись*). Ох, отец!.. Хорошо. (*Достаёт новенькие десятирублёвки, отсчитывает десять штук.*) Хватит пока.
 МИРОН. Ого!.. (*Рассматривает купюры.*) Тепленькие ещё... Не фальшивые?
 ОЛЕГ. Фальшивые, конечно. Как настоящие, да?
 МИРОН. Похожи... (*Прячет деньги.*) Сам печатаешь?
 ОЛЕГ. Конечно.
 МИРОН. Меня бы научил.
 ОЛЕГ. За чем дело стало? Хоть завтра.
 МИРОН. Ладно... А если поработать надумаешь, сдачу верну.

ОЛЕГ. Там видно будет... Счастливо.

БАБКА НАСТЯ (*Олегу*). Поели бы с нами. Небось, голодные?

ОЛЕГ. Спасибо. Мы привыкли. Жена на японской диете, а я перебысь. До завтра.

ЮЛЯ. До свиданья. (*Олег и Юля уходят*).

МАТВЕЙ (*Мирону*). Опять, что ли, жильцов пустил?

МИРОН. Опять.

МАТВЕЙ. Зачем это тебе? Денег не хватает?

МИРОН. Твое какое дело? Живешь себе и живи. А меня не учи.

МАТВЕЙ. Куда тебе их столько?

МИРОН (*миролюбиво*). Эх, Мотя... Думаешь, мне деньги эти нужны? Я, может, из принципа! Ты посмотри вокруг!.. Хозяйствовать народ разучился. Нету настоящего хозяина. Ни одного. Перевелся. Чуть у кого деньжата завелись – в распыл. Ладно бы на дело, а то ведь так, ни на что. На мотороллер! Ты вот своему игрушку купил, музыку слушать – зачем? Радио, что ль, нет?

МАТВЕЙ. Он просил. Что я – сыну на день рождения магнитофон не могу купить?!

МИРОН. Вот-вот. А он возьмет его и потеряет где-нибудь. Или стащат. И нет трехсот рубчиков.

ДАША. Он по улице с ним не ходит.

МАТВЕЙ. Он с ним – редко. Ну я иногда послушаю. Если нравится, что мне – жалко?

МИРОН. Ему – музыку, бабке телевизор цветной отгрохали, а работать на автобусе ездить.

МАТВЕЙ. А что?

МИРОН. У зятя бы моего поучился. Пришел в дом гол как сокол, а уже с машиной. Занял у меня, поднапрягся, хоть со скрипом, отдал... теперь – кум королю!

БАБКА НАСТЯ. Вырвал-таки свои денежки.

МИРОН. Это уж наше с ним дело. Перезанял – отдаст, а машина на ходу.

МАТВЕЙ. Зачем мне машина?

МИРОН. Конечно! Убаюкивать себя мы все умеем. Что-что, а этому мы научились. Перебьемся, мол, с хлеба на квас... А смотри, как выходит: дома хозяйствовать не хотим, и на работе не получается. И науку придумываем, и физкультуру, а дела нет. Потому как никому ничего не нужно. И дома на авось, и на заводе не лучше.

МАТВЕЙ. Лихо ты, дед, свои кулацкие замашки оправдываешь.

МИРОН. Не оправдываюсь я! Научить вас хочу дураков.

МАТВЕЙ. Философия твоя белыми нитками шита. Куркулей-то у нас – завались. Только каждый на себя одеяло тянет. На себя готов от зари до зари пахать. А для всех – извини-подвинься. Свою машину языком вылизываем. Десять-пятнадцать лет как новенькая, а государственную – год-два и на свалку. Почему?

МИРОН. Почему?

Во двор входит Ванюшка и, незамеченный, останавливается возле стены сарая.

МАТВЕЙ. Как раз потому, что куркулей много развелось. Каждый только о себе думает. Мне плохо! Мне плохо! А каково всем – наплевать. Колбасы нет – вот что главное, а то, что зубы на нас скалят волки и что мы от них от всех, от всего запада, отстают не имеем права, это пусть у других болит... Я себе, на всякий пожарный, бункер смастерю – и порядок...

МИРОН. Тебе, дураку, в нем и прятаться!

МАТВЕЙ. Не надо мне прятаться. Я, если что случится, и наверху ещё пригожусь. Это ты отсиживайся.

БАБКА НАСТЯ. Как в ту войну.

МИРОН. Что?

МАТВЕЙ. Что там в войну?! Сейчас не надо отсиживаться! Они ж нас «на понял» берут, гады. Жаль, пороха у нас не хватит за ними угнаться. Тут всем осознать надо.... Хрен с ним, с маслом.

КОНСТАНТИН. Вот ты и садись на хлеб и воду.

МАТВЕЙ. И сяду, если надо будет.

КОНСТАНТИН. Конечно. Если, как ты, отпускные в фонды раздавать... Ты вообще зарплату не получай! Глядишь – и про хлеб забудешь.

ВАНЮШКА (*Константину*). Не твое собачье дело.

ДАША. Ванюшка!.. (*Подскакивает к нему*).

МИРОН (*тяжело поднимается*). Кто это – в ту войну отсиживался? (*Пауза*.) А?!.. (*Бабке Насте*.) Я, если хочешь знать... У меня медаль! Я Ивана твоего... Не спас! Что мне – вместо него надо было стать? Вот сюда!.. Или рядом?.. Вы бы тогда все с голодухи... Эх, ненасытные!.. Ну, убейте меня сейчас!.. Сожрите!.. Нинка! Неси всё в дом. Не буду я с ними за одним столом сидеть. (*Уходит*).

НИНКА. Вот уж завелись... (*Собирает со стола*).

КОНСТАНТИН. Поесть по-человечески не могут. (*Помогает Нинке забрать свое со стола, и они уходят за дедом. Дед Захар выходит из укрытия*).

БАБКА НАСТЯ (*Захару*). Ты чего здесь? (*Тот уходит*.) Чего ходит, спрашивается?

МАТВЕЙ (*после паузы*). Садись есть, сынок.

ВАНЮШКА (*Даше*). Ты чего здесь?

БАБКА НАСТЯ. В гости пришла.

ВАНЮШКА (*Даше*). А я к тебе ездил...

ДАША. Я подумала...

ВАНЮШКА. Я тоже.

МАТВЕЙ (*сыну*). Садись, чего ты?..

ВАНЮШКА. Сейчас... Батя... Баба... Мы с Дашей пожениться решили.

БАБКА НАСТЯ. О, господи!

МАТВЕЙ. Когда?

ДАША (*Ванюшке*). Когда?

ВАНЮШКА. Завтра заявление понесём в ЗАГС.

КСЮША. Ну, это ещё через месяц.

МАТВЕЙ. Ну что ж... Что в таких случаях говорится?

БАБКА НАСТЯ. Благословлять надо...

Затемнение.

Картина четвертая

Солнечный день в конце июля. Тот же двор. За столом сидят Матвей и Юля. Они чистят свежую рыбу.

ЮЛЯ. Сколько её можно чистить?! Прорва!
 МАТВЕЙ. Сегодня много взяли. Я за отпуск пока четыре раза ходил, но чтобы столько... Может быть, потому что с Олегом пошли?
 ЮЛЯ. Ему везет.
 МАТВЕЙ. В рыбалке?
 ЮЛЯ. После. Пришел, рыбу бросил и завалился. Ему удовольствие, а тут — все руки исколола.
 МАТВЕЙ. Он на свадебный стол свою долю пожертвовал... Вы идите, отдохайте. Я дочищу.
 ЮЛЯ. Вот ещё!
 МАТВЕЙ. Без сноровки, конечно, тяжело.
 ЮЛЯ. Ничего. Я для разрядки ворчу. Разве я могу вас оставить? Одному тут работы на весь день.
 МАТВЕЙ. Спасибо... А то старушкам одним не управиться.
 ЮЛЯ. Вы давно один живете?
 МАТВЕЙ. Я не один живу.
 ЮЛЯ. Я про жену.
 МАТВЕЙ. Шесть лет.
 ЮЛЯ. Ушла?
 МАТВЕЙ. Умерла.
 ЮЛЯ. Да... Тяжело.
 МАТВЕЙ. Привык.
 ЮЛЯ. Ну уж!
 МАТВЕЙ. Не берет никто...
 ЮЛЯ. Не приbedняйтесь.
 МАТВЕЙ. Старый уже.
 ЮЛЯ. Дед ваш старый. А вам ещё грех жаловаться...
 МАТВЕЙ. Да и лень. Времени на вас жалко.
 ЮЛЯ. Если влюбитесь, время найдется.
 МАТВЕЙ. В кого?
 ЮЛЯ. В меня, например.
 МАТВЕЙ *(смеется)*. В вас, если б не Даша, Ванюшка мой мог влюбиться, а мне уже — разве что к Ксюше пристроиться.
 ЮЛЯ *(смеется)*. Там гусар ребра переломает.
 МАТВЕЙ. Олег помоложе. Он не то что ребра, и до головы добрать-ся может.
 ЮЛЯ. А что Олег?
 МАТВЕЙ. Муж.
 ЮЛЯ. А? Да.
 МАТВЕЙ. А что?
 ЮЛЯ. Да так... *(Пауза.)*
 МАТВЕЙ. Вам понравилось у нас?
 ЮЛЯ. Живем себе... А чтоб расписаться, всё руки не доходят.

МАТВЕЙ. Это — не дело.
 ЮЛЯ. Условности.
 МАТВЕЙ. Вам виднее.
 ЮЛЯ. Расписанные — не расписанные... Мешковке без разницы.
 МАТВЕЙ. Рано вам ещё о Мешковке думать.
 ЮЛЯ. Все там будем.
 МАТВЕЙ. Если так рассуждать... А я сразу понял, что вы не москвичи.
 ЮЛЯ. Почему?
 МАТВЕЙ. В Москве у меня сестра. У них выговор не такой. Они все там акают. «Кварят». А мы — «Гхаварым». И потом, наверное, только у нас кладбище в Мешковке.
 ЮЛЯ. Серьезно?.. А я не кладбище имела в виду... Мы, конечно, не из Москвы, это Олег любит хвастать. Для престижа. Мы из Житомира. У нас тоже своя Мешковка есть, только в нашей — сумасшедший дом.
 МАТВЕЙ. Почему Житомира надо стесняться? Какая разница: Москва, Житомир, Жмеринка — везде люди. В Москве тоже деревни хва-тает. Москва для меня... Одесский привоз, только большой очень.
 ЮЛЯ *(смеется)*. Остроумно.
 МАТВЕЙ. Подумаешь — Москва!.. Главное — кто я, а не где я... *(На крыльцо выходит заспанный Олег.)*
 ОЛЕГ. Привет рабочему классу.
 МАТВЕЙ. Иди помогать.
 ОЛЕГ. Это — без меня.
 МАТВЕЙ. Тунеядец житомирский.
 ОЛЕГ. Почему житомирский?
 МАТВЕЙ. Знаем.
 ЮЛЯ *(смеется)*. Раскусил он нас... Поговору. *(Матвею.)* Извините, я сейчас... *(Подходит к Олегу.)* Я ему сказала, что мы из Житомира.
 ОЛЕГ. Дура!..
 ЮЛЯ. Не психуй. *(Громко.)* Пойдем купаться?
 ОЛЕГ *(зевает)*. Ну её... Я ещё вздремну... *(Юле.)* Надо сегодня всё проверить.
 ЮЛЯ. Влипнем.
 ОЛЕГ. Ша, детка. Где старик?
 ЮЛЯ. В бункере.
 ОЛЕГ *(подходит к сараю, кричит в вентиляционную дыру)*. Дедуля, живой?
 МИРОН *(снизу)*. Помаленьку.
 ОЛЕГ. Помощь не нужна?
 МИРОН. Кончаю уже. Раньше надо было вставать.
 ОЛЕГ. Как знаешь... *(Идет к Юле.)* Пойду товар приготовлю.
 ЮЛЯ. Я боюсь, Олег.
 ОЛЕГ. Пойдем... *(Матвею.)* Если не возражаешь, я заберу даму.
 МАТВЕЙ. Идите, идите. Я дочищу.
 ЮЛЯ. Спасибо, Матвей Иванович. *(Олег и Юля уходят в дом.)*
 МИРОН *(Появляется перепачканный)*. Чистишь? Баб, что ли, нет?
 МАТВЕЙ. Бабка к Ксюше ушла. Холодец на завтра готовят.

МИРОН. Какова Ксюша!.. А?!.. Ты не знаешь – она к нему, или Максимыч сюда?

МАТВЕЙ. Не знаю.

МИРОН. Сюда переедут. Квартиру в городе продаст, возьмет тысяч пятнадцать и переедет.

МАТВЕЙ. Она у него государственная.

МИРОН. Какая разница?!.. Послушай, Матвей... Мне бы мешка три цемента.

МАТВЕЙ. Ну?

МИРОН. Что «ну»? Не хватает чуть-чуть. Надо до конца дело довести.

МАТВЕЙ. Доводи. Я тут при чём?

МИРОН. Что ты дурачком прикидываешься? Трудно тебе, что ли, со стройки взять?

МАТВЕЙ. Дед, ты соображай, что говоришь.

МИРОН. Я что, задаром? Заплачу. На свадьбу деньги пригодятся.

МАТВЕЙ. Дед... Я не посмотрю, что ты брат моего отца...

МИРОН. Ладно, не кипятись. Знаю, не возьмешь. Если сам государству даришь, это уж и врачи не помогут...

МАТВЕЙ. Полегче.

МИРОН. Да шучу, что ты на самом деле!.. Можно ведь и по-честному. Выпиши у себя там. Неужто бригадира не уважают?

МАТВЕЙ. Кто мне выпишет? У нас лимиты. Цемента и так в обрез, еле-еле дыры латаем...

МИРОН. Воруют потому что! Все кому не лень, кому надо и не надо... Машинами продают...

МАТВЕЙ. Вот у них и покупай.

МИРОН. И куплю, что ты думаешь? У тебя, что ли, спрашивать буду!

МАТВЕЙ. Я сам у тебя спрошу. И я, и другие спросят.

МИРОН. Заложить?

МАТВЕЙ. Надоело так жить, дед! Я строю, а вы мне палки в колеса!.. Я и так построенные свои дома за версту обхожу, чтоб не слышать, как жильцы меня матерят.

МИРОН. Правильно делают.

МАТВЕЙ. Не меня, положим. Плотников, сантехников. Но дом-то – наш общий. Людям наплевать, кто виноват. Им жить по-человечески хочется.

МИРОН. Из-за мешка цемента все краны в городе потекут.

МАТВЕЙ. На Колодезной козырек у подъезда обвалился из-за чего?

МИРОН. Из-за меня.

МАТВЕЙ. Уйди, дед. Не трепли мне нервы. Иди в магазин и покупай.

МИРОН. В какой? Укажи... Было б что в магазинах – унижался б я перед тобой...

МАТВЕЙ. На спор! Через магазин куплю тебе цемент.

МИРОН. Купишь. Через гастроном.

МАТВЕЙ. Без гастронома.

МИРОН. Купи.

МАТВЕЙ. Куплю.

МИРОН. Ага, купишь... Покупала... Ты вон строй, как надо, чтоб козырьки у тебя не обваливались, а мы уж сами как-нибудь.

МАТВЕЙ. У меня не обваливаются.

МИРОН. Ни у кого ничего не обваливается. На словах. Зачем деньги назад отдаешь? Стыдно за свою работу! Жжет руки-то?

МАТВЕЙ (*смеется*). Ну-ну.

МИРОН. Не нукай, не запряг... Мы для вас отстояли, а вы... Хотя бы чуть-чуть совесть имели. Работнички. Как сам в развалюхе живешь, так и строишь. Подъезды проваливаются!.. За что только орден тебе дали?!..

МАТВЕЙ. Вот ты занудный!.. Уйди от греха.

МИРОН. Мне идти некуда. Я в своем доме!.. Не выгонишь!.. А я вот тебя... (*Кричит.*) Алексей!.. Выйди-ка...

ОЛЕГ (*выходит с Юлей*). Что случилось?

МИРОН. Вы как?! Думаете съезжать?

ОЛЕГ. Еще месяц не прошел.

МИРОН. Знаю. Я тоже считать умею. Грамотный. А только надоели вы мне хуже горькой редьки. К первому чтоб вас не было,

ЮЛЯ. Что вы так на нас, Мирон Ермолаевич? Мы завтра на Ванюшкиной свадьбе собираемся погулять. Нас Матвей Иванович пригласил...

МИРОН. Вот к нему и перебирайтесь, а с меня довольно.

ОЛЕГ. Не пойму... Может быть, мы вам должны что-нибудь?

МИРОН. А то нет! Газом пользовались? По ночам чтения разводите, а мы ещё до коммунизма не дожили, у нас за потребности пока что денежки платить надо.

ОЛЕГ. Сколько?

МИРОН. На восемнадцать рублей сорок четыре копейки нагорело.

ОЛЕГ (*смеется*). Сейчас... (*Уходит.*)

МИРОН. Ничего смешного... Деньги вам всё равно впустую. Рас-транжирите. А у меня хозяйство. Надо. Они же как вода. Цемент вон покупать надо. Кабы я их печатал...

ЮЛЯ. Матвей Иванович, простите, вы дочистите? Я хочу пойти искупаться.

МАТВЕЙ. Идите.

ЮЛЯ. Спасибо. (*Уходит со двора*).

МИРОН. Ишь, фыркнула...

МАТВЕЙ. Не позорился бы хоть перед чужими...

МИРОН. А мне с них воду не пить. Пусть пофырчат. Им же, теперешним, деньги разве, как нам тогда, достаются? Родители ишачат, а они на ветер пускают.... У меня они целей будут. (*Пауза.*) Ванюшка-то где?

МАТВЕЙ. Кольца поехали покупать.

МИРОН. Мои тоже в ювелирный собирались. Вместе, что ли, поехали?

МАТВЕЙ. Ага.

МИРОН. Чего он там возится? Пойти посмотреть ...

МАТВЕЙ. Да успокойся. Принесет...

Во двор вбегает Нинка.

НИНКА. Дед. Дай десятку.

МИРОН (*Матвею*). А ты говоришь, куда деньги! (*Нинке.*) Зачем? Иль без денег поехали?

НИНКА. Сережки купили. А на обратном пути «Волгу» зацепили. Мотор не заводится, а даром никто не везет.

МИРОН (*Матвею*). Нет, ты видишь?! В могилу они меня сведут с этой машиной!.. Как выедут, так обязательно!.. Нет у меня денег!

МАТВЕЙ. Сами-то целы?

НИНКА. Костя лоб поцарапал.

МАТВЕЙ. А Ванюшка с Дашей?

НИНКА. Не было их. Они в городе остались.

МИРОН. Зачем вам машина? Людям она — подспорье, а тут — одно наказание...

НИНКА. Быстрей, дед. После ворчать будешь... А то опять машину заберут — больше платить придется.

МИРОН. Не дам. Хватит... Нет у меня для вас ничего. Нет!.. (*Кричит.*) Алексей!.. Долго мне ждать?!.. (*Нинке.*) Подожди, я сейчас... (*Идет, в дом.*)

Затемнение.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина пятая

Комната Олега и Юли. Кровать, стол, пара стульев. На столе — громоздкий аппарат, привлекающий внимание изяществом линий и блеском хромированных деталей. Аппарат подключен к сети. Из его недр слышны шумы, характерные для работающей машины. В комнате — Олег. Он возбуждённо ходит из угла в угол. Входит Мирон Ермолаевич.

МИРОН. Долго мне ещё ждать прикажешь?

ОЛЕГ (*Подбирает с пола две десятирублевки*). В чем дело?

МИРОН. Что это у тебя за бандура?

ОЛЕГ. Я вас, кажется, предупреждал, чтобы к нам без стука не входили.

МИРОН. На. (*Стучит в дверь.*) А теперь скажи, что ты тут вытворяешь?

ОЛЕГ. Деньги делаю, не видите, что ли?

МИРОН. Какие деньги?

ОЛЕГ. Советские. Сколько я вам должен? Восемнадцать, вы сказали? Вот два червонца. Сдачи не надо.

МИРОН. Это что?

ОЛЕГ. Что «что»? Денег никогда не видели? (*В аппарате что-то щелкнуло и из прорези в нижней его части вылетел новенький червонец. Олег подбирает его и протягивает деду.*) Берите.

МИРОН. Фальшивые?

ОЛЕГ. Настоящие.

МИРОН. За это дело знаешь, сколько дают?

ОЛЕГ. Вы что, доносить собираетесь?

МИРОН. А ты как думал?

ОЛЕГ. Думал, вам это ни к чему.

МИРОН. Не грози. Я пуганный. (*Приоткрывает дверь.*) Сейчас Матвея позову — вдвоем мы тебя как-нибудь осилим.

ОЛЕГ. Вам деньги не нужны?

МИРОН. Такие — нет?

ОЛЕГ. Нормальные деньги.

МИРОН. Там разберутся.

ОЛЕГ. Сдавайте. Если вам такой аппарат не нужен, зовите контору. Только польза вам какая от этого?

МИРОН. Польза, говоришь? Пользы никакой... (*Рассматривает купюры*). Как настоящие.

ОЛЕГ. Они и есть настоящие. На монетном дворе такие же машины стоят. Сдублировано один к одному.

МИРОН. Так я тебе и поверил. (*Кричит в дверь.*) Нинка, поди сюда!

ОЛЕГ. Дело ваше... Я-то думал вам пригодились бы... в хозяйстве.

МИРОН. И те сто рублей отсюда? Которыми со мной расплачивался?

ОЛЕГ. Разумеется...

МИРОН. Ты же, гад, мог меня под монастырь подвести!.. Я тебя за это!

ОЛЕГ. Спокойно, дядя. Работа чистая. Вы их уже истратили?

МИРОН. А если б попался?.. (*Кричит.*) Нинка!..

ОЛЕГ. Говорят же вам — это настоящие банкноты. Посмотрите — даже номера разные.

МИРОН (*рассматривает деньги*). 38, 39, 40... (*Нинка пытается войти в дверь. Олег выключает аппарат. Дед Мирон не пускает её.*) Возьми червонец.

НИНКА. Ага. Я побегу.

МИРОН. Да смотрите там, совсем не раскурочьте. (*Закрывает дверь.*) Нахлебники. А водяные знаки?.. Их же нельзя подделать!..

ОЛЕГ. При желании всё можно. Если интересно, могу показать весь процесс.

МИРОН. Ну.

ОЛЕГ. Вот сюда закладывается рулон утолщенной кальки. Химический состав абсолютно идентичен с настоящей. Собственно, это та же самая бумага. В этой ёмкости — раствор на восковой основе, который наносится на матрицу водяных знаков. Делается оттиск. Здесь, в этих цилиндрах — краски. Попробуйте, они не стираются. Нюхайте, жуйте, прокипятить можете — всё по-честному.

МИРОН. А номера как меняются?

ОЛЕГ. Электросчетчик у вас стоит?

МИРОН. Ну.

ОЛЕГ. Тот же принцип. Единица времени, затраченного на процесс изготовления, совпадает с единицей расхода электроэнергии, необходимой для этого. Этим достигается последовательность нумерации. Понятно?

МИРОН. Так ты чего?.. Продать мне эту беду хочешь?

ОЛЕГ. Кто вам сказал?

МИРОН. Ты дурака-то со мной не валяй. Так бы я всё это хозяйство и увидел, если б ты не захотел. Ты малый, видать, крученный.

ОЛЕГ (*смеется*). Да... Это есть... Понимаете, мы в Москве... В Москве квартиру снимаем. Старушка одна приходит убирать, готовить – домработница, короче, Юльке лень при таких деньгах корячиться... Ну и один раз комнату, где всё это хозяйство стояло, закрыть забыли. Старушенция, конечно, может, и не заходила туда, а если заходила, вряд ли что поняла, но, на всякий случай, надо от машины избавляться. Береженого Бог бережет.

МИРОН. Да... Что же мне с тобой делать?

ОЛЕГ. Смотрите сами..

МИРОН (*изучает деньги*). Ох, не знаю...

ОЛЕГ. Вы же их уже пробовали в деле.

МИРОН. Это дело такое.... Один раз пронесет, второй, а на третий как раз и попадешься. Продавцы всякие бывают. Попадётся какая-нибудь стерва, которая кумекает в этом деле, и загремишь.

ОЛЕГ. Опять – двадцать пять!.. Хотите, давайте в банке проверим.

МИРОН (*смеётся*). Мол: «Товарищи дорогие, проверьте, не фальшивый ли червонец?». А они: «Почему сомнение такое?»... И с приветом?..

ОЛЕГ. Порвать пополам можно и принести, сдать. Там меняют. Так и так, мол. Порвал, случайно...

МИРОН. Это можно.

ОЛЕГ. Поехали.

МИРОН. Давай.

ОЛЕГ. Чего?

МИРОН. Червонец.

ОЛЕГ. Да вон же у вас в руках.

МИРОН. Чего это я свой буду рвать! Ещё сделай.

ОЛЕГ (*смеясь, включает аппарат*). Ну ты и жаден, дед!..

МИРОН. Ничего, ничего. Сделай. Хочу ещё посмотреть.

ОЛЕГ. Мне не трудно.

МИРОН. И сколько ты за него хочешь?

ОЛЕГ. Об этом – после. Сначала убедитесь, что всё по-честному, а потом и о цене поговорим. (*Слышен щелчок, из аппарата вылетает червонец, дед Мирон подбирает его.*)

МИРОН. Жалко рвать...

ОЛЕГ. Нельзя быть таким скупердяем, дедуля. Вернут ведь такой же.

МИРОН. Рви сам. Я не могу. (*Отдает Олегу десятку.*)

ОЛЕГ (*смеясь*). Не сотвори себе кумира. (*Рвет купюру.*) Вот так.

МИРОН. А на много бумаги у тебя тут?

ОЛЕГ. Считай, дед: каждая купюра 60 на 130 миллиметров... (*Щелчок. Из аппарата вылетает червонец, Олег подбирает его и кладет в карман.*) Ширина рулона – метр. Метр на 120 – выходит восемь штук в одном ряду. В квадратном метре помещается 128... (*Ещё щелчок, вылетает ещё одна купюра. Олег прячет и её.*) 1280 рублей. В каждом рулоне – сорок метров, а у меня четыре рулона с собой...

МИРОН. Без этого?

ОЛЕГ. Без. Этот скоро закончится.

МИРОН. Сколько это получается?

ОЛЕГ. Считай. Я пока деньгами запасусь. (*Прячет ещё одну вылетающую из аппарата купюру.*)

МИРОН. Э. Э!.. Хватит. Выключай. Нечего краски тратить.

ОЛЕГ. Хватит и на твою долю.

МИРОН (*выдергивает шнур из розетки*). Пошли, говорю.

ОЛЕГ (*смеясь, накрывает аппарат чехлом*). С тобой, дед, не соскучишься.

МИРОН. Тебе бы всё зубы скалить! Пошли.

ОЛЕГ. Сейчас...

МИРОН. Черт! Машины нет...

ОЛЕГ. Тачку поймаем.

МИРОН. Поймаешь тут у нас. Скорей пешком дотопаешь... Сколько сейчас? Часа три?

ОЛЕГ. Без двадцати.

МИРОН. Черти полосатые! Опять машину ухайдакали!.. Прямо вредители... Вот скажи, зачем она им? Как выедут, так обязательно что-нибудь не так. День ездят – неделю в гараже...

ОЛЕГ. Так что? Поедем?

МИРОН. Боюсь, закроют банк, пока доберемся. Часа три проеდიшь – и без толку.

ОЛЕГ. Можно и потом проверить. Помоги-ка.

МИРОН. Чего?

ОЛЕГ. Аппарат спрятать.

МИРОН. Погоди... Успеешь...

ОЛЕГ. Войдет кто-нибудь. Увидит...

МИРОН. Сколько, говоришь, ты за него просишь?

ОЛЕГ. Что без толку торговаться? Завтра в банк съездим, убедишься, тогда и разговор будет.

МИРОН. Зачем мне банк? Я и сам не хуже твоего банка соображаю. Сколько?

ОЛЕГ. Сорок.

МИРОН. Сколько?!

ОЛЕГ. Сорок тысяч.

МИРОН. Побойся бога! Сорок тысяч!..

ОЛЕГ. У тебя их через две недели двести будет.

МИРОН. Да, сейчас!.. А чего ты их сам себе не настрогал, двести-то тысяч?..

ОЛЕГ. Где? Я ж тебе говорю, сматываться пришлось из дома... Забрали самое необходимое и сюда. Кое-что припасли, но это – так, на мелкие расходы. Теперь туда дороги мет. Хотели здесь поработать, да с вашими родственниками не больно постучишь...

МИРОН. Сказал бы мне, нашли бы место.

ОЛЕГ. В Туруханском крае? Спасибо.

МИРОН. На здоровье. Покажи ещё разок.

ОЛЕГ. Берешь?

МИРОН. За сорок не беру, а за двадцать – сейчас, не глядя.

ОЛЕГ. Договоримся так: Я никогда не торгуюсь. Или бери за сколько сказал, или «До свиданья, наш ласковый Мишка».

МИРОН. Где я тебе такие деньги возьму?

ОЛЕГ. Какая мне разница?

МИРОН. Ну, тридцать — я еще понимаю...

ОЛЕГ. Короче.

МИРОН (*Выходя из себя*). Да что ты меня за горло берешь?! Думаешь, с неба они падают... Тысячи...

ОЛЕГ. Не ори. Услышат.

МИРОН (*шепотом, но тоже очень активно*). Сам возьми попробуй хоть рубль горбом своим заработать... (*Олег молчит.*) На пятерку продашь, а убытков... Руки посмотри у меня какие! А радикулит, а сердце?..

ОЛЕГ. Да, да...

МИРОН (*продолжает говорить страстно, но шепотом*). Каждый цветок, каждую ягодку обнюхиваешь, как ревизор бухгалтера.

ОЛЕГ. Теперь понятно, почему ты так деньги любишь.

МИРОН. Кто их не любит?

ОЛЕГ. Бухгалтером работал?

МИРОН. Ревизором... немного пришлось.

ОЛЕГ. Последний раз спрашиваю: берешь за сорок?

МИРОН. Беру, шут с тобой, подавись ты ими.

ОЛЕГ. Деньги на бочку.

МИРОН. Погоди... Давай ещё проверим.

ОЛЕГ. Сколько можно проверять?!

МИРОН. А как же? Коню и то в зубы глядят, ежели не дареный, а тут, чай, не кобыла...

ОЛЕГ (*снимает чехол*). Проверяй, мне-то что? (*Включает аппарат.*)

МИРОН. А когда бумага кончится? Или краски?

ОЛЕГ (*достает из чемоданов банки, бумагу*). Вот... Запас.

МИРОН. А когда и это опорожнится?

ОЛЕГ. Через год опять приеду, привезу. (*Подбирает вылетевший из аппарата червонец.*)

МИРОН. Ты приедешь! Как же! Тебя потом ищи-свищи.

ОЛЕГ. Даром, конечно, не приеду.

МИРОН. А как же?.. Опять, что ли, платить тебе сорок тысяч?

ОЛЕГ. Двадцать процентов. Привезу на двести, отдашь сорок, на сто — двадцать... (*Опять подбирает червонец.*) Если и не приеду, то купить двести тысяч за сорок совсем не худо.

МИРОН. Эй, эй! Куда деньги забираешь? Это мое теперь!

ОЛЕГ. Не спеши, дедушка. Заплати, тогда всё твое будет.

МИРОН. Так мы уже договорились!

ОЛЕГ. Мне деньги нужны, а не слова. (*Подбирает ещё червонец.*)

МИРОН. Ну-ка выключи, раз так. Нечего переводить... Отключи, я тебе говорю!

ОЛЕГ. Пожалуйста... (*Выключает аппарат.*)

МИРОН. Сейчас принесу... (*Дед Мирон уходит. Олег, после паузы, снимает с аппарата металлическую пластинку, заглядывает в углубление. Усмехнувшись, вырывает из записной книжки листок бумаги и что-то пишет на нём. В комнату входит Юлия.*)

ЮЛЯ. Ну что?

ОЛЕГ. Вали отсюда. Быстро,

ЮЛЯ. Чего ты вызверился? Не вышло, что ли?

ОЛЕГ. Всё как по нотам. Только уйди пока. Ещё спугнешь. Будь во дворе. Может быть, сразу и смотаемся.

ЮЛЯ. А может, бросим?.. Боюсь я. Да и смотреть им в глаза... Они как дети верят...

ОЛЕГ. Матвей, что ли?

ЮЛЯ. Давай уедем, Олег. Ну их.

ОЛЕГ. Сейчас.

ЮЛЯ. Не могу я больше... Нас за людей считают, а мы...

ОЛЕГ. Ой, ой.

ЮЛЯ. Хватит издеваться. Я тебе не кукла. Нашел дурочку.

ОЛЕГ. Заткнись! Услышат.

ЮЛЯ. Пусть! Лучше сразу, чем всё время ждать! Ждать, ждать...

ОЛЕГ. Истеричка!.. (*Бьет её по щеке.*) Давно не получала?

ЮЛЯ. Не трогай меня!

ОЛЕГ. Прекрати!

ЮЛЯ. Ничтожество!

ОЛЕГ. Хуже будет.

ЮЛЯ. Не будет. Хуже, чем с тобой, не может быть. Ты мне омерзитель, понимаешь? У тебя же ничего за душой.

ОЛЕГ (*ласково*). Юленька, успокойся... Ну, что ты?.. Всё будет хорошо, вот увидишь. Это нервы...

ЮЛЯ. Не прикасайся ко мне!

ОЛЕГ. Завтра всё кончится. Завтра отдохнем уже... Юленька...

ЮЛЯ. Уйди...

ОЛЕГ. Не бойся, глупенькая.

ЮЛЯ. Уйди! Уйди! Уйди!..

ОЛЕГ. Все будет хорошо. Не бойся.

ЮЛЯ. Как я тебя ненавижу!

ОЛЕГ. Хорошо, хорошо. Иди погуляй. Искупайся... Иди, иди... А то он сейчас войдет...

ЮЛЯ. Мерзавец ты... И я... тоже...

ОЛЕГ. Потом. Завтра поговорим.

ЮЛЯ. А если...

ОЛЕГ (*улыбаясь*). Никаких «если». Иди. (*Выпровождает её.*) Только глупостей не натвори. Сходи в кино. Я тут быстро...

ЮЛЯ. Тогда я вещи сразу заберу...

ОЛЕГ. Зачем тебе это барахло? Не успеем забрать — обойдемся.

ЮЛЯ. За сколько?

ОЛЕГ. Иди, иди. Не слезь. (*Юлия уходит. Олег вкладывает листок в углубление и закрывает его пластинкой. Входит дед Мирон с металлическим ящичком в руках.*)

ОЛЕГ. Не бойшься свои сокровища дома держать?

МИРОН. Ты попробуй найди их у меня...

ОЛЕГ. Подальше спрячешь — поближе возьмешь?

МИРОН. Ну... (*Ставит ящичек на стол.*) Только у меня такое дело, понимаешь... Денег у меня столько не наберется... Сестра не сегодня

завтра приедет из Америки. Я для неё золотишка накопил... (*Открывает ящичек.*) Деньгами только двадцать с мелочью... Золотом возьмешь?

ОЛЕГ. Ты что дуришь меня, старик? Куда я с ним?

МИРОН. Да его продать — раз плюнуть. Ещё и с наваром будешь. Я тебе по госцене отдам. У меня на каждой вещичке бирка есть... (*Достает перстень.*) Видишь?

ОЛЕГ. Нет, дед. Так не пойдет.

МИРОН. Подойдешь к ювелирному, у тебя его с руками оторвут.

ОЛЕГ. С головой.

МИРОН. Чего ты боишься?

ОЛЕГ. Милиции. Бойцов незримого фронта.

МИРОН. Ну, нету у меня больше двадцати!

ОЛЕГ. А покупать лез?

МИРОН. Я тебе говорил: давай за двадцать. Ты ж не захотел... А может, за двадцать уступишь?

ОЛЕГ. Двадцать мне мало.

МИРОН. Как знаешь... А иконами не интересуешься?

ОЛЕГ. Я атеист.

МИРОН. Дурак. За них знаешь, какие деньги можно взять?.. Валюту!..

ОЛЕГ. Я не по этому делу, дед.

МИРОН. Тогда золото возьми.

ОЛЕГ. Золото, золото!.. У тебя его на сколько?

МИРОН. С головой хватит.

ОЛЕГ. На двадцать тысяч?

МИРОН. Больше.

ОЛЕГ. Это много. Пару перстенёчков я бы взял... брошку вот эту... А остальное куда?

МИРОН. Вот ты, боже мой! Ну, хочешь, я завтра сам пойду продавать? За неделю — всё заберут.

ОЛЕГ. Ага. Вместе с тобой.

МИРОН. Я по одной штучке носить буду.

ОЛЕГ. Как раз через год всё и продашь... Ладно! Давай твоё золото.

Протягивает руки к ящичку.

МИРОН. Погоди, не гони картину. Бери бумагу, записывай... (*Олег достаёт ручку, бумагу, дед надевает очки. Достает из ящичка по одной вещичке, называет её стоимость и передает вещь Олегу.*) Кольцо обручальное 118 рублей... Да, перстень ты забрал — 486 он стоит. Колье...

ОЛЕГ. А проба какая?

МИРОН. Не волнуйся. Нюрка дерьмо брать не будет. 241.84.165...

ОЛЕГ. Куда ей столько?

МИРОН. Так там у них оно дороже. Вот она и ездит. 318. 121... Мне шмотки привозит, присылает тоже, а отсюда — золотишко. 824.197

ОЛЕГ. Иконки тоже для неё?

МИРОН. Ну!.. Они там помешались на наших иконах.

ОЛЕГ. А через таможеню как?

МИРОН. Выдумывает, стерва, чего-нибудь. Когда через дипломатов,

сунет им колечко такое вот... 213... Их же не проверяют... А когда и так... 417... Один раз, паскуда, взяла платок носовой, наплевала туда, насморкала, вроде грипп у неё, а туда контрабанду... Сходит пока... 385...

ОЛЕГ. Тварь.

МИРОН. Ну! 241, 224, 118, 90...

ОЛЕГ. А как она туда попала? В Америку.

МИРОН. В войну. 365, 417, 197... Она тут с немцами блудила... А как наши стали подходить, с ними и ушла. Гестаповец один, в начальниках у них ходил, подобрал её. 165, 384, 183...

ОЛЕГ. Наших закладывала?

МИРОН. Нет. Этого не было. 538, 269, 311...

ОЛЕГ. Было. Если б не было, не смылась бы.

МИРОН. Не скажи, в войну народ не простил бы ей. Это сейчас боль отошла от тех бед. Приезжает вот, и никто ей ничего... 216, 197, 118... Не любят, конечно, но такого... Камнем, правда, однажды запустили, неделю отлёживалась... 167, 365, 211. А тогда бы могли и самосудом кончить. Больно уж народ натерпелся, в каждом дворе, считай, кого-нибудь да убили. Кого на фронте, а кого и так... 137, 216, 90... Брата моего прямо здесь, во дворе, расстреляли. Возле гаража... 561, 215, 398...

ОЛЕГ. Партизанил?

МИРОН. Да... Пошли они вдвоем в город... На связь с городскими. И как раз возле нашего села в засаду попали... Ну, понятно, домой. К нам... А дома Настя с тремя, мал мала меньше, Матвею чуть больше трех было... и мы с Кланей покойницей... Вот... Притащил Иван Дениса. Того, который сейчас с Ксюшей. Максимыч без памяти, раненый. Иван его в сарай затащил — и в подпол. Немцы за ними в село...

ОЛЕГ. Ты доставай, доставай. Говори между делом.

МИРОН. 213, 307, 265... Сколько там уже?

ОЛЕГ. 10 207 пока. Ещё столько же.

МИРОН. Не ошибись.

ОЛЕГ. Не бойся, считать я умею.

МИРОН. Смотри. Я знаю, сколько у меня было... 113, 90, 224, 417, 417, 605...

ОЛЕГ. Ого. Крупные пошли...

МИРОН. 90, 137, 167... Сглазил.

ОЛЕГ. Ну, и как их нашли?

МИРОН. Да как? Оцепили село, народ согнали... «Если не отдадите партизанен, всё пожжем, людей в расход».

ОЛЕГ. Не отвлекайся.

МИРОН. 364, 269, 311, 538... Все молчат, толпой молчать легче. Тогда они... 90, 174, 449, 318... Стали поодиночке... Захарка и выдал. Указал на наш двор...

ОЛЕГ. Пытали, наверное.

МИРОН. Не так чтобы очень... Прикладом по мордасам. Кому зубы, кому нос своротили. Захарке больше всего досталось. Еле отходили потом... 197, 365, 269, 391, 113, 224, 417...

ОЛЕГ. Дальше.

МИРОН. Дальше ворвались к нам. Всё перерыли — нет Ивана. И в

погреб лазили – не нашли. Там у нас за бочками дыра, мы пацанами там хоронились... 84, 241, 449... Взялись палить... Настасью с Мотькой к стенке... «Иван, выходи, иначе паф-паф. Жену, ребёнка». Настасья кричит: «Не слушай их!»... 371, 269, 311, 538...

ОЛЕГ. Вышел?

МИРОН. Да. *(Пауза.)* Любил он их сильно... Спас... *(Пауза.)*

ОЛЕГ. Село бы тоже сожгли, если б не вышел. Всех...

МИРОН. 118, 211...

ОЛЕГ. А ты бы вышел?

МИРОН. 219, 147, 192...

ОЛЕГ. Досталось всё-таки людям горя тогда... Дядя у меня тоже без вести пропал... *(Пауза.)*

МИРОН. Сколько там?

ОЛЕГ. Стоп!.. 20 088. Даже лишние.

МИРОН. Верни одну. Там есть на девяносто рублей.

ОЛЕГ. Ладно тебе мелочиться!

МИРОН. Давай ищи. Нечего!

ОЛЕГ *(ищет)*. А как подполковник спасся?

МИРОН. Настасья выходила. Они Ваньку шлёпнули и уехали, а Максимыч в подполье остался.

ОЛЕГ. Жалко брата?

МИРОН. А ты как думаешь?

ОЛЕГ. Я думаю, может, запалить нам этот агрегат?

МИРОН. Ты на, деньги свои пали. *(Отдает ему пачку денег.)*

ОЛЕГ *(пересчитывая их)*. Нет, дед! Мы с тобой из подполья не выйдем. Гори оно всё огнем! Да?

МИРОН. Ты, жулик, меня с собой не ровняй. Я своё отвоювал!.. Мне доживать осталось... Я заслужил!.. Забирай свои деньги и катись отсюда к чертовой матери, чтоб я больше тебя не видел!

ОЛЕГ. Потихе, потихе, старичок. *(Бросает ему колечко.)* Вот возьми на счастье.

МИРОН *(ловит кольцо)*. Воспитывать он меня ещё будет... *(Посмотрев в окно)*. Складывай аппарат. В погреб поможешь унести, пока никого нет.

ОЛЕГ. А инструктаж?

МИРОН. Там всё покажешь. А то сейчас Нинка со своим приедет. Ещё увидят. Чего не надо – они, прячь не прячь, углядят, а за машиной присмотреть – тут их нет. Мопед им, а не «Жигули» иметь!..

ОЛЕГ. Сложить не трудно... *(Демонтирует аппарат.)* Только он без электроэнергии работать не будет.

МИРОН. Найдем энергию.

БАБКА НАСТЯ *(со двора)*. Ермолаич! Телеграмма тебе от Нюрки.

МИРОН. Что пишет?

БАБКА НАСТЯ. Завтра здесь будет.

МИРОН. Ладно.

ОЛЕГ. Чем ты с ней рассчитываться будешь? Сорок тысяч за ночь не нашлепаешь.

МИРОН. Не твоя забота. Рассчитаемся... Она тут с месяц околачиваться будет, а за месяц я и сто их наштампую...

ОЛЕГ. У меня всё готово.

МИРОН. Потасили. *(Стук в дверь)*.

ОЛЕГ. Войдите. *(В комнату входят Ванюшка с Дашей. В руках у Ванюшки магнитофон.)*

ВАНЮШКА. Мирон Ермолаевич! Я, от имени и по поручению, приглашаю вас персонально завтра в одиннадцать ноль-ноль на торжественный обряд бракосочетания между мной и Дарьей Александровной.

МИРОН. Спасибо, что не забыл. Приду.

ВАНЮШКА. А сейчас – несколько слов... *(Говорит в микрофон.)* Интервью номер одиннадцать из цикла «Семейный архив Груздевых». Мы берем его у деда Мирона. Итак, Мирон Ермолаевич, как вы относитесь к конфликту между инстинктом продолжения рода и гонением на деторождаемость в бассейне реки Янцзы?

МИРОН. Чего?

ОЛЕГ *(в микрофон)*. Мы с дедушкой Миронем активные поборники инстинктов.

ВАНЮШКА. Это говорит представитель золотой молодежи. Золотой – в смысле златоглавой столицы нашей.

ОЛЕГ. Золотой во всех отношениях.

ВАНЮШКА *(Олегу)*. Вы тоже приходите.

ДАША. С женой.

ОЛЕГ. Всенепременно. Если отпустят дела.

ВАНЮШКА. Какие у вас здесь дела?!

ОЛЕГ. Значит придем.

МИРОН. Если не отпустят, а выпустят.

ОЛЕГ *(смеется)*. Можно и так сказать... *(Общее веселье.)*

ДАША. Значит придете?

ОЛЕГ. Да!

ВАНЮШКА *(Даше)*. Пойдем. *(Они уходят.)*

МИРОН *(смотрит в окно)*. Вот... Теперь жди, пока все разойдутся...

ОЛЕГ. Кто его здесь тронет?!

МИРОН. Не надо! «Подальше спрячешь...»

ОЛЕГ. Разве что после ваших острот придут с обыском...

МИРОН. Явились!.. *(Кричит в окно.)* Разбил!? Разбил машину, окантный!..

Затмение.

Картина шестая

Двор Груздевых. За столом в черном костюме с магнитофоном сидит Ванюшка. Он проверяет работу микрофона.

ВАНЮШКА. Раз. Раз. Раз. Говорит... Раз. Раз... Работают все радиостанции Советского Союза.. Раз. Раз... *(Из дома Бабки Настя в форме выходит Денис Максимович)*. Товарищ подполковник, скажите несколько слов потомкам об этом торжественном дне.

КОВАЛЕНКО. Отстань, Ванюшка.

ВАНЮШКА. Денис Максимович!..

КОВАЛЕНКО (*кричит*). Мирон, ты готов?

МИРОН (*из дома*). Сейчас иду.

(*Появляется раздетая Ксюша*).

КСЮША. Вот... Я готова.

ВАНЮШКА. Баба Ксюша, пару слов для потомства.

КСЮША. Доконал ты уже всех своим микрофоном.

ВАНЮШКА. Что-нибудь.

КСЮША. Давай.

ВАНЮШКА. Мыслями о сегодняшнем дне делится с будущим баба Ксюша. Прошу вас...

КСЮША. Всего тебе, Ванюша, самого-самого... Чтоб всегда вы с Дашей были вместе, чтоб не стеснялись любить друг дружку... И не воюйте. Не надо... Живите и живите... И между собой чтобы тоже воевали поменьше... Вот.

ВАНЮШКА. Спасибо, баба Ксюша. (*Выключает магнитофон*.)

БАБКА НАСТЯ (*из дома*). Ванюшка, поди сюда.

ВАНЮШКА. Иду. (*Оставляет магнитофон на столе*.) Я сейчас...

Ванюшка уходит. Коваленко и Ксюша присаживаются к столу.

КСЮША (*после паузы*). Вот...

КОВАЛЕНКО. Вот и Ванюшка женится...

КСЮША. Иван бы порадовался..

КОВАЛЕНКО. Не случилось...

КСЮША. Всех жалко, кто до Победы не дожил, но уж его!.. Больно хороший человек был... Скажи, как вот судьба выбирает!.. Куда Бог-то смотрит, если он есть?

КОВАЛЕНКО. К себе в штат берет. Барахло-то ему зачем?.. Вроде нас с тобой...

КСЮША. И не говори... (*Пауза*.) Как спалось с дороги?

КОВАЛЕНКО. Как-как! Никак! Я уже третий день здесь.

КСЮША. Да? Надо же!..

КОВАЛЕНКО. Ксюша... Я ведь не только на Ванькину свадьбу приехал...

КСЮША. Даши ещё нет?.. Десять уже скоро.

КОВАЛЕНКО. Я за тобой!.. (*Пауза*.) Что молчишь?

КСЮША. Ты ж в генералы хотел сперва выйти, потом уж ко мне свататься. Я так и настроилась – генеральшей быть, а ты – полковник всего. Как же нам теперь?

КОВАЛЕНКО. Не шути, Ксюша, я серьезно.

КСЮША. Seriously? Ах ты, господи! Он серьезно. Ну, прости.

КОВАЛЕНКО. Ксения... Я ведь тебя всю жизнь... И сейчас люблю тебя. Не получилось у нас... тогда... Расфыркались разобиделись по молодости... Ну, не сладилось!.. А сейчас-то что?! Я – один, ты – одна. У меня квартира. Две комнаты... Поедем...

КСЮША. Зачем?

КОВАЛЕНКО. Я понимаю... Обидел я тебя тогда.

КСЮША. Понимаешь, оказывается? Понимаешь!.. Ничего ты не понимаешь... Разве вы, мужики, можете понимать, как со своей бедой возле чужого горя мыкаться! И уйти – не уйдешь, куда идти? И повеситься – кому сирот оставлять?.. И ты, окаянный, каждую ночь мучаешь, хоть бы тебя одну ночку так потелепало, я бы посмотрела на тебя, что бы с тобой случилось; босиком бы прибежал под окно скулить. А то ему в генералы, вишь ли, забажалось! На что мне сдались твои погоны?! Под образа? Нету их у меня! Образов...

КОВАЛЕНКО. Что уж теперь, Ксюша?..

КСЮША. А ничего, вот чего. Никуда я с тобой не поеду. На старости лет вздумал. Помирать уж пора. (*Пауза*.)

КОВАЛЕНКО. А если я сюда?..

КСЮША. Вольному – воля. Вон, покупай избу, какую хочешь, и живи.

КОВАЛЕНКО. К тебе.

КСЮША. ...Не знаю... Ой, Даня... ни к чему это... Зачем?

КОВАЛЕНКО. Я ведь тоже... без тебя мыкался... Помрем хоть вместе...

Гудки автомобиля.

ВАНЮШКА (*выбегает из дома*). Даша!.. (*Убегает к машине*.)

Из обоих домов выходят Бабка Настя, Матвей, Дед Мирон, Нинка. Возвращается Ванюшка. Он один. Через некоторое время во двор входит Нюрка. Собственно, это уже Аннета.

МИРОН. Анна?! Уже приехала?

АННЕТА. Багаж. Надо заносить. Пожалуйста.

МИРОН. Нинка! Сбегай за чемоданами. (*Аннете*.) Мы тебя ждали самолетом. Хотели вечером поехать. Такси взять. Свою-то угробили. Теперь – на такси только. Нинка, что стоишь?.. (*Нинка уходит*.)

АННЕТА (*всем*). Здравствуйте. Какой праздник сегодня? Парад? Разве?

МИРОН. Свадьба у нас тут. Константин за невестой поехал на такси. Ждем вот... (*Уходит вслед за Нинкой*.)

АННЕТА. Кто желает под венец? Матвей Иванович, вы?.. Нет? Пора уже вам. Без гнезда нельзя. Семья. Очаг. Это лучше, чем бобылём. Надо, надо.

МИРОН (*внося с Нинкой объемистые чемоданы*). Не Матвей! Сын его, Ванюшка женится.

АННЕТА. Ванюша!.. Я тебя совсем не узнала. Насовсем забыла. Такой джентльмен стал!.. Приглашай бабушку на свадьбу.

ВАНЮШКА. Сейчас. Разбежался.

АННЕТА. Спасибо. Обязательно приду. На это у меня есть гостинец. Презент. Сейчас. Мирон, вот этот чемодан не надо уносить. Сейчас открывать будем... Лучше дома открывать. Чужой глаз к вещам не надо. Искус... Несите в дом. (*Мирон с Нинкой несут чемоданы в дом, Аннета идя за ними*.) Я сейчас... Быстро разбежаться буду. (*Все трое уходят*.)

ВАНЮШКА. Черти её принесли.
 КОВАЛЕНКО. Приглашать будешь?
 ВАНЮШКА. Как же не пригласить?! Бабушка. Двоюродная.
 КОВАЛЕНКО. Правильно. Молодцы. Это я maloхольный. А вы...
 Верно живете. Мирное сосуществование. На основе взаимовыгодной торговли.
 АННЕТА (*входит, бережно неся запаянный в целофан презент*). Получите. (*Протягивает презент Ванюшке.*) От нашей семьи Кауфман.
 ВАНЮШКА (*берет подарок*). Спасибо. (*Швыряет его к стене сарая.*)
 АННЕТА. Что ты делаешь?

Из дома выходит и дед Мирон.

ВАНЮШКА. Деду отдал. Теперь у него два подарка от семьи Кауфман будет. Первый он в сорок третьем получил. Здесь же, у стенки. Теперь ещё один. Не отсырел бы только дефицит на мужицкой земле. Подстилку бы под него. Может, сами ляжете? Вам не привыкать. А?
 МИРОН (*Ванюшке*). Рехнулся ты, что ли?! (*Идет к подарку.*)
 ВАНЮШКА. Уйди, дед!
 МИРОН. Не дури.

С Аннеты слетела западная импозантность. Подбирает презент уже Нюрка в иностранных одеждах.

НЮРКА. Посмотрите на него, какой выискался! Ему от души, а он...
 ВАНЮШКА. От какой?
 НЮРКА. Чего?
 ВАНЮШКА. От какой души? Разве то, что по всем помойкам истаскано, душой называется?
 МИРОН. Иван!..
 НЮРКА. Это какие такие помойки?! В этих помойках ЖИВУТ! Да так, как тебе, голодранцу, и не снилось.
 ВАНЮШКА. Вот и живите себе там. Нечего сюда ездить.
 НЮРКА. Тебя не спросили. Хамье!.. Была б я твоей матерью, так бы задницу разукрасила, неделю бы не вставал... Шкуру бы спустила!..
 ВАНЮШКА. Пробовали? Получалось?!

Звучат сигналы автомобиля.

НЮРКА. Паршивец!.. (*Уходит в дом.*)
 МИРОН. Бешеный... (*Уходит вслед за сестрой.*)
 МАТВЕЙ. Не стоило так, Ванюшка.
 ВАНЮШКА. С подарками лезет!..
 (*Опять сигналы.*)
 БАБКА НАСТЯ. Машины две пришли. Ехать надо.
 МАТВЕЙ. Даши ещё нет.
 ВАНЮШКА. Поехали. По дороге встретим. Или заедем за ней.
 КОВАЛЕНКО. Поехали.
 КСЮША. Мирона звать?

ВАНЮШКА. Ну их!..

Все уходят к машинам. Пауза. Появляется Дед Захар с ведром краски и кистью в руках. Осторожно осматривает двор. Подкрадывается к стене сарая и начинает рисовать на её белой поверхности алые пятна то ли крови, то ли пламени. На крыльцо выходит дед Мирон. Дед Захар прячется.

МИРОН. Укатали... Нинка!.. Подь-ка сюда!

НИНКА (*выходя к отцу*). Уехали?

МИРОН. Лови такси — и за ними. Увидишь этих... жильцов наших, они должны тоже возле дворца быть... пусть скорей сюда катят. Передай: сестра, мол, из Америки приехала, надо товар лицом показать.

НИНКА. Какой товар?

МИРОН. Не твоего ума дело. Они знают.

НИНКА. Ладно, сейчас...

МИРОН. Давай скорей. (*Нинка уходит.*) Анна!..

НЮРКА (*выходя*). Уехала твоя босота?..

МИРОН. Теперь часа три там будут... Чего привезла?

НЮРКА. Тебе хватит... (*Пауза.*) Приготовил?

МИРОН (*мнетя*). Тут такое дело... Я, было, припас всё, как просила, да товар больно нужный подвернулся.

НЮРКА. Чего?!.. Ничего нет, что ли?

МИРОН. Погоди, не кипятись. Сейчас ребята приедут.

НЮРКА. Какие ребята?

МИРОН. Да тут...

НЮРКА. Чего ты тут напридумывал, пёс шелудивый? Ты мне долг сначала отдай, а потом с ребятами занимайся. Мне ещё лишних свидетелей не хватало!

МИРОН (*вздыхнув*). Ладно... Пойдем. Я думал ты к вечеру будешь.

НЮРКА. Куда пойдем?

МИРОН. По сусекам скрести. В подпол.

Уходят в сарай-гараж. Дед Захар выбирается из укрытия и вновь принимается раскрашивать стену. Но вдруг останавливается, подходит к отверстию в стене, прислушивается. Затем берет со стола магнитофон, включает его на запись и опускает микрофон в вентиляционную дыру погреба.

Затемнение.

Картина седьмая

Бункер в погребе гаража. Сюда, освещая себе путь фонарем, спускается дед Мирон с сестрой.

НЮРКА. Куда ты меня тащишь?

МИРОН. Ещё чуть-чуть.

НЮРКА. Я вся перемажусь тут!

МИРОН. Я ему устрою... Мало того, что разбил карету свою, ещё и не пролезть через неё...

НЮРКА. Ой!..

МИРОН. Не оступись... Сейчас свет врублю.

Зажигает керосиновую лампу, бункер освещается. Это достаточно большая бетонированная комната с ларями для запаса продуктов и емкостями для воды. Он ещё не совсем достроен, поэтому у стены стоит верстак, на котором различные инструменты... В центре стол из свежеструганной древесины.

НЮРКА. Страсти какие! Ты что, здесь золото прячешь?

МИРОН. Погоди ты со своим золотом... *(Отодвигает потайную дверь. За ней небольшая комнатка. Дед Мирон скрывается в ней.)*

МИРОН. Иди сюда.

НЮРКА. Ты не убивать тут меня вздумал? С внуком сговорились?

МИРОН. Иди, помоги мне. Одному тяжело. *(Вдвоем они выносят из ниши и ставят на стол приобретенный дедом аппарат, делающий деньги.)*

НЮРКА. Что это?

МИРОН. Сейчас узнаешь. *(Разматывает принесенный электропровод.)* Проводку ещё не доделал...

НЮРКА. Ты мне золото сделал? Что ты мне всякой ерундой голову морочишь?!

МИРОН *(подключает аппарат)*. Смотри...

Замигала, заурчала машина.

НЮРКА. Ну!..

МИРОН. Давай родимая. *(Щелчок и машина «выплюнула» червонец.)*

НЮРКА. И что?

МИРОН. Что, что?! Заладила «что»! Деньги — не видишь?! Червонцы. Настоящие.

НЮРКА *(рассмеялась)*. Спятил, видно, на старости лет ты, Мирон. Деньги стал фальшивые стряпать.

МИРОН. Ты возьми, глянь!

НЮРКА *(разглядывает)*. Похоже.

МИРОН. Машина с монетного двора, а она — похоже.

НЮРКА. Ты мне мозги не пудри. Золото давай.

МИРОН. Да будет тебе золото, не трясись. *(Отдает ей ещё один выскочивший банкнот.)* Через пару недель рассчитаюсь.

НЮРКА *(рассматривает деньги)*. Мне сейчас надо.

МИРОН. Нет сейчас у меня ничего. Нет!!! Я сюда все вложил.

НЮРКА. Почему номера разные? Этого не может получаться. На фальшивых...

МИРОН. Да настоящие, говорю я тебе... *(Чтобы червонцы не разлетались, надевает на отверстие в аппарате целлофановый мешочек.)* Я уже покупал на них, где угодно. Завтра, если хочешь, в банк ходим, проверим.

НЮРКА. Мне зачем? Мне золото нужно.

МИРОН. Заладила! Через неделю я тебе столько червонцев настрогаю!.. Хоть весь ювелирный покупай.

НЮРКА. Покупать ты сам будешь.

МИРОН. А кто же ещё? Сам и куплю.

НЮРКА. Думаешь, не облапошили тебя?

МИРОН. Люди надежные. Им девать её некуда было, да и на хвост им сели, вот они мне её и уступили. Теперь я... погляжу-погляжу да и к тебе укачу!..

НЮРКА. Пока здесь хвост не прищемили?

МИРОН. Тут — дело верное.

НЮРКА. Я — про другое.

МИРОН. Поговори мне! Ещё, что ль, кусок урвать хочешь?

НЮРКА. Не надо. Мне хватит и тридцати.

МИРОН. Сколько лет уж прошло... А может, и вправду, умотать?..

НЮРКА. Я не знаю, как вы вообще в этой нищете живете? У нас... Я, когда у Форда служила официанткой, только и поняла, что жизнью называется. Сортир золотой есть. Раз попала... Век бы просидела.

МИРОН. Эх, куда загнула! Форд!..

НЮРКА. Почему загнула? У нас — каждый... Умеешь делать деньги — делай. И живи, как хочешь.

МИРОН. У нас кой у кого тоже золотишко есть. Разрешили б — всю канализацию в городе озолотили. Ан — не дают... Так золотарями и помирают...

НЮРКА. Потому что боитесь. Скрутили вас тут. Кто с норовом, тому рога пообломали, вот вы и мычите... Телки!..

МИРОН. А что, правда?! Плюнуть на всё!.. Хоть на старости лет пожить!..

НЮРКА. Давай. Я вызов сделаю. К сестре пустят.

МИРОН. Дом — Нинке... Всё им оставлю. Он, Костя, хоть и охладом, — пусть. Я себе наштампую и... Мне знаешь, чего больше всего охота?.. Я, как приеду туда, первым делом... Одну самую рвань и на площадь: «Товарищи! Гляньте, в чём в коммунизм топают». А?!..

НЮРКА. Да знают про всё у нас.

МИРОН. Мне когда газ отказались подводить в райисполкоме, ну, думаю, сделаю я вам. Чтоб к ветерану войны такое отношение?! — Да я в Москву на вас!.. Жалко, что газ сделали. Я, и вправду, жалел, ей-богу...

НЮРКА *(смеется)*. Надо было взбухнуть...

Аппарат вдруг замолк.

МИРОН. Они только нас, ветеранов, и боятся.

НЮРКА *(смеется)*. Комик ты.

МИРОН. Чего смеешься? Мне дети в школе перед строем галстук повесили на шею...

НЮРКА *(смеется до слёз)*. Вздернуть хотели?

МИРОН. Хватит ржать!..

НЮРКА. Ох!.. *(Успокаиваясь.)* Ох... Ой... Поехали!.. Поехали со мной, Мироша. Заживем там!..

МИРОН. Тихо!..

НЮРКА. Прямо до слёз уморил...
 МИРОН. Почему не работает? *(Замерли. Пауза.)*
 НЮРКА. Сломалась.
(Дед Мирон стучит по аппарату. Тот опять заурчал.)
 МИРОН. Давай, родимый, давай, кормилец. Не капризничай.

Снимает с аппарата целлофановый мешочек.

НЮРКА. А ты успеешь к моему отъезду?
 МИРОН. Тут работы — на две недели всего... *(Считает нападавшие в мешочек червонцы.)* Дело нехитрое. Обстригаем... Иконки я уже подбрал. Довольна останешься. А золотишко мы с зятем прикупим.
(Холостой щелчок в аппарате.)
 НЮРКА. Больше не выскакивает.
 МИРОН. Выскочит. Куда ему деваться? *(Пауза.)*
 НЮРКА. Пора бы уже...

Опять щелчок.

МИРОН. Давай, родимая...
 НЮРКА. Нету... *(Пауза.)*
 МИРОН. Не хотел же я без хозяина пробовать... *(Достает из мешочка листок бумаги.)* Бумажка... Посмотри, а то я без очков.
 НЮРКА. Дай. *(Читает сначала сама.)*
 МИРОН. Что там?
 НЮРКА. Сколько ты отдал за этот агрегат?
 МИРОН. А что?.. Что там написано?
 НЮРКА. ...Бесподобно!
 МИРОН. Читай!
 НЮРКА *(читает)*. «Ермолаич! Аппарат не браните, он не виноват. В нём ничего, кроме трех пружинок, восьми шестеренок, пары циферблатов, нет. Беспokoить милицию не советую, так как червонцы самые что ни на есть настоящие, из банка. Фальшивые только ваши помыслы иметь собственный монетный двор. Спасибо за деньги и золото. Прощайте, Олег. ...Если вам удобно помнить меня именно под этим именем».
 МИРОН *(смеется)*. Ну, Нюрка! Гладко врешь... Если б я сам не видел... Бумага же вот... Краски... Где они?!.. Дай очки. Я его... Уйдет... Ушли... В милицию надо скорей!..
 НЮРКА. Зачем?!
 МИРОН. Это ж бандитизм! Хуже. Чудища они!.. Веру попрали!.. В людей!..
 НЮРКА. Мели теперь.
 МИРОН. Сорок тысяч. Собирал по крохам и... сам отдал. Кому? Нюрка!.. Нюр, а может ты... шутишь? Очки дай.
 НЮРКА *(передает очки)*. На, почитай.
 МИРОН *(удостоверившись в правильности написанного)*. Ловко стервцы придумали... Пожалуйся пойдя попробуй... Нюрка, я ведь теперь... *(Смеется.)* В Красную книгу меня теперь надо. Как редкость...

Как последнего дурака... Другие такие наверняка уже перемерли...
 НЮРКА. Убить тебя мало.
 МИРОН *(не в силах сосредоточиться)*. Да хоть и убей теперь. Чего уж. Заслужил... Надо было мне, скажи, в такое дело соваться? Как лучше хотел, а видишь, как вышло?.. Это за грехи — не иначе. На Костю кричу, Мотю давеча обидел...
 НЮРКА. Ты поплачь, поплачь.
 МИРОН *(надрывно)*. Да что я говорю, господи! Разве в этом дело?.. Урод я! С какой стороны ни глянь. *(Нюрке.)* А всё потому, что с тобой связался!..
 НЮРКА. Можно подумать!..
 МИРОН. Тс-с... *(Шепотом.)* Нюр... Там цемента немного осталось. Помоги. Я сейчас замес сделаю, а ты меня в Ванькином логове... с этой стороны... замуруй... А? Сделай для меня, я тебя очень прошу... В муках уйти хочу... От суда... людского...
 НЮРКА. Давай.
 МИРОН *(берет ведро)*. Я быстро... В муках, Нюр... Одну минуту. *(Ищет цемент.)* Здесь вчера стоял. *(Находит полмешка цемента.)* Ты посмотри!.. Полный же был!.. *(Запальчиво. С каждой фразой всё более стервенев.)* Да это что же делается на белом свете?! Ни на кого нельзя положиться!.. Чужой сюда никак же попадет! Свой же!.. Ну как после этого с людьми жить? Уж и так, и этак к ним, а они... Всё змея эта! И дом ей давно вернул, себе новый вымучил, а она до сих пор... До сих пор мне этого дома простить не может! Ненавидит!.. И племя её всё меня ненавидит!.. Кожей чую. Каждый день, каждый раз!.. Так бы взял их всех!..
 НЮРКА *(вскрив)*. Хальт! *(Пауза.)* Чем расплачиваться будешь?
 МИРОН *(отупело)*. А?
 НЮРКА. Что ты придуриваешься? Разжалобить хочешь этой мульткой с червонцами? Думаешь, я клонула? Я, братец, похлеще тебя волков видала...
 МИРОН. Замолчи, шваль. Заразная. Молчи лучше.
 НЮРКА. Долг верни.
 МИРОН. Уйди. Уйди от греха... *(Пауза.)*
 НЮРКА. Сколько у тебя осталось?
 МИРОН. Слёзы. Ничего нет, как ты не поймешь. Всё сюда вложил. Хотя, что тебе объяснять?!..
 НЮРКА. Я должна золото отсюда привезти.
 МИРОН. На Темводе, где наших расстреливали, поищи. Люди-то давно истлели, а золото можно поискать. Покопайся.
 НЮРКА. Тебе! Тебе надо копать. А то — «наши»!.. Сам-то ты чей?!.. У меня, по крайней мере, руки не в крови.
 МИРОН. По горло. По горло.
 НЮРКА. Кто Ивана предал?
 МИРОН. Не надо на меня валить.
 НЮРКА. Кому-нибудь другому про Захарку рассказывай.
 МИРОН. Ну и что? Я село этим спас...
 НЮРКА. Ой! Спаситель!.. Каин ты! Каин. Брата в петлю сунул.
 МИРОН. Не твоё дело, сучка немецкая! Молчи. Изрублю в куски!

НЮРКА. Не успеешь.

МИРОН. Почему это? С тобой-то мне полегче будет. Потому как самому и приводить в исполнение... *(Надвигается на Нюрку.)*

НЮРКА. Покарают за меня!..

МИРОН. Кто?

НЮРКА. Советская власть.

МИРОН. Какая, повтори?!.. Гнида ты после этого!

НЮРКА. Не зли меня, Мирон, лучше. В тот раз тебя спасла, теперь утоплю. Не зли лучше. Верни долг и уеду я...

МИРОН. Что ты мне жилы долгами тянешь? Нету у меня ничего, товарищ Шульцевна!

НЮРКА. Ты на Шульца, как на Бога, молиться должен. Если б не мы с ним, не уговорила б я его на Захара бумагу сострять — вместо Захарки почтальоном сейчас бы ты работал.

МИРОН. Всё равно нет денег!

НЮРКА. Ладно!..

Сверху в бункер врывается Ванюшка.

ВАШЮШКА. Хенде хох!

НЮРКА *(перепуганно)*. Ох!..

МИРОН. Ванюшка?!.. Ты же... Где Даша?

ВАНЮШКА. Вот оно, значит, как получается!..

МИРОН. Оглашенный. Людей пугаешь... Тебя звали сюда?!

НЮРКА. Я думала помру с перепугу.

ВАНЮШКА. Помрете. Недолго вам осталось.

МИРОН. Ты не иначе как рехнулся! Каркаешь... Думай, что говоришь!

ВАНЮШКА *(Нюрке)*. Повтори, что ты тут сейчас сказала.

НЮРКА. Чего?

ВАНЮШКА. Кто деда немцам выдал? *(Пауза.)* Говори, не стесняйся.

ЕШРКА. Ничего я не говорила.

МИРОН *(Нюрке)*. Это он женится сегодня, так от счастья ошалел малость. Мерещится ему.

ВАНЮШКА. Я, конечно, ошалел, может быть, от счастья, иначе бы кольца дома не забыл, но этим село не спасешь, и за это Каином не называют. *(Пауза.)* Ну!.. Что молчите? Рассказывайте, как Захарку под монастырь подвели.

МИРОН. Ванюшка... Ты... всё равно не поймешь...

ВАНЮШКА. Почему? Чего тут особенного? Брат убил брата. Дело житейское.

МИРОН. Я не убивал!

ВАНЮШКА. Конечно. Ещё бы. Зачем самому руки марать?

НЮРКА. Замарал теперь. Сколько веревочке...

МИРОН. Заткнись, курва фашистская! Чья бы корова мычала!..

НЮРКА. Я не корова!.. Может, у меня с ним любовь была.

МИРОН. С кем?

НЮРКА. С Шульцем.

МИРОН. С гестапо у тебя любовь была.

НЮРКА. Я с ним потом двенадцать лет жила.

МИРОН. Ты и сейчас с ним живешь, только оно теперь ЦРУ называется.

НЮРКА. Легавый!

МИРОН. От такой слышу!.. *(Кидаются друг на друга.)*

ВАНЮШКА *(пытается уговорить их)*. Хватит лаять.

Внезапно дед Мирон с сестрой кидаются на Ванюшку, сбивают с ног и наваливаются на него.

НЮРКА *(брату)*. Стукни, стукни его чем-нибудь...

МИРОН. Лопату дай.

НЮРКА. Где она?

МИРОН. Вон, за тобой... *(Нюрка дотягивается до лопаты.)* Горло придави... Вот так... Веревка где-то здесь была. *(Находит веревку и обматывает ею Ванюшку.)* Брось лопату, удавишь... *(Садятся.)* ...Сердце опять схватило. Таблетки какие-нибудь у тебя есть?

НЮРКА. Откуда? Воды попей...

МИРОН *(выпив воды)*. Сейчас отпустит... Не удавила ты его? *(Выливает на Ванюшку воду из кружки.)*

НЮРКА. Живой.

МИРОН. Жалко. Расстреляли бы тебя за него — и концы в воду.

НЮРКА. А то бы я тебя вместе с собой не прихватила!

Пауза.

МИРОН. Что теперь делать с ним?

ВАНЮШКА. Шкуры!..

МИРОН. Помолчи пока лучше, Ванюшка. Не вводи в грех.

ВАНЮШКА. Одним грехом меньше, одним больше... Тебе теперь уж все равно.

МИРОН. Заткнись.

ВАНЮШКА. И деду Захару жизнь искалечил, гнида...

НЮРКА. Захарка так до сих пор и молчит?

МИРОН. Упрямый... *(Смеется)*. Обиделся на весь белый свет, вот и молчит. Вроде укорить кого хочет.

ВАНЮШКА. Вас укоришь!..

НЮРКА. Для чего цемент у тебя?

МИРОН. Вентиляцию надо доделать. И нишу.

НЮРКА. Не хватит. На всё.

МИРОН. Конечно. Прикупить надо.

НЮРКА. Может, без ниши обойдешься?.. А?..

МИРОН *(сообразив)*. Господь с тобой!..

НЮРКА. Смотри сам, Мирон.

МИРОН. Нет... Ты что?!..

НЮРКА. Я-то хоть сейчас соберусь — и обратно...

МИРОН. Нельзя, нет!.. Он никому не скажет. Да, Ванюшка?.. Поклянись, что никому обо мне?

ВАНЮШКА. О чем?

МИРОН. Что я Ивана немцам... Ты бы знал, каково тогда было!.. Иван, конечно, герой!.. Но они-то и так, без меня нашли бы... Спалили, Христом богом клянусь — спалили бы всё село, а у нас дом, Настя, Матвей у неё с Танюшкой и Шуркой на руках — махонькие. Тебя бы! Не было бы тебя совсем, если б не я. Никого бы не было. Всё бы спалил фашист проклятый!.. Иван был бы жив, он бы понял... Ванюша... Ради жизни грех на душу принял...

НЮРКА. Ой, не трепись. Из-за дома ты брата своего сгубил. *(Ванюшке.)* Иван-то старший в семье был. Дом на него записан. Вот и рассчитал. С детства головастый был.

МИРОН. Проститутка!

НЮРКА. И это ты учел тогда. Немцы или русские — всё равно мне в доме этом не жить было. Я — отрезанный ломоть. А Иван мешал.

МИРОН *(Нюрке)*. Я тебя сейчас в этой нише замурую!..

НЮРКА. Это ты можешь. Только лучше не меня, а его.

МИРОН. Ванюшка, не слушай её. У отца спросишь, как я их в голод подкармливал. От Нинки кусок отрывали, твоим несли. Она, может, от того и худая такая теперь.

ВАНЮШКА. Развяжите меня.

МИРОН. Развяжу, Ванюша, развяжу. Ты только слово дай. Я поверю.

НЮРКА. Со слов воду не пить.

МИРОН *(сестре)*. Нет. Ты его не знаешь. Он всегда... Если скажет, это уж так и будет. Да, Ванюша?

ВАНЮШКА. Отстань от меня.

НЮРКА. Кремь! Молодец! Сразу видно — комсомолец. Все комсомольцы такие. Я молодой тоже там была. *(Брату.)* А ты?..

ВАНЮШКА. Ты!.. Тварь заморская... Над собой лучше хихикайте там у себя. Мы как-нибудь без вас обойдемся.

НЮРКА *(смеется)*. Ой ли? То-то я чемоданами барахло сюда вожу!

ВАНЮШКА. Барахло — для барахла.

НЮРКА. Много, выходит, у вас барахла.

МИРОН. Барахла везде хватает... Ванюша, ну так как?

ВАНЮШКА *(Нюрке)*. А вы-то там у себя все кто? Отбросы со всего света! Хапуги, проститутки да убийцы. И все жлобы. Из-за копейки — удавитесь. Шагу даром не сделаете. Воздух — уже и тот продавать надумали...

МИРОН. Дай слово, Ванюшка, и я отпущу. В ЗАГС ещё успеешь. А то невеста без колец ждет... Кольца-то взял?

НЮРКА *(брату)*. Слово тебе его нужно? Сейчас... *(Берет нож и оголяет проводку, идущую к аппарату, обращаясь при этом к Ванюшке.)* Да... Мы всем торгуем. И гордимся этим...

ВАНЮШКА. Совестью тоже?

НЮРКА. О совести уж лучше бы помолчали. Совесть свою вы огнем и мечом. По приискам, по лесоповалам попрятали. Которая уцелела — к нам рвется.

ВАНЮШКА *(смеется)*. Ты, например, прорвалась...

НЮРКА. Хотя бы и я.

ВАНЮШКА. И фашистик твой там?

НЮРКА. Представь себе, и он, пока жив был, и коммунисты у нас есть... Свобода у нас. Кто как хочет, тот так и живет.

ВАНЮШКА. Свобода чего?

НЮРКА. Всего!

ВАНЮШКА. В помойной яме тоже свобода. Все, кто хочет и как хочет. Только смердит там, как в болоте. Тварям да кикиморам вроде тебя там свобода.

НЮРКА *(улыбаясь)*. Всем. Всем у нас свобода, Ванюша.

ВАНЮШКА. А почему индейцы вымирают? А? Они побольше твоего в свободе понимают, всё — Орлы да Соколы, не тебе чета, а мрут, мрут почему-то в вашей свободе. Мрут как мухи! Почему? Молчишь?!.. Коммунисты у них!.. Где?! По тюрьмам?

НЮРКА. На свободе, представь себе...

ВАНЮШКА. Анжелу Девис сколько в тюрьме держали? Не помнишь?.. Ты — там на свободе. Это — да. А кто жить хочет, по-человечески... За тем потрое, небось, ходят... *(Нюрка прикоснулась к Ванюшке оголенными проводами. Тот дернулся.)*

МИРОН. Ванюшка, не дури...

ВАНЮШКА. Вот, вот... Научилась?! На неграх практику прошла? Или во Вьетнаме? *(Дернулся ещё раз от прикосновения провода.)*

МИРОН. Нюрка, убери ток!

ВАНЮШКА. Пусть! Это у них свободой по-чилийски называется. *(Дернулся.)* Официанты... Лезете везде... А может, никто не хочет с вашими подносами ходить!

НЮРКА. В лаптях ваших хочет.

ВАНЮШКА. Лапти — да наши. *(Дернулся.)*

МИРОН. Ванюшка, отступись! Не выйти мне отсюда без твоей клятвы. Вся жизнь прахом...

ВАНЮШКА. Зажрались там за океанами без войн и спекулируете сытостью своей.

НЮРКА. Да уж не сидим без мяса!

ВАНЮШКА. Подавитесь вы своим мясом. Мы и без мяса проживем.

НЮРКА. Скоро и без хлеба останетесь. Ракеты свои хлебать будете.

ВАНЮШКА. Ничего. Найдем что хлебать. Не впервой. *(Дернулся.)* Вам зато не дадим бомбы швырять. Понатыкали везде. Теперь и в Европу залезли...

МИРОН. Отступись. Нельзя мне на люди так... Иначе схоронить тебя придется, а что я отцу скажу? Максимичу что отвечу? Бабке Насте?.. Пожалей старика... Что прошлое ворошить?

ВАНЮШКА. Помнить его надо. Прошное. Обязательно. Иначе хана. Иначе — бабка с косой... Нюрка кейсами заманит, штанами из чертовой кожи...

Нюрка прикоснулась к Ванюшке оголенными проводами. Ванюшка дернулся и затих.

МИРОН. Умру я скоро. Имя трепать будут. Фамилию нашу. И твою, и деда твоего... Ивана фамилию... На коленах тебя прошу... *(Склоня-*

ется над Ванюшкой.) Ты что наделала, стерва? Ты ж убила его! Фашистское отродье!.. Я ж!.. Ты его!.. Ты!.. Куда теперь?..

НЮРКА. Разводи цемент...

ДЕД ЗАХАР (*сверху*). Ты что наделал? Убийца!..

НЮРКА (*испуганно*). Кто это?

ДЕД ЗАХАР. Оставь парня!

МИРОН. Господи!.. (*Кричит*.) Захар?!..

ВАНЮШКА. Дед Захар! Беги, собирай людей!..

МИРОН. Не слых ещё?.. (*Нюрке*.) Заткни ему пасть... В нишу его!

Вдруг завыла у них над головой автомобильная сирена.

Затемнение.

Картина восьмая

Всё тот же двор. Из-за сарая выбегает дед Захар. За ним — дед Мирон.

МИРОН (*настигает деда Захара*). Куда?!.. Ты что тут шныряешь?.. Мало отсидел? (*Дед Захар пытается вырваться*.) Не уйдешь!.. Думаешь, тебе всё сойдет с рук?.. Крутишься тут целыми днями вокруг дома!.. Найдем на тебя управу! Так закатаем, что...

ДЕД ЗАХАР. Руки коротки.

МИРОН. Посмотрим.

ДЕД ЗАХАР. Посмотрим.

МИРОН. Конечно, посмотрим. Не впервой нам за тобой смотреть!..

ДЕД ЗАХАР. Нет, отошли твои денечки, Мирон Ермолаич. Теперь мой черёд.

МИРОН. Кто тебе поверит?

ДЕД ЗАХАР. Теперь поверят. Попался ты наконец. Есть, видно, Бог-то... Сам бы давно тебя порешил, да нельзя было... героем тебя отпустить...

МИРОН. Только пикни! Придушу, как шелудивую собаку!

ДЕД ЗАХАР. Нет уж, Мирон. Отвоевался ты. Теперь тебе мой крест нести.

МИРОН. Захар!.. Не срами... Вспомни!..

ДЕД ЗАХАР. Я всё помню.

МИРОН. Всё отдам! Ничего себе не оставляю. Дай помереть спокойно...

ДЕД ЗАХАР. А у тебя ничего и нет. Аппаратик тебе зятек твой устроил за сколько?

МИРОН. ...Врешь!..

ДЕД ЗАХАР. Чего мне врать? Не веришь — у него спроси.

МИРОН. Нет!.. Да он что же?!.. Врешь!.. Его же деньги были бы всё равно!

ДЕД ЗАХАР. Стало быть, немоготу ему стало, если через всё переступил он. Хуже, видно, ты любых денег.

МИРОН. За что же?!.. Всё для них делал... А он!.. Его ж за это!.. Теперь он у меня...

НЮРКА (*выскакивает из-за сарая*). Едут!..

МИРОН. Кто?

НЮРКА. Все. На трех машинах. Возвращаются. (*Пауза*.)

МИРОН (*вопит*). А-а-а!.. (*Бежит к сараю*.)

НЮРКА. Не ори. Кольца вот.

МИРОН. Зачем?

НЮРКА. Свадебные. (*Кивает на деда Захара*.)

МИРОН. А Ванюшка где?

НЮРКА. Внизу.

МИРОН. Ах, гад! (*Хватает деда Захара*.) Мало тебе моего брата, за внуков взялся?!..

ДЕД ЗАХАР. Убили?!.. (*Во дворе появляются люди. Первым идет Матвей*.)

МАТВЕЙ. Где этот обормот? Его люди ждут, а он...

НИНКА. Может, передумал?

МИРОН. Вот!.. (*Показывает на деда Захара*.) Вот он!.. Ванюшку нашего... Сначала деда, теперь его...

МАТВЕЙ. Что?

МИРОН. На кольца позарился...

МАТВЕЙ. Ты что говоришь, дед?

ДЕД ЗАХАР (*Матвею*). Не слушай его.

МИРОН. Убил он сына твоего, Матвей!..

ДАША (*пронзительно кричит*). Ванюшка!..

БАБКА НАСТЯ. Где он? Где?!.. Ванюшка где?.. (*Наступает на деда Захара*.)

КОВАЛЕНКО. погоди, Настасья.

ДЕД ЗАХАР. Брешет он, люди!.. Мелет, чего ни попадая...

МАТВЕЙ. Мать!.. За что ж его? Мам... Да как же?.. Ему ж свадьба сегодня!.. (*Идет на деда Захара*.) Ой, автомат бы!..

КОВАЛЕНКО. Матвей!..

МИРОН. Мы сидим в доме, слышим — крик. Ванюшкин. Выскочил я — в гараже, вроде. Я — туда... А он его в бункере... Веревкой обмотал и током...

Матвей и Константин кидаются в бункер.

НЮРКА (*Миرونу*). Да живой он.

МИРОН (*Нюрке*). Как живой? Ты ж сказала.....

НЮРКА. Что я рехнулась? Сама в петлю лезть...

Дед Захар включает магнитофон.

ЗАПИСЬ: ГОЛОС МИРОНА. Отступись, Ванюшка. Иначе схоронить тебя придется. Нельзя мне на люди убийцей Ивана идти. Пожалей старика. Что прошлое воротить?..

ГОЛОС ВАНЮШКИ. Помнить его надо. Прошлое. Обязательно. Иначе — хана. Иначе — бабка с косой, Нюрка кейсами заманит...

НЮРКА (*кричит возле сарая*). Живой он! Живой!..

МИРОН. ...Имя трепать будут. Фамилию нашу. И твою, и деда тво-

его... Ивана фамилию... На коленях тебя прощу... Ты что наделала, стерва?! Ты ж убила его!..

НЮРКА (*возле сарая*). Нет!.. Живой он! Не трогала я его!..

МИРОН. Трогала, трогала. Фашистское отродье...

НЮРКА. Ты?!.. Ты его замуровать хотел!

МИРОН. Кто? Я?!..

НЮРКА (*всем*). Он!.. Ивана он выдал. Слышали?.. Сам признался...

МИРОН. Ах ты!.. Шлюха!..

Из гаража выходят Ванюшка и Матвей.

ДАША (*кидается к своему жениху*). Живой!.. Ванюшка!..

ВАНЮШКА. погоди, Даша. Дай я сначала... С этими гадами расчитаюсь... (*Надвигается на Мирона с Нюркой.*)

КОВАЛЕНКО. Не смей, Иван... (*Останавливает его.*)

ВАНЮШКА. Пустите меня. Я их за деда!.. Нельзя им по земле ходить!..

Коваленко с Матвеем еле удерживают его.

МАТВЕЙ. Ванюшка!.. Оставь...

МИРОН. Уйди!.. Уйди!.. Уберите его!

ВАНЮШКА (*Мирону*). Деда именем прикрывался, а сам!..

КОВАЛЕНКО. Он своё получит. Остынь, Иван...

ВАНЮШКА (*не в силах одолеть отца и Дениса Максимовича*). Шкуры!.. Убирайтесь отсюда!.. Чтоб духу вашего не было...

МИРОН. Что? Что?!.. (*Затравленно.*) Эх, вы-ы-ы!.. (*Люди отступают от него и Нюрки, как от прокаженных.*)

ДЕД ЗАХАР. Камнями бы тебя забить, собака... За всё!..

МИРОН. Ненавижу... Ненавижу! Всех вас!..

Кто-то из толпы бросил в Мирона и Нюрку комок грязи. Они испуганно прижались к стене сарая.

КОВАЛЕНКО. Не смей!..

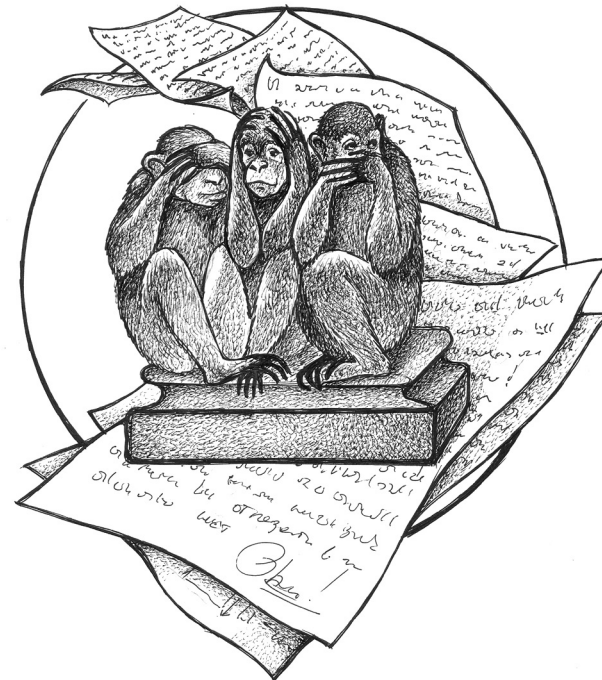
МИРОН. Давайте! Ваша взяла... Ну!.. Растерзайте! Что же вы?!.. Зять! Начинай! Доканчивай, где ты?.. Спрятался? Боишься?!.. Ничтожество!.. Все вы... Босота... Голь... Ненавижу вас. Всю жизнь. Каждую ночь... (*Смеется.*) Что я с вами делал во сне?!.. Вот уж отводил душу!.. Попались бы вы мне вразправду!.. (*Падает, схватившись за сердце. Дед Захар кидается к нему. Пауза.*)

ДЕД ЗАХАР. Ну вот... Всё... (*Отходит от него.*)

С улицы настойчиво звучат сигналы ожидающих свадебных машин...

Занавес

1984 г.

Посвящение

(Фарс)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАВЛО ВИССАРИОН ГЕОРГИЕВИЧ –

председатель комиссии по рационализации и изобретениям

ШМУДЕНКОВ – эксперт с учёной степенью

КУЛЬКОВ КИСЕЯ БОРИСОВИЧ – старенький профессионал

БЕЗЛИКАЯ – эксперт

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА – эксперт

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ – автор

Комиссия по рационализации и изобретениям: обширная комната с пятью столами, массивная дубовая дверь в центре. За вторым столом справа сидит Шмуденков. Он разговаривает по телефону.

ШМУДЕНКОВ. ...Ничего. Не было в последнее время ничего стоящего... Я же говорю тебе – абсолютно ничего. Приносят всякую ерунду... Принимаем кое-что... *(Смеётся.)* Ты Кулькова знаешь? Ну, того, что пятьдесят лет назад придумал комбайн для снятия заусениц с шайб. Да, профессор. Так вот, сын у него тоже изобретатель... Да! Вещь в отца. Пятновыводитель сочинил. *(Стук в дверь.)*

На той неделе принимать будем... Пройдёт, наверное. Надоел уже всем со своей кислотой за десять лет... Какой-какой – соляной. Он же кислотой придумал пятна выводить... Исчезают, но вместе с тканью. *(Смеётся.)* А амбиции – куда там! Фамилию даже сменил для авторитета. Кулибин он теперь... *(Смеётся.)* Вот-вот... Слава богу, что не Ломоносов... *(Стук в дверь.)*

Сейчас? Прямо сейчас не могу. Заседание... Какой-то паренёк из провинции... Не знаю, что у него там, ещё не смотрел. Стоит какая-то «бандура»... Часа полтора поболтать придётся. *(Стук в дверь.)*

Я занят! *(Опять в телефон.)* Вы начинайте без меня, я подъеду. А куда он денется?! Нет, водчонкой тут не обойдёшься. Я, брат, не сантехник тебе... Конечно. За что боролись?! Это его дело... А как же? Всё как по маслу... *(Стук в дверь.)*

Ну, ладно. Всё. Приеду. *(Кричит.)* Входите!

Входит Автор.

А как там с... Впрочем, это не по телефону... Ну, хорошо. Я скоренько. *(Вешает трубку.)*

АВТОР. Здравствуйте.

ШМУДЕНКОВ *(приподнимается, протягивает руку)*. Здравствуйте ещё раз. *(Рукопожатие.)* Ну, как настроение?

АВТОР. Ничего.

ШМУДЕНКОВ. Ничего – пустое место. Чем занимались?

АВТОР. Город смотрел.

ШМУДЕНКОВ. Молодцом!.. Вы ещё не были у нас?

АВТОР. Первый раз... Я хотел вас попросить...

ШМУДЕНКОВ. Да?

АВТОР. Понимаете... Я думал успеть на обратный поезд, но заседание перенесли на два часа, и теперь я смогу уехать только завтра...

ШМУДЕНКОВ. И прекрасно! У нас можно прекрасно провести вечер.

АВТОР. Спасибо, но мне как-то неудобно. Кто я вам?..

ШМУДЕНКОВ *(смеётся)*. Не у меня. Я имею в виду – в нашем городе. Кафе, ресторации... Если есть возможности – не упускайте случая... *(Пауза.)* Как у вас?..

АВТОР. Я... С чем?

ШМУДЕНКОВ. Ну...

АВТОР. У меня, понимаете, тут знакомый... Его всё время нет дома. Я записку оставил, но он может сегодня и не появиться... Вы бы не могли устроить меня?

ШМУДЕНКОВ. Я?!

АВТОР. Не к вам. В гостиницу куда-нибудь. Мне только ночь переждать.

ШМУДЕНКОВ. Ага... Понятно... Как же это вы?

АВТОР. Так получилось.

ШМУДЕНКОВ. Вообще-то мы этим не занимаемся...

АВТОР. Тогда не нужно. Извините, пожалуйста.

ШМУДЕНКОВ. Хотя... Сейчас попробуем.

АВТОР. Да ничего. Я как-нибудь...

ШМУДЕНКОВ *(набирает номер телефона)*. Занято. К ним пока дозвонишься... *(Снова набирает номер.)* Занято. *(Кладёт трубку на место)*.

Входит Кульков.

КУЛЬКОВ *(Шмуденкову)*. Доброго здоровьица!

ШМУДЕНКОВ. Я вас приветствую, Кисея Борисович.

КУЛЬКОВ. Как это называется? Что у вас тут?! Сообщают, что обсуждение в десять, я тащусь через весь город – оказывается, перенесли на два... Не понимаю.

Шмуденков набирает номер телефона.

Совсем порядка нет!

ШМУДЕНКОВ *(в трубку)*. Алло! Люся, мне Владлена Давыдовича. *(Кулькову.)* Вот познакомьтесь с автором изобретения...

КУЛЬКОВ *(нехотя кивнув)*. У меня ноги уже не те, чтобы два раза на день сюда бегать. И наконец...

ШМУДЕНКОВ *(в трубку)*. Да... Владя?.. Я тебя приветствую. Ну что – как?.. Всё в порядке?.. Слушай, тут к нам Кулибин прие... *(Кулькову.)* Извините... *(В трубку.)* Изобретателю тут у нас ночевать негде... Не Кулибину, Кулибин местный... Да в общежитии где-нибудь коечку устрой. Он, возможно, и спать сегодня не будет. *(Подмигнул Автору.)* Корабль и тот шампанским обливают... Молодой, красивый парень... А?.. Ну, узнай... Хорошо, я перезвоню. *(Вешает трубку.)*

КУЛЬКОВ. Почему никого нет?

ШМУДЕНКОВ *(Автору)*. Всё устроится. *(Кулькову.)* Сейчас подойдут.

КУЛЬКОВ. Уже без двух два.

Входит Татьяна Васильевна

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Здравствуйте. *(Идёт догадливо к Автору.)* Вы... Игорь... Николаевич?

АВТОР. Да... Здравствуйте, Татьяна Васильевна.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Проходите сюда. *(Идёт к своему столу.)*

Автор подсаживается рядом. Шмуденков углубился в бумаги. Кульков прямо в пальто, кряхтя, усаживается за свой стол.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*Автору*). Как добрались?

АВТОР. Да... Нормально.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Я вас таким примерно и представляла. (*Улыбнулась*). Вы не волнуйтесь, сейчас все соберутся и начнём.

АВТОР. Я, в общем-то, не тороплюсь

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбнулась*). Вы когда приехали?

АВТОР. Сегодня утром. Вы по телефону сказали — к десяти...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Перенесли на четырнадцать. Виссарион Георгиевич осматривает помещение... нас расширяют — поэтому... Сейчас он придёт.

КУЛЬКОВ. Ну вот, неужели трудно было мне позвонить?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вам звонили утром.

КУЛЬКОВ. Я не слышал.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Сказали — вы уехали.

КУЛЬКОВ. Конечно. Я за час обычно выхожу.

Шмуденков выразительно смотрит на Автора. Поймав его блуждающий взгляд, демонстративно выходит из комнаты.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*Автору*). У вас всё готово?

АВТОР. Да. Я утром отрегулировал.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Исходные материалы с собой?

АВТОР. Я всё приготовил.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот и хорошо... Так... А теперь расскажите о себе.

АВТОР. Живу... Работаю...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. А планы на будущее?

АВТОР (*смутившись*). Меня попросили... Понимаете, у нас в городе грязно, колдобины... Асфальтировать... Каждый год асфальтируют — всё равно грязь, ямы... А через три года — восьмисотлетие... Не знаю... Я хочу сделать такую машину... Понимаете, она будет захватывать верхний слой почвы — у нас в основном песок — расплавлять всё это, вулканизировать и тут же настилать улицу белоснежной массой. Улица получится лучше всякой асфальтированной. Представляете: белый-белый город. Белые улицы и вокруг — зелень. У нас в городе очень много зелени.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Прекрасно. Только это, наверное, очень дорогое удовольствие?

АВТОР. Не дороже асфальта. На компоненты и вулканизацию затраты минимальные. Главное — печь. Нужна высокая температура. Но ведь по такой улице можно хоть сто лет ездить. Никакого ремонта не нужно.

Входит Шмуденков и, усевшись на своё место, углубляется в бумаги.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Интересно...

АВТОР. Интересно, но, наверное, не получится.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Почему?

АВТОР. Понимаете, такую дорогу ломом не разобьёшь и отбойным молотком тоже, а у нас улицы в год по два раза перекапывают.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Зачем?

АВТОР. Трубы всякие. То ремонтируют, то прокладывают...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Да... Но можно что-то придумать? Наконец сразу всё проложить. И добротно.

АВТОР. Можно, наверное... (*Рассеянно взглянул на Шмуденкова*).

Тот, поймав его взгляд, выразительно подмигнул и вышел из комнаты.

Можно плиточным методом. Заливать массу в формы, метров шесть каждая плитка, прямо на месте. А когда остынет, с помощью крана укладывать. Но это сложнее и дороже... Не знаю ещё пока, что придумать...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вы должны придумать. Знаете, многие у нас заинтересовались вами. Хотят познакомиться. Если сегодня всё пройдёт хорошо, вероятно, будет ставиться вопрос о постройке целого комбината...

КУЛЬКОВ. Татьяна Васильевна, а что там у вас с Кулибиным слышно?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. В каком смысле, о чём вы?

Входит Шмуденков. Сурово посмотрев на Автора, садится за стол и углубляется в бумаги.

КУЛЬКОВ. Сколько можно тянуть? Я слышал, сам Гордей Фомич не возражает, а у вас тут...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Кисея Борисович, мы ещё раз послали работу Кулибина на отзыв.

КУЛЬКОВ. Кому?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Тиходумову.

КУЛЬКОВ. Я ему звонил. Он в принципе не против.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. В принципе ни у кого возражений нет.

КУЛЬКОВ. Конечно! Пятен и следов не остаётся.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот только бы ткань ещё сохранялась.

КУЛЬКОВ. Ну, это, милочка, вы уж очень многого хотите от пятновыводителя. Решение смелое, оригинальное. И не давать такому изобретению хода — по меньшей мере... Гм...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Кисея Борисович, в следующую среду намечено обсуждение вашего изобретения.

КУЛЬКОВ. Вот... Не моего... Я не о себе пекусь.

АВТОР. О потребителе?

КУЛЬКОВ (*недоумённо*). О ком?

АВТОР (*смущённо*). Ну, кому пятна будут выводить...

КУЛЬКОВ. При чём здесь?... Вы потребительское отношение к делу здесь оставьте. Это у нас давно уже осуждено. Потребитель... Много вы понимаете о себе...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*Кулькову*). У вас есть описание сегодняшней работы?

КУЛЬКОВ. Дайте.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*Автору*). Передайте, пожалуйста.

Автор идёт к столу Кулькова, передаёт ему бумаги. Шмуденков выходит из комнаты. Автор возвращается на место. Кульков углубляется в чтение.

АВТОР (*смущённо*). Мне у нас там говорили, что здесь существуют традиции...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Какие?

АВТОР (*вконец смутившись*). В смысле... Я не знаю, ну... как-то... отметить, что ли... Простите...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Ни в коем случае! Вы что? Кто это вас надушил?

АВТОР (*потупившись*). Мне так сказали... Я тоже подумал...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Выбросьте это из головы. Придумали...

КУЛЬКОВ. Татьяна Васильевна, а с Кулибиным у вас что-нибудь прояснилось наконец?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. В каком смысле?

КУЛЬКОВ. Сколько можно тянуть? Я слышал, сам Гордей Фомич не возражает, а у вас тут...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вы уже говорили об этом, Кисея Борисович.

КУЛЬКОВ. Ага... Ну да.

Возвращается сердитый Шмуденков и углубляется в бумаги, время от времени грозно поглядывая на Автора.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*тихо*). Ох, уж эти мне Кулибины!

АВТОР. А что у него?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Универсальный пятновыводитель.

АВТОР. Полезная штука.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Да. Только раньше этот пятновыводитель назывался «царской водкой».

АВТОР. Ну... если очень слабый раствор... Не знаю...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Концентрированный.

АВТОР. Как?! Он же золото растворяет. Какие им пятна выводить?!

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. На солнце.

АВТОР (*улыбнулся*). Ну, если на солнце...

Входят Павло и Безликая. Павло остановился у двери, по-хозяйски осматривая помещение. Безликая протопала к своему столу. Татьяна Васильевна встала.

ПАВЛО. Здоровеньки... гм... булы-ы.

АВТОР (*встал*). Здравствуйте.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот, Виссарион Георгиевич, познакомьтесь с автором.

Автор подходит к Павло.

ПАВЛО. Павло.

АВТОР (*растерявшись*). Игорь. (*Протягивает руку*).

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*за Автора*). Игорь Николаевич.

Павло проходит к своему столу. При общем молчании неспешно раздевается. Автор потерянно стоит в центре.

ПАВЛО. Что там у нас сегодня?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Восстановительная машина «Мечта».

ПАВЛО. Документация?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. У вас на столе.

ПАВЛО (*роется в бумагах*). Ага... (*Пауза*). Что это за «Завтрашний день»?

АВТОР. Это я вначале так назвал машину. Эмоциональная окраска. Понимаете, Павел Георгиевич...

ПАВЛО. Что?

АВТОР. Извините... Павло Виссарионович.

ПАВЛО. Гм... (*Татьяне Васильевне*). Объясните товарищу.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*шепчет Автору*). Виссарион Георгиевич.

АВТОР (*тихо*). Да? А Павло?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*шепчет*). Фамилия...

Пауза.

КУЛЬКОВ. Виссарион Георгиевич, что там у нас насчёт Кулибина? Есть сдвиги?

ПАВЛО. Есть... Гм... Давайте начинать.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (*встала*). Сегодня мы рассматриваем, товарищи, изобретение молодого инженера... Садитесь, Игорь Николаевич, что вы стоите?

Автор садится.

Итак, товарищи, перед нами аппарат «реанимации» швейных изделий. Это — комбайн, состоящий из блока расшифровки состава ткани и конфигурации восстанавливаемого изделия и, как автор образно назвал, созидательного блока. Принципиальные схемы у каждого перед глазами, я не буду останавливаться на деталях. Думаю, мы посмотрим аппарат в действии, а по ходу показа, если у кого-нибудь возникнут вопросы к автору, он будет объяснять. Прошу вас, Игорь Николаевич.

АВТОР. Эта машина называется «Мечта»...

ПАВЛО. Знаем.

АВТОР. Она работает в режиме...

ПАВЛО. Гм...

АВТОР. Да... Вот... Можно, я просто покажу, а вы мне будете задавать вопросы?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Конечно, конечно. И, главное, не волнуйтесь.

АВТОР. Тут у меня есть старый пиджак... *(Достаёт из шкафчика в комбайне пиджак, протёртый до дыр.)* Я закладываю его в камеру. *(Открывает дверцу, кладёт туда пиджак.)* Закрываю дверцу и теперь включаю. *(Включает.)* Вот...

Слышен гул заработавшего аппарата.

Сейчас блок расшифровки считывает форму изделия и одновременно состав ткани.

Щелчок аппарата.

Теперь автоматически кодируются компоненты, необходимые для восстановления.

Щелчок.

Теперь производится увеличение поверхности ткани за счёт её плотности и сращивание краёв в заданных габаритах.

Щелчок.

Наконец, восстановление плотности ткани путём наращивания заменителя.

Щелчок.

И последняя операция — косметическая обработка изделия.

Щелчок.

А теперь... *(Распахивает уже другую дверцу.)* Вот он... *(Достаёт пиджак.)*

Все встали. Подходят, разглядывают.

ПАВЛО. Гм... *(Уходит на место.)*

ШМУДЕНКОВ. Иллюзия? *(Отходит к столу.)*

КУЛЬКОВ. А старый — там?.. *(Открывает первую дверцу.)* Нет... Куда он делся?

АВТОР. Да вот он. В этом — суть изобретения.

Пауза.

КУЛЬКОВ. Шарлатанство... Конечно же. Ерунда.

АВТОР. Ну, как же?..

КУЛЬКОВ. А попробуйте мой пиджачок. Попробуйте.

АВТОР. Пожалуйста.

КУЛЬКОВ *(торопливо снимает пальто, пиджак)*. Вот. Жертвую. Во имя истины. *(Отдаёт пиджак)*. Вот.

АВТОР. Нужно пуговицы спороть.

КУЛЬКОВ. Делайте, что хотите. Делайте. Только представьте мне новый. *(Надевает пальто)*.

АВТОР. Лезвие у кого-нибудь есть?

ШМУДЕНКОВ. Зачем? *(Берёт пиджак и вырывает пуговицы «с мясом»)*.

КУЛЬКОВ. Что вы делаете?

ШМУДЕНКОВ. Он восстановит.

КУЛЬКОВ. Нет уж. Я и в таком ещё похожу. Отдайте пуговицу. *(Берёт пиджак, пуговицу, идёт к своему столу)*.

АВТОР. Не бойтесь.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Не бойтесь, Кисея Борисович.

КУЛЬКОВ. Нет уж, нет уж. *(Достаёт нитку, иголку и принимается пришивать пуговицу)*.

БЕЗЛИКАЯ. Это чудо!.. Я не знаю... Это такой подарок детям... *(Автору)*. Вы умница!.. Вот у меня... *(Достаёт колготки)*. Простите, колготки порвались. В мастерской не приняли. Сделаете? *(Отдаёт Автору колготки)*.

АВТОР. Конечно. *(Закладывает их в машину)*. Сейчас. *(Включает аппарат)*.

ПАВЛО. Гм... Ну-ну!.. Гм...

БЕЗЛИКАЯ. Что?.. *(Подбегает к Павло)*. Я же провоцировала.

ПАВЛО. Продолжайте.

БЕЗЛИКАЯ *(Автору)*. Верните сейчас же экспонат.

АВТОР. Экспонат уже...

БЕЗЛИКАЯ *(Павло)*. Я нарочно, Виссарион Георгиевич, чтобы доказать нелепость...

ПАВЛО. Ну-ну...

БЕЗЛИКАЯ. Техническое невежество автора.

ПАВЛО. Сядьте.

БЕЗЛИКАЯ. Конечно, я сяду... *(Отходит на место)*.

В это время распахиваются дверца комбайна. Автор достаёт оттуда клетчатые колготки.

АВТОР *(Безликой)*. Возьмите.

БЕЗЛИКАЯ. Это не мои.

АВТОР. Ваши, ваши.

БЕЗЛИКАЯ *(радостно)*. Мои были бежевые, а эти серые... В чёрную клетку.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА *(Безликой)*. Это ваши... *(Всем)*. Товарищи, я не успела сообщить, что в процессе работы с автором были учтены рекомендации специалистов, и, если раньше комбайн возвращал изделиям, так сказать, первозданный вид, вне зависимости от социальной принадлежности изготовителя, то теперь все импортные изделия капиталистических фирм окрашиваются в серо-клетчатые тона, чем

подчёркиваются жуткие условия существования в буржуазных странах и неизбежность их краха. Глядя на такой пиджак...

КУЛЬКОВ. Мой пиджак отечественный.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Простите. Глядя на такие колготки, невольно заряжаешься ненавистью к расистским режимам Претории, к фашистам Чили, к их тайным и явным покровителям. И вместе с тем проникаешься сочувствием к угнетённым борцам за свои права, томящимся в мрачных застенках загнывающего мира.

БЕЗЛИКАЯ. Виссарион Георгиевич... Это мои?... Это не мои...

ПАВЛО. Сядьте... Гм... Ну что же, товарищи, приступим к обсуждению.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Позвольте ещё несколько слов. Я хочу добавить, что детские учреждения города – собственно, они и рекомендуют машину для утверждения – просят разрешить им установить данную машину в центральном Доме быта. Изобретение также получило высокую оценку специалистов и экспертов как в Южнослободске, так и у нас здесь...

ПАВЛО. Понятно...

Татьяна Васильевна садится.

Вам слово, товарищ Шмуденков.

ШМУДЕНКОВ. Я, должен признаться, не разделяю восторгов некоторых товарищей...

БЕЗЛИКАЯ. Каких это?

ШМУДЕНКОВ. Ваших, в частности.

БЕЗЛИКАЯ. Разве я восторгалась? Виссарион Георгиевич?..

ШМУДЕНКОВ. Восторгалась.

БЕЗЛИКАЯ. Вы меня неверно поняли. Я...

ШМУДЕНКОВ. Татьяна Васильевна говорила тут об аллегории... Да! Аллегория есть. Но где конкретный адрес? Где на изделии конкретно написано об осуждении чилийских фашистов? Или, там, расистов? Не знаю, товарищи. Будьте добры конкретизировать.

АВТОР. Прямо так и писать? Мол: «Маде ин...»?

ШМУДЕНКОВ. Прямо так и писать.

АВТОР. А... где? На каком месте?

ШМУДЕНКОВ. Надо подумать. А то у меня рождаются и другие ассоциации. У другого могут родиться и третьи. Нетрудно догадаться, куда они, эти аллегории, могут завести. Нет, товарищи, восторгаться тут ещё пока преждевременно.

БЕЗЛИКАЯ. Да кто восторгается?! (Смеётся).

ШМУДЕНКОВ. Это одно. Так сказать, главное... (Задумался).

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА (тихо, Автору). Записывайте.

АВТОР. Зачем?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот, возьмите бумагу.

АВТОР. У меня хорошая память. Я запомню.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Записывайте. Так нужно.

Автор берёт бумагу, ручку.

ШМУДЕНКОВ. Настораживает мельтешение изделия. Закладывается в одну камеру, а появляется из другой. У нас не цирк, товарищи, поэтому фокусы здесь, мне кажется, не к месту... И потом, всё уж очень быстро получается. Мульти-пульти какие-то. Несolidно. Нужно ещё и ещё подумать над доводкой, а то много неясного. Чего-то не хватает. Сейчас вот так сразу не могу сказать, но что-то не удовлетворяет. Уж больно всё упрощено. Тяп-ляп – и готово. Надо ещё товарищу поработать.

ПАВЛО (Шмуденкову). У вас всё?

ШМУДЕНКОВ. В основном. Есть ещё частности... Неясно, например, с названием «Мечта» – слишком безотносительно... Но это так сказать... (Снисходительно). Если бы в одном названии было дело... (Смеётся).

ПАВЛО. Так... Гм... (Безликой). Ваше мнение?

БЕЗЛИКАЯ. Я, собственно...

ПАВЛО. Вы поддерживаете?

БЕЗЛИКАЯ. Поддерживаю. Конечно, поддерживаю...

ПАВЛО. Гм... Изобретение.

БЕЗЛИКАЯ. Какое изобретение? Вот это?... Виссарион Георгиевич, вы меня не так поняли. Я сказала... Хотите – повторю? Я сказала... У меня всё записано в протоколе... Вот. (Читаем.) «Ну и чудо! Не знаю, такой ли уж это подарок для детей?... Умник!..». Я же не говорила: «Ах! Какое чудо! Какой замечательный подарок детям! Ах, гений!». Товарищи, подтвердите.

ПАВЛО. Вы будете говорить по существу?

БЕЗЛИКАЯ. Обязательно! Я согласна. Буквально по всем пунктам согласна.

ПАВЛО. С кем?

БЕЗЛИКАЯ. С предыдущим оратором. Вот с этим. С товарищем Шмуденковым. Что же это получается, товарищи? Аллегории! Не требуется нам никаких аллегорий. Нэ трэба! Без аллегорий жили. Хорошо, товарищи, жили – и, Бог даст, ещё поживём?

АВТОР. Да какой там Бог?

БЕЗЛИКАЯ. Какой надо, дорогой товарищ! Вы думаете, тут можно с кондачка проехать? Тяп-ляп – и готово? Не-ет! У нас такие штуки не проходят. Мульти-пульти мы и по телевизору посмотрим. (Смеётся.) Я, конечно, могу и ошибаться, но я высказываю своё мнение. (Автору.) Хотите – обижайтесь, хотите – нет, но надо смотреть правде в глаза. Поверьте, лучше горькая правда, чем сладкая лесть.

АВТОР. Спасибо.

БЕЗЛИКАЯ. Да!.. Пока всё ещё очень и очень сыро. Работы – непочатый край. И главное – убрать аллегории. Всё должно быть конкретное. Пустите по серому полю страну-изготовителя. Прямо на решётках – ярлык. Например – Гваделупа!.. А? Иностранными буквами. «Мейд ин Гваделупа». Побольше фантазии. А? Виссарион Георгиевич? (Автору.) Дискредитируете, кстати, иностранную символику. Что сегодня очень важно.

ПАВЛО. У вас всё?

БЕЗЛИКАЯ. В общем. В какой-то степени...

ПАВЛО (*раздражённо*). Что вы целый день сегодня загадками разговариваете, понимаетесь?!

БЕЗЛИКАЯ. Я кончила, кончила, Виссарион Георгиевич, кончила.

ПАВЛО. Вам слово, Кисея Борисович.

КУЛЬКОВ. Что я могу сказать?.. Работа, конечно, какая-то проделана. Нельзя сказать, что у автора нет творческой искорки. Но это пока всего лишь искорка. Ей ещё, прямо скажем, далеко до пламени... Гудит.

БЕЗЛИКАЯ (*прислушивается*). Где?

КУЛЬКОВ. Агрегат, говорю, гудит. Неприятные ощущения вызывает. И потом, где это видано, чтобы пуговицы «с мясом» отрывать? Ниток пришивать не напасёшься. Это одну только оторвали, а если все? Что от пиджака останется? Нехорошо, товарищ.

АВТОР. Пуговицу вам товарищ Шму... Шму...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Шмуденков.

АВТОР. Да. Вот они оторвали.

КУЛЬКОВ. Я понимаю — они. Если б эта штука здесь не стояла, и пуговицу незачем было бы отрывать. Но бог с ней, с пуговицей. Это я, так сказать, апропо, между прочим.

АВТОР. Вы конкретней, пожалуйста.

КУЛЬКОВ. Для детей агрегат, говорите? А почему он взрослые пиджаки чинит? Это, мил человек, несурезица получается. Дети просят у вас в городе там трусики-маечки подновить, а вы тут взрослым пиджакам пуговицы отрываете да, извините за выражение, дамские неглиже клеточкой разукрашиваете... Что-то не то получается.

АВТОР. Почему — «не то»? Он универсален в этом смысле...

КУЛЬКОВ. В смысле аллегорий... Я не увидел никаких аллегорий. Нечего тут копать.

ПАВЛО. Никаких аллегорий тут нет и у нас быть не может.

КУЛЬКОВ. Да, да. В этом смысле машина выдержана.

ПАВЛО. Вот-вот.

КУЛЬКОВ. А вот над гулом стоит поработать. До сих пор в ушах звенит... В каком?

ПАВЛО. Что?

КУЛЬКОВ. В каком ухе звенит?

БЕЗЛИКАЯ. В левом.

КУЛЬКОВ. Возможно... Ну, так вот. Что я хотел сказать?.. (*Вспоминает*.) Пятновыводитель... Пятновыводитель... Да! Трудно. Творить, батенька, не дрова рубить. Надо было что-нибудь попроще для первого раза придумать. А вы сразу ошарашить столицу решили. Нас тут ничем не удивишь. Сколько мы навидались Ломоносовых всяких, а нажмёшь — смотришь, он и полетел с пятого этажа головкой вниз. И как не бывало. У вас как с нервишками?

АВТОР. Ничего пока.

КУЛЬКОВ. Это хорошо. А то всякое бывает. В общем... Поработайте ещё над этим. Пусть постоит. Может, и осенит, чтоб щелчков и гула не было. И пуговицы отрывать нехорошо. Некрасиво...

АВТОР. Не отрывал я у вас пуговиц.

КУЛЬКОВ. Ну, не отрывали — так не отрывали... Она сама оторвалась... Если хотите, я могу дать вам дружеский совет. Вместо того, чтобы увлекаться гигантоманией, начните с более простого, но оригинального. Здесь у нас тоже есть ищущие люди. Объединитесь с кем-нибудь вдвоём. Я могу вам помочь. У меня на примете есть такой же вот, как вы... изобретатель. Кулибин. Может, слышали?

АВТОР. Слышал.

КУЛЬКОВ. Ну вот. Он сейчас работает над пятновыводителем, а потом... Вместе у вас, я думаю, могло бы что-то получиться.

ПАВЛО. Ближе к делу, Кисея Борисович.

КУЛЬКОВ. Я уже закруглился, Виссарион Георгиевич.

ПАВЛО. Так... Гм... (*Авторы*.) Теперь вам слово.

АВТОР. Товарищи... Спасибо вам, конечно, за замечания, за критику моей работы, но некоторых я просто не могу понять. То есть я ничего не понимаю. Какая-то неразбериха...

ПАВЛО. Записывать нужно было.

АВТОР. Наверное... (*Читаем*.) «...Помещает в одну камеру — достаёт из другой». Ну и что? Какое это имеет значение? Разве это принципиально? (*Читаем*.) «Первое изобретение — попроще». Почему? Не понимаю. (*Читаем*.) «О пуговице». Товарищи, не отрывал я пуговиц. Вы же видели.

ПАВЛО. Товарищи уже высказали своё мнение. Они вас хотят послушать.

АВТОР (*читает*). «Гудит. Щелчки». С этим я тоже могу согласиться. Хотя гул работающей машины — обычное явление, постараюсь добиться бесшумной работы. И ещё я не понял. Разве плохо то, что машина восстанавливает и детские изделия, и взрослые? По-моему...

КУЛЬКОВ. Кто нам ходатайство прислал сюда? Детское учреждение или взрослое?

АВТОР. Какая разница?

КУЛЬКОВ (*счастливо смеётся*). Как это — «какая разница»? Вас дети ждут не дождутся, а вы здесь взрослым пуговицы обрываете.

АВТОР (*горячась*). Да не прикасался я к вашей пуговице!

КУЛЬКОВ. Кто же мне её тогда оборвал?

АВТОР (*обрывает со своего пиджака пуговицы*). Нате. Возьмите. (*Относит пуговицы Кулькову*.) Если хотите, я вам ещё десяток куплю.

КУЛЬКОВ. Нет, голубь, таких теперь днём с огнём не сыщешь. Это нам ещё, упокой Господь его душу, Христофор Емельяныч Прозоров из Твери привёз. Черепашковые. Таких сейчас не делают, мил человек, лет уж...

АВТОР. Господи, да при чём тут пуговицы?!

ПАВЛО. А что у вас «при чём»? Аллегория — ни при чём, шум — ни при чём, пуговицы — ни при чём! Думаете, если кому-то взбрело в голову назвать ваше творение чудом, можно игнорировать критические замечания товарищей?

БЕЗЛИКАЯ. Какое чудо? Виссарион Георгиевич, это шутка была. Только и всего.

АВТОР. Я не игнорирую замечаний, но нужно критиковать по существу.

ПАВЛО. Ну, где уж нам! В калашный-то ряд! Даже не удосужились записывать. *(Всем.)* Много чести нам, товарищи.

АВТОР. У меня неплохая память.

ПАВЛО. Не перебивайте, пожалуйста. Когда вы выступали, я, кажется, не позволял себе этого.

АВТОР. Извините.

ПАВЛО. Замечания ему не понравились, понимаешь... А вы разобрались в них? Осмыслили? Хоть одно-то запомнили?

АВТОР. Я могу перечислить.

ПАВЛО. Сейчас я, кажется, говорю.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Не горячитесь, Игорь Николаевич.

ПАВЛО. Я не хотел выступать, но тут... Надо товарищу указать.

БЕЗЛИКАЯ. Да-да.

ПАВЛО. Прежде всего ваша позиция — машина может обслуживать и детей, и взрослых — в корне неверна.

БЕЗЛИКАЯ. Мало того — она вредна.

ПАВЛО *(Безликой)*. Помолчите.

БЕЗЛИКАЯ. Извините, но я не могу сдержаться...

ПАВЛО. Гм... *(Автору)*. Где это вы видели, чтобы у нас одна швейная фабрика шила и для детей, и для взрослых? Существует уже сложившийся порядок, и вам никто не позволит его нарушать. *(Смеётся.)* Нет, вы только представьте себе, товарищи: швейная фабрика «Большевичка» вдруг, между делом, выпускает ползунки...

БЕЗЛИКАЯ *(смеётся)*. Ой!.. Ой!.. Ой, умру!..

ПАВЛО *(Безликой)*. Успокойтесь.

АВТОР. Яблочкову тоже пришлось бы приносить вам две электролампочки? Одну — для детей, другую — для взрослых?

ПАВЛО. Не сравнивайте себя... Знайте своё место. Менделеев, понимаешь, сидит... Им, которые составляют славу и гордость, — можно, а вы сидите и слушайте, что вам говорят.

АВТОР. Я слушаю. Очень внимательно. А вы меня...

ПАВЛО. Наслушались уже.

АВТОР. Послушайте ещё, пожалуйста. Как вы можете смешивать два разных вопроса? Мне кажется, сейчас должна идти речь не о налаживании производства, а о технических возможностях моей...

ПАВЛО. Ваши возможности оставьте при себе. Возможности?.. Вот они!.. *(Заглядывает в бумаги.)* Вот... Вода у вас кипит при ста сорока градусах. Это что? Так надо?

АВТОР. Да.

ПАВЛО. Где это вы видели, чтобы вода при ста сорока градусах кипела?

КУЛЬКОВ. Может быть, это — по Фаренгейту?

ПАВЛО *(Кулькову)*. Знаете, давайте здесь без Фаренгейтов. Только их тут не хватает.

АВТОР. У меня не просто вода, здесь водный раствор...

ПАВЛО. Додумался. Сто сорок градусов. А замерзает она у вас при семидесяти, должно быть?

АВТОР. Позвольте...

ПАВЛО. Не позволим. Если точка кипения воды — девяносто градусов, то будьте добры придерживаться.

АВТОР. Сто градусов.

ПАВЛО. Повторяю. Точка кипения воды — девяносто градусов. И нарушать элементарные законы...

АВТОР. Сто градусов — точка кипения воды.

ПАВЛО. Повторяю! Можете нарушать, если вы такой умный, но если точка кипения воды — девяносто, то тут хоть сам... Кто угодно будь...

АВТОР. Сто.

ПАВЛО. Если вы не умеете себя вести, то нужно сначала научиться, понимаешь! *(Достал справочник, углубился в него.)*

КУЛЬКОВ *(Автору)*. Зря вы, молодой человек, из себя выходите. Мы вам от чистого сердца. Если не хотите принимать наших советов — это ваше дело. Никто вам своей воли не навязывает. И мы, не забывайте, тоже люди, можем иногда и ошибиться...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Спокойнее, Игорь Николаевич. Лучше промолчите.

КУЛЬКОВ. Мы — только консультативная комиссия. Так сказать, работаем с авторами. Помогаем... Мы не запрещаем или разрешаем...

АВТОР. Да?! А мне сказали, что без вашего разрешения нельзя.

КУЛЬКОВ. Некоторым образом... Мы или рекомендуем или не рекомендуем. Но у нас свобода творчества, и вы можете...

АВТОР. Обойтись без вас?

ПАВЛО. Ну зачем вы так сразу... Без наших рекомендаций никто с вами не будет иметь дела.

ПАВЛО. Точка кипения воды — сто градусов. Девяносто градусов — прямой угол.

АВТОР. Вот видите.

ПАВЛО. Я вижу! Вижу, что вы наколбасили тут... Что это у вас? *(Безликой)*. Покажите свои... эти...

БЕЗЛИКАЯ. С удовольствием, Виссарион Георгиевич...

ПАВЛО *(Безликой)*. Сядьте... *(Автору.)* Почему у вас всё в чёрную клетку?

АВТОР. Не всё.

ПАВЛО. Что, вам других цветов мало? В природе тысяча цветов и оттенков, а вы из всего этого богатства выбираете почему-то чёрную клетку. А наши любимые, веками по крупницам отбираемые народом, кристально-чистые расцветки вас почему-то не интересуют.

«Надо мною небо... синее сукно!
Никогда не было так хорошо!»

Вот она, quinta-эссенция чайний. Синее сукно, а не чёрная клетка. Рекомендую запомнить это хорошенько.

АВТОР. Синий шёлк.

ПАВЛО. Тем более — шёлк. Но синий, а не чёрный. И это сказал человек, который за такие слова мрамора удостоился. Он твёрдо знал,

что синий — это хорошо, а чёрная клетка — это плохо! (*Снисходительно всем*). Он меня рифме учит... (*Автору*.) Сукно — хорошо, «о» и там, и там. А «шёлк» — «ка» на конце. Не трудно сообразить? (*Победно*.) Вот так, понимаешь, и везде у вас.

АВТОР. Так что же, мне теперь нужно восстанавливать всё только в синий цвет?

ПАВЛО. Не знаю, что вам нужно делать. На то вы и изобретатель. Но то, что мы сегодня увидели, — никуда не годится. И я удивляюсь, Татьяна Васильевна, почему у нас до сих пор так неразборчиво подходят к представлению изобретений для обсуждения.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Эксперты в своих заключениях единодушно одобрили...

ПАВЛО. Очень жаль. Не знаю, почему для некоторых подобные, с позволения сказать, творения — «чудо». Мы не в цирке работаем, товарищи. Надо прекращать...

АВТОР. Что прекращать? Почему?

ПАВЛО. Посмотрите в свои записи, если вы записывали. А если нет, возьмите протокол и перепишите то, что «прекращать».

АВТОР. Ничего же не получится, если раствор будет кипеть при ста градусах.

ПАВЛО. Девяносто градусов... прямой угол. Да, при ста.

АВТОР. Не получится ни при ста, ни при девяноста.

ПАВЛО. Этого я не знаю, получится или не получится. Но я и глумиться не позволю.

БЕЗЛИКАЯ (*взволнованно*). Учёные тысячелетиями бились над созданием фундаментальных законов, а он пришёл... Кто вы такой? (*Всем*.) Я не могу!.. Меня всю трясёт. (*Автору*.) Вы зачем сюда пришли? Издеваться над нами? Вы, если нас не уважаете, постыдились бы... (*Всем*.) Для него, оказывается, не существует никаких авторитетов!.. Хамство какое! Убирайтесь отсюда вместе со своим «чудом»! Не нужно нам здесь никакого «чуда»! (*Пытается оттащить аппарат к двери, но он слишком тяжёл для неё*.) Нэ трэба! Прочь! (*Не сдержалась и пнула аппарат ногой*.) Вон, сейчас же!..

АВТОР. Не смейте его трогать!

БЕЗЛИКАЯ (*ещё взволнованней и от всего сердца*). А вы посмели?! (*Всем*.) До каких пор мы будем терпеть подобных выскочек-лженоваторов? Неужели придёт такой час, когда мы, наконец... (*Автору*.) Не смейте больше этим заниматься!.. Виссарион Георгиевич, я предлагаю запретить ему!.. Нельзя допускать таких!..

ПАВЛО (*покровительно*). Успокойтесь. Сядьте на своё место.

Безликая убегает к себе. Пауза.

ШМУДЕНКОВ. Виссарион Георгиевич, я могу уйти? У меня собрание.

ПАВЛО. Можете.

Шмуденков уходит.

АВТОР. Мне тоже можно идти?

ПАВЛО (*всем*). У вас всё, товарищи?
КУЛЬКОВ. Да как будто бы. Всё ясно.

Автор идёт к двери.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Подождите, Игорь Николаевич.

Автор останавливается.

Виссарион Георгиевич, нельзя так. Машину ждут на предприятиях. ПАВЛО. Это меня не касается.

АВТОР. Не думал, что так бывает. Все — абсолютно все, кто знаком с «Мечтой», — в восторге. А у вас не нашлось ни одного доброго слова... Как это может получаться?

ПАВЛО. Мы тут не для дифирамбов сидим.

АВТОР. Но машина нужна людям. Больше, чем многое из того, что вы принимаете без оговорок...

ПАВЛО. А вот это уж не вам судить. Головы, поумней вашей, нас сюда поставили. И мы, будьте уверены, не даром свой хлеб едим.

АВТОР. Да, наверное...

КУЛЬКОВ (*Автору*). Вы только не паникуйте. Успокойтесь. Вы ещё молоды. Подождите. Пусть отстоится, люди по десять лет пробивают, а вы хотите сразу... Подумайте, о чём мы тут говорили. Есть ведь, есть у вас шероховатости. Что-то нужно и исправить.

АВТОР (*Павло*). Что мне сказать в Южнослободске?

ПАВЛО. Не беспокойтесь. Мы сами найдём возможность передать.

АВТОР. Ну, ладно... Спасибо вам за всё...

ПАВЛО. Хотя передайте. Значит, так... Вернуть автору и предложить доработать в свете замечаний комиссии.

АВТОР. Всех замечаний?

ПАВЛО. Всех. А как же?

АВТОР. Всех — не получится.

ПАВЛО. Это ваше дело.

АВТОР. Не буду я понижать температуру до ста градусов.

БЕЗЛИКАЯ. Будете.

АВТОР. Не буду. И одним голубым не буду всё красить.

БЕЗЛИКАЯ. Будете!

АВТОР. И под ползунки не буду подстраиваться.

БЕЗЛИКАЯ. Приспособитесь как миленький.

АВТОР. Нет! Слышите вы?! Не приспособлюсь.

БЕЗЛИКАЯ. Посмотрим!

ПАВЛО. На этом закончим, товарищи.

Все задвигались, собираясь уходить.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Игорь Николаевич, подойдите ко мне.

АВТОР (*подходит*). Что?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Посидите.

Автор садится.

КУЛЬКОВ (*подходит к Павло*). Виссарион Георгиевич, как у нас всё-таки с Кулибиным?

ПАВЛО. Всё будет нормально, я думаю.

КУЛЬКОВ. Ну да, ну да... Я тоже так предполагаю.

ПАВЛО (*Автору*). Тут у нас семинар есть в помощь изучающим это дело. Походили бы, поучились...

АВТОР. Я не здесь живу.

ПАВЛО. Оставьте адрес, мы вызовем.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. У меня есть.

ПАВЛО. Вот... А то, понимаешь... (*Идёт к двери*).

БЕЗЛИКАЯ (*идёт следом*). Виссарион Георгиевич...

Уходят.

КУЛЬКОВ. Ну, значит, так... (*Идёт к двери, но у самого выхода задерживается*.) Вы всё-таки, молодой человек, о моём предложении подумайте.

АВТОР. О каком?

КУЛЬКОВ. Насчёт Кулибина. Очень перспективный... (*Пауза*.) Да... (*Уходит*).

Пауза.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Игорь... Игорь Николаевич... Я вас об одном прошу... Не отчаивайтесь. Всё ещё у вас будет хорошо.

АВТОР. Угу.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вы знаете, о чём я сейчас подумала? Только у бездарностей всё гладко бывает. Без сучка, без задоринки... А вы... Я в вас верю.

АВТОР. Не хочу я ничего.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Игорь... Выше голову.

АВТОР. Держу хвост пистолетом...

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. И ещё одно... Смотрите, не наделайте глупостей. Один парнишка после обсуждения пришёл домой и с пятого этажа выбросился.

АВТОР. Татьяна Васильевна, разве я похож на неврастеника?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Вот и хорошо.

АВТОР. Во всяком случае, не из-за них же. С балконов кидаются из-за любви, а не из-за ненависти.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Не нужно такого тона. Они по-своему хорошие люди...

АВТОР. Только сидят не на своём месте.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Игорь, давайте договоримся не обсуждать подобных вещей.

АВТОР. Почему? Мы что, в армии? Под ружьём, что ли, все?! Это там действия командиров не обсуждаются.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Поезжайте домой, отдохните. Потом

что-нибудь переделайте, то, что считаете возможным, и приезжайте снова.

АВТОР. Не будет у меня стоградусной температуры!..

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. И не нужно. Сделайте небольшие изменения. Чёрную клетку уберите. Мы на самом деле переборщили.

АВТОР. А они опять зарубят. Не буду я ничего делать.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Сделайте. Если вы мне верите – сделайте. Я вас прошу.

АВТОР. Придумал!.. Не буду я ничего делать к восьмисотлетию. Никаких дорог. Я придумаю... счётчик дурости. Знаете – детектор лжи? Что-нибудь такое. Чтобы человека сразу было видно.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Зачем?

АВТОР. Как?! (*Пауза*.) Чтобы... (*Пауза*.) Да-да... Их ведь и так видно... Так какого же чёрта они тут сидят?!

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Оставим этот разговор.

АВТОР. Их специально сюда сажают! Чтоб ничего, кроме пятновыводителей из «царской водки», не принимали.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Прекратите...

АВТОР. Но зачем?! Зачем?.. Так спокойнее? Да?.. (*Пауза*.) Что же мне делать, Татьяна Васильевна?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Продолжайте работать. Вы очень талантливы. Ни в коем случае не опускайте рук.

АВТОР. Для кого? Для них? Не дождутся они от меня больше ничего.

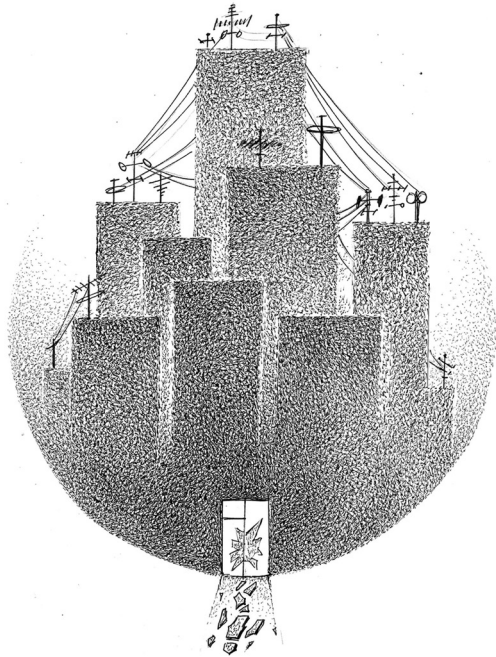
ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Для себя прежде всего... И для...

АВТОР. Не хочу! (*Встаёт*). «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...».

Принимается демонтировать свой «Завтрашний день»...

Занавес

1978 г.

Новоселье

Фантасмагория в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИТЯ — новосёл

АНЯ — его жена

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА — их соседка

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ — человек на хорошей должности

ИВАН ЕРОФЕЕВ — Митин товарищ по работе

НИКА — девушка из прошлого

ВОЛОДЯ — будущий Митин сосед

МУЖИЧОНКА — теперешний Митин сосед

НЕРАДИВЫЙ — «дворник»

БАБУШКА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

ВСЕЛЕНИЕ

На сцене темно, как может быть темно зимой вечером в городской неосвещённой квартире. В этой темноте — глухие голоса:

МИТЯ. Подожди ты! Подожди, тебе говорят!

АНЯ. Дай я попробую.

МИТЯ. Я сам!..

АНЯ. Может, не те ключи?

МИТЯ. Те.

АНЯ. А ну, дай я!.. (*Шум борьбы*).

МИТЯ (*смеётся*). Пусти... Не мешай.

Надрывно замыкал кот.

АНЯ. Мурзика прищемил.

МИТЯ. А! Чтоб его!..

АНЯ. Поцарапал он тебя?

МИТЯ. Конечно.

АНЯ. Бедненький. Сейчас спичку зажгу.

МИТЯ. Не надо.

АНЯ. Что?

МИТЯ. Попал.

Слышен шум отпираемой двери.

Всё!..

АНЯ. Открыл?

МИТЯ. Кошку. Кошку давай.

АНЯ. Ой!.. Мурзик, куда ты?

Мурзик, взвыв, убегает.

Мурзик убежал.

МИТЯ. Соскучится — прибежит.

Митя зажигает спичку, вкручивает лампочку, находит выключатель, включает свет... Пустая, ещё не обжитая трёхкомнатная квартира. Собственно, только достаточно большой коридор этой квартиры со множеством дверей да кучами мусора, который оставили торопящиеся строители. На пороге входной двери стоит, не решаясь войти, Аня.

АНЯ. Входить?

МИТЯ (*смеётся*). Конечно.

АНЯ. Надо было Мурзика первым пустить. Обычай такой, Митя: кошку первой пускать.

МИТЯ. Да ладно, входи.

АНЯ. Нет, Мить, а вдруг что-нибудь сглазится?

МИТЯ. Ань, какая ты!.. *(Подхватывает жену на руки и вносит в квартиру).*

АНЯ. Наша!.. *(Спохватившись.)* Мить, а вещи?

МИТЯ. Забыл!

Опускает жену на пол, вносит из-за двери чемодан и раскладушку, закрывает за собой дверь.

Приехали!

АНЯ. Наша!.. Дождались... *(Прижимается к мужу.)* Митенька...

Ущипни меня.

МИТЯ. Ничего, ничего.

АНЯ. Ущипни, а то не верится.

Митя ущипнул.

Ой!..

МИТЯ *(смеётся)*. Когда Чуха узнал, что мне квартиру дают, у него чуть глаза на лоб не вылезли. Аж закудахтал. «Как это?» — говорит...

АНЯ. Да ну его, твоего Чуху.

МИТЯ. Все ногти, должно, изгрыз...

АНЯ. Вот Ванька Ерофеев, небось, злится!..

МИТЯ. Чего ему злиться?

АНЯ. Ну как же! Квартира мимо него проплыла.

МИТЯ. Ты на что намекаешь? По-твоему, я вместо него тут? Значит, по-твоему, я его тогда нарочно напоил?..

АНЯ. Что ты, что ты, Мить? Я ничего такого не думала.

МИТЯ. Вижу я, как никто ничего не думает.

АНЯ. Да не слушай ты никого. Пусть себе лают... Все умные — других судить: «Не ваша квартира, не ваша квартира!». А чья?!

МИТЯ. Нюрка! Помолчи!

АНЯ. Не Нюрка я! Не зови меня так.

МИТЯ. А ты не пыли.

АНЯ. Чуть чего, сразу — Нюрка!.. Нюрка вот завтра встретит твоего Ерофеева и всё ему прямо в глаза выложит.

МИТЯ. Ань, не заводись.

АНЯ. Ему бы поменьше языком трепать на собраниях, тогда бы и квартира была. А то видали его? Выступает: «То — не так, это — не так». Тебя не спросили!.. Наверное, уж поумней тебя наверху люди сидят. Соображают, что к чему.

МИТЯ. Хватит!

АНЯ. То-то и оно, что хватит.

МИТЯ. Успокойся.

АНЯ. Конечно. Нервы на них тратить. Тут своих забот...

МИТЯ. Да...

Пауза.

АНЯ. Слышь, Мить... Давай костюм тебе купим. Я вчера на Космонавтов видела. Югославский. А?

МИТЯ. Какой костюм, Ань? Мебель надо новую сюда, а ты — костюм.

АНЯ. Ага... *(Пауза.)* Пошли глянем, где тут чего?

МИТЯ. Гляди.

Аня забегала по квартире. За ней следом — Митя.

АНЯ. Кухня какая! Как у нас с тобой вся комната, да?

МИТЯ. Больше.

АНЯ. А там что?

МИТЯ. Балкон.

АНЯ. Лоджия.

МИТЯ. А тут — кладовка.

АНЯ. Ой, где, Мить, где?

МИТЯ. Довольна?

АНЯ. Просторно как!.. Там наша спальня будет.

МИТЯ. А дочерям?

АНЯ. Им-то? Ой, и им места хватит. А чего так холодно, Мить?

МИТЯ. Где?

АНЯ. Да везде.

МИТЯ. Не знаешь, как строят?

АНЯ. Себе, небось, стараются, а нам — батареи плоские поставили. От них никакого тепла. Да и рвутся они, говорят.

МИТЯ. Давление чуть больше положенного — они и не выдерживают.

АНЯ. Чугуна им жалко, вот и придумывают. Надо как лучше придумывать, а у нас всё хуже и хуже... Хоть бы мусор убрали. Железок набросали и ушли.

МИТЯ. Ладно, хватит. А то, может быть, в общежитии останемся? Ордер назад отнесём...

АНЯ. Сейчас!

МИТЯ. Тогда нечего языком зря молоть. Давай прикинем лучше, как я сегодня спать тут буду. Или домой поедем? Что тут за одну ночь случится?

АНЯ. Ты что?! Разворуют всё. Знаешь, говорят, как бывает?.. Ты уж, Мить, вот здесь, в коридоре, тут хоть не так дует.

МИТЯ. Ну, давай тогда распаковываться... *(Ставит раскладушку.)* Садись, посиди.

Аня опускается на раскладушку. Митя садится рядом.

Холодно без тебя будет... *(Обнимает жену).*

АНЯ. Пойду я. Мне ещё через весь город ехать. И девочек накормить нужно...

МИТЯ. Да сиди! Что они, сами не найдут, где что? Невесты уже.

АНЯ. Митя!.. Нашёл время...

МИТЯ. Ну ладно, ладно... Посиди чуть-чуть.

АНЯ. Ох-х... Дождались!..

МИТЯ. Холодно.

АНЯ. Это подумать только — щели такие оставить! Откуда у них руки растут?

МИТЯ. Ничего. Отремонтируем. Работы тут на неделю, не больше. Щели законопатить да батареей сменить. Достать бы их, а поставить я и сам могу.

АНЯ. Мусор этот я потом уберу — ты не убирай. Завтра с Валеи придем и всё вымоем.

МИТЯ. Ей же в школу.

АНЯ. Наверстает. Одной мне тут не провернуть.

МИТЯ. Смотри сама.

Звонок в дверь.

АНЯ. К нам?

МИТЯ. Вроде.

АНЯ (*шёпотом*). А звонок, слышь, Мить, как хрусталь, да?

Митя подходит к двери, прислушивается.

Спроси.

МИТЯ. Кого бояться?

Открывает дверь. На пороге стоит Евгения Савельевна.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Здравствуйте... Простите, ради бога, я ваша соседка, напротив живу, в тридцать седьмой квартире.

АНЯ. Заходите.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (*входит*). А я слышу — вроде соседи наконец появились. Неделю уже одна живу... Нет, не в смысле, что я вообще одна живу, а на лестничной площадке никого. У меня муж и... сын... Они, правда, сейчас...

АНЯ. Где?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Муж в больнице. Пока я тут приведу всё в порядок, он там будет. У него... Парализован он. Частично. Правая сторона... Он дома лежал, вы не подумайте, что я специально в больницу его отправила. Вышло так, что дом наш под снос, а квартиру здесь дали. Но сюда же его нельзя сейчас. Нужно хоть... элементарно... грязь вывезти... И щели... Просто холодно. Здоровому человеку невозможно, а он...

МИТЯ. Правда, холодно.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Извините, я сейчас... На одну секунду... (*Уходит*).

МИТЯ (*Ане*). Если меня парализует, ты меня в больницу не сдавай.

АНЯ. Мить, какую ты ерунду говоришь!

МИТЯ. Да хоть и сдай...

АНЯ. Сплюнь три раза... Ой, совсем забыла! Посмотри, что я тебе купила! (*Достает из сумки комплект тёплого мужского белья*).

МИТЯ. Чего?

АНЯ. Бельё. Спать в нём, Мить. Посмотри — тёплое какое. Возле работы давали. Очередь небольшая. Наши все брали, и я... Что, думаю, не взяты.

МИТЯ. Зачем розовое?

АНЯ. Да там кому какое попадёт. По головам лезли. Ты примерь, Мить. Тебе хорошо будет.

МИТЯ. А ну-ка...

Начинает раздеваться. Звонок в дверь.

АНЯ (*подходит к двери*). Кто там?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (*из-за двери*). Откройте, это снова я.

АНЯ (*Мужу*). Пойди там где-нибудь переоденься.

Митя уходит в боковую дверь. Аня выпускает соседку.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Вот у меня... наливка домашняя. Сто лет уже стоит, всё повода не было, а сейчас... Надо же за новоселье, правда? И со знакомством...

АНЯ. Зачем? Оставьте мужу.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Ой! Ему... Теперь... Лишь бы у него там всё хорошо было.

АНЯ. Давно его парализовало?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Рука отнялась, когда с сыном... У нас с сыном беда...

АНЯ. Вы присаживайтесь.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Меня зовут Евгения Савельевна.

АНЯ. А я — Аня.

МИТЯ (*выглядывает из-за двери*). Ань, подай мне пиджак.

АНЯ. Ну-ка, покажись.

МИТЯ. Брось пиджак, говорю.

АНЯ. Покажи обнову-то. (*Выводит Митю к свету*.) Ой, лапушка!..

МИТЯ. Чего ты всё: «Лапушка, лапушка!» Какая я тебе лапушка?

АНЯ. Да ладно. Застеснялся.

МИТЯ (*смущённо*). Вроде ничего?

АНЯ. Хорошо! (*Соседке*.) Да?.. С окантовочкой... И тёплое... Теперь не простудишься. А то я думаю, как ты тут спать будешь? А теперь... Пальто ещё сверху на одеяло набросить, и всё. И переспишь.

МИТЯ. Тёплое вроде.

АНЯ. Конечно. Не наше, наверное... (*Разглядывает ярлык*.) Не нашему написано.

МИТЯ. Прибалтика.

АНЯ. Там умеют... Там на совесть делают. Хорошо. Да, Евгения Савельевна?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Раз тепло, значит — хорошо.

АНЯ. Летом — так и на улицу можно в нём выйти.

МИТЯ. Что я, свихнулся?

АНЯ. А что? В домино поиграть. Вполне прилично. Розовое тебе к лицу.

МИТЯ. Скажешь тоже. Дай лучше пиджак. *(Набрасывает поданный пиджак на плечи).*

АНЯ. Обмыть надо такую обновку. И за знакомство. Вот Евгения Савельевна вино принесла.

Митя разливает вино в стаканы.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Ой, а стакана только два. Я сейчас.

АНЯ. Не нужно. Митя из горлышка умеет.

МИТЯ *(отставляет бутылку в сторону)*. Вот ты!.. Нюрка!

АНЯ. Да я шучу. Ты что, не понимаешь? *(Берёт стаканы.)* За обновку. *(Отдаёт один стакан соседке.)*

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. И с новосельем вас, Дмитрий... *(Мите.)* Как вас по отчеству?

АНЯ. Дмитриевич. И за вашего мужа...

МИТЯ. А без вина нельзя?..

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА *(недоумённо)*. Можно...

АНЯ *(опешила)*. Ты что, Мить, заболел?

МИТЯ. Ничего не заболел. Хватит. Всё зло от него.

АНЯ. Ой... *(Улыбается.)* Ну, хватит — так хватит.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. И правильно.

АНЯ. Надо в клуб тебя записать. Вегетарианский.

МИТЯ. И запишусь, ты что думаешь?

АНЯ. Ой... *(Улыбается.)* И в газету ещё. В правофланговые.

МИТЯ. А ты не смейся. Когда сапогом по заливку — так в слёзы, а брось попробуй — сразу как на юридивого.

АНЯ. Ну ладно, ладно, Мить. Я так...

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. И правильно... *(Поставила стакан.)* Вот, значит, и вы переехали.

АНЯ. Ещё нет. Пока только Митя тут спать будет.

МИТЯ. На всякий случай.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Понимаю. Всякое бывает. Знаете, у моих знакомых заняли два года назад, так чуть не пропала квартира. И с милицией, и через суд пробовали — ничего не помогало. «Выселяйте сами, — говорят, — закон на вашей стороне». Главное — «сами»! А как им самим выселить? Они дверь железом обили и никому не открывают. Виктор Борисович — знакомый наш — мужчина тихий, так бы и оставил всё, но жена уходит собралась, на работе тоже... «Какой, — говорят, — из вас снабженец, если вы в собственную квартиру вселиться не можете?». А работа хорошая.

МИТЯ. Ну и... выселили?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Еле-еле. Позвал он ребят. Грузчиков с работы. Достал вина. Пожаловался им... Ну и выселили тех.

МИТЯ. И дверь железная не помогла?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Разве чего поможет, когда народ осерчает?

АНЯ. И как только люди так могут?! Заняли чужое — и всё тут! Ни стыда ни совести.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Даже не говорите! Ну, а когда в квартиру-то прорвались, победили, значит, этих-то, которые там сидели, то бить не стали, ничего такого. Вынесли только по одному, и всё.

АНЯ. Как вынесли?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Те же упирались. Не хотелось им, стало быть, с квартирой расставаться.

МИТЯ. Да... А то и печь газовую запросто вынести могут вместе с ванной и кранами. Да ещё кафель пооббивают. Потом живи тут.

АНЯ. А ты не хотел тут ночевать.

МИТЯ. Пересплю, чего там.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. И мне спокойнее с вами будет. А то повадился тут один: обменяйся да обменяйся с ним квартирами! Ему, видишь ли, здесь удобней жить.

АНЯ. Мало ли кому где удобней.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Нет. Квартира у него хорошая. И побольше нашей, и ухожена, и телефон даже есть, а я не хочу. Не могу.

МИТЯ. Почему?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Сын у нас... Уехал... Бросил нас...

МИТЯ. Как это?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Не подумайте чего такого... Так получилось... да... Наш дом частный здесь стоял. На этом месте... Он ведь сюда вернётся, куда ж ему ещё. Я уж и табличку на остановке приладила. Приедет, а мы здесь. Нельзя нам отсюда.

МИТЯ. Тогда, конечно...

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Яков, муж-то, согласился уже, деньги тот обменщик больно большие предлагал, а я — нет. Нет, и всё! Куда же мне от сына?!

МИТЯ. Тоже верно.

Пауза.

АНЯ. Ну что, Мить? Идти нужно... Добираться сколько... Да и девочек ещё покормить...

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА *(встаёт)*. Мне тоже пора.

МИТЯ *(Ане)*. Я утром захожу домой не буду, сразу на работу.

АНЯ. Ага.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Спасибо вам...

МИТЯ. Да чего там...

АНЯ. Ты, Мить, укрывайся как следует. Пальто сверху положи, не забудь.

МИТЯ. Не замёрзну.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Да, да. И пальто. Здесь такой холод.

МИТЯ. Ничего.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. До свидания.

АНЯ. До завтра, Мить.

МИТЯ. Счастливо...

Женщины уходят. Митя проверил дверной замок, выключил свет, тут же включил его снова, заглянул ещё раз во все двери, достал из чемодана постельные принадлежности, застелил постель, снял пиджак, лёг на раскладушку в своём тёплом прибалтийском белье.

МИТЯ. Бывают же люди!.. По чужим квартирам!.. Я бы их!.. *(Поворочался в постели и затих).*

Свет в квартире постепенно гаснет.

Картина вторая

С О Н

В этом сне первой появилась возле Мити девушка.

МИТЯ. Аня?..

НИКА. Здравствуй.

МИТЯ. Ника, ты?

НИКА. Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

МИТЯ. Ой, тепло, голубчик Морозушко!

НИКА. Вспомнил?

МИТЯ. Тяф! Тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут...

НИКА *(смеётся)*. Не было, не было этого!

МИТЯ *(смеётся)*. Бы-ы-ло!

НИКА. Как ты теперь?.. *(Пауза.)* Маешься?

МИТЯ. Живу.

НИКА. Тебе плохо?

МИТЯ. Почему?

НИКА. Когда хорошо, я тебе не вспоминаюсь.

МИТЯ. Мне хорошо! Я живу.

НИКА. Что случилось, Дима?

МИТЯ. Я получил квартиру.

НИКА. Это в самом деле хорошо.

МИТЯ. Её должен был получить другой, а отдали почему-то мне.

НИКА. И ты не знаешь, почему?

МИТЯ. Понимаешь, он хороший парень. Он... Но... Его застали пьяным на работе. Сняли с очереди, ну и... квартира, понятно, отпала.

НИКА. Но ты-то тут ни при чём?

МИТЯ. Я сам не могу понять. Все косятся. Как будто из-за меня.

НИКА. Не понимаю.

МИТЯ. Я не виноват, что его поймали, а меня нет. Мы вместе пили.

НИКА. Значит, тебе дали его квартиру?

МИТЯ. Выходит, так.

НИКА. И ты в неё пошёл?

Пауза.

МИТЯ. Мне не восемнадцать лет. Тебе хорошо оттуда, из детства, говорить. У нас теперь семья.

НИКА *(смеётся)*. Удивительно!..

МИТЯ. Что?

НИКА. Наверное, все прикрывают свои слабости одинаково: семья, дети... «Доживёте до моих лет — мы тогда на вас посмотрим». Так?

МИТЯ. Хочешь честно?

НИКА. Хочу.

МИТЯ. Помнишь, когда мы поссорились с тобой в первый раз?

НИКА. Когда?.. Во дворе? Весной?

МИТЯ. Да. Когда я... часики тебе подарил.

НИКА. На украденные деньги.

МИТЯ. Всё равно мать мне на пальто деньги собирала.

НИКА. Вот-вот...

МИТЯ. Твоё-то какое дело было?.. Полезла прямо в лужу...

НИКА. До сих пор, наверное, стыдно?

МИТЯ. Сейчас-то конечно. А тогда... Я схватил тебя на руки, хотел перенести, а ты... вырвалась на середине и ушла.

НИКА. Рыцарь...

МИТЯ. Ты так ненавидела меня тогда.

НИКА. Презирала.

МИТЯ. Так вот... Если хочешь знать, я с твоим тем презрением до сих пор живу. Пытаюсь доказать, что ты... что я... Что я чего-то стою.

НИКА. Ты до сих пор любишь меня?

МИТЯ. Я хочу тебе доказать...

НИКА. Значит, любишь.

МИТЯ. Я никогда тебя не любил.

НИКА *(смеётся)*. Вот уж неправда. По твоим ушам видно было.

МИТЯ. При чём тут уши?

НИКА. При том. Красные они часто были.

МИТЯ. Я просто стеснялся. Я ходил с тобой, потому что... Ты вся какая-то... кружевная была... Даже фотографию свою и то не по-человечески подписала: «This land is made for you and me». Почему не просто? Это, мол, земля для нас с тобой...

НИКА. Это же из песни. Весь аромат теряется, если перевести.

МИТЯ. Аромат! Все люди как люди, а у меня до сих пор всё ароматы.

НИКА. Это хорошо, Дима! Это прекрасно! Разве можно иначе? Если человек забывает свою юность, он уже не человек. Он уже в могилу торопится. Ему тогда и жить незачем.

МИТЯ. Между прочим, здесь на парфюмерной фабрике набор духов выпускают. «Наши ароматы» называется.

НИКА. Это ты к чему?

МИТЯ. Так, глупости. А я порвал ту твою фотографию.

НИКА. Зачем?

МИТЯ. Года через три после женитьбы. Нашло на меня что-то... Не знаю.

НИКА. Из сердца вон?

МИТЯ. Я ведь английский ещё в школе забыл, а эту фразу до сих пор помню.

НИКА. Порвал... Эх ты!..

Ника исчезает.

МИТЯ *(после паузы)*. Умные все!.. С других требовать... На себя бы посмотрела, на теперешнюю...

Митя заходил по коридору, потом вскочил в одну из комнат, где вдруг оказался кабинет Фёдора Фёдоровича.

Значит, так, Фёдор Фёдорович!..

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Да.

МИТЯ. Что — да?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Я слушаю.

МИТЯ. Вы это... Как его?..

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ты, брат, о чём?

МИТЯ. В общем, квартира моя?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Так.

МИТЯ. Ну вот! А то говорят.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Что говорят?

МИТЯ. Да неважно. Косятся. Что, я плохо работаю? Вкальваю не хуже других. Это здесь я четвёртый год, а вообще у меня — будь здоров. Шестнадцать лет стажа. Мне ещё каждый будет!.. Что мне, всю жизнь, что ли, по общежитиям?!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Если бы я на всех обращал внимание... Этак и свихнуться можно.

МИТЯ. Я не из таких. Не свихнусь.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. И не надо, не надо. Спокойнее. Через это надо пройти. Надо учиться всё осмысливать диалектически. Иначе, брат, просто нервы не выдержат.

МИТЯ. Да через что пройти-то? Вы о чём говорите?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А ты, брат...

МИТЯ. Что я?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Молодец. Этой непринуждённости мне всегда не хватало. Далеко пойдёшь. Кто там у вас в цехоме? Надо подсказать.

МИТЯ. Фёдор Фёдорович, давайте честно.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Только так.

МИТЯ. Вы тоже думаете, что я... ему дорогу перешёл?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ты про Ерофеева, что ли?

МИТЯ. Вот! Сами назвали! Значит, и вы думаете, что я его подпол?! Нарочно?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ну что за глупости!

МИТЯ. Вот-вот. И все так: «Что за глупости! Что за глупости!». И хмьляются. А в спину...

За входной дверью слышится мяуканье.

В спину...

Мяуканье повторяется.

Мурзик вернулся!..

За дверью продолжается мяуканье. Кабинет исчезает. Митя открывает входную дверь. В квартиру врывается тшедушный мужичонка, бросается на пол в дальний угол коридора, укрывая голову пальто.

МУЖИЧОНКА. Только не прогоняй! Бей, сколько влезет, только не по голове. А то — больно!.. Ну!.. Ты чего молчишь, Клава? Я там батарею притащил, без поллитры не доставишь, пришлось за компанию... А, Клава?... На улицу только не надо. Холодно.

МИТЯ. Ты чего тут?

МУЖИЧОНКА. А?... *(Высовывает голову из-под пальто.)* А Клава где?

МИТЯ. Какая Клава?

МУЖИЧОНКА *(озирается)*. А? Это... Вешалка где?... А Клава? Ты что?! Смотри. Тебя расстреляют.

МИТЯ. За тебя много не дадут.

МУЖИЧОНКА. А за Клаву? За неё вышка. Я узнавал. *(Шёпотом.)* Ты куда её дел? А?

МИТЯ. Да какая Клава? Нет тут никакой Клавы.

МУЖИЧОНКА. А? Это какой этаж?

МИТЯ. Третий.

МУЖИЧОНКА. Опять перепутал. Я над тобой как раз живу. Ты не обижайся, со мной это бывает. И в том доме было, теперь здесь... произошло вот. Ты не обижайся, я к тебе часто попадать буду.

МИТЯ. Это мы посмотрим.

МУЖИЧОНКА. Будет такое, я знаю. В том доме соседи и в милицию ходили — бесполезно. Виноват я, что ли? Напыюсь и путаю.

МИТЯ. Лечиться надо.

МУЖИЧОНКА. Я уже лечился. Два раза. Один раз соседи отправили, в другой раз Клава сдала. Меня не берёт лечение. Только место занимаю, и всё.

МИТЯ. А мяукал зачем?

МУЖИЧОНКА. А-а!.. Это военная хитрость. Про матроса Кошку читал? Хитрый был такой солдатик ещё давно. А я что, хуже? Жена не пускает, я — «мяу»... Лишь бы открыла, а там — бей, я уже дома. У тебя выпить ничего нет, а?

МИТЯ. Тебе уже хватит.

МУЖИЧОНКА. Тридцать капель, а? За мной не пропадёт. А, друг?

МИТЯ. Нет у меня.

МУЖИЧОНКА. Да вон — я вижу. *(Показывает на наполненные стаканы.)*

МИТЯ. Иди давай отсюда.

МУЖИЧОНКА. Слушай, тебе батарея не нужна?
МИТЯ. А достанешь?
МУЖИЧОНКА. Вон она, возле двери стоит.
МИТЯ. Где?
МУЖИЧОНКА. Пошли.

Выходят на площадку и вносят вдвоём чугунный радиатор.

МИТЯ. Как ты его один донёс?
МУЖИЧОНКА. Ты что?! Один! Помогли. До самых дверей донесли.
Берёшь?
МИТЯ. За сколько?
МУЖИЧОНКА. Тут на полтинник. Пять рублей ребро. А я тебе... Давай четвертной.
МИТЯ. Ну, ты даёшь! Я захочу – на стройке даром сейчас пойду возвзму.
МУЖИЧОНКА. А поймают?
МИТЯ. Ну, сторожу на бутылку дам.
МУЖИЧОНКА. Давай мне.
МИТЯ. Что?
МУЖИЧОНКА. На бутылку.
МИТЯ. Так бы и давно. Только дам не сейчас. Сейчас у меня денег нет.
МУЖИЧОНКА. Э-э-э, так не пойдёт.
МИТЯ. Не пойдёт – не надо. Волоки её отсюда.
МУЖИЧОНКА. Подумаешь!.. *(Пытается поднять радиатор, но у него это не получается)*. А когда отдашь?
МИТЯ. Да хоть завтра. Я завтра опять здесь буду вечером. Заходи.
МУЖИЧОНКА. Идёт. Деньги только не нужно. У Клавы нюх собачий на деньги. От неё не спрячешь. Ты сразу две бери.
МИТЯ. Мы же об одной договаривались?
МУЖИЧОНКА. Мы о водке договаривались?
МИТЯ. Ну...
МУЖИЧОНКА. А мне «Золушку» лучше.
МИТЯ. Чего?
МУЖИЧОНКА. «Золотую осень».
МИТЯ. Ой...
МУЖИЧОНКА. Можно и «Аромат»... Да покупай любое, только не водку. Я крепкую не могу. Ну её.
МИТЯ. Наши ароматы?
МУЖИЧОНКА. Не понял.
МИТЯ. Это я так. О своём. Приходи завтра. Сделаю тебе две «Золушки».
МУЖИЧОНКА. Только не половинки, большие бери.
МИТЯ. Сделаю.
МУЖИЧОНКА. Ну, давай.
МИТЯ. Чего?
МУЖИЧОНКА. А вон. *(Кивает на стаканы)*.
МИТЯ. Пей, если хочешь.

МУЖИЧОНКА. А ты? *(Берёт стаканы)*.
МИТЯ. Я не хочу.
МУЖИЧОНКА. Обижает. Не совсем уж я докатился, чтобы одному цедить. Давай и ты. *(Подает Мите второй стакан.)* На этотот... Как его?..
МИТЯ. Говорят тебе – не буду.
МУЖИЧОНКА. Что ж мне теперь? Одному?.. Тридцать капель, а? На брудершafft. За знакомство, а?..
МИТЯ. Нет.
МУЖИЧОНКА. Ну что ты за человек?! Заставляешь одного... Ладно... *(Берёт оба стакана.)* Чтоб грела!.. *(Пьёт из одного стакана.)* Батарея, говорю, чтоб грела... *(Пьёт из второго)*.
МИТЯ. Закусывать у меня нечем.
МУЖИЧОНКА. Г-гхм... Ну её, закуску, от неё только развозит. *(Пьёт из бутылки.)* Г-гхм... Пойду, пока не стемнело... в глазах... Г-гхм... Мне ещё домой прорваться нужно.
МИТЯ. В строгости тебя держит? Жена-то?
МУЖИЧОНКА. Ну!
МИТЯ. А то оставайся у меня. Проспишься, потом пойдёшь.
МУЖИЧОНКА. Ты что? Если вообще не приду домой, знаешь что будет? Она меня к женщинам очень ревнует.
МИТЯ. Тогда топай.
МУЖИЧОНКА. О! Уже забирает. Пойду. Надо успеть.
МИТЯ. Давай.
МУЖИЧОНКА. Если помочь что, я наверху живу. В сорок второй. Заходи. Только перед работой. Или в выходной, тоже с утра. Вечером – бесполезно. Отрубаюсь.
МИТЯ. Бывай.
МУЖИЧОНКА. Ты, друг, не бойся. Если что, я всегда. Сеня – скажи – Захарыч, так, мол, и так. Я – никогда. Спроси хоть кого.
МИТЯ. Иди, иди. А то не дойдёшь.
МУЖИЧОНКА. А?.. Да. Надо успеть...
МИТЯ. Как тебя до сих пор не загребли?
МУЖИЧОНКА. Дисциплина! Я, браток, до работы не пью. На работе не пью! Пьём в слоне на детской площадке, когда стемнеет. И сразу – домой. Огородами... Ладно, бывай. Мяу!.. *(Уходит)*.
МИТЯ *(кричит вслед ушедшему)*. Если жена не пустит, ты по крыше ступай. Там и мой кот где-то. Может, корешами станете... *(Закрывает дверь.)* Вот чудо-то!.. *(Снимает пиджак.)* Бывают же... артисты... похлеще Чухи... *(Ложится.)* А на меня ещё кричат!.. Тоже мне!.. *(Садится на постели.)* Нет, конечно... Ерунда!.. А, Ваня?..

На куче строительного мусора уже примостился Иван Ерофеев.

ЕРОФЕЕВ. Убиваешься, что ли, Димыч?
МИТЯ. И не говори.
ЕРОФЕЕВ. Из-за меня? Плонь.
МИТЯ. Не нарочно ведь я! А все на меня сбоку смотрят. Что я сделал такого? Я и сам тогда в стельку был. Это случай, что и меня с тобой не загребли.

ЕРОФЕЕВ. Чуху, заметь, тоже не тронули.

МИТЯ. Не помню.

ЕРОФЕЕВ. А тебя... «не нашли». Я тебя в шкаф в бытовке спрятал.

МИТЯ. Правда, Вань?

ЕРОФЕЕВ. Зачем, думаю, тебе ещё пропадать?

МИТЯ. Помню, кричал кто-то на тебя: «На собраниях выступаешь, а сам с горлышком целуешься?»

ЕРОФЕЕВ. Капуста.

МИТЯ. Фёдор Фёдорович?

ЕРОФЕЕВ. А то кто же?

МИТЯ. Он меня не видел?

ЕРОФЕЕВ. Слышал. Ты ему про негров пел из шкафа.

МИТЯ. Зачем же он тогда... квартиру?

ЕРОФЕЕВ. Не понимаешь?

Пауза.

МИТЯ. Не надо было нам тебе наливать. Непьющий же ты!

ЕРОФЕЕВ. Я и не хотел. С чего вы завелись?

МИТЯ. Да мы с Чухой одну выпили — мало показалось... *(Встал, прошёлся по коридору.)* Правда, не надо было... Ты и выпил-то всего граммов семьдесят.

ЕРОФЕЕВ. Хоть двадцать. Запах есть — приехали.

Пауза.

МИТЯ. Надо было тебе на собрании выступать?!

ЕРОФЕЕВ. Обидно стало за нас за всех. Неужели, думаю, совсем уж я...

МИТЯ. Вот ты даёшь!..

ЕРОФЕЕВ. Пойми, чудак! Нельзя недоделанный цех сдавать. Это же не конвертный, а конвертерный. Знаешь, сколько страна терять будет из-за этого вредительства?

МИТЯ. «Вредительство»! Понесло тебя! Скажи ещё: «Враги народа!».

ЕРОФЕЕВ. А кто же они? Друзья? Они что, дети малые, не ведают, что творят? Не понимают, что каждый год воруют по двести миллионов у народа своего? Я специально узнавал — двести миллионов! С ума сойти — сколько денег! Жулики по всей стране столько за год не награбят, а тут десяток разгильдяев — запросто. Благодетели народные!

МИТЯ. Да доделают всё, что ты боишься? Главное было — цех пустить, а потом...

ЕРОФЕЕВ. Кто доделывать будет? Пустили — теперь и министр не остановит, металл пошёл.

МИТЯ. Подожди.

ЕРОФЕЕВ. А металл какой даём? Тьфу!

МИТЯ. Ваня...

ЕРОФЕЕВ. Кричали: «Лучший цех в мире! Первый в Европе! НТР! НТР!..» По проекту технология, может, лучшая и во всей Вселенной, а спяпали так, что...

МИТЯ. Чего ты?

ЕРОФЕЕВ. Это ж надо?! Электроника до сих пор в ящиках на грузовом дворе мёрзнет. И то правда: на что нам кибернетика? По старинке — оно сподручней.

МИТЯ. Мы, что ли, виноваты в этом?

ЕРОФЕЕВ. А кто? Строители тю-тю! Уехали. Теперь нам за всё краснеть.

МИТЯ. Чего тебе-то, если начальство не колышет?

ЕРОФЕЕВ. А ничего!

МИТЯ. И сидел бы.

ЕРОФЕЕВ *(помолчал, усмехнулся)*. Я бы, может, и не полез... Тут сестра с мужем в отпуск приехали. Зашёл разговор... Он у неё в театре работает... Так вот, если хочешь знать, на все пятьсот с лишним театров государство отпускает восемьдесят миллионов в год. Восемьдесят на все театры! А тут, чтобы, видишь ли, досрочно пустить цех... Да лучше бы эти двести миллионов театрам отдать. Может быть, тогда у них что-нибудь путное было бы.

МИТЯ. Нужны тебе эти театры?

ЕРОФЕЕВ. Ну не театрам. Мало ли куда надо? Главное, ведь из-за одного-двух балбесов двести миллионов государство каждый год терять будет. А сколько ещё таких? Прополоть бы их по всей стране — давно бы уже в коммунизме пахали. И мы, и негры твои.

МИТЯ. При чём тут «мои»?

ЕРОФЕЕВ *(смеётся)*. Громко ты тогда про них из шкафа пел.

МИТЯ. А Капуста что, на самом деле слышал?

ЕРОФЕЕВ. Наверное. Он всё боялся, как бы ты вместе со шкафом на него не упал. У тебя там штормило.

МИТЯ. Ну, Фёдор Фёдорович!..

ЕРОФЕЕВ. Всё ещё удивляешься?

МИТЯ. Чему?

ЕРОФЕЕВ. Ну... Мою квартиру — тебе.

МИТЯ. Брось! Ты к чему ведёшь? Думаешь, я специально тебя?

ЕРОФЕЕВ. Дело не во мне. Я — ладно! Но мне не всё равно, что будет с моим заводом. Понял? Мы ещё побарахтаемся.

МИТЯ *(смеётся)*. «Вперёд! Заре навстречу!»?

ЕРОФЕЕВ. Заткнись!.. Нельзя тебе это лапать. Ты эти слова не тронь, слышишь? Они не для тебя пелись!

МИТЯ. Ваня! Что ты?.. Я пошутил!

ЕРОФЕЕВ. Над этим нельзя шутить. Я тебе всё прошу. В квартиру мою въехал — ладно, живи!.. Но смеяться ты теперь разучись. Поняно?!

Ерофеев исчезает. И сразу же откуда-то сверху слышен грохот. Очевидно, соседа, живущего этажом выше, взялась воспитывать жена.

МИТЯ. Эй, вы там! Динозавры! Я вот сейчас поднимусь, я вам устрою!.. Помолчите! Вы!.. Слышите?!

Всё стихло. Пауза. Появляется Ника.

НИКА. Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

МИТЯ. Холодно мне!.. Холодно. Сил нет терпеть... Руки зябнут.

Сверху опять грохот.

МИТЯ (*кричит в потолок*). Мамонты!.. (*Нике*.) Людьями называются. Вымрут ведь! Птеродактили.

НИКА. Тепло ли тебе, лапушка?

Звонок в дверь.

МИТЯ. Ага. (*Подходит к двери*.)

Ника исчезает.

Кто?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Откройте, Дмитрий Дмитриевич, это я.

МИТЯ. Сейчас. (*Открывает дверь*.) Входите.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (*входит*). Пожалуйста, простите меня, но я подумала, что вам будет холодно... (*Протягивает одеяло*). Вот.

МИТЯ. Что?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Одеяло. Укройте ещё одним, теплее будет.

МИТЯ. Не замёрзну я.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Может быть, совсем и не замёрзнете, но зачем же мучиться?

МИТЯ. Зря вы беспокоитесь, Настасья Петровна, я закалённый.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Меня зовут Евгенией Савельевной.

МИТЯ. Простите. У меня тёщу Настасьей Петровной звали. Я по привычке... Хорошие у вас глаза. Добрые.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Ну вот. Дожила и до комплиментов.

МИТЯ. Только очень усталые.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Устали за шестьдесят лет. Отдыхайте.

МИТЯ. Не спится что-то.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. В ваши годы только и спать.

МИТЯ. Да-а-а!..

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. А нам ворочаться с боку на бок.

МИТЯ. Посидите немного. Зачем вы мне одеяло отдали? Сами бы укрылись.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Я и так под двумя сплю. У меня ещё мужнино есть.

МИТЯ. А это чьё? Ах, да! У вас сын ведь. Он в отъезде, вы говорили?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Он в отъезде... В отъезде...

МИТЯ. Я что-нибудь не так сказал?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Нет, почему же? Он на самом деле в отъезде... Третий год.

МИТЯ. В армии, что ли? Это не страшно. Я служил. Скоро вернётся. Третий год, говорите?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Бросил он нас. Уехал, и нет его больше. Это сложно объяснить... У нас в семье так всё запуталось...

МИТЯ. Бывает.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Не по-человечески у нас получилось. С сыном... Мы так радовались, когда он родился. Такой славный мальчик был... Отец гордился им, когда он комсомольским оперативным отрядом командовал. «В деда! Дедова закваска!». У мужа отец комиссаром дивизии в революции был, так мой — муж, значит, — сына комиссаром звал. А тот и вправду как одержимый. В нашем районе шпаны было — пройти нельзя, так Глеб с ними не на жизнь, а на смерть. Его и пугали, и били, один раз ножом поранили даже, а он — своё. «Это, — говорит, — не наши люди. Из-за них фундамент может осадку дать...». Он в строительном у нас учился и все словечки оттуда любил говорить.

МИТЯ. А потом?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Потом... Из-за меня всё!.. (*Пауза*.) Скандал у нас с мужем вышел... Мы редко с ним скандалили, а тут сама не знаю, как получилось... В общем, я при Глебушке вспомнила, как он, муж, значит, от отца своего отказался, когда того арестовали. По ошибке, конечно, арестовали — потом-то реабилитировали, но это потом... Посмертно. А тогда... Попробуй не откажись — значит, и ты заодно. Ну, может, и не так, но плохо было бы... Мой и отрёкся... И уже всё прошло-позабылось. Глебу мы ничего об этом не говорили, ни в коем случае, а тут я, в горячах, не вытерпела. Что-то Яков — муж это мой — опять сделал. По мелочи, но очень уж больно мне стало... (*Пауза*.) Зачем мне надо было?..

МИТЯ. Вы рассказывайте.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Что рассказывать? Был у нас сын, а теперь нет его... Где-то есть, но не для нас...

МИТЯ. Не пишет?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Нет. Как отрезал. Уехал, и всё... А ведь сначала и виду не подал, когда услышал-то. Я уж потом смотрю — хмурый ходит. Мы ничего не поймём. Отряды свои забросил, в институт — через пень-колоду. Начнёшь с ним говорить — молчит. Или вопрос тебе такой, что не знаешь, как и ответить.

МИТЯ. Да...

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Нет, каков?!

МИТЯ. Это он зря.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. А я что говорю? Но его разве вразумишь, когда он такой стал? Мы себе места не находим, ничего не поймём. К нему, а он: «Мама, не нужно ничего выяснять, пожалуйста». А отцу: «Отойди по-хорошему...».

МИТЯ. Надо же!..

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Вот такие дела... Записки стали сын с отцом друг другу писать: «Иди учись!», «Не пойду». А я у них — почтальон. Дошло до того, что отец за ремень взялся. Остальное уже всё перепробовали...

МИТЯ. Иногда ремнём не мешает.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Что тут началось!.. «Ты деда предал! Ты

хуже Иуды, ты отца своего в грязь втоптал. Иуда – учителя, а ты – отца». И в слёзы. Все трое. Отец ему: «Пойми, сынок, прости. Время было такое. С таким пятном все пути были отрезаны». – «Ну и топай-те теперь! Этими путями. А я – не хочу!».

МИТЯ. При чём здесь все?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Вот и я ему: «Глебушка, зачем свою обиду на весь белый свет выплёскивать? Мы плохие – ладно. Не можешь простить – не прощай. Но зачем всех в одну кучу? Без людей нельзя, сынок. Пропадёшь...». А он... А он... *(Всхлинула.)* «Пусть, – говорит, – лучше пропаду, но... самое дорогое... Разве можно? Как жить потом?... Дышать?... Зачем?...». – «А сам? Что с отцом делаешь?». – «У меня его нет». – «А мать? Мать есть?!» – «Мама, – говорит, – мама... Мамочка м-моя... И-из-извини меня...». Такой ласковый был... Бывало, ножки озябнут... «Глебушка, – говорю – Гле... Гле...». *(Не смогла продолжать.)*

МИТЯ. Может, приляжете?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Я к себе пойду.

МИТЯ. Как же вы одна? Вдруг плохо станет?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Ничего. Я привыкла.

Митя проводил соседку, закрыл за ней дверь.

МИТЯ. Хуже Иуды!.. Придумать же нужно!.. На отца такое... *(Присел на раскладушку, задумался.)*

Рядом с ним появилась Ника.

НИКА. Не нравится?

МИТЯ. Нет.

НИКА. Не страшно?

МИТЯ. Я никого не предавал.

НИКА *(уходя)*. Ты не вымрешь... Ты не мамонт...

МИТЯ. Я?... А кто я?

НИКА. Ты – амёба. Вымирает Ерофеев. Ты не вымрешь. Ты – амёба.

МИТЯ. Я амёба, ты амёба, он амёба, мы амёба...

НИКА. Ты – амёба. Ты – бессмертен. *(Исчезает.)*

Пауза.

МИТЯ *(тоскливо)*. Братцы!.. Что ж мы делаем-то?.. Братцы!.. *(Подойшёл к куче мусора, пристально посмотрел на неё и неожиданно зло пнул ногой. Сверху опять раздался грохот. Митя неуверенными шагами подошёл к раскладушке, прилёг на неё и замер...)*

Занавес*

*Спектакль можно играть и без перерыва.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ СНА

Так пролежал МИТЯ довольно долго. Нельзя сказать, чтобы ему при этом ничего не снилось. Просто образы на этот раз были настолько неконкретны, расплывчаты и тяжёлы, что почти совсем растворялись в общей темноте квартиры...

Вывел его из оцепенения робкий звонок у входной двери. Митя встал.

МИТЯ. Кто там?

БАБУШКА *(за дверью)*. Откройте.

МИТЯ *(включил свет)*. Кто это?

БАБУШКА. Шампунь не нужен?

МИТЯ. Сейчас. *(Открыл дверь.)*

На пороге оказалась Бабушка с канистрой в руках.

БАБУШКА. Шампунь, говорю, не нужен?

МИТЯ. Какой шампунь?

БАБУШКА. Яичный. *(Ставит канистру на пол.)* Вот. Четыре кило... В магазине такого не купишь.

МИТЯ. На что он мне?

БАБУШКА. Мылиться... Ты не сомневайся. У меня и безмен есть. Можно взвесить. По трёшнику уступлю за кило. Днём у меня и по пять брали, а сейчас – домой надо ехать. Не назад же его везти? Только посуду давай свою. Мне тара ещё пригодится.

МИТЯ. Давай-ка, бабушка, отсюда.

БАБУШКА. Что? Не нужно?

МИТЯ. Давай, давай.

БАБУШКА. Как знаешь, как знаешь... А то бери и с канистрой.

МИТЯ. Совсем обнаглели. Шампунь – канистрами носят.

БАБУШКА. Ты не осуждай, мил человек. Ежели судить да рядить братья, так это надо чуть поболее твоего прожить.

МИТЯ. Да не сама же ты этот шампунь приготовила? С фабрики ведь стащила. Воровка ты.

БАБУШКА. Да? Я воровка? А если... Если больше нельзя никак? И так, и этак я – чую, не выкручусь. Вот и пошла...

МИТЯ. Да ладно! Все ей виноваты, а она... Голодовка, что ли? Скажи уж: плохо лежало, вот руки и зачесались.

БАБУШКА. Ох... Все мы хорошие, сынок, пока жареный петух не клюнул... А если... Если, чтоб Ниночке аппендицит вырезали, сто рублей отдай, тогда как?

МИТЯ. За что?

БАБУШКА. За то. Да за каждый день, что она там лежала, пятёрку,

хочешь — нет, выложи. Теперь охотников даром ходить за больными — не больно-то. Без рублика сестра милосердная и не глянет в твою сторону. А как же?! Запах...

МИТЯ. Ты что плетёшь? У нас медицина бесплатная.

БАБУШКА. Коне-ечно! Всё у нас бесплатное... Её на стол надо класть, а сестра выходит, говорит: «Доктор сейчас занят, к собранию готовится...». Я ей: «Как же занят? Отойдёт ведь внучка, пока вы там собираетесь. Разве можно?». Она мне: «Дать надо доктору». Потихоньку так, и вроде одолжение мне делает. «Сколько?» — «Сто». Я ей: «Побойся Бога, милая, откуда у старухи такие деньги? Родителей у неё нету, в отъезде, внучку мне скинули, а у меня — какие деньги? Я ить их не кую, я ишачу». — «Как знаете». И порх в дверь...

МИТЯ. Они что? Сбесились? Они же клятву там дают. Чтоб по-честному.

БАБУШКА. Ага. Друг дружку они, может, и по-честному режут.

МИТЯ. Судить их за это надо.

БАБУШКА. Суди, когда тут внучка вот-вот... Что я потом зятю скажу? Побежала я... Пока всех обегала да набрала, у неё уже... Еле-еле успели.

МИТЯ. Не может этого быть!

БАБУШКА. Сто-то рублей, бог с ними. Я бы, может, и обошлась... Выписали её через неделю, а рана возьми и загноись. В больницу надо. Опять четвертной вынь — положь. И за уход. А как же?.. По-неволе это ярмо наденешь. *(Кивает на канистру)*.

МИТЯ. Куплю я у тебя этот шампунь, бабушка, куплю. На сколько тут у тебя?

БАБУШКА. Пятнадцать дашь — с канистрой оставлю.

МИТЯ. Хорошо. Только у меня сейчас нет. Завтра зайди, завтра я отдам.

БАБУШКА *(нерешительно)*. Я больно далеко живу... Ехать сюда несподручно... Похожу ещё, пожалуй. Авось кто-нибудь и возьмёт.

МИТЯ. Ну, как знаешь. А то — оставляй.

БАБУШКА. Нет-нет. Раз решила — пойду. Ничего. Теперь лифты есть — похожу ещё.

МИТЯ. Ну, бывай.

БАБУШКА. Помогай Бог. *(Уходит)*.

МИТЯ. Как так можно? Как у них руки не отсохнут?.. Гады... *(Ложится в постель.)* То-то я смотрю, на аптеках змеи нарисованы...

Вдруг, будто извержение вулкана, загрохотала наверху битва соседа с женой.

(Вскакивает.) Тихо! Неандертальцы!

В будущей гостиной что-то взорвалось. Митя бежит туда. Там, окутанный ключьями едкого дыма, на полу своего кабинета, напоминающего скорее лабораторию алхимика, среди колб и реторт с булькающими смесями сидит Фёдор Фёдорович. И лицо, и руки, и фартук на нём перепачканы сажей.

Ты что тут взрываешь?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Опять не получился.

МИТЯ. Что?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Эликсир, чёрт бы его побрал, никак не получается.

МИТЯ. Зачем он тебе?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Для счастья. Принял несколько капель — и всё в порядке, и у тебя всё есть. Тебе уже никто не нужен, а ты нужен всем.

МИТЯ. Хорошенькое счастье! На клочки же раздерут.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ *(сниходительно)*. Ну, тогда-то ты сможешь и проигнорировать, кого пожелаешь.

МИТЯ. В этом всё счастье?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ещё какое! Ты просто ещё не вкусил. А я краешком приобщился. Дух захватывает.

МИТЯ. Что тут у тебя не выходит?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Здесь у меня рецепт... *(Показывает Мите пергамент с письменами.)* Йодистое серебро, свинец, высушенная кровь полуторанедельного хомячка, лавандовое масло — это всё есть. А вот как быть с сухожилием из предплечья патриция — ума не приложу.

МИТЯ. Патриции? Это древние буржуи?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Вроде. Где их взять?

МИТЯ. Они все перемёрли.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Наверняка можно было бы заменить патриция каким-нибудь представителем монополистического капитала, но его тоже хрена с два где у нас найдёшь.

МИТЯ. За валюту можно найти.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Была бы валюта, стал бы я с эликсиром хичичить.

МИТЯ. Ладно. Давай рассказывай.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Так вот, я, вместо сухожилий патриция, размолот коренной зуб расхитителя социалистической собственности.

МИТЯ. Свой?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Н-н-да... Мне как раз вчера удалили.

МИТЯ. И не вышло?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Почему-то не получилось

МИТЯ. Конечно, не получится. Сравнил свои зубы с ихними сухожилиями.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Тут ещё одна надпись есть.

МИТЯ. Ну-ка.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ *(читает)*. Кондицио синэ ква нон ин стату насценди дикси эт анимам левави.

МИТЯ. Понятно.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Это латынь!

МИТЯ. Это семечки. Значит так: когда у тебя там бурда твоя закипит, всё как на духу выкладывай, что за жизнь наболело. Иначе всё насмарку.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ты... Вы латынью владеете?

МИТЯ. Гроссо модо.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Поразительно.

МИТЯ. Ну что, попробуем?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Я пробовал исповедоваться. Из-за этого и взорвалось.

МИТЯ. Давай ещё разок. Вместе.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Патриция же нет.

МИТЯ. Ещё один зуб вырви у себя. Чем ты хуже буржуев?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Нет-нет. У меня от старого ещё немного порошка осталось.

МИТЯ. Химичь.

Фёдор Фёдорович колдует над ретортой. Пламя спиртовки разгорается всё ярче. Из реторты валит дым.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Как бы опять не взорвалось.

МИТЯ. Начинай.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Что?

МИТЯ. Исповедь свою, говорю, начинай.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Сейчас...

Митя стучит колотушкой в большой барабан.

МИТЯ. Ну.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Дорогие товарищи...

МИТЯ. Дальше.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Наше государство... Всё хорошо у нас!

МИТЯ. По делу говори.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Но... в общем... конечно...

МИТЯ. Смелее.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А что говорить?

МИТЯ. Что думаешь.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Конечно, существующая у нас кое-где ещё... местами... диспропорция в социально-экономическом развитии сужает возможности для дальнейшего повышения...

МИТЯ. Не бубни, как пономарь. Душу вкладывай.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (*громко*). ...Не способствует полному решению задач по неуклонному повышению материального уровня жизни трудящихся.

МИТЯ. Стоп! Ты что, газету читаешь? Своё надо. Из души.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А я откуда?

МИТЯ. Своё там у тебя что-нибудь есть?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Сейчас... Сейчас про своё... Живу я со своей женой... Не изменял ей никогда... Хотя очень хочется иногда, потому что она... (*Кричит*). Но хозяйское отношение к металлу — понятие многогранное, охватывающее различные стороны нашей жизни...

МИТЯ. Погаси огонь!

Фёдор Фёдорович гасит спиртовку.

Это всё, что у тебя за душой?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. В основном.

МИТЯ. Ты это на лекциях рассказывай. А здесь нужно самое сокровенное. Что у тебя больше всего болит.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. У меня ничего не болит. Я здоров.

МИТЯ. Да? Здоров?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Пока — да... Послушай, может быть, лучше будет, если я на твои вопросы буду отвечать? У тебя есть что спросить?

МИТЯ. Найдётся. Разжигай огонь. (*Бросает ему колотушку.*) Стучи.

Фёдор Фёдорович зажигает спиртовку.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (*стучит*). Так?

МИТЯ. Живее!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (*стучит*). Так?.. (*Заражаясь ритмом барабана.*) Так?!

Оба начинают двигаться вокруг реторты в пластике ритуальных танцев африканских племён.

МИТЯ. Значит, ты весь такой правильный?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Стараюсь.

МИТЯ. Хорошо!.. А квартиру зачем мне отдал?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Заслужил.

МИТЯ. А Иван?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Пить не надо.

МИТЯ. Он непьющий.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А кто рабочее место в забегаловку превратил? Я, что ли?

МИТЯ. Это я ему тогда налил. Я! Пятьдесят грамм всего.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Семьдесят. Ты знаешь, что ему за это сегодня можно припаять... Пусть ещё спасибо скажет.

МИТЯ. Ты знал, что я тогда там, в стельку пьяный, в шкафу сидел?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Слышал даже. Песни твои.

МИТЯ. И мне за это квартиру?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. И за это тоже.

МИТЯ. А ещё за что?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. За то, что ты молчун.

МИТЯ. А он против шерсти погладил?

Пляска прекращается.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Да гладь, как хочешь, разве мы против? Выступай, вскрывай: «Наряду с достигнутым, имеются отдельные...». Никто у нас критику не запрещает. Но надо и границы знать. Тут, понимаешь, праздничное событие, из министерства представители сидят, а он — на тебе — выступил. Расхлёбывай теперь после него.

МИТЯ. Он правду сказал.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Какую правду?! Нам цех сдавать, металл стра-

не нужен!.. Вот заставить бы его сдать цех к Новому году, что бы он тогда запел?

МИТЯ. Так что, лучше молчать?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Работать надо! Каждому на своём месте. И отвечать каждому за свой участок. Тогда и будет толк.

МИТЯ. Он как раз об ответственности и говорил.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Все рассуждать научились: «То — не так, это — не так...». Вот посиди теперь и подумай. И другие пусть подумают, что лучше: заниматься трепотнёй или квартиры получать! Впредь наука будет.

МИТЯ. Какая наука?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Главная! Чтобы дело делалось.

МИТЯ. Дело?!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Стране металл нужен.

МИТЯ. Смотри какой.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Какой угодно. Мы не имели права задерживать пуск цеха. Даже на день не имели права. На день! Кто же нам позволил бы отодвинуть пуск на полгода? Да нас за это в двадцать четыре часа... И виноватых, и правых.

МИТЯ. Вот от этого и плясать нужно! Ты не о заводе, не о стране — о себе только! Из-за таких вот, как ты, все беды у нас. И ты ещё посмел человека, который попытался...

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ты же сам по костям Ерофеева в квартиру залез!

МИТЯ. Думаешь, я не понимаю? А если ждуть больше сил нет? Если очередь подойдёт ещё чёрт-те когда?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Правильно. Знай, сверчок, свой шесток.

МИТЯ. Что правильно? Мы ведь кто есть? Мы — первые! На нас другие смотрят. Учатся. Нельзя нам... Если каждый бы взялся почестному, по-нормальному хотя бы... Не надо всякого там героизма, но хоть не плевать на то, что сам же и сработал, — как бы мы уже жили!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Кто это безобразничает подобным образом?

МИТЯ. Какая разница — кто? Хотя бы и ты.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. В каком смысле?

МИТЯ. В таком. Ты знаешь, что из-за тебя люди в театр скоро перестанут ходить?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Что-что?

МИТЯ. Ты у артистов двести миллионов своровал из-за своего насиженного места. У них, у меня... У всех!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Что ты городишь?

МИТЯ. А сколько вас, таких паразитов? Если каждый на червонец навредит, и то... на ЭВМ не сосчитаешь, а тут по двести миллионов на ветер швыряют! Не виноват он... *(Наступает на Фёдора Фёдоровича.)* А может быть, хватит?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ты что? Ты что? Тихо.

МИТЯ. Дармоеды!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Не так громко.

МИТЯ. Вредители!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Всё уладится.

МИТЯ. Квазимоды!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Восстановим Ерофеева в очереди. Возможно, ошиблись мы с ним... Только с квартирой как быть?

МИТЯ. Отдам я квартиру, не бойся! Вы там, главное, думайте, как цех доделать.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Доделают.

МИТЯ. Смотри у меня! Не я буду, если не добьюсь порядка!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Будет. Всё будет.

МИТЯ. Миллионами швыряются!.. Да я, может.. Пусть меня... Если позарез нужно, чтобы... Я смерть принять за эти деньги могу. На всех пусть двести миллионов каждый год, а я умру — согласен! Хоть сейчас!..

Появляются Ерофеев, Ника, Евгения Савельевна, Бабушка.

Ты знаешь, какая разница между социалистическим соревнованием и эксплуатацией трудового народа?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Надо подумать.

МИТЯ. Чего тут думать?! Это же основа наша!.. Люди гибли за эту разницу. За революцию! Чтоб мы с тобой не для себя — для других жили!..

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Сейчас век научно-технической революции. НТР! И гибель кого бы то ни было...

МИТЯ. НТР! А что ты возле неё делаешь?

ЕРОФЕЕВ. Нормально говоришь.

МИТЯ *(Фёдору Фёдоровичу)*. Революционер!.. С рогатиной над таким, как ты, революционером стоять нужно. Над каждым таким.

ЕРОФЕЕВ. Так и надо.

МИТЯ. Ох, взять бы вас всех!.. *(Наступает на Фёдора Фёдоровича.)*

БАБУШКА. Гляди, гляди, внученька. Вот оно! Вот! Дождались, слава тебе, Господи!..

НИКА. Раньше бы так, Дима. Если бы раньше...

ЕРОФЕЕВ. Горжусь тобой, Димыч.

МИТЯ. Долой разгильдяев!..

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Глебушка! Глебушка, посмотри, как жить-то нужно.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Какое сердце! Смотрите, люди!

ЕРОФЕЕВ. Всем бы вот так!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Отрекаюсь! От должности своей отрекаюсь! Заступай на моё место, товарищ!

ЕРОФЕЕВ. Даёшь конвертерный!

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Даёшь двести миллионов!

МИТЯ. Граждане!.. Сарынь на кичку!

ВСЕ. Да-а-а-ёшь!..

Загрохотало где-то наверху, загремело в отдаленье. На радостях все поднимают бокалы... Но хрустальный этот звон оказался просто-напросто звонком в Митину квартиру. Кабинет Фёдора Фёдоровича вместе со всеми находящимися в нём людьми исчезает. Митя подходит к входной двери.

МИТЯ. Кто там?
 НЕРАДИВЫЙ. Откройте.
 МИТЯ. Кто?
 НЕРАДИВЫЙ. Из домоуправления.
 МИТЯ. Чего надо?
 НЕРАДИВЫЙ. Шоколада.
 МИТЯ. Чего?
 НЕРАДИВЫЙ. Открывайте, разберёмся.
 МИТЯ. Сейчас! Разбежался!

Пауза. За дверью слышен неясный говор.

Нечего по ночам шляться. Днём приходите. А то — кто вас знает.
 НЕРАДИВЫЙ. Откройте по-хорошему.
 МИТЯ. Ещё чего?!

С той стороны пытаются выдавить дверь.

Но-но! Не балуй!
 НЕРАДИВЫЙ. Открывайте, вам говорят.
 МИТЯ. Я тебе открою! Я тебе так открою — месяц на животе спать будешь!
 НЕРАДИВЫЙ. Гражданин, не вынуждайте. *(Сурово стучит кулаком в дверь)*.
 МИТЯ. Не ломай дверь!

Удары усиливаются.

Ах, так?!

Митя выхватывает из кучи мусора железный прут, распахивает дверь. В квартиру входит Нерадивый с метлой в руках и с ним Фёдор Фёдорович в пальто с каракулевым воротником.

Что надо?
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. На каком основании вы сюда вселились?
 МИТЯ. Я?! Что значит — «на каком основании»? Мне завод квартиры дал. Вы же сами дали.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. И ордер у вас имеется?
 МИТЯ. Имеется. Всё у меня имеется.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Предъявите.
 МИТЯ. Зачем?
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Хотим проверить.
 МИТЯ. Ничего я предъявлять не буду.
 НЕРАДИВЫЙ. Попрошу собрать свои вещи.
 МИТЯ. В чём дело?! Дома ордер. На старой квартире.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Понятно. *(Смеётся.)* Товарищ Нерадивый, ордер у них на пианино лежит.

МИТЯ. Чего гогочешь? Ну-ка, давайте отсюда.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А вам известно, что ордер на эту квартиру выдан некоему Паюсову Владимиру Юрьевичу и, следовательно, у вас быть не может? Так что ваше присутствие здесь незаконно. Освободите жилплощадь!
 МИТЯ. Я тебе покажу — «незаконно»! *(Поднял железный прут.)* А ну!..
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ *(отступая)*. Одну минутку!.. *(Достаёт свисток, свистит.)* Товарищ Нерадивый! Вперёд!
 МИТЯ. Оба — вон! *(Наступает на них)*.
 НЕРАДИВЫЙ. Отставить!

Но Митя продолжает наступать, размахивая перед собой железным прутком. Пришельцы, ретируясь, отходят за раскладушку.

МИТЯ. Куда?!
 НЕРАДИВЫЙ *(Фёдору Фёдоровичу)*. Отойдите в сторонку.

Фёдор Фёдорович скрывается в ванной комнате.

МИТЯ. Зарублю!..
 НЕРАДИВЫЙ. Рубите. *(Идёт навстречу Мите)*.

Митя, размахивая палицей, отступает.

МИТЯ. Не подходи! Не подходи! *(Бьёт Нерадивого прутком по голове. Железо рассыпается в его руках. Спотыкается о раскладушку, падает)*.

Нерадивый бросается на него. После небольшой борьбы ему удаётся связать Митю.

НЕРАДИВЫЙ *(Фёдору Фёдоровичу)*. Можно выходить. *(Укладывает Митю на раскладушку)*.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ *(выходя)*. Успокоился? Спасибо, товарищ Нерадивый.

МИТЯ. Ничего!.. Вы у меня завтра не так запоёте. Не я буду, если не посадят вас. Думаете, на вас управы нет? Попомните ещё меня!..
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ой, как страшно.
 МИТЯ. Смейтесь, смейтесь...
 НЕРАДИВЫЙ *(Фёдору Фёдоровичу)*. У вас не найдётся листа бумаги?
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Почему не найдётся? *(Достаёт бумагу из портфеля.)* Пожалуйста.
 НЕРАДИВЫЙ. И портфель, если можно. А то тут и писать не на чем.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Конечно, конечно... *(Протягивает портфель Нерадивому, затем обращается к Мите.)* Кстати, почему вы один? Тут ещё женщина должна быть.
 МИТЯ. Какая женщина?
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Хозяйка.
 МИТЯ. Что ей тут делать? Дома она.
 ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Ну, это неважно.

НЕРАДИВЫЙ (*Фёдор Фёдоровичу*). Вы не можете мне протокол составить? Он мне, кажется, палец вывихнул.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Давайте. (*Берёт у Нерадивого портфель, бумагу и ручку*).

МИТЯ. Какой протокол?

НЕРАДИВЫЙ (*Фёдор Фёдоровичу*). Записывайте... Протокол задержания гражданина... (*Мите*.) Фамилия?

МИТЯ. Испугали!.. Вы у меня ещё поплачете горячими слезами.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Извеков должен быть.

МИТЯ (*смеётся*). Ага. Пиши: Извеков.

НЕРАДИВЫЙ. Это неважно.

МИТЯ (*смеётся*). Пиши: Извеков. Чего боишься?

НЕРАДИВЫЙ (*диктует*). Гражданин такой-то... Оставьте место для фамилии.

МИТЯ. Такой-то, сякой-то.

НЕРАДИВЫЙ (*диктует*). Находясь в состоянии алкогольного опьянения...

МИТЯ. Какого опьянения?! Я вообще не пил сегодня.

НЕРАДИВЫЙ (*кивает на бутылку*). А это что такое?

МИТЯ. Не ваше дело!

НЕРАДИВЫЙ (*диктует*). Находясь в состоянии алкогольного опьянения, оскорблял и унижал достоинство человека.

МИТЯ. Кого я унижал? Сами ворвались!..

НЕРАДИВЫЙ. Это ещё до нас. Вы себя унижали и оскорбляли. Человек — гомотапиенс, а вы напились, простите, как скотина.

МИТЯ. Сам ты!.. Человеческого языка не понимаешь? Не пил я! Или ты вообще?!.

НЕРАДИВЫЙ. Не надо. Не волнуйтесь. Здесь всего лишь мелкое хулиганство. Пятнадцать суток, не больше.

МИТЯ (*с бессильным отчаянием*). Да... как же вам... Вы что?!

НЕРАДИВЫЙ (*Фёдор Фёдоровичу*). Дальше пишите. (*Диктует*). В момент задержания оказал сопротивление, применив при этом холодное оружие. В скобках — лом. Написали?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Сейчас. (*Дописывает*). Холодное оружие...

НЕРАДИВЫЙ (*Мите*). Это уже статья. До пяти лет.

МИТЯ. Пишите. Бумага всё выдержит.

НЕРАДИВЫЙ (*указывает на радиатор*). А это откуда?

МИТЯ. Не ваше дело.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Напротив девятиэтажный строится. Вчера как раз туда радиаторы завезли.

НЕРАДИВЫЙ. Ещё год-два приплюсуйте к общей сумме.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Вот мерзавцы! Только ведь въедут — и уже, где что плохо лежит, себе ташат.

МИТЯ. Не мой он, радиатор этот.

НЕРАДИВЫЙ. А чей?

МИТЯ. Откуда я знаю? Строители, может, забыли.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Какие строители? В этом корпусе плоские радиаторы стоят.

МИТЯ. Откуда ты всё знаешь?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Мне по должности полагается знать об этом. МИТЯ. Ты же на заводе у нас работаешь. Везде ты, что ли, на должности?

НЕРАДИВЫЙ. Запишем дальше. (*Диктует*.) В квартире задержанного обнаружена... батарея парового отопления...

МИТЯ. Да вы что на самом деле! Ни с того ни с сего! Ворвались!

НЕРАДИВЫЙ. Суд разберётся.

МИТЯ. Суд!.. Ни хрена себе!.. Сами как эти... С мётлами... Вы сначала документы предъявите. Я ещё посмотрю, что это за блюстители такие... Нерадивые.

В открытую дверь входит Володя. В руках у него объёмистый портфель.

ВОЛОДЯ. Что это значит?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Как что?

НЕРАДИВЫЙ. Выселяем.

ВОЛОДЯ. Кого?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А что?

ВОЛОДЯ (*отводит пришельцев в сторону*). Вам в какую квартиру сказано было идти?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. В тридцать седьмую.

НЕРАДИВЫЙ. Третий этаж и направо.

ВОЛОДЯ. А вы куда пошли?

НЕРАДИВЫЙ. Направо.

ВОЛОДЯ. Здесь две квартиры! Трудно разве сообразить?

НЕРАДИВЫЙ. Темно в подъезде.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (*Мите*). Простите, у вас какой номер квартиры?

МИТЯ. Не скажу!

ВОЛОДЯ (*пришельцам*). Идите в тридцать седьмую. Она напротив. И побыстрее там возитесь. Ребята в машине ждут.

МИТЯ. Развяжите меня, а то хуже будет.

ВОЛОДЯ. Помогите перевезти. И чтоб ни одной тарелки не разбили. Меньше разговоров будет.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Понимаю... (*Нерадивому*.) Пойдёмте, Яков Кузьмич...

МИТЯ. Яков?! Яков! У тебя же правый бок парализован!..

НЕРАДИВЫЙ. Духовно.

МИТЯ. У-у!.. Инвалиды!..

НЕРАДИВЫЙ (*кивая на Митю*). А с этим что делать?

ВОЛОДЯ. С этим я сам разберусь.

НЕРАДИВЫЙ. Забрать бы его.

ВОЛОДЯ. Идите.

НЕРАДИВЫЙ. Слушаюсь.

ВОЛОДЯ. Да, Фёдор Фёдорович, если меньше, чем за пятьсот уломаете старушку, разницу — себе на конфеты.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Понял.

Нерадивый с Фёдором Фёдоровичем уходят. Володя закрывает за ними двери. Поднимает с пола брошенный протокол, читает...

МИТЯ. Налетели!.. Паралитики... Лежу себе, понимаешь, никого не трогаю... Да если бы даже и выпил!.. Могу я в собственной квартире сто грамм вина выпить?

ВОЛОДЯ. Можешь, конечно, можешь. У себя дома ты всё можешь. Кто спорит.

МИТЯ. Достоинство я унижаю!.. *(Кричит.)* Ты на себя посмотри! Птеродакть!..

ВОЛОДЯ *(смеётся)*. Как-как?.. Пте... Пте...

На Володю напал приступ веселья. Со стороны, правда, кажется, что приступ этот чуть наигранный.

МИТЯ *(подхихикивает)*. Птеродакть! Тварь такая была. Вымерла.

ВОЛОДЯ. Ну, ты юморист. *(Опять смеётся.)* Птеродакть!... Придумать же надо!

МИТЯ *(довольно улыбается)*. А чего они, правда?..

ВОЛОДЯ. Да не бери в голову. *(Заглядывает в протокол.)* Ловко они тебя.

МИТЯ. Ничего. Они у меня ещё попляшут. Развяжи-ка меня.

ВОЛОДЯ. А радиатор ты на самом деле?..

МИТЯ. Да тут один принёс...

ВОЛОДЯ. Могли бы и посадить.

МИТЯ. Это мы ещё посмотрели бы. Не на того нарвались.

ВОЛОДЯ. Не скажи.

МИТЯ. Да видал я их!..

ВОЛОДЯ. Ну ладно, ладно. Пронесло, и слава богу!

МИТЯ. Развяжи меня.

ВОЛОДЯ. Ты связанный? Я и не заметил. *(Развязывает Митю).*

МИТЯ *(освободившись)*. А ты что тут делаешь? С этими вахлаками?

ВОЛОДЯ. Да забудь их. Зачем они тебе?

МИТЯ. Ничего себе — «забудь». Они меня чуть из собственной квартиры не выкинули, а я — «забудь»?

ВОЛОДЯ. И выкинули бы, и ничего бы ты не сделал. Ты лучше мне спасибо скажи.

МИТЯ. Посмотрим. За это сажают, я знаю.

ВОЛОДЯ. О чём ты говоришь, кто их посадит? Они что, сами себя сажать будут? Вот за радиатор сажают — это точно.

МИТЯ *(нерешительно)*. Что хотят, то и делают.

ВОЛОДЯ. А ты думал! Даже если и влипнут когда, пожурят их для отвода глаз... Ой, да ну их. Давай лучше за знакомство. *(Хитро улыбаясь, достаёт бутылку шампанского).*

МИТЯ. Не буду я с тобой пить. Споить меня хочешь?

ВОЛОДЯ. Вот чудак. Кому ты нужен?

МИТЯ. Квартира нужна.

ВОЛОДЯ. Квартира нужна. Но не твоя, а соседняя.

МИТЯ. А с мётлами почему?

ВОЛОДЯ. Выселять. Квартиру-то уже заняли.

МИТЯ. И не уходят?

ВОЛОДЯ. Ну.

МИТЯ. Это бывает. Я сам тут поэтому ночую.

ВОЛОДЯ. Вот-вот. А я прошляпил.

МИТЯ. Тяжело теперь будет выселить.

ВОЛОДЯ. Управятся.

МИТЯ. Ты что за цаца такая? Где работаешь?

ВОЛОДЯ. Да так... в мебельном.

МИТЯ. Директором?

ВОЛОДЯ. Зачем? Просто продавцом. А с директором у нас прекрасные отношения. И всего за пятнадцать рублей.

МИТЯ *(возмущённо)*. Ты что, каждый месяц ему пятнадцать рублей на лапу?..

ВОЛОДЯ. Каждый день.

МИТЯ. Даёте вы!..

ВОЛОДЯ. Это нормальный взнос. Один пришёл недавно, попытался не давать... Уже под следствием.

МИТЯ. За что?

ВОЛОДЯ. На ерунде попался. Но с поличным.

МИТЯ. Вот вы жулики.

ВОЛОДЯ. Почему жулики? Люди сами дают, их и просить не надо.

МИТЯ. Я, например, никогда никому не давал.

ВОЛОДЯ. Поэтому и спишь на раскладушке.

МИТЯ. Куплю, не бойся.

ВОЛОДЯ. Хочешь, стенку тебе сделаю? Финскую, югославскую. Тебе по номиналу могу.

МИТЯ. Обойдётся.

ВОЛОДЯ. Как хочешь.

МИТЯ. Мне, конечно... Всё равно покупать что-то нужно...

ВОЛОДЯ. Угу...

МИТЯ. С деньгами только туго....

ВОЛОДЯ. Взаимы могу дать.

МИТЯ. Сколько?

ВОЛОДЯ. Сколько сможешь отдать, столько и дам.

МИТЯ. Да... живёте вы... А скажи... Только честно... Вот вы... Там, между собой... Считаете, что нормально живёте? Что так и надо? Или сомневаетесь иногда?

ВОЛОДЯ. У нас там между собой считают, что пятьсот рублей в месяц — граница бедности.

МИТЯ. А про совесть что у вас там между собой считают?

ВОЛОДЯ. Совесть? Все любят говорить о совести... Какая совесть? Индивидуальная? Или совесть общества?

МИТЯ. Твоя. Твоя совесть.

ВОЛОДЯ. Понимаешь, обществу необходим лишь определённый процент высоко нравственных индивидуумов. Конечно же, процент этот достаточно высок. Но ведь в обществе, как и в дикой природе, наряду со слабыми или, как вы считаете, порядочными, совестливыми тварями, должны быть их антиподы, их обидчики — шакалы, если хотите. Так сказать, санитары леса, панacea от духовного ожирения. *(Улыбается.)* Для того, чтобы вознести повсеместно одухотворённость на должную

высоту, допускается мизерный процент безнравственных отщепенцев, к коим, к стыду своему, имею несчастье принадлежать и я.

МИТЯ. Ты мне мозги не пудри. Ты не продавец. Грамотный больно.

ВОЛОДЯ. У нас разве не всеобщая грамотность?

МИТЯ. Инженер?

ВОЛОДЯ. Человеческих душ. Художник... В широком смысле этого слова.

МИТЯ. А в магазине почему?

ВОЛОДЯ. Пришлось.

МИТЯ. Из-за денег?

ВОЛОДЯ. Почти... Сначала-то вообще не из-за денег. В народ посоветовали пойти. Поучиться на натуре. Я – журналист... Пока.

МИТЯ. Давно в магазине?

ВОЛОДЯ. Третий год.

МИТЯ. Зачем тебе эти деньги? Ты же для людей должен!..

ВОЛОДЯ. Конечно... Нужно писать!.. Но нужно, как минимум, на что-то жить... Хотя бы существовать... Я хочу серьёзно литературой заняться.

МИТЯ. А вдруг не выйдет ничего?

ВОЛОДЯ. Я пробуюсь

МИТЯ. Нет. Вряд ли. Правильно, что в магазин ушёл.

ВОЛОДЯ. Да?! Сейчас я принесу тебе свою повесть – посмотришь. Сейчас... Вещи несут... Увидишь, стою я чего-нибудь или нет.

МИТЯ. Стоил – я ещё могу допустить. Теперь-то уж навряд ли чего-нибудь стоишь. Когда номиналы в голове – не много набабарыкаешь. Ты уж теперь забудь про это.

ВОЛОДЯ. Да брошу я этот магазин. Перееду сюда и брошу. Уйду на три года от всех. Буду только писать. На хлеб и бумагу мне хватит... А через три года посмотрим, что мы стоим!..

За дверью слышится неясная возня.

МИТЯ. Что там?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (за сценой). Вы не имеете права! Бессовестные...

НЕРАДИВЫЙ (за сценой). Это – сколько угодно!..

МИТЯ. Они?

ВОЛОДЯ. Тебя это волнует?

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (звонит в Митину квартиру). Дмитрий Дмитриевич, проснитесь!

МИТЯ (вскакивает). Так это же!..

ВОЛОДЯ. Сиди!

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (звонит). Дмитрий Дмитриевич, это я, соседка ваша, Евгения Савельевна.

МИТЯ. Сейчас! (Бросается к двери).

ВОЛОДЯ (удерживает его). Не связывайся.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Помогите!

МИТЯ. Пусти! (Пытается вырваться).

ВОЛОДЯ. Послушай, я тебе добра желаю. Не связывайся с ней.

МИТЯ. Её ты выкинуть хотел?

ВОЛОДЯ. Никуда её не выкидывают. Просто перевезут в другой район. В такую же квартиру. Мои вещи сейчас внесут и тут же её погрузят. Доставят и её, и вещи прямо на место. Без хлопот, аккуратно и бесплатно. Не надо будет потом грузчикам платить.

МИТЯ. Литератор!.. Опричника зачем привёл? И деятеля этого... Капусту?

ВОЛОДЯ. Ну, что ты волнуешься? Её что, грабят? Я же ей любые деньги предлагаю за обмен. Любые! А она вцепилась в свою каморку... Ненормальная!

МИТЯ. А тебе эта каморка зачем?

ВОЛОДЯ. Не твоё дело.

МИТЯ. Поменяйся с другими.

ВОЛОДЯ. Э-э, нет! Я уж, если взялся... (Кричит в дверь.) Фёдор Фёдорович, предложи ей семьсот! (Пауза.) Кооператив у меня трёхкомнатный через два дома отсюда. А здесь я писать буду. Там семья, а тут – берлога... Не ездить же мне каждый день через весь город? Искусство требует жертв, но не до такой степени.

МИТЯ. Две квартиры одному нельзя. Ты что?!

ВОЛОДЯ. Смотря кому.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (удаляясь). Дмитрий Дмитриевич!.. Дмитрий Дмитриевич!..

МИТЯ. Но она не хочет переезжать!

ВОЛОДЯ. Она ещё спасибо потом скажет.

МИТЯ. Ну-ка, отойди от двери.

ВОЛОДЯ. Чего ты докажешь? Всё равно будет по-моему, я тебе ручаюсь. Ей не поможешь, а себе навредишь. Про протокол забыл?

МИТЯ. Отдай его!

ВОЛОДЯ. На, пожалуйста. Только они ещё похлеще могут написать – их только рассерди... А с ней – дело тёмное...

МИТЯ. У тебя зато светлое!..

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (звонит опять). Дмитрий Дмитриевич!..

ВОЛОДЯ. Серьёзно тебе говорят. Ты не знаешь... Сын у них...

МИТЯ. Всё я знаю. Отойди от двери.

ВОЛОДЯ (смеётся). Ничего ты не знаешь. Он у них... (Шепчет Мите на ухо).

МИТЯ (тихо). Иди ты?!

ВОЛОДЯ. Я-то пойду, а вот ты... Что ты знаешь?

МИТЯ. Ничего я не знаю. Зашла она просто... Рассказывала.

ВОЛОДЯ. О чём?

МИТЯ. Что-то она такое говорила...

ВОЛОДЯ. Вот видишь? А ты открыть хотел.

МИТЯ. Но она же старая... Она мне одеяло принесла...

ВОЛОДЯ. Ну-ну. Открывай. Лом, радиатор, ещё и соседка – непонятный человек. Лет пять дадут, будешь потом одеяло от неё ждать.

За дверью послышалось кошачье мяуканье.

МИТЯ. Мурзик пришёл. Это наш кот. Нужно его выпустить. Он, наверное, есть захотел.

ВОЛОДЯ. Не сдохнет.

МИТЯ. А может, это сосед мяукает? Забрал бы свою батарею, тогда бы я...

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (*издали*). Дмитрий Дмитриевич!..

ВОЛОДЯ (*кричит в дверь*). Фёдор Фёдорович! Что там?

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (*из-за двери*). Не идёт на семьсот.

ВОЛОДЯ. Дай «штуку», в конце концов... (*Пауза.*) Идиотка... (*Мите.*) Посмотрел бы ты на мои хоромы... Я ей тысячу в придачу — она орёт, как будто не она меня, а я её граблю. (*Кричит в дверь.*) Я бы и десять тебе дал! Были бы они тебе нужны...

НИКА (*появляясь*). Что ты молчишь, Дима?

ЕРОФЕЕВ (*появляясь*). Димыч!..

Звонок.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (*из-за двери*). Митя!

Митя направляется к двери. Входит Фёдор Фёдорович.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Не пыжься. Никто тебя не поймёт.

Пауза. Митя резко поворачивается к Володе. Тот молча показывает ему на протокол и вещественные доказательства: радиатор, бутылку и железный прут. Снова звонок.

НИКА. Дима, открой дверь.

БАБУШКА (*появляясь*). Голубь, помоги старушке.

Пауза.

МИТЯ (*шёпотом*). Не могу... Простите... Поймали они меня... Если б не радиатор...

НЕРАДИВЫЙ (*за дверью*). Вы бы помогли, гражданочка.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА (*кричит*). Не смейте ничего выносить из моей квартиры!..

Митя зажимает ладонями уши.

ВОЛОДЯ. Уже вещи выносят. Теперь они быстро управятся.

ЕВГЕНИЯ САВЕЛЬЕВНА. Люди-и!..

ВОЛОДЯ. Сейчас. Уже недолго... А она покричит, покричит и перестанет.

БАБУШКА. Что же это делается, люди добрые!..

Пауза. Митя беспомощно посмотрел на Нику.

НИКА. Это наша земля, Дима.

ЕРОФЕЕВ. Димыч...

Митя молчит.

ВОЛОДЯ. Никому ни до кого дела нет. И до твоего благородства тоже.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. Вот это правильно.

МИТЯ (*заметался по коридору*). Отстаньте от меня! Не хочу я ничего!.. (*И замер.*)

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ (*с удовольствием*). Вот и хорошо...

НИКА (*после паузы*). Дима... Помогите людям...

МИТЯ. Почему я?! Когда кому что нужно — сразу ко мне. А ради меня кто когда хоть пальцем пошевелил?.. Крайнего нашли!

ЕРОФЕЕВ. Ну-ну. Кому же это ты помог когда-нибудь?

МИТЯ. А что, нет? Кому занять нужно, всегда ко мне идут. Если есть, никому не отказываю.

ЕРОФЕЕВ. Герой.

МИТЯ. Я нормальный человек. Живу, никому зла не делаю.

ЕРОФЕЕВ. Ну и что?

МИТЯ. А что вам ещё от меня нужно? На мою долю — как раз. Если бы каждый по столько...

ЕРОФЕЕВ. Невелика премудрость.

МИТЯ (*взорвался*). А ты сам попробуй. Вечно психуешь. Лезешь, куда тебя не просят... Люди нормально работают, а тебе всё мало, мало!.. Какое тебе дело? На это начальство есть.

ЕРОФЕЕВ. Вот что страшнее всего.

БАБУШКА. Если б мы друг дружку не грызли!..

МИТЯ (*Бабушке*). Замолчи!..

БАБУШКА. Молчу, родной, молчу... Я ведь чего тут? Устала, милый, от беды своей. Думала, причащусь здесь, — канистру эту с души сниму... Ан, видно, нет... Ошиблась я с тобой. (*Уходит*).

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ. А мне понравилось, как ты про свою смерть за двести миллионов ораторствовал. Для блага всего общества. Порыв прекрасный. Я тогда даже подумал: может, и мне есть смысл пересмотреть кое-что...

МИТЯ (*неистово*). Во-он!

Но его запала хватает ненадолго, и он снова находит спасение на раскладушке.

НИКА. Вот и всё... Прощай. Не ожидай меня больше. Фотографию порвал, теперь и надпись забудь. Ни к чему она тебе. Прощай.

ЕРОФЕЕВ. Эх, Димыч, Димыч...

Ника и Ерофеев исчезают. Пауза.

ВОЛОДЯ (*Фёдору Фёдоровичу*). Запри нас.

Фёдор Фёдорович исчезает.

МИТЯ. Ух, барин! Всё равно не жить тебе здесь! Всё равно.

ВОЛОДЯ. Береги нервы.

МИТЯ. Уйди с дороги. Мне теперь к ней надо.

ВОЛОДЯ. Сесть захотел?

МИТЯ. Сажайте. Если уж из-за денег с жизнью прощался, то за людей посидеть не страшно. Жить с тобой пострашнее будет, браток.

ВОЛОДЯ. Не петушишься.

МИТЯ. Теперь мой черёд пришёл. *(Направляется к двери.)* Отойди!

ВОЛОДЯ. Смотри, не пожалеть бы потом...

МИТЯ. Испугал. Тюрьмой пугали, а теперь... Топор ещё возьми... Художник... *(Проходит мимо Володи, безуспешно пытается открыть дверь. Стучит.)* Эй, вы там!.. Откройте! *(Володе.)* Открой! Открой, шакал! Я тебя... Попомнишь!.. *(Хватает Володю, трясёт его, затем отбрасывает в сторону. Мечется по коридору... И затихает.)*

ВОЛОДЯ. Вот-вот, посиди. Остынь маленько.

МИТЯ. Ненавижу-у!..

ВОЛОДЯ. Успокойся. Ничего страшного нет.

МИТЯ. Нет? Страшного нет? А что тогда страшно? Страшнее этого – что? Это даже не отца – оказывается, можно ещё хуже... Она мне хлеба кусок, а я... Слушай, парень! Оставь её. Пусть себе живёт. Я тебе... Что хочешь проси, чего помочь или что там скажешь, но её пожалей. Люди ведь мы! Слышишь?!

ВОЛОДЯ. Перестань.

МИТЯ. Как же мы жить с тобой здесь будем? Не простим ведь мы друг другу... Убью я тебя, браток, не устою. Правда... Или себя. Или вообще весь дом спалю.

ВОЛОДЯ. Что ты мелешь?

МИТЯ. А что мне теперь? Дальше некуда уже. Предел. *(Одевается.)*

ВОЛОДЯ. Давай по-хорошему поговорим...

МИТЯ. Хватит. Наговорились. Всё равно не жить тебе здесь!.. Помнишь...

ВОЛОДЯ. Потом, потом.

МИТЯ. Нет, сейчас. *(Кричит.)* Нет, сейчас! *(Тихо.)* Сейчас.

ВОЛОДЯ. Сядь! Сидеть!..

МИТЯ. Теперь ты у меня посидишь! На границе бедности. Узнаешь, почём... совесть нынче. *(Бросается на кухню, пытается открыть окно.)* Сейчас!.. *(Разбивает стекло, вскакивает на подоконник.)* Сейчас!.. *(Кричит.)* Люди!.. Товарищи, караул! На помощь!..

ВОЛОДЯ. С ума сошёл. *(Бросается к Мите, тянет его за пиджак.)*

МИТЯ. Пока... *(Бросается в окно, оставив пиджак в руках Володи.)*

Володя остолбенело глянул вниз. Затем с пиджаком в руках бросился к входной двери и испуганно забарабанил в неё, крича-причитая.

ВОЛОДЯ. Ребята, откройте! Откройте!.. Кто-нибудь есть? Эй!

НЕРАДИВЫЙ *(за дверью)*. Что там у вас?

ВОЛОДЯ. Откройте быстрее! Всё назад! Скорее!.. Он выбросился в окно.

За дверью торопливо забегали-затопали люди.

Куда вы?! Меня сначала... Откройте, вам говорят!.. *(Яростно стучит в дверь.)* Выпустите меня!.. Выпустите!..

С его ударами смешивается шум драки Мужичонки с женой. За дверью с грохотом уронили вносимую обратно мебель. Вдобавок ко всему везде погас свет... Эта темнота, а также стук в дверь и встревоженный голос Ани вернули Митю из небытия ночных кошмаров в реальность раннего утра.

Картина четвертая

ПРОБУЖДЕНИЕ

АНЯ. Митя! Ми-итя! Проснись...

МИТЯ *(в темноте)*. Кто там?

АНЯ. Я. Я, открывай.

МИТЯ *(включает свет, открывает дверь)*. У нас все дома.

В квартиру входит Аня с ведром, веником и большой сумкой в руках.

АНЯ. А?! Как заговорил! Где это «у вас»? А?! Собственник!

МИТЯ. Угу... *(Ложится опять на раскладушку.)*

АНЯ. Наша!.. Наша!.. *(Кружит возле раскладушки.)* Мить, ущипни меня.

Митя отворачивается от неё.

Ты тут не замёрз без меня? Чего молчишь? *(Раскладывает на чемодане завтрак для мужа.)* Вставай...

Митя молча встаёт и идёт в туалет.

Валька, представляешь, ни в какую. «Не поеду, – говорит, – и всё!» Контрольную по математике себе придумала. «Ах, так? Без вас обойдёмся!». Ну и поехала одна. Раз на то пошло – сами себя накормите...

Митя возвращается из туалета.

МИТЯ. А батарея где?

АНЯ. Какая?

МИТЯ. А?

АНЯ. Мить...

МИТЯ. А вино?

АНЯ. Выпил, наверное. *(Смеётся.)* Для храбрости. Говорил, не пьёшь!.. Хвастун.

МИТЯ. Помолчи.

АНЯ. Давай, Мить, собирайся. А то мне и за день тут не разгрести. Есть вода-то?.. (*Идёт в ванную. Возвращается*). Есть, слава богу. В ванну сейчас наберу. Мить, ты что?

МИТЯ. Что?

АНЯ. Иди умывайся. Я тут поесть принела... Чего уставился? На работу опоздаешь. За опоздания теперь знаешь как...

МИТЯ. Могут из очереди убрать.

АНЯ. Из какой?

МИТЯ. На квартиру.

АНЯ. Ты что? Разуи глаза, малахольный.

МИТЯ. Пошли домой.

АНЯ. Ты что удумал? Опять?

МИТЯ. Пошли домой, говорю.

АНЯ. Наша это квартира! Наша! Ванька твой пусть про неё забудет.

МИТЯ. Нельзя по головам. Без очереди.

АНЯ. И ему не дадут, и мы на улице останемся.

МИТЯ. Мы же люди, Аня. (*Одевается*).

АНЯ (*кричит*). Сядь!

Митя садится.

На этот раз не выйдет, понял?

МИТЯ. Нюрок...

АНЯ. Помолчи! Всё это я уже слышала. Наслушалась под завязочку. Под самую-самую. И в Череповце, и в Липецке. Думала — здесь-то! Юг! Куда ж отсюда-то ехать?!

МИТЯ. Никто не собирается уезжать.

АНЯ. Спасибо и на этом! Обрадовал! Мы не собираемся. Нам ещё тут с начальством пободаться надо. Да? Давай! Революцию будем делать! Научно-техническую. А что? Ура. «Вперёд! Заре навстречу!».

МИТЯ. Ань... Перестань.

АНЯ. Уйду я от тебя!.. Не-ет, чего это я? Ты уж, дружок, катись лучше. Я накаталась с тобой да с Ванькой твоим, теперь вы сами как-нибудь. До каких же это пор терпеть-то положено? Человек я или кто? Неужели Валька с Нинкой и замуж из-за занавески пойдут?.. Ты о них хоть разок-то вспомнил? Иль тебе только совесть свою нянчить-пестовать?

МИТЯ. Ника!

АНЯ. Не приходи ко мне!.. Ты мне всю жизнь перекорёжил. Я бы сейчас!.. Вон Геннадий — полковник уже. А я... Дура я! Дура! С юродивым связаться!.. Не люби-ила тебя мама. Знала...

МИТЯ. Тепло ли тебе, девица?

АНЯ. Как в бане.

МИТЯ. Тепло ли тебе, красная?

АНЯ. Вот на это вы нас и ловите. Порвала я давно чепуху эту. Выбросила. Сказки мне плёл...

МИТЯ. И я Нику выбросил... Почему я тебя так звал? Не могу никак вспомнить...

АНЯ (*тихо*). Богиня такая была.

МИТЯ. Вот видишь! А ты в этой конуре остаться хочешь... Какая там надпись была? This... land... land — земля, Ань. Наша земля...

АНЯ. Митенька, миленький, хороший мой. Давай останемся. Сколько можно мыкаться? Сил ведь никаких не осталось...

МИТЯ (*тихо*). Аня...

АНЯ (*шёпотом, сквозь слёзы*). Лапушка моя...

МИТЯ. Вот видишь? Так же лучше, чем по-иностранному писать.

АНЯ. Дурачок.

МИТЯ. Можно и так... (*Встаёт*).

АНЯ. Э-э! Подожди. Ты меня не путай. Ты куда?

МИТЯ. На работу. (*Одевается*).

АНЯ. А с квартирой как?

МИТЯ. Опять двадцать пять? Мы же договорились...

АНЯ. Мить, я серьёзно!

Митя собирается уходить.

Ты куда? Поешь сначала.

МИТЯ. Не успею уже. Там чего-нибудь перехвачу.

АНЯ. Ты после работы — сюда. Я здесь буду.

МИТЯ. Одеядо соседке отдай, а то присвоишь ещё!.. Да, Ань?

АНЯ. Подожди!..

Митя уходит.

Аня набрала ведро воды, начала было убирать в коридоре, но работа не заладилась. Она посидела на раскладушке, всхлипнула пару раз и снова, уже без прежней радости, стала рассматривать квартиру. На кухне вдруг обнаружила разбитое стекло.

Вот откуда холод-то!.. Ишь, рассадили!.. Как это я вчера не заметила?..

Занавес

1981 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

На сцене огромный, занимающий большую её часть, пандус. Всё остальное, определяющее в этой картине интерьер современной квартиры, не существует для зрителя до тех пор, пока какая-либо атрибутика не станет вещественна для действующих на сцене персонажей. Причём предметы или вещи, обретая реальность волею нуждающихся в них, исчезают затем в небытие, за ненужностью. Существует лишь то, что необходимо в каждый конкретный момент. Это принцип не только данной картины, но и всей пьесы. Сейчас на пандусе двуспальная кровать. На кровати – Надя. Возле кровати – не находящий себе места Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Хлябь... Хлябь... Хляби небесные... Из никуда в никуда... Да, Надя?..

Твердит непривычное.

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. *(Наде.)* Надя!.. Ну! Давай. Давай! Иди сюда! Думаешь, я не знаю, что ты меня слышишь?! *(Смеётся.)* Я не такой дурак, как тебе хотелось бы... Молчишь? Молчи, молчи. Лежи, я сейчас. Я всё сделаю, как надо, не бойся. Это я раньше... не ведал, что творил, а теперь... Что ещё надо?.. Мы уже помылись. Теперь... Что теперь?! Ты лежи, лежи, я тихонько. Не разбужу. Тебя ведь всегда, буди – не буди, не разбудишь, да, Надя? Помнишь, я как-то пришёл ночью без ключа, стучал, стучал, все соседи повыскакивали, а ты – как убитая... Нет, нет, я – так... Прости...

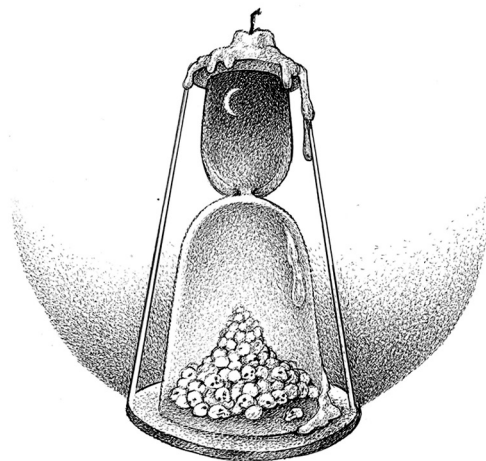
Пауза.

Я тогда думал, что ты с кем-то заперлась, дурачок тогда ещё был, ревнивый... Потом привык... Потом сам... Это каким идиотом надо быть, чтобы ревновать тебя!..

Смеётся.

Помнишь, как мы всей кафедрой Лазаря пели Лазарю Лукичу, когда он первый раз в институт прикатил? Тогда на банкете, помнишь? Как бабы наши вокруг него вились!.. А он в тебя вцепился зеркалками своими, на остальных – ноль внимания... Вот они бесились, когда он с тобой танцевал!.. Жидовочки... И надо мной хихикали. А я со стыда сторал. Ты себе не представляешь, как я тебе благодарен был за то, что ты ему потом отказывала, сколько он ни домогался. Все его наперебой приглашают, совсем бабы стыд потеряли, а он – только тебя хотел, а ты – ни в какую. Цыганочку ещё с ним сбавала и – извините!..

Пауза.

Из ночи в ночь

Драматическая экспрессия в трёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АНАТОЛИЙ
НАДЯ
МАМА
ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ
МАРГАРИТА
СТАРИК
ПЕРВЫЙ БРАТ
ВТОРОЙ БРАТ
УЧАСТНИКИ КАРНАВАЛА
КАТОРЖАНЕ

Крыса вонючая! Не видит, что ли, — муж рядом сидит. Обнаглели, сальные морды! В ничтожества нас превращают и хоть бы на секундочку задумались об этом. Хоть бы заметили, что у человека — здесь же! при нём! — сердце наизнанку выворачивается! Что он пикнуть не может не потому, что достоинства нет, а потому что... Потому что стыдно за НЕГО! За то, что он... Хам в мундире!.. Ему всё позволено! А нормы да мораль — они для черни! И совесть, и милосердность...

Пауза.

Отче наш...

Пауза.

Ещё пошёл провожать нас! До гостиницы его довели — ан нет, ему не спится. Гулять старому козлу забалалось! Через весь город под ручку с тобой гарцевал, до самого подъезда. А потом обратно к гостинице — не бросишь же!.. Туда — сюда, туда — сюда! Всю душу вымотал! Да, Надя?..

Пауза.

Тебе-то приятно было, бабам всегда приятно, когда за ними ухлёстывают... Прости, прости, Надя, я не то говорю, я... Я виноват, я знаю. Ну его. Он тоже своё получит ещё. Всем им на том свете на сковородках визжать. Отплачутся им наши слёзки, да, Надя?.. Полынью уж дохнуло! Они думают — это просто так?! Случай?! Это Сера до них добирается! Геенна огненная! Они думают и там на дурика проскочить. Ничего! Там всё посчитают! Гореть будем за милую душу!..

Пауза.

Будете... Не БУДЕМ, а БУДЕТЕ... Слышь, Надь... Ну послушай!.. Дай знак. Ну!.. Откликнись...

Пауза.

Дура... Дура ты! Дура, дура, дура. Такой шанс представляется, а ты упёрлась... И всегда была такой... Как вмажу сейчас!.. Ну! Ты будешь мне отвечать или нет?!

Пытается приподнять её, но у него ничего не получается

Де святится имя Твое, да приидет царствие Твое!.. Мне не за что гореть... Да, Надя? Ты же знаешь, что я не из-за прихоти. Не злодей же я, да ведь, Надя?.. Чего молчишь? Не простила? Подонства моего не простила? А сама?!.. Думаешь, я не помню?! Могу хоть сейчас сказать!..

Пауза.

Я скажу!.. Ты не знаешь... Я хуже всех в тысячу раз!..

Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Анатолий зашептал вдруг быстро, боясь замолчать.

Я хуже всех потому, что все не ведают, что творят, а я понимал. Я знал... Я знал, что... Прости меня, Надя. Я — ничтожество. Я — предатель. Я и себя извёл, и тебя доконал...

Пауза.

Но ведь и диссертации не было бы в конце концов, если бы не это. Это ведь МНЕ пришла в голову идея о долголетию. Разве может ничтожество, то есть я хотел сказать — нормальный человек, брать на себя миссию Бога и раздвигать границы жизни?! Чтобы сказать: «Не боги горшки обжигают» — надо иметь право это сказать. Смелость иметь какую-то... Надя, послушай меня, я ведь хорошего людям хотел. И сначала, и... всегда... Но... Бес попутал...

Снова, как за спасение, цепляется за молитву.

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Пауза.

Прости меня, Господи!..

Пауза.

Простит Он меня, Надя?.. А?.. Ты где, Надя? Надя!.. Не уходи. Пожалуйста. Я один не хочу быть. Я с тобой... Пусты меня к себе. Я ведь знаю — ты здесь. Девять дней ещё будешь. Ты слышишь, ты понимаешь меня, а я — не могу к тебе пробиться. Туда — к мёртвым... Мы в разных измерениях. И никому из смертных не позволено. Табу. Никому не дано. Никогда — никому...

Пауза.

А я... Я... может быть, Мессия!.. Помогите мне пробиться к себе... К тебе... Туда... Чтобы я мог и здесь, и там бывать... Мы тогда с тобой весь мир преревернём... Допусти... Дозволь, Христом-Богом прошу!

Анатолий раздевается.

Можно я с тобой полежу?..

Ложится в постель.

Вот так... Давай, как будто мы вместе умерли. Да?.. Не молчи, Надя! Мне жутко одному... Ты такая холодная... Ты всегда была холодная со мной, а ведь любила меня. Да?.. А всё равно как ледышка была. Как сейчас... Прости, о чём я говорю, полоумный?! Совсем рехнулся. Надо же тебя обрядить... Где платье?.. Сейчас...

Достаёт погребальный наряд

Никому не позволю до тебя дотрагиваться. Плевал я на их обычаи. Пусть хоть что говорят, а я сам... Никому тебя не отдам... А где этот... Сейчас я тебя уложу...

Ставит на тумбу для постельного белья гроб.

Сейчас... Тебе удобно тут будет, не думай... Если хочешь, я могу проверить. Не думай, я не боюсь...

Забирается в гроб.

Я не из пугливых. Та же кровать, только... жестковата...

Гроб вдруг стал приподниматься.

Нет... Не на-адо-а-а!..

Гроб с Анатолием взмывает ввысь.

На-а-а-дя-а-а!!!

Затемнение.

Картина вторая

Каторга. Забой серного рудника. Собственно, это достаточно просторный зал в пласте серы. В отблесках огня сквозь ядовитые испарения просматривается возвышение, на котором, как на троне, восседает Старик. В центре – протягивающая нетерпеливые руки к спускающейся корзине Стая, лишь отдалённо напоминающая людей. В корзине – Анатолий.

СТАЯ (*наперебой*). Кролик! Кролик!..
АНАТОЛИЙ. Привет...

Анатолия с восторгом вытаскивают из не успевшей коснуться дна корзины, которая тут же уходит вверх.

СТАЯ. – Петух!

– Машка!

– Моя собака!..

АНАТОЛИЙ. Отпустите меня!

СТАЯ. – Во даёт!

– В отпуск захотел.

– Ша!

– Дайте ему марафет навести.

– Лифчик поправить.

– Пёрышки почисть.

Стая расступается перед Анатолием.

АНАТОЛИЙ. Вы что?!..

СТАРИК (*Анатолию*). Говори.

АНАТОЛИЙ. Я... Не хочу с вами разговаривать.

СТАРИК. Вот как?

АНАТОЛИЙ. Чего вы, как крысы, не разглядев ещё кто – что, бросаетесь на человека?..

СТАРИК. А ты человек?

АНАТОЛИЙ. Как и ты. Как он, как он...

СТАРИК. Это ты ещё доказать должен. Свою причастность к роду людскому.

АНАТОЛИЙ. Я наверху устал всем доказывать, а здесь... Нет на мне таких грехов, чтобы в грязь втаптывать...

СТАРИК (*кивая на стаю*). А на них, ты думаешь, есть такие грехи?

АНАТОЛИЙ. Не знаю. Может, они... Я-то добра людям хотел, а они... меня...

СТАРИК. Какого добра?

АНАТОЛИЙ. Да... Зачем вам?

СТАРИК. Говори, говори.

АНАТОЛИЙ. Хотел подарить бессмертие человечеству.

СТАРИК (*с притворным восхищением*). Да что ты говоришь?!

АНАТОЛИЙ (*запальчиво*). Человек должен минимум до двухсот лет жить. А если захочет, то и до тысячи.

СТАРИК. Мессия?

АНАТОЛИЙ. Да! Если бы человечество не юлило! И не ханжило! Если бы... По-людски! Не изгаляясь над ближним!.. По совести!..

СТАРИК (*стае*). На зарядку его.

Стая кидается на Анатолия.

СТАЯ. – Парашу!

– Парашу сюда!

– Парашу для Маши!

Появляется Параша. Анатолия приподнимают за ноги над бочкой. Он хватается руками за её края.

АНАТОЛИЙ. Пустите!.. Дайте сказать!..

СТАРИК. Сейчас скажешь.

АНАТОЛИЙ. Крысы!..

СТАЯ. – Отжиматься умеешь?

– Давай, петушок!..

– Мы считаем.

Анатолий отжимается.

СТАЯ. – Раз!

– Два!

– Три!

СТАРИК (*Анатолию*). Заповедь повторяй, чтоб не забыть.

АНАТОЛИЙ. Отпустите!..

СТАРИК. Повторяй: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

АНАТОЛИЙ. Не буду.

СТАРИК. Ну!

СТАЯ. – А то макнём!..

Продолжая держать Анатолия за ноги, подталкивают его голову в бочку.

СТАРИК (*Анатолию*). Возлюби ближнего своего, как самого себя.

АНАТОЛИЙ. Возлюби... ближнего, как самого себя.

СТАЯ. – Раз!..

Пауза.

СТАРИК. Ещё.

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего, как самого себя.

СТАЯ. – Два!

СТАРИК. Ещё.

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего, как самого себя!

СТАЯ. – Три!

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего...

СТАЯ. – Возлюбим, возлюбим!

– Сейчас всё бросим и будем возлюбить!

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего... как самого себя.

СТАЯ. – Если просишь!..

– Пожалуйста!..

Макают голову Анатолия в бочку, затем вытаскивают её оттуда, бросают к ногам старика, хохочут.

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего...

СТАЯ. – Ага, сейчас!

– Оботрись сначала.

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего, как самого себя...

СТАЯ. – Губки подкрась.

– И попудрись!..

АНАТОЛИЙ. Возлюби ближнего!

СТАРИК. Достаточно.

АНАТОЛИЙ. Возлюби!

СТАРИК. Хватит!

АНАТОЛИЙ. Возлюби!

СТАРИК (*стае*). На самолёт его!

СТАЯ. – Воздух!

– Ахтунг! Ахтунг! В воздухе Покрышкин!

Привязывают Анатолию за спиной руки к ногам, перебрасывают верёвку через поперечную балку под сводом. То поднимая Анатолия к балке, то опуская вниз, доставляют себе неизъяснимое наслаждение.

АНАТОЛИЙ (*кричит, пересиливая боль*). Ф-ф-фа-а-ашисты!

СТАЯ. – Сам ты фашистюга!

– Национал-Петух!

– Ха-ха-ха!..

– Кролик тель-авивский!

– Душманская задница!..

И, не в силах сдержать восторга от экзекуции,
Стая в едином порыве запела.

Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц!..

СТАРИК (*вдохновенно запекает*).

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.
Преодолеть пространство и простор!
Нам Сталин дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор!

СТАЯ (*подхватывает*). Всё выше! И выше! И выше!..

АНАТОЛИЙ (*закричал от боли*). По! ца! ди! те!!!

СТАЯ. Стремим мы полёт наших птиц!..

СТАРИК (*стае*). Возлюбите его, раз он просит. Исполните свой интернациональный долг.

Стая кинулась лихорадочно развязывать Анатолия.

СТАЯ. – Петя, Петя, Петя...

– Цып, цып, цып...

Запели.

– Де-евочка моя!..
 – Ты-ы – моя любви-имая!..
 – Непрístupна, непреклонна!
 – Де-евочка моя!..
 АНАТОЛИЙ. Отстаньте от меня!
 СТАЯ. – Сейчас. Разбежались!
 – Я – первый!
 – Да?!
 – Моя очередь!
 АНАТОЛИЙ. Пустите!
 СТАЯ. – Не лапай!
 – Мой он!
 – На, получи!
 АНАТОЛИЙ. Крысы!.. Сволочи!..

Анатолию удаётся вырваться из этого клубка омерзительных человек и вскарабкаться на возвышение за тронем Старика. Стая, отталкивая друг друга, пытается добраться до него. Анатолий в отчаянном ожесточении начинает вдруг декламировать.

АНАТОЛИЙ. Прощай, немытая Россия,
 Страна рабов, страна господ,
 И вы, мундиры голубые,
 И ты, им преданный народ!
 СТАРИК (*стае*). Стоп.

Все замирают.

СТАЯ. Ты что, батя?
 СТАРИК. Отойдите (*Стая пятится.*) Читай дальше.
 АНАТОЛИЙ (*сбивчиво*).

...Быть может, за стеной Кавказа
 Сокроюсь от твоих пашей,
 От их всевидящего глаза,
 От их всеслышающих ушей...

СТАРИК. Что ещё знаешь?
 АНАТОЛИЙ. Что?
 СТАРИК. Кроме Лермонтова, можешь ещё что-нибудь почитать?
 АНАТОЛИЙ. Какой Лермонтов?
 СТАРИК (*стае*). Он ваш.
 СТАЯ. – Голубь наш сизый!
 – Свежачок!
 – Молодуха...
 – Кролик!..
 АНАТОЛИЙ (*перепуганно*). Быть беде, быть великой потере!
 СТАРИК (*Стае*). Стоять. (*Анатолию.*) Дальше.

АНАТОЛИЙ.

...Знать не зря с луговой стороны
 Луны лошадиный череп
 Каплет золотом сгнившей слюны.

СТАРИК. Ещё. (*Пауза.*) Ребятам скучно здесь в серном забое жить... Они и не живут больше трёх месяцев. Никому не удаётся больше трёх... Кроме меня. Но я не работаю, как они. Серу не рубаю. И не грузу в кошелки. И ты не будешь. Пока не замолчишь. Как выдохнешься, так кайло в руки и – вперёд за орденами... Но сначала... Люди здесь одичавшие, без предрассудков... Так что – давай. Мы слушаем.

Пауза.
 Анатолий начинает неуверенно.

...Нет, нет, нет! Я совсем не хочу умереть!
 Эти птицы напрасно над нами вьются.
 Я хочу снова отроком, отряхивая с осинника медь,
 Подставлять ладони, как белые скользкие блюда...

Пауза.

Как же смерть?
 Разве мысль эта в сердце поместится...
 Не помню...
 ...У меня есть свой дом?
 Жалко солнышко мне, жалко месяц,
 Жалко тополь над низким окном.
 Только для живых ведь благословенны
 Рощи, потоки, степи и зелена.
 Слушай, плевать мне на всю Вселенную,
 Если завтра здесь не будет меня!..

Пауза.

СТАРИК. Есенин... Монолог из Пугачёва... Студент?
 АНАТОЛИЙ. Был.
 СТАРИК. Я тоже... Был. Кафедрой заведовал... Русской литературы.
 Профессор... Да здравствует Красная Профессура... Да!.. Ну-тес, да-
 вайте продолжать, молодой человек.
 АНАТОЛИЙ. Да я..
 СТАРИК. Напрягайте, напрягайте память.
 АНАТОЛИЙ. Я хочу жить, жить, жить...
 Жить до страха и боли!..

Пауза.

Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы увидеть, как мыши от радости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют в колодце...
СТАРИК (*подсказывает*). Яблоневым цветом брызжется душа моя
белая...

АНАТОЛИЙ. В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечесьем саду!
СТАРИК. Похвально!.. (*Пауза.*) Ну-тес, что ещё?
АНАТОЛИЙ. Не помню...

СТАРИК. Жаль... (*Повернулся было к своре, но потом передумал.*)
Сами что-нибудь сочините. Придумайте... Здесь ведь так скучно! Вы
себе не представляете! (*Пауза.*) Ну, не боги горшки, в конце концов,
обжигают. Попробуйте. (*Пауза.*) Учтите, вы живы до тех пор, пока
вам есть что сказать... этим людям.

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Жили-были дед да баба...
СТАРИК. Да, да. Что угодно, пожалуйста.
АНАТОЛИЙ. И была у них курочка ряба...
СТАЯ. — Снесла курочка деду яичко.
— Напрочь снесла!

Стая хохочет.

СТАРИК (*Стае*). Тихо. (*Воцарилась тишина.*) Смелее...

Серные ядовитые испарения обволакивают пространство, создавая
ощущение вневременной потусторонности...

Затемнение.

Картина третья

Обычная кухня городской квартиры. Самое значительное здесь сейчас — стена
с неряшливо покрашенным оконцем в ванную комнату. Там — Надя. Оттуда
слышится беззаботное пение, плеск воды и прочие шорохи-возгласы, сопут-
ствующие приятному омовению. Причём они настолько явственны, что давят
на барабанную перепонку, не говоря уж о другой, чисто мужской, атрибутике
Лазаря Лукича, который мается под оконцем с букетом роз в руках. В конце
концов, не в силах обуздать свою фантазию, он забирается на табуретку и пы-
тается проникнуть пытливым взором сквозь наспех покрашенное, но основа-
тельно запотевшее препятствие. Неудача в этом прямо-таки хулиганском ме-
роприятии, помноженная на некоторую стеснённость от полузабытой прити-
драхляющего организма, усугубляет неудобство от стояния на табуретке.

АНАТОЛИЙ (*из гостиной*). Лазарь Лукич!

Лазарь Лукич поспешно спускается с табуретки. в кухне появляется
Анатолий с кашпо.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да!
АНАТОЛИЙ. Может, вот это подойдёт?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну при чём здесь кашпо?! Разве можно розы за-
совывать в эту бездну? Розы любят, когда смотрят на них, а не на их
содержателей.

АНАТОЛИЙ. (*смеётся*). Мудро... Сейчас... Пойду ещё гляну.

Анатолий уходит.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*ему вслед*). Хрусталь какой-нибудь или фарфор...
(*Снова забирается на табуретку.*) Можно и...

Неловко повернувшись, Лазарь Лукич начал, подобно Пизанской башне, на-
клоняться. Как за соломинку, попытался ухватиться за подвернувшуюся под
руку люстру, но... люстра не выручила, и он вместе с ней «грянул оземь».

АНАТОЛИЙ (*врываясь в кухню*). Что случилось?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Упал.

АНАТОЛИЙ. Как же это, Лазарь Лукич?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*хихикает*). Крыша поехала... (*С помощью Анатолия
поднимается.*) Ох!..

АНАТОЛИЙ. Ушиблись?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Люстра разбилась... Хрусталь?

АНАТОЛИЙ. Ничего страшного. Надя выйдет из ванной — уберёт.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Зачем же?.. Утруждать Надежду...

Пытается собрать осколки.

АНАТОЛИЙ. Я сам, я сам, Лазарь Лукич, уберу. Вы присядьте.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*садясь*). Даже не знаю, как это получилось. Чер-
товщина какая-то. Стоял вот здесь, у окна... и вдруг люстра стала рас-
качиваться... Потом — грох на меня... Ой...

АНАТОЛИЙ. Может, полтергейст?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Кто?

АНАТОЛИЙ. Вроде домового.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Мать его за ногу!..

АНАТОЛИЙ. Что у вас с рукой?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Заноза... От розы шип аж по шляпку вошёл.

АНАТОЛИЙ. Сейчас я иголку принесу.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Пинцет принеси. И йод.

АНАТОЛИЙ. Да, да... (*Хлопочет вокруг Лазаря Лукича.*)

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Дома строят, чёрт бы их побрал! Хорошо ещё пере-
крытием не ухайдокало. Вот так ходи к вам в гости.

АНАТОЛИЙ. Мы-то тут при чём, Лазарь Лукич?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да шучу я. Шуток не понимаешь?

АНАТОЛИЙ. Вы когда-то нам говорили: «Ирония рождает подлецов».

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Теперь другая установка: «Человечество, смеясь, расстанётся со своими недостатками».

АНАТОЛИЙ. Вот обхохочемся! Не сдохнуть бы со смеху!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Если в меру смеясь – не сдохнете.

АНАТОЛИЙ. А интересно – были такие случаи, чтоб умирали от смеха?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да сколько угодно. Поперхнёшься крошкой какой-нибудь – и хана. Тётка вот моя – помереть не померла, но...

АНАТОЛИЙ. Расскажите.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Давно это было, мать моя ещё в девках ходила, меня-то тогда и в помине не было, мне уж потом рассказывали... Да!.. Так вот: было какое-то застолье, праздник – не праздник, чёрт его знает. Мать моя сидела, тётка эта, муж её, ещё кто-то... Родители, само собой, родственники... Выпили, конечно. То да сё, слово за слово, – короче, подняла тётка при всём народе мужика своего на смех. Он, и вправду, нескладный такой был – я его ещё застал: здоровый бугай центнера в полтора весом, кулачищи волосатые, морда красная, нос, как чекушка, а тюха тюхой. Умишком Бог не наградил. Да и зачем он ему в деревне-то? Живи себе да живи. Харч есть куда бросать – и ладно. Ну вот... А тут тётка возьми да и заведись на него. Да перед всеми. Он и так красноречив, а тут аж побагровел весь. Все за столом со смеху покатываются, а он желваками ворочает. Всё бы ничего, обошлось бы, не впервой над ним потешались, но тут тётка возьми и поперхнись. Крошка в дыхательное горло попала – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Синеть начала. Били её били по спине – ничего не помогает. В конце концов муж подошёл. Он сперва, осерчавши-то, глядеть на неё не хотел и, вроде как, радовался, а потом поостыл – помогать взялся. И ка-ак саданёт кулачищем по спине! Кусок застрявший он из горла, конечно, вышиб, а и хребет ей переломил. Со злости перестарался. Потом с парализованной так всю жизнь и нянчился...

АНАТОЛИЙ. Да...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Вот такие дела! Живи да оглядывайся, чтоб тебя где-нибудь люстрой не шандарахнуло.

АНАТОЛИЙ. От случайностей никто не застрахован.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Но и не надо создавать благоприятных условий для возникновения негативных явлений.

АНАТОЛИЙ. Это – забота каждого.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А я о чём говорю!

АНАТОЛИЙ. По-моему пришло время вмешиваться в объективные физиологические законы старения и умирания.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну, это нам ещё не по зубам.

АНАТОЛИЙ. По зубам! По зубам, Лазарь Лукич!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А может, по морде?

АНАТОЛИЙ. Проблема долголетия будет решена в самое ближайшее время.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Прямо-таки в самое ближайшее?

АНАТОЛИЙ. Да! (*Торжественно.*) Лазарь Лукич! Мне представляется, что я решил проблему долголетия.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Молодец. (*Встаёт.*) Надежда, наверное, не скоро из ванной выйдет...

АНАТОЛИЙ. Пойдите, Лазарь Лукич. Раз уж пришли – послушайте.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Давай-ка лучше уберём осколки с пола.

АНАТОЛИЙ. Бог с ними, я сам уберу. Вы послушайте!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Знаешь, как вы мне осточертели? Столько галиматьи каждый день выслушиваешь от непризнанных гениев – голова пухнет. Хоть в кабинет не заходи.

АНАТОЛИЙ. Я вас очень прошу!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. И ты туда же.

АНАТОЛИЙ. У меня уже практически закончена кандидатская на эту тему.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Я понимаю.

АНАТОЛИЙ. Я сейчас принесу.

Анатолий исчезает. Лазарь Лукич начал было собирать осколки, потом посмотрел на заветное оконце и, не удержавшись, бросил в него кусочек стекла. В ванной всё стихло.

АНАТОЛИЙ (*появившись*). Вот диссертация. (*Читаем.*) Влияние частоты реакций биологических организмов на продолжительность жизни.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Интересно.

АНАТОЛИЙ. Суть идеи в том, что жизнь человека измеряется не количеством прожитых секунд, а числом фиксированных реакций организма на раздражители. Биологическому виду, к которому принадлежит человек, отпущено, допустим, сто миллионов реакций на жизнь. Овладев механизмом регулирования реакций, мы подчиним временную продолжительность жизни своей воле.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. И этим идиотизмом ты хочешь осчастливить человечество?

АНАТОЛИЙ. Почему идиотизмом? Вот результаты наблюдений! Вот расчёты! Сравнительный анализ рефлекторного поведения черепашки и мангуста в одинаковые промежутки времени на одни и те же раздражители. Вот диаграммы вызванных потенциалов отдельных подкорковых структур головного мозга человека при разных температурах...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*зевает*). Ой-ё-ёшеньки...

АНАТОЛИЙ. Почему у детей годы тянутся бесконечно, а старики не успевают их считать?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. ... Действительно.

АНАТОЛИЙ. А почему они один и тот же отрезок времени оценивают по-разному?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Что ты мне голову забиваешь!

АНАТОЛИЙ. Потому что время – необъективный счётчик. Физики это давно доказали. Тогда что объективно?!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Рефлексы что ли?

АНАТОЛИЙ. А почему бы и нет?! С возрастом реакции замедляются.

И если семидесятилетний реагирует на внешние раздражители сто раз за час, то десятилетний – десять тысяч. Из этого следует, что мальчишка в одну и ту же единицу времени проживает в сто раз больше старика.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Как это?

АНАТОЛИЙ. Если принять за данность, что человеку отпущено на жизнь строго определённое число реакций то, искусственно замедляя их частоту, мы удлиняем жизнь.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Что же паралитики не живут тыщу лет?

АНАТОЛИЙ. Кроме внешних, есть ещё внутренние раздражители, информация от которых поступает в головной мозг через интероцепторы. При любой поломке слаженного механизма, каким является человеческий организм, количество информации с этих интероцепторов увеличивается на несколько порядков. Во время заболевания мозг начинает работать ЛИХОРАДОЧНО – учащение пульса тому свидетель... Кстати, понос – это продукт ПАНИЧЕСКОЙ деятельности органов пищеварения при расстройстве желудка. Только регуляция рефлексий всех без исключения участков организма даст надежду на продление жизни.

Пауза.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ко мне как-то один дурак пришёл с идеей... (*Рассмеялся.*) Когда корабль тонет, что делают крысы?

АНАТОЛИЙ. Крысы бегут с тонущего корабля.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А у нас крыс всё больше и больше, заметил?

АНАТОЛИЙ. Да, действительно.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Когда где какая беда – землетрясение, наводнение, голод, – все твари разбегаются, у нас же – столпотворение.

АНАТОЛИЙ. А люди уезжают... туда.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. У людей нюха нет. Инстинкт заторможен. Не то что у животных. Те чувствуют!

АНАТОЛИЙ. Надвигающееся изобилие?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну конечно!

АНАТОЛИЙ. А мы, случайно, крыс не за валюту покупаем? Для пропаганды преимущества нашей райской жизни.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*рассмеялся*). Откуда ты узнал?

АНАТОЛИЙ (*тоже смеётся*). Догадался.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*серьёзно*). Вот даже какие идеи мы покупаем. Если очень нужно. (*Показывает пальцем вверх.*) Кому-то... (*Подумав.*) Но это дорого стоит...

НАДЯ (*из ванной*). Толя!

АНАТОЛИЙ. Сейчас! (*Лазарю Лукичу.*) Так как... с моей идеей?

НАДЯ (*из ванной*). Иди сюда.

АНАТОЛИЙ. Подожди, Надюша, я занят.

НАДЯ (*из ванной*). Я тебя прошу!

Анатолий протягивает диссертацию Лазарю Лукичу.

АНАТОЛИЙ. Вы посмотрите пока... Я мигом.

Анатолий уходит в ванную. Лазарь Лукич рассеянно листает диссертацию, но звуки из ванной снова загоняют его на табурет. Снова пытается он найти желанную лазейку для глаза, но тщетно. Тогда, то ли от отчаянья, то ли со всем уж рехнувшись, он прильнул к бессердечному стеклу ухом, прислушиваясь к лукавому смеху, счастливому воркованию... Наконец взмокший, раскрасневшийся Анатолий появляется в кухне. Лазарь Лукич, не заметив этого, продолжает прислушиваться.

АНАТОЛИЙ. Лазарь Лукич!

Лазарь Лукич изумлённо смотрит на Анатолия с табуретки, безуспешно пытаясь согнать с лица предательское волнение.

АНАТОЛИЙ. Посмотрели?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. В какой-то степени – да...

АНАТОЛИЙ. Ну. И что увидели?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ ...Охватить всего мне не удалось, но... ощутил... кипение страстей, так сказать... атмосферу проникновения вглубь...

АНАТОЛИЙ. Вам близка идея?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. К сожалению, пока ещё нет.

АНАТОЛИЙ. Но почему же?!.. Лазарь Лукич!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Я бы всей душой, но... Ваша индивидуальность слишком... Постороннему трудно прорваться сквозь преграды, которые вы расставляете на каждом шагу. Всё это создаёт ощущение мутности, замаскированности. Я ничего не могу разглядеть. А мне, поверьте, очень хочется дойти до сути... И я готов идти!.. Если вы берётесь помочь мне.

АНАТОЛИЙ. С радостью, Лазарь Лукич!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Конечно, лучше бы самому, но я уже в таком возрасте, когда трудно заставить. Хочется, чтобы вы помогли... распутать гордиев узел... высокого, но чужого совершенства...

АНАТОЛИЙ. Запросто.

Лазарь Лукич прямо с табуретки бросается к ногам Анатолия.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Отдай её мне! Что хочешь проси – ничего не пожалю. Как сыр в масле кататься будешь, только позволь...

АНАТОЛИЙ. Мою диссертацию? Да вы что?!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. К чёрту диссертацию! Надежду я прошу. Или убей, или дай насладиться Надеждой. Я с ума схожу! Всё понимаю, всю пропасть между нами, всю бездну условностей, все последствия, но жить дальше в безнадёжности не могу.

АНАТОЛИЙ. Ты думай, о чём говоришь!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Я каждую секунду думаю. День и ночь. Придумываю всякие уловки, чтобы не думать, – не могу вырвать... Это наваждение... Это – кара Господня... Это – рок...

АНАТОЛИЙ. Давай-ка отсюда.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Не гони. Не гони, я тебе пригожусь. С диссертацией

помогу. Защиту устрою. Никто не пикнет. Через пару лет можно докторскую... Ты не представляешь, кого я держу в руках... Такими людьми мне бросаются... Мне ведь много не надо, я же не гангстер половой, мне чуть-чуть... Я своё от жизни уже взял. Мне только глянуть на неё и достаточно, она и не... знать не будет. Ты зайди сейчас в ванную, а дверь не запирай... приоткрой, слышишь?.. Я гляну одним глазком и уйду. Тут же. Она и не заметит... А завтра ты ко мне с диссертацией. И всё будет в порядке. Мы такую защиту тебе сделаем... ну иди, иди, чего тебе стоит? Мне только поглядеть...

АНАТОЛИЙ. Да гляди на здоровье. Жалко мне, что ли?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ага. Я тихо-тихо... Давай — иди.

АНАТОЛИЙ. Куда идти, вон в окно смотри.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Там не видно. Замазано.

АНАТОЛИЙ. В верхнем углу. Справа просвет есть.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ага. Понятно. (*Забирается на табурет.*) Только ты уйди. Я один... (*Хихикает.*) Оставь нас вдвоём.

Анатолий уходит. Лазарь Лукич прильнул к верхнему правому углу окошка. А через несколько мгновений в кухню ворвался Анатолий с трубкой от пылесоса.

АНАТОЛИЙ. Крыса! (*Бьёт трубкой по спине Лазаря Лукича.*) А осинового кола не хочешь?!

Лазарь Лукич от удара ткнулся головой в окошко. С пронзительным звоном разлетелись осколки стекла, испуганно вскрикнула Надежда, и тут же петух прокричал в первый раз.

Затемнение.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Крестьянское подворье. В центре большой деревенский стол. Поодаль — гроб. Возле стола на скамье сидит Анатолий. Душно. К столу подходит Мама с посудой в руках.

МАМА. Пошёл бы ты в дом, сынок. Телевизор посмотрел, пока я стол накрою. Там что-то интересное показывают. Надька хохочет вовсю...

Пауза.

Молодцы, что приехали. Тут у нас хорошо. Воздух... Абрикосов поешь? Я сейчас тебе соберу. Абрикосы в этом году — не знаешь, куда девать. Маргарита твои компоты бы закрутила...

Пауза.

Толя, поговорил бы ты с отцом. Нельзя, мол, так. Юбилей всё-таки. Сын из города приехал со снохой, внучка. Откуда тащились — а он... Конечно, брагу, может, и правильно, что поразливал. Я, дура, хотела сэкономить... Дак можно и в магазине взять. Семьдесят пять лет всё-таки. Не хочет. Семьдесят три отметил и зарёкся. После семидесяти трёх, говорит, не живут. Не должны. Что ж, если тот отец-благодетель наш народный до семидесяти трёх только дожил, остальным тоже больше нельзя? Ложись теперь, помирай? Иисус вон до тридцати трёх тожко. Стало быть, и ты, сынок, пять годов уже задарма землю топчешь?..

Пауза.

Надька-то совсем уже невеста. Краситься только вот ей не надо бы. Хотя у вас там в городе все малюются. Сколько ей? Шестнадцать уже?.. Ох, времечко!.. Чем мы так Бога прогневили?.. Ой, что это я на Бога? Свят, свят...

Пауза.

Я каждый день Богу молюсь за то, что он тебя в люди вывел. Не каждому выпадает. Такой наукой овладеть — это голову какую надо иметь! Нинка, вон, у нас — сильные дела — завклубом, а и то гоголем ходит, не подступись. Твоя-то Маргарита, почитай, на сто голов выше её... Хотя, правда, тоже, что тебе графиня Изаура какая-нибудь...

Пауза.

А и правильно. У них там надо нос по ветру держать, а то, не дай бог, слабинку почуют — враз с места спихнут, свой же...

Пауза.

Правильно, конечно... И не слушайте никого. Люди от зависти больше судачат. Им никогда не угодишь, То — не так, это — не этак, того нет, этого — а работать никого не вытянешь. Крикуны. И кто, главное, хает? Лодыри да забулдыги. Руки, мол, у снохи барские! А то, что седина в сорок, — этого они не видят. С печенью из больниц не вылезает. Разве она захребетница?! Я, когда в городе у вас была, сколь раз она за полночь домой приползала? Им бы такую нерво-трёпку!..

Пауза.

Надоша, конечно, поласковой этой была. Ну дак сердцу не прикажешь... Это уж, стало быть, Бог вас так рассудил... Только зачем ей

руки-то на себя накладывать было? Сколько мужиков к другим уходят!.. Молчу, молчу...

Пауза.

Только, если она тебя так уж любила, не взвалила бы такой крест...

Пауза.

Тяжело, сынок?.. Молчу, не буду больше.

Пауза.

Жалко её – слов нет... Хорошая она была... Тростиночка. Надька вся в неё...

Пауза.

Пойти Маргариту разбудить...

Мама уходит. Анатолий сидит неподвижно, уставившись в одну точку. Пауза. Возвращается мама с дымящейся кастрюлей в руках. Рассерженно ставит её на лавку, переставляет тарелки с места на место.

МАМА. Крысы!.. Какие у нас крысы?! У нас мышей сроду не было. *(Режет хлеб.)* Мало ли кто в подполье скребётся. Вставать раньше надо. Привыкла у себя ночи напролёт валандаться, а кто-то ей виноват... Крысы... До этих пор спать – не то что крысу, голого мужика увидишь!.. Седая вся уже, а туда же... На ферме бы покорячилась, враз бы вся дурь из головы вылетела *(Кричит.)* Надя! Надюша! Вареники стынут!.. Выключай свой телевизор, пусть он передохнёт чуток...

Пауза.

Вот мухи окаянные!.. То крысы, то мухи... Стараешься, стараешься... *(Анатолию.)* Что, в городе мух перевели уже?.. Что от этих мух может быть? Вон по телевизору показывали – люди кузнечиков едят, и то ничего. Говорят, что будто бы в городе уже из пауков масло жмут? И пасту какую-то делают... Её что, пасту эту, в борщ можно класть?

Пауза.

Приезжали бы почаще, я б твою готовить научила... Я бы её всему научила...

Пауза.

С Надюшей мы, бывало, такие пироги пекли!.. Упокой, Господь, её душу... А теперь... И печь разжечь некому...

Пауза.

Говорят, везде уже атомом топят? Правда – нет?

Пауза.

Недавно слух прошёл, что атомные душегубки эти скоро закроют. Марсиане закроют. Вроде прилетали уже с инспекцией. И дюже не понравилось им тут у нас. Не тем атомом, мол, топим. На Марс губительно, слышь, действует радиация наша...

Пауза.

А нам ничего – живём... пока...

Пауза.

Ох, горе...

Пауза.

Между прочим, недавно по телевизору сообщали: на острове Мини-Бикини, там, где американцы атомную бомбу испытывали, всё живое погубило, ну ничегошеньки не осталось окромя крыс. Такие, сказывают, огромные – больше человеческого роста...

Пауза.

Вот такие дела... Скоро нигде жизни не будет. Мы-то своё пожили. А вам?.. А ну как – конец света!..

Пауза.

Беда...

Пауза.

Сынок... А сынок...

Пауза.

Давай помолимся.

Пауза.

Полегчает, сынок.

Но сын молчит. Мама начинает молиться сама.

Господи! Услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня, в день скорби моей приклони ко мне ухо Твое; в день, когда воззову к Тебе, скоро услышь меня.

Ибо исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня. Сердце моё поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой.

От голоса стенания моего кости мои прильнули к плоти моей.

Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами.

Дни мои — как уклоняющаяся тень; и я, как иссохшая трава.

Ты же, Господи, вовек пребываешь, и память о Тебе — в род и род.

Затемнение.

Картина пятая

ТЕМНОТА

ГОЛОС АНАТОЛИЯ. Надя! Наденька!.. Надя, где ты?.. Надя-а-а!..

Темнота пришла в движение, изламываясь в непостижимые фантастические конструкции.

ГОЛОС АНАТОЛИЯ. Надя! Открой сейчас же! Слышишь? Я знаю, что ты дома!.. Надя, открой... Открой, пожалуйста...

Наконец пространство обрело очертания знакомой уже кухни с той же стеной и оконцем в ванную комнату, сейчас разбитым. За столом, расслабившись, сидит Лазарь Лукич. Он в тёмном пиджаке, в белой рубашке, но без брюк.

ГОЛОС АНАТОЛИЯ. Открой, Надя...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Заходи.

АНАТОЛИЙ (*появившись*). Лазарь Лукич, вы?!..

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*прихлёбывая чай*). Тебе чего тут?

АНАТОЛИЙ. Я к себе домой пришёл, Лазарь Лукич.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ Дом — дело хорошее.

АНАТОЛИЙ. А Надежда?.. Где?..

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*ещё отхлебнув*). Отдыхает.

АНАТОЛИЙ (*порываясь в спальню*). Надя...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ Оставь её. Пусть поспит. Заслужила.

АНАТОЛИЙ. А вы что ж здесь?..

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Не видишь — чай пью. Загоняла меня твоя баба.

Притомился. Возраст уже не тот...

АНАТОЛИЙ. Лазарь Лукич!.. Вы... Что это?!

Пауза.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Нравишься ты мне. Из таких вот и надо лепить. Ковать. Помнишь, как мордой-то меня в стекло? Но я не серчаю. Садись. Почаёвничаем. Что стоишь, как лом проглотил?

АНАТОЛИЙ. Она — жена моя...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Сядь, сядь. Не в кабинете. (*Анатолій садится*.) Хороший чай твоя жена заваривает. Моя старая дура, сколько живём, никак не научится. В столовой и то лучше делают.

АНАТОЛИЙ. В кремлёвской?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ой! Там вообще крепкий не заваривают. Я всегда Маргариту при себе держу. (*Хохочет*.) Чай заваривать. Знаешь Маргариту?.. Но, скажу честно, до твоей бабы ей далеко. (*Хохочет*.) Не сравнить... А я чаи гонять люблю... (*Хохочет*.) Вот и приходится... По гостям.

АНАТОЛИЙ. Значит, вы только чай попить?!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну.

АНАТОЛИЙ. А я-то!.. Фу.. Глупости всякие в голову лезут... Что ж мы сидим? Надо... Я не знаю, может... Ещё раз диссертацию обмоем? У нас должно быть... Надя, где ты там? У нас гости, а ты лежишь!.. (*Кидается в спальню*.) Вставай. Ты что, приболела, что ли? (*Возвращается в кухню*.) Сейчас она выйдет. У меня сегодня такой день сумасшедший, четыре лекции. На ура прошли, уйти не дают. Все до двухсот лет хотят жить. Мы с Надеей к родителям завтра собрались — отцу семьдесят лет, да куда там! Завтра опять — интернат, ПКБ, Дом престарелых... Надя, у нас есть чем-нибудь угостить? Неделю назад приятель с Сахалина икру привёз, но по-моему дочь всё истребила. Она её, как кашу. (*Кричит*.) Надя, икра у нас осталась?

Появляется Надя в домашнем халатике и шлёпанцах на босу ногу.

АНАТОЛИЙ. Где у нас икра? (*Открывает холодильник*.) А это что?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Это я по-стариковски — в гости со своими харчами. (*Хохочет*.)

АНАТОЛИЙ. Ну зачем вы, Лазарь Лукич? Неужели у нас не найдётся чем дорогого гостя встретить. Конечно, у нас не ваши возможности, но всё-таки... И потом, не каждый день вы у нас...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Не получается — каждый день.

АНАТОЛИЙ. Надя, что ты стоишь, как лом проглотила? (*Хихикает*.) Цитирую.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Не понял.

АНАТОЛИЙ. А это вы мне сказали, когда я только вошёл. Помните?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да, да.

АНАТОЛИЙ (*Наде*). Помогай. (*Суется вокруг стола*.) Лазарь Лукич, вы никогда не задумывались над истоками подобных народных выражений?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. М-м-да...

АНАТОЛИЙ. Меня всегда поражает образная меткость народных характеристик. Ведь ни лом, ни аршин проглотить невозможно. Сами

подумайте – как это? Невозможно ведь. Правда? Он же будет... Торчать! *(Смеётся.)* Даже если проглотить. Но, заметьте, как точно! Вам чего, Лазарь Лукич, водочки или коньяк?.. Помню, помню. *(Достаёт водку.)* Кстати, вам не приходило в голову, что спиртные напитки имеют классовое чутьё? *(Смеётся.)* Нет, на самом деле, кто предпочитает коньяк?.. Торгаши и интеллигенты, если у интеллигенции появляются деньги, конечно. При безденежье они пьют что попало. Но при возможности, если есть выбор, они предпочитают коньяк. Рабочий класс пьёт только водку. Рабочему классу коньяк и даром не нужен. Конечно, сейчас и рабочие скатились на бормотуху, но это – босяки. Кадровый рабочий пьёт водку.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Самогон они все гонят, сволочи.

АНАТОЛИЙ. Да, вы правы. Просто жуть какая-то. Сегодня я как раз был на заводе – мне рассказывали. Создали они рабочую комиссию. Провели проверку. Так, не поверите, в каждой третьей квартире – аппарат. И что делать? Штрафовать? Пробовали. Чуть до забастовки не дошло. Набычились все как один. Пришлось провести формальное увещательное собрание. Пожурили, не называя фамилий...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ *(встал и, как был без штанов, зашагал по кухне)*. Вся страна гонит...

АНАТОЛИЙ. Абсолютно точно. Ведь это если самогонный аппарат в одной из трёх квартир, то гонят все три. Они же кооперируются.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Кооператоры, мать их за ногу!..

АНАТОЛИЙ. А всех же не пересажаешь! Кто работать будет?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Они же и будут.

АНАТОЛИЙ *(смеётся)*. Только бесплатно?.. А если серьёзно, Лазарь Лукич, то проблема эта выеденного яйца не стоит. Знаете, как царь с самогонварением боролся? У него водка стоила ровно столько...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Что-то вы всё царей нам в пример стали ставить? Затосковали?

АНАТОЛИЙ. Да ну, что вы?! Это я в порядке каламбура. Присядем, Лазарь Лукич... Надя... Переделась бы...

Лазарь Лукич садится.

Хотите анекдот? Не политический. Как один генерал женился на молоденькой, знаете? Там в конце он ей смешную фразу говорит. Что-то вроде... «Что ж ты с большими руками замуж выходишь?». Слышали, наверное?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Глупости всё это.

АНАТОЛИЙ. Безусловно... Так я вам водочки?.. Наденька, присаживайся. Тебе коньяк, я знаю... Садись, ну что же ты?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ *(Наде)*. Садись. В ногах правды нет.

Надя садится.

АНАТОЛИЙ. Вы, Лазарь Лукич, прямо кладёшь народной мудрости. Что называется – вышли мы все из народа... *(Надю вдруг затоскило и она убежала в ванную.)* Что это с ней? *(Улыбается.)* Может, это...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Как у неё с желудком?

АНАТОЛИЙ. Всё нормально, вроде.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. На живот чуть надавишь – её сразу тошнит. Ты её к врачу своди.

АНАТОЛИЙ. Как это – надавишь?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Обычно. Другое – хоть бы что. Вон Маргарита – та вообще... Кобыла!.. *(Пауза.)* Конечно, твоя пошустрей будет... *(Хохочет.)* Егоза. Только вот тошнота на неё нападает поначалу. *(Хохочет.)* Может, она мной брезгует? С тобой-то она как? Иль тоже?

АНАТОЛИЙ. Вы, Лазарь Лукич, человек, конечно, большой, но я ведь могу... и...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да брось ты! Дело житейское.

АНАТОЛИЙ. Как?! Как вы себя?!.. Что вы себе позволяете?!..

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Плесни мне ещё чайку.

АНАТОЛИЙ *(наливает чай)*. Я могу и обидеться...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. На обиженных воду возят. Хватит.

АНАТОЛИЙ. Нет, не хватит!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Куда мне полную? Я и так пятую уже.

АНАТОЛИЙ. Вы... Вы!..

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ *(напевает)*. Выхожу один я на дорогу...

АНАТОЛИЙ. Вы думаете, если вы!.. То мы...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Чай сердечную мышцу стимулирует.

АНАТОЛИЙ. А...

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А у меня она как раз барахлит...

АНАТОЛИЙ. Мне, если хотите знать!..

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А Надежда твоя – мастер по чаю.

АНАТОЛИЙ. Мне тоже противно.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ *(хохочет)*. Ну ты даёшь!.. Рассмешил...

АНАТОЛИЙ. На смейте смеяться!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Я вот что придумал, Анатолий...

АНАТОЛИЙ. Мне это до одного места!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Надо тебя на всесоюзный экран вытянуть. На программу. Хватит тебе по красным уголкам людей дурачить. Ты мужик заводной, я вижу, толковый. Я думаю, меня поддержат.

АНАТОЛИЙ. Покупаете?!

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Не психуй – не баба. Толпу собираешься укрощать, так не мельтеши. Будь мужиком. На характер меня бери. Волей дави. В глаза мне гляди так, чтоб я понял, что ты мне горло вот-вот перергызёшь. И не отводи, не отводи... В глаза! *(Кричит.)* В глаза, говорю, гляди!.. Вот так... В гляделки в детстве играл?.. *(Кричит.)* Глядеть!.. Не моргай! Дави!.. Пока я виноватым себя не почувствовал, пока убежать не захотел, не начал оправдываться... А ты всё равно гляди!.. Размазывай, размазывай меня взглядом в грязь, в сопли, в пыль!.. Чтоб я в штаны наложил, чтоб навсегда понял, кто – я, а кто – ты!.. Вот так-то. Усёк? Овладевай. Хоть из воровского мира приём, но на толпу действует безотказно... Ну да ладно. Значит, до конца года мы это дело с телевидением уладим, я думаю.

АНАТОЛИЙ. Я не смогу.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Только и ты меня уважь, братец. Пособи старику.

АНАТОЛИЙ. Что?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Маргариту мне надо пристроить. За тридцать ей. Сидит уже. Замуж давно пора.
 АНАТОЛИЙ. А я при чём?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Помозгуй сам. Ты же башковитый.
 АНАТОЛИЙ. За кого же её?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Вот и я не знаю. Ума не приложу. И так, и этак прикидывал — кроме тебя никому.
 АНАТОЛИЙ (*смеётся*). Как же я при живой жене?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Вот так.
 АНАТОЛИЙ. А Надежда?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Оставить придётся.

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Оставь надежду всяк сюда входящий...
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Прямо про тебя. В точку.
 АНАТОЛИЙ. Вы серьёзно?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Сердце у меня барахлит... Вот поэтому такие пертурбации. Неужели тебе чаю хорошего для меня жалко? (*Хохочет*). А? Анатолий?
 АНАТОЛИЙ (*подхихикивает*). А-а-а!.. Вы меня разыгрываете, Лазарь Лукич!.. Пертур... сбацили!.. (*Смеётся*).
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (*серьёзно*). Обижаетесь.

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Что вы со мной делаете?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Человека из тебя делаю.
 АНАТОЛИЙ. А-а... Человека...
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Думаешь, со мной церемонились, когда я начинал?
 АНАТОЛИЙ. Лазарь Лукич, я вас прошу... Сами подумайте, в какое положение вы меня ставите. Народ же всё видит. Как я людям в глаза буду смотреть?
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А ты не смотри.
 АНАТОЛИЙ. Мне же работать с ними!
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Вот и работай!.. Люди! Да плевал я на них! Я, когда здесь комсомол возглавлял, членские взносы всего города растратил — месячную кассу. По молодости, сам понимаешь. Тридцать лет прошло! А они до сих пор этим меня попрекают. Старые товарищи, мать их за ногу! Ну и что? Шапка с меня упала? Или авторитет пошатнулся? Как шёл, так и иду! А они как сидели в дерьме, так и сидят. И ты сидеть будешь, если каждого начнёшь разглядывать. Сам рассуди: ты же умный, покумекай своими мозгами — миллионы в стране! Если на каждого по минуте хотя бы — сколько жизней надо, чтобы каждого только разглядеть? А работать когда?!

АНАТОЛИЙ. Сейчас вожди на улицы выходят.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. И я выхожу! Только зачем, ты мне скажи! Я что — их без этого не узнаю, если захочу узнать? Показуха это и больше ничего.

АНАТОЛИЙ Лицом к лицу — лица не увидать?..
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Вот это — туда! Побольше прибауток. Тут тебе и эрудиция, и народные корни, и авторитет. У меня специальный человек на этом сидит. Когда надо, подбрасывает. А на каждого не налюбуйешься.
 АНАТОЛИЙ. Страшный ты человек, Лазарь Лукич.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Телок ты! Я тебе, как сыну родному. Разжёвываю. На магистраль вывожу. А ты за ветхие заветы, за заповеди цепляешься. Агнец божий. Людей он испугался! Пусть они тебя боятся. Будут от тебя зависеть — никто не пикнет.
 АНАТОЛИЙ. Ничего. Сейчас не то время. Я всё расскажу.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. О чём?
 АНАТОЛИЙ. Какое вы чудовище.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. А то никто не знает!
 АНАТОЛИЙ. Я в комиссию...
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Пиши.
 АНАТОЛИЙ. На съезд напишу.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Клевещи, клевети. На нас этих жалоб... Я ими обои на даче себе сделал. В кабинете. Иногда соберёмся — Жванецкого не надо. До слёз хохочем. До икоты. Одного чуть под кремлёвскую стену не увезли — до того развеселился.
 АНАТОЛИЙ (*кричит*). Надя! Иди сюда!
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Потом ей скажешь... Я сам скажу.
 АНАТОЛИЙ. Я убью тебя... Паскуда...
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Пооботрёшься...
 АНАТОЛИЙ. Я кричать буду.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. И покричи. От крика легче становится.
 АНАТОЛИЙ. Я на каждом углу кричать буду. Народ подниму. Я от отчаянья такое устрою!..
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Устроишь — загремишь. Вот что, дружок... Мы с тобой тут сегодня много наговорили друг другу. Поэтому неопределённости между нами быть не должно. Согласен на Маргариту?
 АНАТОЛИЙ. Не будет вам чая.
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. В последний раз спрашиваю.
 АНАТОЛИЙ. В нём, как в подвале, крысы размножились...
 ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну что ж.

Лазарь Лукич подносит пальцы ко рту. Раздаётся пронзительный вой сирены, то ли милицейской, то ли медицинской «скорой помощи».

Затемнение.

Картина шестая

Огромный белоснежный зал. Маргарита с двумя помощниками готовят всё необходимое для предстоящего карнавала. Маргарита в строгом английском костюме, помощники в белых халатах. Здесь же, в центре зала, на стремянке Анатолий в спортивном костюме развешивает гирлянды.

ПЕРВЫЙ БРАТ. Маргарита Викторовна, может, на сегодня хватит?
МАРГАРИТА. Работайте.
ПЕРВЫЙ БРАТ. Ночь уже.
МАРГАРИТА. Если вы хотите нам мероприятие сорвать, то, конечно, можете идти. Я вас не удерживаю.
ПЕРВЫЙ БРАТ. Да что я? Я...
АНАТОЛИЙ. Иди, иди, парень.
ПЕРВЫЙ БРАТ. (*Анатолию*). Ты там не очень...
МАРГАРИТА. Анатолий, не вмешивайся. Сосредоточься. Завтра у тебя ответственный день.
АНАТОЛИЙ. Наша решается судьба. Не так ли?
МАРГАРИТА. Да. Наша... (*Первому брату*.) Вы почему все маски серой краской красите?
ПЕРВЫЙ БРАТ. Так крысы ведь...
МАРГАРИТА. Карнавал это! Праздник!
ПЕРВЫЙ БРАТ. Надо бы Буратин побольше. Чебурашек. Из мультиков чего-нибудь. А то — почти одни крысы. Откуда их столько?
АНАТОЛИЙ. Из подполья. Откуда же.
МАРГАРИТА. Из подсобных помещений.
ВТОРОЙ БРАТ. Мы с Маргаритой Викторовной капканами их.
ПЕРВЫЙ БРАТ. Постой. При чём здесь капканы? Это ж маски.
АНАТОЛИЙ (*смеётся*). Посмертные.
ПЕРВЫЙ БРАТ. Как?
ВТОРОЙ БРАТ. Как, как. Никогда не делал, что ли? Газеты да клейстер.
ПЕРВЫЙ БРАТ. Но не с настоящих же!
ВТОРОЙ БРАТ. А какая разница!
АНАТОЛИЙ (*смеётся*). Маргарита Викторовна за свою жизнь их столько налепила!
МАРГАРИТА. Хватит.
АНАТОЛИЙ. Почему? Расскажи. Расскажи им о своём творческом пути.
МАРГАРИТА. Помолчи.
АНАТОЛИЙ. Почему, Маргарита Викторовна? Почему я должен молчать? У меня прекрасное настроение. Завтра праздник!
ВТОРОЙ БРАТ. Может, укол ему замастырить, Маргарита Викторовна?
МАРГАРИТА (*братьям*). Так. На сегодня — всё. Спасибо за помощь. Вы свободны.
ПЕРВЫЙ БРАТ. А маски? Что ж они — серыми будут?
МАРГАРИТА. Утром всё закончим. Раскрасим, украсим... А сейчас — идите.

Помощники уходят.

АНАТОЛИЙ. Что ты испугалась, дурочка? Они же всё знают.
МАРГАРИТА. Что ты себе позволяешь?
АНАТОЛИЙ. То, что обязан себе позволять в данной ситуации.

МАРГАРИТА. Я попрошу вести себя более сдержанно, если ты не хочешь быть в ещё более дурацком положении, чем сейчас.
АНАТОЛИЙ. А разве есть ещё и другие варианты?
МАРГАРИТА. Ты будешь завтра выступать или нет?
АНАТОЛИЙ. Безусловно. Это же для нас с тобой единственный шанс.
МАРГАРИТА. Только не изображай из себя великомученика. Тебя раздавили, как червяка...
АНАТОЛИЙ. А вы разве не пострадали? Разве вам не пришлось испить горькую чашу унижения?
МАРГАРИТА. Ничтожество.
АНАТОЛИЙ. Прости! Не знаю даже, как мне загладить свою вину. Что совершить, чтобы ты меня простила! Какие слова подобрать, чтобы струны твоей души...
МАРГАРИТА. Клоун.
АНАТОЛИЙ. Конечно. Только ещё хуже — марионетка.
МАРГАРИТА. Почему хуже. Я, например, горжусь тем, что была у него в руках.
АНАТОЛИЙ. Ну да. Ты получала удовольствие. Какое-то время.
МАРГАРИТА. И не жалею ни о чём. Ни капельки.
АНАТОЛИЙ. Будет что вспомнить.
МАРГАРИТА. Конечно.
АНАТОЛИЙ. Представляю.
МАРГАРИТА. Ничего ты не представляешь.
АНАТОЛИЙ. Ну почему же — Коктебель, «Анжуйское», «птичье молоко»...
МАРГАРИТА. «Птичье молоко» было только один раз.
АНАТОЛИЙ. Неужели? Только один?
МАРГАРИТА. Но в первый.
АНАТОЛИЙ. Ой, батюшки! Как это вам так не повезло, Маргарита Викторовна?
МАРГАРИТА. Очень просто.
АНАТОЛИЙ. Расскажите!
МАРГАРИТА. С удовольствием! (*Смеётся*.) Это случилось как раз в «День птиц». Мы проводили его в Анапе. Я там была тогда пионервожатой...
АНАТОЛИЙ. Ну и память!
МАРГАРИТА. Просто есть что вспомнить.
АНАТОЛИЙ. Ах, как интересно!
МАРГАРИТА. Он с инспекцией к нам приехал... Увидел — сразу в Ленинскую комнату и носом в грудь зарылся. (*Хихикнула*.)
АНАТОЛИЙ. И ты не смогла устоять!
МАРГАРИТА. Тогда я устояла.
АНАТОЛИЙ (*запел*). Онегин, я тогда моложе и лучше, кажется, была...
МАРГАРИТА. Представь себе.
АНАТОЛИЙ. Представляю!
МАРГАРИТА. Три дня он вокруг меня ходил — шоколад, шампанское, бисквиты...

АНАТОЛИЙ. Птичье молоко...

МАРГАРИТА. Да. И конфеты «Птичье молоко» где-то достал. А я – вот если бы настоящее!.. Он и так, и этак – нет!

АНАТОЛИЙ. Надо же!

МАРГАРИТА. И вдруг приносят фазана – каплуна такого огромного запечённого со сметаной внутри. Я опять – нет. Это не птичье молоко, а птица с молоком. Так он аж заревел. Кинулся к клетке, разломал её – там на окошке два попугайчика каких-то чирикали – и выдал их обоих прямо в шампанское.

АНАТОЛИЙ. И тут ты, конечно, не устояла.

МАРГАРИТА (*смеётся*). А то он бы и меня придушил.

АНАТОЛИЙ. Чудовищно.

МАРГАРИТА. Да! Он – чудовище!

АНАТОЛИЙ. Мир видывал и похлеще.

МАРГАРИТА (*с вызовом*). Да мне плевать на остальной мир. Мне важно, что он чудовище. Он! И он – царь и бог! Он не только меня подмял под себя...

АНАТОЛИЙ. Он всё развратил.

МАРГАРИТА. Да! Ну и что?! Если хочешь знать, я сама его тогда хотела!..

АНАТОЛИЙ. Задушить?

МАРГАРИТА. Слюняй! Я и сейчас пошла бы за ним, за старым воючим козлом, хоть в преисподнюю. Думаешь, мне его ананасы нужны были?

АНАТОЛИЙ. Рябчики.

МАРГАРИТА. Больше всего не терплю вот эту вашу склизкость интеллигентскую. Да – умненькие, грамотненькие, остроумненькие. А он со своим «мать твою за ногу» вас – как попугайчиков. А вы перед ним сучками лебезите. Меня они попрекают... Да мы, все вместе взятые, его бабы... Мы... Вы же проститутки все. Все как один!.. Интеллигенция!..

АНАТОЛИЙ. Просто у интеллигенции есть нравственные тормоза. Этика, мораль... Христианские заповеди, наконец. А у таких, как он...

МАРГАРИТА. Да выбрось ты к чёрту всю эту ерунду из головы! Что ты послезавтра будешь делать со своей моралью?.. Будь человеком – возьми себя в руки! Я же вижу – ты можешь! Утри ты нос этому монстру. Заставь хама ползать перед тобой! Должна же быть в тебе сила, в конце концов! Энергия!.. Чудовище – это ведь энергия прежде всего! Ну! Соберись! Если бы ты знал, как я его ненавижу! Задави его завтра! Слышишь?! Не для меня. Для себя! Задави! Я тебя заклинаю!

Но тут петух прокричал во второй раз.

Затемнение.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина седьмая

Тот же огромный, теперь уже празднично убранный всевозможной атрибутикой карнавала зал. Мощные жёлтые фонари придают и стенам, и потолку искристую желтизну золота. В центре разукрашенная лестница-стремянка. Возле неё Маргарита в том же строгом костюме и Братья в белых халатах и масках, которые свисают, как марлевые повязки у медперсонала перед операцией. Маргарита в красной шапочке с мегафоном в руках.

МАРГАРИТА. Всё готово?

ПЕРВЫЙ БРАТ. Давно.

МАРГАРИТА. Всех обработали?

ВТОРОЙ БРАТ. Разумеется.

МАРГАРИТА. Тогда начинаем. (*Кричит в мегафон.*) Кар-на-вал!

Грянула музыка. Отовсюду к стремянке устремились, пританцовывая, участники действия. Все они в ярко раскрашенных масках, все одеты по-спортивному, но по-разному: кто целиком в спортивном костюме, кто в спортивном трико и пижамной куртке, кто наоборот, а кто просто в пижамной паре.

МАРГАРИТА (*в мегафон*). Друзья! Я приветствую вас в этом зале! На праздничном ярком большом карнавале! Пусть песня задорная птицею вьётся! Пусть ваши улыбки сияют, как солнце!

Братья стреляют хлопушками.

А сейчас все возьмёмся за руки! Дружнее! Дружнее! Взялись за руки! За ру-ки!.. Вот так! Молодцы!.. В круг! Образует круг! Круг!.. Вот так! Молодцы!.. В круг! Чтоб тучи не скрыли от нас небосвода! Весёлым по кругу пойдём хороводом!.. Пошли по кругу! Влево все идём, все в одну сторону. Влево!.. Руки не бросайте! Все влево... Налеву!.. Покажите ему, куда налево. Вот тому с бородой. Вот так. Молодцы. Умницы!.. Музыку, пожалуйста.

Зазвучала музыка, Маргарита запела в микрофон.

Вместе весело шагать по просторам, по просторам...

БРАТЬЯ (*подхватили*). По просторам...

МАРГАРИТА. Все поём! И конечно, подпевать лучше хором.

Все стараются петь.

МАРГАРИТА (*после песни*). Молодцы!.. Поаплодируем себе!.. А теперь танцуют все! Музыка!..

Звучит энергичная ритмическая музыка. И все затанцевали. Причём затанцевали увлечённо, с азартом, выплёскивая накопившиеся эмоции... Вдруг из этого стутка энергии на вершину стремянки взлетел Анатолий. Сорвав с себя маску, он вдохновенно стал убеждать окружающих.

АНАТОЛИЙ. Завтра остаётся для нас!.. *(Но танец продолжается.)*
Мы возьмём на вооружение не расовое размежевание, не антагонизм классовой борьбы!

Музыка заиграла потише, а танцующие, продолжая танцевать, стали прислушиваться.

АНАТОЛИЙ. Я призываю к гегемонии самого угнетённого!
ВСЕ. А?
АНАТОЛИЙ. самого презираемого и зрелостью, и юностью возраста.
ВСЕ. Ага...
АНАТОЛИЙ. Я объявляю бой сытым духом тридцатилетним!
ВСЕ *(не прекращая танец)*. Да-да-да!..
АНАТОЛИЙ. Разжиревшим пятидесятилетним и заскорузлым шестидесятилетним!
ВСЕ. Долой!
АНАТОЛИЙ. Только стопятидесятилетние!
ВСЕ. Ха-ха-ха!
АНАТОЛИЙ. Только умудрённость опытом, соединённая с болью содеянных грехов и с могучим духом дееспособного темперамента, может быть элитарной частью будущего общества!
ВСЕ. — Ура-а-а!
— Милый!
— Любимый!
АНАТОЛИЙ. Братья! Кто хочет как можно позже в объятья к зловещей старухе с косой?!
ВСЕ. Я!
АНАТОЛИЙ. Будем надеяться на торжество здравого смысла над теperешним беспределом абсурда. Надежда умирает последней!
ГОЛОС НАДИ. Я уже умерла.

Пауза.

АНАТОЛИЙ *(справившись с собой)*. Ради чего мы есть?!.. Чтобы жить!

Все заплясали снова.

ВСЕ. — Жить!
— Жить!
— Жить!
АНАТОЛИЙ. Жить во что бы то ни стало!
ВСЕ. — Знамя наше!
— Гордость!

АНАТОЛИЙ. Да! А для чего жить?! Чтобы вспоминали о тебе с ужасом и омерзением, глядя на плоды труда твоего, превратившего мир в рухлядь?!

ВСЕ. Нет!

АНАТОЛИЙ. Да! И плоды твоего труда тоже! И ты в ответе за нищенство своё! За бараньи мозги свои и близких своих, безропотно ждущих у бойни поводыря-козла, который указал бы вам путь на заклание!

ВСЕ *(со смехом)*.

— Я не баран!
— А кто же ты?
— Я!
— Скотина!
— Козёл!
— Я козёл, а не баран!

Общее веселье

АНАТОЛИЙ. Чего ждёте? Зачем грызёте друг друга в ожидании мессии? Не мессия — козёл придёт к вам. Он отведёт вас под топор мясника — безропотных, покорных, безразличных, — чернь, оговорившую для себя лишь единственное право: право дисциплинированной озлоблённости — сжирать выбракованных мясником. Сжирать взажлёт. Искренне! Истово!

ВСЕ *(кидаются друг на друга)*.

— Это они!
— Да?! А вы кто?!
— Не продохнуть от вас!
— Гнать тебя надо поганой метлой!
— Мужичьё!
— Гад ползучий!
— Хамьё!
— Гад!
— Хам!
— Гады!

Маргарита взмахнула красной шапочкой. зазвучала сладкая убаюкивающая музыка, уводящая окружающих в мир сладких грёз.

АНАТОЛИЙ. Хватит суеты. Взгляни на себя. Каждый. В тебе бесконечность ушедших жизней и зарождение грядущих. Ты — центр мироздания. Центр оси, примеряющей пороки предков с неизбежностью потомков. Будущее в твоих руках. Ты — его надежда...

ГОЛОС НАДИ. У тебя её уже нет. Надежды.

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Поэтому ты должен жить. Жизнь — это передача опыта предков — потомкам. Ты должен успеть это сделать как можно более полно, а для этого надо прожить как можно более долго.

Все, зачарованные сладкоречием, медленно закружили в трансе по залу.

АНАТОЛИЙ. Не бойся времени. Время — лишь искусственная величина, придуманная для измерения соотношения движения небесных тел. Не страшись его неумолимости.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Я балдею...

АНАТОЛИЙ. Ты — хозяин своей жизни, продолжительность которой определяется размеренностью твоего поведения. Семейные неурядицы, служебные склоки, хозяйственные заботы — суета сует и всяческая суета. Суета укорачивает твою жизнь, а не вращение планеты вокруг Солнца.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ.

— Не буду суетиться!..

— Под клиентом!..

АНАТОЛИЙ. Тебе отпущено определённое число импульсов. Как солнцу, как звёздам, как галактикам. И от тебя зависит, в какой промежуток времени ты растранижишь их — в сорок, в шестьдесят или в пятьсот лет.

Вокруг всё помрачнело. Жуткий ветерок заколыхал вдруг праздничный серпантин.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Серой пахнет...

АНАТОЛИЙ. Почему же ты не можешь добиться контроля над своими реакциями? Найди их оптимальный ритм на окружающие раздражители — не выходя из пределов заданной размеренности, ты можешь прожить четверть тысячелетия...

ГОЛОС НАДИ. Я прожила только до тридцати.

Пауза.

АНАТОЛИЙ. Надежда...

ВСЕ. — Чудотворец...

— Приди к людям...

— Пособи им...

— Бабы рожать разучились!

— Снизойди!..

АНАТОЛИЙ. Не нагружай свой мозг противоречиями. Несогласие рождает противодействие, которое сжигает колоссальное количество реакций-лет. Абстрагируйся. Ты не имеешь права разбазаривать их по пустыкам. Береги благость в душе своей, что бы тебе это ни стоило. Послушание — наиболее приемлемое состояние для долгожительств. Послушание и благожелательная доверчивость. Что бы и кто бы тебе ни нашёптывал — веруй и соглашайся. Во имя своей цели. Во имя жизни! Неси эту цель через все ухабы, колдобины, буераки — и ты победишь!

ГОЛОС НАДИ. Ты победил?

АНАТОЛИЙ (*орёт*). Да! Да! Да! Да!

От этого крика посыпались вдруг сверху то ли комья земли, то ли серы, затрещали где-то прогнившие доски, будто стало искривляться пространство... под Анатолием, вместо стремянки, оказался вдруг трон, роскошный настолько, насколько он мог себе вообразить. По обе стороны трона зачали курильницы, а у подножия оказался Лазарь Лукич с коробкой в руках.

АНАТОЛИЙ. Кто это?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Не пускали черти! (*Смеётся.*) Меня — и не пускают!.. Здорово! (*Пауза.*) Ты что, не узнаёшь меня, что ли? (*Пауза.*) Толя! Да ты что?.. Лазаря ещё пел мне... Забыл, что ли? Да не смотри, не смотри на меня так! Я же тебя и обучал этому взгляду.

АНАТОЛИЙ. Что надо?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да вот — должок тебе принёс. Помнишь, как я люстру расколошматил?.. Так вот... Думаю, надо отдать. А то неудобно как-то... (*Достав люстру.*) Сакс. Настоящий. У тебя-то стекляшки там были... Но за годы проценты набегали. (*Смеётся.*) А то ещё, думаю, обидишься... (*Демонстрирует люстру.*) Ну как?! (*Подбрасывает её. Она взмывает вверх под потолок. Пауза.*) Анатолий, я вот к тебе зачем пришёл... У меня, понимаешь, маленькое неудобство, а ты ведь у нас чародей... (*Смеётся.*) Да брось ты дуться на меня! Кто старое помянет, тому, сам знаешь, что... Ну не прав я был! Но ведь и сделал я тебя! Ого-го куда вознёсся!.. Давай рассуждать, как мужики!.. Я слышал, ты теперь по этому делу тоже мастак! (*Смеётся.*) Правильно, правильно! Куй железо, пока горяч. (*Хихикает.*) Слышал такой каламбурчик?

АНАТОЛИЙ. Что у тебя?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Где?

АНАТОЛИЙ. С чем пришёл?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Только с люстрой... А ещё с чистой душой, Христом-Богом клянусь.

АНАТОЛИЙ. Не надо.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Что?.. Ах да! Конечно... (*Захихикал. Погрозил Анатолию пальцем.*) Ты прямо как Достоевский. Тот тоже нас бесами называл... (*Смеётся.*) Но и ты — не подарок... (*Пауза.*) Да. (*Пауза.*) Так вот, Анатолий... (*Доверительно.*) У меня это... Энурез. Ночью бы — ладно, во сне с кем не бывает на старости лет. У меня и днём... Недержание... По маленькому... Иногда... и по большому... бывает. А заседаю теперь, сам видишь, небось, — месяцами. Хорошо хоть по телевизору запахи не передаются... Но всё равно... Если бы в президиуме сидеть, то там-то — ладно, там все такие, но теперь с народом в зале обязывают, будьте любезны!.. Хоть на пенсию иди!.. А мне ещё до семидесяти пяти — о-го-го сколько. (*Пауза.*) Помог бы, Толя, а? (*Пауза.*) Я уж к кому только не обращался, и в Баден-Баден на воды ездил — бесполезно. Одна надежда на тебя.

АНАТОЛИЙ. Надежда, говоришь?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну. До ста лет ты меня жить не устраивай. Мне бы свои на воле дожить. (*Смеётся.*) Сейчас время такое: сегодня князь, а завтра — в грязь. Пересажают, как этих, вон, друзей-то, и сиди кукуй,

пока не слохнешь. (Пауза.) Нет, до ста мне не надо, а вот с этим делом пособил бы. А?

АНАТОЛИЙ. Пособлю.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Правда, Толя?! Поможешь?

АНАТОЛИЙ. Но тут дело такое... Суровое.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Какое дело?

АНАТОЛИЙ. Кастрация.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Кого?

АНАТОЛИЙ. Тебя.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (смеётся). Ты шутишь?

АНАТОЛИЙ. Нет. Твой энергетический потенциал с обслуживанием всего организма не справляется. На всё у тебя просто сил не хватает. Так что надо выбирать.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ой, да я давно уже на свой потенциал никакой энергии не трачу. У меня там одна видимость...

АНАТОЛИЙ. Тем более.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (смеётся). Да нет! Ты шутишь!

АНАТОЛИЙ. До свиданья.

Пауза.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Мне вообще-то... Уже... А с голосом как будет?

АНАТОЛИЙ. В оперу хочешь?

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ (смеётся). Ты не смейся. Мне ведь выступать приходится. Народ мой голос знает. А я вдруг: тыц-грыц, нате вам — тенором заверешу.

АНАТОЛИЙ. Хрипеть будешь.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Да?

АНАТОЛИЙ. Да.

ЛАЗАРЬ ЛУКИЧ. Ну... Ладно.

Лазарь Лукич исчезает под грохот падающих кусков серы и прогнивших гровых досок. Снова искорежилось пространство, превращая зал в каторжный забой. И уже не на троне, а на возвышении хозяина-старика стоит Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Человек! Я обращаюсь к тебе! Знаешь ли, что ты счастливчик, которому выпал шанс появиться на свет?! Ты! Единственный — не миллиардной даже — биллионной доли других вероятностей вселенской лотереи, которую выиграл ТЫ! Понимаешь ли ты свою ответственность за мириады индивидуальностей, которым Природа предпочла Тебя? Какое ты имеешь право допускать собственное ничтожество?! Ты — Баловень Провидения, вобравший в себя жажду жизни нерождённых из-за того, что понадобился для чего-то именно Ты!

Появляется Надя с ребёнком на руках.

НАДЯ. Анатолий!.. Толя!..

АНАТОЛИЙ. Для чего — я тебя спрашиваю? Не может же быть, чтобы ты родился на радость костлявой могильнице! Не для этого же?!

НАДЯ. Анатолий! Вы не узнаете меня?

АНАТОЛИЙ. Надя?!

НАДЯ. Я — не Надя. Меня зовут Ларисой.

АНАТОЛИЙ. Фу ты!.. Какая ещё, к чёрту, Лариса?

НАДЯ. Помните, два года назад...

АНАТОЛИЙ. Кто впустил сюда эту шлюху? Эй! Кто-нибудь!..

Изо всех щелей вылезают участники карнавала уже в лохмотьях, в посеревших масках.

НАДЯ. Я ни на что не претендую. Я только. Я родила от вас ребёнка.

АНАТОЛИЙ. Вон отсюда! Прочь! Хватит надо мной издеваться! Не выйдет!

НАДЯ. Анатолий, успокойтесь.

АНАТОЛИЙ. Прочь. Не подходи!.. Я — гражданин мира! ТОЛПА! Защити своего кумира!.. Долой истлевшие колоссы! Импотентов духа!.. Политические кастраты, кончилась ваша власть! А за мной пойдут в огонь и в воду!..

НАДЯ. Не бойся, сынок...

АНАТОЛИЙ. Славы моей испугались? Бойтесь, что потесню вас? Конкурента убираете?!.. Так авторитет не завоёвывают. Не умеете держать толпу — уходите! Уступите место достойным! На которых молятся, как на святых!..

Серный забой ещё более тускнеет.

НАДЯ. Помогите!..

АНАТОЛИЙ. Ублюдки! Что вы можете? Отобрать у вас кнут — вы бы и часа не просидели. Надя, посмотри на них! Они же ничегошеньки не стоят. Ни капелюшечки! Иди ко мне, Надя. Или как там тебя?.. Иди, не бойся. Я не кусаюсь, можешь меня потрогать... Я вот возьму и женюсь на тебе! Ага?!

НАДЯ. Господи! Спаси и помилуй!

АНАТОЛИЙ. Думаешь, я боюсь твоего Бога? Властелины мира не должны бояться таких пустяков! Кому подвластна связь времён, тот выше жизни и смерти! Я выбран провидением! (Бросается к Наде.) Хочешь, я научу тебя быть сильной?

НАДЯ. Не хочу.

АНАТОЛИЙ. Ты, как лёд... Ты оттуда?.. Надя! Ты пришла за мной! Из мрака пришли и во мрак уйдём... Из ночи в ночь...

НАДЯ. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков.

АНАТОЛИЙ. Не смей! Здесь я — Бог и Царь!

НАДЯ. Мне страшно...

АНАТОЛИЙ. А-а-а! Боишься! Доверься мне. Я охраню тебя.

НАДЯ. Нет. Ты...

АНАТОЛИЙ. Я для тебя всё!

НАДЯ. Отче наш, иже еси на небесех!..

АНАТОЛИЙ. Замолчи!

НАДЯ. Да святится имя Твое...
 АНАТОЛИЙ. Заткнись!
 НАДЯ. Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя...
 АНАТОЛИЙ. Моя здесь воля. И царствие моё!
 НАДЯ. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя...
 АНАТОЛИЙ. Раздавлю гадину...
 НАДЯ. ...Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым...
 АНАТОЛИЙ. Чем же тебя?..

Анатолий заметался по залу-забою. Вместе с ним, в отблесках прорывающегося пламени, мечется его Свора.

НАДЯ. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного...

АНАТОЛИЙ (*своре*). Дайте же мне что-нибудь!
 НАДЯ. Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.

АНАТОЛИЙ (*своре*). Заставьте её замолчать!

Свора схватила доски, мечется по кругу вокруг Нади с ребёнком, но дотянуться до неё не может.

НАДЯ. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и во плоть вочеловечившагося...

АНАТОЛИЙ (*срываясь на дискант кастрата*). Не могу!.. Дышать нечем!.. Ведьма!.. Закрой свою чёрную пасть!

НАДЯ. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, страдаша, и погребена...

АНАТОЛИЙ. Ну, сука шелудивая! Всё равно я тебя достану.

Анатолий садится на крышку гроба и взмывает в воздух. Надя взбирается на самую вершину серного трона и почти в беспамятстве твердит.

НАДЯ. И воскресшаго в третий день по Писанием. И взошедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым. Его же Царствию не будет конца...

Анатолий и его свора, пытаясь заставить Надю замолчать, в страшном смятении мечутся по всему пространству серного зала, истошно вопя в бессильной злобе. Вдруг среди них оказывается Старик-хозяин серного забоя, очень теперь напоминающий Лазаря Лукича.

СТАРИК (*громогласно вещает*). Проведите!..

Проведите меня к нему!

Я хочу видеть этого человека!..

Все замерли.

СТАРИК. Где отрок?

ВСЕ. Вон... У неё.

СТАРИК. (*Наде*). Дай.

НАДЯ. Нет.

СТАРИК (*отбирает ребёнка у Нади*). Обряд крещения совершить над отроком следует.

НАДЯ. Он крещённый..

СТАРИК. Парашу!

СВОРА (*гогоча и улюлюкая*). – Парашу сюда!

– Парашу для Маши!

НАДЯ. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголавшаго пророки. Во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь...

Появляется Параша.

СТАРИК (*окуная ребёнка в парашу*). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

СВОРА. Слава тебе, боже наш, слава тебе!..

НАДЯ (*пытаясь отобрать у старика ребёнка*). Святый Боже... Святый Крепкий, Святый Бессмертный... помилуй нас...

Начал кричать петух, но Свора уже зашла в восторженном буйстве. Перебрасывая ребёнка друг другу, как куклу, все взахлёб причитают-кликуют.

ВСЕ (*кроме Нади*). Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и в жизни будущего века... АМИНЬ...

Но третий крик петуха заставил застыть исчадий ада, обнажая и злобу их, и ненависть, и предчувствие неотвратимого наказания.

Занавес

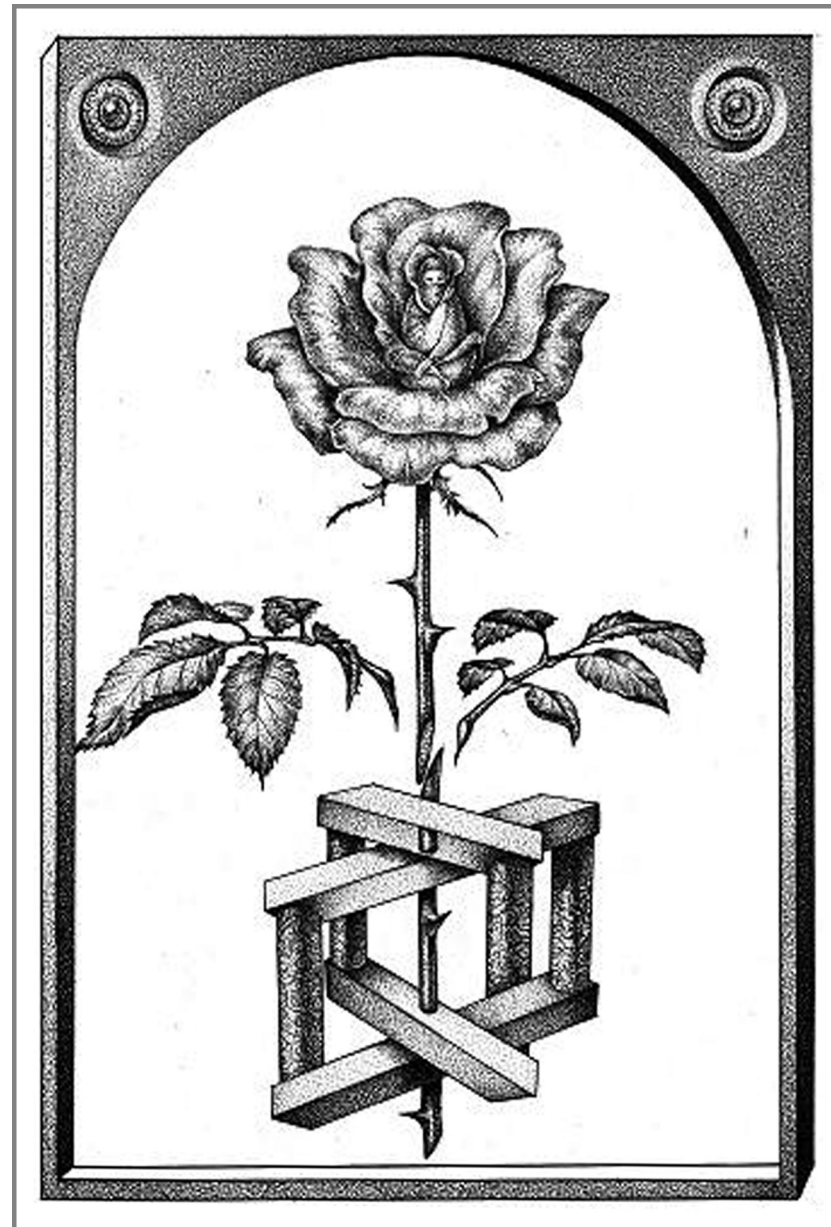
1990 г.

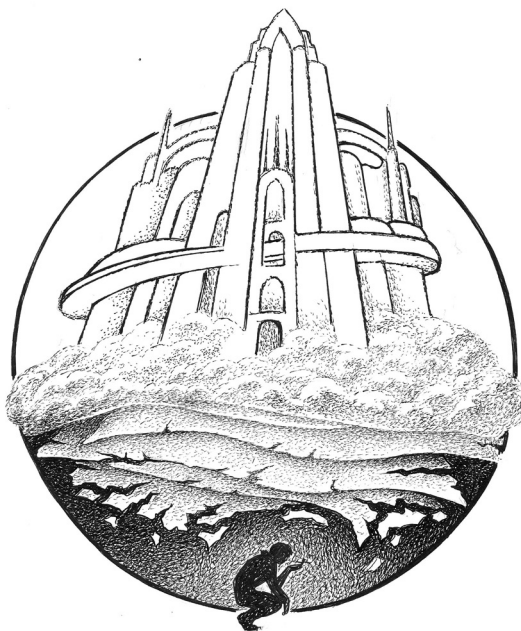
КНИГА ВТОРАЯ

ПЬЕСЫ ДЛЯ ДЕТСКОГО ТЕАТРА

СОДЕРЖАНИЕ

Восьмое чудо света	300
Детские игры	345
Избушка на куриных ножках	380
Марья-краса, золотая коса	409
Каменный цветок	437
Дорога из чёрного царства	457

Восьмое чудо света (УРОД)

Современная драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ ГРИШЕЧКИН

ИРИНА ИВАНОВНА (его жена)

ЛЮДА (их дочь)

ЛЁНИК (их сын)

СЕРГЕЙ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Квартира Гришечкиных. Пока здесь темно. Только с улицы доносятся звуки вечернего города. В эту успокаивающую монотонность врывается вдруг вызывающая постыдная мелодия: «Подруга подкинула проблем! Сука!...». Ей вторит хор разнузданных молодых глоток: «Подруга подкинула проблем! Шлюха!...». И хохот, больше похожий на жеребячье ржание. И изгалиющиеся выкрики:

- Девчонки, работаете?!
- Такого хорька видно издалека!
- Отстаньте!
- Славик, копай могилу, сейчас мы их тут похороним!
- Папа! Папа!..
- Ты что, овца, оборзела?
- Может, ей по почкам дать, чтоб она покривлялась?!
- Помогите!
- Ну, дичь даёт!
- Помогите!

И новый голос:

- Может, хватит, ребята.
- О, клиент.
- Ух ты!
- Чёрный плащ! Десница судьбы! Муха в супе! Гвоздь в заднице!
- Не трогайте их.
- Ты гонишь, бамбук?!
- Разводить нас пришёл?!
- И снова смех. И тупые остервенелые удары.
- Не трогайте его! Помогите! На помощь!
- И рёв разухабистых глоток под аккомпанемент ударов:
- Подруга подкинула проблем. Сука! Подруга подкинула проблем. Шлюха!..

Открывается входная дверь квартиры Гришечкиных..

ЛЮДА. (*В темноте*). Сейчас, сейчас я свет зажгу.

СЕРГЕЙ. Никого, что ли?

Щелкает выключатель. Освещается благоустроенная, хорошо обставленная трехкомнатная квартира Гришечкиных. Собственно, видно только две комнаты – гостиная и спальня Люды. Спальня родителей, кухня и прочее расположены по обеим сторонам входной двери, которая находится на заднем плане в центре.

ЛЮДА: Родители на даче... Ой, что они с вами сделали! Они же звери, а не люди. Четверо на одного.

СЕРГЕЙ. Ничего...

ЛЮДА. Вам больно, наверное. Вы весь в крови. Я сейчас «скорую помощь» вызову.

Кинулась к телефону.

СЕРГЕЙ. Не надо. Кровь – это из носа. Сейчас пройдет.

ЛЮДА. Возьмите платок. Он чистый.

СЕРГЕЙ. Не надо. *(Отрывает лоскут от футболки).*

ЛЮДА. Что вы делаете! Платок ведь постирать можно.

СЕРГЕЙ. А футболку теперь можно выбросить.

ЛЮДА. Вы нас извините. Это Тонька – дура. «Помогите, молодой человек, помогите». Как будто ее режут. А когда вас бить стали – быстро в сторонку.

СЕРГЕЙ. Умыться можно?

ЛЮДА. Да, конечно, проходите в комнату, я сейчас...

СЕРГЕЙ. Ничего. Я умоюсь и пойду.

ЛЮДА. Я вас не отпущу. Слышите, они поют...

СЕРГЕЙ. Я их не боюсь.

ЛЮДА. Все равно останетесь у нас. Родители, наверное, на даче ночевать остались... Я вам в гостиной постелю.

СЕРГЕЙ. Да?

ЛЮДА. Ничего страшного. Идите в ванную.... Сейчас я только полотенце достану...

Уходит.

СЕРГЕЙ. Что у вас за сирена?

ЛЮДА. Где?

СЕРГЕЙ. Вместо звонка.

ЛЮДА. А-а *(входя с полотенцем)*. Это папа пожарникам каланчу проектировал, он у нас архитектор, так они ему на день рождения преподнесли. *(Отдает Сергею полотенце)*.

СЕРГЕЙ. Смешная штука.

ЛЮДА. Там что-то хитрое такое. На батарееках. Сначала тихо гудит, потом все громче, громче...

СЕРГЕЙ. Зачем?

ЛЮДА. Я один раз ключ потеряла, а родители в дальней комнате спят. И в возрасте уже..

СЕРГЕЙ. Понятно.

ЛЮДА. Идите. Когда помоемся, футболку свою не надевайте, я вам папину дам.

Сергей проходит в ванную. Люда выглядывает в окно гостиной.

ГОЛОС С УЛИЦЫ. Что выглядываешь, дичара?

ЛЮДА. Я сейчас в милицию позвоню.
ГОЛОС С УЛИЦЫ. А мы испугались! *(И смех)*.

Люда отошла от окна, достала постельные принадлежности, застелила диван в гостиной; прошла в свою комнату и переоделась в домашний свой халатик, но он ей не понравился. Она сбегала в комнату родителей, принесла экстравагантный мамин, но и его забраковала, облачилась в прежний наряд и чуть подкрасила глаза. Затем вернулась в гостиную, придвинула к дивану журнальный столик, принесла из кухни кофе... Закончив приготовления, опустилась в кресло, но, посидев самую малость, кинулась к магнитоле. Успокоилась лишь после того, как комната наполнилась устраивающими ее звуками.

СЕРГЕЙ *(выйдя из ванной, с полотенцем на плечах)*. Ау!..

ЛЮДА. Проходите сюда.

СЕРГЕЙ. Да не надо. Я пойду.

ЛЮДА. Садитесь.

СЕРГЕЙ. Неудобно.

ЛЮДА. Как драться – так удобно, а тут застеснялись.

СЕРГЕЙ. Ничего себе. Я же ещё и виноват!

ЛЮДА. А кто же? Вас просили вмешиваться?

СЕРГЕЙ. Конечно.

ЛЮДА. А вы так сразу и поверили.

СЕРГЕЙ. Как?!

ЛЮДА. А вот так! Пейте кофе.

СЕРГЕЙ. Правда, поздно уже. Дайте мне рубашку, я пойду.

ЛЮДА. Рубашку утром получите. Я вам её сейчас... *(засмеялась)* халат принесу.

Приносит мамин халат

Оденьте.

В это время в квартиру входит Лёник с пустым рюкзаком.

СЕРГЕЙ *(разглядывая халат)*. Что это?.. Да вы что?

ЛЮДА *(смеётся)*. Одевайте, одевайте.

СЕРГЕЙ *(набрасывает халат на плечи)*. На кого я похож?

ЛЮДА. На бога индийского. Пейте.

СЕРГЕЙ *(садится на диван)*. Кофе на ночь – это вообще-то...

ЛЮДА. Ой-ой...

СЕРГЕЙ. Но при наличии отсутствия абсолютных напитков...

ЛЮДА *(ставит на столик бутылку сухого вина)*. За «Немирофф» во всём мире.

СЕРГЕЙ. Ну вы даёте!

ЛЮДА. Открой.

Сергей открывает бутылку. Лёник, наслушавшись разговоров в гостиной, проходит на кухню.

СЕРГЕЙ (*кивает на кульман*). А там что?

ЛЮДА. Не бери в голову.

СЕРГЕЙ. А всё-таки?

ЛЮДА. Да, ерунда. Папа задумал «Воздушный замок» спроектировать. Дом в двести пятьдесят этажей. А это никому не нужно. Это бред.

СЕРГЕЙ. Почему? В Японии, кажется, тоже проектируют что-то похожее.

ЛЮДА. Там, наверное, не один человек этим занимается. Тут десяти институтам на пять лет работы, а он один, как помешанный целыми днями сидит.

СЕРГЕЙ. Пусть сидит, если нравится.

ЛЮДА. Смеются же все.

СЕРГЕЙ. Как вас зовут?

ЛЮДА. Людмилой.

СЕРГЕЙ. А меня Сергеем. Люда, давай «на ты».

ЛЮДА. Я уже.

СЕРГЕЙ. Отец работает?

ЛЮДА. Да как тебе сказать... От случая к случаю... Деньги в дом мама приносит. Она портниха...

Пауза. Из кухни с доверху набитым рюкзаком и «бульбулятором» из пластиковых бутылок вышел Лёник. Постоял, послушал шорохи в гостиной, прошел в комнату Люды, зажёл торшер, ещё раз прислушался, поставил на пол рюкзак, поставил на стол аппарат из пластиковых бутылок и занялся изготовлением наркотического снадобья.

СЕРГЕЙ. Двести пятьдесят этажей — это километр, не меньше... Целый город.

ЛЮДА. Город для туристов.

СЕРГЕЙ. И бомжей. Давно он этим занимается?

ЛЮДА. Что? Сколько себя помню.

СЕРГЕЙ. Интересно... А можно посмотреть?

ЛЮДА. Нет, нет. Ничего нельзя трогать. Он увидит — с ума сойдёт.

СЕРГЕЙ. Да он не заметит. Не бойтесь.

ЛЮДА. Я не боюсь. И вообще чепуха всё это. Отдушина для старого маразматика, как мама говорит. Способ отстранения от насущных проблем, свалившихся теперь на голову гнилой интеллигенции.

Приготовив зелье, Лёник начал жадно вдыхать ароматический дым, накопившийся в полторалитровой бутылке.

СЕРГЕЙ. Ну, положим, интеллигенция гнилая не только теперь. Гнилой она была, есть и будет!

ЛЮДА. Да. Пока у власти хамьё...

СЕРГЕЙ (*смеясь*). И портнихи!

ЛЮДА (*тоже смеется*). Но-но-но!

СЕРГЕЙ (*отсмеявшись*). Нет, правда, почему интеллигентов все так не любят?

ЛЮДА. Не «не любят», а презирают. Хлюпики потому что. (*Снова засмеялись*).

СЕРГЕЙ (*ерничая*). Точно Ленин сказал: «Интеллигенция — это говно нации!». Прости, это не я, это — Владимир Ильич!..

ЛЮДА. Не мог он так...

СЕРГЕЙ. Ленин всё мог!

ЛЮДА. Дурак!

СЕРГЕЙ. Ленин?

ЛЮДА. Ты!

СЕРГЕЙ. Я-то тут при чем?! (*Опять оба смеются.*) Нет, серьезно, какие-то они... недоделанные, ей-богу... Я два года назад у алкаша одного на квартире жил, скрипача бывшего. Стол, стул, диван и застоялый духан перегара, сколько ни проветривай. Когда его камерный оркестр разогнали — на хрена он сейчас кому нужен, — жена в Италию на заработки чухнула. Там, естественно, старпера какого-то подцепила — оборотистая, видать, баба, ну и ариведерчи, Юрок.

ЛЮДА. Вот!..

СЕРГЕЙ. А ты думаешь, за чем туда едут? Работать! Каким местом?! Из десяти — восемь там остаются. Кто — в Турции, кто — в Греции...

ЛЮДА. Я тоже итальянский учу.

СЕРГЕЙ (*смеется*). О присутствующих не говорят.

ЛЮДА (*отсмеявшись*). А скрипач?

СЕРГЕЙ. А что скрипач? Запил. Он и при Союзе запойный был, но на скрипке, говорят, здорово играл. Ну, а когда ни с чем остался один на один, тут уж... На свадьбах пытался, но там все места давно забиты. На рынке торговать гордыня не позволяла. Меня, — говорит — в городе знают. Я лучше по мусорникам буду. Вставал в четыре утра, сумку в руки и с красной мордой с похмелья и со стыда, пока все еще спят, по бакам ковыряться. А там тоже своя мафия, отметелили пару раз, пока отступного не поставил... Пробовал на бульваре на скрипке играть, да ты, может, и видела там его, важный такой, во фраке...

ЛЮДА. Нет.

СЕРГЕЙ. Потом скрипку свою классную, редкую какую-то продал — пропил и совсем в аут.

ЛЮДА. Где он сейчас?

СЕРГЕЙ. Замерз по пьянке прошлой осенью. В скверике возле бывшего Ленинского райисполкома. Знаешь, недалеко от зоопарка...

ЛЮДА. Ужасно...

Лёник спрятал в рюкзак свой «бульбулятор», нашел листок бумаги и ручку, стал писать.

СЕРГЕЙ. А чего им остается — артистам этим, скрипачам, поэтам, — если сейчас не до них.

ЛЮДА. Застывшая музыка тоже ни к чему.

СЕРГЕЙ. Что?

ЛЮДА. Архитектуру так называют. Застывшая музыка... Отец в Карпатах место нашел. Я видела. Там красиво.

СЕРГЕЙ. Тысяча метров... В горах... Люда, ты хоть эскиз этого дома покажи.

ЛЮДА. Думаешь, его так просто найти? Там этих чертежей больше сотни, наверное. Посмотри.

СЕРГЕЙ. Куда?

ЛЮДА. Помоги мне. *(Вместе они ухватились за сиденье дивана, пытаясь поднять его. Лёник вышел в коридор и осторожно прикрепил к входной двери лист бумаги. В этот момент Сергей прикоснулся щекой к Людиному плечу. Люда резко отбросила Сергея от себя, и он, не удержавшись, плюхнулся спиной на столик. Столик вместе с кофейными чашками и Сергеем оказался на полу.)*

ЛЮДА *(отскочив в сторону)*. Ты что?! Спятил?

СЕРГЕЙ. Что?

ЛЮДА. Распустил руки!

СЕРГЕЙ. Какие руки?

ЛЮДА. Все равно. Тем более!

Выстрелом грохнула входная дверь, демонстративно захлопнутая Лёником. Люда и Сергей замерли.

СЕРГЕЙ *(выключив магнитола)*. Кто там?

ЛЮДА *(тихо-тихо)*. Мама!.. *(Люда осторожно подошла к двери гостиной, прислушалась. Сергей попытался поднять столик.)* Не шевелись... *(Она снова послушала тишину, потом приоткрыла дверь.)*

СЕРГЕЙ. Ну что?

Люда вышла в коридор, подошла к входной двери, опять прислушалась.

СЕРГЕЙ *(подойдя к ней)*. Может, это у соседей?

ЛЮДА. Уйди!.. *(Кинулась в гостиную, потом в ванную, в кухню, опять в гостиную... Принялась лихорадочно приводить всё в порядок.)*

СЕРГЕЙ. Давай я помогу.

ЛЮДА. Не нужно.

СЕРГЕЙ. Нужно... халат теперь стирать.

ЛЮДА. Ой! Это же мамин! Какой ты!..

СЕРГЕЙ. При чём тут я?

ЛЮДА. При том. Снимай быстро его.

СЕРГЕЙ *(снимает халат)*. Говорил я — не надо его надевать.

ЛЮДА. Ты много тут наговорил. Ложись спать.

Люда уходит с халатом в ванную. Шум воды. Сергей раздевается, ложится. Люда проходит в свою комнату и тоже ложится. Сергей, поворочавшись, встает, надевает брюки и выходит в коридор.

СЕРГЕЙ *(стучит в дверь Людиной комнаты)*. Люда... *(Пауза)*. Люда, можно к тебе?

ЛЮДА. Что случилось?

СЕРГЕЙ. Я на секунду.

ЛЮДА *(подходит к двери и запирает ее на ключ)*. Иди спи.

СЕРГЕЙ. Люда, такая ерунда получилась, честное слово...

ЛЮДА. Иди — ложись.

СЕРГЕЙ. У меня и в мыслях ничего такого не было.

ЛЮДА. Послушай... Или я тебе наговорю сейчас кучу гадостей...

СЕРГЕЙ. Ну, как ты не поймешь!

ЛЮДА. Ничего я не хочу понимать, уже два часа ночи.

СЕРГЕЙ. Я в каком-то дурацком положении получился. И оставаться неудобно, и уходить без рубахи, сама понимаешь... Двусмысленность какая-то.

В это время заскрипел ключ, вставленный в замок входной двери. Сергей мигнул очутился на диване в гостиной. В квартиру входят нагруженная сумками Ирина Ивановна и Виталий Павлович.

ИРИНА ИВАНОВНА *(ставит сумки на пол)*. Вот и добрались.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира, неужели я не мог донести?

ИРИНА ИВАНОВНА. В понедельник пойдёшь в поликлинику, там тебе скажут, мог или не мог.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Уже всё прошло. *(Берет сумки)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Оставь. И переобуйся. Где твои тапочки?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не знаю.

ИРИНА ИВАНОВНА. «Не знаю!». Ничего ты не знаешь. Всё я должна знать.

ЛЮДА. Ложись. Куда ты сейчас ночью пойдёшь?

ИРИНА ИВАНОВНА *(прислушивается)*. С кем это она?

ЛЮДА. Ты всё равно дверь не откроешь. Успокойся и ложись.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я тебе сейчас успокоюсь!

ЛЮДА. Завтра иди куда хочешь.

ИРИНА ИВАНОВНА *(стучит в дверь спальни Люды)*. Открой немедленно!

ЛЮДА. Ой!

ИРИНА ИВАНОВНА. Открой, кому говорю! *(Стучит в дверь, обернувшись к мужу.)* А ты мне говоришь — зачем ехать! Вот! Полюбуйся!..

ЛЮДА. Мама... *(Открывает дверь)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Что это такое?! *(Врывается в комнату.)* С кем ты тут? *(Осматривает всё вокруг)*.

ЛЮДА. Мама...

ИРИНА ИВАНОВНА *(пытается открыть дверцу шифоньера)*. Залез? Вылезай-ка, братец, на свет божий.

ЛЮДА. Что с тобой, мама?

ИРИНА ИВАНОВНА. Со мной?! Ты смеешь?.. *(Мужу)* Принеси топор из кухни.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я шлёпанцы никак не найду.

ИРИНА ИВАНОВНА. Какие шлёпанцы?! Мне топор нужен, а не шлёпанцы.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Топор?.. Не надо, Ира. Может быть, там хороший человек.

ЛЮДА. Да нет там никого. *(Ключом открывает дверьцу шифоньера).*
 ИРИНА ИВАНОВНА. Выходи.
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира...
 ИРИНА ИВАНОВНА. А ты помолчи. *(Осматривает шифоньер).*
 ЛЮДА. Убедилась?
 ИРИНА ИВАНОВНА. С кем ты здесь разговаривала?
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Это она во сне, наверное, Ира.
 ЛЮДА. Ничего не во сне. Я с Сергеем разговаривала.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Я говорила? Говорила?! *(Повторно осматривает комнату. Причём ищет Сергея в самых немыслимых местах).*
 ЛЮДА. Мама, нет его под расческой.
 ИРИНА ИВАНОВНА. А где тогда он?
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты в пудренице посмотри.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Всё шутишь? Вот оно!.. Вот отчего они такие!
(Люде.) Куда ты его спрятала?
 ЛЮДА. Наверное, он в гостиной.

Ирина Ивановна влетает в гостиную и тут же возвращается обратно.

ИРИНА ИВАНОВНА. Люда... Людмила, как это понимать?
 ЛЮДА. Что?
 ИРИНА ИВАНОВНА. Не успели уехать — уже привела? *(Мужу.)* А ты говоришь — дача! С ними отдохнешь...
 ЛЮДА. Мама!
 ИРИНА ИВАНОВНА. Что «мама»! С одним все нервы истрепала, теперь ты? Что это такое? Как это называется, я тебя спрашиваю?
 ЛЮДА. Не выдумывай ничего, пожалуйста.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Я не выдумываю, я вижу. Тут и выдумывать нечего. Вон он голубчик лежит.
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Помолчи. Тебе-то на детей, конечно, наплевать. Как они, что. Ерундой занимаешься, а тут — хоть трава не расти!
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я попрошу тебя!..
 ИРИНА ИВАНОВНА. Что ты попросишь?
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не трогай мою работу.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Ах, скажите, пожалуйста! Работа! Да все над тобой смеются... с твоей работой. Работа! Еще один зодчий выискался! Делом бы занялся! Другие вон — кто в Турцию, кто в Китай с тюками. А потом на рынке и в холод, и в жару!..
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ни за что!
 ИРИНА ИВАНОВНА. Конечно! Мы баре! Без порток, а в шляпе! Творцы! Барак до небес отгрохает! О-го-го! За детьми бы смотрел — больше пользы было бы! А то — выросли. Один — лоботряс, другая...
 ЛЮДА. Мама!.. Ты... Ты... Что ты говоришь?
 ИРИНА ИВАНОВНА. Что есть, то и говорю.
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Нельзя так, Ирина.
 ЛЮДА. Ты ничего не знаешь! Он... Он за меня вступился на улице. Его избили. Их четверо, а он один не побоялся. Он упал, они его ногами стали бить. Из-за меня. А ты...

ИРИНА ИВАНОВНА. Подожди, подожди. Успокойся... Это что, ты... Это твой... молодой человек?
 ЛЮДА. Никакой он не мой. Просто шел навстречу и вступился.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Даже так?... Что же ты мне сразу не сказала?
 ЛЮДА. А ты слушала? Ты сразу...
 ИРИНА ИВАНОВНА. Ну, ладно, ладно. Я погорячилась. Согласись, это так неожиданно. Я ведь мама. Я о тебе забочусь... А тут ещё папе на даче плохо стало, пришлось уезжать...
 ЛЮДА. Что с тобой, папа?
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Желудок что-то прихватило... Непонятно... Но ты не волнуйся, уже прошло всё... А тебе они ничего не сделали?
 ЛЮДА. Они сразу на него накинудись. Нас с Тонькой бросили и стали его бить.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Говорила я тебе, не выходи по вечерам. Столько теперь шпаны развелось... Журналиста прямо на вокзале из-за бутылки пива убили. Оператора с телевиденья, того, что папу снимал к юбилею, прямо возле его подъезда ногами насмерть забили, учительницу начальных классов чуть не изнасиловали... Не надо с ними связываться.
 ЛЮДА. Никто с ними не связывался. Они сами.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Отморозки.
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Вот видишь, Ирина, прежде чем кричать...
 ИРИНА ИВАНОВНА. Я не кричу, а разговариваю.
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да уж. *(Уходит в коридор).*
 ИРИНА ИВАНОВНА. Людочка, прости меня, пожалуйста, но... Почему он у нас спит?
 ЛЮДА. Я же говорю — его избили. Он был весь в крови. И футболку ему порвали. Нельзя же ему было в таком виде по городу... *(Виталий Павлович снимает записку Лёника с двери, читает её).*
 ИРИНА ИВАНОВНА. Он далеко живет?
 ЛЮДА. Не знаю.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Ты, надеюсь, покормила его?
 ЛЮДА *(замялась)*. Почти...
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира, вот... *(Протягивает жене записку).*
 ИРИНА ИВАНОВНА. Что там ещё? *(Читает.)* «В понедельник вечером приеду к восьми. Нужен столик». Откуда это у тебя?
 ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. К двери приколотая была.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Подлец... Чувствовала я, сердцем чувствовала... *(Мужу.)* А ты: «Зачем возвращаться?».. Продавать нужно дачу к чертовой матери, а то тут... *(Люде)*. Он при тебе был?
 ЛЮДА *(замявшись)*. Нет...
 ИРИНА ИВАНОВНА. Что ты мнешься?
 ЛЮДА. Он... Холодильник обчистил.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Опять?!.. Ну, почему у нас всё не так? Это ж, какие силы надо иметь, чтобы выдержать?!
 ЛЮДА. Не надо было его...
 ИРИНА ИВАНОВНА. Что «не надо»?
 ЛЮДА. Сю-сю-сю — вот что. А то всё: «Лёничка — Лёничка, Лёнич-

ка – Лёничка». Всё для Лёнички. И пианино ты для Лёнички ведь покупала, не для меня. Забыла. (Уходит в кухню).

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(после паузы)*. Теперь уж ничего не поделаешь. Конечно, сами виноваты...

ИРИНА ИВАНОВНА. В чем я виновата?! Что я была плохой матерью? Другие вон... Надо было плюнуть на детей и жить для себя. По крайней мере не пришлось бы сейчас...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Зачем уж так-то, Ирочка.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ой, только не надо!. Придумал бы лучше, что нам с ним делать. А то только и знаешь: «Ирочка, Ирочка...». Я уже сорок лет Ирочка.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сорок четыре.

ИРИНА ИВАНОВНА. Всё сказал? *(В гостиной звонит телефон. Люда берет трубку)*.

ЛЮДА. Алло... Я с тобой разговаривать не хочу. *(Кладёт трубку на место. В гостиную вбегает Ирина Ивановна. За ней следом Виталий Павлович)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Кто это?

ЛЮДА. Братец.

ИРИНА ИВАНОВНА. Что ему нужно?

ЛЮДА. Не знаю. *(Снова звонит телефон)*.

ИРИНА ИВАНОВНА *(берет трубку)*. Я слушаю... Приехали. Здравствуй, сынок... Люда? С ней ничего... Да, прочитали... У нас сейчас нет таких денег... У кого я пойду занимать?... *(Виталий Павлович уходит в свою комнату.)* Нельзя так говорить с мамой. Хорошо, мы по советуемса с отцом. Я прошу тебя, Лёник... Хорошо, хорошо – приходи. До свиданья. *(Кладет трубку и уходит)*.

СЕРГЕЙ *(сел на диване)*. А ты говорила – завтра приедут. *(Пауза.)* Что случилось?

ЛЮДА. Кретин!.. Ой, как я его ненавижу!

СЕРГЕЙ. Брат?

ЛЮДА. Да! Подонок... Нигде не работает и никто с ним сделать ничего не может. Издевается над ними, как хочет, а она всё: «Лёник, Лёник...». Я бы его убила.

СЕРГЕЙ. А он что, не с вами живет?

ЛЮДА. У дружка его родители в Польшу батрачить уехали... Вот они там и...

ИРИНА ИВАНОВНА *(выходит из кухни)*. Всё подчистил... Весь холодильник... Саранча какая-то!.. Отец! *(Уходит)*.

СЕРГЕЙ. Дай мне рубашку какую-нибудь. Я пойду.

ЛЮДА. Спи.

СЕРГЕЙ. Люда.

ЛЮДА. Лучше помолчи.

ИРИНА ИВАНОВНА *(направляется с мужем в гостиную)*. Неужели он и халат забрал? Люда, ты случайно... Здравствуйте, молодой человек.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Доброй ночи.

СЕРГЕЙ. Здравствуйте.

ИРИНА ИВАНОВНА. Люда, ты халат мой японский не знаешь где?

ЛЮДА. Н-нет...

ИРИНА ИВАНОВНА. Всё. Значит, он и его забрал.

ЛЮДА. Ой, папа, ты же вчера стирал. Забыл?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Почему же? Помню. Но я...

ЛЮДА. Мамин халат замочил. Он в тазике под ванной лежит.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да?... Вероятно... *(Идёт в ванну за ним жена)*.

СЕРГЕЙ. Выкрутилась?

ЛЮДА. Из-за тебя все. Ритуальные танцы устроил.

СЕРГЕЙ. Люда. Ты... Я... Глупо как-то получилось.

ЛЮДА. Ну-ну...

СЕРГЕЙ. Что?

ЛЮДА. Я слушаю.

СЕРГЕЙ. Да нет, я так... Ритуальные танцы... Сама придумала?

ЛЮДА. А ты без них не можешь?

СЕРГЕЙ. Могу... Ты не психологией занимаешься?

ЛЮДА. Ничем я не занимаюсь.

СЕРГЕЙ. Как Лёник?

ЛЮДА. Почти. Чуть было не стала пианисткой... Забраковали.

СЕРГЕЙ. Почему?

ЛЮДА. Запретили. Руки стали неметь – и прощай, консерватория. *(Смеется.)* Вот... такие дела.

СЕРГЕЙ. Нехорошо.

ЛЮДА. Ничего страшного. *(Улыбается.)* Все равно рояль на бульвар не потащишь.

СЕРГЕЙ. Зачем?

ЛЮДА. Побираться... Ну, спи.

СЕРГЕЙ. Нет, нет. Я пойду.

ЛЮДА. Куда это еще?

СЕРГЕЙ. Домой. Неудобно. Отвернись, я брюки надену.

ЛЮДА. Пожалуйста. *(Отворачивается. Из ванной в гостиную возвращается родители)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Там халат, слава богу. Людочка, ты бы хоть познакомила нас со своим спасителем.

ЛЮДА. Знакомьтесь. Я сейчас... *(Уходит в комнату родителей)*.

СЕРГЕЙ. Меня Сергеем зовут.

ИРИНА ИВАНОВНА. Очень приятно. Ирина Ивановна. Людочкина мама.

СЕРГЕЙ. Я так и понял.

ИРИНА ИВАНОВНА. А это – наш папа.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Виталий Павлович.

ИРИНА ИВАНОВНА. Виталий Павлович у нас архитектор.

СЕРГЕЙ. Интересная профессия.

ИРИНА ИВАНОВНА. Очень. Если б за нее ещё и деньги платили... Реальные.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира. Я попрошу тебя...

ИРИНА ИВАНОВНА. А что, я не права? На Западе с такой профессией живут как сыр в масле, а у нас на твою зарплату и в Одессу на пару дней не съездишь.

ЛЮДА *(принесит рубашку)*. Папа, я дам Сергею твою рубашку? А то ему порвали.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Конечно, конечно.
 СЕРГЕЙ. Спасибо. *(Надевает рубашку.)* Спасибо... я пойду.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Куда это вы собираетесь?
 СЕРГЕЙ. Домой.
 ИРИНА ИВАНОВНА. Так поздно? И вы думаете, мы вас отпустим?
 СЕРГЕЙ. Ирина Ивановна, я пойду. Честное слово, так будет лучше.

ИРИНА ИВАНОВНА. Какой вы, однако. *(Мужу.)* Надо было Живоцова задержать. *(Сергею.)* Это наш сосед на даче. Он бы вас подброесил. Замечательный человек.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Избирательно.

ИРИНА ИВАНОВНА. Разумеется, чтобы нам угодить... Дай лучше мальчику на такси, а то маршруток сейчас не дожدهшься.

СЕРГЕЙ. Спасибо, у меня есть. Рубашку я вам завтра принесу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не беспокойтесь.

СЕРГЕЙ. До свиданья.

ИРИНА ИВАНОВНА. Подождите, Сережа.

СЕРГЕЙ. Что случилось?

ИРИНА ИВАНОВНА. Сережа, а в понедельник вы свободны?

СЕРГЕЙ. Ну... после лекции.

ИРИНА ИВАНОВНА. Вот и хорошо, приходите лучше в понедельник.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Почему завтра нельзя?

ИРИНА ИВАНОВНА. Нет, нет, приходите, когда угодно. Мы будем очень рады... Но хотелось, чтобы вы были у нас и в понедельник. Вечером. Около восьми.

СЕРГЕЙ. Что-нибудь... Помочь?

ИРИНА ИВАНОВНА. Нет-нет... просто поужинаем, ну и... С сыном вас познакомим.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ирина, не стоит.

ИРИНА ИВАНОВНА. Судя по всему, вы не из робкого десятка.

СЕРГЕЙ. В смысле?

ИРИНА ИВАНОВНА. Я шучу... Нет... Если честно сказать, хочется, чтобы была какая-то опора.

СЕРГЕЙ. Я понял. Мне Люда рассказала. *(Родители оглядываются на дочь.)* Приду. Мне даже интересно. В восемь?

ИРИНА ИВАНОВНА. Хорошо бы чуточку пораньше. Приходите чайников в шесть.

СЕРГЕЙ. Постараюсь... До свиданья. *(Уходит. Пауза.)*

ИРИНА ИВАНОВНА. Что ты ему наговорила?

ЛЮДА. А что?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ничего, но всё-таки...

ЛЮДА. Шу-шу-шу! Дошушукались! Они на улицах людей избивают, крадут, опускают... средь бела дня, кого захотят, мочат, а мы всё шу-шу-шу...

ИРИНА ИВАНОВНА. По-твоему Леник – как эти?!..

ЛЮДА. Нет. Он с крылышками.

ИРИНА ИВАНОВНА. Люда, как ты можешь?!..

ЛЮДА. Да ну вас. *(Уходит к себе, ложится.)*

ИРИНА ИВАНОВНА. Ох... И кто придумал эти понедельники?

Щёлкает выключателем. И тут же завьла сирена входной двери.

ИРИНА ИВАНОВНА. О, господи!..

Затемнение.

Картина вторая

Понедельник. Дожливый вечер. Квартира Гришечкиных. В сумерках различается лишь сидящая в комнате Люда. Тишину нарушает «бухающая» приглушенная магнитофонная запись у соседей. Часы в гостиной мелодичным звоном отсчитали семь ударов. В прихожей завьла сирена, потом громче и громче...

ИРИНА ИВАНОВНА. Иду, иду. *(Выбегает из кухни, на ходу вытирая руки о передник.)* Сейчас. Потерпите. *(Снимает передник, пробегает к зеркалу, приводит себя в порядок.)* Одну минуточку. *(Открывает дверь. Входит Виталий Павлович с футляром для чертежей.)*

ИРИНА ИВАНОВНА. О, господи, я думала, это Сережа пришел.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Это мы пришли.

ИРИНА ИВАНОВНА. Где твой ключ?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Здесь где-то... Я его забыл.

ИРИНА ИВАНОВНА. Как ты голову где-нибудь не забудешь! *(Виталий Павлович раздевается.)* В поликлинике был?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Нет.

ИРИНА ИВАНОВНА. Почему?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(бережно достает из футляра ватман)*. Что я там буду делать? У меня ничего не болит.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не знаю!.. Опять бумагу притащил?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да, бумагу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я как-нибудь доберусь до неё. Не квартира, а КБ какое-то.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ирочка, мы ведь с тобой уже говорили на эту тему.

ИРИНА ИВАНОВНА. Делом бы лучше занялся. *(Уходит на кухню.)*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(один)*. И как ей не надоест... *(Подходит к кульману, но, спохватившись, бежит в ванную. Шум воды... Потом что-то упало... Виталий Павлович выходит из ванной и, мурлыкая себе под нос невнятную мелодию, направляется в кухню.)*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Мамочка, мы ужинать сегодня будем?

ИРИНА ИВАНОВНА. Сейчас Серёжа придёт и сядем за стол. *(Виталий Павлович заходит в кухню.)* Не трогай здесь ничего. Уходи отсюда.

Виталий Павлович выходит из кухни, неся тарелку с яблоками, и идет к дочери.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Люда, хочешь яблочка?

ЛЮДА (*берет яблоко*). Спасибо, папа.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*после паузы, помывшись*). Ты что читаешь?

ЛЮДА. А что?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я просто так спросил. (*Пауза.*) Ну, читай, читай...

ЛЮДА. Всё?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*в нерешительности*). Люда... Я понимаю, мои советы тебе ни к чему, но... горько, безусловно... Любимое дело, как любимый человек, от сердца отрывается...

ЛЮДА. Ты еще побанальней не можешь?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*улыбнулся*). Ты все и без меня уже знаешь... Хочешь самое банальное? Перестань хандрить. Есть же масса прекрасных профессий. Филологический факультет у нас неплохой. Здесь не хочешь – поезжай в Киев. Сейчас конец сентября – за год подготовишься как следует.

ЛЮДА. Отстаньте от меня. Не хочу я ничего. Вы мне это уже в прошлом году говорили.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. В прошлом году была надежда, что всё объяснётся... Пройдет.

ЛЮДА. А сейчас нет надежды? Нет?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Почему? Я совсем не это имел в виду. Просто... Солнце ведь не погасло, Люда, правда?

ЛЮДА. Па-па!..

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Хорошо, хорошо... (*Ставит перед ней яблоки, уходит в гостиную и принимается за работу. Пауза. Из кухни выходит Ирина Ивановна с пакетом яблок и идет к дочери.*)

ИРИНА ИВАНОВНА. Ты меня звала?

ЛЮДА (*резко*). Нет.

ИРИНА ИВАНОВНА (*недоуменно*). Ты что со мной так?

ЛЮДА. Ничего. (*Ирина Ивановна, пожав плечами, идет к мужу.*)

ИРИНА ИВАНОВНА. Дусик, сколько здесь будет?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. М-мгу...

ИРИНА ИВАНОВНА. Оторвись на секундочку.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я слушаю.

ИРИНА ИВАНОВНА. Здесь четыре килограмма будет?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Побольше, наверное. Ты что, взвесить не можешь? (*Ирина Ивановна уходит. Через некоторое время возвращается, неся пакет с яблоками и безмен.*)

ИРИНА ИВАНОВНА. Посмотри, сколько тут получается?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*взглянув на шкалу*). Четыре двести.

ИРИНА ИВАНОВНА. Сколько сюда сахара нужно, если варенье варить?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я не знаю. Клади, сколько хочешь, посмотри в книге. Оставь меня в покое, в конце концов! Сколько раз тебе говорить – не трогай меня, когда я работаю!

ИРИНА ИВАНОВНА. Дусик, я ведь только посоветоваться.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не приставай ко мне со своими дурацкими вопросами! Я тебе не нянька! «Как то? Как это?». Варишь – вот и вари сама!

ИРИНА ИВАНОВНА. Не собираюсь я ничего варить.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Так что же ты?!

ИРИНА ИВАНОВНА. Так... Не могу сидеть.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*сдерживаясь*). Ирочка... Можно хоть на минуту сосредоточиться?

ИРИНА ИВАНОВНА. Ухожу, ухожу. (*Обратив внимание на буханье музыки за стеной.*) Бум-бум-бум! Долбаная музыка какая-то. Как можно это сутками слушать? Свихнуться ведь можно.

Ирина Ивановна, постояв в коридоре, зашла к дочери.

ИРИНА ИВАНОВНА. Людочка, который час?

ЛЮДА. Не знаю.

ИРИНА ИВАНОВНА. Что-то Сережи нет.

ЛЮДА. Не придет он.

ИРИНА ИВАНОВНА. Скоро варвар наш зайвится. (*Люда молчит.*) Может, ужинать будем?

ЛЮДА. Не хочу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ну, подождем ещё немного. (*Пауза.*) О, господи! У меня голова раскалывается... (*Ушла в коридор.*) Виталий... ужинать будешь?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Подожди.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник скоро придёт.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. А сколько сейчас?

ИРИНА ИВАНОВНА. Около восьми. Что будем делать, Виталий?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не знаю. Делай, что хочешь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Отдать ему деньги?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я бы их лучше сжёг, чем отдал этому лоботрясу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ты же знаешь, что он тут устроит.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Поступай, как знаешь. Я не желаю иметь с ним никаких дел.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ты отец.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Наконец-то вспомнила.

В прихожей завывла сирена.

ИРИНА ИВАНОВНА. Это он... (*Открывает входную дверь. Входит Сергей с чемоданом в руках.*)

СЕРГЕЙ. Добрый вечер.

ИРИНА ИВАНОВНА. О, Сереженька, а мы думали, что вы уже не придете. Мокрый какой? Там дождь? Почему вы так задержались? Запустили нас волноваться.

СЕРГЕЙ. Да я вот...

ИРИНА ИВАНОВНА. Вы проходите в комнату. Не нужно разуваться. Не надо, я вам говорю, не выдумывайте...

СЕРГЕЙ. На улице грязь, Ирина Ивановна.

ИРИНА ИВАНОВНА. Осень уже. Ничего не поделать.

ЛЮДА (*выходя в прихожую*). Мама, мы ужинать будем сегодня?

СЕРГЕЙ. Добрый вечер.
ЛЮДА. Здравствуй.
ИРИНА ИВАНОВНА. Конечно, конечно, доченька. У меня всё готово. Проходите, Сережа. *(Все заходят в гостиную).*
ЛЮДА *(Сереже)*. Ты с чемоданом на лекции ходишь?
СЕРГЕЙ. Нет. *(Смеется.)* Это я переезжаю.
ИРИНА ИВАНОВНА. Куда?
СЕРГЕЙ. Стреляют.
ЛЮДА. В кого?
СЕРГЕЙ. В евреев. В Израиле. Палестинцы.
ИРИНА ИВАНОВНА. А вы к приятелю... Туда... На помощь?
СЕРГЕЙ. Да нет. Родственник мой женился на еврейке, ну и укатил с женой к святым местам за синей птицей. Меня они попросили за квартирой присмотреть. Ну и продать, если случится хороший покупатель.
ИРИНА ИВАНОВНА. А теперь обратно вернулись?
СЕРГЕЙ. Ну да. Там у них в Иерусалиме соседская девочка на дискотеке погибла — араб бомбу взорвал на себе, так они на следующий день обратно сюда.
ИРИНА ИВАНОВНА. И что им на одном месте не сидится? Одно слово — евреи.
СЕРГЕЙ. Эргаш — он вообще-то узбек.
ИРИНА ИВАНОВНА. И вы тоже?
СЕРГЕЙ *(смеётся)*. Нет. Он мой родственник, потому что на моей тётке женат...
ЛЮДА. На еврейке?
СЕРГЕЙ. Я не еврей, к сожалению.
ИРИНА ИВАНОВНА. И не узбек. Совсем запуталась.
СЕРГЕЙ. Тётка моя умерла. Эргаш женился на другой. На еврейке. Уехал туда, теперь — обратно. С тещей восьмидесятилетней.
ИРИНА ИВАНОВНА. А вы, значит...
ЛЮДА. Серёжа теперь бомж, мама...
СЕРГЕЙ. Я пока с приятелем... договорился, а потом видно будет.
ИРИНА ИВАНОВНА. Любочка, что ты такое говоришь!
СЕРГЕЙ. Рубашку я вам потом отдам. Постирать не успел.
ИРИНА ИВАНОВНА. Вы ещё и стираете сами?
СЕРГЕЙ. Кто ж за меня стирать будет?
ИРИНА ИВАНОВНА. Надо же! Папа, убирай своё хозяйство. Люда, носи скатерть.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Может, на кухне поедим? Мне ещё чуть-чуть осталось.
ИРИНА ИВАНОВНА. Убирай, убирай. Никаких.
ЛЮДА. Мама, правда, давай — на кухню. Зачем таскаться туда-сюда?
СЕРГЕЙ. Я не хочу есть.
ИРИНА ИВАНОВНА. Не знаю, где вы там ели, но, если пришли в гости, должны подчиняться хозяйке. Не возражайте. Люда, пошли, поможешь мне. *(Ирина Ивановна и Люда уходят на кухню).*
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(Сергею)*. Извините, я сейчас... Ещё немного. Надо закончить.

СЕРГЕЙ. Работайте, конечно...
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Вы на меня не обращайте внимания.
СЕРГЕЙ. Виталий Павлович, вы не скажете, что это будет? Если можно, конечно.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Боюсь, что вам будет неинтересно.
СЕРГЕЙ. Почему?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(продолжая работать)*. Потому что это... Е-рун-да.
СЕРГЕЙ. Для вас?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Для меня? Для меня — нет. А для остальных — да. А если для остальных, то почему бы и не для вас.
СЕРГЕЙ. Нельзя так рассуждать, Виталий Павлович.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Простите, Сережа, если я вас обидел. *(Пауза.)* Откройте нижний ящик секретера. Открыли?
СЕРГЕЙ. Открыл.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Видите там фотографию?
СЕРГЕЙ. Вижу.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что вы там видите? Возьмите в руки, не бойтесь.
СЕРГЕЙ. Горы...
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ну вот, а я вижу там свой «домик». Если вот здесь вмонтировать его в горы. Представьте себе на секунду.
СЕРГЕЙ. Не представляю.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(достаёт рисунок здания)*. А если вот так?
СЕРГЕЙ. Интересно... *(Люда появляется у двери гостиной)*.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Почти двадцать лет развлекаюсь этим. Не двадцать, конечно. Я двадцать лет назад только нашёл это место. Мы с товарищем нашли. С Мишкой Григорьевым. Собственно, он меня туда и привез. Он был геологом.
СЕРГЕЙ. А сейчас?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. В бизнесе. Грязелечебницу *(кивает на фото)* недалеко от этого места построил. Это — Карпаты.
СЕРГЕЙ *(рассматривает эскиз здания)*. Двести пятьдесят этажей?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не чувствуется, правда? Мне очень хотелось, чтобы было ощущение легкости... какой-то воздушности...
СЕРГЕЙ. Здорово будет.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не будет, к сожалению.
СЕРГЕЙ. Почему?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ну, прежде всего потому, что тут работы лет на сто. Такой дом «всем миром» нужно строить. У меня лишь общие наметки. Что-то, конечно, сделано...
СЕРГЕЙ. А почему «всем миром» нельзя?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ну, сами посудите: это здание — целый город тысяч на семьдесят жителей. Это — миллиарды долларов нужно вложить. Откуда такие деньги?! На пенсии людям не хватает...
СЕРГЕЙ. О, господи! У вас какая-то совковая философия — пенсии, субсидии, зарплаты ниже уровня бедности. У людей денег — завались. Не знают, куда их девать. Задыхаются без свежих идей. А тут у вас!.. Восьмое чудо света, можно сказать, а вы его в диван прячете.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Восьмое чудо... Скажете тоже... А откуда вы знаете про диван?

ЛЮДА. Я ему сказала.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(Люде)*. Я просил, кажется...

ЛЮДА. Прости, папа.

СЕРГЕЙ. Вот-вот. Вы стесняетесь! Люди фантики коллекционируют, подводные лодки из презервативов склеивают — и ничего! Им не стыдно! А у вас такая идея! И вы не можете за нее постоять! Потому и издеваются над вами, кому не лень. Когда, небось, в Японии построят, все будут: «Ах-ох». А тут — смешно всем. Циолковского им мало.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сережа, Сережа, не увлекайтесь.

СЕРГЕЙ. Вы давно ездили туда?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. В Карпаты? Я каждый год там. Каждый отпуск. И в этом году в июне был... Там хорошо думается.

СЕРГЕЙ. На будущий год меня с собой возьмете?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Пожалуйста, если вам интересно.

СЕРГЕЙ. Конечно, интересно. Горы!.. Если только Ирина Ивановна с Людой не будут возражать.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. При чем здесь они?

СЕРГЕЙ. Да?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. У них несколько другой круг интересов.

СЕРГЕЙ. Люда! Я тебя не понимаю.

ЛЮДА. Ты многого еще не понимаешь. *(Уходит в кухню)*.

СЕРГЕЙ. Не понял...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Вы простите её, Серёжа. Ей сейчас трудно.

СЕРГЕЙ. Кому сейчас легко?

ИРИНА ИВАНОВНА *(из кухни)*. Мужчины! Кушать подано!

СЕРГЕЙ. Я не хочу, Ирина Ивановна.

ИРИНА ИВАНОВНА. Идите без разговоров.

В это время открывается входная дверь и появляется Лёник.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Пойдёмте, Серёжа, поедим.

ИРИНА ИВАНОВНА. Долго вас ждать? *(Идет в гостиную и сталкивается с сыном)*. Ой, как я испугалась... Лёник... Дождь перестал? Раздевайся. Мы как раз ужинать собрались. Поешь с нами?

ЛЁНИК. Кто там у тебя?

ИРИНА ИВАНОВНА. Там?... Папа там... Ещё...

ЛЁНИК. Кто ещё?

Виталий Павлович молча проходит на кухню.

ИРИНА ИВАНОВНА *(сыну)*. Почему ты не здороваешься с отцом?

ЛЁНИК *(радостно кричит)*. Здравствуй, папа! *(Виталий Павлович останавливается, но не найдясь что сказать, проходит дальше)*.

ЛЁНИК *(матери)*. Довольна? *(Не раздеваясь, проходит в гостиную)*.

СЕРГЕЙ. Привет.

ЛЁНИК *(улыбаясь)*. Здравствуй, здравствуй. *(Пауза)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Пойдёмте, ребята, поужинаем. Посидим по семейному... У меня коньячок есть. А?

СЕРГЕЙ. Спасибо, я не буду.

ЛЁНИК *(матери)*. Приготовила?

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, нет у нас сейчас таких денег.

ЛЁНИК. Понятное дело. Ладно, иди, я подожду. *(Ирина Ивановна уходит на кухню. Пауза)*. Твой чемодан?

СЕРГЕЙ. Мой.

ЛЁНИК. Наняли?

СЕРГЕЙ. Неважно.

ЛЁНИК. Понятно... Да ты не трясись. Всё путем будет.

СЕРГЕЙ. Я спокоен.

ЛЁНИК. Ну и — правильно. *(Достаёт папирасы)*. Закурим?

СЕРГЕЙ. Не хочу.

ЛЁНИК. Чисто, конкретно? Шала.

СЕРГЕЙ. Не люблю.

ЛЁНИК. А меня плющит. *(Лёник курит сосредоточенно и как-то иступленно. У него это целый процесс)*.

СЕРГЕЙ. Ну как?

ЛЁНИК. На приходе... *(Пауза)*. Слушай, куда ты в субботу в парке полез? Твое это дело?

СЕРГЕЙ. А что?

ЛЁНИК. Скажи спасибо, что легко отделался. Пацаны в полноги отработывали.

СЕРГЕЙ. И ты там был?

ЛЁНИК. О! Я уже вторичный...

ИРИНА ИВАНОВНА *(входит с яблоками)*. Вот, покушайте. Собственные. С дачи.

ЛЁНИК. О! Засуетилась. *(Смеётся)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник...

ЛЁНИК. Вали отсюда. Прилипла.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ухожу, ухожу. *(Уходит)*.

ЛЁНИК. А?! *(Смеётся)*. По струночке у меня ходит!

СЕРГЕЙ. Ну, ты даешь!..

ЛЁНИК *(смеётся)*. Она у меня вот где сидит. *(Собирает пятерню в кулак)*. Знает, что я могу её... Ну ладно, ладно, всё — класс. *(С усилением сосредоточивается и становится серьезным на секунду, но тут же снова залится смехом)*. Когда я пацаном был... лет в шесть... Чудо это... отец в Карпаты двинул в отпуск. Он там дом хочет построить. Дебил...

Каких только отморозков не бывает, но этот... Ар-хи-тек-тор... *(Смеется)*. Слово-то какое! Ты только вдумайся, Серый: ар-хи-тек-тор!.. Бывают же... *(Смеется)*. Мать, само собой, хахала привела. Он — в Карпаты, она — на сторону. *(Смеется)*. А я — под кровать, ну, под их... пацан — интересно. Ну, когда у них до стыда дошло, я рот разинул, привстал, а они меня панцирной сеткой по голове, так к полу и пригвоздили. Больно! *(Смеется)*. Я реветь, конечно. Не так больно, как обидно... Она перепугалась: «Лёничка, Лёничка...». Велосипед мне купила, чтоб молчал. Потом я, чуть чего: «Давай, а то под кровать залезу» — и всё класс. Хочешь, хоть сейчас?

СЕРГЕЙ. Перестань.
ЛЁНИК. О-о-о! (*Взорвался смехом.*) Ты что, не веришь? Я докажу, Эй, мать!

СЕРГЕЙ. Не надо ничего доказывать. Я верю.
ЛЁНИК. Нет уж! Раз на то пошло — дело принципа. Мать!.. Где ты там застряла?

ИРИНА ИВАНОВНА (*входит*). Что, сынок?
ЛЁНИК. Ну, чего стала?
ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!..
ЛЁНИК. Лёник, Лёник. Чего глаза вытаращила? (*Смеется.*) Чего бы ей такое придумать? Серый, ты же умный, придумай чего-нибудь!

СЕРГЕЙ. Перестань.
ЛЁНИК. О! Спляши нам, мать! Цыганочку с выходом, а?
ИРИНА ИВАНОВНА. Я не понимаю тебя...

ЛЁНИК. Пляши, а то сейчас под кровать залезу. Хочешь?
ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!..
ЛЁНИК. Ну что, слабо?!

СЕРГЕЙ. Хватит! Что ты над матерью издеваешься?!
ИРИНА ИВАНОВНА. Сереженька! Сережа, он не издевается, он шутит. (*Засмеялась.*) Правда, Лёник?

ЛЁНИК (*смеется*). Пляши, мать, а то под кровать.
ИРИНА ИВАНОВНА (*смеется*). Пожалуйста. (*Пританцовывает*).
ЛЁНИК (*смеется*). Баба Яга! Метлы только не хватает. Вон веник возьми, с веником спляши. Вот умора... Давай, давай!.. (*Ирина Ивановна, танцует, пытается смеяться тоже*).

СЕРГЕЙ. Прекратите, Ирина Ивановна. (*Лёнику.*) Ты что делаешь?!
ЛЁНИК. Ладно, всё, мать. Давай столик и я ушел.

СЕРГЕЙ. Мразь.
ЛЁНИК (*вдруг со злостью*). Мать, он меня кумарит! Сделай так, чтобы я его больше не видел. Я устал от него.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, я тебя не понимаю. Сережа у нас в гостях.

ЛЁНИК. А я?
ИРИНА ИВАНОВНА. Ты — дома. Гостеприимство обязывает...
ЛЁНИК. Так вот, если я дома, то ему здесь делать нечего.

СЕРГЕЙ. Ох, ты и!..
ЛЁНИК. Сам уйдёшь или хочешь, чтоб тебя попросили? Мама, попроси его.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не выдумывай... Сережа, не обращайтесь на него внимания.
ЛЁНИК. Может, ему ни к чему наши семейные хроники.

ИРИНА ИВАНОВНА. Серёженька.... Вы... Лёник, выйдем на секунду дочку.

ЛЁНИК. Никуда я не пойду.
ИРИНА ИВАНОВНА. В коридор только, Лёник. (*Выходят в коридор.*)
Пойдёмте туда. (*Проходят в комнату Люды*).

ЛЁНИК. Ну.
ИРИНА ИВАНОВНА. Веди себя прилично, Лёник.
ЛЁНИК. Всё?

ИРИНА ИВАНОВНА. Я тебя прошу.
ЛЁНИК. Да? Это я тебя прошу. Если я пушусь с папой в откровения о твоих, мягко говоря, отклонениях в любви...

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, сколько можно грозить? Ты ведь всё равно никогда не сделаешь этого.
ЛЁНИК (*смеется*). Еще как сделаю.

В прихожую из кухни выходит Виталий Павлович.

ИРИНА ИВАНОВНА. И главное — ничего не было. Абсолютно ничего.
ЛЁНИК. Разве? А дядя Слава?
ИРИНА ИВАНОВНА. При чем здесь дядя Слава?
ЛЁНИК. Не знаю.

Виталий Павлович убегает в гостиную, садится в кресло, встает, пытается вдохнуть полной грудью, но у него это не получается.

ЛЁНИК. Просто именно тогда пошли книжки, велосипед...
ИРИНА ИВАНОВНА. Ой, Лёник, глупый ты... Разве поэтому?..

Виталий Павлович, устав стоять, неуклюже садится на диван.

СЕРГЕЙ. Вам плохо?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сейчас пройдет... Сейчас... должно пройти.
СЕРГЕЙ. Сейчас. (*Кидается к двери*).

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Пойдите, туда нельзя, они не должны знать.

ЛЁНИК. Ладно, мама. Было — не было... я говорю — было. Не могло не быть. По глазам вижу. А?!

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!
ЛЁНИК (*смеется*). А он поверит. Я ему ещё скажу, что под кроватью любил прятаться, — куда он денется.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*улыбается*). Как будто в трамвае придавили. Меня маленького так — чуть в трамвае... Воды... (*Сергей идёт на кухню.*) Люде не говори.

ЛЁНИК. Короче, мама: честь или кошелёк?
ИРИНА ИВАНОВНА. Устала я, Лёник. Тебе не понять... Помнишь, как я болела, а ты ночами возле меня плакал... «Маменька... маменька...». Не помнишь, конечно. В три года что можно запомнить?.. Тебе деньги нужны? Возьми. (*Протягивает сыну деньги.*) Тут сто, как просил.

ЛЁНИК. Спасибо, маменька. (*Берёт деньги*).

В гостиную проходят Сергей и Люда.

ЛЮДА. Что случилось, папа?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ничего, все хорошо, просто пить захотелось. (*Пьет принесенную воду*).

ИРИНА ИВАНОВНА. Какой-то все-таки ты... Если бы... Ты бы по-

жил дома, а Лёник?.. Отец тебя любит, ты не думай. Ему только очень больно за тебя. Он...

ЛЁНИК. Ладно, замнем. *(Сын и мать возвращаются в гостиную.)* Кстати, я ведь не забыл. Пусть он уходит.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!

ЛЁНИК. Он мне не нравится.

ИРИНА ИВАНОВНА. Сережа...

ЛЮДА. Лёничка!... Дорогой. Уходи, пожалуйста, отсюда.

ЛЁНИК. Да?

ЛЮДА. Убирайся, тебе говорят.

ЛЁНИК. Девочка, не говори со мной так. Мне страшно.

ЛЮДА. И если ты хоть раз ещё придёшь... Будешь тут издеваться.

ЛЁНИК *(смеясь, цитирует)*. «О браво! Браво! Чудно! Бесподобно! Какие звуки! Сколько в них души. А чьи слова, Лаура?». *(Оборачивается к Сергею.)*

ЛЮДА. Побирושка.

ЛЁНИК. А вот это уже лишнее. *(Берёт сестру за воротник и пытается выставить её из гостиной.)* За это...

ЛЮДА. Не трогай меня! *(Вырывается.)* Мерзавец!

ЛЁНИК *(надвигается на Люду)*. Ты что трёшь, фуфлыжница?..

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(становится между детьми)*. Не смей.

ЛЁНИК. Отойди, папочка.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Если ты прикоснешься к ней, то...

ЛЁНИК. То что?.. Ну... Что ты мне сделаешь?

СЕРГЕЙ. Может быть, хватит?

ЛЁНИК. Ты что, собака дикая!

СЕРГЕЙ. Тебе сказали: «Уйди отсюда» — значит иди.

ЛЁНИК. Гонишь?

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник! Лёник, успокойся!.. Сережа!..

ЛЁНИК *(матери)*. Закрой рот. *(Сергею.)* Ну, тварь, допрыгаешься ты.

СЕРГЕЙ. За меня не беспокойся.

ЛЁНИК. В субботу насморк заработал, вдруг и в среду подхватишь.

СЕРГЕЙ. Я переживу.

ЛЁНИК. Живучий — это хорошо. Ну, живи. *(Родителям.)* А вы — молодцы. Заступника нашли. Уже и чемоданчик перенес, на мое место? «Зять» — теперь его погнало. С субботы. И это правильно! Ти-ли-ти-ли тесто! Жених и невеста.

СЕРГЕЙ *(Лёнику)*. Пошли. *(Обхватывает его за пояс и пытается вывести из квартиры.)* Там поговорим. *(Лёник цепляется за дверь. Люда отрывает пальцы Лёника от двери.)*

ЛЁНИК. Пусти... Мама... Мама!

ИРИНА ИВАНОВНА. Сережа, отпустите его.

ЛЮДА *(матери)*. Не мешай. *(Открывает входную дверь.)*

ИРИНА ИВАНОВНА *(выцепившись в Сергея)*. Сережа, не надо.

ЛЁНИК *(вырвавшись)*. Ну, лох... Мы ещё встретимся. *(Уходит.)*

СЕРГЕЙ *(кинулся за ним)*. Подожди.

ИРИНА ИВАНОВНА *(захлопывает перед Сергеем дверь)*. Не пуцу.

СЕРГЕЙ. Я на минутку, Ирина Ивановна.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ни в коем случае.

ЛЁНИК *(из-за двери)*. Пусть выйдет! Пусть выйдет!

ИРИНА ИВАНОВНА. Нет.

СЕРГЕЙ. Мне все равно уходить надо.

ЛЁНИК *(за дверью)*. Давай! Давай, галимый!

ИРИНА ИВАНОВНА. Вы здесь останетесь, Сережа. Гостиная свободна, и отойдите от двери. Я вас прошу. *(Отводит Сергея от двери.)* Сейчас ужинать будем... Дусик, Люда, пойдемте ужинать.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Идите. Я приду. Мне еще... чертеж доделать надо...

Лёник нажимает сигнал-сирену входной двери.

ИРИНА ИВАНОВНА. Тебе еще не осточертели твои дела? Никаких дел. Люда не открывай ему. Сережа, идите в кухню. Завтра будем все дела доделывать... Дусик!..

ЛЁНИК *(из-за двери)*. Выходи, урод...

ИРИНА ИВАНОВНА. Господи! Спаси и сохрани... *(Звонок-сирена продолжает звучать.)*

Занавес

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Картина третья.

Прекрасный солнечный летний день следующего года. В квартире Гришечкиных генеральная уборка. Столы и стулья разбросаны, окна распахнуты. Впрочем, с улицы доносится траурная мелодия. За окнами у кого-то горе... К счастью, пока не у Гришечкиных. Здесь пока кипит жизнь. Ирина Ивановна моет полы у себя в спальне, Люда в коридоре возится с пылесосом. В гостиной ходит из угла в угол Лёник. Вот он остановился в центре комнаты, сосредоточился и упал ничком на пол, в последний момент самортизировав удар руками. Поднявшись, опять заходил по комнате... Люда в коридоре включила пылесос. Он поработал несколько секунд и затих... Лёник снова замер и упал на руки... Встал и, с ненавистью отхлестав свои руки, повернул кресло к стене, забрался в него с ногами и углубился в размышления... Снова загудел пылесос, расправляясь с ковровой дорожкой.

ЛЁНИК *(выскочил в коридор)*. Ты что, офонарела?!

ЛЮДА. Что?

ЛЁНИК. Выключи эту... зубодробильню!

ЛЮДА. Сейчас, разбежалась.

ЛЁНИК. По-хорошему тебе говорю.

ИРИНА ИВАНОВНА *(выходя с тряпкой в коридор)*. Что случилось?

ЛЮДА. Похоронами наслаждаться ему мешаю.

ЛЁНИК. Выключи, кому говорят!

ЛЮДА. Почищу и выключу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Люда...

ЛЮДА. Мама!

ЛЁНИК. Вот зануда! *(Уходит в гостиную и снова забирается в кресло.)*

ИРИНА ИВАНОВНА *(идет следом за ним, выглядывает в окно)*. Кого хоронят-то?

ЛЮДА. Жулика какого-то. Очередного. *(Выключает пылесос)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Народу сколько! Цветов!

ЛЮДА. Авторитет, наверное, местный.

ИРИНА ИВАНОВНА. Только что не на лафете...

ЛЮДА. Мать, помолчи, а? *(Пауза)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Молодой какой... За что его, интересно?

ЛЁНИК. Разборки.

ИРИНА ИВАНОВНА. Когда они разберутся уже друг с другом? Война ведь прямо чуть не каждый день. Что они не поделают?

ЛЁНИК *(пытаясь успокоиться)*. Один, два, три, четыре, пять...

ИРИНА ИВАНОВНА. Пальцев не хватит сосчитать, скольких перестреляли, перерезали.

ЛЁНИК. Тебе что — делать нечего? Раскудаhtалась.

ИРИНА ИВАНОВНА *(радостно)*. Сынок, мы думали — и тебе интересно.

ЛЮДА. Ты что, Лёник? Братва у тебя под окнами величественно шествует, а ты в кресло забился, может, это как раз ты и подкараулил покойного в подъезде?

ЛЁНИК *(истерически)*. Дура! Дура-дура-дура!.. *(Исчез в кухне)*.

ИРИНА ИВАНОВНА *(испуганным шепотом)*. Люда... А вдруг это он его?

ЛЮДА. Ты что, мама? Я пошутила.

ИРИНА ИВАНОВНА *(задумчиво)*. Девчонки мои болтают, будто парня этого отморозок какой-то убил. Вроде бы с женой его переспал где-то по пьяному делу, а потом, когда узнал, с кем связался, так запаниковал, что с перепугу растяжку под дверью квартиры поставил...

ЛЮДА. Мама, ну откуда у Лёника растяжка?

ИРИНА ИВАНОВНА. Ой, сейчас добра этого!..

ЛЮДА. Мама?!

ИРИНА ИВАНОВНА. О, господи! *(Крестится)*. Спаси и сохрани.

Люда включает пылесос. Лёник врывается в коридор.

ЛЁНИК *(истерически)*. За! мол! чи! *(Выдёргивает шнур из розетки)*.

ЛЮДА. Я молчу. *(Вставляет шнур в розетку)*.

ЛЁНИК. Выключи!

ЛЮДА. И не подумаю.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, нам же убирать нужно.

ЛЁНИК. Я что — вам мешаю? Убирайте, только тихо.

ЛЮДА. Ага! Пойди тогда и всё сам вытряси во дворе.

ЛЁНИК. Ещё ничего не придумаешь?

ЛЮДА. Нет. *(Орудует пылесосом)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, она сейчас закончит.

Лёник уходит в гостиную. Ирина Ивановна возвращается к себе. Походив по комнате, Лёник остановился, заложил руки за спину... Но, падая, опять выбросил руки вперед. Поднялся и снова скрючился в кресле. Включилась сирена входной двери.

ЛЁНИК. А? Что?

ИРИНА ИВАНОВНА. Кто? Люда, посмотри в глазок...

Люда открыла дверь. Входит Сергей.

ЛЮДА. Серёжка! Приехал?! *(Выключает пылесос)*.

СЕРГЕЙ. Нет, уезжаю.

ЛЮДА. Куда?

СЕРГЕЙ. В Карпаты. С вами.

ЛЮДА. Значит, едем?

СЕРГЕЙ. Втроём.

ЛЮДА. Молодчина.

СЕРГЕЙ. Стараемся. А ты поступила?

ЛЮДА. Конечно.

СЕРГЕЙ. Speak English?

ЛЮДА. Yes of course.

СЕРГЕЙ. Поздравляю. *(Целует ее в щёку)*.

ИРИНА ИВАНОВНА *(выходит с ведром и тряпкой)*. Приехал, Серёжа?... Здравствуй.

СЕРГЕЙ. Здравствуйте, Ирина Ивановна.

ИРИНА ИВАНОВНА. Как мама?

СЕРГЕЙ. Все в порядке. Я бы раньше приехал, да печь надо было перекладывать, мать одна — что она может?..

ИРИНА ИВАНОВНА. А к нам Лёник вернулся.

СЕРГЕЙ. Не понял.

ИРИНА ИВАНОВНА. Живет теперь с нами. Третий день. Вот. Вместе.

ЛЮДА. В армию его забирают, вот он и вспомнил о родителях. *(Включает пылесос)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ну, еще не забирают. Пока только на призывную комиссию. Или перекомиссию там... Я не понимаю. Может, еще и не заберут.

ЛЮДА. Пусть послужит. Там его быстро...

ИРИНА ИВАНОВНА. Зачем ты так?.. *(В гостиную)*. Лёник, Сережа приехал. *(Сергею после паузы)*. Он немного с Людой сейчас повздорил, а вообще — пока нормально, без эксцессов. Ты зайди к нему. Поговори.

СЕРГЕЙ. Сейчас... Ирина Ивановна, у меня к вам просьба.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я слушаю, Сереженька.

СЕРГЕЙ. Дело в том, что ночевать мне сегодня негде, ребята на каникулах, а у моих хозяев — замок. То ли уехали, то ли...

ИРИНА ИВАНОВНА. Конечно. Какие могут быть разговоры!

СЕРГЕЙ. Я, правда, ещё в одно место позвоню...

ИРИНА ИВАНОВНА. Уже договорились. Можете с Лёником в гостиной, а нет — Людочка будет спать с нами, а тебе я в ее комнате постелю.

СЕРГЕЙ. Ну, зачем уж так?

ИРИНА ИВАНОВНА. Хорошо, после об этом. Сейчас иди, посиди в гостиной, пока мы тут не уберем. *(Уходит в ванную).*

СЕРГЕЙ *(заходит в гостиную)*. Привет. *(Лёник не отвечает.)* Чего ты?.. *(Люде.)* Выключи ты свою тарахтелку. *(Люда выключает пылесос).*

ЛЁНИК *(рассмеялся)*. Как всё просто!

СЕРГЕЙ. Что?

ЛЁНИК. Зачем нам сорок тысяч братьев? Да, сестренка?

ЛЮДА. Я уже все почистила.

ЛЁНИК. Что ты говоришь?!

ЛЮДА. Что слышал.

СЕРГЕЙ. Хватит вам. *(Набирает номер телефона. Люда разбирает пылесос.)* Добрый день. Инну можно к телефону?.. А где она?.. Да? Передайте ей, что Сергей звонил. Да, приехал... Всё нормально... Мама просила поблагодарить вас за лекарство... Да, большое спасибо. Я еще позвоню, Варвара Игнатъевна, да?.. Хорошо. *(Кладет трубку).*

ИРИНА ИВАНОВНА *(входит в гостиную)*. Что-то отец задерживается.. Как бы не отняли у него эти пятьсот долларов.

СЕРГЕЙ. А где он?

ИРИНА ИВАНОВНА. В банк пошёл.

СЕРГЕЙ. Купить что-нибудь хотите?

ЛЮДА. Да нет. В Карпаты же едем.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ох уж эти мне Карпаты! Виталию Павловичу в палате, а не в палатке спать нужно.

СЕРГЕЙ. Там целебный воздух. Горы.

ЛЮДА. А в больнице от тоски одной умереть можно. *(Уходит в кухню).*

ИРИНА ИВАНОВНА. Я свое мнение высказала, а он — как хочет... Ой, уже второй час. Где он бродит? Нужно за анализами идти, а ему именно сегодня приспичило. *(Уходит переодеться).*

СЕРГЕЙ *(Лёнику)*. Ну, как ты тут? Перекомиссия? *(Лёник заходит по комнате.)* А то поехали с нами, а?

ЛЁНИК. Обязательно.

СЕРГЕЙ. Старик, это же Горы! Я после девятого класса на Кавказе был. Представляешь — камни, снег, солнце и голубые озера.

ЛЁНИК. Потрясающе.

СЕРГЕЙ. Что ты понимаешь? Если бы ты был хоть раз...

ЛЁНИК. Не надо мне! *(Уселся в кресло).*

СЕРГЕЙ. Не пойму я тебя. Вроде...

ЛЁНИК. Не надо меня понимать! Я этого только и прошу у вас всех. Оставьте меня, наконец, с вашим пониманием.

СЕРГЕЙ. Да ради бога!

ЛЁНИК. Насобирали два-три десятка расхожих слов и во-от таскаете их по всем щелям. А из них все равно дует!

СЕРГЕЙ. Комплексуешь?

ЛЁНИК. Какие ты слова знаешь!

СЕРГЕЙ. Лёник... У тебя, по-моему, переломный возраст затянулся.

ЛЁНИК. Куда уж нам!

СЕРГЕЙ. Ты просто обозленный непонятно на что...

ЛЁНИК. На окружающую среду.

СЕРГЕЙ. Весной тут, на Пушкинской, пьяный валялся. Я его поднял, а он отбивается и орет: «Все сволочи и я сволочь!»...

ЛЁНИК. Громко орал?

СЕРГЕЙ. Чтоб все слышали, как он свой сволочизм дешёвой философией припудривает.

ЛЁНИК. Не надо о философии.

СЕРГЕЙ. Да бог с ней. Просто я давно заметил, что каждый — ты не обижайся — абсолютно каждый себя оправдывает. В грязи ведь лежит, а весь мир материт...

ЛЁНИК. Почти стихи.

СЕРГЕЙ. Вселенная виновата, что у него штаны мокрые. По мне, ну, даже если все сволочи, я-то — человек или кто?!

ЛЁНИК. Ты человек, не бойся.

СЕРГЕЙ. Я-то как раз не боюсь. Я хорошую штуку придумал. Дарю. Может, и тебе пригодится. Понимаешь... Всё делаю, чтобы сыну моему — будущему, конечно — стыдно за меня перед людьми не было.

ЛЁНИК. Замолчи.

СЕРГЕЙ. Почему?

ЛЁНИК. Не твоё дело!.. Помолчи лучше. *(Заходит по комнате.)* Лучше свяжи мне руки.

СЕРГЕЙ. Зачем?

ЛЁНИК. Свяжи, не бойся.

СЕРГЕЙ. Брось.

ЛЁНИК. Просят тебя. *(Отдаёт ему кусок верёвки).*

СЕРГЕЙ. Давай. *(Связывает Лёнику руки за спиной).*

ЛЁНИК. Завтра у меня Ватерлоо. Нужно подготовиться.

СЕРГЕЙ. Чего-чего?

ЛЁНИК. Военкомат. *(Падает ничком на пол, но в последний момент изворачивается и падает на бок.)* А-а!..

СЕРГЕЙ. Ты что?

ЛЁНИК. Никак не получается. Рефлекс срабатывает. Нужно носом об пол, а я...

ИРИНА ИВАНОВНА *(влетает в гостиную)*. Что случилось? Лёник!.. Серёжа, за что ты его?

СЕРГЕЙ. Он сам.

ИРИНА ИВАНОВНА *(поднимает сына)*. Лёник, как же так?

ЛЁНИК. Оставьте меня.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!

ЛЁНИК. Ма-ма!

ИРИНА ИВАНОВНА. Может быть, тебе плохо? Сейчас врача вызовем.

ЛЁНИК. Что ты всполошилась?

ИРИНА ИВАНОВНА. Больно ведь.

ЛЁНИК. А-а-а!.. *(Выскакивает в прихожую, открывает входную дверь. Пауза.)* Мама!..

ИРИНА ИВАНОВНА *(подбегает к сыну)*. Что? Что?.. О, господи!.. Серёжа, помогите! *(Сергей и Лёник вносят с квартиру Виталия Павловича и укладывают его в гостиной на диване. Туда же прибегает Люда)*.

ЛЮДА. Папа!

ИРИНА ИВАНОВНА. Что с тобой? Ты ранен?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Живот...

ИРИНА ИВАНОВНА. Где?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Желудок болит...

ИРИНА ИВАНОВНА. Я думала, на тебя напали. Люда, принеси бел-ластезин.

ЛЮДА. Где он?

ИРИНА ИВАНОВНА. В тумбочке посмотри. *(Люда бежит за лекарством. Лёник идёт на кухню)*.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ничего, ничего. Сейчас пройдет.

ИРИНА ИВАНОВНА. Помолчи.

ЛЮДА *(приносит лекарство)*. Вот.

ИРИНА ИВАНОВНА *(Люде)*. Воды. *(Но Лёник уже стоит с водой)*. Ага... Спасибо, сынок.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. На улице схватило. *(Глокает таблетку)*. Думал, там и останусь.

СЕРГЕЙ. «Скорую» нужно вызывать.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не нужно.

ЛЁНИК. Они, кроме уколов, ничего не умеют.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сейчас отпустит.

ИРИНА ИВАНОВНА. Люда, закрой окно. Дует.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не нужно. Пусть воздух будет.

ИРИНА ИВАНОВНА. А ты говоришь – Карпаты! Тебя на улицу от-пускать нельзя.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Желудок... Какой бессовестный... Разве можно так? Приготовились к отъезду, а ты...

ИРИНА ИВАНОВНА. Поговори с ним, поговори. Он тебя послуша-ется. *(Лёник, помявшись, уходит из квартиры.)* Осенью надо было с ним разговаривать. Не захотел идти тогда в поликлинику! А пошел бы...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ушёл?

ЛЮДА. А что ему?

ИРИНА ИВАНОВНА. Кто? Лёник? *(Кидается в прихожую)*.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(после паузы)*. С приездом, Сережа. Догово-рился с мамой?

СЕРГЕЙ. Да.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Как она?

СЕРГЕЙ. Получше, вроде, стало. На работу пошла.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. А я, видишь, совсем расклеился. Ира!.. Мне ведь за анализами нужно идти.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я сама сейчас схожу.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сходи, пожалуйста.

ЛЮДА. Папа, так мы не поедem?

ИРИНА ИВАНОВНА. Куда ж теперь ехать?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Если хотите, поезжайте с Серёжей. Я вам расскажу, как добраться.

ИРИНА ИВАНОВНА. Нечего им там делать. Вдвоем.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я Мише напишу, он им всё покажет.

ИРИНА ИВАНОВНА. Очень они нужны твоему Мише.

ЛЮДА. Мама, что ты боишься? Мы уже взрослые люди.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я вижу.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Кажется, полегче стало. *(Пытается встать)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лежи, лежи.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты сходи, Ира.

ИРИНА ИВАНОВНА *(берет сумку)*. Вы, ребята, посмотрите за ним. *(Ирина Ивановна уходит. Пауза)*.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что приуныли?

СЕРГЕЙ. Да так... Надо, кстати, насчет ночлега узнать... *(Набирает номер телефона)*.

ЛЮДА. Переночуешь у нас.

СЕРГЕЙ *(Люде)*. Одну минуту. *(В трубку.)* Варвара Игнатьевна? Это опять Сергей. Инна еще не подошла? Нет, ничего передавать не нуж-но. Скажите, что я приехал. До свиданья.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что это за Инна?

СЕРГЕЙ. Да просто у неё ключи от одной квартиры.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Придумываете себе трудности. Оставайтесь у нас.

ЛЮДА *(бодро)*. Конечно.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Так вы... Без меня поедете?

СЕРГЕЙ. Кто нам место покажет?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Миша покажет. Поезжайте.

ЛЮДА. Мама денег не даст.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Деньги я дам. Пятьсот долларов. Подрабо-тал. Приватно. *(Смеется.)* Колизей восстанавливал.

СЕРГЕЙ. В Риме?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Нет, здесь. *(Звонок в дверь)*.

ЛЮДА. Кто там? *(Идет к двери, потом возвращается, читая теле-грамму.)* «Нашёл деньги на строительство. Приезжай. Михаил».

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что это?

ЛЮДА. Телеграмма.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Дай сюда. *(Читает.)* Нашёл деньги... Миха-ил... Какие деньги?

ЛЮДА. На строительство.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Строительство чего?

ЛЮДА. Наверное, твоего «замка».

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты знаешь, сколько стоит такой «замок»?.. Нашёл деньги... Это ж не кошелек найти на рынке...

СЕРГЕЙ. Спонсоров, наверное, нашел. Инвесторов каких-нибудь...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да, да... Вполне возможно... Надо ехать... С чертежами... Показать, так сказать, товар лицом... Сережа, припод-

ними сиденье. *(Сергей приподнимает сиденье дивана. Виталий Павлович извлекает оттуда массу листов ватмана и пытается разложить их на полу).*

ЛЮДА. Папа, смотри — сколько в них пыли!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Потом, потом... Вы, ребята, идите. Мне нужно кое-что сделать. *(Люда идет в свою комнату. Сергей — за ней.)*

СЕРГЕЙ. Люда... *(Пауза.)* Что ты?

ЛЮДА. Я обязательно туда уеду и буду там жить.

СЕРГЕЙ. Если построят.

ЛЮДА. Что ты говоришь? Не смей!

СЕРГЕЙ *(обнял её за плечи)*. Прости. Я ведь тоже хочу, чтобы его построили.

ЛЮДА. Я тебя прошу. *(Отстраняется от него)*. Не надо.

СЕРГЕЙ. Что с тобой?

ЛЮДА. Не надо меня трогать. Иди к своим... Этим... И обнимай их. Я тебе не...

СЕРГЕЙ. Люда, ты о чем?

ЛЮДА. О том! Привык там со своими девочками руки распускать... Думаешь, это всем нравится?

СЕРГЕЙ *(смеется)*. Зачем всем? Я всех не обнимаю.

ЛЮДА. И меня избавь, пожалуйста. Если мне понадобится, я найду себе.

СЕРГЕЙ. Да ради бога, Люда! Я так...

ЛЮДА. Всё у тебя «так». А мне этого не надо.

СЕРГЕЙ *(улыбаясь)*. «Как поженемся, тады?»

ЛЮДА. Ты что, совсем уже?

СЕРГЕЙ. Люда...

ЛЮДА. Не надо мне ничего говорить. Я не хочу слушать. Уйди от меня! Ну, уйди, чего ты стал? Просят же тебя!

СЕРГЕЙ. Люда, объясни, в чем дело?..

ЛЮДА. Ну что тебе от меня нужно? Как ты не понимаешь!..

(Уходит в кухню).

СЕРГЕЙ. Ни хрена себе... сказал я себе...

С улицы входит Ирина Ивановна и сразу же идет в гостиную.

ИРИНА ИВАНОВНА *(мужу)*. Ты зачем встал? Тебе лежать нужно.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сейчас, Ира, я лягу.

ИРИНА ИВАНОВНА. И что тут за кавардак?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Уйди, я тебя прошу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ложись сейчас же. *(Идет в спальню Люды).*

СЕРГЕЙ. Ирина Ивановна, деньги нашли.

ИРИНА ИВАНОВНА. Какие деньги?

СЕРГЕЙ. На осуществление проекта. Телеграмма пришла.

ИРИНА ИВАНОВНА. Где телеграмма?

СЕРГЕЙ. У Люды, кажется.

ИРИНА ИВАНОВНА *(зовет)*. Люда! *(Приходит Люда.)* Что там?

ЛЮДА. Дядя Миша инвесторов, кажется, нашёл. *(Отдаёт телеграмму).*

ИРИНА ИВАНОВНА. Да... *(Тяжело опускается на кровать).*

ЛЮДА. Мама, ты что такая? Ты не поняла? Папин небоскреб, оказывается, кому-то нужен! Мама!

ИРИНА ИВАНОВНА. Будь он проклят, этот небоскреб... *(Плачет).*

ЛЮДА. Что с тобой, мамочка?

ИРИНА ИВАНОВНА. У папы... Подозревают...

ЛЮДА. Что?

ИРИНА ИВАНОВНА. В онкологию нужно ложиться.

ЛЮДА. Не может быть...

ИРИНА ИВАНОВНА. Это горы его загубили. Мотался туда каждый год, а там — какая еда?!

СЕРГЕЙ. Разве в горах дело?

ИРИНА ИВАНОВНА. Знаю я!.. Весь извелся с этим проектом. Монолиты, перекрытия, демпферы, блоки — всю жизнь только о них и разговоры. Вот теперь и...

ЛЮДА. Мамочка, ты только ему не говори.

ИРИНА ИВАНОВНА. Знаю. Что я...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(входя к ним)*. Ирина, мне надо ехать все-таки.

ИРИНА ИВАНОВНА. Куда ты поедешь?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ирочка, пришла телеграмма от Миши.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я знаю.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Мне необходимо там быть. С проектом. Показать, как говорится, товар лицом.

ИРИНА ИВАНОВНА. Без тебя там не разберутся.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что ты говоришь?! Я не могу быть здесь, когда вся моя жизнь — там. У меня сердце может не выдержать. Я умру, и ты будешь в этом виновата.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я виновата? Я?! *(Заплакала.)* Как ты можешь так говорить?!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ну, что ты плачешь, глупенькая! Я пошутил. *(Обнимает её.)* Всё будет хорошо. *(Люда выскакивает в гостиную. Сергей идет за ней, но на полпути сворачивает на кухню).*

ИРИНА ИВАНОВНА. Тебе в клинику ложиться надо.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты была в больнице? Что там у меня нашли?

ИРИНА ИВАНОВНА. Подозревают язву желудка... Может быть, операцию придется делать.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Давай я слетаю, вернусь — и сделаем операцию. А лучше — спиртом. Ее спиртом лечат. Знаешь, как Вася Бушарин вылечился? По пятьдесят грамм каждый день. Через полгода и рубца не осталось.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не шути со здоровьем, Витя. Я договорилась. Тебя посмотрят, и если нужна будет операция — в среду приезжает Кабанов, он делает. Говорят, он очень хороший хирург.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. А сегодня у нас пятница... За четыре дня я успею. Туда и обратно. А, Ирочка? Деньги ведь все равно именно на это. Поверь, для меня это очень важно...

ИРИНА ИВАНОВНА. Дай-ка деньги сюда.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(смеется)*. Нет, Ирочка, денег я тебе не дам.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я тебя прошу.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ирочка, это внебюджетные деньги. Заработаны специально для поездки. И ты ими, пожалуйста, не распоряжайся.

ИРИНА ИВАНОВНА. Где они?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Какая разница? Всё равно ты их не получишь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Получу. Как это — «не получу»? *(Пытается обыскать его).*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(смеется)*. Шекотно же! Уйди! *(Вырывается.)*

ИРИНА ИВАНОВНА. Отдай по-хорошему.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Нет их у меня.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я о твоём здоровье пекусь. Пойми, тебе операция нужно делать, а не мотаться по горам.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. «По горам, по долам ходят шуба да кафтан» — кто это?

ИРИНА ИВАНОВНА. Ты — вот кто. Вылечись, потом — хоть на все четыре стороны.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. В Карпатах я сразу вылечусь. Вот увидишь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Где деньги? Я с тобой не в игрушки играю!..

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира, не отдам я тебе их.

ИРИНА ИВАНОВНА. Все равно ведь найду. *(Ищет деньги).*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(руководит поисками)*. Горячо, горячо... холодно. Теплее, теплее... жарко!.. *(Смеется)*.

ИРИНА ИВАНОВНА. Все равно я тебя никуда не пушу. Лягу на пороге перед дверью и буду лежать!.. Он от меня деньги спрятал! Нужны они мне больно! Поезжай, я тебя не держу. Катись!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Конечно, поеду.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ну и катись.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. И покачусь.

ИРИНА ИВАНОВНА. И катись.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. И покачусь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не издевайся надо мной. Отдай деньги!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не отдам.

ИРИНА ИВАНОВНА. Тебе же хуже будет.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Пусть.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ну что ж... Думаешь, я не найду?.. *(Продолжает поиски)*.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. На помощь!.. *(Открывает входную дверь, нажимает на кнопку звонка и вполголоса кричит с шутливым испугом.)* Карау-ул!.. Грабят!

Все громче и громче завывает сирена...

Затмение.

Картина четвертая

Прошел день и вечер. Наступила ночь. Квартира Гришечкиных погрузилась в темноту. Она освещена лишь тусклым ночником над постелью Люды, да еще в распахнутое окно гостиной, где на диване спит Сергей, бьет колеблю-

щийся свет уличного фонаря. Из спальни родителей кто-то прошел в кухню. Щелкнул выключатель. Осторожно вышел в прихожую со свечой в руках Виталий Павлович. Заглянув в гостиную, он робко и очень тихо позвал Сережу.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сережа... *(Пауза.)* Сережа... *(Не дождавшись ответа, подошел к телефону и, поставив свечу на пол, набрал номер).*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(шепотом)*. Девушка, доброй ночи. Скажите... Я не могу громче, я боюсь... Боюсь разбудить. Будьте добры, подскажите мне номер телефона справочной Ж/Д вокзала. Ж/Д — это железнодорожный, а не еврейский... Как вы сказали?.. Ночью они не работают? Почему?.. Ну да, конечно... Извините... *(Посидев в нерешительности возле телефона, он снова набрал номер.)* Девушка, а авиабилеты тоже спят?.. Секс по телефону? А куда это? То есть, я хотел сказать... *(Снова набрал номер телефона.)* Девушка, вы можете принять телеграмму по телефону?.. Да? Жалко. Хорошо, я понял. Извините. Спокойной ночи. *(Положив трубку, Виталий Павлович задумался, а затем уже более решительно обратился к Сергею).*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сережа... *(Потрогал спящего.)* Сережа...

СЕРГЕЙ *(сквозь сон)*. Отстань.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сережа, ты не спишь?

СЕРГЕЙ *(проснувшись)*. Что случилось?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сережа, я хотел с тобой посоветоваться.

СЕРГЕЙ. Прямо сейчас?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Понимаешь, у меня что-то сегодня бессонница. В голову разные мысли лезут.

СЕРГЕЙ. Бывает... *(Пауза.)* Говорите.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты ведь изучаешь физику?

СЕРГЕЙ. Ну...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты знаешь мой проект? Высота основного корпуса — 1067 метров. Если сделать сквозное отверстие?

СЕРГЕЙ. Ну и что?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Как это что? Перепад давления и температуры. Воздух должен стремиться вверх. Как в заводской трубе, правильно?

СЕРГЕЙ. Правильно.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Если поставить в трубе турбогенератор? Он должен вырабатывать ток.

СЕРГЕЙ. Не понимаю.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. На заводе труба чем выше — тем лучше. Почему?

СЕРГЕЙ. Тяга чтобы лучше была.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Правильно. На заводе труба — пятьдесят метров, а у нас будет — тысяча. Представляешь, какая тяга?

СЕРГЕЙ. Допустим.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Понимаете, Серёжа... Если бы с этими трубками что-нибудь получилось... Их очень много проложить можно. Все стены и перегородки прямо на стройкомбинате трубчатыми делать. Даже если одна трубка будет производить энергию только для

одной квартиры, можно было бы поставить здание на самостоятельное энергообеспечение.

СЕРГЕЙ. Вы вечный двигатель никогда не пробовали построить?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ну почему, Сережа? Я ведь не из ничего энергию хочу получить. Конечно, я понимаю...

СЕРГЕЙ. Вы удивительный человек, Виталий Павлович. Сейчас каждый на себя одеяло тянет. Иначе не выжить. А вы чего-то выдумываете. Стараетесь человечество осчастливить...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Глупо, да?

СЕРГЕЙ. Не глупо. Гениально. Но не вовремя, мне кажется.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Кто знает. Вовремя — не вовремя. Хочется что-то сделать, чтоб не завидовать богатеньким Буратиным.

СЕРГЕЙ. Кому вам-то завидовать?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(горячо, но шепотом)*. Я не хочу никому завидовать, Сережа. И не буду. Кому сейчас завидовать? Серости? Нежестову? Посредственности, дорвавшейся до власти?!

СЕРГЕЙ. Деньги сейчас у власти. А их заработать — тоже надо уметь.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да ради бога! Пусть зарабатывали бы! И почестному, и как угодно! Но чтоб хотя бы знали, зачем им эти деньги нужны.

СЕРГЕЙ. Они знают.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я, когда распадаться Союз стал, радовался, как ребенок. Голосовал за независимость, за Чорновила. Мне казалось, украинцы в землю свою вцепятся... траву будут есть, если надо будет, — но докажут всему миру, чего они стоят. Богатейшая ведь земля! И заводы, и наука. И не последнее место в Европе по потенциалу экономическому.

СЕРГЕЙ. Разворовали всё.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да пусть воруют, раз время такое пришло! Но наворованное не надо! «Геть з Ридной Неньки!». Пусть будут «Геть, москалі!» — я готов с этим согласиться. Для светлого будущего Украины — ради бога! Готов пострадать. Ещё когда голосовал за независимость, готов был. А что получилось? За что боролись?

СЕРГЕЙ. Переходный период, Виталий Павлович. Это неизбежно.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что неизбежно? Истребление собственного народа неизбежно? Нищенство неизбежно? Безысходность неизбежна? Депутатские хари неизбежны?!.. Бесстыжие зажавшиеся вольнодумцы! — Это ведь и во сне не могло бы присниться такое словосочетание...

Пауза.

А ты говоришь — завидовать!.. Кому?.. Клерку аппаратному? Барыгам? Ментам? Янычарам с Абиссинии?..

СЕРГЕЙ. Не надо никому завидовать.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. А я о чём?! *(Смеется.)* Пусть нам завидуют!

СЕРГЕЙ. И будут ведь когда-нибудь!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Жаль только — жить в эту пору прекрасную...

В гостиную входит Люда.

ЛЮДА. Вы тоже не спите?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Вот еще одна полуночица.

ЛЮДА. Можно и я с вами пошепчусь?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Опоздала.

ЛЮДА. А про что вы тут говорили?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Так... Митинговали... Папа у тебя чуть перпетуум-мобиле не изобрел.

ЛЮДА. Расскажите.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Иди-ка лучше спать, дочка.

ЛЮДА. Не пойду, пока не расскажете. Папа! *(Обнимает отца)*.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. У тебя глупый смешной отец. *(Прижимает ее к себе.)* И сам не спит, и другим не дает.

ЛЮДА. Ты не глупый, папа. Ты самый хороший. Знаешь, когда я тебя первый раз полюбила? Когда ты часы потерял, а мама тебя ругала. Я придумала накопить денег в копилке и купить тебе новые.

СЕРГЕЙ. Купила?

ЛЮДА. Тогда мороженое очень вкусное делали, а мне лет шесть было... Но рубль с чем-то я насобираала.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(смеется)*. Нужно было сказать, я бы тебе больше денег на мороженое давал.

ЛЮДА. Так не интересно. Это ведь была тайна. Я страшную клятву какую-то давала.

ИРИНА ИВАНОВНА *(заходит в гостиную)*. Быстро спать. Посмотрите на них! Полночи прошло, а они сидят. Дусик, в кровать.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Иду.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не «иду», а вставай. Я ведь тоже не сплю из-за тебя.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ирочка!

ИРИНА ИВАНОВНА. Пошли, пошли. *(Уводя мужа.)* Людмила, ты тоже ложись.

Родители уходят. Пауза.

ЛЮДА. Поздно уже... Папа тебя разбудил?.. *(Поднимается.)* Сережа! Сегодня днём глупо получилось. Я разозлилась непонятно почему...

СЕРГЕЙ. Прости, Люда. *(Люда присаживается. Пауза)*.

ЛЮДА. Тебе Инна вечером звонила.

СЕРГЕЙ. Может быть, всё обойдется, Люда? Они ведь точно не сказали. Только подозревают. *(Пауза)*.

ЛЮДА. Я не знаю, что буду делать, если папа...

СЕРГЕЙ. Нужно добиться направления в онкологический центр. В Киев. Может быть, там вылечат.

ЛЮДА. Лучше бы я заболела.

СЕРГЕЙ. Нельзя так говорить.

ЛЮДА. Что я? А папа будет строить Воздушный Замок.

СЕРГЕЙ. Странно...

ЛЮДА. Ничего тут странного нет.
СЕРГЕЙ. Мне сначала казалось, что ты...
ЛЮДА. А я?
СЕРГЕЯ. Ты молодец, что в иняз поступила. Музыка музыкой, но надо и...
ЛЮДА. Не надо, Сережа.
СЕРГЕЙ. Ты меня не дослушала.
ЛЮДА. Я, наверное, не буду там учиться.
СЕРГЕЙ. Почему?
ЛЮДА. Может, и буду, только музыку я не брошу.
СЕРГЕЙ. Это – пожалуйста.
ЛЮДА. Врач сказала, что с руками у меня уже лучше.
СЕРГЕЙ. Это пока ты не играешь.
ЛЮДА. Я уже играю потихоньку. Хочешь послушать?
СЕРГЕЙ. Спят же все.
ЛЮДА. Я потихоньку. *(Присаживается к инструменту).*
СЕРГЕЙ. Это пока ты не играешь. Сейчас Ирина Ивановна придет.
ЛЮДА. Она на музыку не реагирует. Привыкла. *(Перебирает клавиши.)* Ты в церкви был когда-нибудь?
СЕРГЕЙ. Конечно... Заходил.
ЛЮДА. Мне там странно.
СЕРГЕЙ. Чего бояться?
ЛЮДА *(после паузы)*. Как нескладно у меня всё.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(крадучись входит в гостиную.)* Люда, нельзя. Тебе руки беречь надо.
ЛЮДА. Я чуть-чуть, папа. *(Продолжает играть).*
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Смотри осторожней. *(Подсаживается к Сергею.)* Сережа, я могу вас попросить?
СЕРГЕЙ. Зачем спрашивать. Конечно.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Мне, право, неудобно вас тревожить...
СЕРГЕЙ. Говорите.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не могли бы вы пойти отправить телеграмму?
СЕРГЕЙ. Сейчас?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Мише. В Карпаты. Я пытался по телефону, но там... Что-то не получается...
СЕРГЕЙ. Виталий Павлович... Можно утром отправить.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я боюсь, утром она его не застанет. Куда-нибудь умотается по делам. Сегодня он, по всей вероятности, еще там. Телеграмму он оттуда отправлял. А завтра – кто его знает.
ЛЮДА. Давай, папа, я схожу.
СЕРГЕЙ. Ну, вот еще! *(Встает.)* Давайте текст.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Текст несложный...
ЛЮДА. Сережа, подожди меня, я тоже пойду.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Люда, поздно уже.
ЛЮДА. Ничего страшного. Сережа, не уходи без меня.
СЕРГЕЙ. Я один схожу.
ЛЮДА. Ну и ладно. *(Уходит к себе).*
СЕРГЕЙ *(одеваясь)*. Так какой текст?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сейчас... «Огромное спасибо. Телеграфируй подробности. Виталий». Запомните?
СЕРГЕЙ. Уже запомнил.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я все-таки, на всякий случай, запишу. *(Пишет.)* Вот и адрес... Сережа, как у вас с деньгами? А то мама сейчас...
СЕРГЕЙ. У меня есть.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я потом отдам.
СЕРГЕЙ. Ой...
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Быстрее возвращайтесь. Я буду ждать.
СЕРГЕЙ. Ложитесь лучше спать, Виталий Павлович.

Сергей уходит. Посидев немного в полумраке, Виталий Павлович включил свет, разложил листы ватмана, обеспокоенно склонился над одним из чертежей, затем закрепил его на кульмане, достал чертежные принадлежности и принялся за работу... Люда в своей кровати уткнулась в подушку... Опять появилась в гостиной заспанная Ирина Ивановна.

ИРИНА ИВАНОВНА. До каких пор это будет продолжаться?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сейчас, Ира.
ИРИНА ИВАНОВНА. А где Сергей?
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я попросил его телеграмму Мише отбить.
ИРИНА ИВАНОВНА. Какую телеграмму?! Ночью! Стыда у тебя нет. Одного? *(Заглядывает к Люде, потом возвращается.)* Марш в постель.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира, я работаю.
ИРИНА ИВАНОВНА. Никаких работ. Когда здоровье было, я тебе не мешала, а теперь – спать.
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я все равно не усну.
ИРИНА ИВАНОВНА. Ты лежать должен. *(Почти насильно уводит мужа. И тут же долгая сирена входной двери. В прихожей появляются испуганные Ирина Ивановна и Виталий Павлович. Соскочила со своей кровати и выбежала в коридор Люда. Ирина Ивановна открывает дверь. В квартиру входит возбужденный и радостный Лёник.)*
ИРИНА ИВАНОВНА. Что случилось, Лёник?
ЛЁНИК. Свет! Полный свет! Включите иллюминацию!
ЛЮДА. Явился. *(Уходит к себе. Отец тоже скрылся в своей комнате).*
ИРИНА ИВАНОВНА. У тебя что, ключей нет?
ЛЁНИК. Мама! О каких ключах ты говоришь? Я тебя прошу включить свет. Хотя это ты можешь для меня сделать?
ИРИНА ИВАНОВНА. Могу. Конечно, могу. *(Щелкает выключателем).*
ЛЁНИК. Ну?!
ИРИНА ИВАНОВНА. Что с тобой, сынок?
ЛЁНИК. Ты ничего не замечаешь?
ИРИНА ИВАНОВНА. Нет.
ЛЁНИК. А-а! О чём с тобой говорить?!
ИРИНА ИВАНОВНА. Ты какой-то сегодня...
ЛЁНИК. Да! Да, мама! Сегодня, наконец, и на моей улице праздник!
ИРИНА ИВАНОВНА. Что-нибудь... С работой?
ЛЁНИК *(смеется)*. Какая проза, мама! Разве это повод для иллюминации?

ИРИНА ИВАНОВНА. А что — повод?

ЛЁНИК. Короче, мне деньги нужны.

ИРИНА ИВАНОВНА. Сколько?

ЛЁНИК. Сколько! Много, и сейчас.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, ты же знаешь, у нас...

ЛЁНИК. Знаю. «У нас нет таких денег!». Тысячу раз слышал.

ИРИНА ИВАНОВНА. Сколько тебе нужно?

ЛЁНИК. Пятьсот.

ИРИНА ИВАНОВНА. Пятьсот рублей?!

ЛЁНИК. Маман, мы не в Совдепии. У нас теперь другие денежные знаки.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ну, гривен. Какая разница, я путаюсь...

ЛЁНИК. Чтобы не путаться, отстегни мне пятьсот баксов — и дело с концом.

ИРИНА ИВАНОВНА. Пятьсот долларов?

ЛЁНИК. Да! Да, маменька! Пятьсот долларов. Баксов. Зелененьких.

ИЛИ пятьсот условных единиц, если заниматься казуистикой.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ты говоришь о таких деньгах, Лёник... Мы ведь их не печатаем.

ЛЁНИК. Да?! А могли бы. Это, говорят, очень несложно. Соорудили бы где-нибудь под кроватью печатный станок и потихоньку, чтобы никто не видел...

ИРИНА ИВАНОВНА. Долго ты нас мучить будешь?

ЛЁНИК. Человек в муках рождается и в муках умирает. Бывают, правда, сладостные муки — творчества, например... но нам их не понять и говорить о них не стоит. Бывают сердечные, это уже ближе к теме. Эти муки доступны каждому, у кого в груди бьется пламенное сердце с испепеляющей любовью к ближнему, а когда ближний в отъезде, то к дальнему, который, при некоторых обстоятельствах, ближе иного ближнего.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я тебя не понимаю.

ЛЁНИК. Зато как красиво, да? Надо бы мне заняться словоблудием на бумаге. Что-то внутри у меня — я чувствую — к этому расположено. Сочинять какие-нибудь трактаты о богах. Знаешь, был один очень занятный бог. Эрос, кажется. Может быть, слышала?

ИРИНА ИВАНОВНА. Да.

ЛЁНИК. Да?! Удивительно. А я думал, что ты, кроме Гименя, ничего не знаешь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Иди сюда. *(Заводит сына в гостиную.)* Зачем тебе такие деньги?

ЛЁНИК. Нужны.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ты что, взятку хочешь дать этим... военным?

ЛЁНИК *(смеется)*. Со слугами Марса, боюсь, сопьюсь. Я, матушка, поближе к Гиппократам.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не понимаю.

ЛЁНИК. Ну какая тебе разница? Придумай сама — «зачем», если не понимаешь. Нужны — и всё.

ИРИНА ИВАНОВНА. Как ты разговариваешь со своей матерью?!

ЛЁНИК. Прости. Конечно, это... Трактаты себя изжили. Анонимки

— пошло. А вот на миниатюры меня хватит. И идея уже есть. Представляешь, человек-таракан. Большой двухметровый таракан. Усики, ножки штук восемь и всё прочее. Сидит в комнате. Выйти нельзя, стыдно перед людьми. Да и страшно — кто-нибудь придавит. Что делать? Ужас! Сердце вот-вот выпрыгнет. Куда деваться? Только под кроватью и оставаться, да?

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!

ЛЁНИК. Жалко, что Кафка написал уже. Обсасывать чужие идеи — убожество. Как ты считаешь?

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, пожалей нас. Ты взрослый человек. У меня уже нет сил. Пять, десять, двадцать пять... По сто несколько раз давали. А теперь — три тысячи. У нас же...

ЛЁНИК. Не печатная машина.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я не могу дать тебе таких денег.

ЛЁНИК. Дашь, мама. Разве ты можешь отказать любимому сыну?

ИРИНА ИВАНОВНА. Где я их возьму?

ЛЁНИК. Их не надо нигде брать. Они у тебя есть.

ИРИНА ИВАНОВНА. На поездку?

ЛЁНИК. Конечно.

ИРИНА ИВАНОВНА. Это не мои деньги. Ты знаешь.

ЛЁНИК. Мои — не мои... Какие могут быть счета? Наши деньги.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, ты ведь знаешь, что для отца эти поездки... Я не могу...

ЛЁНИК. Сможешь, мама. Сможешь, если захочешь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Не могу, Лёник. Теперь — не могу. Я сегодня была в поликлинике, такое несчастье... Врачи подозревают у отца...

ЛЁНИК. Рак?

ИРИНА ИВАНОВНА. Да... Может быть, это его последняя поездка.

ЛЁНИК *(после паузы)*. Тем более. Нечего ему там делать. Пусть ложится в больницу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Я ему тоже это говорю. Но он... И деньги мне не отдал. Принес и спрятал.

ЛЁНИК. От тебя? И ты не можешь найти?

ИРИНА ИВАНОВНА. Я всё обыскала. Правда, Лёник.

ЛЁНИК. Так я тебе и поверил. Не найти у себя в доме... *(Выдвигает ящик серванта, роется в нем, затем сбрасывает содержимое на пол. Из своей комнаты выходит Виталий Павлович.)*

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что здесь происходит?

ИРИНА ИВАНОВНА. Ничего странного, Дусик. Иди к себе.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Прекратите сейчас же это... Безобразие... *(Хотел ещё что-то сказать, но передумал и ушёл к себе. Пауза. Лёник включил магнитофон и отошел к окну.)*

ИРИНА ИВАНОВНА. Сын... *(Пауза.)* Я сейчас попробую... *(Уходит в свою комнату. В гостиную решительно входит Люда, молча включает музыку и уходит. Лёник тут же включает магнитофон. Люда снова решительно входит в гостиную.)*

ЛЁНИК. Уйди.

ЛЮДА. Выключи. Ты мне спать мешаешь.

ЛЁНИК. Полежи, почитай. Нельзя так много спать. Разжиреешь. Замуж никто не возьмет.

ЛЮДА. Это не твоя забота. *(Пытается выключить музыку).*

ЛЁНИК. Отставить!

ЛЮДА. Ты человек или кто? Два часа ночи! Выключи, а то...

ЛЁНИК. Что?

ЛЮДА. Ничего.

ЛЁНИК. Иди спать, сестренка.

ЛЮДА. Псих.

ЛЁНИК. Занимайся своим делом, если не хочешь еще одного субботнего вечера. И не обязательно здесь, под окнами...

ЛЮДА. Испугал!

ЛЁНИК. Не испугал — так испугаю.

ЛЮДА *(передразнивая осеннюю беспомощность Лёника)*. Мама, мама!

ЛЁНИК. Ты чего добиваешься?

ЛЮДА. Ощущения гадливости. *(Уходит к себе, одевается и уходит из дома. Лёник отошел к окну и застыл возле него).*

ИРИНА ИВАНОВНА *(входит в гостиную)*. Вот, Лёник, я у него сорок гривен нашла. И у меня пятьдесят было. Долларов. Это всё.

ЛЁНИК. Мама! Разве ты не слышала? Мне нужно пятьсот, а не пятьдесят.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(выскакивает из спальни в гостиную)*. И передай своему сыночку: больше он ни рубля от меня не получит. Ни копейки.

ЛЁНИК. Я у тебя лично ничего же прошу, папа.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты не просишь? Ты не просишь — вымогаешь!

ЛЁНИК. Тебе вредно так волноваться. Пойди ляг.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Спасибо за заботу.

ЛЁНИК. Пожалуйста.

ИРИНА ИВАНОВНА. Правда, Дусик, пойди полежи.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не называй меня этим дурацким именем. Я тебе не пудель.

ЛЁНИК *(улыбаясь)*. Ого!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ *(жене)*. Полюбуйся! Вот тебе... Образец, так сказать...

ЛЁНИК. А что такое?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Оставь нас в покое. Существует же где-то предел... родительских обязанностей.

ЛЁНИК. А вы откажитесь от меня. Юридически.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты на мать посмотри... Хотя тебе наплевать. Деньги! Свет клином на них сошелся.

ЛЁНИК. В какой-то степени — да.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Жизнь на широкую ногу?!

ЛЁНИК. Только не надо о смысле жизни, папа. Пошло.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. А что у вас не пошло, позвольте полюбопытствовать?

ЛЁНИК. Папа, ну зачем тебе?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ты же просишь у нас деньги. Нам интересно знать, для чего они.

ЛЁНИК. Для чего сейчас? Я не хочу унижаться перед «кабанами» и откармливать дембелей, вот и всё.

ИРИНА ИВАНОВНА. Ужас какой-то!.. «Свинарка и пастух»...

ЛЁНИК. Вот-вот, и я о том же. А в принципе, деньги не фетиш, папа. Во всяком случае, для меня. Ещё объяснять? Всё избито, пережевано. Не лень тебе?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Нет, мне не лень узнать, чем живет мой сын.

ЛЁНИК. Просто живу... Разве это плохо? Просто жить. А, папа?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Это лягушка «просто живёт». А ты — человек.

ЛЁНИК *(взорвался)*. Не на-адо! Надоело! Человек, человек... Где он?

Покажи! *(Смеется.)* Я не человек! Допустим. Я — лягушка. А вы? Кто вы-то? Люди? С двумя высшими образованиями?! Со званиями и лауреатскими значками! Ну и что? Куда вас теперь?!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. В лепрозорий!

ЛЁНИК. А то куда же?! Там вам и место! Если по-человечески!..

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник...

ЛЁНИК. Эталоны, мать вашу!.. На вас посмотришь — не то что в лягушку, в дафнию превратиться хочется. А то они — чистенькие, а мы — будто с Луны свалились. Где вы были, чистенькие, когда мы с грязью смешивались? А?!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Почему-то кто-то находит примеры для подражания, а для тебя, видите ли...

ЛЁНИК. Какие примеры?! Юрий Гагарин? Дедушка Ленин? Или хапуга этот Животиков? Мамин.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Не трогай Гагарина! Хоть его-то...

ЛЁНИК. Перестань. Не напрягайся. Не отнимай у людей кусок хлеба.

ИРИНА ИВАНОВНА. Какой он «мой»?

ЛЁНИК. С маслом.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я виноват... Пусть... И главная моя вина в том, что я произвел тебя на свет.

ЛЁНИК. Не удивлюсь, если вдруг окажется, что ты в этом как раз и не виноват.

ИРИНА ИВАНОВНА. Как ты смеешь?!

ЛЁНИК. Да ладно! Чистенькие... *(Смеется)*.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Замолчи!

ЛЁНИК. Да?

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!..

ЛЁНИК. Думаешь, почему она передо мной всю жизнь на цыпочках ходит? Любопытный я в детстве был. Любил под кроватью прятаться. Тебе-то всё в Карпаты да в Карпаты!..

ИРИНА ИВАНОВНА. Неправда! *(Мужу.)* Он шутит, Виталий. Ты что, не видишь? От него сейчас что угодно можно услышать. Когда ему нужны деньги, ты знаешь, тут уж мама — не мама. Лёник, разве я заслужила от тебя такое?

ЛЁНИК. А разве нет? Скажи, папа!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Это не твое дело...

ЛЁНИК. А чьё? Я-то не человек разве был? Пусть маленький... Отец для ребенка — Бог, а ты?... Думали, если вы делаете вид, что в доме всё в порядке, то дети тоже... Слепые мы, что ли?!

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Это не оправдание подлости.

ЛЁНИК. Я – подлец?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Разве ты не видишь?

ЛЁНИК. Хорошо.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Противно ведь.

ИРИНА ИВАНОВНА (*мужу*). Отдай ему деньги – и он уйдет. Это в последний раз, Лёник?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ничего он не получит. Никаких денег.

ЛЁНИК. Получу. И не хочешь, а получу. (*Начинает рыться во всех ящиках серванта, вытряхивая содержимое на пол.*) Тут, главное, внимание и последовательность.

ИРИНА ИВАНОВНА. Витя, отдай. Не мучь ни себя, ни меня.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ни за что. Скорее умру, чем отдам.

ЛЁНИК. А ты думаешь – не умрешь? Нет? Туда ведь не возьмешь.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник! Нельзя так говорить!

ЛЁНИК (*отцу*). Отдашь деньги или нет?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Урод.

ЛЁНИК. Отдай деньги, последний раз прошу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, пожалей отца. Он болен.

ЛЁНИК. Вот пусть и отдает, раз болен. (*Отцу.*) Зачем они тебе? Все равно умрешь не сегодня завтра.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Я еще тебя переживу.

ЛЁНИК (*смеется*). Что ты говоришь?! Он меня переживет!.. У тебя же рак. Рак, понимаешь? Тебе жить-то осталось... О душе пора думать.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник!

ЛЁНИК. В Карпаты он собрался!.. За мрамором?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ира, это правда?

Ирина Ивановна всхлипывает.

ЛЁНИК (*матери*). Скажи ему, скажи, а то он мне не верит. Я для него – лягушка.

ИРИНА ИВАНОВНА. Уйди, Лёник... Он отдаст... Витя!.. Витенька, прости меня... Отдай ему деньги, Витя. Пожалей себя.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Фигу ему! (*Показывает сыну кукиш.*) Вот.

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник, подожди! (*Убегает в спальню.*)

ЛЁНИК. Ай-ай-ай... Разве можно? Интеллигентный человек!.. Градостроитель. Депутат горсовета... И фига. Вот откуда лягушки-то. Разве можно совместить кукиш с этим?... (*Берет чертеж с пола.*)

ИРИНА ИВАНОВНА (*возвращается*). Вот... Обручальное кольцо и перстень... А это... Я зубы хотела себе золотые сделать... Коронки. Возьми... тут больше, чем на пятьсот.

ЛЁНИК (*матери*). Подожди. «Здесь магнит поприятятельней». Небольшой психологический практикум... Папа. Хочу продать тебе проект. Дешево. Двадцатилетний труд за пятьсот долларов. По рукам?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*пытается встать с дивана*). Не прикасайся!..

ЛЁНИК. Значит – нет. Ну что ж... (*Рвёт один лист*).

ИРИНА ИВАНОВНА. Не трогай, Лёник!..

ЛЁНИК. Что волнуетесь? Все равно выбрасывать скоро. (*Выливает тушь на кульман, где закреплен еще один чертеж.*) Вот так. Так даже оригинальней... (*В квартиру входят Сергей и Люда.*) Прекрасно, по моему... (*Лёник продолжает издеваться над чертежами. Сергей и Люда входят в гостиную.*)

ЛЮДА (*бросается к отцу*). Папа!

СЕРГЕЙ (*Лёнику*). Не трогай!

ЛЁНИК. Разве теперь хуже, чем было? (*Размазывает тушь по «замку».*)

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ (*беспомощно*). Сережа...

СЕРГЕЙ (*набрасывается на Лёника*). Убью! Урод! (*Бьет его*).

ИРИНА ИВАНОВНА. Серёжа! Что вы делаете?! Серёженька!..

Пытается оттащить Сергея от Лёника.

СЕРГЕЙ. Ему нельзя жить!.. Нельзя...

ЛЮДА. Серёжа!

ЛЁНИК (*освободившись от Сергея*). Та-ак... Хорошо...

ИРИНА ИВАНОВНА. Лёник! У тебя кровь...

ЛЁНИК. Это то, что нужно.

ИРИНА ИВАНОВНА. Сережа, как вы могли?.. Лёник... Подожди... Сейчас... Я лёд принесу из холодильника...

ЛЁНИК. Не надо. Вызови «скорую». Пусть освидетельствуют. Я ему устрою...

ИРИНА ИВАНОВНА. Сережа... Вы... Вы зверь. У него кровь... (*Берет телефонную трубку*).

ЛЮДА. Мама, опомнись! Что ты делаешь? (*Выдергивает телефонный провод из гнезда*).

ИРИНА ИВАНОВНА. Надо же «скорую» вызвать.

ЛЮДА. Зачем?

ИРИНА ИВАНОВНА. Как «зачем»?

ЛЁНИК (*сестре*). Заступница. Думаешь, у меня карточки телефонной не найдется? Найдем. И на милицию найдем. (*Уходит из дома*).

ИРИНА ИВАНОВНА (*растерявшись*). Лёник, ты куда?.. Лёник... Витя... Люда... Доченька... Лёник!.. (*Устремляется за сыном*).

ЛЮДА (*после паузы*). Сережа, ты не бойся. Пусть приезжают. Тебе ничего не будет.

СЕРГЕЙ. Зверей нужно наказывать.

ЛЮДА. Не переживай, Сережа... Папа! Папка!..

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ничего... Ничего...

ЛЮДА. Нужно «скорую» вызвать.

СЕРГЕЙ. Уже вызывают.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Сережа... Это я виноват. Он... Он такой, какого мы слепили... (*Приподнимается*).

ЛЮДА. Папа, не вставай.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Что уж теперь... (*Пауза*).

ЛЮДА. Тебя вылечат, папа.

СЕРГЕЙ. Сейчас многих вылечивают. Подумаешь – язва...

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Да, да... Язва... Язва... Сережа, подайте мне

футляр. (Сергей подает ему футляр для чертежей. Виталий Павлович достает оттуда деньги.) Деньги. Не мог сообразить. Не аналитик.

ЛЮДА. Лучше бы ты отдал ему их.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ему не деньги нужны были...

СЕРГЕЙ. Виталий Павлович, я телеграмму отправил. Молнию.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Миша нас будет ждать... А у нас – язва...

ЛЮДА. Папа! Всего три листа испорчено. Можно восстановить.

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Зачем? Не замки нужны... Набросились.

Зеленые палочки, синие птицы, овечки. Долли... Каждый себе. И я. Я... Кому мантии, кому замки, кому корыта... А самого простого не умеем. Разучились – самое главное. Или просто забыли, что самое главное... (Откинулся на подушку).

СЕРГЕЙ. Надо что-то делать. Сейчас же. Потом поздно будет...

В квартиру врывается Ирина Ивановна и бросается к мужу.

ИРИНА ИВАНОВНА. Тебе плохо?

ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Ничего, ничего...

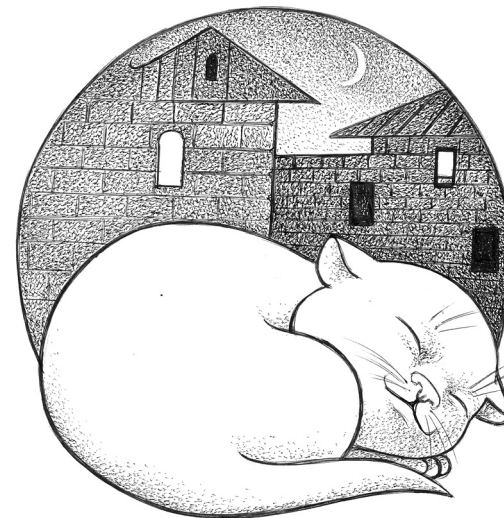
ИРИНА ИВАНОВНА. Не плачь, Витенька... Всё пройдет. Вот увидишь. Мы ещё все вместе в твоём «замке» жить будем... Все, все, все... там... будем.... Ты вылечишься, и мы уедем.... Туда.... Насовсем.... Да?...

В это время завывает сирена входной двери. Все замерли.

ИРИНА ИВАНОВНА. Прости нас, господи...

Занавес

1978, 2002 гг.

Детские игры

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВЕНЯ,
ПАВЛИК,
ШУРИК, – школьники
ТАНЯ
ОЛЕГ
МАМА ВЕНИ
УЧИТЕЛЬНИЦА
ГЕНЕРАЛИССИМУС
ФАШИСТ
КЭП

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вот отличные игрушки:
Это — танки, это — пушки.
Вот тягач ракету ташит.
Он почти как настоящий.

Мы ведь шутим, мы играем,
Понарошку умираем.
И стреляем понарошку.
Ты — в Олежку,
Я — в Антошку.

А вот с этим пулемётом
Ты один заменишь роту.
А возмёшь гранаты эти —
Будешь всех сильнее на свете.

Мы ведь шутим, мы играем,
Понарошку убиваем.
Хоть обидно, но не больно.
На сегодня всё. Довольно.

Грохот боя.

В лучах прожекторов фигура Генералиссимуса.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Огонь!.. Огонь!.. Смелее, братва!.. Стреляйте. Стреляйте в меня. Опять недолёт. Лучше цельтесь, ребята! В меня! В меня, кому говорю! Вот так. Вот так!.. Расстреливайте меня, не бойтесь. Я не обижусь, если и попадёте. От своих и пуля слаще... Огонь!.. Огонь!.. *(Оглядывается.)* А-а! ... Не нравится!.. Побежали?! ... *(Смеётся.)* Куда же вы, голубчики?.. ФОРВЕРСТ!.. Как же вы без меня? Ещё! Ещё им, ребята! Огонь, милые!.. Взяли, фрицы поганые, пленного?!.. Ничего!.. Мы ещё встретимся! Мы ещё повоюем!..

В грохот боя врываются детские восторги: Ура-а! Ура-а!..

Картина первая

Школьная спортивная площадка. Баскетбольный щит. Под щитом Олег, Шурик, Павлик, Веня. Весна.

ВЕНЯ. Ура-а! Я закончил! Всё. *(Павлику.)* Кати!..

ПАВЛИК. Мне ещё отыгрываться.

ШУРИК. Ничего подобного. *(Устанавливает мяч.)* Давай...

ПАВЛИК. Ладно. *(Становится на четвереньки и катит мяч носом по периметру площадки.)*

ВЕНЯ. Носом, носом, кати, а не лбом. *(Смеётся.)*

ПАВЛИК. А я чем?

ВЕНЯ. Кати, кати! *(Павлик катит.)* Поехали!.. *(Садится верхом на Павлика.)* Цоб-цобе!..

ПАВЛИК. Пусти! *(Сбрасывает Веню.)* Я тебе сейчас... как дам!..

Набрасывается на Веню. Потасовка.

ВЕНЯ. Кати, кати.

ПАВЛИК. Сам кати.

ВЕНЯ. Да?! *(Продолжают драку.)*

ОЛЕГ. Ну, хватит, петухи.

ПАВЛИК *(Вене)*. Ещё хочешь?

ВЕНЯ. Попробуй.

ПАВЛИК. На ещё. *(Опять драка.)*

ШУРИК. Отставить. *(Разнимает дерущихся.)*

ПАВЛИК *(Вене)*. Получил?

ВЕНЯ. Кто? Ты?

ПАВЛИК. Ага. Я.

ВЕНЯ. Кати вон... Носиком.

ПАВЛИК. Разбежался.

ВЕНЯ. Чего?!

ПАВЛИК. Что слышал.

ВЕНЯ. Проиграл?

ПАВЛИК *(Олегу)*. А чего он? Мешал — пусть теперь сам и катит.

ВЕНЯ. Договор дороже денег.

ОЛЕГ. Кстати, как там у нас с боеприпасами? Много набралось?

ШУРИК. Если б отдали, на сегодняшний бой бы хватило.

ПАВЛИК. Нету.

ВЕНЯ. Я вам должен 60 копеек, а Павлик — два ре. Правильно?

ПАВЛИК *(Вене)*. Тебе-то чего надо?

ВЕНЯ *(Олегу)*. Чего он?

ОЛЕГ. Катить не хочет?

ВЕНЯ. Драться ещё лезет.

ПАВЛИК. А чего он мешает?!

ОЛЕГ *(Вене)*. Слышал?

ВЕНЯ. Ага! Может, я за него должен катить? Когда я проигрывал, то ничего...

ШУРИК. Он тебе не мешал.

ВЕНЯ. А как вы меня?

ОЛЕГ. Что?

ВЕНЯ. ... Да, всегда!

ШУРИК. Э... *(Берёт мяч.)* Может, на Таньку сыграем?

ОЛЕГ *(Шурику)*. Погоди ты со своей Танькой.

ШУРИК. Какая она моя?

ОЛЕГ *(Вене)*. Так что будем делать?

ВЕНЯ. Чего? Пусть работает.

ПАВЛИК. Не буду!

ОЛЕГ *(Вене)*. Значит, тебе придётся.

ВЕНЯ. Ещё ничего не придумаешь?
 ОЛЕГ. Шурик, поставь мяч.
 ШУРИК (*устанавливает мяч*). Пожалуйста... (*Вене*). Я жду...
 ВЕНЯ. Так нечестно.
 ПАВЛИК. А садиться на меня – честно?
 ВЕНЯ. Не буду.
 ОЛЕГ (*Шурику*). А ну-ка!..

Веня пытается убежать. Павлик подставляет ему ножку. Веня падает.

ПАВЛИК. Куда?!
 ШУРИК (*прижав Веню коленом к земле*). Шустрый какой!
 ОЛЕГ (*взяв Веню за ногу*). Берите за руки. (*Шурик с Павликом выполняют приказ*.) Понесли. (*Подносят Веню к мячу*).
 ШУРИК. Покатили!
 ВЕНЯ. Пустите!

Затемнение... Из темноты луч света вырывает фигуру Генералиссимуса.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Куда руку крутишь?.. Пустите! Больно же, сволочи!.. Ломайте, ладно... Без рук, что ли, не проживём... Да больно же, вам говорят!.. Мало вам, гадам, под Сталинградом досталось!.. Ещё припунете – у нас не заржавеет.... Бейте, бейте... Ах вы!.. Черти полосатые!..

И снова баскетбольная площадка.

ШУРИК. Вот так! Вот так!..
 ПАВЛИК (*радостно смеётся*). Цоб-цобе!..
 ВЕНЯ (*пытается вырваться*). Отпустите!.. Справились, да?.. Ну, что вы?!.. Пустите!.. Больно!.. (*Вырывается*).
 ШУРИК (*Вене*). Хватит?
 ВЕНЯ. Ладно... Я вам припомню!.. Справились, да?.. Ещё посмотрим. Я вот... Один на один – слабо, так вы втроём?..
 ОЛЕГ. Ой, ой.
 ВЕНЯ (*Олегу*). Чего смеёшься? Думаешь, не знаю, почему ты так перед ним? (*Кивает на Павлика*).
 ОЛЕГ. Почему?
 ВЕНЯ. Нож он тебе пообещал охотничий у отца стибрить, вот ты и юлишь перед ним.
 ОЛЕГ (*смеётся*). Чего мне юлить? Он и так мне его почти проиграл.
 ШУРИК. Ещё пару ре – и тью-тью ножичек.
 ВЕНЯ (*Шурику*). Ты-то помолчи, Тупик.
 ШУРИК. Но-но! Недоносок.
 ВЕНЯ (*бросается на Шурика*). Я?!.. Недоносок?!..
 ШУРИК (*отбрасывает Веню от себя*). А кто же? Я что ли?
 ВЕНЯ. Ах ты!.. Аликин сын. И сам аликом будешь. Вон нос уже и сейчас красный, а потом, как у отца, – посинеет.
 ШУРИК. Ах ты! (*Кидается на Веню*).
 ОЛЕГ. Саня, успокойся.

ШУРИК. Да я его!..
 ОЛЕГ. Ладно – мир.

Пауза. Все приводят себя в порядок.

ШУРИК. Каждый ещё отцом будет попрекать...
 ВЕНЯ. А какой я тебе недоносок?
 ШУРИК. Зеркало тебе дать?
 ВЕНЯ. Между прочим, все великие люди были маленького роста.
 ШУРИК (*с ехидством*). И Поддубный?
 ВЕНЯ. При чём здесь Поддубный? Наполеон хотя бы.
 ОЛЕГ. Не надоело вам, полководцы?
 ШУРИК. Да я – чего?.. Он – вон...

Пауза.

ОЛЕГ. Может, всё-таки, на передовую... К Генералиссимусу сходить?
 ШУРИК. Боеприпасов нет.
 ОЛЕГ (*Вене*). У тебя тоже нет?
 ВЕНЯ. Денег? Откуда?

Пауза.

ОЛЕГ. Поиграть хочется.

Пауза.

ШУРИК. Давайте хоть Таньку разыграем.
 ВЕНЯ. Что ты со своей Танькой? Надо тебе – провожай.
 ШУРИК. Нашёл дурака.
 ПАВЛИК. Мне бы тышу давали – не пошёл бы. С девчонкой иди!..
 Да я бы... О чём с ними говорить?!
 ШУРИК. За тышу я бы пошёл... Только ночью, чтоб никто не видел.
 ОЛЕГ. Зато сколько пятнашек наменять можно!
 ШУРИК (*смеётся*). Играй от пуза!
 ПАВЛИК. Да-а... Сейчас поиграть бы...

Пауза.

ОЛЕГ. Правда, что ли, Таньку разыграть?..
 ПАВЛИК. Как?
 ОЛЕГ. Кто проиграет – пойдёт провожать. Хоть посмеёмся.
 ПАВЛИК. Да ну её.
 ШУРИК. Слабо?
 ВЕНЯ. Вам-то с Олегом хорошо говорить, вы за два раза выходите. А нам с Павликом опять отдувайся.
 ОЛЕГ. Пусть у вас с Павликом по десять очков будет, а мы с Саней – с нуля.
 ШУРИК. Нет, десять много...

ПАВЛИК. Ага! Слабо?..
 ШУРИК. Что им?.. Одиннадцать всего набрать?.. Венька не хуже меня попадает.
 ВЕНЯ. Слабо?!
 ОЛЕГ. Не дрейфь, Шурик.
 ШУРИК. Ладно, давай. *(Берёт мяч.)* Я первый!
 ПАВЛИК. Только, чур, можно отыгрываться.
 ОЛЕГ. Конечно.

Ребята начинают игру. Попадание мяча в баскетбольную корзину вряд ли осуществимо по воле автора, поэтому имеет смысл объяснить только условия игры: очередной игрок делает первый бросок со штрафной отметки и, в случае попадания, получает три очка. После отскока мяча от земли *(при попадании или нет — безразлично)* игрок обязан поймать мяч и, в случае необходимости сделав два шага, бросить мяч повторно. За второе попадание — 2 очка. Затем, не дав мячу опуститься на землю, следует поймать его и бросить в третий раз — 1 очко. При наборе максимальной суммы в серии *(6 очков)* игрок выполняет ещё одну попытку, а при повторной удаче — третью и т.д. Набранные очки плюсятся. Если очков набрано меньше шести в попытке, мяч передаётся следующему. При этом сумма очков сохраняется. Игра ведётся до 21 очка.

ОЛЕГ. Никаких отговорок, да?
 ШУРИК. Зачем? Договорились же!
 ПАВЛИК. А когда?
 ВЕНЯ. Провожать? *(Смеётся.)* У неё спросишь.
 ПАВЛИК. Очень она мне нужна!
 ВЕНЯ. Говори, говори!.. Знаем мы!

Все смеются.

ПАВЛИК. Что ты знаешь?
 ВЕНЯ. Знаем. Не проболтаемся!
 ПАВЛИК. Как сейчас дам!..

Все смеются.

ШУРИК. Не любит!..
 ПАВЛИК *(Шурику)*. Это ты, может, любишь, вот и провожай.
 ШУРИК. Я? Кого? Таньку, что ли! Да я её!.. Тыфу ты... Вот ещё... *(Все смеются.)* Ходит как эта... Цица!..

Все смеются.

ОЛЕГ. Кто?
 ШУРИК. Жар-птица! *(Все смеются.)* У неё и списывать-то... Семь потов сойдёт, а тут — провожать... Чего ей говорить-то?! *(Смеётся.)* Про задачки?! *(Все смеются.)* Как там Розалия? *(Копирует учительницу.)* «Танюша, помогите, пожалуйста, Звягинцеву... Э-э... Разделить числитель на знаменатель...» *(Все смеются.)*

ПАВЛИК. Лучше уж полы каждый день дома мыть.
 ШУРИК. Ага. Или на хор ходить.

Появляется мама Вени.

ОЛЕГ. Здравствуйте.
 МАМА. Здравствуйте, мальчики... Вениамин, это ты так хлеб покупаешь?
 ВЕНЯ. Mam, там чёрствый был... Сказали, что скоро свежий привезут...
 МАМА. И в каком ты виде? Застегнись. Тебе что, жарко?
 ВЕНЯ. Mam... Тепло ведь.
 МАМА. Нос вытри лучше... Тепло... Ты уроки приготовил?
 ВЕНЯ. Да.
 МАМА. Проверю.
 ВЕНЯ. Мама, я скоро приду.
 МАМА. Через полчаса чтобы был. Я второй раз разогреть не буду.
 ВЕНЯ. Хорошо.
 МАМА. И хлеб не забудь купить... До свиданья, ребята.
 ВСЕ. До свиданья.

Мама уходит. Пауза.

ПАВЛИК. У тебя — ещё ничего. А мне бы уже: домой — и никаких.
 ШУРИК *(Вене)*. Ты что, правда, уроки сделал?
 ВЕНЯ. Ты что? Когда?
 ОЛЕГ. Обманывать нехорошо. *(Все смеются.)*
 ВЕНЯ. Перебьётся.
 ПАВЛИК. Всё. У меня двадцать одно.
 ШУРИК. Когда?!.. *(Олегу.)* Что, правда?
 ОЛЕГ. Да, вы вдвоём остались.

До этого места игра проходила независимо от разговоров. Важно только, что к этому моменту в самом деле осталось лишь двое играющих: Шурик и Вениа.

ВЕНЯ *(после бросков)*. Восемнадцать.
 ШУРИК. И у меня... *(Бросает.)* Девятнадцать... Двадцать одно.
 ВЕНЯ. Мне ещё отыгрываться.
 ОЛЕГ. Пожалуйста.
 ВЕНЯ *(Павлику)*. Дай мяч.
 ПАВЛИК. Лакеев нет.
 ШУРИК *(смеётся)*. Ты что, два шага шагнуть не можешь?

Вениа берёт мяч, бросает и промахивается.

ОЛЕГ. Приветик.
 ШУРИК *(поднимает руку у Вени)*. Ур-ра-а-а!..
 ВЕНЯ. Отстань.
 ШУРИК. Качать героя. *(Ребята бросаются к Вене, тот отбивается.)*

ВЕНЯ. Не пойду я с ней.

Пауза.

ОЛЕГ. Значит так... Проводить ты её должен при свидетелях. Чтобы мы видели. По-другому — не считается. А пока не проводишь... (*Бьёт Веню по щеке, хотя это скорее обозначение пощёчины.*) Вот так. Каждый день, понял? Ну-ка, ребята!.. (*Павлик подходит к Вене.*) И попробуй только кому-нибудь ответить...

ПАВЛИК (*Вене*). Пойдёшь?

ВЕНЯ. Нет. (*Пощёчина*).

ШУРИК (*подошёл к Вене, потрепал его по щеке*). Пойдёшь.

Затемнение

Между картинами: клоунский смех, пощёчины и бесконечные «пойдёшь» в разных тональностях.

Картина вторая

Комната, где живёт Веня со своей мамой. За столом сидит учительница Вени Розалия Романовна.

МАМА (*входит*). Сейчас Веня хлеб ещё должен принести. (*Разливает чай.*) Вам покрепче?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Если можно.

МАМА. Масло можно намазывать на печенье. Очень вкусно.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Да?

МАМА. Попробуйте. А сверху намажьте вареньем — получится пирожное. Веня очень любит.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Правда, вкусно. Спасибо.

МАМА. Он у меня сладкоежка.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Богданова, я к вам по поводу Вениамина...

МАМА. Я понимаю.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вы не замечаете никаких перемен в его поведении?

МАМА. Что-нибудь случилось?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Как вам сказать... Никаких претензий у меня к нему нет... но, понимаете... какая-то рассеянность на уроках. Причём не только у него.

МАМА (*с улыбкой*). Весна, Розалия Романовна. Весной... У нас вот даже кошка окотится надумала...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Мы ведь с вами не кошки, Богданова.

МАМА (*смутилась*). Я не о кошках... Я о природе...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я думаю, дело тут не в простой активности... Я заметила — все мальчишки стали проявлять повышенный интерес к деньгам...

МАМА. Да, да. Я тоже обратила внимание.

УЧИТЕЛЬНИЦА. По-моему, это их зал игровых автоматов испортил. Какое-то бедствие. Раньше в казаков-разбойников играли...

Бесплатно и на свежем воздухе. Подвижные игры... А теперь: «танкодром», «морской бой», «воздушный бой»...

МАМА. Надо будет заглянуть. Мне ведь всё некогда.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я заходила. Занятные игрушки, но нельзя же всё время там проводить! Никак не могу убедить их...

МАМА. Как у него с учёбой?

УЧИТЕЛЬНИЦА. У него-то как раз нормально. Он мальчик смыслённый, а у некоторых и успеваемость понизилась... Налейте, пожалуйста, ещё чашечку.

МАМА. Пожалуйста, пожалуйста. (*Наливает.*) Может быть, с лимоном хотите?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет, нет. Спасибо.

МАМА. Он меня уже доконал с этими пятнашками. Мелочь, вроде бы, но если каждый день... Его и накормить, и одеть ещё ведь нужно. О себе-то я уже забыла, дело не во мне, но какие-то элементарные вещи и мне нужны...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Тяжело вам одной, конечно.

МАМА. Ничего. Я не жалуюсь. Здоровье пока есть — всё остальное наживём.

УЧИТЕЛЬНИЦА. А с отцом он видится?

МАМА. Ох!.. Как разменяли квартиру, так его и след простыл. Больше года уже... не видим. Деньги иногда пришлёт...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вы разве в суд не подавали?

МАМА. Ну его... Надо бы, конечно. Вене на игры эти хотя бы.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Что вы! Обязательно подайте. Нельзя им поблажки давать. А то они все разбегутся.

МАМА. Вы замужем?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Была. Два раза.

МАМА. Тоже разошлись?

Затемнение.

ГЕНЕРАЛИССИМУС (*в луче прожектора*). ... Сестрёнка! Зачем—ем? Не надо. Ничего, что я раненый. Я как-нибудь без тебя уж. А вдруг кровь у нас с тобой разная? У тебя — одна группа, у меня — другая... Голубушка, да не надо. Вот чудная ты!.. Самой бы кто добавил, а ты — свою отдаёшь... Не надо, правда. Я выкарабкаюсь, вот увидишь... Война окончится — мы ещё... Увидеть бы тебя потом... Ты только уж сама-то выживи. Не горячись. Не раздавай всем-то. Вон нас, раненых, сколько будет, а ты... Сбереги себя... Иди, иди, сестрёнка. Я сам... Спасибо тебе...

Генералиссимус исчезает. Вновь комната Вени.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет... Не разошлись. Умерли они.

МАМА. Оба?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Первый — от белокровия, а второй... под поезд попал.

МАМА. Ах ты, господи!.. А дети?

Входит Веня.

УЧИТЕЛЬНИЦА (*улыбается Веня*). У меня их вон сколько! Добрый вечер, Веня.

ВЕНЯ. Приятного аппетита!

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ты что такой, Вениамин?

ВЕНЯ. Какой? Нормальный.

МАМА. Ты хлеб принёс?

ВЕНЯ (*достаёт хлеб*). Вот...

МАМА. А булочек не купил?

ВЕНЯ. Зачем?

МАМА. Как зачем? К чаю... Чем будешь Розалию Романовну угощать?

ВЕНЯ. Я знал, что ли?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ничего не нужно. Спасибо. Мне уже пора.

МАМА. Посидите. Попейте ещё чайку...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет, нет. Мне ещё столькоих обойти нужно...

МАМА. Фильм хотя бы досмотрели.

ВЕНЯ. Мама, я есть хочу.

МАМА. Сейчас. Не умрёшь... Совсем не умеешь себя вести. И дома, и в школе. Розалия Романовна жалуется!..

ВЕНЯ. А что я такого сделал?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Невнимательным стал на уроках. Думаешь постоянно... неизвестно о чём...

ВЕНЯ. А что, думать нельзя?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Об игровых автоматах — нет. Тем более — на уроках.

ВЕНЯ. При чём здесь автоматы?

МАМА. Спортом бы лучше занялся, чем мелочь у матери сшибать.

ВЕНЯ. Сдалась мне твоя мелочь!..

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вот и весь разговор!.. Я бы на твоём месте, Вениамин, прислушалась к материнским советам.

ВЕНЯ. А я что, не прислушиваюсь?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Больше, значит, нужно прислушиваться.

Пауза.

ВЕНЯ. Mam, я пойду руки вымою...

МАМА. Ладно, иди.

Из года в год,

Из века в век

Всё хуже дети, хуже...

Такой несносный человек!

УЧИТЕЛЬНИЦА.

А он растёт к тому же.

МАМА.

И что ни день, то тяжелей

И хлопотнее с ними.

В кого он вырос, дуралей?

ВМЕСТЕ.

Мы были не такими!

ВЕНЯ.

Но вот что странно:

Во все времена

Дети шалят и дерутся.

Откуда тогда родители

Правильные берутся?

Веня уходит.

МАМА. Вот видите?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ничего, ничего... Это от растерянности... (*Одевается*.) Учительница пришла... Знаете... Для него это... Вы с ним поделкатней. Аккуратнее... До свиданья.

МАМА. До свиданья... Заходите... (*Учительница уходит. Пауза*.)

ВЕНЯ (*входит*). Что ей надо?

МАМА. Ничего. Вести себя совсем не умеешь. Грубиян какой-то растёшь. (*Пауза*.) Сынок... Что с тобой?!

ВЕНЯ. Что?

МАМА. Почему ты?... Ты белый.

ВЕНЯ. Я? А какой я должен быть? Негр?

МАМА. Что случилось?

ВЕНЯ. Ничего не случилось. Я не белый, я чистый.

МАМА. Тебя... обидели?

ВЕНЯ. Никто не обидел... Голова просто немножко болит.

МАМА. Это от голода. Сейчас я тебя покормлю и всё пройдёт.

ВЕНЯ. Не хочу.

МАМА. Как это — «не хочу»? Пойдём на кухню.

ВЕНЯ. Mam, я же сказал! Сказал?!

МАМА. Ну, что мне с тобой делать?

ВЕНЯ. Ты что, не знаешь? Поставь градусник.

МАМА. Да. Не смейся. Измерь температуру.

ВЕНЯ. А ты поела?

МАМА. Я тебя ждала... Пойдём, может быть? Или, хочешь, я сюда принесу?

ВЕНЯ. Ой, мама!..

МАМА. Ну, полежи, ладно. Может, обойдётся. Завтра врача нужно вызвать, если температура будет.

ВЕНЯ. А в школу?

МАМА. Посмотрим, как завтра будет... Тебя не тошнит?

ВЕНЯ. Нет... (*Пауза*.) Mam... А тысяча рублей — это много?

МАМА. Чего ты вдруг?

ВЕНЯ. Да я просто так... (*Пошатнувшись, опускается на кровать*.)

МАМА (*испуганно*). Сынок! Что?! Что с тобой? (*Приподнимает его голову*.) Веня!.. Ну?!.. Успокойся, миленький...

ВЕНЯ. Да ничего, мамочка. Чего ты?.. Ничего. Сейчас полежу немного и всё... Ты иди, ешь, а я полежу пока. Всё нормально, мама.

МАМА. Ага. Ага, полежи. Я сейчас... Разденься... Потихоньку, не торопись...

Затемнение.

В темноте вой сирены, лай сторожевых собак. Высвечивается Генералиссимус.

ГЕНЕРАЛИССИМУС (*смеётся*). Я же вам не комиссар, ребята, говорить не умею. Выберемся, так выберемся, а нет... Всё равно здесь не перекантуешься. Или в газухе сожгут, или собаками потравят...

В грязи окопной, на войне
Мне снилось то, что будет.
Беспечно жили в этом сне
Счастливейшие люди.

Они шутили по утрам
И верили в удачу.
Ох, как мне жить хотелось там,
Где будет всё иначе.

Не нужно жизнью рисковать,
Надеяться на случай,
Детей-то учат рисовать,
А убивать не учат.

Их радует любой пустяк.
Там мир простой и юный.
За то, чтоб было это так,
Мы до сих пор воюем.

Да что лишнее говорить! Идти — так идти... Только уж или всем, или никому. Если сразу не накроют, то потом... Потом — мы целый отряд. Нас за рубль двадцать потом не возьмёшь... И Витьку возьмём, о чём разговор! Донесём, ничего... В шахте передохнём, а там... Как хотите, братва, а без него я не пойду... Смотрите сами...

Генералиссимус исчезает. Вновь комната Вени.

ВЕНЯ. Мама... А убивать страшно?
МАМА. Ты что? О чём ты, сына? Ты... Я не пойму... Ты из-за Розалии Романовны расстроился?

ВЕНЯ. При чём здесь Розалия? (*Смеётся*.) Я просто так спросил, а ты такая трусиха...

МАМА. Я не трусиха, я вижу.

ВЕНЯ. Ой, мама!.. Ты как девчонка!.. Иди поешь.

МАМА. Хорошо... Я пойду. А ты полежи. Потом поешь.

ВЕНЯ. Я полежу.

МАМА. Полежи. Я быстро...

Мама уходит. Веня зарывается головой в подушку.

ВЕНЯ. У-ух!.. Паразиты!.. Они у меня... Сами поплачут ещё!.. Я им такое придумаю... Они... Пусть!.. Я их, как котят.. Ой!.. (*Зовёт.*) Маруся... (*Кричит.*) Мам! А где Маруся? (*Бежит в кухню.*) Она уже?.. Родила?!.. Маруся!.. Где ты?.. Мяу!.. Мяу!..

Затемнение.

В темноте надрывно кричит кошка: «Мяу!.. Мяу!..».

Картина третья

Аллея в сквере. Две лавочки, расположенные друг против друга. За лавочками в засаде притаились Шурик и Павлик.

ПАВЛИК. Ты чего камнями бросаешься? Так и убить можно.

ШУРИК. Кошку? Знаешь, какие они живучие? Их не то что камнем, гранатой не подорвёшь.

ПАВЛИК. Пойдём отсюда. Сегодня он уже не пойдёт.

ШУРИК. Лежи.

ПАВЛИК. Чего лежать? Мы его так запугали, что он... Сколько его мутузим?!

ШУРИК. Ещё мало. Сегодня мы его не здесь, так в подъезде приловим. Будет знать, как на Таньку играть...

Пауза.

ПАВЛИК. Шурик, слышь, ты не знаешь, у него кошка ещё котят не народила?

ШУРИК. Окотилась, а не народила.

ПАВЛИК. Какая разница?

ШУРИК. Не знаю. Я с ним не разговариваю.

ПАВЛИК. Он мене котёночка обещал...

ШУРИК. Теперь не даст.

ПАВЛИК. Обещал ведь.

ШУРИК. Спроси.

ПАВЛИК. А Олег что скажет?

ШУРИК. По шее от него заработаешь, я думаю.

Пауза.

ПАВЛИК. Ему хорошо, целыми днями играет, а тут — карауль... Может быть, сходим?

ШУРИК. А деньги есть? Боеприпасы имеются?

ПАВЛИК. Откуда?.. Так, посмотрим только.
 ШУРИК. А Олег может и по шее надавать, если уйдём отсюда.
 ПАВЛИК. Тихо!..
 ГОЛОС ТАНИ. Веня!.. Ну, куда ты?! (*Веня быстро проходит мимо лавочек.*) Подожди!..

Появляется Тania.

ТАНЯ. Веня!..
 ВЕНЯ. (*возвращается*). Чего тебе надо?
 ТАНЯ. Ничего.
 ВЕНЯ. Ну и не приставай.
 ТАНЯ. Подумаешь!..
 ВЕНЯ. Всё?
 ТАНЯ. Мы вчера в музей ходили.
 ВЕНЯ. Охота была.
 ТАНЯ. Что ты? Там знаешь, как интересно?!.. А потом всем значки дали. Я и для тебя взяла.
 ВЕНЯ. Покажь.
 ТАНЯ. (*отдаёт ему значок*). Тебе тоже полагается. Ты ведь не виноват, что тебя нет. Любый может заболеть.
 ВЕНЯ. Ничего я не болею.
 ТАНЯ. А чего же в школу не ходишь?
 ВЕНЯ. Не хожу и всё.
 ТАНЯ. Как это?
 ВЕНЯ. Не твоего ума дело.
 ТАНЯ. Я думала, Лариса придумала, а ты и правда...
 ВЕНЯ. Что?
 ТАНЯ. Глупости всякие... А что у тебя там? (*Показывает на сумку*). Скребётся кто-то...
 ВЕНЯ. Котёнок. Павлику несю. Чего она придумала?
 ТАНЯ. Кто?
 ВЕНЯ. Лариска твоя.
 ТАНЯ. Дай котёнка поглядеть — скажу.
 ВЕНЯ. На. (*Достаёт котёнка*).
 ТАНЯ. Ой, какой беленький. (*Забирает его*). Кисонька!.. Маленький какой!.. Где ты его взял?
 ВЕНЯ. Нигде. Чего Лариска?
 ТАНЯ. Да ну её. Отдай его мне.
 ВЕНЯ. Я Павлику обещал.
 ТАНЯ. Ой, а глаза голубые!
 ВЕНЯ. Пашке приснился такой.
 ТАНЯ. Подумаешь, приснился.
 ВЕНЯ. Дурочка! Ему приснилось, что Маруся наша такого родит. Белого и с голубыми глазами. Поняла?
 ТАНЯ. Он просто у мамы твоей узнал.
 ВЕНЯ. Да это когда ещё было?! Прибегает: «Если Маруся родит белого с голубыми глазами, — отдашь мне». Мама говорит: «Такие только в музее бывают», а он аж захлёбывается: «Я, — говорит, — во сне видел»...

ТАНЯ. Ну и чего? Они над тобой смеются... А ты им...
 ВЕНЯ. Кто?
 ТАНЯ. Да Павлик твой. И эти... Из-за... кого?
 ВЕНЯ. Это Лариска тебе наболтала?
 ТАНЯ. ... И бьют.
 ВЕНЯ. Ну и пусть. А я обещал ему котёнка, значит, всё равно отдам.
 ТАНЯ. Ну и глупый.
 ВЕНЯ. Он, когда родился, я думал хоть глаза зелёные будут, а сегодня открылись и... голубые.
 ТАНЯ. (*скептически*). Если обещал, тогда отдавай, конечно.
 ВЕНЯ. Ты что, думаешь, я... из-за?..
 ТАНЯ. Ничего я не думаю.
 ПАВЛИК. (*появляется из-за лавочки*). А ну покажи.
 ТАНЯ. Шпионишь?
 ПАВЛИК. Не твоё дело. Дай сюда.
 ТАНЯ. Не отдам.
 ПАВЛИК. Веник, скажи ей.
 ВЕНЯ. (*Павлику*). Иди отсюда.
 ПАВЛИК. Ты обещал.
 ВЕНЯ. Захотел — и разобещал.
 ПАВЛИК. Так нечестно.
 ВЕНЯ. А вы — честно?
 ПАВЛИК. Так нечестно, Вень... Дай хоть глянуть.
 ШУРИК. Ты на колени стань, он сразу отдаст.
 ВЕНЯ. Сейчас пойду и утоплю его.
 ТАНЯ. Не надо, Веник. Лучше мне отдай.
 ВЕНЯ. (*Тане*). Дай сюда. (*Забирает котёнка*).
 ТАНЯ. Веник!
 ПАВЛИК. Ты что?
 ШУРИК. Живодёр.
 ВЕНЯ. Это не твоё дело, понял? Мой котёнок, что хочу, то и делаю.
 ШУРИК. А по мордасам хочешь?
 ВЕНЯ. Думаешь, испугался?
 ШУРИК. Да?!
 ПАВЛИК. Шурик, не надо... Веник, отдай. Мир, а?.. Дай я подержу только.
 ВЕНЯ. Не подходи, а то я его об дерево сейчас...
 ШУРИК. Ну-ка, посмотрим.
 ТАНЯ. Веник! (*Шурику*). Отойди от него.
 ШУРИК. Брысь. (*Смеётся, напевает*). Тили-тили, трали-вали! За котёночка купили, за котёночка продали!
 ПАВЛИК. (*Шурику*). Он обещал мне!.. Я его во сне видел!.. Вень... Ты ведь сейчас его мне несё...
 ВЕНЯ. Ага, а потом скажут, что я...
 ШУРИК. Конечно! Котёночком откупиться хочешь?!
 ВЕНЯ. (*Шурику*). Чего тебе надо? Тебя просят?
 ПАВЛИК. (*чуть не плача*). Ну что ты лезешь?! Он мой! Мой, понимаешь? Я уже ящик для него сделал.
 ШУРИК. А песку натаскал?

ПАВЛИК. Да.

ТАНЯ. Веник, отдай ему.

Пауза. Затемнение. В луче пистолета — Генералиссимус.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Я прошу. По-человечески, братцы... Она же доходит, вы что, не видите?.. Всю кровь свою отдала, а вы... Жратвы для неё жалко?.. Кто сколько может... Не озверели же мы здесь, в лесу... Я знаю — ни у кого нет, но пару сухарей можно найти? Долгополов, у тебя всегда есть... Помрёт она, ребята... Неужели мы... во-семь мужиков одну сохранить не сможем?.. Зачем мы тогда? Чего мы стоим? Очень мы нужны такие своим!.. Пошли назад в лагерь. Пусть лучше сожгут нас... Чего устались?.. Выворачивай карманы!.. Ну!.. Поищите, братцы... Я вас очень прошу...

Генералиссимус исчезает. Снова сквер.

ПАВЛИК (*Вене*). Хочешь, я могу за тебя её проводить?

ТАНЯ. Я вам что?!.. Неодушевлённый предмет, что ли?.. Я вот... Я сейчас как... Противные!.. (*Таня убегает. Пауза*).

ПАВЛИК. Чего это она?..

ШУРИК. Девчонка!..

Появляется Олег.

ОЛЕГ. Куда это Танька побежала?

ШУРИК. Да вот... Павлик хотел её проводить, а она...

ПАВЛИК. Да ну её!..

ОЛЕГ. Дело есть, братцы... (*Замечает Веню.*) А он чего тут?

ШУРИК. Пашку купить хочет.

ПАВЛИК. Ничего он не хочет.

ОЛЕГ (*Вене*). Давай отсюда.

Веня продолжает стоять в стороне.

ПАВЛИК. Да пусть стоит. Жалко, что ли?

ОЛЕГ. Ладно, потом разберёмся.

ШУРИК (*Вене*). Иди, иди отсюда.

ВЕНЯ. Где хочу, там и стою. Твоя земля, что ли?

ОЛЕГ (*достает ключ*). Вот, видали?

ШУРИК. Что это?

ОЛЕГ. Ключик... От автоматов.

ШУРИК. Где взял?

ОЛЕГ. Где взял — там уже нет.

ПАВЛИК. Вот бы!..

ОЛЕГ. Генералиссимус носом клюёт, а ключ на полу под ногами у него. Я его ногой... Бемц! И — тю-тю... Уметь надо.

ШУРИК. Пойдём?

ОЛЕГ. Ночью.

ПАВЛИК. Ночью — кто пустит?

ШУРИК. Мамочки испугался?

ПАВЛИК. А то — нет!.. Тебе-то что?..

ВЕНЯ. Всё равно Генералиссимус там и ночью сидит.

ШУРИК. Тебя не спросили.

ОЛЕГ. Ночью он лежит, а не сидит. Спать-то он должен.

ПАВЛИК. А если проснётся?

ШУРИК. Говорят — он контуженный.

ОЛЕГ. И потом, он не каждую ночь там. Где-нибудь у него дом-то есть?

ШУРИК. По-моему он там и живёт.

ПАВЛИК. Я раз видел — к нему старушка какая-то приходила. Сало давала.

ОЛЕГ. Подследим, когда его не будет, и в окно. Там стекла нет.

ПАВЛИК. Через Дом культуры?

ОЛЕГ. В восемь зал закрывается, а пока в Доме культуры кино идёт... Вечером можно спокойно всё сделать.

ПАВЛИК. Вот наиграемся.

ШУРИК. Чурка. Там денег, знаешь, за день сколько собирается? Допустим, если каждый примерно на рубль наиграется, а за день человек сто бывает...

ВЕНЯ. Больше.

ОЛЕГ. Сто?!..

ПАВЛИК. В воскресенье за час человек пятьдесят...

ШУРИК. Тыща?!

ОЛЕГ. Тыща — не тыща...

ПАВЛИК. Окошко там маленькое...

Пауза. Все поворачиваются к Вене.

ПАВЛИК. И высоко.

ОЛЕГ. Из верёвки лесенку сделаем — и там...

ВЕНЯ. Это же ... воровство.

ШУРИК. Ну и что? Думаешь, Генералиссимус твой их не таскает?

ВЕНЯ. Он никогда не возьмёт. Он... Ты его не знаешь, что ли? Он... Он воевал на войне.

ШУРИК. Подумаешь — воевал.

ВЕНЯ. У него... медали есть... Он не может... Ты что?!..

ШУРИК. А ключик у него откуда? Деньги специальные люди собирают. Ему не разрешается. А у него — ключик.

ПАВЛИК. Он не для этого. Он играть любит. Я сколько раз видел. Он откроет, возьмёт несколько пятнашек и играет. Он не из-за денег.

ОЛЕГ (*напевает*). А я денежки люблю...

ШУРИК (*подхватывает*). «Ой, ля-ля, ой, ля-ля! Завтра грабим короля!». Да?..

ВЕНЯ. Я не буду.

ОЛЕГ. Да?!

ШУРИК. Как это не будешь?

ВЕНЯ. Не буду и всё.

ШУРИК. А кто будет?

ОЛЕГ. Я ведь не пролезу.
 ВЕНЯ. Не знаю.
 ОЛЕГ. Шурик, он не будет.
 ШУРИК. Бу-удет. (*Швыряет Веню на лавочку.*) Будешь?
 ОЛЕГ. Подожди, Шурик. Он будет.
 ВЕНЯ. Нет.
 ОЛЕГ (*Шурику*). За сколько, ты говоришь, Танечку пошёл бы про-
 вожать? За тышу?
 ШУРИК. Когда?
 ОЛЕГ. За тышу, ты говорил, согласился бы.
 ШУРИК. А?.. Да.
 ОЛЕГ (*Вене*). Вот, человек может тебя выручить.
 ШУРИК. Полезешь в окошко — дам тебе горошка.
 ВЕНЯ. Сам полезай.
 ШУРИК. Тебе же говорят (*наступает на Веню*): никто, кроме тебя,
 не пролезет...
 ВЕНЯ. А ты не в окно, ты в дверь.
 ШУРИК. Замок там.
 ВЕНЯ. Лбом выбей. Он у тебя крепкий.
 ШУРИК. Я тебе сейчас глаз выбью... (*Хватает Веню*).
 ВЕНЯ. Ответишь. (*В сумке запищал котёнок*).
 ШУРИК (*Олегу*). Скажи ему, а то я за себя не отвечаю.
 ОЛЕГ. Пстой, Шурик. Что у него там?
 ШУРИК. Котёночек.
 ОЛЕГ (*Вене*). Дай-ка посмотреть.
 ВЕНЯ. Не лапай, не купишь.
 ОЛЕГ. Давай, давай. (*Отбирает у Вени сумку*).
 ВЕНЯ. Отдай.
 ОЛЕГ (*достаёт котёнка*). Ой ты, какой маленький.
 ВЕНЯ. Положи обратно.
 ОЛЕГ. Жалко?
 ПАВЛИК. Он боится ещё.
 ОЛЕГ. Правильно делает, что боится... (*Зажимает котёнка между
 пальцев.*) Ну как, полезешь? (*Пауза*).
 ШУРИК (*Вене*). Вот ты живодёр!
 ПАВЛИК (*Олегу*). Отпусти его.
 ОЛЕГ. Чего?!
 ПАВЛИК. Котёнка, говорю, отпусти. Задушишь.
 ОЛЕГ. Конечно.
 ПАВЛИК. Он только родился.
 ОЛЕГ (*кивает на Веню*). Вот ты ему и скажи... Я-то тут при чём?
 ПАВЛИК (*кидается на Олега*). Отдай!.. Отдай!.. (*Кусает его за руку*).
 ОЛЕГ. Ах, ты!.. (*Бросает котёнка, которого подхватывает Шурик*).
 ПАВЛИК. Он мой, понял?!
 ОЛЕГ. Да я тебя сейчас вместе с котёнком...
 ШУРИК (*Олегу*). Давай, давай его. Ты — Пашку, а я — пташку.
 ПАВЛИК (*разрыдался*). Не трогай котёнка.
 ШУРИК. Да шучу я, шучу. Чего ты?! (*Бросает котёнка на землю*).
 ПАВЛИК. Мой... (*Хватает котёнка*).

ОЛЕГ. Нет, пстой. (*Цепляется за котёнка с другой стороны*).
 ПАВЛИК. Брось.
 ОЛЕГ. Ишь ты какой?! Сам брось.
 ПАВЛИК. Веник!.. Скажи ему!.. (*Плачет.*) Брось, пожалуйста, а то
 я тебя...
 ШУРИК. Тю-тю-тю...
 ПАВЛИК (*отпускает котёнка*). Вы... Вы... Как вы можете?!..
 ВЕНЯ (*Олегу*). Отдай ему котёнка. Я пролезу.
 ПАВЛИК. Не надо ничего. Не хочу я...
 ШУРИК. Хочет, хочет. (*Забирает у Олега котёнка и отдаёт Павли-
 ку.*) Возьми... Смотри, какой хорошенький.
 ПАВЛИК. ...Бессс... совестные...

Песня. Поют Олег и Шурик.

Чтобы стрелять, чтобы взрывать,
 Нам не нужны приказы.
 Тебе — отец, кому-то — мать
 Дадут боеприпасы.
 И вот отважные стрелки
 Приникли к перископам.
 Торпеды быстрые легки.
 Теперь не важно, кто там?

Кто там на крейсере этом вдали —
 Друг или злейший враг?
 Пальцы коснулись гашетки: «Пли!».
 Волны лизнули флаг.

Пунктиром торпеды след:
 Одного уже нет!

Чтобы сбивать, чтобы топить,
 Нам не нужны приказы.
 Сегодня главное — добыть
 В бою боеприпасы.
 Враг не пальнёт тебе в ответ.
 Он сам пойдёт ко дну.
 Ещё б обоймочку одну,
 Монеточку одну!

Этой эскадре у нашей земли
 Хватит уже блудить.
 Пальцы коснулись гашетки: «Пли!».
 Было б чем заплатить.
 Пунктиром торпеды след:
 Боеприпасов нет!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Звучит песня Олега и Шурика. Зал игровых автоматов. Поздний вечер. В зале среди автоматов генералиссимус. Он увлечённо играет в «морской бой».

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Ах ты... Ушёл!.. Ладно, подожди... Мы своё ещё возьмём. Давай, что же ты?!.. Ну!.. Пошла, родимая... *(Шум взрыва.)* Вот так тебя!.. *(Время, положенное для игры истекло.)*

ГЕНЕРАЛИССИМУС *(оторвавшись от игры)*. Подожди, подожди. Это ещё не всё... *(Роется в карманах.)* Где-то у меня ещё завалялась... Да где же?... Была же!.. *(Но пятнашек больше нет.)* Эх, ключ бы!.. Куда я его?... *(Подходит к столику, без всякой надежды заглядывает под него.)* Увёл кто-нибудь. Нет, и хоть ты разорвись!.. Но ничего. Мы сейчас... *(Автомату.)* Я не ужоу. Мы с тобой ещё сразимся, подожди. Боеприпасы подоспеют, мы тогда с тобой разберёмся... Я скоро...

Уходит, заперев за собой дверь. Пауза. В окошке противоположной стены появляется голова Шурика.

ШУРИК. Никого. *(Сбрасывает верёвочную лесенку.)* Порядок.

Шурик исчезает. В окошке появляется Венья. Влезает в оконце, спускается по лесенке и боязливо замирает.

ШУРИК *(снова появляется в окошке)*. Держи мешок. *(Бросил Венья рюкзак.)* Что стал? Быстрее.

ВЕНЯ. Сейчас. Не шуми. *(Поднял рюкзак, прошёл к центру зала, огляделся.)*

ШУРИК. Чего копаешься?

ВЕНЯ. Смойся, а то я... Уйду, вот увидишь.

ШУРИК. Ага. Сейчас. *(Убирает лесенку.)* Попробуй теперь.

ВЕНЯ. Дубина!.. Ключ!

ШУРИК. Что?

ВЕНЯ. Давай ключ.

ШУРИК. Тебе же дали!

ВЕНЯ. Когда? *(Роется в карманах.)* Здесь... *(Подходит к тому автомату, в который играл Генералиссимус.)* Включён... *(Опустил 15 копеек и прильнул к перископу.)*

ШУРИК. Вот зараза!.. Эй! Настреляешься ещё. Слышишь?.. Давай, давай.

ВЕНЯ. Успеем. Куда торопиться?

ШУРИК. Атаc!.. *(Исчезает.)*

ВЕНЯ *(отскакивает от автомата)*. Подожди!.. *(Шум отпираемой двери.)* Лестницу!.. *(Через секунду Венья прячется за один из автоматов. Отворяется дверь, входит Генералиссимус и сразу бросается к автомату.)*

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Есть ещё порох. *(Уставился на работающий автомат. Пауза.)* Отрабатываешь тактику?... Передислокация?... Ничего!.. Нас на мякине не проведёшь!.. *(Автомат остановился.)* Заряжай... *(Опустил 15 копеек.)* Батарей! ... Огонь!.. Огонь!.. Ага-а-а! Не любишь?!.. А ну-ка ещё. Огонь!.. Даёшь!.. Ещё один? А мы и его!.. Коля, заряжай!.. Спокойно, спокойно.. Огонь!.. Ура, ребята. Неплохо поработали... Куда? Куда ты? Огонь! Кому говорю? Назад! *(Автомат опять остановился.)* Назад! Под трибунал пойдёшь!.. *(Бросает ещё одну монетку.)* К орудиям! Заряжай, кому говорю?!.. Давай, Хасанов! Хасанов, ну что же ты?! К орудию!.. Огонь!.. Снаря-ады!.. Встать!.. Хасанов, что с тобой?!.. Голубчик, как же это ты?... Не уберёгся... Эй! Есть кто-нибудь?... Ко мне!.. Коля? Коля, сюда.. Заряжай... Попробуй, Коля... Прёт же гад!.. Быстрой. Быстрее, Коля!.. Огонь!.. Ура-а-а!.. Жарко стало?... Автомат, Коля! Сейчас мы их!.. *(Игрушка опять остановилась.)* Сейчас... Сейчас... *(Бросает монетку.)* Куда?! Вот так!.. Вот так их!.. Живём, ребята! Отстояли, Коля!.. Коля, ты меня слышишь? Это я, Коля. Сейчас... Возьми бинт... Я не могу отойти, опять прут, сволочи... Держись, братцы!.. Огонь!.. Огонь!.. А-а-а-а!.. Вперё-о-о-од!.. *(Падают.)* Снаряд!.. Хоть один!.. Один всего... Воды... Пить... *(Ползёт к столу.)* Воды... Батя, что с ногой?!.. Что?! Что?!.. Сестра!.. Воды.. Брось, брось, брось... Куда ты? Живой я! Откопайте... Иван, что ты делаешь? Я живой ещё!.. Пусти! А-а!.. Уф... Ещё глоток... Будем живы, Ваня!.. Мы им ещё... Ещё поживём, Ванюша!.. Знай наших!.. Я полежу. Полежу, браток... Потом... Потом... *(Генералиссимус затих. Пауза. После грохота боя звучит мягкая убаюкивающая музыка... Некоторое время спустя из своего укрытия появляется Венья. Подходит к автомату, открывает его. Оттуда вместе с опять возникшим грохотом боя вываливается весь израненный, перебинтованный вояка. Это — КЭП.)*

КЭП. Пропади оно всё пропадом!..

ВЕНЯ. Ой!

КЭП. Сколько можно?!

ВЕНЯ. Кто вас так избил?

КЭП. Ты.

ВЕНЯ. Я не умею... Да ещё так...

КЭП. Он не умеет!.. Никто не умеет! Но каждый хочет! Руки бы вам пообрубать. Да что там руки. Палец!.. От одной царапины слёз — Японское море. А других — торпедами!? Не жалко боезапаса?

ВЕНЯ. Вы откуда? *(Показывает на автомат.)*

КЭП. А откуда же? Разгрызи меня трюмная крыса...

ВЕНЯ. Как же так?

КЭП. А вот так! Как?!.. Надоело! Пусть другие теперь посидят в этом пекле. С меня хватит, клянусь макаронами нашего кока!

ВЕНЯ. А я думал, это понарошке.

КЭП. Кому — понарошке, а на других — живого места нет...

ГЕНЕРАЛИССИМУС *(подходит)*. Что за шум, а драки нету?

КЭП. Осади назад, пехота.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Артиллерия.

КЭП. Береговая.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Полевая.

КЭП. А я что говорю? Всё на брюхе? Ползком?
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Отставить!
 КЭП. А?!.. (Вене.) Не быть мне комендором носового орудия, если это не старшина.
 ВЕНЯ (Кэпу). Генералиссимус.
 КЭП. Неужели?.. Послушай, верховный, пора прекращать бойню.
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. В чём дело, Кэп? Смир-на!

Кэп и Веня, смеясь, вытягиваются по стойке «смирно».

ВЕНЯ. Есть.
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Вот так-то.
 КЭП. Рады стараться, Ваше высок-быр-тыр-пыр-дыр!..
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Вольна!..
 КЭП. Ура-а-а-а!
 ВЕНЯ. Ура-а-а-а!
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Послушай, браток, ты давно оттуда?
 КЭП. Разве не видно?
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Да-а... Везёт же людям...
 КЭП. Кому? Мне?!..
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Как там?.. На передовой?..
 КЭП. Хреново. Не знаешь, что ли, как?
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Не скажи... Я уже сколько, как оттуда, уже и жизнь к концу, а всё забыть не могу.
 КЭП. А мне сейчас скажи: «Домой, марш!» — я бы и думать забыл.
 Обрыдло... Гарь, копать...
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Не понимаешь ты... Там-то — гарь, а тут... Смердим мы тут, браток... Скукота... Слушай, давай чего-нибудь оттуда... расскажи.
 КЭП. Обрыдло, я тебе говорю. Кровь вокруг... Мясорубка.
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. А поёте что теперь?.. Спел бы хоть, а? Тогда у нас, я помню, морячок был, так он всё пел... как её?.. Сейчас... (Откашлялся и запел.)

Пират, забудь про небеса,
 Забудь про отчий дом.
 Чернеют дыры в парусах,
 Протыкнутых ножом...

Дальше не помню.
 ВЕНЯ.

Здесь двадцать восемь храбрецов
 Сошлись на смертный бой...

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Ага... Так-так... (Поёт вместе с Веней.)

И вот один уже лежит
 С разбитой головой...

КЭП. Ну?.. И что хорошего?
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Не понимаешь...
 КЭП. Что не понимать-то? Голова ведь разбита. Голова! Это же колосник к ногам и — «Напрасно старушка ждёт сына домой».
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. А хоть бы и так? Тебе вот — «обрыдло», говоришь, а по мне... Тяжело, конечно, было тогда, кто спорит — и кровь, и всё такое... А вот... Лучше ничего и не было потом...
 КЭП. Ну уж, чего ты так-то?.. Чего-то не случилось у тебя в жизни — вот ты и ударился... Затосковал.
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Почему не случилось? Я бы не сказал. Живу — не хуже других, нормально... Хорошо даже, а вот... Чтоб дух захватывало, чтоб жить хотелось так, как тогда, — такого нет. Тогда... Вокруг любимые товарищи, дорогие, падают, да и ты уже сам себя похоронил, и чего там об жизни той думать в аду таком, а потом отдышишься, пообтряхнёшься и... Домой так захочется!.. А сейчас.. Чего хотеть? Всё теперь есть. И хлеб, и телевизор вон у кого ни попадя, что дальше?..
 КЭП (зло смеётся). Вот заразы!.. У нас там глаза на лоб от муки лезут, зубы аж крошатся, когда скрипим ими от боли, а им... От хлеба они устали!.. По крови истосковались?! Мало вам последней войны?
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Нет. Войны не надо. Я не про то, ты не понял... Обидно, что жизнь без вкуса пошла. Сколько за неё отдали, а будто её и не было. Забывают люди.
 КЭП. А что на неё молиться? (Кивает на Веню.) Ты ему мозги пудри своей войной, а я её наелся. Сыт.
 ВЕНЯ. Нет, на войне интересно.
 КЭП (Генералиссимусу). Вот. Слышишь?
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Пацан!..
 КЭП. Слушай, парень... Что там тебе интересно?
 ВЕНЯ. Стрелять.
 КЭП. В кого?
 ВЕНЯ. Во врага.
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Молодец.
 КЭП. Я тебе враг?
 ВЕНЯ. Откуда я знаю? Может быть, и нет.
 КЭП. Значит, точно не знаешь, но, на всякий случай, — огонь? Для профилактики. Молодец.
 ВЕНЯ. Я в вас не стрелял.
 КЭП. А кто же меня так разделал?
 ВЕНЯ. Это же игра.
 КЭП. Игра в стрельбу в людей! И нравится? Да?.. Хорошие игры!..
 ГЕНЕРАЛИССИМУС. Чего к малышу пристал? В любом магазине таких игрушек — хоть пруд пруди.
 КЭП. Вот-вот. Поиграем — постреляем! Потом птичку из рогатки, потом собачку камешком по голове, потом верёвку через дорогу для бабуся, потом...
 ВЕНЯ. Потом — суп с котом.
 КЭП. Уже пробовали?

ВЕНЯ. Что?

КЭП. Кошку в костёр. Да?

ВЕНЯ. Да вы что?

КЭП. Вкусно?

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Эй, эй!.. Охолонь маленько.

ВЕНЯ. Что хотите, можете говорить. Я не боюсь. Я всё равно вырасту — солдатом буду, понятно? А кошек и собак я не бил, понятно?..

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Тихо, тихо... Это он, любя, шутя, нарочно...

ВЕНЯ. Да? Любя!?!.. Все вы — любя. А чуть что, сразу — недоносок? Я вырасту, тогда ещё посмотрим. А то они только силу любят. Приёмчиком — раз, и будь здоров...

КЭП. Парень... Кто тебя обидел?

ВЕНЯ. Какое вам дело? Все только и знают: беденький, маленький... У меня мать не хуже других зарабатывает. И я вырасту — не бойтесь. Не надо нас жалеть. Мы ещё не побирались и воровать не будем!.. Воровать... (Пауза.) Не будем... (Закричал в ужасе.) Ма-ма!

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Паренёк, ты... Объясни толком...

ВЕНЯ. Я не нарочно. Они хотели котёнка замучить, а Павлик... Я ему нёс, а они... Я им отдам эти деньги, а потом... Я не себе, они мне не нужны... Пусть они подавятся этими пятнашками... А потом мы ещё посмотрим... Я их не боюсь.

КЭП. Кого?

ВЕНЯ. Я им отдам и больше не буду... Воровать.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Воровать нехорошо.

ВЕНЯ. Не буду. Я и сейчас не буду... ничего брать. Пусть, что хотят, то и делают. Не очень и страшно. В секцию запишусь, тогда посмотрим...

КЭП. Мы тебе не пригодимся, братишка?

ВЕНЯ. Не нужно мне никакой помощи. Я сам.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. А то, если надо, за нами дело не станет.

ВЕНЯ. Они бы тогда по-другому заговорили...

КЭП. Может, попробуем?

ВЕНЯ. А вы приёмы знаете?

КЭП. Этого-то добра — сколько угодно.

ВЕНЯ. Нет. С вами в школу нельзя. И на улице тоже... Вы взрослый. И ещё гипс... И рука, и нога... А с шеей у вас что?

КЭП. Осколок сидит.

ВЕНЯ. Я, когда вырасту, как вы буду.

КЭП (смеётся). Со стороны глядя, хорошо так говорить, а побывал бы денёк-другой в моей шкуре, не то бы запел.

ВЕНЯ. Побывали бы вы в моей!..

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Это можно устроить.

ВЕНЯ. Что?

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Шкурами поменяться. Ненадолго. На одну ночь. (Вене.) Ты пока корабль его посмотришь, а он с твоими долгами рассчитается. Согласен?

ВЕНЯ. А как это?

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Это уже моя забота.

ВЕНЯ. Чертовщина какая-то?

КЭП (поёт).

Всё просто тому, кто войну воевал.
Он знает тарифы и жизни, и смерти.
Слышал выражение — «дрались как черти»?
Так вот, кое-кто и в аду побывал.

В аду арналётов, в аду лазаретов,
В кровавом чистилище минных полей,
В крошечном аду сорок первого лета,
В самой преисподней концлагерей.

Всё просто ему — если драться, так драться!
О собственной шкуре лишь трусы скорбят.
Он с другом и шкурой готов поменяться,
Чтоб боль его раны принять на себя!

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Черти — не черти, а чудес там хватало... Смо-тришь, бывало, на паренёка: такой никудышный, ему не то что под пули — под юбкой у мамки прятаться... вдрут ему орден, второй. Медаль... А тылового жеребца — к стенке за дезертирство...

ВЕНЯ. Страшно на войне?

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Хватало и страха... Сколько всяких переделок было!.. Я ведь всю войну, брат... От звонка до звонка.

КЭП. Он теперь любого Мефистофеля за пояс заткнёт.

ГЕНЕРАЛИССИМУС (Вене). Ну что, не возражаешь?

ВЕНЯ. Можно попробовать... Если получится.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Ну, с богом... Батарея, огонь!..

Грохот боя.

Затемнение. Отдалённая артиллерийская канонада.

Картина пятая

Комната Вени. Мама, учительница, Таня. Учительница пьёт чай, мама плачет, Таня её успокаивает. Грохот взрыва.

МАМА (испуганно). Что это?

ТАНЯ. Это, наверное, от самолёта. Мне папа рассказывал: если он быстро-быстро летит, то воздух после него сам взрывается.

МАМА. Я уж подумала — это в Веню стреляют.

ТАНЯ. Из пушки?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Что вы? Это самолёт преодолевает звуковой барьер.

МАМА. А где тогда Вения? Где он может быть?

Входит Вения. Пауза.

ВЕНЯ. Mam!.. (Пауза.) Ты волновалась?.. (Пауза.) Mam, я есть хочу...
 МАМА. Не спрашивай у меня ничего... Иди туда, откуда пришёл.
 Пусть там тебя и кормят...

ВЕНЯ. Мама, я у Павлика был.

МАМА. Где?

ВЕНЯ. У Павлика.

МАМА. Опять врёшь?

ВЕНЯ. Похлебай меня акула!

УЧИТЕЛЬНИЦА (поперхнувшись пряником). Что?.. По... хле... Как ты сказал?

МАМА. Я ему сейчас скажу!..

ВЕНЯ. Что я такого сказал? Я говорю – хлеба хочется.

МАМА. Ты не «хлеба», ты по-другому. А ну повтори! «По» – что?

ВЕНЯ (смеётся). «Похлебай» – я сказал. Поест, значит, хочу. Что тут непонятного? Похлебай бы, а то скулы сводит, я сказал. (Маме.) Ну что, накормишь меня или самому на камбуз идти?.. На кухню.

МАМА. Ты у какого Павлика был? Он тебя уже три часа по всему городу ищет. Два раза прибежал, а тебя всё нет. Розалию Романовну вон всполошили, Танечка сидит волнуется, а ты: «У Павлика»... Где был? Я тебя спрашиваю?!

ВЕНЯ. У Павлика! Говорят тебе. Корабль у нас «Святой Павел». Мы его Павликом зовём. Поняла теперь?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Какой корабль? Откуда у нас корабли? Да ещё святые?

ВЕНЯ. Простите... Это я... Перепутал...

МАМА. Опять на передовой пропал?

ВЕНЯ. Да.

МАМА. До каких пор они там работают?

ТАНЯ. Павлик и туда бегал.

ВЕНЯ. Я вот ему побегаю. Заставлю палубу драить...землю подметать... в школе...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Землю?.. У нас паркет, Вениамин.

ВЕНЯ. Да... Я, пожалуй, пойду лучше поем. На камбу... На кухню.

Веня уходит.

МАМА. Ну что с ним будешь делать?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Не отступайте, Богданова. Сейчас у них такой возраст... Упустишь – потом горя не оберёшься. Построже – самое главное.

МАМА. Я вот ему сейчас... (Достаёт ремень).

ТАНЯ. Что вы?!

УЧИТЕЛЬНИЦА. Это, конечно, лишнее, но миндальничать тоже нельзя. Ни в коем случае. (Входит Веня с полной тарелкой борща).

ВЕНЯ. Мама! Ты у меня гений! Такой борщ! По-флотски!..

УЧИТЕЛЬНИЦА. Сядь, Богданов.

ВЕНЯ. Что вы так официально, Розалия Романовна? Давайте попоуще. Ближе к народу надо. Как там Сухомлинские нас учат?..

УЧИТЕЛЬНИЦА. Не юродствуй, Вениамин.

ВЕНЯ. Да что вы, Розалия Романовна, как можно?.. Я по-простому...

Хотите вот?.. Давайте со мной борща похлебаем? А то вы всё чай да чай. От него проку!.. А тут... Мама наварила – пальчики оближешь. Берите ложку.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я тебя не понимаю.

ВЕНЯ. Да вы не обижайтесь, ешьте. Зачем понимать? Всё правильно. А из вещей что-нибудь – это, уж извините, к празднику.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ну, знаете!..

ТАНЯ. У него жар... Он бредит.

ВЕНЯ. Танька, твои-то чего придумали ей на 1-е Мая? Или вскладчину договорились? Чтоб было что вспомнить?

МАМА. Ах ты, губошлёп несчастный! (Кидается на сына с ремнём.) Я вот сейчас тебя!.. Ты какие тут слова говоришь? Твоё дело – уроки! Выучисься, тогда мы на тебя будем глядеть, что ты нам умного скажешь. А сейчас ты еще сам пока ответчик. А ну!.. Сядь.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Богданова!.. Спокойнее.

МАМА. Ишь какой выискался. Судить он родителей будет. Да ещё учителей! Это подумать только! Расскажи кому – засмеют... Ты кто такой тут?

ВЕНЯ. Хозяин я здесь. Сама говорила.

МАМА. Вот паршивец!.. Ты расскажи нам лучше, хозяин, где ты по ночам шляешься? Почему мать должна из-за тебя перед учителями краснеть?.. Что молчишь?

ВЕНЯ. Мне, может, доказать надо было...

МАМА. Что доказывать? Кому?

ВЕНЯ. А что они меня недоноском зовут?!

МАМА. Кто?

ВЕНЯ. Какая разница?

МАМА. Это кто же? (Учительнице.) Какой же он недоносок? Он... Что он без отца, значит, и обижать можно? Заступиться за него некому?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я этого не знала.

МАМА. Куда вы смотрите там? Учителя!.. Я не посмотрю на педагогику, можно – нельзя, приду в школу, я им расскажу, какой он недоносок. Разбуржуились!.. Ничего, сынок, и джинсы тебе купим, не переживай А то они!.. Денег-то прорва, вот и... Это же надо!..

ВЕНЯ. Mam... Чего ты?... Я сам разберусь с ними.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Богданова, вы напрасно на школу пеняете...

ВЕНЯ. Никакая она не Богданова! Это я Богданов. По отцу, а она – Подопригра. Они на разных фамилиях с отцом. Не знали?..

Пауза.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Извините, пожалуйста.

МАМА. Веня, как тебе не стыдно?

ВЕНЯ. Конечно! Всегда я виноват!

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ты очень нехорошо себя ведёшь, Вениамин.

МАМА (после паузы). Веня... Ну?!..

ВЕНЯ. Простите, если что не так... Накипело... Между вахтами о стольком передумаешь. Там тоже обижают...

Пауза.

УЧИТЕЛЬНИЦА (*осторожно*). В каком смысле?

ТАНЯ. Я говорила? Говорила?! Не видите?! У него температура. Он бредит.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нужно врача позвать. «Скорую».

МАМА. Да, да... Приляг, сынок.

В комнату врывается Павлик. На руках у него спелёнутый бинтами котёнок.

ПАВЛИК. Они... Они его... Веня, посмотри...

ВЕНЯ. Что?

ПАВЛИК. Они его пытаться стали, чтобы он сказал... сказал...

ВЕНЯ. Котёнок сказал?!

ПАВЛИК. Да. Где деньги лежат... Им кто-то... Что кошки умеют клады искать. Они его стали... Чтобы выдал...

ВЕНЯ Олег?

ПАВЛИК. С Шуриком.

ВЕНЯ. Где они?

ПАВЛИК. Убежали.

ВЕНЯ. Пойдём.

МАМА. Куда?

ВЕНЯ. Я их найду. Этого нельзя прощать.

МАМА. Ночью?!

ВЕНЯ. Когда угодно. Я их буду... перевоспитывать... Свистать всех наверх!..

МАМА. Не пушу!..

ВЕНЯ. Мама!

ТАНЯ. Я с тобой, Веня.

МАМА. Да что ж это такое, Розалия Романовна?..

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ребята, поздно уже. Завтра всё выясним. Разберёмся.

ВЕНЯ. Никаких завтра, разгрызи меня дохлая крыса!

МАМА. Опять?! Ложись спать, сынок.

ВЕНЯ. Мамаша! Твой сын идёт не куда-нибудь!.. Пойми это. Если не сегодня, то когда?!

МАМА. Поздно! Поздно уже. Не пушу.

ВЕНЯ. Дай же своему сыну постоять у штурвала!

МАМА. Нет... Нет!..

ВЕНЯ. Сегодня или Никогда!

МАМА. Нет!..

ВЕНЯ. Да, мама!

МАМА. Нет... Нет!

ВЕНЯ. Да! Да! Да!

МАМА. Нет!..

Затемнение.

ГОЛОСА: – НЕТ!.. НЕТ!..

– ДА!

– НЕТ!..

– ДА!..

Картина шестая

Подземелье. У стены стоят связанные Олег и Шурик. Здоровенный фашист допрашивает их.

ФАШИСТ. Да!

ОЛЕГ. Нет.

ШУРИК. Нет.

ФАШИСТ. Да!!!

ШУРИК. Нет...

ФАШИСТ. Что «нет»?

ОЛЕГ. Нет то, что «да».

ШУРИК. Не знаем мы ничего.

ФАШИСТ. Понятно... (*Пауза. В дверях появляются Веня, Павлик и Таня. Присутствующие не замечают их.*)

ОЛЕГ. Мы ничего не скажем.

ФАШИСТ. Яволь. Мы всё равно будем узнавать, где этот Петрофф. Но вам будет плохо.

ОЛЕГ. Ничего. Мы потерпим.

ФАШИСТ. Ничеффо – это... Как это по-русски? Пустой место... Пиф-паф, ой-ой, умирай, зайчик мой... Такой молодой юнгэ...

ПАВЛИК (*шёпотом*). Попались.

ВЕНЯ. Тихо...

ФАШИСТ. Всё равно он не уйдёт от меня.

ПАВЛИК. Кто?

ФАШИСТ. Этот Петрофф. я хочу мстить ему за война.

ШУРИК. Война уже когда кончилась?!

ФАШИСТ. Всё равно. Он испортил мой карьер. Бежал из лагеря. И унёс вместе с собой пятьдесят семь из третий блок. Он – на хаус, меня – восточный фронт. Рядовой. Из начальник лагерь. А там – пиф-паф.

ОЛЕГ. Так тебе и надо!

ФАШИСТ. Нет. Найн надо. За это теперь я его должен пиф-паф.

ШУРИК. Ага! Держи карман шире.

ФАШИСТ (*не поняв русского выражения*). Карашо. Держу карман. Говори.

ШУРИК. Сейчас, разбежался.

ФАШИСТ. От меня не разбежаться. Или будете отвечать, где он, или будете умирайт. (*Достаёт пистолет.*)

ОЛЕГ. Откуда мы знаем?

ФАШИСТ. Такой герой всё имеет знать. Я проверил лучший дома – найн...

ШУРИК. Может, умер уже?
 ФАШИСТ. Найн. Я узнавайт. Живёт в этот город.
 ОЛЕГ. Ты на окраине поищи. Почему обязательно в центре?
 ФАШИСТ. Найн окраин. Большой чин.
 ОЛЕГ. Это на войне большой. А сейчас, наверное, на пенсии где-нибудь за цветами ухаживает.
 ФАШИСТ. Найн. На войне только обер-лейтенант. Сейчас – гросс-чин.
 ШУРИК. Полковник?
 ФАШИСТ. Генералиссимус.
 ОЛЕГ и ШУРИК *(вместе)*. Кто?!

ФАШИСТ. Вы знайт! Знайт! Где?! Отвечать! Ну!
 ОЛЕГ. Не знаем мы ничего.
 ФАШИСТ. Знайт.
 ШУРИК. Нет.
 ФАШИСТ. Да!
 ОЛЕГ. Нет.
 ФАШИСТ. Где?
 ПАВЛИК. Это же наш дед. С передовой.
 ВЕНЯ. Ага.
 ФАШИСТ. Отвечать! Или я буду экзекуция. *(Достаёт ленты для бантиков.)* Ну?!

ШУРИК. Нет!.. Не надо...
 ОЛЕГ. Убери... Только не это!..
 ФАШИСТ. Где Петрофф? Отвечать!
 ОЛЕГ. Нет...
 ФАШИСТ. Карашо. *(Вплывает Олегу бант.)*
 ОЛЕГ *(в муках)*. Нет... Не надо!..
 ФАШИСТ *(Шурику)*. А ты? Будешь отвечать?
 ШУРИК. Фашист проклятый!..
 ФАШИСТ *(вплывает и Шурику бант)*. Карашо?
 ШУРИК. Гад. Наши придут – они тебя ещё не так мучить будут.
 ФАШИСТ. Это есть цветочек. *(Достаёт девчончьи платья.)* А это калинка-малинка, ягодка форвэртс.
 ШУРИК. У!.. Садист... *(Плачет)*.
 ПАВЛИК *(смеётся)*. Так им и надо!
 ФАШИСТ. Кто будет развязывать язык?
 ШУРИК. Подожди-и... Мы тоже над тобой... Ещё не так...
 ФАШИСТ. Не будет развязывать язык, будет раздевайт брюк. Бистро, бистро. Снят!..
 ОЛЕГ. Фашист!.. Фашист проклятый...
 ФАШИСТ. А вы есть кто? За пятнадцать копеек пиф-паф мальчик.
 ОЛЕГ. Когда это?
 ФАШИСТ. Воровать – это есть пиф-паф. Кто заставляль? Ди кат-цхен ножка ломать, мяу, мяу – кто это есть? Юнгэ? Всегда готов? Да?.. *(Пауза.)* Где Генералиссимус? Петрофф где?..
 ШУРИК. Найн...
 ФАШИСТ. Герой – не вы есть. Вы должен помогать мне. Карашо помогайт. Я буду вас ... протекция – гитлерюгенд. Карашо? Хайль?
 ПАВЛИК. Попались? Будут знать, как издеваться. Так им и надо.

ТАНЯ. Павлик! Как ты можешь?! Не смей!..
 ФАШИСТ. Ну что? Будем одевать юбки?
 ОЛЕГ. Только посмей!
 ФАШИСТ. Я буду смеять.
 ШУРИК. Не подходи!..
 ТАНЯ. Надо спасать их!
 ФАШИСТ. Битте...
 ВЕНЯ. Полундра! *(Выскакивает из-за укрытия.)* Ребята, держитесь!
 ОЛЕГ. Веник!
 ШУРИК. Спасай, Веник!
 ФАШИСТ *(достаёт пистолет.)* Хенде хох!
 ТАНЯ. Берегись, Веник!
 ВЕНЯ. Брось пистолет, фашистик!
 ФАШИСТ *(смеётся)*. Сейчас. *(Стреляет. Веня падает.)* Вот так.

Подходит к Вене, наклоняется над ним. Веня вскакивает и выбивает у фашиста оружие.

ВЕНЯ. Не шали с огнём.
 ФАШИСТ *(снисходительно)*. О! Какой шустрый мальчик. *(Пытается схватить Веню.)*
 ВЕНЯ *(отбивает руки фашиста)*. Не лапай.
 ФАШИСТ. Смелый какой. Карашо... *(Кидается на Веню. Тот бросается ему под ноги. Фашист падает через него.)*
 ВЕНЯ. Полежи чуть-чуть.
 ФАШИСТ *(вскочив)*. О Швайн. *(Достаёт нож.)* Сейчас я буду тебя немножко делать... ветчина... *(Делает выпад, пытаясь достать Веню. Но Веня эффектным приёмом выбивает нож.)*
 ВЕНЯ. Не больно?
 ФАШИСТ *(озверев)*. Партизанен!?!.. *(Хватает табуретку и гоняется за дерзким мальчишкой, но, ослеплённый яростью, крушит лишь попадающиеся на пути преграды.)*
 ВЕНЯ *(фашисту)*. Не устал ещё?
 ФАШИСТ. Негодный маленький... швайн... *(В изнеможении садится на полуразбитый стул.)*
 ВЕНЯ. Вот так-то лучше.
 РЕБЯТА. Ура!.. *(Павлик с Таней развязывают пленников.)*
 ВЕНЯ *(фашисту)*. Ну что, ещё побегаем?
 ФАШИСТ. Найн.
 ВЕНЯ. Жарко?
 ФАШИСТ. Я, я!..
 ВЕНЯ. Может быть, имеет смысл переодеться? *(Берёт одно из приготовленных для ребят платьев и вместе со всеми наряжает в него фашиста.)*
 ФАШИСТ. Яволь...
 ШУРИК. Попался, гад?!
 ОЛЕГ. Бантики ещё нацепил!.. *(Бьёт фашиста.)*
 ТАНЯ *(Олегу)*. Не смей!.. Ты же... Это они так... А мы...
 ВЕНЯ. А мы ему – бантики!

Вплетают фашисту бантики.

ПАВЛИК. Красиво!..
 ФАШИСТ. Яволь.
 ШУРИК. Генералиссимуса нашего хотел убить, гад! Да мы тебе за деда заешь, что сделаем?
 ФАШИСТ. Гитлер капут.
 ШУРИК. Ишь как запел?
 ТАНЯ. Это Веннику спасибо скажите.
 ВЕНЯ. Да чего там...
 ОЛЕГ. Веник... Ты... Не обижайся на нас... Я не думал, что ты такой...
 ТАНЯ. Какой?
 ШУРИК. Венька у нас – молодчага!
 ПАВЛИК (*Олегу*). А котёнка больше не будешь обижать?
 ОЛЕГ. При чём здесь котёнок? Разве о котёнке сейчас речь? Теперь мы!.. Мы с Веником теперь... Скажи, Веник!..
 ТАНЯ. Какой он тебе – Веник?
 ШУРИК. А кто он? Что ли, метла?
 ВЕНЯ. Да не в этом дело, братва! Всё нормально.
 ОЛЕГ. Порядок в танковых частях.
 ВЕНЯ. На флоте. Понял?
 ОЛЕГ. Усёк.
 ШУРИК. Вень... Мир, а?
 ОЛЕГ. Правда, чего нам ссориться?
 ВЕНЯ. Всё нормально, братва! Мы теперь, если вместе будем, да кто нам страшен?! Если вместе?!.. Эх, ребята!..
 ШУРИК. Заживём теперь!
 ПАВЛИК. Давайте – как мушкетёры?
 ШУРИК. Сиди уж, ты-то!..
 ВЕНЯ (*Шурику*). Опять?
 ШУРИК. А что? Я ничего.
 ВЕНЯ. Пашка – тоже человек. Не хуже тебя. Мы теперь все одинаковые, понятно?
 ШУРИК. Конечно, понятно.
 ВЕНЯ. Всем понятно?
 ОЛЕГ. Всё правильно, Веник.
 ВЕНЯ. И первым делом отдадим ключи сторожу.
 ШУРИК. Генералиссимусу? Ага.
 ПАВЛИК. Ура!
 ВСЕ (*подхватывают*). Ура-а-а!..
 ФАШИСТ. Гитлер капут.
 ВЕНЯ (*фашисту*). Ты ещё здесь?
 ШУРИК. А ну, давай чеши отсюда.
 ФАШИСТ (*начинает чесаться*). Яволь, Яволь.
 ОЛЕГ. Сматывай удочки, тебе говорят.
 ФАШИСТ. Их найн ди фишер... Я есть зольдат. Пиф-паф, ой-ой-ой!
 ВЕНЯ (*командует фашисту*). Смирно! Кругом!.. Шагом марш!..
 ВСЕ. Раз-два! Раз-два!..

Фашист уходит строевым шагом.

ВЕНЯ (*кричит ему вслед*). Бегом марш!..
 Слышен быстрый топот удаляющихся сапог, постепенно переходящий в лошадиный галоп.
 ОЛЕГ. Как рванул!..
 ШУРИК (*кричит*). Эй! Бантики верни, оглобля!
 Все дружно смеются.
 ПАВЛИК (*кричит*). Не споткнись! Платье замараешь!..
 ШУРИК. Что тебе сивка-бурка!.. (*Свист, улюлюканье, снова свист...*)
 Эге-гей, родимый!..

Затемнение.

Ураганный свист ветра. «Эге-ге-ге-гей!..»

КЭП и ГЕНЕРАЛИССИМУС (*Поют.*)

Хорошо летать во сне!
 Ты паришь под облаками
 С распростёртыми руками,
 Или скачешь на коне.

Ты одержишь над врагами
 Сотни, тысячи побед.
 Недругам пощады нет!
 Ты паришь под облаками...

Но проснись, дружок, – рассвет!
 Для тебя часы пробили.
 Надо выбрать: или – или,
 «Да» – ответить или – «нет».

Вспомни всё, чему учили.
 И теперь уже не сны,
 Наяву дела нужны,
 Надо выбрать: или – или.

Картина седьмая

Зал игровых автоматов. За столом, уронив голову на руки, спит Генералиссимус. В окошке – голова Шурика. Он тихонько свистит.

ШУРИК. Эй!.. *(Снова свистит.)* Эгей, родимый!.. Где ты там? Недоносок!.. Заснул, что ли?.. *(Опять свистит.)* Ну, погоди!... Эй!..

ВЕНЯ *(выходя из-за автомата)*. Что?

ШУРИК. Ты что, очумел?

ВЕНЯ. Пошёл ты!.. Знаешь куда?..

ШУРИК *(удивлённо)*. Что-о-о?

ВЕНЯ. Давай лестницу.

ШУРИК. С перепугу, что ли?.. Автоматик давай... Хоть один. Сколько будет — забирай и айда.

ВЕНЯ. Давай лестницу.

ШУРИК *(вниз)*. Олег, он не хочет... *(Исчезает. Через секунду в окне появляется Олег.)*

ОЛЕГ *(Вене)*. Ты что?

ВЕНЯ. Ничего.

ОЛЕГ. А ну, быстро.

ВЕНЯ. Не нукай. Я тебе не лошадь.

ОЛЕГ *(ласково)*. Веник... Не бойся. Дед не проснётся. У него же контузия. Потихоньку... Давай.

ВЕНЯ. Сам давай, а я не буду.

ОЛЕГ. Разве я бы тебя заставлял, если бы пролез?..

ВЕНЯ. Как хочешь, а я не буду. Я тебе не вор.

ОЛЕГ *(ласково)*. Веник... Я прошу тебя... Ты ведь понимаешь, что я с тобой сделаю, да?

ВЕНЯ. Это мы ещё посмотрим.

ОЛЕГ. Ну, гад!.. *(Бросает ему лестницу.)* Вылезай.

ВЕНЯ. Мне и здесь хорошо.

ОЛЕГ. Что с ним будешь делать?!

ВЕНЯ. Со мной ничего не надо делать.

ОЛЕГ. Открой дверь. Она только на защёлке.

ВЕНЯ. Зачем?

ОЛЕГ. Пойдѐшь домой. Впусти только нас. Мы сами всё обстригаем.

ВЕНЯ. Воровать нельзя. *(Достаёт ключ и кладѐт его спрятому в карман.)*

ОЛЕГ *(в ярости)*. Ты!.. Ну, я тебя сделаю!.. Только выйди отсюда.

ВЕНЯ. Не боюсь, не страшно.

Стук в дверь.

ГОЛОС ТАНИ. Веник! Ты здесь? Веник, открой. *(Пауза.)* Веник, я знаю, что ты здесь. Я слышала. Открой. Тебя мама ищет. В милицию звонили. Открой, Веник!..

Веник открывает дверь. Таня входит в зал.

ВЕНЯ. Откуда ты узнала?

ТАНЯ. Я же слышала, как вы договаривались, тогда в сквере. Возле лавочки.

ВЕНЯ. Зачем пришла?

ТАНЯ. Твоя мама к нам приходила... Папа в милицию позвонил...

ВЕНЯ. Ты что им рассказала?

ТАНЯ. Я — ничего. Но они к Павлику пошли, а он может и рассказать. Я оделась потихоньку и быстрее сюда.

ВЕНЯ. Одна? Не испугалась?

В зал входят Олег и Шурик.

ОЛЕГ. Ну, что будем делать с ними, Шурик?

ШУРИК. Милицию надо бы позвать. Грабѐж тут.

ТАНЯ. Уже позвали.

ОЛЕГ. Ты, что ли?

ТАНЯ. Очень нужно!..

ОЛЕГ. Правильно, девочка. Умница. Иди домой. К маме. Мы тебя не тронем.

ТАНЯ *(Вене)*. Пошли.

ОЛЕГ. Он не пойдѐт. Он боится с девчонками ходить.

ШУРИК. Воровать — не боится, а провожать — боится.

ВЕНЯ. Заткнись, фашистик.

ШУРИК. Че-его-о?!..

ВЕНЯ. Что слышал. *(Олегу.)* Пропусти.

ОЛЕГ. Да?

ВЕНЯ *(взвинченно)*. Что вы, как волки, ко мене привязались?!

Не боюсь я вас. Понятно? Не боюсь! *(Кричит.)* Попробуй только тронуть, я тебя... изуродую, понятно?! Я вам больше не буду!.. Я вам... Я у вас носы пооткусываю у обоих! Попробуйте только назвать ещё хоть раз недоноском!..

ШУРИК. Чего ты, чего ты?!

ВЕНЯ. Ух, паразиты!.. *(Шёпотом.)* Пропустите, кому говорю?!..

ОЛЕГ *(освобождая дорогу)*. Да иди, пожалуйста.

Веник и Таня, уходя, поют вместе со всеми.

Вот отличные игрушки:
Это — танки, это — пушки.
Вот тягач ракету тащит,
Он почти как настоящий.

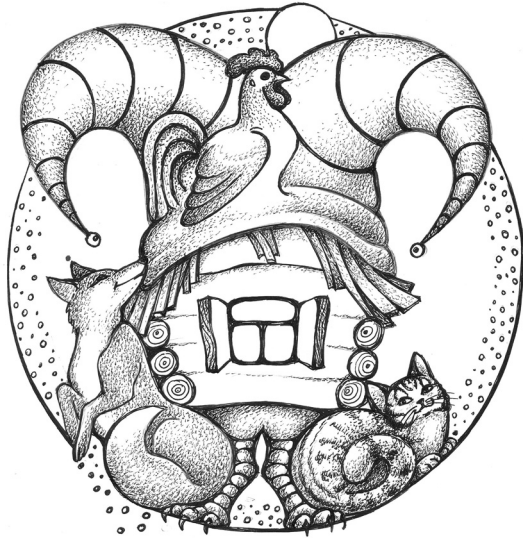
А вот с этим пулеметом
Ты один заменишь роту.
А возьмешь гранаты эти —
Будешь всех сильнее на свете.

Мы ведь шутим, мы играем,
Понарошку умираем.
И стреляем понарошку,
Ты — в Олежку,
Я — в Антошку.

Мы ведь шутим, мы играем,
Понарошку убиваем.
Хоть обидно, но не больно.
На сегодня всё. Довольно.

Занавес.

1983 г.

Избушка на курьих ножках

Пьеса-сказка в двух действиях по мотивам
русского фольклора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОТ
ПЕТУХ
ИЗБУШКА
ЛИСА
ВОЛК

ПРОЛОГ.

На сцене все актёры, занятые в сказке, в балаганных костюмах.

- Здравствуйте!
- Здравствуйте!
- Здравствуйте, дети!
- Нет, не прожить нам без сказки на свете!
- Здравствуйте русые, чёрные, рыжие!
- Скромные дети!..
- И дети бесстыжие!..
- Нынче у нас все пороки исправятся!
- Только добро и веселье останутся!
- Эх, давай-ка в хоровод!
- Веселись, честной народ!

Поют.

Вы послушайте, ребята,
Нескладушки вам спою:
Сидит Котик на заборе,
Подшивает сапоги.

Вот послушайте, ребята,
Вот как складно надо петь:
На дубу Лиса несётся,
В бане парится Медведь.

С неба звёздочка упала
Прямо Курочке на хвост,
Петушку обидно стало,
Он яичко с горя снёс.

Течёт маленькая речка,
Через речку мостик.
На мосту стоит Овечка,
У Овечки хвостик.

Ой, ребятки, хорошо
Под частушки поплясать,
Да уж время подошло
Нашу сказку начинать.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сельской лужайке резвится Петух.

ПЕТУХ.

Я Петушок, Петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка...

Вдруг шум, гром, крики, звон разбитой посуды. На лужайку выскакивает Кот и прячется под кустик. Петух — под другой.

ПЕТУХ (*после паузы*). Что?

КОТ. Ничего.

ПЕТУХ. Посуду побил или сметанку съел?

КОТ. И то и другое... Виноват я, что ли?

ПЕТУХ. А кто же виноват?

КОТ. Ну плохой я!.. Всё равно нельзя руки распускать.

ПЕТУХ. Она что, тебя била?! Опять?!.. Баба Яга!..

КОТ. Била меня Бабка, била-била да приговаривала: придут ко мне Кум с Кумой, чем угощать буду? Где сметанку для блинов взять?

ПЕТУХ. За уши драла?

КОТ. И за уши, и за ноги, и за хвост. Пришибить грозилась.

ПЕТУХ. Не позавидуешь тебе.

КОТ. Тебе тоже не позавидуешь.

ПЕТУХ. А что я? Я тут ни при чём.

КОТ. Ещё Бабка говорила: придётся, мол, Петушка прирезать, чтоб было чем гостей дорогих угостить.

ПЕТУХ. Ах ты, Кот, бестолковый лоб! За что ты меня-то загубил?

КОТ. Прости, пожалуйста.

ПЕТУХ. Я прошу, Бабка не простит.

КОТ. Да, больно она разозлилась.

ПЕТУХ. Куда нам теперь?

КОТ. Может, в лес? На волю?..

ПЕТУХ. В лесу тоже съест могут.

КОТ. Если б Дедуля был жив, он бы нас в обиду не дал.

ПЕТУХ. Да... Дедуля хороший был.

КОТ. Всё она! Ведьма...

ПЕТУХ. Костяная нога! Дедулю со свету сжила и до нас добирается...

КОТ. Пошли в лес. Найдём Избушку на курьих ножках и будем в ней жить.

ПЕТУХ. А если Баба Яга опять в неё вернётся?

КОТ. Куда?! В лесную избушку? Ей теперь и здесь хорошо. Живи не хочу.

ПЕТУХ. Обманывает людей... Колдунья!.. (*Передразнивает Бабу Ягу.*) «Ты катись, катись, колечко...» Хоть бы сама укатилась из нашего дома.

КОТ. Пока она катается, как сыр в масле.

ПЕТУХ. А где мы в лесу Избушку найдём?

КОТ. Поискать надо.

ПЕТУХ. В лесу страшно...

КОТ. Тс-с... Гляди... Волк и Лиса!..

Волк и Лиса, напевая, идут рука об руку в гости.

ЛИСА. Будет праздник весёлый у нас.

Наедемся «от пуза» сейчас.

ВОЛК. По обыканию седой старины

Мы с Лисою идём на блины.

ЛИСА. А Бабуле совсем невдомёк,

Как прожорлив её Куманёк.

ВОЛК. У неё не хватает ума —

Знать, что курочек любит Кума.

ЛИСА. Ой, не будет большого греха,

Коль с блинами я съем Петуха.

Волк и Лиса, пританцовывая, уходят в дом.

ПЕТУХ. Слышал?

КОТ. Не бойся, Петруша, руки у них короткие, чтобы съест тебя.

ПЕТУХ. И Баба Яга грозилась меня прирезать.

КОТ. Она может.

ПЕТУХ. Боюсь я.

КОТ. Мне, думаешь, не страшно?

ПЕТУХ. Что нам делать, Котофей?

КОТ. На волю надо, Петруша.

ПЕТУХ. На воле в лесу нас тоже слопают.

КОТ. Не слопают. Найдём избушку и заживём в ней.

ПЕТУХ. Не слопают, так с голодухи помрём.

КОТ. Ты же кто ешь?! Петрушка! Скоморох! Будем зверей веселить, птиц всяких. Что мы — на пшено и на сметану не заработаем?

ПЕТУХ. Думаешь, бежать надо?

КОТ. Конечно, Петруша.

ЛИСА (*невдалеке*). Петушок, Петушок!

Золотой гребешок!

Подойди к окошку,

Дам тебе горошку.

КОТ. Решайся!

ПЕТУХ. Бежать или не бежать?

КОТ. Бежать!

Кот и Петух убегают.

КОТ. У нас несчастье случилось —
Петух из дому сбежал.
Достучался до того —
Не сварили чуть его.

ПЕТУХ. Это кто же мчится с нами
На рысях и налегке?
Все усы его — в сметане,
Лапы — в кислом молоке.

КОТ. Забежал Петух в болото —
Шпоры сбились вкривь и вкось,
Как осинный лист трясётся —
Подковать его пришлось.

Вдогонку беглецам несутся крики.

— Лови его!
— Держи!
— Ату его!
— Ату!..

Затемнение.

В дремучем лесу, среди вековых деревьев, дрожат от холода, голода и страха
Кот и Петух, а по лесу бродит Ёжик*

ЁЖИК *(поёт)*.

По-над лесом ветер бродит.
Без хозяйки мы давно.
Солнце всходит и заходит,
А в бору моём темно.

Сырость просится в окно,
Прохудилось в ступе дно,
А трухлявоё бревно
Завалилось за гумно.

Без тебя осиротели
Заповедные луга,
Без тебя осточертела
Даже Радуга-Дуга.

*Вероятно, для скоморошских потех потребуется чётное число исполнителей, поэтому автор предлагает для сказки Ёжика.

Где ты, Старая Карга?
Мать-заступница — Яга?
Обломай беде рога,
Справедливая Нога.

Буреломы загнивают,
Топи сохнут у болот,
Ивы слёзы проливают
У стоячих тёмных вод.

От тоски устал народ,
Выпь от голода ревёт.
И не слышно от Кротов:
Будь готов! — Всегда готов!

Ёжик уходит.

ПЕТУХ. Мне страшно, Котофей.

КОТ. А я есть хочу.

ПЕТУХ. А я хочу... домой.

КОТ. К ведьме этой на костяной ноге?

ПЕТУХ. Если б дедуля был жив...

КОТ. Если бы да кабы, да росли во рту грибы, то был бы не рот, а
целый огород.

ПЕТУХ. Грибы я не люблю. Что я — Ёжик, что ли?

КОТ. Ты не Ёжик, а...

ПЕТУХ. А кто?

КОТ. Трясешься, как Заяц!

ПЕТУХ. Я не тряусь, я просто робею маленько.

КОТ. Тогда не хнычь.

ПЕТУХ. Избушку бы найти. Там тепло.

КОТ. И припасы есть.

ПЕТУХ. И не съест никто.

КОТ. И мышей полно.

ПЕТУХ. Где это «курьи ножки» теперь блукают?

КОТ. Найдём. Пошли.

ПЕТУХ. Тихо. *(Прислушивается)*.

КОТ. Кто-то идёт.

ПЕТУХ. За нами.

КОТ. Прячься в дупло.

ПЕТУХ. Страшно.

КОТ. Забирайся, кому говорю!

ПЕТУХ. А ты?

КОТ. Я на дерево залезу.

Петух лезет в дупло, Кот — на дерево.

ПЕТУХ. Котофей, я боюсь.

КОТ. Тихо. Идут. Сюда. Молчок.

Появляются Лиса и Волк.

ВОЛК. Быстрее, рыжая, а то ускользнёт лакомство от нас.
ЛИСА. У меня ножки не идут.

Падают под деревом, где притаились Кот и Петух.

ВОЛК. Быстрее. Кто-нибудь перехватит Петуха. Такое блюдо в лесу нарасхват.

ЛИСА. Бабуля!.. Жадюля!.. Не могла покормить перед охотой!.. «Поймать!.. Сожрать!..» А если здоровье без еды хромает на все четыре лапки?! Не могла дать в дорогу вкуснятины какой-нибудь заваляшей... Старая Карга! В кои-то веки в гости к ней пришли, в первый раз в деревушку эту к ней выбрались, а она хоть бы рыбы дала! Жадина-говядина!..

ВОЛК. Ну! Ещё и за Петухом гоняться заставила! На голодный желудок! Где его искать?!

ЛИСА. Тс-с.

ВОЛК. Что?

ЛИСА. Здесь кто-то есть.

ВОЛК. Нет тут никого.

ЛИСА. Есть.

ВОЛК. Нету.

ЛИСА. Есть.

ВОЛК (*громко*). Да кто тут есть?! Мерещится тебе. (*Тихо*.) Здесь они.

ЛИСА (*нарочито*). Что я, совсем из ума выжила?

ВОЛК (*подыгрывая*). Патрикеевна, не кипятись.

ЛИСА. Значит, я, по-твоему, дура?

ВОЛК. Нет, Лизавета, ты не дура.

ЛИСА, Нет, дура!

ВОЛК. Нет.

ЛИСА. Дура я!

КОТ (*сверху*). Дура, дура.

ЛИСА (*Волку*). Ах, я, по-твоему, дура?

ВОЛК. Лизавета!

ЛИСА. Уйди от меня!

ВОЛК (*тихо*). Понял, не дурак. (*Громко*.) Остынь, Патрикеевна. Сейчас я тебе водички попить добуду, тут ручеек где-то поблизости журчит. (*Тихо*.) Я понарошку уйду.

ЛИСА. Что?

ВОЛК. Якобы уйду. (*Уходит*).

ЛИСА (*вслед*). Иди, иди... Якобы... (*Запела*).

Непутёвый милый друг
Отбивается от рук.
Он с пустою головой
Соревнуется со мной.

А я мудрая,
Златокудрая,
Очень хитрая,
Но сердитая...

КОТ. Потому что-дура.

ЛИСА. Сам дурак.

ПЕТУХ (*Коту*). Тише.

ЛИСА (*якобы испуганно*). А?

КОТ (*вторит, будто эхо*). А-а...

ЛИСА (*протяжно*). А-а-а!..

КОТ (*вторит ей*). А-а-а!..

ЛИСА. Эхо.

КОТ (*вторит*). О-о...

ЛИСА (*тихо*). Или не эхо? (*Громко*.) Эхо.

КОТ. Эхо, эхо.

ЛИСА (*тихо*). Нет, не эхо. (*Громко*.) Где же Серый, друг мой смелый? Пойду, поищу его.

Лиса демонстративно уходит. Пауза.

ПЕТУХ (*не высовываясь из дупла*). Ушла?

КОТ. Молчок.

Пауза. Бесшумно появляется Лиса и прячется за соседним деревом.

ПЕТУХ. Никого. (*Пауза*.) Пошли отсюда.

КОТ (*спустившись с дерева*). Погоди. Я пойду погляжу, где они.

ПЕТУХ. А я?

КОТ. А ты сиди в дупле и не чирикай.

Кот уходит.

ПЕТУХ. Не чирикай... Что я – воробей, что ли?

ЛИСА (*подкрадываясь к дереву с дуплом*). Вот ты где, голубчик...

ПЕТУХ. Никого?

ЛИСА. Ага.

ПЕТУХ. Тень какая-то.

ЛИСА. Это от кустика тень.

ПЕТУХ. А кто со мною говорит?

ЛИСА. Страх твой.

ПЕТУХ. Я ничего не боюсь.

ЛИСА. Тогда зачем в дупло спрятался?

ПЕТУХ. Подумаешь! Могу и вылезти.

Петух высовывается из дупла, Лиса хватает его и тащит прочь.

ЛИСА. Попался, родимый.

ПЕТУХ. Отпусти!
 ЛИСА. Сейчас отпустим, Петенька. Грехи твои. Вольные и невольные. Потерпи. Срок придёт – и отпустим.
 ПЕТУХ (*голосит*).

Помогите!
 Несёт меня Лиса
 За тёмные леса,
 За дремучие боры,
 За высокие горы,
 За синие реки.

Котофей Иванович, спаси меня!

Выскакивает Кот и бросается к Лисе.

КОТ. Стой!
 ЛИСА. Ой!
 КОТ. Отдай птичку.
 ЛИСА. Какую птичку?
 КОТ (*показывает на Петуха*). Вот эту.
 ЛИСА. Какая это птица? Это даже не курица.
 ПЕТУХ. Попрошу не оскорблять!
 ЛИСА (*Коту*). Да ты хоть кого спроси.
 КОТ. Что спрашивать! Все знают, что Петух – птица.
 ЛИСА. Птица?! (*Смеётся*.) Ой, не могу!..
 ПЕТУХ. Ещё какая!
 ЛИСА. Из этой птицы хороший холодец будет для Лисицы. Студень.
 КОТ. Лисичка, не шали.
 ЛИСА. Обоим хватит.
 КОТ. Отдай Петрушу.
 ЛИСА. Один студень слопать хочешь?
 КОТ. Я?! Студень слопать?! Из дружка своего закадычного?! Да как у тебя язык повернулся?!
 ЛИСА. Знаем, знаем.
 КОТ. Ну, держись, плутовка!

Кот бросается на Лису. Та – на Кота. Драка.

ПЕТУХ. Так её! Так...

Но Кот спотыкается и падает на землю.

ЛИСА (*бросается на Кота*). Попался!
 ПЕТУХ. Эй! Эй! Что ты делаешь? Его нельзя бить!
 ЛИСА. Можно.
 ПЕТУХ. Нельзя. Это наш новый воевода.
 ЛИСА. Кто?
 ПЕТУХ. Воевода. Хозяин всего дремучего леса.

ЛИСА. Правда?
 ПЕТУХ. Правда. Его сам царь сюда прислал.
 ЛИСА. Воевода?
 ПЕТУХ. Да, да. Воевода.

Кот в конце концов одолел Лису.

ЛИСА (*связанная*). Что же ты сразу не сказал?
 ПЕТУХ. А ты спрашивала?
 ЛИСА. Воевода... Это совсем другое дело.
 КОТ. Кто, кто я?
 ПЕТУХ. Воевода. Злючий до невозможности.
 КОТ (*Петуху*). Чего ты городишь?
 ПЕТУХ (*Лисе*). Только одна беда – со слухом у него туговато. Оглох от злости.
 ЛИСА. Бывает. Я, когда разозлюсь, тоже видеть никого не могу.
 ПЕТУХ. Вот. А у него уши вянут от злости.
 ЛИСА (*кокетливо*). Ой, какой бедовый зверь у нас в захолустье объявился!
 КОТ. Какой зверь?
 ЛИСА (*Петуху*). Совсем не слышит?
 ПЕТУХ. Еле-еле. (*Громко*.) Это – Котофей Иванович! Засланный сюда в дремучий лес царствовать!
 КОТ. Кем засланный?
 ПЕТУХ. Самим царём-батюшкой.
 ЛИСА. Ух ты!
 ПЕТУХ. А я у него вроде как на побегушках.
 КОТ (*поёт*).
 Подложил мне друг свинью.
 Отчего же я пою?
 Я пою совсем не зря –
 Воевода нынче я!

ЛИСА. Послушай, Петушок, сосватал бы ты меня ему.
 ПЕТУХ. Очень ты ему нужна!
 ЛИСА. Я в долгу не останусь.
 ПЕТУХ. Он, чай, боярского рода!
 КОТ (*поёт*).

Будет понято зверьём,
 Что мы посланы царём.
 Злобный нрав свой пусть умерят,
 А не то – семь шкур сдерём.

ЛИСА (*Петуху*). Дам тебе горошка.
 ПЕТУХ. «Выгляни в окошко»?
 ЛИСА. Я тебя такой вкуснятиной потчевать буду!
 ПЕТУХ. Какой вкуснятиной?
 ЛИСА. Самой вкусной вкуснятиной. Пальчики оближешь.
 КОТ (*поёт*).

Ох и я, да! Ох и я!
Поглядите на меня!
На меня – разбойника,
Зверя без намордника!

ПЕТУХ (*Лисе*). В тридевятом царстве Котофей Иваныч, знаешь, кто был?

ЛИСА. Кто?

ПЕТУХ. Кто, кто... Пэр.

ЛИСА. Иди ты!

ПЕТУХ. И сэр.

ЛИСА. Иди ты!

ПЕТУХ. Благородных кровей хозяин ваш.

ЛИСА. Сразу и пэр тебе, сразу и сэр тебе...

ПЕТУХ. А ты как думала?

КОТ (*поёт*).

Я ничем не дорожу.
Я в лесу один брожу.
Где ты, где, моя зазноба?
Выходи – приворожу...

ЛИСА. Петушок, сосватай, озолочу!

ПЕТУХ. «Дам тебе горошка»?

ЛИСА. В шоколаде у тебя горох будет.

ПЕТУХ. В чём, в чём?

ЛИСА. В шоколаде! Шоколад – заморское лакомство.

ПЕТУХ. А то мы с Котофеем его не едали!

ЛИСА. А с горохом он – объеденье. Я, правда, сама его не пробовала, но Баба Яга рассказывала, что Змей Горыныч видел, как Кошцей Бессмертный им Василису Прекрасную потчевал.

ПЕТУХ. Горохом? Василису?

ЛИСА. Шоколадом!

ПЕТУХ. Ты хочешь, чтобы я променял Кота на горох?

ЛИСА. В шоколаде. Два раза на дню горох в шоколаде у тебя будет.

ПЕТУХ. Три раза в день.

ЛИСА. Да хоть пять!

ПЕТУХ. Не обманешь?

ЛИСА. Да чтоб у меня глаза повылазили!

ПЕТУХ. Смотри...

Петух развязывает Лису, которая тут же связывает его.

ЛИСА (*Петуху*). Посиди пока так, а то где мне тебя потом с шоколадом искать...

ПЕТУХ. Котофей Иваныч!

КОТ. погоди. Не до тебя. Обмозговать, что к чему надо.

ПЕТУХ. Чего обмозговывать!

КОТ. Чего, чего! А ничего, вот чего!

ПЕТУХ. Ощиплют меня сейчас, как липку!

КОТ. Весь лес теперь на мне! Это сколько дел переделать надобно, чтобы дремучесть тут искоренить?! Буреломы расчистить, злодеев угомонить, голодных накормить. Потом – болезни, бедствия всякие...

ПЕТУХ. А жильё?

КОТ. О! (*Лисе*.) Эй, как там тебя, дворец для меня приготовили?

ЛИСА. А как же! Дворец! Терем, можно сказать, на курьих ножках!

КОТ. Где он?

ЛИСА. Тут недалеко. На опушке пасётся, вас ожидаючи.

ПЕТУХ (*Лисе*). Ты ему про любовь рассказывай, он сразу растает.

ЛИСА (*Петуху*). Поняла – не дура. (*Коту*.) Вы только что про одиночество пели... – я вас так понимаю! (*Запела*).

Не кукуй, кукушка, здесь,
Без тебя досада есть.
Не от твоего ли голоса
Одолела грусть-тоска?

ПЕТУХ (*Коту*). Хороша?

КОТ. Загляденье.

ЛИСА (*поёт*).

Уж котору ночь не спится,
Мысли бродят вдалеке,
Ум в головушке кружится,
Сердце бедное в тоске...

КОТ. Отчаянно хороша.

ПЕТУХ. Одна беда – хитра.

КОТ. Одна – это не беда. Это... Это... (*Занел*).

Ты, красавица, стой,
Мне ещё чуть-чуть попой.
Ничего не пожалею,
Чтоб услышать голос твой.

ЛИСА. Спасибо.

КОТ (*опешив*). Что?

ЛИСА (*громко*). Спасибо, говорю.

КОТ. За что? Ты и впрямь загляденье.

ЛИСА. Я не за то благодарю.

КОТ. А?.. За что?

ЛИСА (*громко*). За «ничего не пожалею».

КОТ. Я ничего. Я не болею!..

Появился Волк весь в болотной тине, больше похожий на лешего. Никем не замеченный спрятался под кустом.

ВОЛК. Что это они вздумали здесь судачить?

ЛИСА (*в сторону*). Какой, однако, тугоухий.

ПЕТУХ (*Лисе*). Ты ему погромче.

КОТ (*громко*). Что?
 ЛИСА (*громко*). Я говорю, хорошо тут!
 КОТ (*громко*). Да! Места здесь тихие.
 ЛИСА (*громко*). Ага!
 КОТ. А что, разве не так?
 ЛИСА. Кто же с вами спорить будет?!
 КОТ. Пусть только попробует кто-нибудь!
 ВОЛК. Попробую сейчас.
 ЛИСА (*Коту*). Как вас звать-величать?
 КОТ. Меня?
 ЛИСА (*громко*). Я – Лизавета Патрикеевна. (*Ещё громче.*) Лизавета
 я! А вы кто?
 КОТ (*громко*). Котофей Иваныч мы! (*Ещё громче.*) Лизавета!
 ЛИСА. Я!
 КОТ. Мы!
 ЛИСА. С Петушком?
 КОТ (*Петуху*). Глухая она, что ли? А ведь такая красотища!
 ЛИСА. За царя-батюшку здоровье положили?
 КОТ. Куда положил?
 ЛИСА (*громко*). Потерял.
 КОТ (*громко*). У меня всё при мне!
 ЛИСА. Оно и видно.
 ВОЛК. Разорались на весь лес.
 ЛИСА (*заметив Волка, Коту*). Тяжело вам будет править нами.
 КОТ. Не понял.
 ЛИСА. Народ – говорю – у нас бедовый.
 КОТ. Каждому бедовому – плёточку шелковую.
 ПЕТУХ. И пряничка медового.
 ЛИСА. Столичный вы наш!.. Там, конечно, жизнь!..
 ВОЛК. Столичная? Отличная.
 ЛИСА. Там, небось, красавица на красавице сидит да красавицей
 погоняет.
 КОТ. Там и не такое бывает.
 ЛИСА. Котофей Иваныч, вы царя-то видали?
 КОТ. Царя?..
 ЛИСА. Его, родимого!
 КОТ. Как тебе сказать... Не единожды!
 ЛИСА. А что царь на завтрак ест?
 КОТ. Ну, ведро сметаны, мышей эдак с дюжину.
 ЛИСА. Чего, чего? Царь мышей ест?
 КОТ. Это он карасей мышами называет.
 ЛИСА. А на обед что он ест?
 КОТ. На обед?
 ЛИСА. Да, на обед.
 КОТ. Ну... Шубка у тебя больно хороша. Перед такой шубкой в сто-
 лицах никто бы не устоял.
 ЛИСА. А вы бы устояли?
 КОТ. На том и стоим, чтобы вовремя пасть.

Лиса и Кот поют.

ЛИСА.
 Хорошо любить весною
 Под зелёною сосною.

КОТ.
 Не гадал, не ждал, что встречу
 Лизавету я весной.

Уходят. Появляется Волк.

ВОЛК. У-у-у предательница!.. Ну, Петушок, конец тебе пришёл.
 Волк хватает Петуха и пытается утащить его.

(*Поёт*).
 Запирайтесь, люди, на запоры,
 А не то вам всем не сдобровать.
 Поплотнее закрывайте шторы,
 Чтоб потом не плакать, не рыдать!

Выхожу я ночью из болота
 И брожу голодный, страшный, злой.
 Если заграбастаю кого-то,
 Песню пропою за упокой!

Я уж тут не дам, ребята, маху!
 Так приснюсь, что только лишь держись!
 Я такого нагоняю страху –
 Зуб на зуб не попадёт ни в жизнь!

Волк пытается утащить Петуха.

ПЕТУХ (*кричит*). Помогите! Котофей Иваныч, спаси меня!

Волк и Петух скрываются в чаще.

КОТ (*выскакивает из кустов*). Петруша! Бегу! Держись!.. (*Кидается
 в погоню*).

Эй, постой, куда помчался?
 Я с тобою не шучу!
 Не сбежишь, как ни старайся,
 Догоню – поколочу!..

Занавес.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лес. Погоня. Волк с пленным Петухом убегает от Кота с Лисой.

ПЕТУХ.

Котофей, помоги!
Злого Волка догони!
Петуха ослобони!

ВОЛК.

Это кто за мною мчится,
Будто ведьма с помелом
И с моей кумой Лисицей?
Взять хотят меня живьём!
Убегу, как ни старайтесь.
Вам в лесу меня не взять.
На курятину не зарьтесь.
Кости дам вам пожевать.

ПЕТУХ. Котофей, помоги!..

КОТ.

Окружай его, заразу!
Бей врага за Петуха!
Если враг не сдался сразу –
Раззудись, моя рука!

ЛИСА.

Раззудись-ка всё, что может!
Раззудитесь, лапки!
Мы врага сейчас разложим
На обе лопатки!

Кот догоняет Волка. Драка. Петух освобождается и убегает.
Кот бросается за ним.

КОТ (*Волку, убегая*). Ты у меня ещё получишь!

ВОЛК. Это от кого? От тебя, что ли? А ну-ка стой!

ЛИСА. Эх ты, Серый, друг мой смелый... Не смог убежать с Петухом...

ВОЛК. Предательница!

ЛИСА. Чего-о?

ВОЛК. Уйди, изменщица, видеть тебя не могу.

ЛИСА. Да если б не я, сложил бы ты сейчас здесь свою буйную головушку.

ВОЛК. Кто, я?

ЛИСА. Ты хоть знаешь, с кем сражение затеял?

ВОЛК. Да я его!..

ЛИСА. Это наш новый хозяин.

ВОЛК. Медведь у нас хозяином испокон веку был.
ЛИСА. Был да сплыл. Теперь Котофей Иваныч наш воевода. Защитник наш и кормилец.

ВОЛК. Это мы ещё посмотрим.

ЛИСА. Воевода он! Самим царём-батюшкой в наши края назначен.

ВОЛК. И грамота царская у него есть?

ЛИСА. А то как же. И грамота, и когти. И зубки поострей твоих будут.

ВОЛК (*оробев*). А я его Петуха чуть не съел.

ЛИСА. Одно другому не мешает. Петушиных потрошков не отдавать – большой грех на душу взять.

ВОЛК. А по мне, так лучше окорочков петушиных – так и нет ничего. Горяченькие!.. С чесночком!.. Обьеденье!

ЛИСА. Отведаем – дай срок.

ВОЛК. А как же Котофей... как его?.. Иваныч?

ЛИСА (*загадочно*). Эх, Серго... друг мой загадочный...

ВОЛК. Говори толком.

ЛИСА (*мечтательно*). Горяч Котофей Иваныч. Ох, горяч...

ВОЛК. Подумаешь! Мы тоже – не лыком шиты.

ЛИСА. Он – сэр... (*Волку*.) Ты сэр?

ВОЛК. Ну... Не сед же ещё.

ЛИСА. Нет, ты не сэр. Да и не пэр...

ВОЛК. Это уж – упаси, господи.

ЛИСА. То-то и оно. А он – барин. Ежели его подмаслить, он для милого дружка тогда – серёжку из ушка отдаст.

ВОЛК. Серёжку – отдаст, а друга может и не отдать.

ЛИСА. Мне – отдаст. А тебя, пожалуй, и наказать может.

ВОЛК. Ой, не нравится мне всё это.

ЛИСА. А мне, думаешь, нравится?.. Ещё вот надо горох в шоколаде Петуху доставать...

ВОЛК. Ты – Петуху?

ЛИСА. Ты бы порыскал, Сергуня.

ВОЛК. Где? Раньше у Кошея шоколад всегда был, а теперь...

ЛИСА. И сами бы полакомились.

ВОЛК. Горохом?! Ты что, хочешь, чтобы я закукарекал?

ЛИСА. Не получится у тебя.

ВОЛК. Это почему же?

ЛИСА. Мне кажется.

ВОЛК. Кажется... О! А мне кажется – я знаю, как нам Петуха заграбастать.

ЛИСА. Знаешь?! Да ну?!

ВОЛК. Кованый сундук со смертью Кошея Бессмертного помнишь?

ЛИСА. Какой сундук?

ВОЛК. Ну, сундук, в котором заяц был, а в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – иголка с Кошеевой смертью.

ЛИСА. И что?

ВОЛК. На взморье он под дубом до сих пор валяется после того, как его распотрошили. Я сейчас за ним сбегаю, а потом... (*Шепчутся*.) Я заберусь в сундук, а потом из него...

ЛИСА. Ага!.. Лети. А я пока им тут мозги попудрю всласть.

ВОЛК. Я – мигом! (*Убегает*).
ЛИСА (*запела*).

Ты катись, катись, колючко,
Тропочкой нехоженой,
Ты люби, люби, сердечко,
Это так положено.

Крадучись, появляются Кот и Петух.

Мы в глаза друг другу глянем,
Друг на дружку поглядим...
И влюблёнными устами
Петуха вдвоём съедим...
Или не съедим?.. Съедим! (*Уходит*).

ПЕТУХ. Ты слышал? Ты слышал?!

КОТ. Что я – глухой, что ли?

ПЕТУХ. Бежим отсюда скорей.

КОТ. Куда бежать?

ПЕТУХ. В тридевятое царство. Там, говорят, хорошо.

КОТ. Там своих Петухов хватает.

ПЕТУХ. Ну, ещё куда-нибудь.

КОТ. Петруша, не бойся. Пока я с тобой, никто тебя не съест.

ПЕТУХ. Тебе хорошо говорить, ты невкусный.

КОТ. Чтобы тебя не съели, надо не бегать, как трусливые зайцы, а...

ПЕТУХ. А что?

КОТ. Надо быть сильным.

ПЕТУХ. А если силы нет?

КОТ. Надо быть смелым.

ПЕТУХ. А если смелости – кот заплакал?

КОТ. Хитростью тогда врагов надо брать.

ПЕТУХ (*уныло*). Ага... Попробуй Лису перехитрить.

КОТ. И перехитрим! Ты что, думаешь, я на её притворные ужимки
кдюнул?

КОТ. У меня что, клюв есть?

ПЕТУХ. У тебя не клюв.

КОТ. Чем же мне клевать?

ПЕТУХ. Мордой лица. (*Смеётся*).

КОТ (*улыбается*). Вот так-то лучше. Пусть Лизавета думает, что во-
еводу завлекла в свои сети, а мы тем временем...

ПЕТУХ. Что? (*Шепчутся*.) Ага!.. Только не забывай, что ты на ухо
туговат.

КОТ. Это – ерунда. Главное – чувствовать себя хозяином. Чувство-
вать, понимаешь?

ПЕТУХ. Я уже чувствую.

КОТ. И не дай тебе бог хоть чуть-чуть показать, что ты их боишь-
ся.

ПЕТУХ. Я им покажу!

КОТ. Я говорю – нельзя показывать.

ПЕТУХ. Я им такое покажу, что они сами испугаются.

КОТ. Не лсти себе, Петруша.

ПЕТУХ. Идёт кто-то.

КОТ. Прячься. (*Прячутся*).

Появляется Избушка на курьих ножках.

ИЗБУШКА (*поёт*).

Среди лесов дремучих
Дни медленно текут,
Здесь витязей могучих
И днём и ночью ждут.
Ох!

Он раннею весною
В Избушку постучит,
Могучею рукою
Он двери отворит.
Ах!

Я жду того денёчка,
Всё жду и жду людей.
Эх!

Была бы только ночка,
Да ночка потемней!..

КОТ (*Избушке*). Ты кто?

ИЗБУШКА. Кто здесь?

ПЕТУХ. Мы. (*Выходят из укрытия*).

КОТ (*показывает на Петуха*). Он – друг мой закадычный. Петруша.

ПЕТУХ (*показывает на Кота*). А он – Котофей Иванович, царём за-
сланный сюда, воевода.

ИЗБУШКА. А я – просто одинокая Избушка в лесу.

КОТ. Хутор?

ИЗБУШКА. Сам ты хутор. Я – Избушка.

ПЕТУХ. А ноги зачем?

ИЗБУШКА. Я Избушка на курьих ножках.

ПЕТУХ. Ого! Бройлер, что ли?

ИЗБУШКА. Ты на себя посмотри! Петушок... Золотой гребешок.
Что так рано встаёшь, голосисто поёшь? Детям спать не даёшь?..

КОТ. Не ссорьтесь. (*Петуху*.) Избушка – это то, что нам надо.

ИЗБУШКА. Чего он дразнится?

ПЕТУХ. Я не хотел обидеть.

ИЗБУШКА. Я, может, болела, тебе-то что?

КОТ. Ну, будет (*пауза*). Избушка, понимаешь, мы вроде как бездо-
мные.

ИЗБУШКА. Ни кола ни двора, значит?

КОТ. Выходит, что так.

ИЗБУШКА. Ходят тут всякие, а потом запах во всех углах такой, что хоть из дому беги. А куда я от себя убегу?

КОТ. Да. От себя не сбежишь.

ИЗБУШКА. Вот! А вы на постой проситесь.

ПЕТУХ. Мы будем полы подметать... И мыть.

ИЗБУШКА. А по углам бедокурить не будете?

ПЕТУХ. Избушка, я всё-таки домашняя птица!

ИЗБУШКА. А он?

ПЕТУХ. Ты что?! Он же воевода!

ИЗБУШКА. Вот такие как раз и норовят везде память о себе оставить.

ПЕТУХ. Он не такой.

ИЗБУШКА. Все сначала не такие, а потом — хоть святых выноси.

КОТ. Мы бы не просились к тебе, да звери здешние нас одолевают.

ИЗБУШКА. Кто?

ПЕТУХ. Волк и Лиса.

КОТ. Петушка хотят съесть.

ИЗБУШКА. Домашнюю птицу?!

КОТ. Друга моего.

ИЗБУШКА. Ох, злодеи!.. Ну ничего!.. Отплачутся Волку петушинные слёзки.

ПЕТУХ. И Лисе тоже отплачутся.

ИЗБУШКА. Ещё как!

КОТ. Вот мы и ищем пристанища.

ИЗБУШКА. Вот что, ребята, живите у меня, пока Баба Яга не вернётся.

КОТ. Она не вернётся.

ПЕТУХ. Баба Яга теперь среди людей бедокурит.

КОТ. Болезни лечит в деревне.

ПЕТУХ. В нашей избе живёт.

ИЗБУШКА. А вас за порог, значит?

КОТ. Сбежали мы от неё.

ПЕТУХ. Она меня зарезать хотела.

ИЗБУШКА. Ах вы, бедные мои... Ладно. Раз так, то, конечно, я вас не брошу на погибель. Будем вместе век коротать.

ПЕТУХ. Ура-а-а!

КОТ. Спасибо тебе, Избушка.

ИЗБУШКА. Вам спасибо. Здесь одной жить — такая скукотища!

КОТ. Петрушка такой балаган здесь в бору устроит — только держись!

ПЕТУХ. С нами не соскучишься.

ИЗБУШКА (*подзадоривая*). Ой ли?

ПЕТУХ.

Ой ли, ой, лю-ли.

Котофей, повесели

С Петухом-Петрушкой

Добрую Избушку.

КОТ. Он — Петрушка, а я — Кот!

Везде хожу — гуляю

И хвостом виляю!

Птичек ловлю,

Мышей давлю!

ПЕТУХ И КОТ (*вместе*).

Вот они, вот они!

Детские подарки!

Красивы и яркие!

Дудки! Хлопушки!

Бубны! Побрякушки!

Налетай, выбирай! Выберирай, забирай!

Вот она! Вот она!

Хорошо сработана!

Вот так пушка!

Детская игрушка!

Ребята! Ребята!

Живите богато!

Весело-потешно!

И смешно, и грешно!

Резво и занятно!

Сытно и приятно!

Налета-а-ай!

Появляется Лиса.

ИЗБУШКА (*отчаянно*).

Э-эх!.. Раззудись, душа!

Изба в пляс пошла!

Ходи, хата, ходи, хата!

Ходи, курица мохнатая.

Ходи, сени и порог,

И сметана, и творог,

И пельмени, и пирог,

Кочерга и помело,

И оглобля, и седло.

Кот, заметив Лису, перестал плясать.

ПЕТУХ. Пляши — шевелись,

Давай — веселись!

ИЗБУШКА. Веселись, душа и тело,

Пока труба не отлетела!..

КОТ (*Избушке тихо*). Я сейчас буду обижать тебя, ты не серчай. Это я понарошке буду.

ИЗБУШКА. Зачем?

КОТ. Так надо. Чтобы Лиса с Волком от нас отстали.

ИЗБУШКА. Понятно.

КОТ. Я буду как будто влюблён в неё.

ПЕТУХ. Якобы.

ИЗБУШКА. Давайте. Я тоже пошутить люблю.

ЛИСА (*выходя из-за дерева*). Ой, батюшки!..

Пляска прекращается.

ИЗБУШКА (*Лисе*). Тебе чего надо?

ЛИСА. Вы что, сбрендили тут на неведомых дорожках?

ИЗБУШКА. Не твоё лисячье дело! (*Отворачивается*).

КОТ (*Избушке грозно*). Эй! Эй! Ты что это, Избушка, фасад от нас воротить? Не дворец, чай, не хоромы царские, чтоб воеводе неприличье показывать. Ну-ка стань ко мне передом, а к лесу задом!

ИЗБУШКА. К тебе передом?

ЛИСА. И к mine.

ПЕТУХ (*еле сдерживая смех*). Не «к mine», а «ко мне».

ЛИСА. И к Петушку.

ИЗБУШКА. Знаете, что я вам скажу? Табе, Котофей Иванович, и табе Лизавета Патрикеевна?

ПЕТУХ. А mine?

ЛИСА (*Избушке*). Не табе, а вам.

ИЗБУШКА. Вы обвенчайтесь сначала, а уж потом будете разбираться, кому к кому каким местом поворачиваться — становиться.

КОТ (*топнув ногой*). Избушка! Стань ко мне передом, а к лесу задом.

ИЗБУШКА. Ты суженую попроси.

КОТ (*Лисе*). Попробуй ты Избушку заставить.

ЛИСА. Я? Это пожалуйста... Избушка! Кому говорю?! Заноси!.. К лесу хозяйство своё! А к воеводе — что надо!

ИЗБУШКА. Хором мне спойте. Что-нибудь про любовь.

КОТ (*Лисе*). Надо петь, что поделаешь.

ЛИСА. Запевай.

КОТ. А?

ЛИСА. Начинай, говорю!

КОТ. Начиняй? У меня всё давно заряжено.

ЛИСА (*в сторону*). Вот глухая тетеря...

ИЗБУШКА (*Лисе*). А ты что, не в голосе?

ЛИСА (*запевает*).

Во темном-сыром бору
Стоит-горит сосёночка.
Полюбила я Кота,
Молоденька девчоночка.

КОТ (*напыщенно*).

Выйду на гору крутую,
Буду с лесом говорить.
Ты скажи, зелена ёлочка,
За что Лису любить?

ЛИСА.

Я платочек вышью,
Положу на вишню,
А ты, вишня, отгадай,
Кого люблю, тому отдай.

ПЕТУХ (*сдерживая смех*).

Ты отдай платок mine,
Может, я влюблюсь в табе.
Жизнь с тобою — благодать,
Будешь печень мне клевать.

ИЗБУШКА.

Ох-хо, ох-ха-ха!
Спасу нет от Петуха!
С ним с ума сойдёшь,
С ним плясать пойдёшь.

ПЕТУХ.

Пошли плясать
Куры ноженьки.
И я пляшу,
Прости, Боженька.

ИЗБУШКА.

Прости, Боженька,
Мои ноженьки.
Прости, Кисонька,
Прости, Лисонька.

ПЕТУХ.

Пляши, не робей!
Прости, Котофей!
Прости нас, краса,
Невеста — Лиса.

ВМЕСТЕ.

Веселись — шути
Всякий смолоду,
Чем от скуки погибать
Или с голоду...

ЛИСА (*сообразив, что над ней шутят*). И что вам неймётся, охальники! Весь лес из-за вас ходуном ходит!

ИЗБУШКА. Тебя не спросили.

ЛИСА. Утомонитесь!

ПЕТУХ. Ой, напугала!

ЛИСА. Погодите у меня. Я ещё доберусь до вас.

ПЕТУХ. Ой, страшно! Ой, доберёшься!
 ИЗБУШКА. Когда замуж выйдешь.
 ПЕТУХ. За воеводу!
 ЛИСА. Смейтесь, смейтесь...
 ПЕТУХ. Воевода наш, правда, на ухо туговат.
 ЛИСА. Смеётся тот, кто смеётся...
 ИЗБУШКА. ...В передник.
 ЛИСА. Последним!
 КОТ. Молчать!
 ЛИСА. Не кричать!
 КОТ. Что?
 ЛИСА. Это я – им.
 КОТ. Развели тут, понимаешь, балаган. Никакого порядка в моих владениях. Или батогами вас бить приказать?
 ИЗБУШКА И ПЕТУХ. Мы больше не будем.
 ЛИСА. Врут они, врут. Велисыпать им по первое число.
 КОТ. Молчать!
 ЛИСА. Молчать!
 КОТ (*Лисе*). Это я тебе!
 ЛИСА. Молчу, великодержавный мой.
 КОТ. Покаянную голову меч не сечёт, поэтому я их прощаю. (*Лисе*).
 А вот тебе...
 ЛИСА. Я же не бедокурила. Это они всё.
 КОТ. Так... Значит, я неправду говорю? По-твоему наместник царя – врун?
 ИЗБУШКА И ПЕТУХ. Болтун и хохотун.
 ЛИСА (*Коту*). Слышали? Слышали?
 ИЗБУШКА (*Лисе*). Он же глухой.
 ЛИСА (*кричит*). Это они кошачий концерт тут устроили!
 КОТ (*возмущённо*). Что?!..
 ЛИСА. Простите, ваше... Я не табе... Вам... Их!..
 КОТ. Ты ещё и дерзить?!
 ЛИСА. Я хотела сказать, что они очень громко балагурили.
 КОТ. Пошла прочь, горемычная.
 ЛИСА. А как с этим делом?
 КОТ. С каким делом?
 ЛИСА. Ну, насчёт того, чтобы... «Хорошо любить весною под зелёною сосною».
 КОТ. Я передумал.
 ЛИСА. Как? Я уже приданое приготовила.
 ПЕТУХ. Где приданое?
 ЛИСА (*кивает в сторону кустов*). Еле дотащила.

Петух и Избушка кидаются в кусты.

КОТ. Ты глазками-то своими не егози.
 ЛИСА (*заискивающе*). Может быть, наладится ещё всё у нас, Котофей Иванович?.. Или нет?.. Или да?..
 КОТ. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

ЛИСА. Ой, какие у вас грехи, ангел мой?
 КОТ. Стоять!.. Охолонь маленько.
 ЛИСА (*разозлившись*). Ах так?! Хорошо...

Петух и Избушка приносят из кустов кованный сундук.

ЛИСА. Это вам, Котофей Иванович разлюбезный, от меня горемычной.

Петух пытается открыть сундук.

ПЕТУХ. Никак не открывается.
 ЛИСА. Он откроется тогда, когда загадку мою отгадаете.
 ИЗБУШКА. Давай, загадывай. Я люблю умом пошевелить.
 ЛИСА. Умом! Скажи уж лучше – дымоходом. А то – умом!
 ПЕТУХ (*Лисе*). Загадывай.
 ЛИСА. Слушайте...

В сундуке сидят арапы,
 Очень чёрные ребята.
 В неграх тех, как в курах яйца,
 Желтомордые китайцы.
 Сверху – всё черным-черно,
 А внутри – желтым-желто.
 Отгадайте, что за чудо
 Это лакомое блюдо?

Пауза.

ПЕТУХ (*радостно*). Это яйца. Яйца в сундуке.
 КОТ. Это где же ты чёрные яйца видел?
 ПЕТУХ. Ну мало ли! Перепелиные, я знаю, что в крапинку, а вороньи, может... воронёные. Чёрные, значит.
 ЛИСА. Нет, не яйца.
 ПЕТУХ. Тогда я не знаю.
 ЛИСА. Сдаётся?
 ИЗБУШКА. Что же это может быть?
 ЛИСА. Ладно, всё равно не отгадаете.

Лиса достаёт из сундука горох в шоколаде, отдаёт его Петуху.

ПЕТУХ. Горох в шоколаде!.. Спасибо.
 ЛИСА. Я своё слово держу, не то что некоторые.
 КОТ. Я тебе никакого слова не давал.
 ЛИСА. Помолчал бы уж, изменщик. Лучше... Лучше я ещё одну загадку загадаю.
 ИЗБУШКА. Нет, теперь наша очередь. Отвернись. А то знаем тебя, плутовку.
 ЛИСА (*отвернулась*). Можно и отвернуться. (*Мстительно*.) Всё равно сюрприза вам не миновать.
 ИЗБУШКА (*прячет в сундук колобок*). Отгадывай, Лиса.

ЛИСА. Ты сначала загадай.
ИЗБУШКА.

Он по коробу скребён,
По сусекам метён,
На сметане мешён,
Да в масле пряжён.
На окошке стужён.
Он от дедушки ушёл,
Он от бабушки ушёл,
И от Зайца ушёл,
И от Волка ушёл,
От Медведя ушёл,
А от тебя, Лиса, и подавно уйдёт.

ЛИСА. Трудная загадка... Подсказал бы кто... А — знаю! Это — Котофей Иваныч, воевода наш коварный.

КОТ. Что, что?

ЛИСА (*запела*). «Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе!..».

ИЗБУШКА. Не отгадала!

ЛИСА. Ну как же не отгадала? И в сметане мешён, и от Лисы ушёл — точно он.

ИЗБУШКА. Это колобок!

Избушка открывает сундук. Грянул гром, засверкали молнии.

ИЗБУШКА (*испуганно*). Это же сундук Кошечья Бессмертного!

ПЕТУХ (*дрожжа от страха*). Кошечья Бес-с-смертного!

КОТ (*тоже оробев*). Чего бояться? Кошей умер...

ЛИСА. Но дело его бессмертно!

ИЗБУШКА. Ох, беда!.. Чёрт!..

Из сундука выскакивает Волк, очень похожий на Чёрта.

ВОЛК (*поёт*).

Ну, злодеи, пришёл ваш черёд —
Марш вперёд!
Кто грешил, от судьбы не уйдёт —
Марш вперёд!
Кто слезам и страданиям рад —
Живо в ад!
Кто бессовестно сеял вражду —
Я вас жду.
Там в кипящей смоле — не в раю.
Бьётся пламя в горячем дыму.
Кто творит днём и ночью разбой —
Все за мной!
Все за мной!
Все за мной!

ПЕТУХ. Котофей, я боюсь.
ВОЛК (*Петуху*). Боишься? Вот ты-то мне и нужен.

ПЕТУХ. Мне страшно, Котофей...

ВОЛК. Пойдём со мной в ад!

КОТ. Никуда он не пойдёт.

ВОЛК. В ад не пойдёт?! (*Захохотал*.) Да куда он денется?!

КОТ. Не отдам Петрушу.

ВОЛК. Отдашь.

КОТ. Нет.

ВОЛК. Может, ты в кипящей смоле повариться хочешь? Пошли!

КОТ. Вместо Петруши? Я?

ПЕТУХ. Нет, нет, Котофей, не надо. Я пойду, пойду. Сейчас...

КОТ. Нет, Петруша, оставайся. Я должен идти. Черти меня давно ждут.

ЛИСА. Истосковались, поди.

КОТ (*Петуху*). Живите здесь с Избушкой дружно...

ПЕТУХ. Ты живи, Котофей. А я пойду.

КОТ. Петруша!

ПЕТУХ. Всё равно без тебя меня здесь Лиса съест.

КОТ. Избушка тебя в обиду не даст.

ИЗБУШКА. Конечно. (*Смутившись*.) Ой. (*Отходит в сторону*).

КОТ. Прощай, Петруша!..

ЛИСА (*Волку*). Он же невкусный, Сергуня.

ВОЛК (*Лисе*). Котофей-то? Я думал, он не пойдёт.

ЛИСА. Думал, думал...

ИЗБУШКА (*подслушав разговор*). Ребята, да это же не Чёрт!

ВОЛК. Как это — я не Чёрт?

ЛИСА Чёрт, Чёрт.

ИЗБУШКА. Нет.

ВОЛК. Да!

ИЗБУШКА. Никогда не видела, чтоб черти из сундуков появлялись.

ВОЛК. Это сундук Кошечья Бессмертного!

ИЗБУШКА. Всё равно. Черти из пекла родом. Они оттуда выскакивают.

ЛИСА. Этот — откуда хочешь выпрыгнет.

ИЗБУШКА. Не верю!

ЛИСА. Выскочит!

ИЗБУШКА. Как?

ЛИСА (*залезает в сундук*). Вот так!

ИЗБУШКА. Это ты можешь, а Чёрт — нет.

ВОЛК. Я не могу? (*Залезает в сундук*.) А это видела?

Избушка захлопывает сундук так, что головы Волка и Лисы прищемило крышкой.

ИЗБУШКА. Попались!

ВОЛК. Чёрт я!

ЛИСА. Чёрт!

ВОЛК. У меня же рога!
ИЗБУШКА. Нашёл чем удивить! У нас тут каждый Козёл с рогами!

Избушка сдёргивает с Волка маску чёрта.

КОТ И ПЕТУХ. Волк!

Избушка, Кот и Петух садятся на крышку сундука.

ПЕТУХ. Попались?!
ЛИСА И ВОЛК. Больно!..
КОТ. А в ад звать — не больно?
ПЕТУХ. А Петуха кушать — не больно?
КОТ. А в женихи завлекать — не больно?
ЛИСА. Я ведь вас осчастливить хотела, Котофей Иваныч, а вы!..
КОТ. Заманивала меня, чтобы Петушком поживиться!..
ПЕТУХ. Сейчас вот утопим вас вместе с сундуком, чтоб другим не-
повадно было.
ЛИСА И ВОЛК. Не надо!
КОТ. Страшно?
ЛИСА И ВОЛК. Ой, страшно, страшно...
ИЗБУШКА. Будете знать, как слабых обижать.
ЛИСА. Да теперь мы ни в жизнь никого ни под каким соусом.
ВОЛК. Ни одним клыком.
ЛИСА. Ни одним коготком.
КОТ (*Петуху*). Бери сундук, понесли.
ПЕТУХ. Сейчас. Я только дырки в сундуке проковыряю.
КОТ. Зачем?
ПЕТУХ. Чтоб быстрее утопли.
ВОЛК. Изверги!
ЛИСА. Душегубы!
ИЗБУШКА. Может, простим их?
КОТ И ПЕТУХ. Кого?!
ЛИСА И ВОЛК. Нас, нас. Простите!
ИЗБУШКА. Они больше не будут.
ЛИСА И ВОЛК. Не будем, не будем.
ВОЛК. Мы будем полезными животными.
ЛИСА. Мы будем санитарями леса.
ПЕТУХ. А скоморохами будете?
ЛИСА. Будем!
ВОЛК. Шутом гороховым?!
ЛИСА (*Волку*). Будешь!
ВОЛК. Лучше уж утопите!
КОТ (*Петуху*). Бери сундук. Поташили.
ЛИСА. Не слушайте Волка! Будем!
ВОЛК. Зайчат развлекать?!
ЛИСА. Аж до поросёньего визга!
ВОЛК. Ладно, будем.

Волка и Лису выпускают из сундука.

Я люблю, когда хрюкают. Сразу хочется...
КОТ. Что хочется?
ЛИСА. Хочется петь и смеяться, как дети!
КОТ. Смотрите у меня!
ВОЛК. А что делать-то?
ИЗБУШКА. Петь.
ПЕТУХ. И смеяться!
ЛИСА. Как дети!
КОТ. Ну что, попробуем?
ВОЛК. А-а! Где наша не пропадала!

Все переодеваются в скоморошьи костюмы.

ЭПИЛОГ.

На сцене скоморохи.

ВСЕ.

Эй, лесные звери, птицы!
Из чащоб и из болот!
Приходи повеселиться!
Становитесь в хоровод
Эй, Медведь, остановись,
На ПОТЕХУ подивись!
Белки-вертушки,
Сороки-болтушки,
Зайцы хвастливые,
Барсуки ворчливые,
Индюки надутые,
Львы и Тигры лютые!
Сюда! Сюда!
Дамы и Господа!
Эй, Ослы, Козлы, Бараны! —
Все на праздник БАЛАГАНА!

БЫВШАЯ ИЗБУШКА. Надо бы назвать нас как-то.
БЫВШИЙ ПЕТУХ. Да! Как мы будем называться?
БЫВШИЙ КОТ. Пусть будет — «ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК».
БЫВШИЙ ПЕТУХ. Нет, нет. Не надо.
БЫВШИЙ ВОЛК. Надо что-нибудь такое...
БЫВШАЯ ЛИСА. «У ВОЕВОДЫ», например.
БЫВШИЙ КОТ. Охолонь, Патрикеевна.

Все смеются.

БЫВШИЙ ВОЛК. Давайте — «ТЕГА, ТЕГА».

БЫВШАЯ ИЗБУШКА. Почему «ТЕГА, ТЕГА»?

БЫВШИЙ ВОЛК. Больно уж мне это лебяжью гузку напоминает.

БЫВШИЙ ПЕТУХ. Я придумал!

ВСЕ. Как?

БЫВШИЙ ПЕТУХ. Пусть наш театр будет называться – «ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ».

БЫВШИЙ КОТ. Мудро.

БЫВШАЯ ИЗБУШКА. Ой, может, это нескромно?

БЫВШИЙ ПЕТУХ. Хорошо!

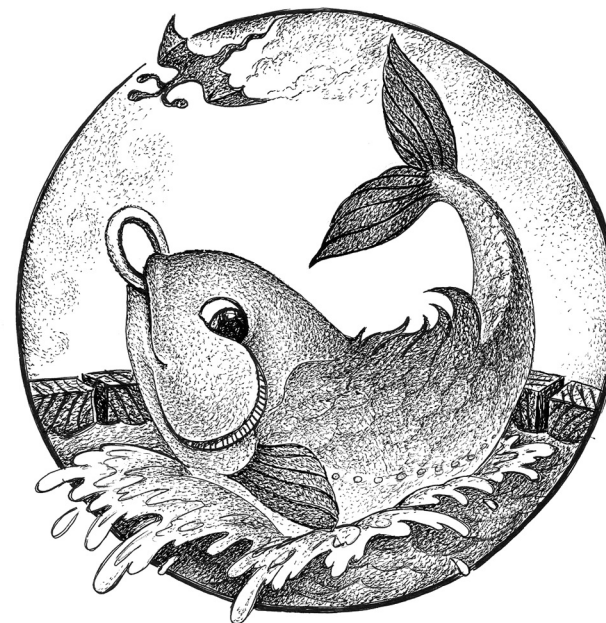
БЫВШИЕ ЛИСА И ВОЛК. Замечательно!

ВСЕ (*поют*).

Если вам скучно, друзья, и тоскливо,
Или взгрустнулось немножко,
Мы приглашаем вас к нашему диву –
В «ИЗБУШКУ НА КУРЬИХ НОЖКАХ»!
Любите «ИЗБУШКУ», как мы, горячо,
И к нам приходите ещё и ещё;
И снова со сцены слова зазвонят:
«ИЗБУШКА», «ИЗБУШКА», «ИЗБУШКА» моя!
Забудьте тревоги, забудьте обиды,
Сядьте, прижавшись друг к дружке.
Здесь лечит несчастных и очень счастливых
Волшебная сила «ИЗБУШКИ».
Кто любит «ИЗБУШКУ», как мы, горячо,
Пусть к нам приходит ещё и ещё!
Пусть чаще слова в вашем сердце звонят:
«ИЗБУШКА!» «ИЗБУШКА!» «ИЗБУШКА» моя!

Занавес.

1995 г.

Марья-Краса, золотая коса

(ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАРЬЯ-КРАСА, золотая коса

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

ПАРАМОША

ДАРЬЯ

БАБА ЯГА

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ о трёх головах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Речка Смородина, Калиновый мост.
На берегу Иван-Царевич и Парамоша.
Вечереет.

ИВАН (*кричит*). Э-ге-ге-гей!.. Змей Горыныч!.. Выходи на бой!

ПАРАМОША. Не шуми, Ваня.

ИВАН (*кричит*). Выходи, разбойник трёхглавый!.. За Марью-Красу, золотую косу сражаться будем !..

ПАРАМОША. Не придёт он. Боится тебя, вот и затаился.

ИВАН. А Марью-Красу сватать не боится?!

ПАРАМОША (*подзадоривая Ивана*). Кто ж ему запретить может?

Дело молодое.

ИВАН. Я ему за Марью голову снесу!

ПАРАМОША. Одну только?

ИВАН. Сколько будет, столько и отсеку.

ПАРАМОША. А силушки хватит?

ИВАН (*смеётся*). У меня?! Если сам — только есть да спать можешь...

Нечего на другого пенять, коли ....

ПАРАМОША. Чего?

ИВАН. Что слышал.

ПАРАМОША. Может силой померяемся?

ИВАН. Я тебя — одной рукой.

ПАРАМОША. Мало каши ел.

ИВАН. Ой! Богатырь... с поварёшкой!..

ПАРАМОША. Да уж посильней тебя.

ИВАН. Давай — становись!

ПАРАМОША. Ну тебя. Опять мечом будешь меня в землю вбивать.

В тот раз чуть голову не снёс.

ИВАН. Хорошо. Давай свою дубину.

ПАРАМОША. Кто кого в землю по пояс вгонит?

ИВАН. Да ты сначала с ног сбей!

ПАРАМОША. Делов-то.

Бьёт Ивана дубиной по голове.

ИВАН. Ты что? Совсем уже? (*Падает*).

ПАРАМОША. (*кидается к нему*). Ванюша! Что с тобой? Я же так — в четверть силы... Ой , да что ж это такое?! Ваня! Я не хотел!.. Вот всегда так.

Кидается к реке, набирает в рот воды столько, что речная живность на обнажившемся дне возмущённо загалдела, осуждая бездонность Парамошиного брюха. Но Парамоша спешит к Ивану.

ИВАН (*вскакивает*). Э! Э!.. Опять утопить меня хочешь?! Вылей в реку обратно. Слышишь?! А то рыба подохнет.

Парамоша возвращает воду реке.

Вот дубина!

ПАРАМОША. Да, дубина у меня — что надо.

ИВАН. Ты, говорю, — дубина.

ПАРАМОША. Я? Какая ж я дубина?

ИВАН. Стоеросовая.

ПАРАМОША. А-а ... Может, и так. Только ты, Ванюша, сам надоумил...

ИВАН. А ты и рад.

ПАРАМОША. Прощения просим, царевич...

ИВАН. Ладно, Парамоша. Это я так... Не обижайся.

ПАРАМОША. Да чего уж там обижаться... Мы люди маленькие...

ИВАН. Слышь! Парамон! А то ведь и я могу дубиной шандарахнуть. Моя очередь.

ПАРАМОША. Э! Э! Знаю я тебя...

ИВАН. То-то же... Давай тогда спать ложись. Солнце садится.

ПАРАМОША. Ваня, погляди, солнце красное какое!

ИВАН. Красивый закат.

ПАРАМОША. Буря завтра будет, говорю.

ИВАН. Поглядим и на бурю.

ПАРАМОША. И речка Смородина кровью пенится.

ИВАН. Это от солнца закатного вода красная.

ПАРАМОША. Ой ли?

ИВАН. Парамоша! Ты в кусты, что ль? Что о нас Марья-Краса, золотая коса подумает, ежели доведётся покалякать с ней?

ПАРАМОША. Взглянуть бы на неё хоть глазком одним.

ИВАН. Как же мы до неё доберёмся, если здесь у Калинового моста Змея не одолеем?

ПАРАМОША. Да разве я против? Только... Страшновато... Посмотри—кости кругом. Лют, видать, гад трёхглавый.

ИВАН. Ты посмотри на себя! Богатырь! Ядрёный корень! Да и я—не хухры-мухры! Неужто нам с этим Змеем не справиться?!

ПАРАМОША. Сдюжим.

ИВАН. Ну вот... Давай-ка ложись, а то темнеет уже.

ПАРАМОША. Может, я сегодня в дозоре постою? Как у тебя с головой-то?

ИВАН. Всё нормально. Спи.

ПАРАМОША. Ты, в случае чего, буди.

ИВАН. Хорошо.

ПАРАМОША. Ванюша... А вот — красота... Какая она?..

ИВАН. Спи.

Парамоша засыпает. Постепенно темнеет совсем.

ИВАН (*напевает*).

Заходило солнышко за реку Смородину,
Опускалась на воду супостатом темень...
Охраняли молодцы от разбоя Родину—
Ласки Материнские и Отцовский терем.
Косы золотистые в темноте мерещатся,
Красота далёкая сердце бередит...
А по полю косточки болью русской светятся,
Стонет мост Калиновый да Земля гудит...

Появляется Марья-Краса, золотая коса.

МАРЬЯ. Это не земля гудит, Иван-Царевич, не Змей трёхглавый летит. Это Парамоша так спит.

ИВАН. Откуда ты, красная девица?

МАРЬЯ. Неужто не знаешь?

ИВАН. Знаю. Ты — Марья-Краса, золотая коса. Я тебя по всему свету ищу.

МАРЬЯ. Найти меня непросто, Иван-Царевич.

ИВАН. Я всё равно тебя найду.

МАРЬЯ. Ищи меня в тридевяти царстве, в тридевяти государстве, за тридевять земель...

ИВАН. Я обязательно найду.

МАРЬЯ. Я буду ждать.

ИВАН. Жди.

МАРЬЯ. А теперь прощай, Иван-Царевич.

ИВАН. Подожди, куда же ты?!

МАРЬЯ. Прощай... (*исчезает*).

ИВАН. Пропала.... Красота-то какая!.. Век такой не видывал!..

Иван-Царевич укладывается рядом с Парамошей. От богатырского храпа обоих земля загудела ещё сильнее... на Калиновом мосту появился Змей Горыныч о трёх головах.

КОЛЯ (*правая голова*). У!.. У!..

ТОЛЯ (*левая голова*). Фу!.. Русским духом пахнет.

ОЛЯ (*центральная голова*). Что-то я никого не вижу.

КОЛЯ (*принюхивается*). У!.. У!..

ТОЛЯ (*Коле*). Пахнет?

ОЛЯ. Нет никого.

ТОЛЯ (*Оле*). Значит, это у тебя изо рта пахнет.

ОЛЯ. Чего-чего?

ТОЛЯ. Зубы чистить по утрам надо. Вот чего.

КОЛЯ. Угу.

ОЛЯ (*Коле*). Ты, немтырь лысый, помолчи. (*Толе*.) Это кто не чистит?

ТОЛЯ. Ты, а то кто же!

ОЛЯ. Сам ты ничего не чистишь. Уши, вон, крапивой заросли.

ТОЛЯ. Ты на себя посмотри! Кикимора одноглазая.

КОЛЯ (*смеётся*). Гы-гы!..

ОЛЯ. Этот глаз я в бою потеряла!

ТОЛЯ. Знаем, знаем!..

КОЛЯ. Ко... ко... ко...

ОЛЯ (*Коле*). Чего раскудахтался?

ТОЛЯ. Правильно он говорит! Коренником её ещё сделали. С одним глазом!

КОЛЯ. Ну.

ТОЛЯ. Ну. Летаем чёрт-те куда! То в болото залезем, то об скалу саданёмся.

ОЛЯ (*Толе*). А ты — глухая тетеря!

ТОЛЯ. Чтоб сожрать кого-нибудь, три дня летишь—пыжишься. И нет бы с пользой!..

КОЛЯ. Ага.

ОЛЯ (*Коле*). Заткнись.

ТОЛЯ. Обязательно какую-нибудь гадость найдёт! Потом икаешь неделю.

ОЛЯ. Да я вас сейчас!..

ТОЛЯ (*Коле*). Давай откусим её к чертям собачьим. Поискаем чуток — и всех дел-то...

КОЛЯ. Ма-ма...

ТОЛЯ. А матушка нам новую голову приладит.

КОЛЯ. Му... му...

ТОЛЯ. Может, на этот раз мужик получится.

КОЛЯ. Во-во!..

ТОЛЯ. Хоть пудриться не будет!

ОЛЯ. Загрызу!!!

Из Олиной пасти вырываются клубы дыма.

ТОЛЯ. Ишь ты! Распалилась, Змея!

ОЛЯ. Мужика захотелось! (*Кидается на Толю*).

КОЛЯ. Но! Но! (*Пышет на Олю огнём*).

ОЛЯ. Ах так!..

Между головами завязывается яростная схватка, на которую с изумлением смотрят проснувшиеся молодцы.

ИВАН. Вот змеюки!..

ПАРАМОША. Злющие!..

ТОЛЯ. Из-за тебя, Марья-Краса, золотая коса!..

ОЛЯ. Из-за меня, да!

ТОЛЯ. Замуж за нас с Колей идти не хочет!..

КОЛЯ. Да!

ИВАН. Чего захотели!

ОЛЯ. Чего захотели!

ТОЛЯ. А вот и женимся!

КОЛЯ. Гы-гы!..

ИВАН. Сейчас!

ОЛЯ. Так она за вас и пошла!

ТОЛЯ. И пойдёт!

ИВАН. *(кричит)*. Э-ге-гей! Выходи на бой, Змей поганый!..

ПАРАМОША. Подожди.

ОЛЯ. У вас мозгов не хватит три её желания выполнить!

ИВАН *(кричит)*. Мой меч – твои головы с плеч!..

Но тут трещавший до этого Калиновый мост обрушился, увлекая за собой трёхглавого Змея.

ИВАН. А-а! Испугался!..

ПАРАМОША. Да будет тебе, Ванюша. Он, вишь, Змеюка – сам себя одолел.

ИВАН. Жалко. Больно уж руки чесались.

ПАРАМОША. Ой, Ваня! Тебе бы всё кладенцом озоровать.

ИВАН. Чего они там про три желанья кричали?

ПАРАМОША. Если их исполнишь, то станешь женихом.

ИВАН. Какие желанья?

ПАРАМОША. Ну, желанья... там сообразим. Пошли, Ваня.

ИВАН. Добить бы гада! Чтоб неповадно было на Красу чужую за- риться!..

ПАРАМОША. Потопшего не бьют.

ИВАН. Да разве он утонет?!

ПАРАМОША. Всё равно не смей, Иван-Царевич.

ИВАН. У-у!.. Хлебальники-то разинул!..

ПАРАМОША. Пошли, Ваня. Марья-Краса истомилась, поди, тебя дожидаячись.

ИВАН. А?

ПАРАМОША. Марья-Краса, говорю, желанья тебе готовит, а ты тут...

ИВАН. Да, да. Идём!.. Жди нас, Марья-Краса, золотая коса!..

Занавес

Картина вторая

Избушка на курьих ножках. В избушке на печи храпит Баба Яга. Дарья сидит с удочкой над бадьёй с водой.

ДАРЬЯ *(поёт)*.

Грусть и одиночество
Застилают очи.
Ничего не хочется,
Нет ни дня ни ночи.

Ведьма пучеглазая
Калачом свернулася...
Чтоб ей повылазило!
Чтобы ей икнулося!

БАБА ЯГА.

Храп-храп! Ё-ёшеньки!
Где мой сын хорошенький?

ДАРЬЯ.

Сын её – уродина,
Гадина трёхглавая.
Ночью на Смородине
В темень басурманную

Татью по- над речкою
Рыщет – дурью мается.
Удаль молодецкую
Погубить старается.

БАБА ЯГА.

Храп-храп! Ё-ёшеньки!
Где мой сын хорошенький?

ДАРЬЯ. Вот чудо-то дремучее. Рыбу ловить заставила в этой бадье!
Откуда тут взяться рыбе-то?

Вдруг поплавок ушёл под воду. Дарья дёргает удочку. на крючке – Рыбка.

ДАРЬЯ. Батюшки-светы! Рыбка!... Откуда ты здесь?

РЫБКА. Больно...

ДАРЬЯ. Сейчас, сейчас... *(Снимает рыбку с крюка)*.

РЫБКА. Отпусти меня в реку, девица. Я тебя отблагодарю.

ДАРЬЯ. Ты? Как же?

РЫБКА *(выплёвывает колечко)*. Вот, возьми колечко. Надень его на безымянный палец – и любое твоё желание исполнится.

ДАРЬЯ *(разглядывает подарок)*. Спасибо...

ГОЛОС ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА. Мамо!.. Ох!.. Ой!..

ДАРЬЯ. Явился супостат!.. *(Рыбке)*. Ты пока поплавай в бадье, только крючок больше не трогай. А потом я снесу тебя в реку.

Опускает Рыбку в воду, берёт удочку.

ГОЛОС КОЛИ. Ма-мо!..

ДАРЬЯ *(поёт)*.

Радость позабывая
На душе скребётся.
Сердце неостывшее
Птицей в клетке бьётся...

Где-то там, на волюшке,
Ивы к речке клонятся,
Где-то в чистом полюшке
Зори в росах моются...

БАБА ЯГА. Храп-храп! Е-ешеньки!
Где мой сын хорошенький?

Появляется Змей Горыныч. Он весь в тине.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). Я здесь, мама!..

БАБА ЯГА. Хряп... (*Соскакивает с печи.*) Кряк!.. (*Пауза.*) Сынок!..
Экий ты!... Кто же тебя так?

КОЛЯ (*жалобно*). Ма... мо...

ТОЛЯ (*кивает на Олю*). Из-за неё всё.

ОЛЯ. Что?!

ТОЛЯ. Она шелудивая...

КОЛЯ. Бо-бо...

ОЛЯ. При чём тут я?! (*Придумывает, оправдываясь.*) Иван... Лихоимец... мост подпилил!.. Мы и грохнулись... Ой! Больно!..

ТОЛЯ (*подхватывает*). Правильно! Иван!..

КОЛЯ. А?

ОЛЯ. Ещё с одним оболтусом.

ТОЛЯ. Мост порушили.

ОЛЯ. Мы с него и полетели.

ТОЛЯ. Лягушкам...

ОЛЯ. На смех.

ТОЛЯ. В тину.

КОЛЯ. Н-н... Н-не...

ТОЛЯ. Не перебивай.

БАБА ЯГА. А они?

Оля. Кто?

БАБА ЯГА. Лихоимцы эти где?

ТОЛЯ. Не знаем.

БАБА ЯГА. А вы?

ОЛЯ. А мы — вот они.

ТОЛЯ. Здесь.

ОЛЯ. Не видишь, что ли?

КОЛЯ. Ма-мо!..

БАБА ЯГА. Вижу. Не слепая... Ну!.. Я им устрою...

ДАРЬЯ. Что?

КОЛЯ (*принюхивается*). У!.. У!..

БАБА ЯГА. Попахивает... Фу! Фу!.. Русским духом...

ТОЛЯ (*кивает на Олю*). Это от неё. Из ротика.

ОЛЯ. Сам ты!..

БАБА ЯГА. Тихо! (*Принюхивается.*) Фу...

КОЛЯ. Угу.

ДАРЬЯ. Да тиной от них разит.

БАБА ЯГА. Помолчи... Идут... Сейчас явятся.

КОЛЯ. Мо-мо... Ма-мо!..

ТОЛЯ. Растерзать их?

ОЛЯ. Ой, не сдюжим!..

БАБА ЯГА. Мы похитрее что-нибудь придумаем... Дарья! Иди...
Баню протопи для дорогих гостей.

ДАРЬЯ. Сейчас.

БАБА ЯГА (*сыну*). А вы, когда эти-то на полок в бане влезут, вы каменку добела раскалите огнём своим. Чтоб они там упрели.

ТОЛЯ. Это мы можем.

ОЛЯ. Зла бы только хватило огнедышащего.

ТОЛЯ. Хватит.

КОЛЯ. О-го-го!

ДАРЬЯ (*забирает бадью*). Нашли чем русского мужика страшить.

БАБА ЯГА. Куда бадью потащила?

ДАРЬЯ. По воду.

БАБА ЯГА. Ты рыбку поймала? Я тебе наказывала.

ДАРЬЯ. И в этот раз ничего не было. (*Уходит*).

БАБА ЯГА. У, чернавка!..

КОЛЯ. И!.. И-и!..

ОЛЯ. Идут!

БАБА ЯГА. Так. Ага!.. Так-так-так... Сыночек, уйди-ка пока отсюда.
Умойся перед обедом. Да тину с себя стряхни.

ТОЛЯ. Надо бы их сразу. У порога оглашнить.

БАБА ЯГА. Иди, иди. Я сама... Да не в дверь, в окно сгинь.

Змей Горыныч исчезает.

БАБА ЯГА (*накрывает на стол*). Стол сейчас накроем... Яствами...
Попоганей...Поотравленной... (*Застилает лежанку.*) И постельку за-
колдуем... Пошекотливее... Позадиристей... (*Лежанка засветилась*
голубым сиянием.) Вот так.

ГОЛОС ИВАНА. Избушка-избушка, стань к лесу задом, а к нам передом!

БАБА ЯГА. Явились... (*Кричит.*) Не крутится она! Ножки кури рас-
сохлись в коленках! Так входите — не баре, чай!

Иван и Парамоша входят в избушку.

Давненько русского духу в наших краях не было. Хорошие кусочки
мяса пришли. Будет чем лакомиться.

ПАРАМОША. Ты, бабуся, подожди зубья на нас вострить. Сперва
дорожных людей накорми, напои...

ИВАН. В баньке попарь...

ПАРАМОША. Потом спать уложи...

ИВАН. Дорогу к Марье-Красе, золотой косе укажи...

БАБА ЯГА. Укажу, укажу, как не указать. И укажу, и уложу, и по-
парю...

ДАРЬЯ (*в дверях*). Баня готова.

БАБА ЯГА. Пожалуйста мыться.

ПАРАМОША (*оторопев от восхищения*). Ух ты!.. Как тебя зовут,
красная девица?

ДАРЬЯ (*зардевшись*). Дарьей величают.

ПАРАМОША. А меня Парамошей кличут...
 ДАРЬЯ (*кивает на Ивана*). А это – Иван-Царевич?
 БАБА ЯГА. Что ж это вы? Знакомитесь не помывшись!..
 ИВАН. Куда идти?
 БАБА ЯГА. Я провожу. (*Провожая, обернулась к Дарье*.) Передай сыну, чтоб до моего прихода ни к чему здесь не прикасался.

Уходит вместе с молодцами.

ДАРЬЯ. Какой молодец пригожий...

Появляется Змей Горыныч.

КОЛЯ. У... У...

ТОЛЯ. Ушли?

ДАРЬЯ. Париться.

ОЛЯ. И нам бы в баньке помыться не мешало.

ТОЛЯ. Только что в реке искупались. Теперь до зимы чистоты хватит.

ОЛЯ (*Толе*). Тебе – до лета.

ТОЛЯ (*Оле*). А тебе – до осени...

КОЛЯ (*увидев накрытый стол*). О!

ТОЛЯ. Стол накрыт.

ОЛЯ. Вкуснятина!..

КОЛЯ (*увидев застеленную лежанку*). О!

ТОЛЯ. Лежанка застелена.

ОЛЯ. К лежебокству зазывает...

КОЛЯ. П... Пы... Пу...

ОЛЯ (*Коле*). Что нам сперва – поесть или поспать?

ТОЛЯ (*Коле*). Или поспать, а потом поесть?

ДАРЬЯ. Я бы на вашем месте ничего не трогала.

ОЛЯ (*Дарье*). Помолчи.

КОЛЯ. Бы...

ОЛЯ. Вздремнём сперва.

ТОЛЯ. Вздремнём, может?

ОЛЯ. Нет, поспим.

ТОЛЯ. Поедим?

ОЛЯ. Поспим.

Тянут друг друга в разные стороны.

ТОЛЯ. Да что это мы?! Можно ведь и в кровати поесть!

Кидаются к столу, наперебой хватают что попало, засовывают отравленные яства в пасти и валятся на лежанку. Вмиг металлическими захватами их прижало к тюфяку.

КОЛЯ. О!

ОЛЯ. Ой! Пусти!..

ТОЛЯ. Отрава!..

Лежанка заходила ходуном.

ОЛЯ. Кто щекочется?!

КОЛЯ. Гы-гы!..

ТОЛЯ. Ой!.. (*Смеётся*.) Ой, живот!..

ОЛЯ. Ой!.. (*Смеётся*).

КОЛЯ. У!.. У!..

ОЛЯ. Умру! Со смеху!..

ТОЛЯ. В животе горит!..

ОЛЯ. До коликов!.. (*Смеётся*).

ТОЛЯ. Ой, не могу!..

КОЛЯ. У-у!..

ОЛЯ. Ой, не надо!..

ТОЛЯ. Да что же э-то-о-о!..

КОЛЯ. Ма-мо!..

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором, всхлипывая от смеха и боли*). За что же... нам та-ко-е... на-ка-за-ни-е?!

ТОЛЯ. Ста-ра-я ка-ар-га-а-а!..

КОЛЯ. А-а-а!

ОЛЯ. За что?!..

Баба Яга вбегает в избу.

БАБА ЯГА. Болваны! Кто вам разрешил?! (*Успокаивает лежанку*.) Это же для них было приготовлено!

ОЛЯ. Ой!..

ТОЛЯ. Откуда ж мы знали?!

КОЛЯ. М-м-ма-мо-о!..

БАБА ЯГА (*освобождая сына от захватов*). Бедолага...

ДАРЬЯ. Самое время убежать... (*Прижимает руки к сердцу*.) Колечко со мной... Оно нам дорогу укажет... Пора. (*Исчезает*).

БАБА ЯГА. Как же тебя угораздило?..

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). Мама...

БАБА ЯГА. Сынуленька... Помятый... Потравленный...

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). Приголубь... Пожалей...

БАБА ЯГА. Беденький...

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ. Да-а...

Змей Горыныч склоняет головы на колени матери.

БАБА ЯГА. Обидели тебя...

ОЛЯ. Очень.

КОЛЯ. По-по-о...

ТОЛЯ. Покачай нас.

ОЛЯ. Побаяюкай.

Баба Яга гладит головы, напевая.

БАБА ЯГА.

Засыпай, сынуленька,
Засыпай, хорошенький.
Мы с тобою, гуленька,
Одни-одинёшеньки.

Зло никто не жалует,
Змею мир — чужбинушка.
Мама только балует...
Спи, мой сиротинушка.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*).

Хрум-хрум-баиньки...
Отравила маменька.

БАБА ЯГА.

Марьюшку-красавицу
За тебя сосватаем.
А с Иваном справимся
Не мытьём, так катаньем.

Свадебку состряпаем
Сытную да ладную...
Спи, моё поганое
Чудо ненаглядное...

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*).

Храп-храп-баиньки...
Уморила маменька.

ОЛЯ. А я не хочу Марью-Красу. Мне бы... Ивана-Царевича...

БАБА ЯГА (*принюхивается*). Фу... Фу... почему русским духом не пахнет?

ТОЛЯ. Отравой пахнет. (*Оле.*) От тебя.

Баба Яга выбегает из избы.

ОЛЯ (*Толе*). Ты-то уж помолчал бы. Глухой.

ТОЛЯ. Кривая.

ОЛЯ. Глухой! Глу-хой!..

ТОЛЯ. Кривая!

КОЛЯ (*вдруг запел*). «Глухой неведомой тайгою!..»

ТОЛЯ (*Коле*). Чего ты дразнишься?! Красноречивый!

КОЛЯ. У-у!..

ОЛЯ (*Коле*). Давай откусим его?

КОЛЯ. Ага.

ОЛЯ. А маманя нам другую голову приладит. Попонятливей.

ТОЛЯ. Только попробуйте!

Баба Яга врывается в избу.

БАБА ЯГА. Сбежали!

ТОЛЯ. Они меня хотят...

БАБА ЯГА. Живо!

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). А?!

БАБА ЯГА. В погоню за ними! Где моя ступа?! (*Хватает ступу и метлу, бежит к двери.*) За мной! (*Исчезает*).

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*орёт, изрыгая клубы дыма*). По-бе-ре-ги-ись!!!

Исчезает вслед за мамой.

Занавес.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Дремучий лес. В лесу поляна. На поляну вбегают Дарья, Парамоша и Иван-Царевич.

ДАРЬЯ. Давайте передохнём.

ПАРАМОША. Куда отдыхать? Бежать надо.

ИВАН. Чего нам бежать да бежать? Пора и бой принимать.

ПАРАМОША. Какой бой?! Девица красная с нами. А ну как её огнём опалят?!

ДАРЬЯ (зардевшись). Чего уж обо мне-то заботиться...

ПАРАМОША. Дарьюшка...

ДАРЬЯ. Что, Парамоша?

ПАРАМОША. Ладушка ты моя...

ДАРЬЯ. Сокол востроглазый...

ИВАН. Летят.

ПАРАМОША. Бежим.

ИВАН. Ты что, трусил?

ПАРАМОША. За Дарью боюсь.

ДАРЬЯ. А ты и за меня с ними воюй, Парамоша.

ПАРАМОША. Дарьюшка... Беги... В чаще укройся.

ДАРЬЯ. Куда же я от тебя!..

ИВАН. Готов, Парамоша?

ПАРАМОША. Дарья руки вяжет...

ДАРЬЯ. Стойте! Я придумала! У меня же колечко волшебное!

ИВАН. Какое ещё колечко?

ПАРАМОША. Которое дорогу к Марье-Красе нам указало?
 ДАРЬЯ. Оно самое. (*Шепчет.*) Колечко-колечко, сделай нас невидимыми...

Поляна осветилась волшебным сиянием. Дарья исчезла.

ПАРАМОША. Дарьюшка, где ты?
 ГОЛОС ДАРЬИ. Я здесь. Подле вас. Где ж и была.
 ПАРАМОША. А мы?
 ДАРЬЯ. Вас видно.
 ПАРАМОША. Почему?
 ДАРЬЯ. Не знаю.
 ГОЛОС РЫБКИ. Бросьте оружие наземь.
 ИВАН. Ага. Сейчас.
 ГОЛОС РЫБКИ. Меч и дубина помехою служат чарам волшебным.
 ГОЛОС ДАРЬИ. Брось, Парамоша.

Парамоша отбросил дубину и тут же исчез.

ИВАН. Ничего. Я и один с ними справлюсь.
 ГОЛОС ПАРАМОШИ. Ваня, брось кладенец!
 ИВАН. Без меча я — не я. Добрый молодец без меча — что орёл без когтей.
 ГОЛОС ПАРАМОШИ. Дятел ты, а не орёл! Дятел упрямый!
 ИВАН. Пусть.
 ГОЛОС ПАРАМОШИ. Ну как тебе вдолбить!..
 ГОЛОС ДАРЬИ. Иван-Царевич, побереги свою силушку до лучших времён. Она тебе ещё пригодится.
 ИВАН. Если не сейчас, то когда?
 ГОЛОС ДАРЬИ. Вспомни про Марью-Красу..
 ГОЛОС ПАРАМОШИ. Невидимками нам сейчас сподручней. Они пролетят и не заметят..
 ИВАН. Не хочу унижаться.

Меч вдруг вырывается из рук богатыря и отлетает в сторону. Иван-Царевич вмиг исчезает.

ГОЛОС ПАРАМОШИ. Молодец, Дарьюшка.
 ГОЛОС ИВАНА. Где мой меч?!
 ГОЛОС ПАРАМОШИ. Не надо, Ваня!
 ГОЛОС ИВАНА. Не держи меня, Парамон!..
 ГОЛОС ДАРЬИ. Тихо!..

На поляне появляются Баба Яга и Змей Горыныч.

БАБА ЯГА. Где они?
 ТОЛЯ. Только что здесь были.
 ОЛЯ. Я тоже видела.
 БАБА ЯГА. Слышите?

Все прислушиваются.

ТОЛЯ. Это у нас в животе урчит.
 ОЛЯ. От твоей отравы, мама.
 БАБА ЯГА. Молчок.

Пауза.

КОЛЯ. Па... Па..
 БАБА ЯГА. Чуете?
 ТОЛЯ. Что?
 БАБА ЯГА. Совсем рядом попахивает.

Змей Горыныч принюхивается.

КОЛЯ. У.
 ОЛЯ. Вон.
 ТОЛЯ. Где?
 ОЛЯ. Вон — дубинка ихняя.
 КОЛЯ. А-а.
 БАБА ЯГА. Взять!

Змей Горыныч подкрался к дубине и бросился на неё. Парамоша схватил дубинку, на миг став видимым, отбросил её в сторону и снова исчез.

ОЛЯ. Промахнулись.
 ТОЛЯ (*Оле*). Из-за тебя всё.
 КОЛЯ. Угу.
 ТОЛЯ. Прицелиться не может.
 ОЛЯ. Давайте ещё разок.

Опять кидаются на дубину, но она опять отскакивает с помощью Парамоши, на миг опять оказавшегося видимым.

ТОЛЯ. Вот убогая!..
 КОЛЯ. Уху-у!..
 ТОЛЯ. Точно. Лахудра! Зла не хватает.
 КОЛЯ. Би-би!..
 ТОЛЯ. Выбить ей второй глаз, чтоб не мучила нас!
 ОЛЯ. Сами дёргаетесь в разные стороны, а я виноватая!..
 БАБА ЯГА. У, непутёвые!.. Палку с земли поднять не можете! Смотрите, как это делается...

Баба Яга подходит к дубине, наклоняется...

ПАРАМОША (*взяв дубину, появился*). Получи.

Бьёт Бабу Ягу дубиной по голове. Отбросив оружие, исчез.

БАБА ЯГА (*плюхнувшись на землю*). Ой.
ГОЛОС ДАРЬИ (*рассмеявшись*). Так тебе и надо.
БАБА ЯГА (*сыну*). Цыц! Чего над матерью смеётся?
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). Ни-ни, маманя, это не мы!..
БАБА ЯГА (*передразнивает*). Не мы!.. А кто же?
ОЛЯ. Это дубина над нами изгаляется.
БАБА ЯГА. Какая дубина! Осина это засохшая валяется. На сучок я наступила, вот она и подпрыгнула. А ты—дубина!..
ТОЛЯ. Сама на бревно похожа необструганное!..
КОЛЯ. Па-га.
ТОЛЯ. Колода слепая..
ОЛЯ (*Толе*). А ты — тетеря глухая.
ТОЛЯ. Колода!
ОЛЯ. Тетеря!
КОЛЯ (*смеётся*). Гы — гы!..
ТОЛЯ (*Коле*). А ты, лысый чугунок, помолчал бы! А то откусим сей-час, чтоб не болтал лишнего.
КОЛЯ. О?
ОЛЯ. Лысый, лысый — хуже крысы!
ТОЛЯ. В уголочек, на горшочек.
КОЛЯ. Эо?
ТОЛЯ. Что слышал.
КОЛЯ. Ы?
ТОЛЯ. Я!
ОЛЯ (*Толе*). Ты ж глухой.
ТОЛЯ (*Оле*). Я слышал!
КОЛЯ. Гы -гы!..
ТОЛЯ (*Коле*). А ты сходи лучше, куда послали.
КОЛЯ. Уа?
ТОЛЯ. В уголочек, на горшочек!
ОЛЯ (*смеётся*). Ой, не могу!..
КОЛЯ (*обиженно*). Ма-мо-о!..
ГОЛОС ПАРАМОШИ. Получи, убогонький!

Коля клюнул носом от удара по голове.

КОЛЯ (*взревел*). А-а-а!!! (*Кинулся на Толю*).
ТОЛЯ. Это не я!
ОЛЯ. Он! Он!
ГОЛОС ДАРЬИ. Помолчи.

И Оля получает удар по голове.

ОЛЯ. За что?!
ТОЛЯ. За дело!
ГОЛОС ПАРАМОШИ. Тебя не спросили.

Толя тоже клюнул носом от удара.

ТОЛЯ. Ах так! (*Кидается на Олю*).
КОЛЯ. А-а-а!.. (*Кидается на Толю*).
ОЛЯ. Ах так! (*Вцепилась в Колю*).

Но тут удары на головы Змея Горыныча посыпались градом.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). Загрызу-у!..
БАБА ЯГА. Перестаньте!
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*хором*). Мамо! Чего они?!

Удары продолжают сыпаться.

БАБА ЯГА. Остановитесь! Хватит!
ГОЛОС ДАРЬИ. Охолонь маленько.

Баба Яга падает, сбита ударом.

БАБА ЯГА. (*кричит*). Ложись! Ложись, сынок!
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*распластался на земле*). Лежачего не бьют!

Удары прекратились.

БАБА ЯГА. Это они! Они лиходеи!
ГОЛОС ПАРАМОШИ. А то кто же.
БАБА ЯГА. Ничего. Будет пирок и на нашем болоте.
ГОЛОС ПАРАМОШИ. Ещё, что ль, добавить?
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ. Лежачего не бьют.
ОЛЯ (*Коле шёпотом*). Меч вон валяется.
ТОЛЯ. А?
ОЛЯ (*Толе*). Меч вон, говорю!
ТОЛЯ. Ну его. От дубинки хоть шишки только. А мечом и отрезать могут кой чего..
БАБА ЯГА (*шепчет*). Сынок... Давай-ка дружно. Взапуски... Прочь от них.
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ. Давай, маманя. Ты — первая.
БАБА ЯГА. Вперёд их у Марьи-Красы объявимся, спеленаем её и — домой утащим.
КОЛЯ. Уй! Ля-ля-ля!..
ОЛЯ. А я бы с Царевичем душу свою загубила..
ТОЛЯ. Помолчи.
БАБА ЯГА. Ты готов, сынок?
КОЛЯ. А-а!..
ОЛЯ. Кажется..
ТОЛЯ. Готов.
ГОЛОС ДАРЬИ. Эй! Чего это вы там притихли?
БАБА ЯГА. Ну, вперёд, сынок. Прытью!..

Баба Яга вскакивает, хватая ступу с метлой и убегает. Змей Горыныч кидается за ней.

ГОЛОС ПАРАМОШИ. У-лю-лю!.. Держи их!..

Снова озарилась сиянием поляна и на ней появились Парамоша, Дарья да Иван-Царевич, сидящий в стороне.

ДАРЬЯ (*кричит*). Э-ге-гей! Пятки смажьте!..
ПАРАМОША. А то догоним — ещё приласкаем!
ДАРЬЯ. Чтоб не озоровали больше!..

Пауза.

ПАРАМОША. Что закручинился, Ванюша?

ИВАН. Нечестно это.

ПАРАМОША. Что?

ИВАН. Исподтишка бить.

ДАРЬЯ. А они — честно?.. Они всю жизнь исподтишка живут...

ИВАН. То — они. Это их беда.

ПАРАМОША. Ну ты вообще!.. Я не знаю...

ДАРЬЯ. Они вон сейчас к Марье твоей полетели...

ПАРАМОША. Умыкнул её, пока ты тут о честности рассуждаешь!..

ИВАН (*встрепенувшись*). А? Что?..

ПАРАМОША. То-то и оно-то!..

ИВАН. Быстрее за ними... А то опоздаем. (*Убегает*).

ДАРЬЯ. Бегом разве за ними угонишься... (*Шепчет колечку.*) Пусть летит Иван-Царевич к Марье-Красе быстрее птицы.

Пауза.

ПАРАМОША. А мы чего стоим? За ними следом надо!..

ДАРЬЯ. Парамоша... Давай тут останемся. Сколько можно воевать-мытариться!..

ПАРАМОША. Дарьюшка...

ДАРЬЯ. Посмотри, место какое хорошее.

ПАРАМОША. А он один останется?

ДАРЬЯ. С Марьей-Красой, золотой косой будет.

ПАРАМОША. А злоеи?

ДАРЬЯ. Победит он их.

ПАРАМОША. Один?! Они с ним знаешь, что сделают?!

ДАРЬЯ. Парамоша... Боюсь я за тебя...

ПАРАМОША. Нет, нельзя так. Пойдём. Или я один уйду...

Уходит.

ДАРЬЯ. Парамоша... (*Кидается вслед.*) Я с тобой!..

Занавес.

Картина четвёртая

У себя в тереме в кресле у окна грустит Марья-Краса, золотая коса.

МАРЬЯ (*поёт*).

Скоро сад повянет,
Листья опадут,
Светлые денёчки
С волею уйдут.

Хоть бы буря заревела...
Грустно, как перед бедой.
Скоро будет перемена
В моей жизни молодой.

Красно солнышко — за ёлочку,
Заря — за бережок.
Одинокую девчоночку
Никто не сбережёт...

ГОЛОС БАБЫ ЯГИ. Помогите!..

МАРЬЯ. Что это?

ГОЛОС БАБЫ ЯГИ. Спасите!..

МАРЬЯ. Кто там?!

БАБА ЯГА (*врываясь в палаты*). Оборони меня, краса-девица!

МАРЬЯ. Не бойся, бабушка. Тебя никто здесь не тронет.

БАБА ЯГА. Вот спасибо, заступница ясноглазая.

МАРЬЯ. Садись. Переведи дух.

БАБА ЯГА. Я бы и рада, да некогда нам рассиживаться.

МАРЬЯ. Ты с делом ко мне или ветром каким лихим занесло?

БАБА ЯГА. С делом, с делом... Сватать я тебя пришла. Да вот чуть жизни не лишилась прямо у твоего порога.

МАРЬЯ. О дурном забудь. Дело своё поведай.

БАБА ЯГА. Я же и говорю — сватать тебя пришла...

МАРЬЯ. За кого?

БАБА ЯГА. За сынульку своего.

МАРЬЯ. А ты знаешь, чтоб меня замуж взять, надо три мои желанья исполнить?

БАБА ЯГА. Слыхала, как не слышать. Весь свет об этом знает. Возьми вот яблочко наливное. (*В сторону.*) Отравленное мною.

МАРЬЯ. Что?

БАБА ЯГА. Ну... Потому как ты теперь благодетельница моя... Спасительница от ворога лютого, стало быть... Вот тебе и благодарность моя. Яблочко наливное. (*В сторону.*) Отравленное мною.

МАРЬЯ. Последних слов что-то не разберу.

БАБА ЯГА. Это ничего. Толик, левенький мой, тоже глуховат маленько. Стерпится-слюбится. Ты кушай яблочко-то.

МАРЬЯ. Хорошо. (*Берёт яблоко.*) Пожалуй, откушаю... (*В сторо-*

ну.) Отравленное, стало быть?.. Что ж... Поглядим, что тут замышляется...

БАБА ЯГА. Что? Что ты сказываешь?

МАРЬЯ. Спасибо за яблочко, говорю.

БАБА ЯГА. А-а... На здоровье.

Марья делает вид, что надкусывает яблоко и закрывает глаза, будто бы погружаясь в сон.

БАБА ЯГА. Сынок, выходи.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*появляясь*). Готово?

БАБА ЯГА. Готова. Быстро в ступу её — и домой.

Змей Горыныч кидается к Марье.

КОЛЯ. А-и-а-я!..

ТОЛЯ. Красивая... Так душу и берedit.

ОЛЯ. Ничего особенного.

БАБА ЯГА. Живо, живо. Упаковывайте её. А я пройдуся, гляну, где тут чего плохо лежит. (*Уходит*).

ОЛЯ (*замечает в руке у Марьи яблоко*). Яблочко какое красивое... (*Хватает его и пытается съесть*).

ТОЛЯ. Отдай. (*Вырывает у Оли яблоко*).

КОЛЯ. Аё! (*Пытается вырвать яблоко у Толи*).

ОЛЯ. Я первая его увидела.

КОЛЯ. Уи.

ТОЛЯ. Укушу.

КОЛЯ. Эм- мм!..

Толя и Коля разламывают яблоко пополам, мигом съедают свои доли и одновременно отходят ко сну.

ОЛЯ. Эй! Что это с вами? А? Вы что?.. Мама!

В палаты вбегают разнаряженная Баба Яга, таща за собой ещё охапку нарядов.

БАБА ЯГА. Что?

ОЛЯ. Вот... Перемерзли.

БАБА ЯГА. Ты их уколошила?

ОЛЯ. Они яблоко съели. Вот... у неё было.

БАБА ЯГА. Наливное?

ОЛЯ. Ага.

БАБА ЯГА. Значит, спят. Очухаются.

ОЛЯ. Жалко. Одной-то — лепота... Дочкой бы стала...

БАБА ЯГА. Чего мелешь?!

ОЛЯ. Да... Грёзы меня донимают.

БАБА ЯГА. Погляди лучше... (демонстрирует надетый наряд). Во! Видала? А?!

ОЛЯ. Ты прямо пава теперь!

БАБА ЯГА. О-ой! Хороша я в девках была! Бедовая... (*Запела, пританцовывая*.) Хороша я! Хороша!

Я — бедовая душа!

Я бедовая душа,

Потому что хороша!..

ОЛЯ (*подпевает*). Ой, кто ж то идёт,

Широко шагает?..

БАБА ЯГА. Где? Ты поёшь или вправду кто идёт?

ОЛЯ. Вон. Погляди в окно.

БАБА ЯГА. На самом деле... Иван-Царевич.

ОЛЯ. Ненаглядный... (*хватает наряд и убегает*).

БАБА ЯГА. Что же делать?

ГОЛОС ОЛИ. Встречать хлебом-солью!

БАБА ЯГА. А что?!.. Мудро. (*Подхватывает Марью*.) Эту мы в светёлку уложим... (*относит Марью и тут же возвращается*.) Пускай почивает пока... Креслице в центр... (*Переставляет кресло*). За трон сойдёт...

ОЛЯ (*появившись в напяленном наряде*). Ну как, хороша?

БАБА ЯГА. Королевна!..

ОЛЯ (*кивает на Толю и Колю*). А их куда?

БАБА ЯГА. Прикроем барахлом. Садись в кресло. Будешь за Марью-Красу.

ОЛЯ (*садясь в кресло*). Разве я на Марью-Красу похожа?

БАБА ЯГА (*накрывает Колю и Толю нарядами*). Ты лучше!.. Он что — видел её, что ли? Припудрись только. И не дыши на него.

ОЛЯ. А золотая коса?

БАБА ЯГА. А?.. Да, да — забыла... Это мы быстро сварганим. Где моё помело? (*Скручивает помело узлом и цепляет его к Олиной голове*.) Вот и коса готова.

ОЛЯ. Похожа?

БАБА ЯГА. Ещё как! Улыбайся почаще. Но пасть не разевай.

ОЛЯ. Ага.

БАБА ЯГА. Желание у тебя есть какое-нибудь? Чтоб загадать.

ОЛЯ. Желание? Есть.

БАБА ЯГА. Чтоб он не выполнил его.

ОЛЯ. Боюсь, Ванюша справится.

БАБА ЯГА. А! Ну тебя! Дура! Я сама загадаю. За служанку останусь. Главное — его спровадить отсюда поскорей.

ОЛЯ. Не надо, мама!..

БАБА ЯГА. Всё. Идёт.

На балкончике, что под самыми сводами терема, появляется Марья-Краса, присаживается, с интересом наблюдая за происходящим.

ОЛЯ (*икает*). Ой.

БАБА ЯГА. Глазки ему почаще строй.

ОЛЯ. Как это?

БАБА ЯГА (*показывает*). Вот так... В угол, на нос, на предмет.

ОЛЯ. На какой предмет?

БАБА ЯГА. Ну на него! Попробуй.
ОЛЯ (*пробует*). Вот так?
БАБА ЯГА. Ой, батюшки... Ладно, сойдёт.
ОЛЯ. Ой.
БАБА ЯГА. Что ойкаешь?

Входит Иван-Царевич.

ОЛЯ (*икает*). Ой.
БАБА ЯГА (*Ивану*). Ой! Кто к нам пожаловал?!
ИВАН. Я – Иван-Царевич. А вы кто?
БАБА ЯГА. Разве не видишь?
ИВАН. Мне надобно Марью-Красу, золотую косу повидать.
БАБА ЯГА. Ну. Гляди.
ИВАН. Куда?
БАБА ЯГА. Куда душенька твоя тянется.

Оля строит глазик Ивану.

ИВАН (*увидел на балконе Марью*). Марья!.. Краса ненаглядная!..
БАБА ЯГА. Признал!..

Марья прижимает палец к губам.

ИВАН. Я руки пришёл просить...
ОЛЯ. Проси.
ИВАН. У Марьи-Красы.
БАБА ЯГА. Разве кто возражает?
ИВАН. А... Где она?
БАБА ЯГА. Перед тобой.
ИВАН. Где?
БАБА ЯГА (*указывает на Олю, та строит глазик*).
ИВАН. Эта?
МАРЬЯ (*смеясь, кивает*). Эта... Эта...
БАБА ЯГА. Неужто тебе сердце не подсказало?
ИВАН (*сдерживая смех*). А где у неё краса?
БАБА ЯГА. На лице. Ишь, как глазиком егозит!
ИВАН. А второй где?
БАБА ЯГА. Ну ты, мил человек, многого хочешь! Если б два глаза было, разве б она тут сидела?
ИВАН. Значит... Марья-Краса кривая?
БАБА ЯГА. Прихворнула малость. Пчёлка намедни за глазик цапнула. Шмелик. Вот и окривела чуток. Через день-другой как рукой снимет.
ИВАН. А коса золотая где?
ОЛЯ. Слепой, что ли?
ИВАН. Где?
ОЛЯ. А это? (*Дотрагивается до помела на голове*).
ИВАН. Это – коса?

БАБА ЯГА. Ну не сабля же.
ИВАН. Не сабля. Но и не коса.
БАБА ЯГА. А что тогда?
ИВАН. Веник какой-то.
БАБА ЯГА (*сняла с платья бантик и прилепила его к помелу*). Ты бантик на венике видел когда-нибудь?
ИВАН. Нет.
БАБА ЯГА. И никто не видел. Так что, друг сердечный, напраслину-то нечего городить.
ИВАН. Коса золотая должна быть.
ОЛЯ. А она какая?
ИВАН. Не знаю. Золото – жёлтое.
БАБА ЯГА (*смеётся*). Эх!.. Темнота!.. Это – червонное золото! Иль не слышал о таком?
ИВАН. Видал даже. У моего батюшки целый сундук с таким золотом стоит.
ОЛЯ (*кокетничает с Иваном*). Драгоценный какой...
ИВАН (*Бабе Яге*). Что это её так передёргивает?
БАБА ЯГА. Дюже ты ей приглянулся.
ОЛЯ (*капризно*). Мама!..
ИВАН (*удивлённо*). Разве?
БАБА ЯГА. Мамка я у неё. Мамка-нянька... В услужении значит... Косу заплетаю...
ИВАН. А ржавая она почему?
БАБА ЯГА. Коса-то?.. Красили мы её давеча. Может красная девица хной волосы себе искрасить или не может?!
ИВАН. Ну... Может, конечно. Если к лицу.
ОЛЯ (*кокетничая*). А мне к лицу?
ИВАН. Я... Чего я тут-то, а не?..
ОЛЯ. Жениться.
ИВАН. Нет, нет. Я пойду.
БАБА ЯГА. Иди, иди. Мы не неволим.
ОЛЯ. Куда?! От красы моей!
ИВАН. Наверх!.. То есть... За тридевять земель!..
БАБА ЯГА. Вот и правильно, касатик. Вот и ладно.
ОЛЯ. А кто мои желанья выполнять будет?..
БАБА ЯГА (*Оле*). Пусть идёт.
ОЛЯ. Нет! Раз пришёл – назад пути нет. Или – я в жёны, или – голова с плеч.
ИВАН. Жалко голову, но...
МАРЬЯ. Останься.
БАБА ЯГА (*Оле*). Да отпусти ты его с миром.
ОЛЯ. Ладно! Не отгадает три загадки – отпустим. Отгадает – наградим. Кольцом обручальным.
БАБА ЯГА. Вот баламутная...
ИВАН. Ладно. Давай. Загадывай.
ОЛЯ (*поводя глазиком в угол, на нос, на Ивана-Царевича, как учила её мама*). Зимой и летом – одним цветом.
ИВАН (*Оле*). Значит, если не отгадаю – отпустишь?

ОЛЯ. Да. (*Кокетничая, шепчет.*) Ё... Ё...

Пауза.

ИВАН. Заяц.

Пауза.

БАБА ЯГА. Что?

ИВАН. Отгадал?

БАБА ЯГА. Какое там.

ОЛЯ. Отгадал.

Пауза.

БАБА ЯГА. Зимой и летом — одним цветом: ёлка!

ОЛЯ. Нет. Заяц.

БАБА ЯГА. Окстись, голубушка! Какой заяц?!

ОЛЯ. Мёртвый.

ИВАН. Ну, это уж совсем!..

ОЛЯ. Одну отгадал.

ИВАН. Разве?

МАРЬЯ (*резвясь наверху*). Отгадал, отгадал!..

ОЛЯ. А то как же!

ИВАН. Хорошо. Давай другую загадку.

ОЛЯ (*поведя хитро глазиком*). Зимой — белый, летом — серый.

ИВАН. Дай подумать...

БАБА ЯГА.. Это лёгкая загадка. Так нечестно.

Пауза.

ОЛЯ (*подсказывает*). З-з-за... За-а-а...

БАБА ЯГА. Не подсказывай.

Пауза.

ИВАН. Ужик.

Пауза.

БАБА ЯГА (*оторопело*). Почему — ужик?

ИВАН. Отгадал я или нет?

БАБА ЯГА. Нет, конечно. Ступай отсель, никудышный.

ОЛЯ. Отгадал.

БАБА ЯГА. С чего бы это?

ОЛЯ. Потому что ужик — серый.

БАБА ЯГА. Он всегда серый. И летом, и зимой.

ОЛЯ. Нет. Зимой он белый.

БАБА ЯГА. Отчего же это?

ОЛЯ. От злости! На холод собачий! Побелеешь от жизни такой!..

БАБА ЯГА. Ты, красавица писаная, чего-то совсем уж...

ОЛЯ. Помолчи, мамка!.. Нянька!.. А то гвоздану сейчас помелом червонного золота!

ИВАН. Тише, тише, прелесть одноглазая.

ОЛЯ. А чего она мешает?!..

ПАРАМОША (*появляясь с Дарьей*). Иван-Царевич!..

БАБА ЯГА. Допрыгалась... Дереза...

ИВАН (*Парамоше*). Где вы пропадали?

ПАРАМОША (*замявшись*). Да вот... Дарья ногу подвернула. Ну... мы и... подотстали... чуток...

ДАРЬЯ (*Ивану*). Ты так летел... Разве за тобой угонишься?

ПАРАМОША. Где Марья-Краса?

БАБА ЯГА (*кивает на Олю*). Вон.

Оля кокетничает глазиком.

ПАРАМОША. Повезло тебе, Иван-Царевич. Такой красоты я отродясь не видывал.

ДАРЬЯ. А чего это у неё помело на голове?

ОЛЯ. Это я косу свою золотую покрасила.

ПАРАМОША. И глаз один.

ОЛЯ. А зачем мне два-то? Иван-Царевич и с одним меня обожать будет.

ИВАН. Не слушай ты её, Парамоша. Взгляни лучше наверх.

ПАРАМОША. Куда?

ИВАН (*кивает на балкон*). Туда, где солнце второе светит.

На балконе, сияя, стоит Марья.

БАБА ЯГА. Ой, батюшки. Пробудилась...

ИВАН. Спускайся к нам, красавица.

МАРЬЯ. Сейчас. (*Исчезает*).

Вдруг дружно всхрипнули под юбками Толя и Коля.

ПАРАМОША. Где это?

ОЛЯ. Что?

БАБА ЯГА. Это гром громыхает. Вон тучи какие на дворе.

ДАРЬЯ. Врёшь, Баба Яга. На небе — ни облачка. (*Снова слышится хrap. Дарья срывает со спящих покрывала.*) А это сынок твой ненаглядный!

ОЛЯ. Ой.

В белокаменные палаты входит Марья-Краса, золотая коса.

ИВАН. Марья-Краса!..

МАРЬЯ. Ну здравствуй, Иван-Царевич.

ИВАН. Золотая коса!..

МАРЬЯ. Нашёл-таки...
ИВАН. Сердце вело к тебе...

Иван да Марья не отрываясь смотрят друг на друга и не могут наглядеться.

БАБА ЯГА. (*Марье*). Три раза испытать его не забудь.
МАРЬЯ. (*Бабе Яге*). Зачем? Он через столько прошёл, столько пере-
нёс...

БАБА ЯГА. Надо. А то жизнь не заладится.

МАРЬЯ. Какая ты противная...

ИВАН (*Марье*). Я знаю первое твоё желание.

МАРЬЯ. Да?

ИВАН. Дарья! Дай-ка колечко заветное.

ДАРЬЯ. Возьми. (*Передаёт Ивану колечко*).

ПАРАМОША. Какой богатырь! Без колечка, что ль, не можешь чуда
сотворить.

ИВАН. (*Парамоше*). Не мешай. Баба Яга, подойди-ка поближе.

БАБА ЯГА (*подходит*). Чего ты удумал, безобразник?

ИВАН. Хочешь стать молодой и красивой?

БАБА ЯГА. Знамо дело.

Марья одобряюще хлопает в ладоши.

ДАРЬЯ. Нет! Не надо, Иван-Царевич. Она столько зла на своём веку
сотворила...

БАБА ЯГА. Не буду больше! (*Падаёт перед Иваном на колени.*) Вот,
чем хочешь, поклянись — не буду. Это я от старости злая такая. Ста-
рость не радость. А стану молодой и пригожей...

Э-эх! Я весь мир в доброту искупаю...

ДАРЬЯ. А сколько лет меня мытарила?

БАБА ЯГА. О-ой! Что старое-то поминать?

ДАРЬЯ. Взаперти меня держала!..

БАБА ЯГА. Берегла я тебя, непоседу. Для соколика сберегала тебя,
вертихвостку. В ножки бы мне должна поклониться...

ПАРАМОША (*Дарье*). Да ладно. Чего уж ты на неё так?

ДАРЬЯ (*нехотя*). Как ты скажешь, Парамоша.

БАБА ЯГА (*Парамоше*). Скажи! Скажи, остроглазый. Не пожале-
ешь. Добро всегда сторицей возвращается.

ПАРАМОША. Давай, Иван-Царевич, твори добро.

Иван колдует над кольцом... Взрыв... И Баба Яга превращается в пригожую
девицу.

БАБА ЯГА (*бывшая*). Спасибо тебе, Парамон Захарыч...

ДАРЬЯ. Не стоит благодарности.

ИВАН. Парамоша, разбуди бедолаг этих. Я из них людей буду де-
лать. (*Марье*.) Это — второе желание, Машенька?

МАРЬЯ. Как скажешь, Ванюша.

ПАРАМОША (*расталкивает спящих*). Чтoб не басурманили больше.

КОЛЯ. А?

ТОЛЯ. Где?

КОЛЯ. Э?

ТОЛЯ. Тина опять!..

КОЛЯ. О-о!..

ТОЛЯ. Мост Калиновый починили?

БАБА ЯГА (*бывшая*). Проснись, сынок. В люди тебя сейчас выводить
будут.

ОЛЯ. Глазик мне не забудь починить, Иван-Царевич.

ИВАН. Превратитесь, головы Змея Горыныча в нормальных людей!

Взрыв... и вместо Змея Горыныча стоят среди людей два парня и одна девица.

БАБА ЯГА (*бывшая*). Ой, какие пригожие!..

ТОЛЯ. Я всё слышу!

ОЛЯ. Два глазика!..

КОЛЯ (*запел*). Клён кудрявый!.. Клён зелёный — лист резной!..

БАБА ЯГА (*бывшая*). Охолонь маленько, сынок.

ИВАН. А третье желанье, Машенька...

МАРЬЯ. Третье желанье ты и подавно знаешь.

ИВАН. Знаю. (*Целует Марью-Красу*).

ДАРЬЯ. А ты, Парамоша?

ПАРАМОША. Я — как ты. (*Целует Дарью*).

ГОЛОС РЫБКИ. А теперь — честным пирком да за свадебку!

БАБА ЯГА (*бывшая*). Накрывай столы дубовые!..

Коля выхватывает, откуда ни возьмись, гармонику.

БАБА ЯГА (*бывшая*).

Скоро девушку посадят
За дубовенький стол,
На головушку наденут
Восковой белой веноч.

МАРЬЯ. Погляжу в глаза милому —
Нету никого милей.
Заплетают Злату косу
На головушке моей.

ОЛЯ. Что же, мама, делать-то,
Когда милого женят-то?
Ведь он с косою Красу берёт —
Меня своей не признаёт.

КОЛЯ. Ой, вы кони, что ж вы, кони,
Гривы в клочья на ветру,
Мчите девицу-красавицу
Не к нашему двору!..

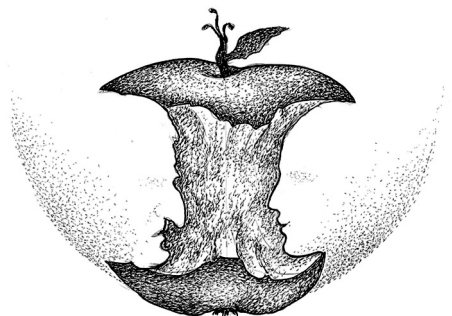
ТОЛЯ.   Что-то уточки раскрякались
                              Сегодня на пруду.
                              У Ивана – Марья-пава,
                              Я такую не найду.

ИВАН.   Меч булатный, меч булатный
                              Нам теперь не воевать...

ПАРАМОША (с Дарьей).
                              Поле у реки Смородины
                              Пора бы распахать...

Занавес.

1991 г.

Каменный цветок

Волшебная сказка
по мотивам сказов П. Бажова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ
ДАНИЛА-МАСТЕР
НАСТЕНЬКА
ПРОКОПЬИЧ
БАРЫНЯ
ПОРОТЯ
ТРИ ДЕВУШКИ
ОНИ ЖЕ – ТРИ СЕННЫХ ДЕВКИ
ОНИ ЖЕ – ТРИ ЯЩЕРКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Гора Красногорка. очень красивая полянка. Камни, кусты, трава, цветы. На полянке резвятся три разных цветов Ящерки: малахитная, медная и сурьмяная.

ЯЩЕРКИ (*поют и танцуют*).

Камешки, как капельки, текут,
Ручейком под солнышком струятся:
Малахит, рубин и изумруд —
Вместе с ними хочется смеяться!
Танцевать с утра и до утра
Хочется весёлой дружной стайкой!
Дом родной для нас для всех гора!
Медная гора, а в ней — хозяйка!

ДАНИЛА (*совсем рядом*). Сюда, сюда, Прокопъич!

Ящерки, смеясь, разбегаются.

ПРОКОПЪИЧ. Чего ты меня сюда затащил?

ДАНИЛА. Вроде, пел кто-то.

ПРОКОПЪИЧ. Почудилось тебе с устатка.

ДАНИЛА. Может, и почудилось.

ПРОКОПЪИЧ. Целый день бродим с самого ранья — и всё без толку.

ДАНИЛА. Сам учил: Камень к себе вниманья да уважения требует.

ПРОКОПЪИЧ. Правда твоя, сынок, только устал я.

ДАНИЛА. Гляди, дедушка, вон камень для цветка нашего. Прямо, какой нам нужен. Пудов на десять. Подойдёт?

ПРОКОПЪИЧ. Ну, ты посмотри! С изгибом. Снизу цвет погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется... Ну, всё как есть.

ДАНИЛА. Ровно нарочно для меня.

ПРОКОПЪИЧ. Одна загвоздка: нам из малахиту приказано цветок вырубить.

ДАНИЛА. Какая разница? Гляди камень-то какой! Сам в руки про-сится!

ПРОКОПЪИЧ. Царице из малахиту надобно. (*Садится у камня.*) Да-вай отдохнём, подустал я.

ДАНИЛА (*садится рядом*). Жалко. Такой цветок можно было бы вы-резать!

ПРОКОПЪИЧ. Жалко, конечно.

ДАНИЛА. Давай, деда, ещё там вон поищем.

ПРОКОПЪИЧ. Потом. Посидим чуток. Гляди, хорошо тут как!

ДАНИЛА. Весна!

ПРОКОПЪИЧ. Воздух аж густой от цветов всяких. Хоть пей его.

ДАНИЛА. Воздухом разве напьешься?

ПРОКОПЪИЧ. Ещё как...

ДАНИЛА. Смотри, деда, букашка по листочку ползёт.

ПРОКОПЪИЧ. Ну и?..

ДАНИЛА. Сама сизонька, а из-под крылышек у ней жёлтенько вы-глядывает.

ПРОКОПЪИЧ. А листочек?

ДАНИЛА. А листочек широконый. По краям зубчики, а середка зелёна-презелёна.

ПРОКОПЪИЧ. Гляди-ка, глазастый. А у меня глаз уже не тот. Стар стал.

ДАНИЛА. Места здесь дремучие... (*Зазвучала откуда-то мелодия. Данила запел потихоньку.*)

Хорошо на воле
В молодые годы,
Хочется раздолья
И счастливой доли.
Встанешь спозаранку
Летнею порою,
Птичью перебранку
Слышно под горою...

ПРОКОПЪИЧ. Дается тебе слово, Данилушка. Чисто на музыке какой играешь. Хорошо выходит. Не то лес шумит, не то ручей журчит, пташки на все голоса перекликаются — хорошо!.. (*Задре-мал*).

ДАНИЛА. Деда!

ПРОКОПЪИЧ. Ну?

ДАНИЛА. Да я всё насчет каменного цветка думаю.

ПРОКОПЪИЧ. Сделаем как-нибудь. И не такое рублили. Сейчас вот передохнём малость, найдем малахитну глыбу...

ДАНИЛА Нет, я про тот цветок, которого боятся все.

ПРОКОПЪИЧ. Есть такой. Здесь вот, в этой самой Красногорке, в малахитовой горе будто растёт. Несчастный тот человек, который ка-менный цветок увидит.

ДАНИЛА. А чем, дедушка, несчастный?

ПРОКОПЪИЧ. А этого я, Данилушка, не знаю. Меньше знаешь — легче спишь. (*И засопел похрапывая*).

ДАНИЛА (*снова запел потихоньку*).

Запах трав покосных
Хмелем сердце сушит,
Утренние росы
Умывают душу,
Ничего не надо —
Воздух истомился,
От тоски услада —
Будто бы влюбился...

Данила тоже заснул. Будто колокольцы, возникла, позванивая, другая музыка. Из-за груди камней появилась дивной красоты девица, Медной горы Хозяйка. С нею три Ящерки.

ЯЩЕРКИ (*поют и танцуют*).

Медной горы Хозяйка!
Парень, не оплошай-ка!
Это совсем не байка —
Медной горы Хозяйка!

ДАНИЛА (*встрепенулся*). Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Её одежда-то, другой такой на свете не найдешь, из шёлкового малахита платье, хоть рукой гладь...

ПРОКОПЬИЧ (*сквозь сон*). Ой, парень, беда! Уноси ноги. От стариков я, слышь, слышал, Хозяйка эта — малахитница-то — любит над человеком мудровать...

ДАНИЛА. А коса-то! Коса не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине...

ХОЗЯЙКА. Ты что же, Данилушка, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-то ведь деньги берут. Иди-ка сюда. Поговорим маленько.

ДАНИЛА. А чего мне? Не страшно ни граммелочки. Она, хоть тайна сила, а всё ж таки девка. Чего мне перед девкой-то робеть! (*Подходит к Хозяйке*)

ХОЗЯЙКА. Нравятся тебе ящерки мои?

ЯЩЕРКИ. Медной горы Хозяйка! Парень, не оплошай-ка...

ДАНИЛА. Дело говори.

Хозяйка рассмеялась, хлопнула в ладоши, ящерки исчезли.

ХОЗЯЙКА. Аль робеешь?

ДАНИЛА. Некогда мне попусту лясы точить. Камень нам надобно сыскать для цветка.

ХОЗЯЙКА. Каменный цветок хочешь сделать?

ДАНИЛА. Барыня приказала. Для царицы. Да дело не в барыне. Красоту понять хочется

ХОЗЯЙКА. Любишь красоту?

ДАНИЛА. Как её не любить! Только не всем она дается. А я хочу попробовать сам. Чтобы обыкновенный цветок, который ногами топчем... Хочу душу его людям показать... Попробовать хочу..

ХОЗЯЙКА. Сумеешь?

ДАНИЛА. Не знаю. Камень, вроде, чувствую, а сумею аль нет... Мне бы глыбу малахитну найти пудов на десять.

ХОЗЯЙКА. А чем этот камешек тебе не по нраву?

ДАНИЛА. Да этот всем хорош, только нам из малахиту надобно.

ХОЗЯЙКА. Разуй глаза, парень!

Рассмеявшись, Хозяйка исчезла. А камень засветился вдруг изнутри зелёным малахитным цветом.

ДАНИЛА. Прокопьяч, гляди, чего деется!
ПРОКОПЬИЧ (*вскочив на ноги*). Что, что, что? Где?

ДАНИЛА. Гляди, малахит какой?

ПРОКОПЬИЧ. Мать честная! Царица небесная! За подводой, Данилушка, быстро!

ДАНИЛА. Ага. Ага.

ПРОКОПЬИЧ. А я тут покуда побуду. А то неровён час — сопрёт кто-нибудь.

ДАНИЛА. Бегу. Я мигом.

Затмение.

Картина вторая

Мастерская в избе Прокопьяча. Каменные фигурки, цветы тоже из камня, птицы. В центре — светящаяся изнутри глыба малахита, контурами уже напоминающая каменный цветок. Возле неё с молотком и зубильцем Данила. На лавке — Прокопьяч. Воскресный вечер. С улицы слышится песня.

ДЕВУШКИ (*поют*).

Наша улица травую заросла,
Голубыми васильками зацвела,
Только губит василёчки лебеда,
Сквозь неё почти не видно и следа.
Уж зато у наших окон и ворот
Белоснежная черёмуха цветёт.
Наша улица — зелёные поля...
Ах ты, травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка нетоптаная!..

ПРОКОПЬИЧ. Хорошо поют девчата, однако. (*Данила продолжает работать.*) Сходил бы развеялся, чем в пыли здесь в малахитной и день и ночь... Воскресенье всё ж, добрые люди вон с девчатами... Лясы-балясы...

ДАНИЛА. Не мешай...

ПРОКОПЬИЧ. Не выходит каменный цветок, Данилушка?

ДАНИЛА. Не выходит. Не видишь, что ли?

ПРОКОПЬИЧ. Ежели чуешь, что не всё ладится, надо воздуху себе дать.

ДАНИЛА. Ты о чём, про какой воздух?

ПРОКОПЬИЧ. Про любовь, к примеру. Без любви и кураж не тот.

ДАНИЛА (*смеется*). Любовь? А что это?

ПРОКОПЬИЧ. Ох, грехи наши тяжкие... (*Уходит на улицу*).

ДАНИЛА (*бросив инструменты*). И вправду куражу никакого. (*Подсел к окошку*).

А за окошком девчата с Поротей обступили Настеньку.

ПОРОТЯ (*Настеньке*).

Говорят, бывают девки
И богаче и добрей,
Только в нашем горном крае
Нету краше и милей.

ДЕВЧАТА (*подхватывают*).

Нежная, как облачко,
Кожа — береста,
Наливное яблочко,
Сахарны уста!

ПОРОТЯ.

Ой, без устали наяривай,
С переливами гармонь,
Без запиночки нахваливай,
Про красу её трезвонь!

ДЕВЧАТА (*с Поротей*).

Трезвонь-вонь-вонь,
Трезвонь-вонь-вонь
Вовсю, гармонь!

БАРЫНЯ (*появившись*). Что это у вас тут делается? Кто такие?

ПОРОТЯ. Не мешайте, мама! (*Пускается в пляс вокруг Настеньки*).

БАРЫНЯ. Поротя! Сынок! Нукося прекрати!

ПОРОТЯ (*продолжая плясать*). Мама! У меня кураж в кои-то веки!

БАРЫНЯ. Угомонись!

ПОРОТЯ. Ни в жизнь!

Барыня, растолкав девчат, обнимает сына.

БАРЫНЯ. Что с тобой, сынок?

ПОРОТЯ. Влюбился, мамуля!

БАРЫНЯ. В кого?

ПОРОТЯ. Вот, в Настасью. (*Запел.*) Для меня Настасья — прямо птица счастья!..

БАРЫНЯ (*Настеньке*). Ты что, девка, белены объелась?

ПОРОТЯ. Мама!

БАРЫНЯ (*сыну*). Помолчи. (*Настеньке.*) Ты кто такая? Откуда взялась? А ну, пошла отсюда вон!

НАСТЕНЬКА. Не смейте на меня кричать.

БАРЫНЯ. Ах ты, мамочка моя родная! Ты посмотри на неё! А ну бегом отсюда!

ПРОКОПЬИЧ. Пойдем, пошли отсюда. От греха подальше.

Прокопич уведит расплакавшуюся Настеньку в мастерскую.

БАРЫНЯ. И чтоб духу твоего возле моего сына не было! Ещё раз увижу возле него — розгами на конюшне запорю!

ПОРОТЯ. Мамонька! Не срамите меня! Как так можно?!

БАРЫНЯ. Сынуля, это на тебя затмение нашло. Это пройдет.

ПОРОТЯ. Я на ней жениться хочу.

БАРЫНЯ. Ой, голубь мой сизокрылый, да разве тебе такая жена нужна? Мы с отцом ночами не спим, ищем-рыщем по столицам тебе невесту. Чтоб любо-дорого! Чтоб весь Урал завидовал. А ты — нате вам, мамочка любименькая, подарочек! Да кто она такая?

ПОРОТЯ. Маменька, это, может, судьба моя...

БАРЫНЯ. Данила-мастер цветок из камня сделает, и ты его с первыми морозами в столицу царице повезёшь. А там уже всё сговорено, отец там вовсю хлопочет, невеста приданое уже собирает. Ждут тебя не дождутся. К весне свадьбу сыграем. Во дворцах будешь жить...

ПОРОТЯ. Страшно там.

БАРЫНЯ. Ничего, пообвыкнешь. (*Уводя сына, кричит в избу.*) А ты, красавица, гляди у меня!..

Барыня с сыном уходят.

ПРОКОПЬИЧ. И вправду — красавица.

НАСТЕНЬКА. Я пойду.

ПРОКОПЬИЧ. Посиди, куда ты такая зарёванная.

ДАНИЛА. Откуда ты, девица красная? Что-то я раньше тебя не встречал?

НАСТЕНЬКА. Встречали.

ДАНИЛА. Когда?

НАСТЕНЬКА. Только не замечали.

ПРОКОПЬИЧ. Это же дочка того самого Шаврина, который клад всё искал да три года назад помер, помнишь? Настёна тогда сироткой осталась, ну её к тётке за Гумешки и отправили. Вот. За три года, вишь, какая стала невеста.

ДАНИЛА. А теперь, стало быть, в гости?

НАСТЕНЬКА. Отцову могилку поправить. (*Пауза*).

ДАНИЛА. Помню, какая-то девчонка бегала белобрысеньякая.

НАСТЕНЬКА. Вы меня ещё бурундучком почему-то звали.

ДАНИЛА. Этого не помню. (*Пауза*).

ПРОКОПЬИЧ. Да... Мне к бабке Вихорихе надо. Настой от кашля взять. Кашель совсем замучил...

Прокопич уходит, запели на улице девушки, а к окошку с улицы подкрался Поротя и стал подслушивать.

ДЕВУШКИ (*поют*).

Я на улицу раненько выхожу,
Я на травушку-муравушку гляжу,
А роса-то на ней свежая блестит,
Изумрудами, алмазами горит.
А цветочки, как умытые, стоят
И приветливо, и весело глядят,
Наша улица — зелёные поля...
Ах ты, травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка нетоптаная!..

ДАНИЛА (*после паузы*). Надо же...

НАСТЕНЬКА. Что?

ДАНИЛА. Помню махонькой тебя. Совсем как воробышек была. А теперь...

НАСТЕНЬКА. Конечно. Вы большой мальчишка были.

ДАНИЛА. Был.

НАСТЕНЬКА. Зимой на салазках с горки еще катались с вами... С тобой.

ДАНИЛА. Не помню.

НАСТЕНЬКА. Ну, как же? Мы с вами ещё в сугроб с салазок кубарем кувыркнулись, а собаки на меня набросились. А вы... А ты... меня от собак прикрыл.

ДАНИЛА (*радостно*). Это помню. Сильно они тогда меня потрепали. Собаки!..

НАСТЕНЬКА. Ну вот! Вы тогда больной долго лежали, а я... для тебя... шанежки пекла. С клюквой.

ДАНИЛА. Шанежки с клюквой?.. Так это ты приносила?

НАСТЕНЬКА. Да.

ДАНИЛА. Помню! Такая вкуснятина была!..

НАСТЕНЬКА. Ага!..

ДАНИЛА. И ты сама их пекла? Сколько ж тебе годков тогда было?

НАСТЕНЬКА. Пять с половиной... Мне бабушка помогала. Она потом померла через год.

ДАНИЛА. Жалко... У меня тоже ни бабушки, ни дедушки, ни отца, ни матери.

НАСТЕНЬКА. Я помню.

ДАНИЛА. Меня Недокормышем звали. Прокопчыч тогда из-под плетей меня вытащил... Выходил... Потом ремеслу своему стал обучать... Он мне теперь вместо отца.

НАСТЕНЬКА. Я всё про тебя знаю.

ДАНИЛА. Не всё только получается у меня, насчет ремесла. Чую, что могу, а не получается!

НАСТЕНЬКА. О тебе слава вон по всему краю.

ДАНИЛА. Ага! А каменного цветка изготовить не могу. Не получается!

НАСТЕНЬКА. Вот этот цветок?

ДАНИЛА. Ну! И камень хорош, и вроде знаю, что делать, и хотения хоть отбавляй, а не выходит — и всё тут!

НАСТЕНЬКА. А мне нравится. Надо ведь ухитриться и узор такой вырезать, и камня нигде не обломить. И как всё чисто да гладко обточено!

ДАНИЛА. То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, а красота где? Вон цветок — самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. А этот кого обрадует?

ПРОКОПЬИЧ (*вбега*). Данилушка! Аккурат всё по чертежу! Придаться не к чему. Чисто сработано.

ДАНИЛА. А красота камня где? Тут прожилка пошла, а ты на ней дырки сверлишь да на цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!

ПРОКОПЬИЧ. Ты, милый, по этой половине не ходи! Из головы выбрось! А то попадешь к Хозяйке в горные мастера.

НАСТЕНЬКА. В какие мастера, дедушка?

ПРОКОПЬИЧ. А такие... В горе живут, никто их не видит. Что Хозяйке понадобится, то и делают. И делают — не чета нам.

ДАНИЛА. И я так хочу научиться работать! Разве это дело? (*Швыряет каменный цветок на пол, тот раскалывается*). Пропади оно всё пропадом!

ПОРОТЯ. Ой, что деется! Что деется! Мама! (*Убега*).

ПРОКОПЬИЧ. Ты что творишь?

ДАНИЛА. Хватит. К Хозяйке в горные мастера пойду. (*Убега*).

ПРОКОПЬИЧ. Ты что удумал? Ты что удумал? (*Убега* за ним).

НАСТЕНЬКА. Данилушка!

ДАНИЛА (*возвращается, обнимает Настеньку*). Прости меня, Настенька! Но я должен! Должен, понимаешь?

НАСТЕНЬКА. Нет.

ДАНИЛА (*в отчаянье запл*).

Не хочу я жить невеждой,
Я хочу себя понять,
Камень ждет меня с надеждой,
Будто ждет родную мать...

НАСТЕНЬКА.

Ну а мне-то что поделаться?
Боль-тоска, печаль-беда...
Кабы знать да кабы ведать,
Как я буду без тебя...

ДАНИЛА. Прощай!

НАСТЕНЬКА. Не уходи, желанный!

ДАНИЛА. Я обязательно вернусь. Не плачь! До скорого свиданья...

НАСТЕНЬКА. Я всё равно тебя дождусь...

ДАНИЛА. Я вернусь! Я обязательно вернусь! Я люблю тебя! (*Уходит*).

НАСТЕНЬКА. А я тебя маленькой ещё любила... (*Запела*)

Пусть всё без милого не мило,
Пусть на душе беда и грусть,
Всё без любимого постыло —
Я всё равно тебя дождусь...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Палисадник возле избы Прокопьяча. На скамье под рябинкой сидит усталый хозяин. Раннее, раннее утро.

ПРОКОПЬИЧ. Тихо как. Благодать Божья... Утро хорошее будет. Бабье лето, знамо дело. (*Закашлялся, потом попил из кувшина.*) Проклятый кашель... Ох, грехи наши тяжкие... (*Потихоньку запел.*)

Жизнь свое отговорила —
Время камни собирать.
Только бы хватило силы
До поры не горевать.
Пронеслись путём-дорожкой
Годы долюшки простой...
Подожди ещё немножко,
Ненаглядная с косой..

Кончаюсь. Зажилса на этом свете. Пора. Только вот Настёну жалко. Пропадёт она одна без Данилы...

НАСТЕНЬКА (*высочив из избы*). Тятенька, не получается у меня Каменный цветок! Склеила вроде всё как надо, а до ума довести не могу.

ПРОКОПЬИЧ (*усадил Настеньку на скамью*). Дак знамо дело! Девичья ли забота за малахитом сидеть! Ты думаешь, бляшку обточить сумела, значит, Бога за бороду взяла, Каменный цветок изготовить сможешь?

НАСТЕНЬКА. Я как лучше хотела. Ведь требуют. Нынче прийти за цветком грозилась, а у нас что? Шиш да малина?

ПРОКОПЬИЧ. Ты прости меня, Настенька, стар я стал, изробился весь. И глаз не тот, и руки — только ши солить.

НАСТЕНЬКА. Да я тебя разве виню, тятенька?

ПРОКОПЬИЧ. Данилушка меня, бывало, тятенькой называл, теперь вот ты...

НАСТЕНЬКА. Надо что-то делать. А то изведут они нас.

ПРОКОПЬИЧ. И чего барыня на нас взъелась?

НАСТЕНЬКА. Барчуку я приглянулась.

ПРОКОПЬИЧ. Ох, горе-то какое.

НАСТЕНЬКА. Надо опять Данилушку искать идти.

ПРОКОПЬИЧ. Ты всё думаешь, живой он?

НАСТЕНЬКА. А как же! Давеча, когда на Красногорку бегала, Хозяйка Медной горы мне прямо сказала — в горе он. Живой. Только уходить от неё не хочет. Так я ей и поверила!

ПРОКОПЬИЧ. Может, ты заспалась да привиделось тебе?

НАСТЕНЬКА. А камень с узором редкостным? Из которого я бляшек нарезала, кучу денег мне за них заплатили, — это тоже привиделось?

ПРОКОПЬИЧ. Да, камень невиданный. Будто из середины дерево выступает, а на ветке птица сидит. И внизу тоже птица...

НАСТЕНЬКА. Это же Данилушка этим узором редкостным? Он на ветке сидит, попробуй дотянись, а я внизу.

ПРОКОПЬИЧ. Придумщица ты!

НАСТЕНЬКА. Да? Придумщица? А во второй раз камень принесла со Змеиной горки? Тот же узор, только ещё лучше первого: птица с дерева книзу полетела, крылья расправила, а снизу навстречу другая летит. Пять раз этот узор на досточке. Это тоже видение? Это же мы с Данилушкой летим друг к другу! Да ещё из точки в точку намечено, как поперёк распилить. Чтоб я камень, значит, не испортила!

ПРОКОПЬИЧ. Да... Всё может быть. Может, правда твоя, а может, пригрезилось тебе.

НАСТЕНЬКА. Тятенька!..

ПРОКОПЬИЧ. Вон облачко на небе. Я гляжу на него, сперва барашек был, потом чугунок со шами — пар идет, потом уже собака какая-то... Может, и в камне мы видим то, что нам хочется?

НАСТЕНЬКА. Какие вы все!

Издали послышались воинственные голоса, шум, крики.

ПОРОТЯ (*из-за калитки*). Анастасия, бегите! Маменька вас пороть собралась! Уже и розги на конюшне замочили!

Людской гомон быстро приближается к избе Прокопьяча.

ПРОКОПЬИЧ. Настенька, ты вот что... Давай, потихоньку огородами — и на Красногорку. Там, Бог даст, Данилушку найдёшь.

НАСТЕНЬКА. А ты как же, тятенька?

ПРОКОПЬИЧ. Ничего. Бог не выдаст, свинья не съест. Меня они не посмеют.

Посыпались яростные удары в калитку.

НАСТЕНЬКА. Ещё как посмеют.

ПРОКОПЬИЧ. Беги.

НАСТЕНЬКА. Да я чумазая вся. Только от станка...

Барыня с санными девками под улюлюканье толпы ворвалась во двор и кинулась в избу Прокопья.

ПРОКОПЬИЧ. Беги, Настенька! В ручье умоешься.
НАСТЕНЬКА. Ага. Я сейчас. Я быстро. *(Исчезает)*.
ПРОКОПЬИЧ *(крестится)*. Господи, спаси и сохрани!..

Из избы вывалилась барыня со свитой.

БАРЫНЯ. Попрытались, тараканы? Я вас из-под земли достану! Искать!

Все забегали по двору.

СЕННЫЕ ДЕВКИ. Здеся! Здеся они!
БАРЫНЯ *(подошла к Прокопьячу)*. Попался? Сделал Каменный цветок?
ПРОКОПЬИЧ. У меня теперь только крестное знамение получается.
БАРЫНЯ. А дармоедка эта где?
ПРОКОПЬИЧ. Она не дармоедка!
БАРЫНЯ. Где она?
ПРОКОПЬИЧ. За Данилой пошла.
БАРЫНЯ. На тот свет? *(Сыну.)* За ней. В погоню. Далеко не уйдет. И старика с собой. Он дорогу знает.
СЕННЫЕ ДЕВКИ. — Куда она денется!
— Лахудра колченогая!
— В момент заарканим!
БАРЫНЯ *(девкам)*. Вы тута порыскайте. По баням, по погребам. Может, затаилась у кого на сеновале.
СЕННЫЕ ДЕВКИ. Как прикажете.
БАРЫНЯ *(Прокопьячу)*. Пошёл вперёд! Рысью! Бегом!

Затемнение.

Картина четвертая

Поляна в саду Хозяйки Медной горы. На поляне возле почти готового Каменного цветка сидит понурившийся Данила-мастер. В руках молоток и зубило.

ДАНИЛА. Настенька... Воробышек махонький... Бурундучок...
ХОЗЯЙКА *(появившись)*. Что, Данила-мастер, не выходит Каменный цветок?
ДАНИЛА. Не выходит.
ХОЗЯЙКА. Тоскуешь?
ДАНИЛА. Есть маленько.
ХОЗЯЙКА. Соскучился?
ДАНИЛА. По людям.

ХОЗЯЙКА. Ой ли?
ДАНИЛА. И по Настеньке.
ХОЗЯЙКА. Беда мне с вами, с людьми. Всё вам чего-то не хватает!
ДАНИЛА. А я и не жалуюсь.
ХОЗЯЙКА. Хоромы у тебя царские! Яства-кушанья, разносолы всякие — баре такого в самых сладких снах не видывали, работа по сердцу, сама Хозяйка Медной горы тебе в невесты набивается...
ДАНИЛА. Да я...
ХОЗЯЙКА. Приданого у меня — на всём белом свете никогда ни у кого не было, нет и не будет!
ДАНИЛА. Премного благодарны.
ХОЗЯЙКА. По золоту, по бриллиантам, по камням драгоценным сто лет ходить будешь — всего не обойдешь.
ДАНИЛА. На что мне всё это?
ХОЗЯЙКА. Потому-то и не выходит у тебя Каменный цветок!
ДАНИЛА. Почему?
ХОЗЯЙКА. Потому что надо любить свою работу!
ДАНИЛА. Я люблю.
ХОЗЯЙКА. Работать надо с удовольствием, с радостью! Чтобы у тебя внутри всё пело!
ДАНИЛА. Откуда ты всё знаешь?
ХОЗЯЙКА. Насмотрелась я на вашего брата. Думаешь, понял душу камня и всё постиг?
ДАНИЛА. А чего ещё?
ХОЗЯЙКА. Ты в себе сначала разберись! Думаешь, камень не понимает, когда ты слезами на него капаешь?
ДАНИЛА. Ты что, подглядываешь за мной?
ХОЗЯЙКА. Да что с тобой говорить! *(Быстро уходит)*.
ДАНИЛА *(после паузы)*. И вправду тоска... Хоть бы Настенька скорей пришла...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая

Гора Красногорка. Ранней осенью здесь ещё краше. Из пролома в горе Барыня и Поротя ташат на руках Прокопья.

БАРЫНЯ *(Прокопьячу)*. Куда ты нас завёл? Где Наська?
ПРОКОПЬИЧ. Кто ж её знает, что у неё на уме.
ПОРОТЯ. Смотрите, ящерок сколько! Здесь! Здесь! Хозяйское логово!
БАРЫНЯ. Вон! Вона Наська за кустом! *(Кинулась за куст.)* Это ящерка!
ПОРОТЯ. Вон она! *(Кидается за другой куст.)* Тьфу, гадость какая!
БАРЫНЯ. Вон! За тем кустом она! Держи её!

Барыня с сыном забегали по кустам за ящерками, разноцветными сарафанами и косами похожими на Настеньку.

БАРЫНЯ. Настасья! Всё равно не уйдёшь! Всё равно пымаю!
 ПОРОТЯ. Не угнаться.
 БАРЫНЯ. Наська, покорись, хуже будет!

В ответ им, будто перезвон колокольчиков, озорной смех ящерок.

ПОРОТЯ. Нечистая! Нечистая сила это! Охмурают нас!

Из-за кустов появилась Хозяйка Медной горы.

ПОРОТЯ. Мама, я боюсь. Кто это?

БАРЫНЯ (*Хозяйке*). Ты кто такая? Медной горы Хозяйка?

ХОЗЯЙКА. Зачем пожаловали?

БАРЫНЯ. Ты, милая, пошто холопа моего себе забрала?

ХОЗЯЙКА. Какого холопа?

БАРЫНЯ. Данилу. Мастера моего.

ХОЗЯЙКА. Он сам ко мне пришёл.

БАРЫНЯ. У нас так не делается. Глянулся он тебе — ты приди ко мне, скажи, назови свою цену, я — свою, поторгуюсь. Глядишь, и поладили бы, а так — не по-людски.

ХОЗЯЙКА. Ты уж не обессудь, барыня. Я в порядках ваших человеческих не сильна.

БАРЫНЯ. Первый мастер по всему Уралу — и нате вам! От бублика дырку.

ХОЗЯЙКА. А сколько ты за него хочешь?

БАРЫНЯ. Это уж во сколько ты его сама ценишь, сперва скажи.

ХОЗЯЙКА. Я бы за него... За него сколько ни дай, всё мало.

ПОРОТЯ. Знамо дело!

ХОЗЯЙКА. Полцарства разве?

ПОРОТЯ. Полцарства? Твоего?

БАРЫНЯ. Мало.

ХОЗЯЙКА (*рассмеялась*). Ты хоть знаешь, сколько у меня всего?

БАРЫНЯ. Не-а. Но половины всё равно мало.

ХОЗЯЙКА. А сколько ты хочешь?

БАРЫНЯ. Всё... царство.

ХОЗЯЙКА. Не подавишься?

БАРЫНЯ. Не-а.

ХОЗЯЙКА. Ну, пошли, коли так.

ПОРОТЯ. В закрома?

Появляется Настенька.

НАСТЕНЬКА (*кидается к Прокопичу*). Тятенька, что с тобой?

БАРЫНЯ. Попалась, неумеха!

ХОЗЯЙКА (*хлопает в ладоши*). Проводите Барыню в мои кладовые.

БАРЫНЯ. Наконец-то!

Ящерки уводят Барыню с сыном.

НАСТЕНЬКА. Прокопич, миленький, почему ты молчишь, тебе плохо?

ПРОКОПЬИЧ. Нет, нет. Я сейчас. Отпустит. Я сейчас...

НАСТЕНЬКА. Я за водой сбегаю.

ХОЗЯЙКА. Вот вода. (*Протягивает чашку с водой*).

НАСТЕНЬКА (*пьет водой Прокопича*). Не нужно нам от тебя ничего!

ХОЗЯЙКА. Ну уж.

НАСТЕНЬКА. Возврати нам лучше Данилушку!

ХОЗЯЙКА (*лукаво улыбнулась*). Да нет его у меня.

НАСТЕНЬКА. Не обманывай! Есть!

Будто камешки с горки посыпались: «нет его!», «нет его!», «нет его!».

НАСТЕНЬКА. Есть!

По лесу голк пошёл. Сучья запостукивали: «нет его!», «нет его!», «нет его!».

НАСТЕНЬКА. Есть! Есть! Есть!

Заухал в чаше филин: «нет его!», «нет его!», «нет его!».

НАСТЕНЬКА. Ты его забрала! Я знаю! У тебя он!

ХОЗЯЙКА. Нет, девушка, я его не забирала. Дар у него редкостный, дар его и забрал.

НАСТЕНЬКА (*заплакала*). Отдай его мне...

ХОЗЯЙКА. Бери, коли сумеешь.

НАСТЕНЬКА. Отпусти.

ХОЗЯЙКА (*рассмеявшись*). Да не держу я его.

НАСТЕНЬКА (*кинулась к кустам*). Данила, отзовись!.. Отзовись, Данилушка!

ДАНИЛА (*совсем издалека*). Настенька!

НАСТЕНЬКА. Слышали? Прокопич, ты слышал?

ПРОКОПЬИЧ. Вроде как листья на осинке от ветру...

НАСТЕНЬКА. Ну, какие листья, тятенька!

ХОЗЯЙКА. Может, тебе камень какой надобен? Любой бери да уходи поскорее!

НАСТЕНЬКА. Не надо мне твоего мёртвого камня! Подавай мне живого Данилушку! Где он у тебя запрятан? Какое твое право чужих женихов сманивать?!

ПРОКОПЬИЧ. Ну, смелая девка!

ХОЗЯЙКА. Ещё чего скажешь?

НАСТЕНЬКА. А то и скажу — подавай Данилу! У тебя он...

ХОЗЯЙКА. Ты, дура-девка, знаешь ли, с кем говоришь?

НАСТЕНЬКА. Не слепая, вижу! Только не боюсь тебя, разлучница!

Нисколечко не боюсь! Сколь ни хитро у тебя, а ко мне Данила тянется. Сама слыхала!

ХОЗЯЙКА (*после паузы*). Слыхала, говоришь? Хорошо, пошли. Вставай, дедуля.

ПРОКОПЬИЧ. Сил нет... Я бы встал...

ХОЗЯЙКА. Вставай, вставай. Сил у него нет!.. У кого она тогда есть, если не у вас?

ПРОКОПЬИЧ (*вдруг бодро поднявшись с земли*). Гляди-ко...

ХОЗЯЙКА. Ну что, есть, оказывается, ещё силёнки-то?

ПРОКОПЬИЧ (*кланяется Хозяйке*). Спасибо тебе.

ХОЗЯЙКА. Сил у них нет... Я вас, настырных, всех насквозь вижу.

НАСТЕНЬКА. Ты нам зубы не заговаривай. Веди к Даниле!

ХОЗЯЙКА. Пошли. Только смотри, чтобы потом жалеть не пришлось.

НАСТЕНЬКА. Не пожалею. Пошли.

Затемнение.

Картина шестая

Подземный сад Хозяйки Медной горы. В саду Ящери, Барыня и Поротя.

ПОРОТЯ. Красотища-то какая! Будто сад.

БАРЫНЯ. Деревья стоят высоченные. Откуда такие?

ПОРОТЯ. Не как в наших лесах, а каменные.

БАРЫНЯ. Которые — мраморные, которые из змеевика-камня.

ПОРОТЯ. Всякие... Как живые! С сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и стучат полегоньку...

БАРЫНЯ. Как галечками кто подбрасывает.

ЯЩЕРКИ (*ласково напевают*).

В волшебстве садов глубинных

Не спеша текут года...

Красотой узоров дивных

Наслаждается вода...

ПОРОТЯ. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная...

БАРЫНЯ. Кусты, гляди, чёрные, как бархат.

ПОРОТЯ. А на кустах этих большие зеленые колокольцы малахитовы...

БАРЫНЯ. И звёздочки сурьмяные в колокольцах, слышь, тонёхонько позванивают, ровно поют...

ПОРОТЯ. Солнышка не видно, а светло, как перед закатом...

ЯЩЕРКИ.

Искорки желаний пряных

Улыбаются в тиши,

В чистоте очарованья

Искушение души...

БАРЫНЯ. И это всё моё будет!..

ЯЩЕРКИ (*разбегаясь*). — Твоё!

— Твоё!

— А чьё же!

БАРЫНЯ. Эй! Эй, вы куда?

ПОРОТЯ. Убёгли.

БАРЫНЯ. Эй! Девки! Вернитесь!

ПОРОТЯ. Мы без вас заблудимся.

БАРЫНЯ. Накажу! Вы теперь холопки мои.

ПОРОТЯ. Ау!..

ЯЩЕРКИ (*издалека*). Ау!.. (*Отовсюду*) Сюда!

БАРЫНЯ. Там они!

ЯЩЕРКИ. Сюда!

ПОРОТЯ. Вроде там.

ЯЩЕРКИ. Ау!

БАРЫНЯ. Да вон оттуда кричат! (*Убегает в одну сторону*).

ЯЩЕРКИ (*с другой стороны*). Ау!

ПОРОТЯ. Мама! Там они! (*Убегает в другую сторону*).

ЯЩЕРКИ. Ау!.. Ау!.. Ау!..

Со всех сторон слышится веселая переключка разбегающихся Ящерок и перепуганное барское ауканье. На поляне появляется встревоженная Настенька.

НАСТЕНЬКА. Чудится мне или вправду голоса откуда-то?

ПОРОТЯ (*издалека*). Ау!

НАСТЕНЬКА. Ага. Слышу. Ау!

ПОРОТЯ. Ау!

НАСТЕНЬКА. Он, вроде... Данилушка... Ау! (*Убегает*).

И тут же на полянку, резвясь, выбегают Ящери.

ЯЩЕРКИ (*поют*).

— Ой, умрем сейчас от смеха!

— Вот уморы! Вот потеха!

— Ищут, где послаше!

— Слаще только в чаще!

(*Хором.*)

Там между камнями

Сучья да песок,

Там между деревьями

Колдовской цветок.

Манят тропки-змеечки

Жребий попытать,

Наступает времечко

Счастье отыскать...

Уголки дремучие,

Бурелома жуть,

Чародейство жгучее

Не дает уснуть...

На поляне появляется Данила. Ящерики разбегаются.

ДАНИЛА. Что со мной? Голову разломило. В глазах чёрное с зеленым да красным. Света не вижу!.. *(Падает)*

НАСТЕНЬКА *(издалека)*. Данила, отзовись!..

ЯЩЕРКИ *(из-за кустов)*. Нет его! Нет его! Нет его!

НАСТЕНЬКА *(появляясь)*. Где ты, Данилушка?

ДАНИЛА *(пытаясь подняться)*. Здесь я...

НАСТЕНЬКА *(кидается к нему)*. Данилушка!.

ДАНИЛА. Настенька... *(С помощью Настеньки поднимается.)* Настенька. *(Обнимает её)*.

Незамеченными появились Хозяйка и Прокопъич.

ДАНИЛА *(под зазвучавшую музыку)*. Настенька... Настеньки... Глазки лупоглазеньки!..

НАСТЕНЬКА *(прижавшись к Данилушке)*.

Иссушились глазоньки, как желты пески...

Расхрипелось горлышко колесом несмазанным,

Брови стали домиком без тебя с тоски.

ДАНИЛА. Настенька, прости меня, мужика-орясину, твоего мизинчика недостоин я.

НАСТЕНЬКА. Перестань, Данилушка, говорить напраслину. Знал бы ты, как Настеньке грустно без тебя...

ХОЗЯЙКА *(Прокопъичу)*. Воркуют, как голубки.

ПРОКОПЪИЧ. Это, хозяйшюшка, я тебе скажу, любовь называется...

ХОЗЯЙКА. Да... *(Всем.)* Так что мы будем делать, Данила-мастер?

ДАНИЛА. Не знаю.

ХОЗЯЙКА. Я ведь тебя, если помнишь, насильно сюда не тянула.

ДАНИЛА. Помню. Сам упросил. Мастером хотел стать. Первостатейным.

НАСТЕНЬКА. Данилушка!..

ХОЗЯЙКА *(Настеньке)*. Подожди. *(Даниле.)* Ты им стал. Мастером. Таких на всём Урале не сыскать.

ДАНИЛА. Я ещё лучше работать хочу.

ХОЗЯЙКА. Ну что ж, друзья-товарищи, я вот как решила. Ты теперь, Данила-мастер, сам выбирай – как быть. Здесь вот, прямо сейчас. С ней пойдешь – всё моё забудешь, здесь останешься – её и людей забыть надо.

ДАНИЛА. Не могу людей забыть... А её каждую минуту помню.

Пауза.

ХОЗЯЙКА *(улыбнувшись)*. Твоя взяла, Анастасия! Бери своего мастера. За удасть да твёрдость твою вот тебе подарок. Пусть у Данилы всё, чему он здесь научился, в памяти останется.

ДАНИЛА. *(кланяется)*. Спасибо тебе, государыня!

ХОЗЯЙКА *(отстраняясь)*. Да ладно уж... Только вот это пусть накрепко забудет. И мои кладовые, и мой сад, и эту полянку с диковинными цветами... И главное, Каменный цветок чтоб напрочь забыл.

Всё вокруг вдруг озарилось засверкало ещё ярче. А над всем этим высветился невиданный Каменный цветок Хозяйки Медной горы.

ПРОКОПЪИЧ. Забудет. А чего ему... конечно, забудет.

ХОЗЯЙКА. Теперь ступайте в ту сторону.

ПРОКОПЪИЧ. Ага.

Пауза.

ХОЗЯЙКА. Ты, Данила, про гору людям не сказывай. Говори, что на выучку к дальнему мастеру ходил.

ПРОКОПЪИЧ. Барыня с сыном про тебя всем расскажут.

ХОЗЯЙКА. Не расскажут.

ПРОКОПЪИЧ. Да ты знаешь, какие у них языки?..

ХОЗЯЙКА. Они уже деревьями стоят в моём саду.

ПРОКОПЪИЧ. Ой!..

НАСТЕНЬКА. Не надо бы...

ХОЗЯЙКА. Жалко? Сколько они над тобой измывались!..

НАСТЕНЬКА. Всё равно не надо.

ХОЗЯЙКА *(усмехнувшись)*. Эх, люди... Ладно, будь по-твоему. *(Хлопает в ладоши, появляются Ящерики.)* Барыню с сыном – домой. Пусть к обручению готовятся с питерской невестой. И чтоб про меня и про всё здесь напрочь забыли.

Появляются Барыня с Поротей.

БАРЫНЯ *(всем)*. Вы кто такие? А вы? *(Хозяйке)* А ты кто такая? *(Сыну.)* А ты?

ПОРОТЯ. А ты кто такая?

БАРЫНЯ. Не помню... *(Всем.)* Кто я такая? А?... Помогите!..

Барыня и Поротя с воплями исчезают в сопровождении Ящерок.

НАСТЕНЬКА. И вправду всё позабывали. Спасибо.

ХОЗЯЙКА. Да об этих пустяках чего и говорить. Вы бы лучше богатства какого у меня попросили. У меня его вон сколько!

НАСТЕНЬКА. Нам ничего не надо... Правда, Данила?

ДАНИЛА. Да конечно...

ХОЗЯЙКА *(Прокопъичу)*. Гляди-ка, гордые... Ну и ладно. Ты, Анастасия, и думать забудь, что я у тебя жениха сманивала. Сам он пришёл за тем, что теперь забыл.

НАСТЕНЬКА *(низко поклонившись Хозяйке)*. Прости на худом слове!

ХОЗЯЙКА. Ладно... Что каменной делается...

Пауза.

ПРОКОПЬИЧ. Ну, мы пойдем?

ХОЗЯЙКА. Погодите чуток. *(Пауза.)* Ты, Данила-мастер, редкостный человек. Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девушку... Вот тебе подарочек для твоей невесты. Малахитовая шкатулка. Там всякий женский прибор: серьги, кольца, изумруды всякие, жемчуга, — приданое вам от меня.

НАСТЕНЬКА. Ой, да как же так? Мы... Я не знаю, как и благодарить...

Подземный сад вдруг озарился волшебным светом Каменного цветка, сделанного Данилой-мастером.

ДАНИЛА. Смотрите! Смотрите, цветок Каменный ожил!

ПРОКОПЬИЧ. Твой цветок, Данилушка.

ДАНИЛА. Я сумел! Сумел!

ХОЗЯЙКА. Забирай его, раз он твой.

ДАНИЛА. Да разве можно? Ведь он... Да и не унесу я его.

ХОЗЯЙКА. Унесёшь. *(Колдует над цветком.)* Теперь унесёшь. *(Протягивает цветок Даниле.)* Дома он опять станет прежним.

ДАНИЛА. Спасибо, Хозяйка!..

ХОЗЯЙКА. А теперь ступайте... И не поминайте лихом.

ПРОКОПЬИЧ. Как можно.

НАСТЕНЬКА. Прощайте!

ДАНИЛА. Прощай, Хозяйка Медной горы.

ПРОКОПЬИЧ. Прости, ежели что не так...

ХОЗЯЙКА. Возвращайтесь!.. Радостно к людям уходить.

НАСТЕНЬКА. Время расставания хочется продлить.

ХОЗЯЙКА. Без причины, Настенька, никогда не плачь, Грусть-печаль, Данилушка, от себя не прячь

ДАНИЛА. Все мечты сбываются, если жар в крови,
Звёзды загораются от большой любви!

ПРОКОПЬИЧ. Привела дороженька молодых к венцу.

ХОЗЯЙКА. Плакать при прощании людям не к лицу.

БАРЫНЯ. Никогда не делайте, дети, людям зла!

ПОРОТЯ. Пожелать вам хочется счастья и добра!

ЯЩЕРКИ. Чтоб светился радостью всем ваш дом родной!

ВСЕ. До свиданья, милые, нам пора домой!..

Занавес

2008 г.

Дорога из чёрного царства

Волшебная сказка в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИВАНУШКА
ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ
ОБОРОТЕНЬ
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ
БАБА ЯГА
ЛЕШИЙ
ПЕРВАЯ КИКИМОРА
ВТОРАЯ КИКИМОРА
КОТ-БАЮН

ПРОСЦЕНИУМ

В царстве Кошея Бессмертного непроглядная ночь. Лишь колдовские огоньки то тут, то там светятся в темноте. Тишину разрывают то хлопающие шаги Кикимор по болоту, то нервный крик Совы, то похрюкивание Вурдалака. Змеиный шип Василиска нет-нет да и перекроет Вепрь скрежетом изголодавшихся зубов. Катится своим чередом рядовая будничная ночь Чёрного царства. Вдруг через всё это вихрем пронёсся всхлипывающий квакающий клёкот. Вмиг всё замерло, притаилось.

НЕЧИСТЬ (*шёпотом*). Где?.. Кто?.. Что?...

И опять заквакало, залепетало:

«Иван-Дурак идёт! Иван-Дурак на границе!
Иван-Дурак! Иван-Дурак!..».

НЕЧИСТЬ (*захохотала, заверещала на разные голоса*). Иван-Дурак?!

- Кого испугался?!
- Ой, уморил!
- На границе, говоришь?
- Ой, не могу!
- Иван-Дурак на границе!
- Ой, надо Кошеею сказать!
- Ой, посмешим владыку...

Вдруг загудели камни, затрещали деревья и глубоко-глубоко из-под земли в моментально возникшей тишине, будто вздох, возник ГОЛОС.

ГОЛОС. Конец пришёл Кошееву царству.

НЕЧИСТЬ. Вещунья!

- Вещунья заговорила!
- Тысячу лет молчала и заговорила!
- Надо Кошеею сказать!

Раскат грома. Возникает Кошей.

НЕЧИСТЬ. Владыка!

- Владыка, Вещунья!
- Вещунья заговорила!
- Она сказала...

КОЩЕЙ. Слышал. Молчать! Она врёт. Я – Бессмертный!

ГОЛОС. Конец тебе пришёл, Кошей.

КОЩЕЙ. Я – Бессмертный! Я его одним пальцем раздавлю. Он всего лишь человек...

ГОЛОС. Я всё сказала. (*Удаляясь*.) Конец тебе... Конец...

КОЩЕЙ. Подожди, не исчезай. Скажи, могу ли я его одолеть?

Голос тяжело вздохнул уходя.

Постой. Не уходи. (*Кричит*.) Как мне его одолеть? Говори... Говори. Не бросай меня! Как его одолеть? Говори!

ГОЛОС. Одолеешь, если успеешь жениться на Василисе.

КОЩЕЙ. Она не хочет! (*Пауза*.) Я заставлю её!..

ГОЛОС. Уговори... (*Затихая*.) Уговори... (*И уже совсем издали*.) Уговори...

Пауза. В наступившей тишине боязливо перешёптывается Нечисть.

НЕЧИСТЬ. Ушла...

- Как же, её уговоришь!..
- Она как эта...
- Одно слово – Василиса.
- Упрямая.
- Только и знает – шуруется на всех...
- Будто мы, кто её знает кто...
- Ух, я бы её!..
- Замуж она не хочет. Подумаешь!..
- Заставить её надо.
- Силой заставить, и всё.
- Заставить, заставить... Уговорить надо, слышал?

КОЩЕЙ (*наконец взял себя в руки*). Кто развеселит Василису, расположит её ко мне и уговорит выйти за меня замуж, заслужит вечную мою благодарность...

НЕЧИСТЬ. Я!

- Я, я!
- Я, я, я!..

КОЩЕЙ. Я буду ждать!

Раскат грома, свист ветра. Кошей исчезает. Засуетилась и разбежалась во все стороны Нечисть. Зазвучала колдовская мелодия...

Открылся занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Дворец Кошея Бессмертного. Покои, отведённые для Василисы.
Василиса и Баба Яга.

БАБА ЯГА (*ласково поёт*).

Солнышко садится, плачет Василиса,
Золота боится и не веселится...

Ну, что ты, глупенькая, губки в трубочку сложила? На кого дуешься? Это ж судьба такая твоя, счастье такое громадное выпало. За такого вельможу, за самого Кошера Бессмертного замуж можешь выйти! Я на твоём бы месте... Эй-эх!..

ВАСИЛИСА. Отойди, бабушка.

БАБА ЯГА. Это кто тут бабушка? Кто?! Я тебе, что ли, бабушка? Да я... Я, может быть, ещё моложе некоторых. Я ещё... Думаешь, у тебя зубов побольше, так ты уже и прекрасная? Мой-то один твоих десяти стоит. Видала?! Э-эх! И что повелитель в тебе нашёл? Если уж правду говорить, неказистенькая ты. Дунуть разок — рассыплешься... погоди! Я ещё тебя обскачу. Дай вот наряд, какой почуднее, подышу — на меня тогда не налюбуйешься. У меня знаешь, сколько благородных металлов? Захочу — вся в благородстве ходить буду.

ВАСИЛИСА. Господи! До каких пор ты меня мучить будешь?

БАБА ЯГА (*испуганно*). Цыть, кыть, пыть. Какой ещё «господи»? Ты этого слова здесь не смей. Ишь чего удумала... Вот ведь свалилась на мою голову... Вот так бы вот взяла и... облагодетельствовала, честное слово. Ну что ты всё время об этом Иване думаешь? Он же кто есть? Дурак набитый. Кого ни спроси. А Кошей, он — ого-го! Он — Бессмертный! Захочешь, он и тебя Бессмертной сделает. Ну?! Давай улыбнёмся. (*Запела.*) «Киса-Василиса, что ты беленишься?..». А может быть, ты от голода такая? Может, тебе пища нужна? Это мы вмиг. Чего тебе? лягушачье брюшко или гадючью спинку? Заказывай. Всё в один момент произведу.

ВАСИЛИСА. Не надо.

БАБА ЯГА (*заигрывая*). Ох ты, моя подколодная, мухоморчик ты мой ненаглядный. Меня ведь не проведёшь! Знаю, чего тебе хочется. Полакомиться маленькой захотелось. Паучков отведать маринованных. Это мы сейчас, это мы...

ВАСИЛИСА. Не надо пауков!

БАБА ЯГА. Как не надо? Неужто от такого лакомства откажешься? Заморское ведь блюдо! Его принцы и то не каждый день едят... Надо же!..

Появляется Оборотень.

Наконец-то и ты прибыл, Оборотень. Замаялась я с ней...

ОБОРОТЕНЬ. Не получается?

БАБА ЯГА. Я уж не знаю, что с ней делать. Этакая прямо... Никакого човоколюбия не понимает...

ОБОРОТЕНЬ. Сколько возишься, Баба Яга, и всё впустую.

БАБА ЯГА. О?! Я только начала. Только разогналась. Ты только посмотри на её глазки. С такими глазками без разгону не сладить. Их бы...

ОБОРОТЕНЬ. Ступай наверх. Повелитель кличет.

БАБА ЯГА. За что? Зачем наверх-то?

ОБОРОТЕНЬ. Там узнаешь.

БАБА ЯГА. Значит, я вроде... не сумела?

ОБОРОТЕНЬ. Иди, иди.

БАБА ЯГА (*Василисе*). У, жасмин благоуханный! Была б моя воля, я б тебя по косточкам разобрала. Ты бы у меня...

ОБОРОТЕНЬ. Пошли...

Оборотень выпроваживает Бабу Ягу. Василиса, оставшись одна, заметалась по комнате.

ВАСИЛИСА. Я вырвусь отсюда! Вырвусь. Назло вам всем. Не заставите меня здесь остаться. Я лучше умру... (*И застыла в безысходной тоске у окошка*).

Зазвучала, будто из сердца Василисы возникшая, музыка. Вошёл и остался незамеченным у двери Оборотень.

ВАСИЛИСА (*ноём*).

Ой ты, матушка — сторонushка родимая,
Дай мне сил, утешь меня, желанная.
Исстрадалась без тебя, истосковалась я...
Всё здесь горько, всё немило сердцу русскому:
Не разбудит ветерок в окошко поутру,
Не согреет зорькой ясной красно солнышко,
Не утешит щебет птиц печали девичьей,
Не поплачет над бедой моей берёзонька...
На родной земле и твёрдый камень ласковей,
Лес добрей, трава в лугах шелковее,
Веселей и ручеек бежит по камешкам,
А любовь...
Ой, тяжко мне, Иванушка...

ОБОРОТЕНЬ. Родная земля... Я уже забыл, какая она. Всё забыл. Только сердце ещё помнит. Болит и болит...

ВАСИЛИСА. Кто здесь?

ОБОРОТЕНЬ. Это я.

ВАСИЛИСА. Подслушивал?

ОБОРОТЕНЬ. Я хочу помочь тебе. Тебе и Иванушке.

ВАСИЛИСА. Иванушка!.. Он здесь?! Он пришёл за мной.

ОБОРОТЕНЬ. Пока ещё нет.

ВАСИЛИСА. Он обязательно придёт. Он заберёт меня отсюда.

ОБОРОТЕНЬ. Уйти от Кошера невозможно... Но я помогу тебе.

ВАСИЛИСА. Ты?.. Это опять какая-нибудь ловушка? Я никому из вас не верю.

ОБОРОТЕНЬ. Конечно... Мне сейчас трудно верить. Но когда-то я тоже был человеком.

ВАСИЛИСА. Почему же не остался им?

ОБОРОТЕНЬ. Так получилось... Но я был. На самом деле был человеком. Я знаю... Не помню уже, но вот здесь (*притрагивается к сердцу*) что-то осталось. И сейчас, когда ты жаловалась своей земле... нашей земле...

ВАСИЛИСА. Это Кошей тебя научил? Чтобы меня разжалобить? Я всё равно тебе не поверю.

ОБОРОТЕНЬ. Я говорю правду. Я был человеком! Кошей украл меня,

когда я был маленьким мальчиком, околдовал. Превратил меня в нечисть... Потом научил всякому колдовству. Я давно уже могу превращаться в кого угодно... Вот... Теперь я у него первый помощник.

ВАСИЛИСА. И хочешь помочь ему сломить меня?

ОБОРОТЕНЬ. Я хочу вырваться от него. Вместе с тобой. Но сейчас Кошей очень подозрителен. За каждым твоим шагом следят. Чем больше ты упрямисься, тем он настойчивей. Он всё равно заставит тебя забыть Иванушку, поэтому...

ВАСИЛИСА. Я его никогда не забуду.

ОБОРОТЕНЬ. И не надо. Только сделай вид, что забыла, что готова покориться Кошее. Он успокоится, потеряет бдительность, и мы сможем убежать. Нужно только чуть-чуть схитрить. Обмануть Кошею...

ВАСИЛИСА. Я не умею хитрить. Не умею и не хочу. Это у вас здесь построено всё на хитрости и подлости...

ОБОРОТЕНЬ. Везде так.

ВАСИЛИСА. Нет, не везде. Неправда. Зачем ты пришёл ко мне? Если б хотел уйти от Кошея, давно бы ушёл один.

ОБОРОТЕНЬ. Власть Кошея мной пропадёт только тогда, когда я помогу кому-нибудь освободиться от него. Иначе мне не вырваться. Теперь тебе ясно?

ВАСИЛИСА. Вы хотите обмануть меня, заставить забыть Иванушку. А я не забуду! Назло вам всем. Уходи.

ОБОРОТЕНЬ. Ты тоже мне не поверила. Почему мне никто не доверяет?

ВАСИЛИСА. Ты же помощник Кошея.

ОБОРОТЕНЬ. Да, конечно... *(Отходит от Василисы.)* Неужели я навсегда останусь у Кошея?! Я не могу уже жить в этом болоте. Я хочу, чтобы и мне пели птицы, чтобы и для меня светило солнце. Я тоже хочу окунуть ноги в ручей просто так, без всякой выгоды... Сколько мне тут ещё терпеть?! Опять ждать? Ждать другого случая... Надо ждать... А сейчас... сейчас... нужно выполнять приказание Кошея. Не хочется, но... Ей же лучше будет. Придётся превращаться в Иванушку.

Маленький взрыв, и на месте Оборотня – Иванушка.

ИВАНУШКА. Василиса!

ВАСИЛИСА. Иванушка!

ИВАНУШКА. Наконец-то я нашёл тебя.

ВАСИЛИСА. Забери меня отсюда, Иванушка. Я боюсь. Здесь нехорошо. Здесь все колдуют, колдуют. Страшно мне.

ИВАНУШКА. Теперь тебе нечего бояться. Я тебя в обиду не дам.

ВАСИЛИСА. Что с тобой случилось, Иванушка?.. Ты как будто другим стал...

ИВАНУШКА. Измучился в дороге.

ВАСИЛИСА. Как ты сюда пробрался? Вокруг дворца стража.

ИВАНУШКА. Об этом потом. Сейчас вот что: Кошей, чтобы сломить твоё упорство, устраивает во дворце пир. Ты на пиру не волнуйся, сиди смирно. Пойдут кушанья, ты ничего не ешь, а отведай только печёного пирога. Остальное всё заколдовано.

ВАСИЛИСА. Я ничего не буду есть.

ИВАНУШКА. Нет, пирога откушай.

ВАСИЛИСА. Не хочу я их сладостей.

ИВАНУШКА. Пирог обязательно надо попробовать.

ВАСИЛИСА. Зачем?

ИВАНУШКА. Сил в тебе прибавится, понимаешь?.. Поешь, и сразу сила в тебе будет, чтобы бороться нам против Кошея. Этот пирог особенный. Кошей его очень любит, потому что он... полезный такой...

ВАСИЛИСА. Откуда ты всё узнал?

ИВАНУШКА. Подслушал... Ты сейчас пойдешь погуляй, их с моего следа сбей, а я где-нибудь спрячусь.

ВАСИЛИСА. Я тебе... верю. Верю, Иванушка. Кому же тогда верить, если не тебе... Только...

ИВАНУШКА. Что?

ВАСИЛИСА. Береги себя, Иванушка.

ИВАНУШКА. Хорошо. Не забудь про пирог.

ВАСИЛИСА. Не забуду. *(Уходит.)*

ИВАНУШКА. Поверила...

Взрыв – и вновь Оборотень в своём прежнем облике.

ОБОРОТЕНЬ. Нехорошо как-то получилось. Жалко её...

В комнате возникает Кошей Бессмертный.

КОШЕЙ. Сделал ли всё, что я тебе приказал?

ОБОРОТЕНЬ. Всё исполнено, ваша честь,

КОШЕЙ. Я доволен тобой, Оборотень.

ОБОРОТЕНЬ. Теперь все ваши желания свершатся.

КОШЕЙ. Надеюсь. Подойди ко мне.

ОБОРОТЕНЬ. Я у ваших ног, мой повелитель.

КОШЕЙ. За твою многолетнюю службу... *(Снимает с пальца перстень.)* Возьми этот перстень.

ОБОРОТЕНЬ. Благодарю, ваша честь.

КОШЕЙ. Отныне ты подчиняешься только мне. Покажи этот перстень любому, и горе тому, кто ослушается твоего приказа.

ОБОРОТЕНЬ. Достоин ли я такой великой милости?

КОШЕЙ. Достоин. Теперь к делу. Запомнил, что надо делать на празднике?

ОБОРОТЕНЬ. Как можно забыть?!

КОШЕЙ. Повтори.

ОБОРОТЕНЬ. Чтобы чары печёного пирога были надёжнее, нужно сначала развеселить Василису. Затем уговорить её попробовать печёного пирога. Отведав его, она забудет и дом родной, и Ивана. Будет думать только о вас.

КОШЕЙ. Да будет так!

Гром, молнии. Кошей исчезает.

Картина вторая

В отсветах молний голос Оборотня:

«С его высочайшего повеления праздник в честь Василисы Прекрасной — начинается!».

Зазвучали фанфары, в темноте забегали светящиеся твари, рассыпались голоса:

«Праздник! Праздник! Все на праздник! Любим Кошечу Бессмертного! Любим Василису! Любим! Любим!..».

Звучит брагурный марш. Освещается зал для великих событий во дворце Кошечу. В центре за столом возвышаются Кошечу с Василисой.

БАБА ЯГА. Внимание! Начинается веселье на радость Несравненной и Блистательной Госте, Безраздельной Владычице нашей будущей — Василисе Прекрасной.

ЛЕШИЙ. Кого осчастливит она своей благосклонностью, тому премия — кубок с колдовским зельем из рук Кошечу Бессмертного.

БАБА ЯГА. Искушай судьбу, нечистая сила!

ЛЕШИЙ. Представление начинается!

КИКИМОРА. Мы первые!

ЛЕШИЙ. Сумеете не посрамить?

КИКИМОРА. Как всегда. Угодим.

1-я КИКИМОРА.

В любых делах вас ждёт успех,
Коль в дружбе с вами громкий смех!

2-я КИКИМОРА.

Когда жить больше неохота,
Поможет вам лишь звонкий хохот!

1-я КИКИМОРА.

Смех калориен, как сметана!
Улыбку — каждому в лицо!

2-я КИКИМОРА.

Так веселитесь неустанно.
Минута смеха — как яйцо!

ЛЕШИЙ. А если я яйца не ем, если я одну кору сосновую уважаю, тогда как?

ОБОРОТЕНЬ. Это не для тебя, это для Василисы.

ЛЕШИЙ. А... Ну да... Конечно...

Тем временем Кикиморы вывели Василису из-за стола и пытаются её щекотать. Василиса грустна.

1-я КИКИМОРА. Ну!.. Владычица... Поднатужься.

2-я КИКИМОРА. Хоть разочек... Ну!.. Скажи «хо-хо».

1-я КИКИМОРА. А то Кошечу нас засечёт за тебя.

ВАСИЛИСА. Хо-хо.

КИКИМОРА. Считается, а?.. Считается?

БАБА ЯГА. Цыть, бестолочи! Порадовать не умеют. Ещё на должности состоят... (Всем.) Сейчас будет танец! Называется: «Триста лет над горем хохотала, а теперь над счастьем хохочу». (Танцует).

В конце танца аплодисменты.

Ну как? А?! Восторгаешься?

Василиса молчит.

Иль не шедевр?

ВАСИЛИСА. Нет.

БАБА ЯГА. Как это?!

Кошечу приподнимает руку. Баба Яга пятится. У-у, резеда пахучая,
доберусь я до тебя...
В центр выходит Оборотень.

ОБОРОТЕНЬ. Песня о Чёрном царстве. Только для Василисы. Специально. (Поём).

Кошечу Бессмертный, знают все, — бессмертен.
Пока есть зло, он, царствуя, живёт...
Но зло не вечно. Будет чист, и светел,
И добр наш мир...
Когда Кошечу умрёт.

Нам не хватает храбреца-героя.
Но он сюда когда-нибудь придёт.
Темницы распахнёт, путь к солнцу нам откроет,
Вдохнёт в нас мужество...
Тогда Кошечу умрёт.

Откроется пришедшему герою
Кошечу тайна: хоть силён и груб
В бою Кошечу, но есть на дальнем взморье
За тридевять земель тысячетный дуб.
Там меж ветвей в цепях сундук ржавеет.
В нём заяц, в зайце — утка...

КОЩЕЙ. Молчать!
 ВАСИЛИСА. Нет, почему? Пусть продолжает.
 КОЩЕЙ. Он плохо поёт.
 ВАСИЛИСА. А мне кажется, что хорошо. Я довольна.
 КОЩЕЙ. А мне кажется – плохо.
 ВАСИЛИСА. Но ведь сегодня мой праздник. Я хочу прослушать песню до конца. В сумке – заяц, в зайце – утка, а дальше что?
 КОЩЕЙ. Веселье не только для вас, ваша светлость, но и для народа. А народ, кажется, недоволен?
 НЕЧИСТЬ. Плохо! Плохо!
 КОЩЕЙ. Вот видите.
 ВАСИЛИСА. Нет, хорошо!
 НЕЧИСТЬ. Плохо! Плохо!
 ОБОРОТЕНЬ. Вы меня удивляете, ваша честь. Я пытался пробудить в ней доверчивость...
 КОЩЕЙ. Молчать! (*Василисе.*) Для вас приготовлены специальные лакомства. А что касается певца, то я выполню своё обещание. Если он вам понравился, он будет награждён.
 ВАСИЛИСА. А песня?
 КОЩЕЙ. Он споёт вам её на десерт. (*Хлопает в ладоши.*)

Кикиморы вносят яства. На специальном подносе лакомства для Василисы. Василиса не ест.

Угощайтесь же.
 ВАСИЛИСА. Я бы сейчас пирога немножко поела.
 КОЩЕЙ. Что вы! У нас великолепные пирожные.
 ВАСИЛИСА. Хочу пирога.
 ОБОРОТЕНЬ. Пирог – слишком буднично для вас...
 КОЩЕЙ (*Оборотню*). Замолчи! (*Василисе.*) Пожалуйста, пирог.

Подают пирог.

ВАСИЛИСА. Это настоящий пирог? Печёный?
 КОЩЕЙ. Безусловно.
 ВАСИЛИСА. И я могу его попробовать?
 КОЩЕЙ. Вы можете у меня сегодня просить что угодно.
 ВАСИЛИСА. Я хочу к Иванушке.
 КОЩЕЙ. Кроме этого.
 ВАСИЛИСА. Отпустите меня, пожалуйста.
 КОЩЕЙ. Хватит об этом. Ешьте пирог.
 ВАСИЛИСА (*про себя*). Почему он меня торопит? Что-то тут не так.
 КОЩЕЙ. Что же вы медлите?
 ВАСИЛИСА. Может быть, не надо?.. Я передумала.
 ОБОРОТЕНЬ. Вот и прекрасно. Гораздо вкуснее это шоколадное мороженое.
 КОЩЕЙ. Как?! Ну, Оборотень!.. (*Василисе.*) Чудесный пирог. Вы такого никогда не ели. Только попробуйте. Он вам понравится.

ВАСИЛИСА (*про себя*). Почему он так нервничает? Запуталась... Ведь Иванушка советовал мне съесть пирог... Не знаю, что делать?..
 ОБОРОТЕНЬ. Есть ещё отличное воздушное печенье.
 КОЩЕЙ. Заткнись, предатель.
 ОБОРОТЕНЬ (*Кощео*). Запретный плод – самый сладкий, ваша...
 КОЩЕЙ. Я тебе... Я тебя... (*И замер*).

Замерло и всё вокруг. В центре внимания – Василиса.

ВАСИЛИСА. Попробовать или нет? (*Пауза.*) Не мог же Иванушка меня обмануть... (*Пауза*). Не знаю... Съем. (*Откусывает пирог*).
 КОЩЕЙ. Наконец-то!..

Василиса зашаталась.

(*Подхватил её, усадил за стол*). Всё в порядке.
 ВАСИЛИСА. Что со мной? Где я?
 КОЩЕЙ. Вы на празднике. В честь вас сегодня праздник.
 ВАСИЛИСА. Не помню.
 КОЩЕЙ. Вы у меня в гостях. Пока. Но скоро Иванушка заберёт вас отсюда.
 ВАСИЛИСА. Иванушка? Кто это? Не помню...
 КОЩЕЙ (*смеётся*). Прекрасно... Ну, а песню вы помните?
 ВАСИЛИСА. Какую?
 КОЩЕЙ. Вашу любимую. Мы приготовили её на десерт. Вы разве забыли?
 ВАСИЛИСА. Ничего не помню. Голова кружится. Я спать хочу. (*Откидывается на спинку стула, закрывает глаза*).
 КОЩЕЙ. Всё равно победитель от награды не уйдёт. Подвести лауреата.

Подходит Оборотень.

Что скажешь?
 ОБОРОТЕНЬ. Разве я не добился желаемого?
 КОЩЕЙ. Я насквозь тебя вижу. Не любишь ты меня.
 ОБОРОТЕНЬ. Я никого не люблю, ваша честь.
 КОЩЕЙ. Врёшь! Знаю я, о чём ты тоскуешь. Сердце у тебя человеческое. Давно бы его вырвать надо было. Из сердца твоя ненависть ко мне. И песня оттуда. Оттуда? Говори, чего молчишь?
 ОБОРОТЕНЬ. Оттуда.
 КОЩЕЙ. Оттуда. Не получилось из тебя того, что я хотел.
 ОБОРОТЕНЬ. А я вас не просил превращать меня в Оборотня.
 КОЩЕЙ. Не просил. Это правда... Что же мне с тобой теперь делать?
 ОБОРОТЕНЬ. Делайте что хотите.
 КОЩЕЙ. Что я хочу, ты и сам знаешь. Но если ты обещаешь мне, что забудешь о доме, где родился, будешь служить мне одному и тосковать будешь только обо мне, я, может быть, тебя помилую. Ради Василисы. Ради нашей с ней свадьбы.

ОБОРОТЕНЬ. Зачем мне тогда жить, Кошей? Лучше уж сразу умереть. Зачем мучиться?

КОШЕЙ. Мучиться не хочешь? А придётся. Придётся помучиться. Это я тебе обещаю. Даю тебе пять дней. Если до нашей свадьбы не вымолишь у меня прощения...

ЛЕШИЙ (*вбегаёт*). Ваше бессмертство...

КОШЕЙ (*Лешему*). Как ты смеешь?

ЛЕШИЙ. Тревожные вести, ваше бе... бе-бе... бе...

КОШЕЙ. Бе-бе... Бессмертство. (*Указывая Нечисти на Оборотня.*) В подземелье его. К крысам. Всё отобрать.

Оборотня уведят.

Что там ещё?

ЛЕШИЙ. Иван-Дурак уже в заповедном лесу.

КОШЕЙ. Змей-Горыныч с ним разделяется.

ЛЕШИЙ. Змей-Горыныч, ваше бе... бе... ваша честь, уже разделан.

КОШЕЙ. Как?! Он убил Змея-Горыныча? Уничтожить! Любыми путями... Бросить все силы... Р-р-раздавить!!!

Затемнение.

Картина третья

Дремучий лес. Ночь. Появляются Леший и Баба Яга.

ЛЕШИЙ. Лучшего места нам не найти.

БАБА ЯГА. Аспидово болотце, чай, получше будет.

ЛЕШИЙ. Туда его не заманишь — дурак он, что ли?

БАБА ЯГА. Дурак он, Леший, дурак. Все говорят. Не слышал разве? Иванушка-Дурачок. А люди зря не скажут.

ЛЕШИЙ. Люди наговорят. Их послушать — так и наш Кошей... того...

БАБА ЯГА. Что?

ЛЕШИЙ. А что?

БАБА ЯГА. Прислушиваешься?

ЛЕШИЙ. Что ты, Баба Яга? Я... я к тому говорю, что и глупость Ивана, может быть, только видимость...

БАБА ЯГА. Видимость, видимость... Ты хоть знаешь, что это такое?

ЛЕШИЙ. Знаю.

БАБА ЯГА. Ну, к примеру?

ЛЕШИЙ. Тебя вот, к примеру, зовут же Бабой... Ягой.

БАБА ЯГА. И что?

ЛЕШИЙ. А ты...

БАБА ЯГА. Кто я? Я — это...

ЛЕШИЙ. А ты — старое коромысло.

БАБА ЯГА. Кара... что?.. Издеваешься? Одиночеством, беззащитностью моей пользуешься? Тем, что заступиться за меня некому?

ЛЕШИЙ. Сама напросилась.

БАБА ЯГА. Ничего! Найдутся защитники. Припомнят тебе... И как ты про Кошею «того» говорил, припомнят. Кара!.. И кору припомнят, и листья, и веточки...

ЛЕШИЙ. Я пошутил.

БАБА ЯГА. Нет, уже сказано!

ЛЕШИЙ. Хватит, старая, дело стоит.

БАБА ЯГА. Дело, дело! А обиду чинить — это дело?

ЛЕШИЙ. Бой скоро. Войско надо срочно расставить.

БАБА ЯГА. Не буду. К Кошеею с жалобой пойду.

ЛЕШИЙ. Да ты что вздумала?! Сейчас Иван нагрянет.

БАБА ЯГА. Сам расставляй, коли умный такой. Если я, по-твоему, «кара»...

ЛЕШИЙ. Прости. Это я так. Не подумавши.

БАБА ЯГА. Где что — так всё я, всё я: Баба Яга — туда, Баба Яга — сюда... А славы, почёта никакого. Каждый тебя ещё обзывает.

ЛЕШИЙ. Не прибудняйся. Сколько Нечисти на земле зло твоим именем творят?

БАБА ЯГА. А я всё на побегушках. Стараюсь, стараюсь. И хоть бы заметил кто. Оборотня скинули — ну, думаю, мой час пробил — в должность теперь поставят... (*Запела.*) «Мой час настал, сгораю в ожиданье».. Нет, пойду к Кошеею.

ЛЕШИЙ. Постой. В какую должность?

БАБА ЯГА. Покончим теперь с Иваном — почёт-заслуги кому? Тебе. Ты здесь главный, а не я. А я опять с носом...

ЛЕШИЙ. Со своим длинным.

БАБА ЯГА. Опять? Дразнишься? Ладно, я пошла. Посмотрим, у кого нос длиннее будет.

ЛЕШИЙ. Не надо, не ходи.

БАБА ЯГА. Нет, надо.

ЛЕШИЙ. Иван пройдёт — нам обоим не поздоровится.

БАБА ЯГА. И пусть.

ЛЕШИЙ. Ну, хочешь — верховодь ты.

БАБА ЯГА. Неужто отступаешься?

ЛЕШИЙ. Для тебя разве жалко? Это мы с тобой по пустякам ссоримся, а если всерьёз — нас водой не разольёшь, правда?

БАБА ЯГА. Конечно, правда. Ух ты, благородненький мой. Великодушный!

ЛЕШИЙ (*в сторону*). Лавров захотела, славы? Поглядим...

БАБА ЯГА. Давай-ка сюда жезл... Скипетр. Плащ командирский, говорю, давай. Ордена давай, регалии. Теперь я командую. (*Одевается*).

В это время к Лешему подбегают Кикиморы.

1-я КИКИМОРА. Иван на подходе.

2-я КИКИМОРА. А все разбежались.

1-я КИКИМОРА. Вся Нечисть перепугалась и разбежалась.

2-я КИКИМОРА. Пока вы тут торговались.

ЛЕШИЙ. Кто позволил?!

1-я КИКИМОРА. Страшно!
 2-я КИКИМОРА. Он самого Змея-Горыныча сразил, а нас-то...
 1-я КИКИМОРА. Ему на закусочку.
 ЛЕШИЙ. И то правда. Надо уходить. Пусть Баба Яга сама покомандует. *(Кикиморам.)* Бегом марш!

Все трое убегают.

БАБА ЯГА. Мой час настал! Все сюда! Чтоб у меня каждый!.. А то ведь я! Эй, Нечистая сила!

ИВАНУШКА *(появляясь)*. Это кто тут раскричался?

БАБА ЯГА. Ты как?! Стинь. Ещё рано. Я ещё войско своё не приняла. У меня ещё парад должен быть.

ИВАНУШКА. О чём ты, бабушка?

БАБА ЯГА. О чём? Ты ещё спрашиваешь, о чём? Супостат! Измываться над тобой будем, захватчик нехороший.

ИВАНУШКА. За что, бабуся? Я никому зла не делаю, иду своей дорогой.

БАБА ЯГА. Ах ты, лес зелёный, дуб морёный, хлеб печёный! А куда ты идёшь? Чья земля под твоими ножищами стонет и слезами обливается, захлёбывается?

ИВАНУШКА. Ты что-то не то говоришь. Я иду искать свою суженую, Василису Прекрасную. А что земля здесь мокрая, так это роса ночная выпала. Да и вообще здесь болото.

БАБА ЯГА. Хитришь, молодец. Пошто Змея-Горыныча изрубил? Детушек его, малолетних драконушков, осиротил? Кто их теперь, больных, накормит? Кто их сиротские слёзы осушит? Что? Молчишь, обидчик?

ИВАНУШКА. Он сам первый в драку полез.

БАБА ЯГА. Хватит оправдываться. Меня не разжалобишь. Эй! Все разом! Нале-тай!!!

ИВАНУШКА. Ну что ж, посмотрим...

БАБА ЯГА. Эй, где вы? Ау!.. Куда они подевались?

ИВАНУШКА. Что ж ты, бабушка? Грозилась, грозилась, а на деле — шаньги сгорели?

БАБА ЯГА. А ты их, случаем, уже не... того?.. Нет, конечно. Не успел... Разбежались, конечно... Ну, я тоже, пожалуй, пойду... Не спеша... *(Убегает)*.

ИВАНУШКА. Сумасшедшая какая-то старушечка... *(Постоял немало.)* Ну, ладно. Надо идти выручать Василису.

Затемнение.

Картина четвёртая

Этой же ночью. Лес. Поляна. На поляне притаился Леший. Появляется Баба Яга.

БАБА ЯГА *(осторожно)*. Леший. Ау... Здесь он где-то, чую... Леший, ты здесь или не здесь?

ЛЕШИЙ. Здесь. Не кричи.
 БАБА ЯГА. Я и так шёпотом.
 ЛЕШИЙ. Ну как? Понравилось командовать?
 БАБА ЯГА. Как теперь к Кошею пойдём, что скажем?
 ЛЕШИЙ. Всё из-за тебя. Ух!.. Славы ей захотелось.
 БАБА ЯГА. Ты тоже хорош... Кара, кара...
 ЛЕШИЙ. Зарёкся я теперь с тобой связываться.
 БАБА ЯГА. Прости меня, Лешачок.
 ЛЕШИЙ. Я прошу — Кошей не простит.

БАБА ЯГА. Вот горе-то. Какая сила была, и не смогли одного одолеть. Разбежались. Ты тоже ведь убежал. Не забудь, на всякий случай.

ЛЕШИЙ. Что ж, мне одному надо было против Ивана идти?

БАБА ЯГА. А я?

ЛЕШИЙ. Что ты?

БАБА ЯГА. Ну... Я бы тоже подсобила маленько.

ЛЕШИЙ. Молчи уж... Что же нам теперь делать? Кошей нам этого не простит.

БАБА ЯГА. Придумать что-то надо.

ЛЕШИЙ. Оборотня бы сюда. Он бы сообразил.

БАБА ЯГА. Что он, Оборотень?.. Не глупей уж и мы... всяких.

ЛЕШИЙ. Смекай, старая, а то не сносить нам головы.

БАБА ЯГА. Силой не одолели — хитростью возьмём... Чеки-пеки-букареки... Силки-капкан на него поставим. Вот здесь.

ЛЕШИЙ. Так он в него и полез!

БАБА ЯГА. Полезет как миленький. *(Мастерит капкан.)* Гык-рык-брык... Вот и капкан готов. *(Ставит капкан.)* Этой дороги ему не миновать.

ЛЕШИЙ. А если он вот здесь пройдёт, мимо?

БАБА ЯГА. А мы ему приманку. Цветок заповедный невиданный. *(Появляется цветок.)* Потянется он за ним — тут ему и чекуреки.

ЛЕШИЙ. Его ещё увидеть надо. Цветок твой.

БАБА ЯГА. Отсюда увидит, оттуда тоже...

ЛЕШИЙ. А если вон оттуда?

БАБА ЯГА. Прикинем. Допустим, идёт он вот здесь...

ЛЕШИЙ. Видно?

БАБА ЯГА. А то как же... Ой! *(Проваливается в яму.)* Ой мама! Ой мамочка! Ой, не надо! *(Выскакивает из ямы.)* Чур меня, чур! *(Убегает прочь)*.

Вслед за ней из ямы выскакивают Кикиморы и бросаются в разные стороны.

ЛЕШИЙ. Назад! Ко мне!

Кикиморы возвращаются.

Вы что тут делали?

КИКИМОРЫ. Прятались.

ЛЕШИЙ. От кого?

КИКИМОРЫ. От Ивана.

ЛЕШИЙ. Почему быстрее меня от него бежали?

КИКИМОРЫ. Он убить может.

Возвращается чуть живая Баба Яга.

БАБА ЯГА. Ой... ой... что же вы делаете, одуванчики? Ой, уходили меня, напугали до смерти. Ой, сердечко моё...

ЛЕШИЙ. Что с тобой, горемычная?

БАБА ЯГА. Врагу своему не пожелаю страхов таких испытать. Лешачок, а что если мы и с Иваном такую штуку сыграем?

ЛЕШИЙ. Какую штуку?

БАБА ЯГА. Если и капкан, и волчью яму для него изготовим? Кикимор вниз посадим, а сверху валежничком припорошим. Цветка не увидит — в яму угодит. А уж Кикиморы его зашекочат. Как?

ЛЕШИЙ. Будь по-твоему. Эй, свиристёлки! Марш в яму! Кто бы ни свалился к вам — щекотать до икоты.

КИКИМОРЫ. Страшно.

БАБА ЯГА. Живо в яму!

Кикиморы забираются в яму.

ЛЕШИЙ. Иван идёт.

БАБА ЯГА (*забрасывает яму ветками*). Теперь держись, лихоимец.

ЛЕШИЙ. Прячься.

БАБА ЯГА. Задержать бы его, а то с ходу и промахнуть силки наши может.

ЛЕШИЙ. А ты покукуй. Они любят, когда кукушка кукует.

БАБА ЯГА. Сейчас... Ку-ку... Что-то в горле пересохло. Ку-ку.

ЛЕШИЙ. Вот он уже.

Прячутся.

БАБА ЯГА. Апчхи!

Входит Иванушка.

Ку-ку.

ИВАНУШКА. Лес кончается. Скоро и до Кощеева царства доберусь.

БАБА ЯГА. Ку-ку.

ИВАНУШКА. Кукушка. Совсем как у нас.

БАБА ЯГА. Ку-ку.

ИВАНУШКА. Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?

БАБА ЯГА. Немного осталось, немного. Ку-ку.

ИВАНУШКА. Один.

БАБА ЯГА. Ку-ку.

ИВАНУШКА. Два.

БАБА ЯГА. Ку-ку.

ИВАНУШКА. Три.

БАБА ЯГА. Считай, считай, грамотей. Ку-ку.

ИВАНУШКА. Четыре.

БАБА ЯГА. Ну и хватит с тебя.

ИВАНУШКА. Всё, что ли?

БАБА ЯГА. Всё.

ИВАНУШКА. Врёшь ты, кукушка. Мне ещё жить и жить.

БАБА ЯГА. Что с тобой спорить? Забирайся в капкан, тогда и поговорим.

ИВАНУШКА. Тихо как. Отдохнуть здесь, что ли? Больше уж такой минуты не будет.

БАБА ЯГА. Чего топчешься возле ямы? Падай. Падай, я тебе говорю.

Иванушка расстелил на земле плащ, лёг и вмиг заснул.

ЛЕШИЙ. Спит?!

БАБА ЯГА. До чего глуп. Вокруг него Нечисть скачет, а он, словно у себя за печкой, знай похрапывает. Ничего. Скоро ты у нас навек замуришься. Найди-ка, Леший, дубинку покрепче.

Леший уходит.

Ужо мы тебя огреем, убивец.

ЛЕШИЙ (*возвращается*). Одному мне не поднять.

БАБА ЯГА. А я на что? Пойдём.

Идут и приносят целое бревно.

Давай дружно. И раз! И два!

Иванушка пошевелился.

Ой!

Баба Яга отскочила, и Лешего придавило бревном.

ЛЕШИЙ (*хрипит*). На помощь!

БАБА ЯГА. Что ж ты так не уберёгся, Лешачок?

ЛЕШИЙ. Вынь меня из-под бревна, сестрица.

БАБА ЯГА. Ах, братец мой разлюбозный, для тебя я не то что это брёвнышко — весь лес дремучий повыкорчую. (*Тянет Лешего за ноги*).

ЛЕШИЙ. Больно-о-о!

БАБА ЯГА. Тихо ты! Дурака разбудишь.

ЛЕШИЙ. Приподними бревно.

БАБА ЯГА. Разве я могу тяжесть такую одолеть?

ЛЕШИЙ. Поднатужься. Век в твоих должниках ходить буду.

БАБА ЯГА. Не обманешь?

ЛЕШИЙ. Чего ты?! Давай быстрее!

БАБА ЯГА. Про долг, говорю, не обманешь?

ЛЕШИЙ. Сказал — значит, всё.

БАБА ЯГА. Клянёшься?

ЛЕШИЙ. Что ты, старая карга, торговаться вздумала?! Поднимай скорей...

БАБА ЯГА. Сестрёнке грубишь? Отчаянный... Я ведь могу ещё и сверху на брёвнышко сесть... Передохнуть... *(Садится на бревно)*.

ЛЕШИЙ. О-о-о-о!..

БАБА ЯГА. Ну как? Поласковой будешь?

ЛЕШИЙ. Буду.

БАБА ЯГА. Горюешь, небось, теперь об обидах, мне учинённых?

ЛЕШИЙ. Горюю, горюю.

БАБА ЯГА. Клянёшься, намёков никаких чтоб мне не...

ЛЕШИЙ. Клянусь, клянусь.

БАБА ЯГА. Да не торопись — успеется. Повторяй-ка сначала за мной: Бабе Ёжке помогать — никогда не обижать.

ЛЕШИЙ. Бабе Ёжке помогать — никогда не обижать.

БАБА ЯГА. То-то же. И-их-ха! *(С трудом приподнимает бревно)*.

ЛЕШИЙ *(освободившись)*. Ох-ха... Ох, старая, погоди у меня. Я тебе припомню.

БАБА ЯГА. Как так? А клятва?

ЛЕШИЙ. После разберёмся. Сначала этого пристукнем.

БАБА ЯГА. У-у... бесстыжий...

ЛЕШИЙ. Поднимай-ка бревно.

БАБА ЯГА. Шустрый. Чтоб теперь меня придавило?

ЛЕШИЙ. Берись скорей. Без разговоров.

БАБА ЯГА. Нет, я побаиваюсь... Знаешь, давай лучше его пощекочем.

ЛЕШИЙ. Что-о?!

БАБА ЯГА. Пощекочем. А он проснётся — и за нами. Мы в разные стороны: ты — через капкан, там полегче, а я уж... через глубокую яму. За кем побежит — туда и угодит.

ЛЕШИЙ. С бревном надёжнее.

БАБА ЯГА. С бревном я сомневаюсь. Шея у меня изысканная, того и гляди хрустнет.

ЛЕШИЙ. Эх, ты!.. Ладно, давай щекотать.

БАБА ЯГА. Только я прутик поставлю — где бежать, а то вгорячах как бы самой в яму не соскользнуть. *(Воткнула прутик.)* Теперь давай к нему подбираться.

ЛЕШИЙ. Ты первая.

БАБА ЯГА. Боишься?!

ЛЕШИЙ. Чего мне бояться? Шею что-то от бревна свело. Разотру пока.

БАБА ЯГА. Ладно уж, поползу первая.

ЛЕШИЙ. Ползи, ползи...

Баба Яга поползла.

А я пока прутик переставлю. Чтоб и ты вместе с Иваном загремела. *(Переставляет прутик)*.

БАБА ЯГА. Ишь, меч зажал. Того и гляди взмахнёт кладенцом-то.

ЛЕШИЙ. Приступай!

Баба Яга щекочет Иванушку.

БАБА ЯГА. Не чуёт. *(Щекочет снова)*.

ИВАНУШКА *(не просыпаясь, берёт руку Бабы Яги)*. Василиса...

БАБА ЯГА. Пусти... Нехороший... Обидчик... *(Вырывается.)* Какой!.. Шустрый... *(Щёлкает Иванушку по носу)*.

Иванушка вскакивает. Леший убегает через капкан, Баба Яга бежит через прутик и сваливается в яму. Из ямы хохот и судорожные крики.

Ой, мамочка моя! Ой, не надо! Я своя! Не хочу! Не смей! Я своя...

Обезумевшая Баба Яга выскакивает из ямы и попадает в капкан. Вслед за ней из ямы выпрыгивают Кикиморы и бросаются наутёк.

ИВАНУШКА *(подходит к Бабе Яге)*. Допрыгалась, бабушка?

БАБА ЯГА. Допрыгалась, касатик.

ИВАНУШКА. У Кошца служишь?

БАБА ЯГА. Подневольная я... Хочешь, цветочек подарю?

ИВАНУШКА. Не надо. Дорогу ко дворцу Кошца знаешь?

БАБА ЯГА. Отпустил бы ты меня, сынок. Память у меня никудашная. Боюсь, запугаю тебя, а ты осерчаешь...

ИВАНУШКА. Отведёшь меня ко дворцу — пощажу. Понятно? Иначе...

БАБА ЯГА. Чего уж там. Пошли. Помаленьку...

Уходят.

Затемнение.

Картина пятая

Дворец Кошца Бессмертного. Покои Василисы. Василиса спит. Кошей возле неё.

КОШЕЙ. Василиса, пора просыпаться. *(Пауза.)* Проснись, Василиса. Разве можно столько спать? *(Пауза.)* Придётся поколдовать. Восстань ото сна! Пробудись... Пробудись...

Перья и пух,
Чёрный петух,
Серая крыса, —
Буди Василису.

Никак... Ещё попробуем:

Мгла, расступайся,
Заря, подымайся,
Солнце, взойди, —
Василису буди!..

Василиса зашевелилась.

Ну... Ну... Вставай... Опять затихла. Ну и пирог я приготовил. Сам не могу расколдовать. Переборщил немного. Ну да ничего. Сейчас ещё раз. *(Забегал по кругу, забормотал, присел, подпрыгнул и замер).*

Пропади, тоска дурмана!
Прочь из мрачного тумана!
Стон горы и гром небесный!..
Разгоните сон чудесный!..

Василиса открыла глаза.

Очнулась! Вот и хорошо, вот и славно. Доброе утро... То есть ночь. То есть... Как спалось?

ВАСИЛИСА. Где я?

КОШЕЙ. В своём замке.

ВАСИЛИСА. В своём замке? Разве у меня есть замок?

КОШЕЙ. Ты — повелительница всего, что тебя окружает. Приказывай — и все твои желания исполнятся.

ВАСИЛИСА. Не нужно мне ничего... Не могу вспомнить... Как я сюда попала?

КОШЕЙ. Главное — ты здесь.

ВАСИЛИСА. Пусто... И так тоскливо всё...

КОШЕЙ. Это мы сейчас развеём. Открой вот этот сундучок.

ВАСИЛИСА *(открывает сундук)*. Что это?

КОШЕЙ. Это же золото! Золото! Золото! Смотри, сколько золота!

ВАСИЛИСА. Убери.

КОШЕЙ. Посмотри сюда. *(Открывает другой сундук.)* Драгоценные камни! Смотри: алмазы, рубины и жемчуг... Здесь столько богатства, что хватит купить нам все души людские. И всё здесь твоё! Ты не рада?

ВАСИЛИСА. Зачем мне всё это? Убери. Не нужно.

КОШЕЙ. Знаю я, что тебе нужно! Ивашку тебе нужно. Нищего дурака.

ВАСИЛИСА. Кто это? Ивашка...

КОШЕЙ. Не помнишь?

ВАСИЛИСА. Не помню.

КОШЕЙ *(смущённо)*. Ну как же!.. Игрушка такая. Её валишь — она поднимается. Её валишь — она снова встаёт. Называется Ванька-встанька. Я называю её Ивашкой.

ВАСИЛИСА. Покажи мне Ивашку.

КОШЕЙ. Сейчас. *(Хлопает в ладоши, появляется игрушка.)*

ВАСИЛИСА *(рассматривает её)*. Интересно... Ванька, встань-ка... Ивашка... *(Смеётся.)* Иवानушка...

КОШЕЙ. Только не Иванушка! *(Хватает игрушку.)* Только не Иवानушка!.. *(Выбрасывает её.)* Вот так его!

ВАСИЛИСА. Зачем ты её выбросил?

КОШЕЙ. Это не самая лучшая игрушка. Прикажи — и здесь будет любая.

ВАСИЛИСА. Не нужно. Я спать хочу.
КОШЕЙ. Не спи. Сейчас будет обручение. Ты должна выглядеть счастливой.

ВАСИЛИСА. Я устала.

КОШЕЙ. Не спи. Не спи... Возьми это колечко.

ВАСИЛИСА. Зачем оно?

КОШЕЙ. Это обручальное колечко. Надень его на палец, и тебе сразу станет радостней.

ВАСИЛИСА. Всё равно. Могу надеть...

КОШЕЙ. Надень.

ВАСИЛИСА. Могу не надеть...

КОШЕЙ. Надень.

ВАСИЛИСА. Надеть или не надеть?

КОШЕЙ *(ласково)*. На-деть.

ВАСИЛИСА. Не надену. *(Бросает колечко.)*

КОШЕЙ. Ничего... *(Про себя.)* Главное — Ивашку забыла. Что бы там ни было, через пять дней свадьба. Обвенчаемся, а там посмотрим... Колечко же ты всё равно сейчас наденешь. Это ведь так просто. *(Резко поворачивается к Василисе, поднимает руки.)* Спать. Спать. Спать... Тихо. Тихо. Тихо... Тёплые волны, тихие волны, синие волны вокруг... *(Начинает медленно кружиться.)*

Вместе с ним во сне механически кружится Василиса. Кошей замер и резко вытянул руку. То же самое сделала Василиса. Кошей осторожно надел кольцо Василисе на палец.

Вот так. Как всё просто у нас получилось. Теперь попробуем говорить то, что я прикажу: «Мне нравится этот дворец».

ВАСИЛИСА *(механически)*. Мне нравится этот дворец.

КОШЕЙ. Я люблю золото.

ВАСИЛИСА *(механически)*. Я люблю золото.

КОШЕЙ. Чудесно.

ВАСИЛИСА. Чудесно.

КОШЕЙ. Я люблю...

ВАСИЛИСА. Я люблю...

Врывается изодранный, задыхающийся Леший.

ЛЕШИЙ. Ваше... ваша...

КОШЕЙ. Как ты посмел сюда ворваться?! Я тебя звал?!

ЛЕШИЙ. Ваше бе... бе...

КОШЕЙ. Ну?!

ЛЕШИЙ. Ваша честь! Иван-Дурак у дворца!..

КОШЕЙ. Как?! Вы с ним не расправились?

ЛЕШИЙ. Он с нами, ваша бе... честь.

КОШЕЙ. Оболтусы! Скрутить его! Мигом!

ЛЕШИЙ. Мы пробовали. Никак. Он меч свой о ворота изломал, тут мы и кинулись. Он Вурдалака схватил и им, как дубиной... Хрясь!.. Хрясь!.. К вам рвётся...

КОШЕЙ. Рвётся, говоришь? Что ж, впустите его сюда.
ЛЕШИЙ. Нет, нет!.. Он же и вас... Тоже хрясь...
КОШЕЙ. Впустить!

Леший исчезает.

Посмотрим... Я ему покажу... Он у меня... Проклятая Вещунья!

Вбегает Иванушка. Увидев Василису, бросается к ней.

ИВАНУШКА. Василиса!

КОШЕЙ. Назад!

ИВАНУШКА. А! Ты здесь, мерзкий старикашка?! Сейчас я тебя отучу воровать. Ты мне ответишь за Василису.

КОШЕЙ. Что ж ты – на меня, Кошечка Бессмертного, и без оружия?

ИВАНУШКА. Я тебя голыми руками!..

КОШЕЙ. Зачем же? Мечи!..

Появляются мечи. Бой. В конце концов Иванушка выбивает меч у Кошея.

ИВАНУШКА. Получай, старый воришка!

Иванушка прокалывает Кошея, но тот ударом кулака отбрасывает Иванушку, вытаскивает из груди меч и швыряет его на пол.

КОШЕЙ. Говорилось же тебе, что я бессмертен.

ИВАНУШКА. Всё равно я тебя прикончу. *(Вновь бросается на Кошея и хватает его за горло).*

Кошей с трудом, но вырывается.

КОШЕЙ. Подожди... Я отдам тебе Василису... Если она сама этого захочет.

ИВАНУШКА. Отдашь Василису? *(Бросается к Василисе.)* Василиса, пойдём отсюда.

Пауза.

Василиса, не обращая внимания на Иванушку, перебирает драгоценности.

КОШЕЙ. Если же не захочет, я прикажу тебя казнить.

ИВАНУШКА. Я согласен.

КОШЕЙ. Неужели тебе не жаль своей головы?

ИВАНУШКА. Глупый старик. Она же меня любит... Я пришёл за тобой, Василиса.

КОШЕЙ. Встань, Василиса.

Василиса встаёт.

ИВАНУШКА. Василиса, пойдём домой.

КОШЕЙ *(шепчет)*. Не хочу.

ВАСИЛИСА *(механически)*. Не хочу.

ИВАНУШКА. Василиса, это же я, твой Иванушка.

КОШЕЙ *(шепчет)*. Я тебя не знаю и знать не хочу.

ВАСИЛИСА *(вторит)*. Я тебя не знаю и знать не хочу.

ИВАНУШКА. Василиса, очнись, я же суженый твой!

КОШЕЙ *(шепчет)*. Ты мне надоел. Уходи.

ВАСИЛИСА *(повторяет)*. Ты мне надоел. Уходи.

ИВАНУШКА *(беспомощно)*. Что же это?.. Разве не любила она меня больше жизни? Или только говорила, что любит? Слепла от богатства?.. Как же мне теперь? Жить? Зачем?.. Пусть ей будет лучше. *(Бросается к мечу).*

КОШЕЙ *(наступает на меч)*. Спокойней, молодой человек.

ИВАНУШКА. Дайте мне умереть!

КОШЕЙ. Дадим. Но попозже. Через пять дней. В день нашей свадьбы.

Иванушка затих. Кошей хлопает в ладоши. Появляется Леший.

КОШЕЙ. Убрать.

ЛЕШИЙ *(нерешительно)*. К-как?

КОШЕЙ. Связать и бросить в подземелье.

Иванушку уводят.

Вот и всё. Пусть теперь кто-нибудь посмеет болтать о моей смерти. Р-р-раздавлю...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина шестая

Подземелье во дворце Кошея. Камера Оборотня. Рядом помещение сторожа. Оборотень и сторож Кот-Баюн – каждый у себя.

ОБОРОТЕНЬ. Замучили! Звери! Звери кругом...

КОТ-БАЮН. Вы мне не сообщили ничего нового.

ОБОРОТЕНЬ. Отпустите меня!

КОТ-БАЮН. Погулять захотелось? Нельзя.

Появляются Кикиморы.

КИКИМОРА. Можно к вам?

КОТ-БАЮН. Зачем?

КИКИМОРА. Присмотреться.

КОТ-БАЮН. К чему?

2-я КИКИМОРА. Камерочку хотим себе присмотреть.

КОТ-БАЮН. Что это вы?

1-я КИКИМОРА. Больно весел повелитель. Не иначе, после свадьбы кому-то погрустить придётся.

2-я КИКИМОРА. Так мы бы себе сейчас прямо и присмотрели. А? На всякий случай.

КОТ-БАЮН. Нельзя, барышни.

1-я КИКИМОРА. Мы в долгу не останемся.

КОТ-БАЮН. Ступайте, ступайте отсюда. Это не ко мне.

КИКИМОРЫ. Мы...

КОТ-БАЮН. Я уже сказал!..

Кикиморы пятятся.

ОБОРОТЕНЬ (*тоскливо кричит*). Помогите! По-мо-ги-те...

КОТ-БАЮН. Оборотень, успокойтесь. Вы так кричите, что наверху слышно.

ОБОРОТЕНЬ. Не могу я! Не хочу я здесь сидеть!

КОТ-БАЮН. Вы мне скажите, кто хочет?

1-я КИКИМОРА. Ишь ты какой! Не подступись к нему.

2-я КИКИМОРА. Ничего. Мы ему припомним.

КОТ-БАЮН. Разве так можно? Вторые сутки никак не успокоитесь.

ОБОРОТЕНЬ. Не хочу быть Нечистью! Не хочу! Не хочу!

1-я КИКИМОРА. Пойдём, что ли, наверх?

ОБОРОТЕНЬ. Кот-Баюн, где ты? Плохо мне.

КОТ-БАЮН. А кому сейчас хорошо?

2-я КИКИМОРА. Слышала?

1-я КИКИМОРА. Ага.

2-я КИКИМОРА. Надо бы послушать, о чём они тут мурлыкают.

1-я КИКИМОРА. Ага. Притаимся.

Никем не замеченные, Кикиморы юркнули в угол.

ОБОРОТЕНЬ. Задыхаюсь... Потолок... Потолок падает.

КОТ-БАЮН. Успокойтесь. Вас же ещё никто не бил. Вы должны быть счастливы.

ОБОРОТЕНЬ (*приходит в себя*). Стоп! Я знаю, что мне делать. Я ему отомщу. Отомщу...

2-я КИКИМОРА. А?

1-я КИКИМОРА. Ага.

КОТ-БАЮН. Зачем эти угрозы? Ну что вы можете ему сделать?

ОБОРОТЕНЬ. Я убью его.

1-я КИКИМОРА. А?

2-я КИКИМОРА. Ага.

КОТ-БАЮН. Безусловно. Он убьёт Кошю Бессмертного. Как?!

ОБОРОТЕНЬ. Я ломаю конец иглы. Я знаю, где Кошеева смерть.

КОТ-БАЮН. Не смешите меня, Оборотень. То, что вы знаете, я уже забыл. Вы думаете, почему я сижу здесь, в этой должности? Не знаете? Так я вам объясню. Когда-то, ещё до вас, я тоже разошёлся с Вла-

дыкой во мнениях. И что же сделал я? Я пришёл к тому дубу, открыл сундук, выпотрошил зайца, сделал то же самое с уткой, разбил яичко и достал иголку с Кошеевой смертью.

2-я КИКИМОРА. А?!

1-я КИКИМОРА. Ага!

КОТ-БАЮН. Разве я не хотел тогда его кончины? Но я сказал себе: «Кот-Баюн, подумай, что будет с тобой, если ты сломаешь эту иглу? Кошей умрёт, это да. Но ведь и всё его царство развееется в пыль, а значит, и тебя не будет...». Пришлось искать другое яйцо, другого зайца, другую утку и всё складывать обратно.

ОБОРОТЕНЬ. Смелости не хватило?

КОТ-БАЮН. Не называйте глупость смелостью. А разве не лучше иметь смелость размышлять над всеобщей несмелостью? Так подумал я тогда. Потом вернулся обратно и попросился сюда. Кошей, естественно, меня простил. Он себе иногда позволяет быть добрым... Теперь вот учу уму-разуму таких, как вы.

ОБОРОТЕНЬ. Сказки мне будешь рассказывать? Ты же сказочник.

КОТ-БАЮН. Кому теперь нужны мои сказки... У каждого свои заботы... Мой вам совет: спрячьте поглубже обиду, покайтесь, и вы проживёте ещё долго-долго.

ОБОРОТЕНЬ. Устроиться где-нибудь сторожем?

КОТ-БАЮН. А чем плохо?

ОБОРОТЕНЬ. Нет, так не пойдёт. Я вырвусь отсюда.

КОТ-БАЮН. Если так не пойдёт, то вырветесь отсюда уже через три дня. Обе казни приурочили к бракосочетанию.

ОБОРОТЕНЬ. Почему обе? Кто ещё?

КОТ-БАЮН. Оттуда. Пришёл выручать свою любимую. Но она...

ОБОРОТЕНЬ. Иванушка?

КОТ-БАЮН. Да, он.

ОБОРОТЕНЬ. Упрямый. Дошёл всё-таки...

КОТ-БАЮН. Стоило идти за тридевять земель в этот погреб?

ОБОРОТЕНЬ. Стоило. Теперь я знаю, кому я должен помочь, чтобы вырваться к людям. Я разорву твои оковы, Кошей Бессмертный.

КОТ-БАЮН. К людям захотелось? Странно.

2-я КИКИМОРА. Ты слышала?

1-я КИКИМОРА. Ага!

2-я КИКИМОРА. Надо доложить.

1-я КИКИМОРА. Что творится! Что творится!

2-я КИКИМОРА. Я побегу разыщу Бабу Ягу, а ты тут оставайся.

1-я КИКИМОРА. Я одна не останусь.

2-я КИКИМОРА. Ты что?

1-я КИКИМОРА. Страшно одной тут. Пристукнуть могут.

2-я КИКИМОРА. Сиди, тебе говорят. Слушай! (*Уходит*).

1-я КИКИМОРА (*сжалась в комок от ужаса*). А кто ты такая?

ОБОРОТЕНЬ. Где он сидит?

КОТ-БАЮН. Кошей? На троне.

ОБОРОТЕНЬ. Нет. Иванушка.

КОТ-БАЮН. Этот рядом. В соседней темнице.

ОБОРОТЕНЬ. Приведи его сюда.

КОТ-БАЮН. Как можно, Оборотень? Вы забыли, что вы уже не правая рука Кошечья? Так я вам напомню.

ОБОРОТЕНЬ. Трус.

КОТ-БАЮН. Мне нравятся эти разговоры, но поговорим лучше о Лукоморье. Вы знаете, это моя родина...

1-я КИКИМОРА. А кто ты такая?! (*Убеждает*).

ОБОРОТЕНЬ. Приведёшь Иванушку или нет?

КОТ-БАЮН. Без приказа Кошечья или его заместителя не могу.

ОБОРОТЕНЬ. Кто теперь его заместитель?

КОТ-БАЮН. Не знаю. Кому Кошечья передаст свой перстень, тот и будет. Кстати, о золотой цепи. Говорят, её украли... Это правда?

ОБОРОТЕНЬ. Вот он, перстень.

Кот-Баюн ошелбенел.

Теперь приведи его сюда.

КОТ-БАЮН. Забыли отобрать?

ОБОРОТЕНЬ. Не твоё дело. Веди Иванушку.

КОТ-БАЮН. Такому знаку я подчиняюсь. Но сначала я должен сообщить...

ОБОРОТЕНЬ. Ты должен занести случай в журнал чрезвычайных происшествий. А там без тебя разберутся.

КОТ-БАЮН. Не отрицаю. Только журнал иногда проверяют...

ОБОРОТЕНЬ. Исполняй.

КОТ-БАЮН. Не пожалеть бы вам потом. (*Уходит*).

ОБОРОТЕНЬ. Он ещё пожалует, что превратил меня в Оборотня.

КОТ-БАЮН (*появляется с Иванушкой*). Пожалуйста... Вам.

ОБОРОТЕНЬ. Теперь выйди отсюда.

КОТ-БАЮН. Всё будет записано.

ОБОРОТЕНЬ. Пиши, пиши.

КОТ-БАЮН (*выходит в караульное помещение, пишет*). «По предьявлении Оборотнем Перстня Власти»... Он думает, что напугал меня своим перстнем. Пусть. Если бы мне было больше всех надо, разве я писал бы сейчас в эту книгу, а не бежал через три ступеньки вверх к Владыке...

ОБОРОТЕНЬ. Хочешь, сделаю тебя счастливым?

ИВАНУШКА. Нет.

ОБОРОТЕНЬ. Зачем же ты шёл сюда?

ИВАНУШКА. Зря, значит, шёл.

ОБОРОТЕНЬ. Перестань. Ты же любишь Василису.

ИВАНУШКА. Люблю. Но она меня не любит.

ОБОРОТЕНЬ. Чепуха.

ИВАНУШКА. Она теперь Кошечья Бессмертного любит.

ОБОРОТЕНЬ. Не смейся. Такого молодца на старика променяла?

ИВАНУШКА. Печально.

КОТ-БАЮН (*пишет*). «Печально...» (*Отвлёкся*). Печально... Печальные своды уснувших дубрав... (*Размечтался*).

ОБОРОТЕНЬ. Не вешай носа. Она не виновата.

ИВАНУШКА. Конечно. Сердцу не прикажешь.

ОБОРОТЕНЬ. Да заколдовал её Кошечья! Понимаешь, за-кол-до-вал. ИВАНУШКА. Как заколдовал?

ОБОРОТЕНЬ. Очень просто. Пирог ей подсунил. Она его съела и забыла тебя. Надо снять с неё эти чары.

ИВАНУШКА. Как?

ОБОРОТЕНЬ. Если бы я знал — «как»!..

Узники задумались. Крадучись, заходит в подземелье к Коту-Баюну 2-я Кикимора. Тот не видит её.

КОТ-БАЮН (*сочиняет*). ...Немощный и старый в море чёлн дремал... Нет, не получается. Не то... В тишине и в иле мудрый чёлн дремал... Отвык я сочинять... (*Занел*).

Скучно. Скучно жить без сказки.

Сумрачно, как в келье.

Всё покрыто серой краской

В сером подземелье...

2-я Кикимора исчезает.

Пресекли и оградили,

Отыскали средство —

Сказки детям запретили,

Отбрали детство.

Тоскливо всем. Но что могу я сделать?

Так мало значит сторож у ворот.

Мне ничего уже не переделать.

Я не волшебник. Просто старый кот.

ОБОРОТЕНЬ. Одно знаю: расколдовать её можешь только ты.

ИВАНУШКА. Я за этим и пришёл.

ОБОРОТЕНЬ. Вот это другой разговор. А то — нос повесил.

ИВАНУШКА. Я за неё весь дворец переверну.

ОБОРОТЕНЬ. Я так и думал. Ты знаешь, чего хочешь. А я...

ИВАНУШКА. Послушай, а кто ты?

ОБОРОТЕНЬ. Я — Оборотень.

ИВАНУШКА. Оборотень — и вдруг хочешь мне помочь? Почему?

ОБОРОТЕНЬ. Долгая история. Я тоже когда-то был человеком... И хочу вернуться к людям... Ты верь мне.

ИВАНУШКА. Мы вернёмся к людям вместе. Хорошо? Вместе с Василисой.

ОБОРОТЕНЬ. Хорошо-то хорошо, только как нам её расколдовать?

КОТ-БАЮН. Ничего не получается... А когда-то, бывало... «В некотором царстве, в тридесатом государстве...».

Входит Баба-Яга.

Или ещё так: «Зачинается-починается хорошая сказка, добрая повесть, не от сивки, не от бурки, не от верного каурки...».

БАБА ЯГА. Встать!

ОБОРОТЕНЬ. Пропали...

ИВАНУШКА. Почему?

ОБОРОТЕНЬ. Не слышишь, Баба Яга пришла?

БАБА ЯГА (*Коту*). Так-то ты службу несёшь?

ИВАНУШКА. А чего нам её бояться?

ОБОРОТЕНЬ. Она шум поднимет. Прячься.

ИВАНУШКА. Чего прятаться-то? Да мы её сейчас...

ОБОРОТЕНЬ. Прошу тебя... Стань сюда. Быстрее.

ИВАНУШКА. Не понимаю... (*Но всё же прячется*).

БАБА ЯГА (*Коту*). Ну что, сердце в пятки ушло? Отвечай, что у тебя?

КОТ-БАЮН. Виноват...

БАБА ЯГА. Вижу, что виноват. Распустился. Опять сочиняешь? погоди, я вот Кошекю нашепчу на тебя, он...

КОТ-БАЮН. Не надо, Баба Яга.

БАБА ЯГА. Кому — Баба Яга, а кому — Ваше Целомудрие.

КОТ-БАЮН. Виноват, Ваше Целомудрие.

БАБА ЯГА. То-то же. Давай журнал! (*Читает.*) Сего числа...

КОТ-БАЮН. Не так...

БАБА ЯГА. Что не так?

КОТ-БАЮН. Вверх ногами.

БАБА ЯГА. Ты что, учить меня вздумал? Я учёней тебя в тыщу раз! Может, у меня сегодня боковое зрение. (*Читает*). Сего числа особых происшествий не замечено... Так?

КОТ-БАЮН. Тут... тут...

БАБА ЯГА. Что тут? Опять клякс много? Вижу. Чтоб больше этого не было.

КОТ-БАЮН. Баба Яга, тут...

БАБА ЯГА. Опять «Баба Яга»? Сколько тебя можно учить?! Говоришь, говоришь, а тебе — как об стенку горохом. Хоть кол на голове теши. Или тебя на кол посадить лучше? Хочешь на кол?

КОТ-БАЮН. Нет.

БАБА ЯГА. Смотри у меня... А то, говорят, ты тут с заключёнными мурлыкаешь. О чём?

КОТ-БАЮН. Донесли уже? Успели?

БАБА ЯГА. Я всё про тебя знаю. Ты у меня вот где! (*Показывает кулак.*) И не смей к Оборотною подходить. С ним уже всё ясно. Ясно?

КОТ-БАЮН. Ясно.

БАБА ЯГА. Ну, ладно... Я пошла... Нет, посмотрю сначала на Ивана-Дурака, сделаю себе приятное. (*Пошла к камере Иванушки*).

ОБОРОТЕНЬ. Ваше Целомудрие, у меня к вам просьба.

БАБА ЯГА (*подошла к камере Оборотня*). Чего тебе?

ОБОРОТЕНЬ. Воды мало дают. Распорядились бы, чтоб добавили.

БАБА ЯГА. Скажи спасибо и на этом.

ОБОРОТЕНЬ. Смилуйтесь.

БАБА ЯГА. Покайся, тогда хоть залейся этой водой. А то упёрся. Чего ты доказать хочешь? Через три дня повесят, и всё.

ОБОРОТЕНЬ. Я подумаю.

БАБА ЯГА. Засомневался?

ОБОРОТЕНЬ. Жить хочется.

БАБА ЯГА. Наконец! Я уж думала, ты ни-ни. Уж и не подхожу к тебе... Побегу, Владыку обрадую... Оборотень, слышь, ты скажи Кошекю, что это я тебя надоумила. Скажешь?

ОБОРОТЕНЬ. Скажу.

БАБА ЯГА. Ах ты, подземельный мой, мученик мой непримиримый. Пойду потешу Бессмертного. Значит, не забудешь меня?

ОБОРОТЕНЬ. Не забуду.

БАБА ЯГА. Хорошо-то как!.. Побегу. (*Исчезает*).

ОБОРОТЕНЬ (*Иванушке*). Вот так будет лучше. А теперь быстро в свою камеру.

ИВАНУШКА. А как же Василиса?

ОБОРОТЕНЬ. Придумаем что-нибудь. Потом.

ИВАНУШКА. Пойдём к ней. Сейчас пойдём.

ОБОРОТЕНЬ. Сейчас с тобой не пройди.

ИВАНУШКА. Почему? Я теперь...

ОБОРОТЕНЬ. Ночью к ней пойдём. Иди к себе.

ИВАНУШКА. Тут замок.

ОБОРОТЕНЬ. Кот-Баюн, отведи Иванушку на место.

Кот-Баюн возится с запором.

ИВАНУШКА (*Оборотню*). Как тебя зовут?

ОБОРОТЕНЬ. Я же тебе говорил. Оборотень.

ИВАНУШКА. Нет, как люди звали? В детстве?

ОБОРОТЕНЬ. Как звали?.. Не помню... (*Задумался*).

ИВАНУШКА (*Коту*). Что ты тут возишься?.. (*Вырывает из решётки железный прут, завязывает его узлом и протискивается в просвет решётки*).

КОТ-БАЮН. Что ты наделал?! Меня же за это... Я молчать не буду!..

ИВАНУШКА. Ладно, не шуми. (*Развязывает узел и вставляет прут на место*.) Вот и всё.

КОТ-БАЮН. Это же надо! И вот это вас через три дня повесят? У вас силы больше, чем у меня печали...

ОБОРОТЕНЬ. Видел молодца? Если такой осерчает...

КОТ-БАЮН. Моё дело, конечно, маленькое... (*Уводит Иванушку*).

ОБОРОТЕНЬ (*один*). Как звали?.. Не помню... Как же меня звали?.. Забыл...

Затемнение.

Картина седьмая

Дворец Кошекю. Перед дверью в покои Василисы стоят на страже Кикиморы. В покоях спит Василиса. Последняя ночь перед свадьбой.

1-я КИКИМОРА (*шёпотом*). Слышь, подружка...
 2-я КИКИМОРА. Что такое?
 1-я КИКИМОРА. Ножки затекли.
 2-я КИКИМОРА. Думаешь, у меня нет?
 1-я КИКИМОРА. Размяться бы.
 2-я КИКИМОРА. Стой, не разговаривай. А то знаешь, что будет?
 1-я КИКИМОРА. Знаю.

Появляются Оборотень и Иванушка.

ОБОРОТЕНЬ. Пришли. За этой дверью покои Василисы.
 ИВАНУШКА. Стража... Перебьём её?
 ОБОРОТЕНЬ. Тихо. Шум поднимешь. Посмотрим.
 1-я КИКИМОРА. Подруга!
 2-я КИКИМОРА. Ну?
 1-я КИКИМОРА. Можно, я почешусь?
 2-я КИКИМОРА. Нет.
 1-я КИКИМОРА. Мне очень хочется. Невмоготу.
 2-я КИКИМОРА. Ладно, почешись.
 1-я КИКИМОРА. А ты на меня не донесёшь?
 2-я КИКИМОРА. Не бойся.
 1-я КИКИМОРА. Обманешь?
 2-я КИКИМОРА. Как хочешь.
 ИВАНУШКА. Если внезапно напасть, они и слова сказать не успеют.

ОБОРОТЕНЬ. А что потом?
 ИВАНУШКА. Потом к Василисе.
 ОБОРОТЕНЬ. А вдруг её там нет?
 ИВАНУШКА. Что ж они тогда охраняют?
 ОБОРОТЕНЬ. Подождём ещё немного...
 ИВАНУШКА. Третью ночь ждём. Завтра уже свадьба.
 ОБОРОТЕНЬ. Тихо.
 1-я КИКИМОРА. Подруга!
 2-я КИКИМОРА. Что ещё?
 1-я КИКИМОРА. Давай порезвимся.
 2-я КИКИМОРА. Ты с ума сошла.
 1-я КИКИМОРА. Всё равно все спят.
 2-я КИКИМОРА. А Василису разбудим?
 1-я КИКИМОРА. Что ты? Пирог, чтоб Кошечка любила, она каждый день ест. Да ещё ей каждую ночь сонного зелья подсыпают. Тут хоть из пушки пали.
 2-я КИКИМОРА. А Леший проверить зайвится?
 1-я КИКИМОРА. Спит он сейчас без задних ног.
 ОБОРОТЕНЬ. Леший в карауле сегодня старший.
 2-я КИКИМОРА. Во что резвиться-то?
 1-я КИКИМОРА. Да хоть во что.
 2-я КИКИМОРА. В «шоры» если?
 1-я КИКИМОРА. Можно и в «шоры».
 2-я КИКИМОРА. Становись.

1-я становится спиной ко 2-й. Левую руку через правую подмышку подставляет для удара. Правой ладонью закрывает глаза.

1-я КИКИМОРА. Бей.

2-я бьёт.

Левой рукой ударила?
 2-я КИКИМОРА. Не угадала.
 1-я КИКИМОРА. Бей ещё.
 ОБОРОТЕНЬ. Я сейчас превращусь в Лешего, отвлеку их, а ты времени не теряй.

Небольшой взрыв – и Оборотень превращается в Лешего.

1-я КИКИМОРА. Левой?
 2-я КИКИМОРА. Угадала.

Кикиморы меняются местами.

Бей.
 1-я КИКИМОРА. Не торопись. Надо же удовольствие получить.
 (*Бьёт*).
 2-я КИКИМОРА. Левой.
 1-я КИКИМОРА. Правильно.

Меняются местами. Подходит Оборотень – Леший. Увидев его, 2-я Кикимора оцепенела. 1-я ничего не подозревает.

Ну, что же ты? Бей. (*Леший бьёт, 1-я Кикимора падает.*) Ой. Правой? (*Увидела Лешего.*) Ой, мамоньки!
 ЛЕШИЙ (*с ласковой угрозой*). В игрушки играем?
 1-я КИКИМОРА. Это всё она. Она меня втравила.
 2-я КИКИМОРА. Ах ты, пучеглазая! Сама меня втравила. Да я тебя!..
 ЛЕШИЙ. Прекратить.
 КИКИМОРЫ (*падают на колени*). Помилуй!
 1-я КИКИМОРА. Не выдай нас, батюшка.
 2-я КИКИМОРА. Сжался.
 ЛЕШИЙ. Встать! Смирно! Разучились службу нести, голубушки, разучились. (*Кричит.*) Может быть, вы и пароль забыли?
 КИКИМОРЫ. Никак нет: «Трясина».
 ЛЕШИЙ. Забыли. Так я и знал.
 1-я КИКИМОРА. «Тина»?
 2-я КИКИМОРА. «Болото»?
 ЛЕШИЙ. «Коряга».
 1-я КИКИМОРА. Да, да. «Коряга»... Кажется.
 ЛЕШИЙ. То-то. А теперь – разминка. Кругом! На месте вприпрыжку шагом марш! Раз, два, три, четыре. Раз, два, три...

Пока Кикиморы скачут, Иванушка пробирается к Василисе.

Раз! Раз! Раз, два, три! Раз! Раз! Раз, два, три!..

ИВАНУШКА. Василиса, проснись. Василиса, это я, Иванушка.

2-я КИКИМОРА. Так нас. Так.

1-я КИКИМОРА. Построже нас. Построже.

ЛЕШИЙ. По кругу вприпрыжку бегом марш! Раз, два, три, четыре!..
Раз, два, три!..

Кикиморы скачут по кругу.

ИВАНУШКА. Проснись, проснись, Василиса... *(Подходит к двери и знаками зовёт Оборотня).*

Василиса спит.

ЛЕШИЙ *(кикиморам)*. На месте стой. Раз, два... Вот так... А теперь марш на пост. Будет ещё хоть одно нарушение — берегитесь.

КИКИМОРЫ. Как можно?!

ЛЕШИЙ. Я пройду в покои, посмотрю, всё ли там в порядке. Если кто появится, не зная пароля, принимать самые строгие меры.

КИКИМОРЫ. Хоть кто?

ЛЕШИЙ. Разумеется, кроме Кощея.

КИКИМОРЫ. Рады стараться.

Леший входит в покои и опять превращается в Оборотня.

ИВАНУШКА. А если Кошей зайвится?

ОБОРОТЕНЬ. Что с Василисой?

ИВАНУШКА. Спит.

ОБОРОТЕНЬ. Верёвка у тебя?

ИВАНУШКА. Вот.

ОБОРОТЕНЬ. Решётки на окнах.

ИВАНУШКА. Решётки — ерунда. Как быть с Василисой?

ОБОРОТЕНЬ. Обвяжем верёвкой — и вниз.

ИВАНУШКА. Спящую нельзя. Она испугаться может, если вдруг проснётся.

ОБОРОТЕНЬ. Ничего с ней не случится.

Возле Кикимор появляется Баба Яга с фатой в руках, которую ей очень хочется примерить.

БАБА ЯГА. Мой час настал...

КИКИМОРЫ. Пароль!

БАБА ЯГА. Молодцы. Службу знаете. Пароль — «Трясина».

КИКИМОРЫ. Прочь отсюда!

ОБОРОТЕНЬ *(Иванушке)*. Тихо, Баба Яга!

БАБА ЯГА. Вы что, сердобольные, не признали меня?

КИКИМОРЫ. Пароль.

БАБА ЯГА. Я вас сейчас так отпарю!

2-я КИКИМОРА. Здесь ты нам не указ. Здесь — запретная зона.

1-я КИКИМОРА. И сюда — никому!

БАБА ЯГА. Ах вы, сыроежки, громом битые! Что ж это я с вами сейчас сотворю?.. Какую радость вам доставлю? Наголо вас подстричь? Или кипяточком на вас пожурчать?

1-я КИКИМОРА. Насмехаешься?

2-я КИКИМОРА. Зря.

БАБА ЯГА. Сейчас я вас буду...

КИКИМОРЫ. Ложись! *(И взмахнули секирами)*.

БАБА ЯГА *(легла)*. Что это с вами, зеленокудрые?

КИКИМОРЫ. Пугаешь нас?

БАБА ЯГА. Ни-ни.

КИКИМОРЫ. Мы тебя сейчас по всей строгости.

2-я КИКИМОРА. Встать!

Баба Яга вскакивает.

1-я КИКИМОРА. На месте вприпрыжку шагом марш! Раз, два, три, четыре!

2-я КИКИМОРА. Раз, два, три!

1-я КИКИМОРА. Раз, два, три, четыре!

2-я КИКИМОРА. Раз, два, три!

1-я КИКИМОРА. Выше! Выше! Раз, два, три!

2-я КИКИМОРА. Бегом по кругу вприпрыжку марш! Раз, два, три!..

БАБА ЯГА. Ох, суставчики поскрипывают. Ох, уходили. Ох, отплачу я...

1-я КИКИМОРА. Говори пароль!

БАБА ЯГА. «Мухоловка».

1-я КИКИМОРА. Нет.

2-я КИКИМОРА. Пошевеливайся, старая.

БАБА ЯГА. «Шишка».

2-я КИКИМОРА. Раз, два, три, четыре!.. Раз, два, три!..

БАБА ЯГА. «Кочерыжка»... «Суслик»?

1-я КИКИМОРА. Раз, два, три, четыре...

2-я КИКИМОРА. Раз, два, три...

БАБА ЯГА. Сгораю. *(Упала без сил)*.

1-я КИКИМОРА. Ой!..

2-я КИКИМОРА. Не померла бы...

1-я КИКИМОРА. Лешему надо доложить... Леший!.. *(Заглядывает в покои.)* Нет его... Ушёл...

2-я КИКИМОРА. Я боюсь, боюсь... Пойдём к Кощею...

1-я КИКИМОРА. Бежим доложим...

Кикиморы убегают.

ОБОРОТЕНЬ. Сейчас Кошей будет здесь.

ИВАНУШКА. Василиса! Милая, проснись.

ОБОРОТЕНЬ. Не время сейчас её будить. Можем не успеть. *(Разматывает верёвку)*.

ИВАНУШКА. Василиса, открой глаза.
ОБОРОТЕНЬ (*замечает пирог на столе*). Возьмём с собой и пирог. Неси её к окну.

ИВАНУШКА (*берёт Василису на руки*). Василиса, сбрось колдовские чары.

ОБОРОТЕНЬ. Постой. Сначала сорви решётку. Давай я её подержу.

Иванушка, передавая Василису Оборотню, целует её и идёт к окну. Василиса просыпается и видит Оборотня.

ВАСИЛИСА (*испуганно*). Кто это? (*Кричит.*) На помощь! Помогите!

Оборотень закрывает ей рот ладонью.

(*Вырывается.*) Помогите!

Оборотень затыкает ей рот пирогом, Василиса сразу засыпает.

ИВАНУШКА (*успев сорвать решётку*). Василиса! Проснулась? Что с ней?

ОБОРОТЕНЬ. Меня испугалась и опять...

ИВАНУШКА (*берёт Василису на руки*). Василиса, не бойся. Я здесь.

ОБОРОТЕНЬ. Почему она меня испугалась?

ИВАНУШКА. Это же я, твой Иванушка.

ОБОРОТЕНЬ. Сейчас здесь будет Кощей. Быстро вниз её. Сам следом за ней.

Пока Иванушка на верёвке опускает Василису, Оборотень хватает бездыханную Бабу Ягу.

Может быть, и успеем. (*Укладывает Бабу Ягу в кровать и накрывает с головой одеялом*).

ИВАНУШКА. Она уже на земле.

ОБОРОТЕНЬ. Спускайся сам.

ИВАНУШКА. А как же ты?

ОБОРОТЕНЬ. Обо мне не тревожься. Спускайся. Я пока здесь останусь. Следы замету. (*Отдаёт Иванушке упавший пирог.*) Возьми пирог. Дорога дальняя – пригодится.

ИВАНУШКА (*берёт пирог*). Где встретимся?

ОБОРОТЕНЬ. Иди всё время на восток. Выйдешь к морю и там у старого дуба жди меня. (*Смотрит ему вслед.*) Не могу вспомнить, как меня звали в детстве...

Иванушка пытается вылезти в окно. Затем, не сумев сдвинуть брошенную решётку, накрывает её ковром, закрывает ставни и подсакивает к двери. Но в это время раздался раскаты грома.

Не успел... (*Прячется под кроватью*).

КОЩЕЙ (*вырывается в покои*). Где?! Где?! Она где?!. Ф-ф-фу... На-

пугала меня. Спит. Калачиком свернулась. Одеальцем укуталась. С головкой укрылась. Замёрзла, лапушка? Или свет тебе мешает?..

Свет притемняется.

Пирожок весь съела, вкусенькая моя. Спи, спи, моя сытенная, спи, драгоценная. А я на полу у ножек твоих свернусь. Чтоб никто тебя не обидел. (*Ложится на пол*).

Два раза кричит сова.

ОБОРОТЕНЬ (*выбирается из-под кровати*). Два часа... (*На цыпочках выходит из покоев*.) Кажется, всё обошлось... Пора уходить... (*Исчезает*).

Ещё больше тускнеет свет, звучит обволакивающая мелодия... Сова кричит четыре раза... Чуть высветились покои. Кошей приподнимается. Беспечно похрапывает под одеялом Баба Яга.

КОЩЕЙ. Посапывает... Свистулька моя... Почивает...

Снова прикорнул Кошей, и снова звучит мелодия. Но вот уже брезжит рассвет. Медленно в покои вступает утро.

(*Встаёт.*) Утро... Наконец-то! Долгожданный день. Сегодня свадьба. (*Застенчиво прикасается к одеялу*.) Василиса... Кукареку... Пора вставать... Тук-тук-тук. Это я, Костик – птичий хвостик. Василиса, ты не задохнулась под одеальцем? (*Осторожно приоткрывает одеяльце*.) Хватит баиньки. (*Увидел Бабу Ягу*.) Что-о-о?!.

БАБА ЯГА (*застенчиво*). Мой час настал.

КОЩЕЙ. Где?! Почему?! Как?! Отвечай, собака!

БАБА ЯГА. Сгораю.

КОЩЕЙ. Где Василиса, говори?

БАБА ЯГА. Сначала пароль.

КОЩЕЙ. Где она?!

БАБА ЯГА. Фата?..

КОЩЕЙ. Где Василиса?!

БАБА ЯГА. Она недостойна вас.

КОЩЕЙ. Все сюда!

Вмиг покои наполняются Нечистью.

Найти немедленно! Или всех на медленном огне! Хоть со дна морского достать! Вр-р-рассыпную!!!

Затемнение.

Картина восьмая

На берегу моря стоит тысячетелный дуб. На нём меж ветвей висит ржавый сундук. Под дубом лежит Василиса. Она спит. Рядом с ней Иванушка. Поодаль сидит Оборотень.

ИВАНУШКА. Сколько можно спать, Василиса? Очнись, наконец, мы ведь так погибнуть можем, Кощей вот-вот появится.

ОБОРОТЕНЬ. Не просыпается...

ИВАНУШКА. Не знаю, что делать...

ОБОРОТЕНЬ. Есть одно средство.

ИВАНУШКА. Что же ты молчишь?

ОБОРОТЕНЬ. Надо уничтожить Кощея. Тогда его чары развеются, и Василиса опять будет всегда с тобой.

ИВАНУШКА. Кто же знает, где бродит смерть Кощея...

ОБОРОТЕНЬ (*показывает на сундук*). Вот она.

ИВАНУШКА. Не понимаю.

ОБОРОТЕНЬ. В этом сундуке — Кошеева смерть.

ИВАНУШКА. Что же ты раньше молчал?! (*Кидается к дубу*).

ОБОРОТЕНЬ. Постой, я не договорил.

ИВАНУШКА. Что ещё?

ОБОРОТЕНЬ. Вместе с Кошеем сгинет всё его царство и вся Нечисть, что жила здесь.

ИВАНУШКА. Вот и прекрасно.

ОБОРОТЕНЬ. Для кого?

ИВАНУШКА. Для всех.

ОБОРОТЕНЬ. Да. Наверное... Иди.

Иванушка идёт к дереву. Оборотень весь напрягся. Вот-вот он кинется на ничего не подозревающего Иванушку.

ОБОРОТЕНЬ. Стой!

ИВАНУШКА. Что?

ОБОРОТЕНЬ. Нет, нет... Ступай!

Иванушка снял сундук с дерева, хотел открыть его, но остановился и задумался.

ИВАНУШКА. Послушай... Послушай, а что будет с тобой?

ОБОРОТЕНЬ. Сгину. Я ведь тоже Нечисть.

ИВАНУШКА. Нет!.. (*Нерешительно*.) Да. Ты тоже можешь погибнуть... Ишь ведь как?.. Что же нам делать?

ОБОРОТЕНЬ. Не жалею меня, Иванушка, я заслужил...

ИВАНУШКА. Что ты?! Ты столько добра нам с Василисой сделал. Нет, нет... Я не могу.

ОБОРОТЕНЬ. Почему?

ИВАНУШКА. Ты же человек! Не Нечисть какая-нибудь.

ОБОРОТЕНЬ. Я — Оборотень. Я даже имени своего человеческого не помню...

ИВАНУШКА. Нет, надо искать другой выход... (*Берёт пирог, собирает его*.) Послушай, почему сегодня ночью Василиса проснулась у тебя на руках?

ОБОРОТЕНЬ. Когда?

ИВАНУШКА. Ну, когда закричала?

ОБОРОТЕНЬ. Не знаю. Она меня испугалась.

ИВАНУШКА. Но перед тем, как испугаться, она проснулась. То есть освободилась от чар заколдованного пирога... Надо вспомнить... Я взял её на руки... Ты сказал про решётку, я передал её тебе и пошёл к... Я её поцеловал!

ОБОРОТЕНЬ. Конечно! Как же я забыл?! По законам колдовства в поцелуе влюблённого волшебства не меньше, чем в заклинаниях Кощея...

Иванушка пытается откусить кусок пирога.

Не ешь его! Это тот самый пирог. (*Выбрасывает пирог*.) Ты её поцеловал, и она очнулась, а я её снова усыпил этим пирогом. Теперь всё понятно. Скорее целуй её.

ИВАНУШКА. Я не могу по приказу.

ОБОРОТЕНЬ. Скорее. Уходить надо. Того и гляди — налетят.

ИВАНУШКА. Отвернись. (*Целует Василису*).

Оборотень отворачивается. Василиса просыпается.

ВАСИЛИСА. Иванушка!

ИВАНУШКА. Василиса!.. Узнала! Ты меня узнала, Василиса?

ВАСИЛИСА. Я все три года о тебе думала. Как же мне не узнать тебя... Иванушка!

ИВАНУШКА. Василиса!

Появились на миг Кикиморы и скрылись. Оборотень заметил их.

ОБОРОТЕНЬ (*про себя*). Сейчас вся свора будет здесь. Не успели...

ВАСИЛИСА. Иванушка!

ИВАНУШКА. Василиса!

Василиса и Иванушка стоят, взявшись за руки... А по лесу крики:

«Здесь они! Здесь! Нашлись!».

Небольшой взрыв — и Оборотень исчезает.

«У дуба! У дуба! Попались!».

Но Иванушка и Василиса ничего не видят и не слышат.

ВАСИЛИСА. Я так ждала тебя, Иванушка. Боялась, что ты меня не найдёшь.

ИВАНУШКА. Разве я мог не найти тебя?..

ВАСИЛИСА. Как там у нас дома?
 ИВАНУШКА. Все ждут тебя. Соскучились
 ВАСИЛИСА. Берёзка жива?
 ИВАНУШКА. Жива, жива. Всё наклоняется к окошку, спрашивает: «Где ты?» Без тебя каждое утро плачет...
 ВАСИЛИСА. Ой, Иванушка, пойдём домой скорее.

Со всех сторон к влюблённым подкрадывается Нечисть. Разом кидаются они на них и связывают Василису и Иванушку.

ВАСИЛИСА. Что это?
 ИВАНУШКА. Не успели мы уйти...
 НЕЧИСТЬ. Попались! Больше не пошлите. Теперь вам конец.
 ВАСИЛИСА. Как же так, Иванушка? Только-только мы нашли друг друга – и опять...
 НЕЧИСТЬ. Кошей! Кошей летит!

Всё стихло.

КОЩЕЙ (*появляется*). Василиса!.. Развязать её. Только её одну.

Василису развязывают.

Целёхонька... А я уж перепугался.
 ВАСИЛИСА. Не прикасайся ко мне, мерзкий старикашка!
 КОЩЕЙ. Василиса! Сегодня день нашей свадьбы. Всё уже готово.
 ВАСИЛИСА. Какая свадьба? Мне и смотреть-то на тебя противно.
 КОЩЕЙ. Опомнись, Василиса!
 ВАСИЛИСА. Ничтожество!
 КОЩЕЙ. Я ведь могу рассердиться.
 ВАСИЛИСА. Ты больше ничего и не можешь.
 КОЩЕЙ. Я всё могу. Весь мир в моих руках.
 ВАСИЛИСА. Какой мир? Кучка вот этих уродцев, которые восторгаются тобой из страха да по глупости?
 БАБА ЯГА. Кто это глупый? Кто это глупый?
 ВАСИЛИСА. Да все вы. Чем ближе к Кошею, тем глупей.
 КОЩЕЙ. А я, значит, самый...
 ВАСИЛИСА. А ты самый-самый...
 КОЩЕЙ. Ты хочешь сказать, что знаешь кого-нибудь умнее меня?
 ВАСИЛИСА. Мудрец! Мозги-то у тебя от жестокости уже ссохлись. Не шевелятся давно.
 КОЩЕЙ. А у тебя ума, конечно, палата. Ну-ка, спроси у меня что-нибудь мудрёное.
 ВАСИЛИСА. Зачем мудрёное? Ты и самого простого не знаешь.
 КОЩЕЙ. Спроси.
 ВАСИЛИСА. Два плюс два, умножить на два. Сколько будет?
 КОЩЕЙ. Если отгадаю, сделаю с вами всё, что захочу?
 ВАСИЛИСА. А если не отгадаешь – отпустишь.
 КОЩЕЙ. Договорились. Итак?

ВАСИЛИСА. Два прибавить два, умножить на два.
 КОЩЕЙ. Восемь.
 НЕЧИСТЬ. Ура! (*Василисе.*) Ура?
 ВАСИЛИСА. Нет, не «ура». Не восемь, а шесть.
 КОЩЕЙ. Позвольте! Два плюс два – четыре, и четыре умножить на два – восемь.
 ВАСИЛИСА. Нет, это вы позвольте! Сначала нужно умножить. Два умножить на два – четыре, а потом сложить. Четыре плюс два – шесть. Сначала умножение, а потом сложение. Отпускай нас, мудрец. Ты слово дал.
 КОЩЕЙ. Отпускаю.
 ВАСИЛИСА. Развяжите Иванушку.
 КОЩЕЙ. Одну тебя отпускаю. А твоего Иванушку здесь сейчас же и сожгу.
 ВАСИЛИСА. Подлец! Негодяй!
 КОЩЕЙ. И горжусь этим.
 ИВАНУШКА. Уходи, Василиса. Уходи одна.
 ВАСИЛИСА. Не пойду я одна, Иванушка. Разве можно мне без тебя? Не было у нас счастливой жизни, так хоть умрём вместе.
 КОЩЕЙ (*Иванушке*). Может быть, ты уйдёшь? Одного кого-нибудь отпущу.
 ИВАНУШКА. Не мечтай. Не обрадую я тебя.
 КОЩЕЙ. Да куда ты денешься? Обрадуешь ведь. Тащите их во дворец. В змеиную яму.

Медленно со всех сторон приближается к людям Нечисть. Взрыв, и из сундука появляется Оборотень.

ОБОРОТЕНЬ. Остановись, старик!
 КОЩЕЙ. Скрутить его!
 ОБОРОТЕНЬ. Назад! (*Выватывает иглу.*) Вот она, твоя смерть, Кошей. Попробуй кто-нибудь подойти.

Нечисть заметалась.

КОЩЕЙ. Молчать!

Все замерли.

Чего ты хочешь?
 ОБОРОТЕНЬ. Я хочу, чтобы ты освободил Василису и Иванушку.
 КОЩЕЙ. Зачем? Какое тебе до них дело?
 ОБОРОТЕНЬ. Это не твоя забота.
 КОЩЕЙ. Ты забыл, что вместе со мной и сам погибнешь?
 ОБОРОТЕНЬ. Туда нам и дорога.
 НЕЧИСТЬ. Да он рехнулся! Связать его!
 ОБОРОТЕНЬ. Назад, или я сломаю иглу! Выбирай, Кошей! Или – или.
 КОЩЕЙ. Я не отпущу Василису.
 ОБОРОТЕНЬ. Тогда я ломаю.

КОШЕЙ. Ломай.
 НЕЧИСТЬ. Не надо!
 КОШЕЙ. Молчать! *(Оборотню.)* Я прощаю тебя. Ты можешь вернуться ко мне без последующего наказания. Отдай иглу.

ОБОРОТЕНЬ. Нет.
 КОШЕЙ. Ты снова будешь моей правой рукой.
 ОБОРОТЕНЬ. Ты боишься смерти, Кошей Бессмертный!
 КОШЕЙ. А ты? Ты сумасшедший, если тебе жизнь не нужна. Из-за каких-то двух смертных губить себя?!

ОБОРОТЕНЬ. Я тоже был когда-то смертным.
 КОШЕЙ. А я вдохнул в тебя бессмертие.
 ОБОРОТЕНЬ. Но вынул душу. Они вернули мне её.
 КОШЕЙ. Ты и без неё прекрасно обходился.
 ОБОРОТЕНЬ. Глупый старик. Что ты знаешь о человеческой душе? А они знают. Они не стали ломать иглу твоей смерти из-за меня. Они не захотели свободы взамен за мою ничтожную маленькую жизнь...

КОШЕЙ. Ну и дураки.
 ОБОРОТЕНЬ. Это ты дурак, а они... Я понял их. Я вспомнил своё имя...

БАБА ЯГА. Они же все трое не в себе!.. *(Бросается на Оборотню.)*
 ОБОРОТЕНЬ. Прощай, Иванушка! Прощай, Василиса! *(Ломает иглу.)*

Раскаты грома. Светопреставление. Всё исчезает. Возле дуба только Иванушка и Василиса.

ВАСИЛИСА. Иванушка!
 ИВАНУШКА. Василиса, мы свободны! Царство Кощея рухнуло.

Издали возникает музыка.

ВАСИЛИСА. Мы теперь всегда-всегда будем вместе.

Музыка уже совсем рядом. Вместе с музыкой ветерок принёс и положил к ногам Василисы жёлтый листок берёзы.

Ой, смотри, берёзка привет нам шлёт. Здравствуй, сестрица!
 ИВАНУШКА. Дома теперь осень.
 ВАСИЛИСА. Дома и зимой хорошо... Жалко только, Оборотень никогда не вернётся к своему дому.
 ИВАНУШКА. Да, жалко. Он столько сделал для нас, а сам...
 ОБОРОТЕНЬ. Не жалеете меня. Я здесь.
 ВАСИЛИСА. Ты где?
 ОБОРОТЕНЬ. За дубом.
 ВАСИЛИСА. Иди скорее сюда.
 ОБОРОТЕНЬ. Не могу... Одежда на мне Кошеева была. А всё Кошеево исчезло. И теперь я...
 ИВАНУШКА. В чём?
 ОБОРОТЕНЬ. Ни в чём.
 ИВАНУШКА. И как же ты теперь?

ОБОРОТЕНЬ. Не знаю...
 ИВАНУШКА. Постой, у меня в котомке вторая рубашка есть.
 ОБОРОТЕНЬ. Что же я, в одной рубашке буду?
 ИВАНУШКА. Она длинная. *(Бросает ему рубашку.)*

Оборотень выходит из-за дуба в рубашке до колен.

Живой!..
 ОБОРОТЕНЬ. Сам не знаю, как это получилось.
 ВАСИЛИСА. А помнишь, как ты хотел помочь мне? Ты говорил, что должен выручить кого-нибудь, чтобы не было над тобой власти Кощея.
 ИВАНУШКА. Ты помог нам и стал опять человеком.
 ОБОРОТЕНЬ. Я вспомнил своё имя! Меня в детстве звали... Фёдором.
 ВАСИЛИСА. Фёдор... Будешь нам названными братом.
 ИВАНУШКА. Пойдём теперь к людям, Фёдор.
 ФЁДОР. Ещё раз назовите меня по имени.
 ВАСИЛИСА. Федя, Феденька...
 ФЁДОР. Пошли отсюда.

И с песней они пошли к людям.

ВАСИЛИСА. Всё чудесно! Пойдёмте домой!
 ИВАНУШКА. Победили Кощея мы.
 ФЁДОР. Рисковали мы головой,
 Чтобы к людям вернуться людьми.
 ВСЕ. Если б всех научить уметь
 В каждый лёгкий и трудный миг
 Для людей ничего не жалеть,
 Даже жизнь отдавать за других, —
 Были б счастье и мир на земле,
 Мир прекрасных людей и вещей,
 Не томился б никто в кабале,
 Никогда не воскрес бы Кошей.

Занавес

1970 г.

НЕРЕКОМЕНДОВАНИЙ ЕКІПАЖ ВЕРБЕЦЯ

Для мене ці три слова, винесені у заголовок, сповнені особливого змісту. Кожне з них – то окрема закодована історія: печальна, велична, незбагненна.

Нерекомендований...

Екіпаж...

Вербеця...

Почну з першого. Увійшовши в наш український – і тільки український! – театральний побут десь в середині минулого століття, слово це набуло сумного, щоб не сказати – трагічного, поняття. Жоден народ світу, жодна країна не можуть похвалитися подібним унікальним явищем, котре позначалося б цим зловісним кодом-ярликом: **НЕРЕКОМЕНДОВАНИЙ**.

То є виключно наш, український, винахід, панове!

Розшифрую. Ярликом «нерекомендований» на наших-ненаших землях таврували особливо обдаровані, самобутні мистецькі твори, заборонені до друку чи публічного виконання. Розпочався цей єзуїтський процес з таврування художньо довершених, гостроактуальних драматичних творів, а відтак поступово поглинув усі без винятку сфери духовного життя України. І однією з найперших жертв державних єзуїтів, що лицемірно підмінили слово «заборонено», здавалося б, невинним, але не менш дійовим – «не рекомендовано», стала дивовижна п'єса Альберта Вербеця «Екіпаж «Летючого голландця» (1971 рік).

Готуючись до цих нотаток, я попросив Альберта написати кілька слів про себе, а заодно й пригадати страдницьке навколотеатральне «ходіння по муках» «Екіпажа...». Цитую у власному перекладі: «П'єса написана в 1971 році, на рік раніше знаменитої «Утиной охоты» О. Вампілова, яку називають першим викликом тодішній політичній системі. Подібних оцінок удостоювалася й моя п'єса. Мене навіть називали українським Вампіловим. На що я жартома відповідав, що точніше було б називати Вампілова російським Вербецем, позаяк моя п'єса написана трохи раніше. Сходилися на тому, що я український Достоевський – хвора совість наша». (*Як кажуть дотепники, у кожному жарті є доля жарту – Я.В.*) І далі: «Екіпаж «Летючого голландця» мав гарячих прихильників серед театральної молоді Ленінграда, Москви, Києва та інших театральних центрів країни. Я знаю, що п'єсу читали режисери Волчек, Валерій Фокін, Владимирів, Карагодський. Її давали читати Віктюку, коли він керував студентським театром Московського державного університету. Олег Єфремов пола-

яв свого учня за те, що той підсунув йому «жахливу чорнуху». Сергій Данченко у розмові зі мною шкодував, що нічого в п'єсі пом'якшити не вдасться, а ставити в такому вигляді – «хто ж дозволить?». Володимир Оглоблін, гарячий прибічник моєї творчості і мій наставник, в 1978 році запевняв, що «Екіпаж...» поставлять через 50 років. Минуло вже 32 роки... В 1989 році була спроба Анатолія Літка поставити п'єсу на Миколаївському телебаченні, але шось не заладилося. Художній керівник Ленінградського «Ленкома» Геннадій Опорков наприкінці сімдесятих зібрався було ставити «Екіпаж...» у своєму театрі, та, на жаль, помер. Мені казали, що у нього вдома, в кабінеті, на робочому столі, лежав примірник моєї п'єси з його режисерськими помітками. Може, й досі лежить...».

А в цей самий час на всіх театральних нарадах та конференціях найпопулярнішим було твердження: «Сучасна українська драматургія катастрофічно відстає від життя». Цю недолугу брехню чомусь особливо любили повторювати ті режисери, які знали про існування багатьох нерекомендованих гостроактуальних творів. Чи не тому зараз все частіше доводиться чути твердження про кризу української театральної режисури?..

Зі статті драматурга й прозаїка Володимира Сердюка (часопис «Art-line» №4 за 1998 р.):

«Екіпаж «Летючого голландця» – такими видаються мені драматурги минулих років, над якими постійно нависав дамоклів меч тотальної цензури. І назва цього матеріалу підказана одним із них, його п'єсою – згустком дивовижної енергії, так безжалісно перекресленої державою, театрами, режисурою, – а тепер вже й нами... Куди зникли люди з вітрильника? Які знання і досвід могли б вони нам передати? Адже хтось стояв за стерном, а хтось інший напинав вітрила, хтось покрикував на слабодухих, а ще хтось, вдаючи із себе мученика, насправді спідтишка писав доноси на колег... І це лише зараз палуба виглядає порожньою. «Перервався зв'язок часів»... корабель мчить, а нам – тим, хто не знає минулого, доводиться вигадувати майбутнє. Немає конкретних театрознавчих матеріалів, безслідно шезли рукописи заборонених, а то й «добровільно» перероблених п'єс... очевидці і співучасники процесу розповідають легенди, анекдоти, переказують напівзабуті плітки. А без минулого, панове, немає майбутнього – як би ретельно ми його не вигадували».

Жахливі були часи, скажете ви, невесело жилося нерекомендованим талантам. Але зате нині, в нашій незалежній українській державі... А як же, маємо неабиякий прогрес! Хіба що з однією незначною поправкою. Якщо в ті жахливі часи керівники театрів питали молодих авторів: «Літ (себто цензура) є?» – то зараз як початківці, так і маститі

драматурги України, приносячи в театр свою п'єсу, чують незмінне: «Спонсор (*себто гроші*) є?».

Але от що цікаво було б знати: яку таку суму баксів мусив би принести Альберт Вербець в один із наших провідних театрів, скажімо, у той же Київський Національний імені Івана Франка, щоб побачити, нарешті, свій «Екіпаж...» на сцені? Невже нам, будівничим нового суспільства (*якому на разі ще не знайшли відповідної назви*), нецікаво було б подивитися виставу про те, як багато років тому визривали перші паростки отого безіменного устрою, як сором'язливо прокльовувалися характери майбутніх українських, чи то пак, пострадянських найманих убивць, мільйонерів, олігархів, корумпованих урядовців ет седера? Невже й тепер комусь вигідно, щоб наша молодь, подібно до героїв «Екіпажа...», не вірила в існування Вищого Божого Суду, або, кажучи простіше, в розплату за найменші збочення й гріхи? А якщо нашим державним мужам руки не доходять до того, щоб навести елементарний лад у рідному мистецькому домі, то чи мають вони хоч якесь право займати свої посади й називатися державотворцями?.. Це лишень невеличкий перелік запитань, що виникають після знайомства з цією високохудожньою й надивовижу актуальною п'єсою ЕКІПАЖ.

Пишу це слово без лапок, бо, як і в заголовку, маю на увазі вже не конкретну назву твору, а те, що словник подає як «особовий склад, що обслуговує корабель, літак, танк». Мабуть, не буде великим перебільшенням назвати п'єси Вербеця тим «особовим складом», який, хоч і перебував досі у підпіллі, відтепер зможе вірою і правдою служити нашому духовному змузнінню. Які ж вони всі несподівані за своїми задумами, масштабною проблематикою і філософськими концепціями! Ніхто й ніколи не трактував земну трагедію Ісуса й Марії Магдалини у такому несподіваному і, якщо хочете, ризикованому ключі, як це зроблено в «Голгофі». Саркастична феєрія «Із ночі в ніч» ще добрих двадцять років тому запропонувала нам разюче порівняння двох однакових зол людства — комунізму й капіталізму. «Дорога з Чорного царства» (1969 р.), «Восьме чудо світу» (1978), «Дитячі ігри» (1983) вражають жанровою різнобарвністю і глибиною поставлених проблем. А фантазмагорія «Новосілля», написана в 1981 році, в наші дні стала цілком реалістичною, мало не побутовою комедією. Вчитайтеся в цю філософську тираду Володі, одного з персонажів п'єси: «Розумієш, суспільству необхідний лишень певний відсоток високоморальних індивідуумів. Звичайно ж, відсоток цей достатньо високий. Але ж у суспільстві, як і в дикій природі, поряд зі слабкими чи, як ви вважаєте, порядними, сумлінними тваринами, мають бути їхні антиподи, їхні кривдники — шакали, якщо хочете. Так би мовити, са-

нітари лісу, панацея від духовного ожиріння. (*Усміхається*). Для того, щоб підняти повсюдно високу духовність на потрібну висоту, допускається мізерний відсоток аморальних виродків, до яких, на превеликий жаль, маю нещастя належати і я».

Тоді, у 1981 році, автор, про всяк випадок, пом'якшує нахабний цинізм подібного одкровення отією маленькою ремаркою: «Усміхається». Мовляв, може, цей Володя і не такий вже пропачий тип, може, жартує хлопак. Та сьогодні ми з вами знаємо, що подібні «жартики» стали життєвим кредо вже не поодиноких ділків, а великої частини нашого суспільства, для якої всі інакомислячі — люди неповноцінні, або ж лохи.

Попри художньо довершені характери, яскраву мовну палітру, творчому доробку Вербеця властива ще одна рідкісна особливість: динамічний розвиток дії. Автор вибудовує інтригу своїх п'єс не за рахунок якихось дешевих авантюристичних прийомів, а шляхом правдивих, глибоко вмотивованих вчинків усіх без винятку дійових осіб — як головних, так і епізодичних, другорядних. Жодних проявів авторської сваволі, жодного нав'язування політичних, релігійних чи якихось інших тенденцій: герої творів живуть своїм глибинним життям, а драматург, як сторонній спостерігач, фіксує все чесно й об'єктивно. Знаючи делікатний, сказати б, ліричний характер Альберта, не можу не захоплюватися його терпінням і мужністю: чого вони тільки не витворяють, його персонажі, яких тільки слів не промовляють, а він нічого не пригладжує, не ретушує і думати навіть не сміє про парадний глянець. Отже — ВЕРБЕЦЬ.

Народився 18 березня 1943 року в селі Салтиково Пензенської області в учительській сім'ї. 1965 року закінчив театральне відділення Ростовського училища мистецтв. З 1975-го — актор Миколаївського російського драмтеатру ім. В.Чкалова. Перший серйозний творчий акт — драматична новела «Глибина».

З творчої автобіографії:

«Курйозний випадок трапився під час отримання військового квитка. Майор Колихалов, який заповнював мій квиток, спитав про мою робочу спеціальність. Я сказав: «Актор драматичного театру.» Так було написано в дипломі. Майор вирішив спростити й написав: «Актор-драматург», що стало «забойним приколом» у всіх компаніях, у всіх театрах, де я працював. В 1968 році я почав працювати в Мурманську, в театрі Північного флоту. До п'ятдесятиріччя комсомолу там вирішили поставити ювілейну виставу, що мала складатися з трьох драматичних новел. Про громадянську війну інсценували поему Б. Корнілова «Сіль», Вітчизняну війну представляв лєнінградський драматург Б. Голлер з одноактною п'єсою «Десант», а матеріалу про

подвиги комсомольців шістдесятих не було. Замовляли і лєнінградським, і московським драматургам... нічого не виходило. Хотіли вже обійтися двома новелами... І тут на одній з репетицій головний режисер згадав «прикол ростовського військомату». «Вербець, – каже, – ти ж актор-драматург – дерзай!». Я напружився. Вийшло. Новела називалася «Глибина». Мова там ішла про аварію реактора на атомному підводному човні. Офіцер, який може врятувати човен ціною свого життя, сорок хвилин бореться зі своїм другом «Я»: йти йому в реактор чи хай помре хтось інший, менш обдарований, не такий перспективний і тому подібне. Спектакль жив декілька років, дякуючи «Глибині». З ним ми об'їздили практично всі бази Північного флоту, поки начальник політуправління Флоту СРСР адмірал Гришанов не прикрив спектакль, мотивуючи це тим, що не може радянський офіцер сорок хвилин роздумувати – йти йому помирати чи не варто. Даремно я намагався щось мимрити про сценічний час, про долі секунди в реальності... Спектакль закрили».

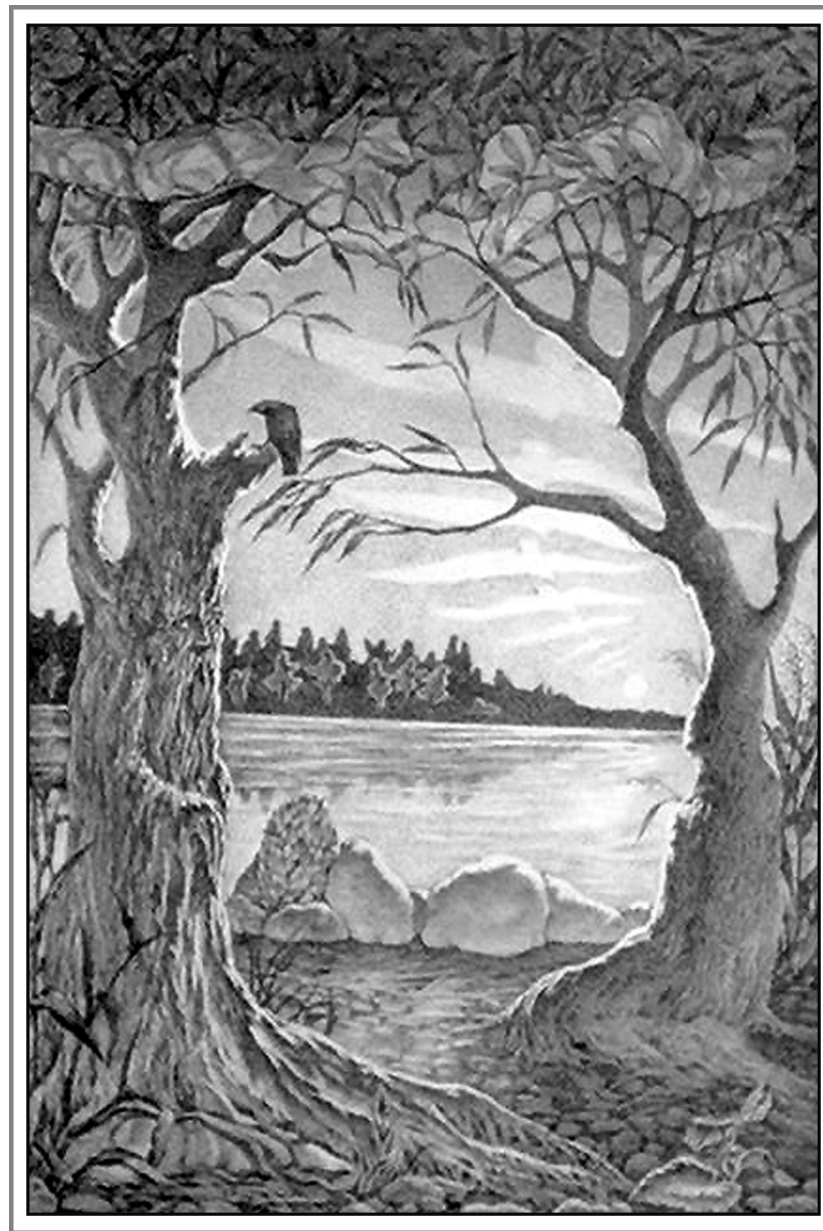
Наостанок.

Вже після того, як я дав згоду написати щось на кшталт вступного слова до цієї збірки, зателефонував Альберт і вразив мене абсолютно несподіваним проханням. Звучало воно приблизно так: «Слава, п'єси мої друкуються в оригіналі, тобто російською мовою. Але я хотів би, щоб твій матеріал був написаний українською. Тут, на Україні, до мене почали відноситися не як до молодого даровання дессидентського товку, а як до серйозного драматурга. Та й взагалі, і земля ця благодатна, і люди, і ви, мої друзі-соратники, так багато дали мені, стільки разів підтримували в складних ситуаціях...».

Пишу. Вибачай, колего, може щось не так, може слід було ґрунтовніше проаналізувати Твої п'єси, зробити якісь теоретичні узагальнення. Але подумалось: а навіщо віднімати хліб у науковців? Маємо зараз не лише в Україні, а й у Твоєму рідному Миколаєві молоду генерацію вчених, які немало пишуть про сучасну українську драматургію. І я не сумніваюся, друже Альберте, що про Тебе, про Твій творчий подвиг буде написано не одне ґрунтовне й захоплююче дослідження.

З виходом у Великий Світ, колего!

Ярослав Верещак
Жовтень. 2010 рік.

Альберт Вербец

Из ночи в ночь

Коректор: Христова Н.М.
Художник: Л.В. Николаева
Верстка: Сивак В.В.

Підп. до друку 01.06.2014. Формат 64x90/32. Папір офсет.
Гарн. Newton. Друк офсет. Ум. друк. один 1.75
Наклад 500 прим. Зам. № 17

Видавець Ірина Гудим
54030, м. Миколаїв, вул. Адміральська, 20
Тел. (0512) 37-37-18 (0512) 37-27-00
irina.gudym@gmail.com gydim.nikportal.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи МК № 3 від 14.05.2002